

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (60)

ОРЕЛ – 2014

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (60)

Редакционно-издательская коллегия:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии), Алексеев А.П., Арсентьева Н.Н., Аронова С.А., Видмарович Н.П., Гайдар В.А., Гелла Т.Н., Иванов А.Е., Исаева Н.И., Капустин А.Я., Ламан Н.А., Львова С.И., Маймескулова А.Л., Никифоров В.А., Оскотская Э.Р., Пастернак Е.Л., Пахарь Л.И., Пивень В.Ф., Погосян В.А., Т. Поншон, Савина Е.А., Самбетбаев А.А., Сискос Е., Софиадис Н., Суяркулов Ш.Р., Тамин М., Уман А.И., Чекова-Демитрова И., Челышева И.И., Ши Хуншен, Ямагучи Р.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»

Редакционно-издательская коллегия серии:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии), Александрова А.П., Антонова М.В., Арсентьева Н.Н., Видмарович Н.П., Зайченкова М.С., Изотов В.П., Литвин Ф.А., Маймескулова А.Л., Минаков С.Т., Михеичева Е.А., Новиков С.Н., Погосян В.А., Поншон Т., Ретинская Т.И., Савина Е.А., Серегина Т.В., Тамин М., Тер-Минасова С.Г., Тюрикова Г.Н., Чекова-Демитрова И., Ши Хуншен, Ямагучи Р.

Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет». – 2014. – №4(60). – 361 с.

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Ученые записки Орловского государственного университета» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям научных специальностей:

01.00.00 – физико-математические науки; 02.00.00 – химические науки; 03.00.00 – биологические науки; 06.00.00 – сельскохозяйственные науки; 07.00.00 – исторические науки; 08.00.00 – экономические науки; 09.00.00 – философские науки; 10.00.00 – филологические науки; 12.00.00 – юридические науки; 13.00.00 – педагогические науки; 14.00.00 – медицинские науки; 17.00.00 – искусствоведение; 19.00.00 – психологические науки; 25.00.00 – науки о земле.

Учредитель –

ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
Адрес редакции: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95
Орловский государственный университет
Редакция журнала «Ученые записки ОГУ»
E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

**SCIENTIFIC NOTES
OF OREL STATE UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

**Vol.4
No.60**

OREL – 2014

SCIENTIFIC NOTES

OF OREL STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

Vol.4 - No.60

Editorial board:

Avdeyev F.S. (scientific editor-in-chief), Puzankova E.N. (scientific deputy editor-in-chief), Dudina E.F. (scientific secretary of the editorial board), Alekseev A.P., Arsent'yeva N.N., Aronova S.A., Vidmarovich N.P., Gaydar V.A., Gella T.N., Ivanov A.E., Isayeva N. I., Kapustin A.Ya., Laman N.A., L'vova S.I., Maymeskulova A.L., Nikiforov V.A., Oskotskaya E.R., Pasternak E.L., Pakhar' L.I., Piven' V.F., Pogosyan V.A., Ponshon T., Savina E.A., Sambetbayev A.A., Siskos E., Sophiadis N., Suyarkulov Sh.P., Tamin M., Uman A.I., Chekova-Demitrova I., Chelysheva I.I., Shi Hunshen, Yamaguchi R.

Series «Humanities and social sciences»

Publishing board of the series:

Avdeyev F.S. (scientific editor-in-chief), Puzankova E.N. (scientific deputy editor-in-chief), Dudina E.F. (scientific secretary of the editorial board), Alexandrova A.P., Antonova M.V., Arsent'yeva N.N., Vidmarovich N.P., Zaychenkova M.S., Izotov V.P., Litvin F.A., Maymeskulova A.L., Minakov S.T., Mikheicheva E.A., Novikov S.N., Pogosyan V.A., Ponshon T., Retinskaya T.I., Savina E.A., Seregina T.V., Tamin M., Ter-Minasova S.G., Tyurikova G.N., Chekova-Demitrova I., Shi Hunshen, Yamaguchi R.

Scientific Notes of Orel State University. Series «Humanities and social sciences»: scientific journal. – Orel: FSBES HPE «Orel State University». – 2014. – №4(60) – 361 p.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science the journal “Scientific Notes of Orel State University” is included in the list of leading reviewed scientific journals and publications, in which the scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences in the following branches of scientific specialties should be published: 01.00.00 – physical and mathematical sciences; 02.00.00 – chemical sciences; 03.00.00 – biological sciences; 06.00.00 – agricultural sciences; 07.00.00 – historical sciences; 08.00.00 – economic sciences; 09.00.00 – philosophical sciences; 10.00.00 – philological sciences; 12.00.00 – science of law; 13.00.00 – pedagogical sciences; 14.00.00 – medical sciences; 17.00.00 – art criticism; 19.00.00 – psychological sciences; 25.00.00 – sciences about the earth.

The founder –

FSBES HPE “Orel State University”

Editorial Office address: 302026, Orel, Komsomolskaya St., 95

Orel State University

Editorial Office of the magazine “Scientific notes of OSU”

E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

ISSN 1998-2720

© Team of authors, 2014

© Orel State University, 2014

Содержание

07.00.00 – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.А. Бобков ВНЕШНИЙ ВИД И ОБМУНДИРОВАНИЕ РАБОТНИКОВ АРСЕНАЛОВ РОССИИ В ХУИИ-НАЧАЛЕ XX вв.	11
А.Б. Гуларян РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)	15
И.В. Колетчиков НОМЕНКЛАТУРА РК КПСС В МЕХАНИЗМЕ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛОМ ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ СЕРЕДИНЫ 1940-х – НАЧАЛА 1960-х гг.	22
А.И. Перельгин КРЫМ – КОЛЫБЕЛЬ ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ	31
С.А. Поляков МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСТРОЕНИЕ В 1-м ГВАРДЕЙСКОМ КОРПУСЕ В МЕЖРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД 1917 г.	34
С.С. Сорокоумов ЛЕВ ТРОЦКИЙ И ЕГО «БЮЛЛЕТЕНЬ ОППОЗИЦИИ» О ТУХАЧЕВСКОМ	37
Т.В. Ченская ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 1926-1932 ГГ. НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОГО ОКРУГА И ИСТОЧНИКИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОКРОТДЕЛА ОГПУ)	40

08.00.00 – ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.Д. Белик ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	45
И.Н. Горбова ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ	48
Е.А. Гришакова ТРАНСФОРМАЦИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ ПОД ДЕЙСТВИЕМ ЭКОНОМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КОНВЕРТАЦИЙ	51
Н.Н. Паламарчук КОНКУРЕНТНАЯ СРЕДА ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ЗЕРНА КУКУРУЗЫ В УКРАИНЕ	57
В.В. Печенкина, Е.Н. Караева, Ю.В. Томилина ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА НА ОСНОВЕ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КЛАСТЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	60
О.В. Самостроенко МАЛОБЮДЖЕТНЫЕ КОММУНИКАЦИИ ПРОДВИЖЕНИЯ БИЗНЕСА В РЕГИОНАХ	67

09.00.00 – ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Е.И. Аринин, А.К. Тихонов НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА*	73
Л.Ю. Вешнякова К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МЕТОДОЛОГИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ БУДДОЛОГИИ XX ВЕКА: СПЕЦИФИКА ПОДХОДОВ	77
Г.А. Геранина ЭКСКУРСИЯ КАК ФОРМА СОВРЕМЕННОГО РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ*	80
Г.Э. Говорухин, О.В. Дудченко ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО ОСВОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА ДРЕВНИМ СОЗНАНИЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭПОСА)	82
М.Г. Ерескин «ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ	89
А.Ю. Огородников ВОЗМОЖНОСТИ ЦЕННОСТНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ	91
А.В. Сахарова ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ КОММУНИКАТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: В ПОИСКАХ ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	95
А.А. Тащиан РИТМИКА КОНЕЧНОГО ДУХА В МЕТАФИЗИКЕ АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА	100
В.Н. Финогентов, Е.С. Кононова РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЙ КАК ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ	104
В.В. Яковлев ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ Т. ГОББСА И ДЖ. ЛОККА В СОВЕТСКОЙ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 70-Х – 80-Х гг. XX в.	111

10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.А. Алешина КЛАССИФИКАЦИЯ ГОЛОФРАСТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА L. WEISBERGER «THE DEVIL WEARS PRADA»)	115
Л.В. Алешина СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЕЗДА НОВООБРАЗОВАНИЙ-ДЕОНИМОВ В ИДИОСТИЛЕ Н.С. ЛЕСКОВА	118
И.А. Билибина ТЕМА ЛЮБВИ В РОМАНЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «АЛЕКСАНДР I» КАК ВЫРАЖЕНИЕ АВТОРСКОЙ КОНЦЕПЦИИ	122
Г.Н. Боева ТВОРЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ И. БУНИНА И Л. АНДРЕЕВА: РЕЦЕПТИВНЫЙ АСПЕКТ	125
А.Ю. Бушунов ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ КАК «ЧАСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК» И ЧЕРТЫ ДЕПРЕССИВНОГО РЕАЛИЗМА В ПОЭЗИИ АНДРЕЯ ВАСИЛЕВСКОГО	130
В.В. Вязовская БАРОН АЛЬТЕРЗОН: К ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. ЛЕСКОВА	135
А.А. Гольев О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВОТИПОЛОГИЧЕСКИХ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА Я. ГАШЕКА «ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА» НА РУССКИЙ, АНГЛИЙСКИЙ И ЭСТОНСКИЙ ЯЗЫКИ)	140
Д.Л. Гуревич РАННИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА БРАЗИЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	144

<i>А.Л. Дмитриевский</i> ЖАНРЫ ЖУРНАЛИСТИКИ	149
<i>Н.В. Илюточкина</i> РОМАН И.С. ТУРГЕНЕВА «РУДИН»: «АГАСФЕРОВСКИЙ КОМПЛЕКС» В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗА ДМИТРИЯ РУДИНА	159
<i>Е.М. Коньшев, Е.О. Дорофеева</i> ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПОСТИЖЕНИЕ НИГИЛИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТУРГЕНЕВА, ДОСТОЕВСКОГО И ЛЕСКОВА	164
<i>Л.В. Рыжкова-Гришина</i> «У НЕЕ ЕСТЬ СВОЯ ДУША...». М. Ю. ЛЕРМОНТОВ – ПОЭТ МОСКВЫ	168
<i>О.В. Семенова</i> ОСОБЕННОСТИ И ФУНКЦИИ ТРОПОВ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»	170
<i>А.С. Сергеев</i> ТВОРЧЕСТВО МАКСИМА ГОРЬКОГО В ОЦЕНКЕ «РУССКОГО ВЕСТНИКА» 1900-Х ГОДОВ	174
<i>Г.А. Сосунова</i> СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДЛОГОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ТАМОЖЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ)	178
<i>С.Н. Теплякова</i> «БОЖЬИ ЛЮДИ». РАННЯЯ ПРОЗА И.А.БУНИНА В «ОРЛОВСКОМ ВЕСТНИКЕ»	182
<i>Н.А. Трубицина</i> ФЕНОМЕН УСАДЬБЫ В ХУДОЖЕСТВЕННО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ МИХАИЛА ПРИШВИНА И ИВАНА БУНИНА	185
<i>С.С. Ценгер</i> СЕМАНТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ КОНТАКТЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫМИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ФОРМАНТАМИ)	190
<i>А.А. Чевтаев</i> ЭЛЕГИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА В «БАЛЛАДНОМ» НАРРАТИВЕ Н. ГУМИЛЕВА (О СТИХОТВОРЕНИИ «ОДЕРЖИМЫЙ»)	196
<i>М.А. Шинков</i> К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЖУРНАЛИСТИКСКИХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ	203
<i>И.В. Якушевич</i> КОГНИТИВНО-СЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СИМВОЛА «ДВЕРЬ»	206
<i>Рёко Ямагучи</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ СТАТУСА НЕВЕСТЫ В РУССКИХ СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ	211
12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>А.П. Александрова, Д.П. Александрова</i> АМЕРИКАНСКИЕ КОНВЕНТЫ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ	214
<i>С.В. Блатин</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ	219
<i>Я.Е. Бочаров</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И БРИТАНСКОГО НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СОЗДАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ НА ПРИМЕРЕ ФЗ «ОБ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ» И «ПРАВИЛ ОБ ЭЛЕКТРОННЫХ ПОДПИСЯХ 2002» В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА О ПРИЗНАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ ПОДПИСЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	224
<i>О.А. Васильева</i> ПРОБЛЕМА КОНЦЕССИЙ, РАЗГРАНИЧИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОС И СОВЕТСКО-ИРАНСКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В 20-Х ГГ. XX В.	227
<i>И.В. Герасимов</i> ФОРМИРОВАНИЕ У СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПРАКТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ПРАВОМЕРНОГО ПРИМЕНЕНИЯ БОЕВЫХ ПРИЕМОВ БОРЬБЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ	232
<i>А.А. Дембицкий</i> ПОНЯТИЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА: СУЩНОСТЬ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ	236
<i>Е.А. Маслакова</i> ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ БАНДИТИЗМА В СУДЕБНОЙ И СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ	239
<i>А.В. Меркулова</i> К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	243
<i>И.В. Ульянова</i> ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО ПОЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ	246
13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>А. Абуджрай</i> СОДЕРЖАНИЕ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПАЛЕСТИНЕ	251
<i>Е.Н. Алексеева</i> РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ БОЛОНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	255
<i>Г.В. Бакалдина</i> КОМПОЗИЦИЯ КАК УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО ДИЗАЙНЕРА	258
<i>М.В. Бертольд</i> ТРЕБОВАНИЯ К УЧЕБНОМУ ПОСОБИЮ ДЛЯ НАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ИЗ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СЕМЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ВНЕ РОССИИ	262
<i>С.А. Гудков</i> МЕТОДИКА УСКОРЕННОГО ОБУЧЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОМУ ПРОЕКТИРОВАНИЮ	266
<i>Г.И. Железковская, Н.В. Абрамова, Е.Н. Гудкова</i> МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТНЫМ РЕЧЕВЫМ ПОВЕДЕНИЕМ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	270
<i>Л.В. Иванова</i> ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ПРОЕКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ	273
<i>О.А. Каплун</i> СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОНЯТИЙ «ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ» И «ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ» И ИХ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКОВ	277
<i>Е.В. Мартынова</i> МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРОЕКТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ	280
<i>Т.Е. Мельник</i> РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	285

<i>А.М. Митяева</i> СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОЙ РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ В ВУЗЕ	290
<i>Е.А. Мишина, Л.М. Семенова</i> ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЕЙ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ	293
<i>Н.В. Потехина</i> ВЫБОР ПРОФЕССИИ КАК СМЫСЛОВАЯ ВЕРТИКАЛЬ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ	296
<i>И.Р. Рыбина, И.Ю. Попова</i> ПРОЕКТНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	299
<i>А.Г. Самохвалова</i> ВЛИЯНИЕ НЕФОРМАЛЬНЫХ СУБКУЛЬТУР НА ХАРАКТЕР ОБЩЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ	303
<i>М.В. Якушев</i> ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНИКА КАК ВИДА УЧЕБНОГО ИЗДАНИЯ	308
17.00.00 – ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	
<i>Н.В. Бутенко</i> ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО УРАЛА КАК КУЛЬТУРНОЕ СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	315
<i>О.И. Резникова</i> ТРАДИЦИИ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ЖИВОПИСИ КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ	319
<i>А.С. Хворостов</i> ПЕРВЫЙ ХУДОЖНИК-ПЕРЕДВИЖНИК	323
<i>С.М. Черникова</i> ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ ВЫШИВКИ «ОРЛОВСКИЙ СПИС» В ОБУЧЕНИИ И ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ	332
19.00.00 – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Н.Н. Глушач, С.Ю. Манухина</i> ТРУД КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ	334
<i>В.В. Гулякина</i> ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ	338
<i>Н.Г. Жарких, Н.В. Васина, С.С. Костыря</i> МОТИВАЦИЯ КАРЬЕРНОЙ ОРИЕНТАЦИИ	343
<i>О.А. Куприна, И.А. Корецкая</i> ДЕФОРМАЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	347
<i>С.Ю. Манухина, Н.Н. Глушач, Н.М. Манухина</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТРЕСС В ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СРЕДЕ	350
<i>Л.М. Семенова</i> ЛАБОРАТОРИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ: НАСТОЯЩЕЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ	355
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ	358
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ	359
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ	360

Contents

07.00.00 – HISTORICAL SCIENCES

<i>V.A. Bobkov</i> APPEARANCE AND REGIMENTALS OF WORKERS OF ARSENALS OF RUSSIA IN XVIII-THE BEGINNING OF XX OF CENTURIES.	11
<i>A.B. Gularyan</i> THE DEVELOPMENT OF SYSTEM OF CHARITY IN THE RUSSIAN EMPIRE (ON THE EXAMPLE OF THE OREL PROVINCE).	15
<i>I.V. Kometchikov</i> NOMENCLATURE OF THE DISTRICT COMMITTEE OF THE COMMUNISTIC PARTY OF THE SOVIET UNION IN THE MECHANISM OF A VILLAGE MANAGEMENT IN CENTRAL NECHERNOZEMYE IN THE MIDDLE OF THE 1940 ^S TILL THE BEGINNING OF THE 1960	22
<i>A.I. Pereygin</i> CRIMEA – A CRADLE OF ORTHODOX CHRISTIANITY IN RUSSIA.	31
<i>S.A. Poljakov</i> MORAL AND POLITICAL MOOD IN THE 1ST GUARDS CORPS IN INTERREVOLUTIONARY PERIOD 1917.	34
<i>S.S. Sorokoumov</i> LEV TROTSKY AND HIS “BULLETIN OF THE OPPOSITION” ABOUT TUKHACHEVSKY	37
<i>T.V. Chenskaya</i> THE PUBLIC MOOD OF THE SOVIET PEASANTRY IN THE RUSSIAN VILLAGE IN 1926-1932 YEARS. BASED ON ORLOVSKY DISTRICT AND THE SOURCES OF THEIR STUDY (ACCORDING TO THE DISTRICT DEPARTMENT OF THE OGPU)	40

08.00.00 – ECONOMIC SCIENCES

<i>V.D. Belik</i> THE FORMATION OF THE SOCIAL AND ECONOMIC MECHANISM OF MANAGEMENT EFFICIENCY BY THE PERSONNEL AT THE ENTERPRISES OF THE FOOD-PROCESSING INDUSTRY	45
<i>I.N. Gorbova</i> PLANNING FEATURES OF THE ADMINISTRATION SYSTEM IN THE PERIOD OF INSTABILITY	48
<i>E.A. Grishakova</i> TRANSFORMATION OF MUSICAL COMMUNICATIONS UNDER THE INFLUENCE OF ECONOMIC AND TECHNICAL CONVERSIONS	51
<i>N.N. Palamarchuk</i> COMPETITIVE ENVIRONMENT OF GRAIN CORN IN UKRAINE.	57
<i>V.V. Pechenkina, E.N. Karaeva, Y.V. Tomilina</i> IMPROVING THE COMPETITIVENESS OF THE REGION ON THE BASIS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF CLUSTERS (ON EXAMPLE OF OREL REGION)	60
<i>O.V. Samostroenko</i> LOW-BUDGET COMMUNICATIONS MARKETING BUSINESSREGIONAL.	67

09.00.00 – PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>E.I. Arinin, A.K. Tikhonov</i> SOME PROBLEMS OF INTERPRETATION OF RELIGIOSITY OF THE SOVIET PERIOD.	73
<i>L.Y. Veshnyakova</i> TOWARD A QUESTION ABOUT FEATURES OF METHODOLOGY RUSSIAN BUDDHOLOGY 20 TH CENTURES: SPECIFICITY APPROACHES	77
<i>G.A. Geranina</i> EXCURSION AS A FORM OF CONTEMPORARY RELIGIOUS EDUCATION.	80
<i>G.E. Govorukhin, O.V. Dudchenko</i> THE MAIN FEATURES OF COGNITIVE CONCEPTUALIZATION OF THE SPACE BY ANCIENT MIND (BASED ON THE EPIC STUDIES).	82
<i>M.G. Ereskin</i> «THE MAGAZINE OF THE MOSCOW PATRIARCHY» AS SOURCE THE ON THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH STORIES	89
<i>A.Yu. Ogorodnikov</i> CHARACTER OF INTERIORIZATION OF SOCIAL VALUES YOUTH IN RUSSIAN SOCIETY	91
<i>A.V. Sakharova</i> LANGUAGE PERSONALITY WITHIN THE COMMUNICATIVE REALITY SPACE: IN SEARCH OF A RESEARCH PARADIGM	95
<i>A.A. Tashchian</i> RHYTHMIC OF FINITE SPIRIT IN ST. AUGUSTINE’S METAPHYSICS	100
<i>V.N. Finogentov, E.S. Kononova</i> THE RATIONALIZATION OF WORLDVIEWS AS AN IMPERATIVE OF THE CONTEMPORARY ERA.	104
<i>V.V. Yakovlev</i> CHARACTERISTICS OF RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL VIEWS OF T. HOBBS AND J. LOCKE IN THE SOVIET SCIENTIFIC-EDUCATIONAL HISTORIOGRAPHY OF 70-ES – 80-ES OF THE XX CENTURY	111

10.00.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>A.A. Aleshina</i> THE CLASSIFICATION OF HOLOPHRASTIC CONSTRUCTIONS IN THE ENGLISH LANGUAGE (BASED ON THE NOVEL BY L. WEISBERGER «THE DEVIL WEARS PRADA»).	115
<i>L.V. Aleoshina</i> WORD-FORMATION OF NEOPLASM-DEONIMOV NEST AT IDIOSTILE N.S. LESKOV	118
<i>I.A. Bilibina</i> LOVE THEME AS A REPRESENTATION OF AUTHOR’S CONCEPTION IN D.S. MEREZHKOVSKY’S NOVEL “ALEXANDER THE FIRST”	122
<i>G.H. Boeva</i> ARTISTIC CONNECTIONS BETWEEN I. BUNIN AND L. ANDREEV: THE RECEPTION ASPECT	125
<i>A.Yu. Bushunov</i> LYRICAL CHARACTER AS A “PRIVATE PERSON” AND FEATURES OF DEPRESSIVE REALISM IN ANDREI VASILEVSKY’S POETRY	130
<i>V.V. Vyazovskaya</i> BARON ALTERZON: THE JEWISH QUESTION IN THE N. S. LESKOV’S WORKS	135
<i>A.A. Golyev</i> ABOUT SOME LINGVOTYPOLOGICAL AND LINGVOKULTOROLOGICAL ASPECTS OF OCCASIONAL LEXIS TRANSLATION (BY EXAMPLE OF TRANSLATION J. GAŠEK’S NOVEL THE GOOD SOLDIER ŠVEJK AND HIS FORTUNES IN THE WORLD WAR INTO RUSSIAN, ENGLISH AND ESTONIAN LANGUAGES)	140
<i>D.L. Gurevich</i> EARLY EVIDENCE OF BRAZILIAN LINGUISTIC IDENTITY	144

A.L. Dmitrovsky JOURNALISM GENRES	149
N.V. Ilyutchkina I.S. TURGENEV'S NOVEL «RUDIN»: «WANDERING JEW'S COMPLEX» IN THE CONTEXT OF DMITRIY RUDIN'S IMAGE	159
E.M. Konyshv, E.O. Dorofeeva ARTISTIC UNDERSTANDING OF THE NIHILISM IN THE WORKS BY TURGENEV, DOSTOYEVSKY AND LESKOV	164
L.V. Ryzhkova-Grishina «SHE HAS A SOUL...». M. LERMONTOV – POET OF MOSCOW	168
O.V. Semenova FEATURE AND FUNCTIONS OF TROPES IN A. PLATONOV'S «KOTLOVAN»	170
A.S. Sergeev CRITICISM OF MAXIM GORKY'S CREATIVITY IN «RUSSKIY VESTNIK» IN THE 1900S	174
G.A. Sosunova THE SEMANTIC AND STRUCTURAL CLASSIFICATION OF PHRASEOLOGICAL PREPOSITIONS (BASED ON PROFESSIONALLY ORIENTED CUSTOMS LITERATURE IN FRENCH)	178
S.N. Teplyakova "PEOPLE OF GOD". THE EARLY PROSE OF I.A. BUNIN IN "ORLOVSKY VESTNIK"	182
N.A. Trubitsina THE PHENOMENON OF THE ESTATE IN ART-AUTOBIOGRAPHICAL DISCOURSE OF MIKHAIL PRISHVIN AND IVAN BUNIN	185
S.S. Zenger SEMANTIC-MORPHOLOGICAL TYPE OF LANGUAGE INTERFERENCE IN FRENCH-RUSSIAN LANGUAGE CONTACT (FRENCH AND RUSSIAN NOUNS WITH INTERNATIONAL DERIVATIONAL AFFIXES)	190
A.A. Chevtaev ELEGIAC POETICS IN "BALLAD" NARRATIVE BY N. GUMILEV (ON THE POEM "THE POSSESSED")	196
M.A. Shinkov TO THE QUESTION OF DIFFERENTIATION OF JOURNALISTIC AND PUBLICISTIC GENRES	203
I.V. Yakushevich COGNITIVE SEMIOLOGICAL MODELING OF SYMBOL «THE DOOR»	206
Ryoko Yamaguchi TRANSFER OF THE BRIDAL STATUS IN THE RUSSIAN WEDDING CEREMONY	211
12.00.00 – SCIENCE OF LAW	
A.P. Alexandrova, D.P. Alexandrova THE U.S. CONVENTIONS DURING THE PRESIDENTIAL ELECTION	214
S.V. Blatin STATE SECURITY OF RUSSIAN FEDERATION: FORMATION AND CONTEMPORARY CONTENTS OF DEFINITION	219
Ya.E. Bocharov THE COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND BRITISH LEGAL REGULATION OF DIGITAL SIGNATURES USE AND CREATION BASED ON FEDERAL LAW «ON ELECTRONIC SIGNATURE» AND «THE ELECTRONIC SIGNATURES REGULATIONS 2002» IN CONTEXT OF FOREIGN DIGITAL SIGNATURES LEGAL RECOGNITION IN RUSSIA	224
O.A. Vasilyeva THE ISSUE OF CONCESSIONS, THE BOUNDARY QUESTION AND THE SOVIET-IRANIAN TRADE AND ECONOMIC RELATIONS IN THE 20-IES OF XX CENTURY	227
I.V. Gerasimov FORMATION AT POLICE OFFICERS PRACTICAL SKILLS OF LAWFUL APPLICATION OF FIGHTING TECHNIQUES STRUGGLE ON LESSONS FOR PHYSICAL PREPARATION	232
A.A. Dembitsky THE CONCEPT OF FUNCTIONS OF THE STATE: THE ESSENCE AND DEFINITION	236
E.A. Maslakova THE QUALIFICATION PROBLEM OF BANDITRY IN JUDICIAL AND INVESTIGATION PRACTICE	239
A.V. Merkulova TO THE QUESTION OF SUBJECTS OF ENTERPRISE LEGAL RELATIONS	243
I.V. Ulianova LEGAL AND INSTITUTIONAL TRANSFORMATION TOOLS LEGAL FIELD OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS	246
13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES	
Abdalla Abujray CONTENT OF TECHNOLOGY TEACHERS IN MODERN PALESTINE	251
E.N. Alexeeva DEVELOPMENT OF THE INTERNET TECHNOLOGIES' SYSTEM IN THE LIGHT OF IMPLEMENTATION OF THE BOULOGNE PROCESS AS A MEANS OF ENHANCEMENT OF QUALITY OF SKILL FORMATION IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM	255
G.V. Bakaldina COMPOSITION AS A SCHOOL SUBJECT IN SYSTEM THE PROFESSIONAL TRAINING OF A FUTURE DESIGNER	258
M.V. Berthold REQUIREMENTS FOR THE TEXTBOOKS FOR INITIAL TRAINING THE RUSSIAN LANGUAGE FOR PRESCHOOL CHILDREN FROM RUSSIAN-SPEAKING FAMILIES RESIDING ABROAD	262
S.A. Gudkov THE METHOD OF ACCELERATED LEARNING OF COMPUTER DESIGN	266
G.I. Zhelezovskaya, N.V. Abramova, E.N. Gudkova CONFLICT MANAGEMENT TECHNIQUES OF VERBAL BEHAVIOR OF PARTICIPANTS IN THE EDUCATIONAL PROCESS	270
L.V. Ivanova TECHNOLOGY OF DEVELOPMENT OF TEACHER'S PROJECT ACTIVITY	273
O.A. Kaplun COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF CONCEPTS "LINGUISTIC COMPETENCE" AND "LINGUAL COMPETENCE" AND THEIR STRUCTURAL COMPONENTS IN TEACHING OF RUSSIAN AND FOREIGN LANGUAGES	277
E.V. Martynova THE MODEL OF FORMATION OF SOCIO-DESIGN COMPETENCE OF FUTURE BACHELORS OF SOCIAL SPHERE	280
T.E. Mel'nik THE ROLE OF EDUCATION IN THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE SOCIETY	285

<i>A.M. Mitiaeva</i> THE SUBSTANTIAL ASPECTS OF INDIVIDUALIZED WORK WITH STUDENTS AT THE UNIVERSITY.....	290
<i>E.A. Mishina, L.M. Semenova</i> THE PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL SUPPORT OF FAMILIES,HAVING CHILDREN WITH DISABILITIES	293
<i>N.V. Potekhina</i> CHOICE OF PROFESSION AS A SEMANTIC VERTICAL IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION	296
<i>I.R. Rybina, I.Y. Popova</i> THE PROJECT TEACHING AS AN ELEMENT OF THE ORGANIZATION OF THE STUDYING ACTIVITY IN THE CONTEXT OF THE MODERN EDUCATION	299
<i>A.G. Samokhvalova</i> INFLUENCE OF INFORMAL SUBCULTURES ON THE CHARACTER OF COMMUNICATION MODERN TEENAGERS.....	303
<i>M.V. Jakushev</i> TYPOLOGICAL FEATURES OF THE TEXTBOOK AS A KIND OF EDUCATIONAL PUBLICATIONS.....	308
17.00.00 – ART CRITICISM	
<i>N.V. Butenko</i> ARTS AND CRAFTS AS A URAL CULTURAL MEANS OF ARTISTIC AND AESTHETIC DEVELOPMENT OF PRESCHOOL CHILDREN.....	315
<i>O.I. Reznikova</i> TRADITIONS OF REALIST SCHOOL OF PAINTING AS A CULTURAL HERITAGE OF RUSSIA	319
<i>A.S. Khvorostov</i> THE FIRST ARTIST-THE ITINERANT.....	323
<i>S.M. Chernikova</i> «ORLOVSKY SPIS». EMBROIDERY FOLK TRADITION IN THE TRAINING AND EDUCATION OF SCHOOLCHILDREN.....	332
19.00.00 – PSYCHOLOGICAL SCIENCES	
<i>N.N. Glushach, S.J. Manukhina</i> WORK AS A SOCIO-PSYCHOLOGICAL CATEGORY	334
<i>V.V. Gulyakina</i> PECULIARITIES OF STUDENTS' PERSONAL SELF-DETERMINATION	338
<i>N.G. Zharkih, N.V. Vasina, S.S. Kostira</i> MOTIVATION OF CAREER ORIENTATION	343
<i>O.A. Kuprina, I.A. KoreTsKaya</i> THE DEFORMATION IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY.....	347
<i>S.J. Manukhina, N.N. Glushach, N.M. Manukhina</i> PROFESSIONAL STRESS IN THE ORGANIZATIONAL ENVIRONMENT	350
<i>L.M. Semenova</i> THE LABORATORY OF PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL SUPPORT OF DEVELOPMENT OF CHILDREN WITH DISABILITIES: PRESENT AND PERSPECTIVES OF THE SCIENTIFIC SCHOOL.....	355

УДК 355.73

В.А. БОБКОВ

кандидат исторических наук, докторант, кафедра истории России, Орловский государственный университет
E-mail: vladimir.bobkoff-2009@yandex.ru

UDC 355.73

V.A. BOBKOV

Candidate of historical Sciences doctoral candidate, Department of history of Russia Orel State University
E-mail: vladimir.bobkoff-2009@yandex.ru

ВНЕШНИЙ ВИД И ОБМУНДИРОВАНИЕ РАБОТНИКОВ АРСЕНАЛОВ РОССИИ В XVIII-НАЧАЛЕ XX ВВ.

APPEARANCE AND REGIMENTALS OF WORKERS OF ARSENALS OF RUSSIA IN XVIII-THE BEGINNING OF XX OF CENTURIES

На основе ранее малоизвестных широкому научному сообществу или вообще не введенных в научный оборот исторических источников и новых изданий были реконструированы сюжеты, связанные с характеристикой внешнего вида и обмундирования работников арсеналов России в XVIII-начале XX вв.

Ключевые слова: армия, арсенал, артиллерия, война, обмундирование.

Based on the historical sources previously little known to the scientific community or never put into scientific use and on new editions, subjects connected with the characteristics of the appearance and clothing of workers in the arsenals of Russia in the XVIII - early XX centuries were reconstructed.

Keywords: army, Arsenal, artillery, war uniforms.

Существует многотомное издание и множество специальных публикаций, посвященных обмундированию военных людей в России [1. С. 232]. Подобные исследования в целом реконструируют образцы одежды и характеризуют общие принципы построения военного костюма. При этом одежде работников арсеналов России специального исследования посвящено не было. Это на фоне того, что одежда этой категории военнослужащих, отражая общие закономерности военного костюма рассматриваемого времени, имела и свои неповторимые черты. Как представляется, указанные отличительные черты обмундирования работников арсеналов России необходимо выявить, суммировать и охарактеризовать.

Подробные сведения о внешнем виде обмундирования пушкарей в допетровское время отсутствуют. Исследователи сходятся во мнении, что «кафтаны пушкарей по крою, вряд ли отличались от стрелецких или солдатских» [2. С. 8].

В допетровской России внешний вид работников арсеналов, да и в целом артиллеристов не был детально регламентирован. Исследователи указывают на вероятность появления у пушкарей единообразного платья только к концу XVII в. При этом существуют вещественные доказательства, что на одежде пушкарей присутствовали особые элементы, указывающие на их профессиональную принадлежность. Этими вещественными элементами, сохраненными до наших дней, являются металлические круги – аламы (зеркала).

Аламы крепили на груди и спине посредством ремней с пряжками. На аламах присутствовала государственная или артиллерийская символика. Так, одним из

самых известных символов, изображенным на аламах, была львиная морда с пушечным стволом в зубах.

Значительные изменения в обмундировании армии России были в период правления Петра I. Общей тенденцией для обмундирования стало тяготение к образцам одежды армий Европы. Одежда была проста и практична. Составной частью одежды был кафтан, под ним носили камзол, «исподнее платье доходило до подколенной подвязки, а обувью служили чулки, штиблеты и тупоносые башмаки» [3. С. 14].

Как известно, артиллерию относили к военному ведомству России, но она имела собственное руководство, возглавляемое достаточно независимым генерал-фельдцейхмейстером. Каждый генерал-фельдцейхмейстер стремился привнести в обмундирование собственный элемент подчас независимо от общей тенденции развития формы в армии в целом. Так, в соответствии с распоряжением генерал-фельдцейхмейстера графа Я.В. Брюса в конце 1710-х годов окончательно установили расцветку артиллерийского мундира: «нижние чины артиллерии имели следующий мундир: картуз красный с васильковой опушкой, епанча васильковая, кафтан красный с воротником и обшлагами васильковыми и пуговицами медными, камзол красный» [4. С. 21].

В 1726 г. артиллерию возглавил новый генерал-фельдцейхмейстер И.Я. Гинтер. В период службы Гинтера на этом посту в артиллерии создали новый подробный регламент военного мундира, неизменным оставили цветовое исполнение формы. Не стала исключением из общего правила и деятельность следующего генерал-фельдцейхмейстера Б.Х. Миниха, который

в августе 1730 г. для артиллерийских офицеров ввел шейные знаки с изображением герба в центре. Герб представлял собой изображение со знаменами артиллерийского полка – пушка на лафете с сидящим на ней двуглавым орлом.

Россия следовала за тенденциями развития мундира в Европе, где мундир еще с начала XVIII в. подчеркивал принадлежность к тому или иному роду войск. Так, в Европе в 1720 г. каждый из родов войск получил свой «цвет мундира: артиллерия – красный, кавалерия васьковский (ярко-синий), а пехота – темно-зеленый» [5. С. 6].

Не только боевые, но и рабочие военнослужащие получили строго установленную форму одежды. Мастера от строевых офицеров отличались тем, что носили кафтан без воротника. Особым отличием были карманы, которых у мастера было больше. Во время работы карманы можно было использовать для ношения мелких инструментов. Сражение не входило в род занятий военных мастеров, а значит, не полагалось им и оружие. Столяры, кузнецы, плотники и т.д. в своей основе имели форму одежды аналогичную мастеру. Отличия состояли в цветовом исполнении и отдельных деталях одежды и аксессуаров.

Помимо армейских офицеров и мастеровой команды для перевозки материалов и готовой материальной части артиллерии при арсеналах России были необходимы и чины артиллерийского фурштата.

Фурштатские артиллерийские чины были представлены погонщиками, фурлейтами, унтер-фурмейстерами – унтер-офицерского, и фурмейстер – офицерского чина. Эти служители носили верхнюю одежду: первые три серую, последний синюю, и все имели черные галстуки, замшевые или лосиные перчатки с штюльпами и тупоносые сапоги до колен с небольшими клапанами.

В 1808 г. были учреждены подвижные арсеналы. В августе 1808 г. определили форму одежды офицеров и нижних чинов подвижных арсеналов. В результате все мундирные, амуничные и оружейные вещи были аналогичны обмундированию офицеров и нижних чинов местных (непременных) арсеналов, отличие состояло в пуговицах и галунах, которые были желтые.

22 ноября 1808 г. генералитет, штаб и обер-офицеры гарнизонной артиллерии вместо погон приписали носить эполеты. Эту норму распространили и на работников арсеналов военного ведомства России. Внешний вид эполетов должен был соответствовать образцу, установленному для полевой артиллерии.

В 1811 г. нижние чины гарнизонной артиллерии получили новые фуражные шапки из темно-зеленого сукна с черным околышем по крою шапок. Подобные фуражные шапки уже существовали повсеместно в полевой артиллерии, в грендерских и прочих полках армейской пехоты. Эти преобразования привели к изменениям внешнего вида головных уборов непременных и подвижных арсеналов России.

Работники непременных арсеналов имели выпушку вокруг шапки. Помимо этого на шапке присутствовали желтые буквы обозначающие

первую букву в названии арсенала, в котором состоял работник (С.-Петербургского – П, Московского – М, Брянского – Б, Киевского – К). Как видно из материалов книги «Историческое описание одежды и вооружения российских войск», с одной стороны присутствует знак для Московского арсенала (М), а с другой стороны отсутствует знак для Казанского арсенала (К). Этот факт легко объяснить, так как норма, утвердившая образец головного убора работников арсеналов, появилась в 1811 г., когда Московский арсенал еще не был уничтожен армией Наполеона, а Казанский арсенал был учрежден только в 1812 г., то есть за один год до введения в действие указанных правил.

Шапки работников подвижных арсеналов отличались от непременных только тем, что выпушка наверху вокруг шапки была желтая.

В 1820 г. последовали значительные изменения в обмундировании чинов гарнизонной артиллерии, а соответственно и работников арсеналов России. В итоге работников местных (непременных) арсеналов переодели в однобортный темно-зеленый сюртук с красной выпушкой, панталоны были темно-зеленые, погоны желтые, фуражная шапка темно-зеленая с черным околышем, козырьком, красною выпушкой и желтыми заглавными литерами, пуговицы были белые.

Работников подвижных арсеналов переодели в однобортный темно-зеленый мундир с красной выпушкой, панталоны темно-зеленые, погоны были желтые, кивера оставили прежней формы, а пуговицы желтые.

В 1826 г. в гарнизонной артиллерии вместо двубортного мундира установлен однобортный, по-прежнему с красной выпушкой и белыми пуговицами и даны темно-зеленые длинные панталоны с красной в боковых швах выпушкой.

В 1828 г. в гарнизонной артиллерии меняют исполнение головного убора, что привело к трансформации кивера и у работников арсеналов. Кивера приобрели новую форму, аналогичную головным уборам, введенным в пехотных войсках. Для работников арсеналов кивера приобрели свои специфические детали. Так, у работников местных и подвижных арсеналов кивера были с медной чешуей и такой же арматурой, как в гарнизонных артиллерии ротах, но только желтой.

В 1846 г. последовали изменения в касках работников арсеналов, на которых была гренада об одном огне и с двумя под нею крестообразно сложенными пушками.

При строгой регламентации обмундирования военнослужащих продолжали присутствовать «вольности, нарушения правил ношения военной формы одежды» [6. С. 19].

Соблюдение правил, затрагивающих содержание и ношение обмундирования, а также иных подобных предписаний, отслеживали. Функции контроля были возложены на инспектора арсеналов России. Инспектор ежегодно осматривал арсеналы, в том числе проводил смотр личного состава. В середине XIX в. после проведения очередного ежегодного инспектирования Санкт-Петербургского, Киевского и Брянского арсеналов в отчете было отмечено: «все нижние чины, быв-

шие на смотру, имели одежду, построенную согласно утвержденной формы и сбережения хорошего» [7. Ф. 3. Оп. 109. Д. 913. Л. 5.].

В начале царствования Александра III ввели новое обмундирование всех войск, которое практически не меняли весь период его правления до 1894 г. В конце XIX в. – начале XX в. работники управленческого звена арсеналов были представлены офицерами-артиллеристами, имевшими обмундирование, сообразное своим званиям, и специфические для арсеналов аксессуары (жетоны и т.п.), и вольнонаемными работниками, составлявшими основную рабочую массу. На одежду вольнонаемных работников арсеналов военного ведомства руководители предприятий оказывали меньшее влияние. Как первоначально, так и в последующем определенное количество вольнонаемных работников нанимали на небольшой промежуток времени. Соответственно повлиять на единообразие форменной одежды этой категории рабочих было достаточно сложно. Другая категория постоянных работников имела общие черты в одежде, напоминающие одежду пролетария.

Русско-японская и Первая мировая войны вызвали существенные изменения в обмундировании войск. Работники арсеналов России лишь отчасти почувствовали перемены в одежде. Так, в начале Первой мировой войны арсеналы усилили и направили для работу на них солдат, обмундирование которых соответствовало требованиям времени.

Во второй половине XIX-начале XX вв. в армии России получили распространение разнообразные жетоны и знаки. Вообще жетоны существовали не только в России, но и других странах, при этом их распространение в других странах было минимально. Все это дало основание исследователю А.Н. Иванову назвать ношение подарочных жетонов «исконно русской традицией» [8. С. 6].

Работники арсеналов России, как часть военнораспорядительных государственных учреждений, имели возможность получать подобные почетные предметы для повседневного и парадного ношения.

8 ноября 1889 г. был утвержден один из самых известных в артиллерии России жетон «В память 500-летия русской артиллерии». Право ношения жетона предоставляли всем артиллерийским чинам. Жетон приобретали на собственные средства и носили при часах на цепочке. Наверх сюртука или мундира его не выпускали. Жетон представлял собой золотой диск, через который проходили два скрещенных орудия: бронзовая пищаль 1485 г. и стальная пушка.

На лицевой стороне в центре круглого черного эмалевого щита с красным кантом по окружности был герб Москвы, над ним буквы: «ДИ — АИИ». Буквы обозначали: Дмитрий Иванович – Александр III, а слева и справа были расположены юбилейные даты: «1389–1889». Под щитом по окружности в две строки присутствовала надпись: «500-летіе русской артиллеріи». На оборотной стороне все поле диска занимает изображение нагрудного знака русских пушкарей – алама (львиная голова,

державшая в зубах древнюю пищаль). Знак был «увенчан императорской короной с кольцом» [9. С. 78].

В настоящее время несколько подобных жетонов находятся на хранении в музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге.

17 января 1906 г. был утвержден знак «В память 50-летнего юбилея великого князя Михаила Николаевича в должности генерал-фельдцейхмейстера». Право ношения указанного знака предоставляли всем офицерам артиллерии и классным чинам артиллерийского ведомства, которые состояли на службе с 25 января 1856 г.

23 марта 1914 г. в память 200-летнего юбилея Санкт-Петербургского арсенала был утвержден «Знак Санкт-Петербургского арсенала». Знак был представлен золотым венком, состоящим из лавровой и дубовой ветвей, ветви были перевязаны золотой лентой. В венке присутствовала символика, связанная с арсенальными работами. Это были серебряные оксидированные шестерня, клещи, молоток, а на них наложены перекрещенные бронзовый и стальной стволы пушек. Посредине стволов соединенные вензеля Петра I (серебряный) и Николая II (золотой). Над венком присутствовал серебряный оксидированный орел под золотой короной с ниспадающей красной лентой с юбилейными датами: «1714–1914». На груди орла была цифра «200». Высота 44 мм; ширина 32 мм, 42 мм (по крыльям орла) [9. С. 77].

Собственную символику, представленную почетными знаками, имели и учебные заведения, готовившие кадры для артиллерии и арсеналов России. Так, свои знаки имели: Михайловская артиллерийская академия (знак утвержден 14 июня 1866 г.), Константиновское артиллерийское училище (знак утвержден 23 декабря 1906 г.), офицерская артиллерийская школа (знак утвержден 8 апреля 1909 г.) и Михайловское артиллерийское училище (знак утвержден 7 марта 1911 г.).

Военное обмундирование, знаки и жетоны были не просто предметами для ношения, но были видимыми связями, иллюстрировали нерушимое единство корпорации артиллеристов. Ярким свидетельством этого внутреннего единства в группе артиллеристов являются памятные кольца Михайловского и Константиновского артиллерийских училищ.

Во-первых, показательно, что инициатива их создания исходила не от ветеранов артиллерийской службы, а от лиц, недавно избравших эту профессию.

Во-вторых, появление памятных колец произошло в годы революционных потрясений, уже после расформирования училищ. Группа офицеров-артиллеристов образовала организацию с символическим знаком в виде кольца. Форма кольца для офицеров Михайловского училища была утверждена в виде широкого обручального кольца, в которое вделан черный эмалевый круг с вензелем училища: буквой «М» с короной и накладным шитьем воротника мундира. На внутренней стороне кольца были обозначены №№ по порядку, чин и фамилия.

Библиографический список

1. *Малышев В.Н.* Общие принципы построения военного костюма XVIII–XIX вв. // Сб. исслед. и мат. ов. ВИМАИВ и ВС. Вып. VIII. СПб. 2006. Роберто Паласиос-Фернандес. Московские пушкари // Цейхгауз. Российский военно-исторический журнал. М. №6 (1/1997).
2. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 2. СПб. 1899.
3. *Летин С.* Русский военный мундир XVIII в. М. 1996.
4. *Голыженков И.* Европейский солдат за 300 лет (1618-1918). М. 2002.
5. *Глинка В.М.* Русский военный костюм XVIII-начала XX вв. Ленинград. 1988.
6. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.
7. *Иванов А.Н.* Жетоны Российской империи. М. 2004.
8. *Шевелева Е.Н.* Нагрудные знаки русской армии. СПб. 1997.

References

1. *Malyshev V. N.* General principles of military costume XVIII-XIX centuries // A collection of studies and materials. Artillery-museum. Edition YRoberto Palacios - Fernandez. Moscow gunners // Tseikhgauz. Russian Military-History magazine. M. № 6 (1/1997).
  2. Historical description of the clothing and weapons of Russian troops. Part 2. St. Petersburg. 1899.
  3. *Letin S.* Russian military uniform of the XVIII century. Moscow, 1996.
  4. *Golyzhenkov I.* European soldiers for 300 years (1618-1918). Moscow, 2002.
  5. *Glinka V.M.* Russian military costume XVIII - early XX centuries, Leningrad. 1988.
  6. Archive Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps.
  7. *Ivanov A.N.* Badges of the Russian Empire. Moscow, 2004.
  8. *Sheveleva E.N.* Badges Russian army. St. Petersburg. 1997.
-
-

А.Б. ГУЛАРЯН

кандидат исторических наук, доцент, кафедра фило-
софии и истории, Орловский государственный аграр-
ный университет
E-mail: gugachohan@mail.ru

A.B. GULARYAN

Candidate of historical sciences, associate professor;
Department of philosophy and history, Orel State Agrarian
University
E-mail: gugachohan@mail.ru

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

**THE DEVELOPMENT OF SYSTEM OF CHARITY IN THE RUSSIAN EMPIRE
(ON THE EXAMPLE OF THE OREL PROVINCE)**

*Благотворительные общества были первыми самостоятельными общественными организациями, разре-
шенными к созданию в царской России. К началу революции они представляли собой довольно разветвленную
систему обществ, разделяющихся по видам осуществляемой благотворительности. В статье делается по-
пытка классификации благотворительных обществ.*

Ключевые слова: благотворительность, развитие системы, самостоятельные общественные организации,
«нормальные» уставы.

*Charities organizations were the first amateur public organizations allowed to be created in Tsarist Russia. By the
beginning of the revolution, they were a fairly extensive system of society and sharing undertaken by type of charity. This
article is an attempt to classify charities.*

Keywords: charity, development of the system, independent public organizations, “normal” ordinances.

Формирование системы некоммерческих обще-
ственных организаций началось с развития благотво-
рительности. Именно «частные» благотворительные
общества стали первыми самостоятельными обществен-
ными организациями, создание которых было офици-
ально разрешено российским подданным Екатериной
II в 1775 г. Однако, несмотря на вышеупомянутый ека-
терининский указ, почти сто последующих лет обще-
ственные организации в империи легитимизировались
исключительно по рескриптам императоров, вслед-
ствие чего их численность была ничтожной. Лишь во
второй четверти XIX века, несмотря на жесткие юри-
дические ограничения, число официально созданных
частных благотворительных обществ начинает расти.
Скоро благотворительные общества стали самыми рас-
пространенными и самыми многочисленными (после
вольных пожарных обществ и пожарных дружин) само-
стоятельными общественными организациями. Они раз-
делялись по видам благотворительной деятельности,
которой занимались. То есть возникла целая система
благотворительности, способная выступать самостоя-
тельным объектом исследования.

Устав учреждаемой самостоятельной обществен-
ной организации составлялся первоначально самими
членами учредителями и после согласования и редак-
тирования в Министерстве внутренних дел утверждал-
ся императором или министром. Но в конце XIX века
из-за большого наплыва заявок на регистрацию новых
обществ были разработаны примерные уставы россий-
ской благотворительности: «Устав общественного при-

зрения в России» (1892 г.) [26, Л.1, 8.], «Нормальный
устав общества вспомоществования нуждающимся
учащимся» (1894 г.), «Устав попечительского общества
о доме трудолюбия» (1897 г.) [29, Л.7.], «Примерный
устав пособия бедным» [18], «Примерный устав бла-
готворительного общества» (Циркуляр МВД №5398,
1898 г.) [28, Л.7.].

Типовая структура устава была изложена К.Г. фон-
Плато в составленных им «Общих указаниях для соста-
вителей уставов»: «Каждый устав должен начинаться
указанием цели учреждения общества и способов до-
стижения этой цели. Далее перечисляются средства,
которыми общество предполагает покрывать свои рас-
ходы, указывается состав общества, обязанности и
права членов, порядок управления его делами и отчет-
ности, и, наконец, приводятся постановления на случай
закрытия общества и ликвидации его дел» [4].

Так, на территории Орловской губернии, до ре-
волюции включавшей в себя не только современную
Орловскую, но и Брянскую, а также часть Липецкой
областей, к началу 1917 года насчитывалось девяносто
официально зарегистрированных благотворительных
организаций. Разумеется, они существовали в разное
время с середины XIX до начала XX века, и некоторые
из них уже завершили свою деятельность, когда дру-
гие только открывались; некоторые были «мертворож-
денными» организациями, то есть числились, но не
занимались реальным делом. Тем не менее, общее число
благотворительных обществ на территории одной адми-
нистративной единицы Империи поражает воображение.

Разумеется, такое огромное число организаций занимались различными видами благотворительной деятельности, а зачастую имели конкретные объекты приложения этой деятельности.

Законодательство Российской империи относило к числу благотворительных обществ следующие организации: просветительно-благотворительные общества; приходские благотворительные общества (православные и иноверческие); благотворительные общества известных сословий и профессий; общества врачебно-благотворительного характера и общины сестер милосердия; благотворительные общества при больницах; участковые попечительства; благотворительные общества инородцев и иностранцев; благотворительные общества, оказывающие помощь исключительно детям; общества трезвости, чайных-столовых, дешевых и бесплатных квартир, школьных дач, ночлежных домов; общества взаимного вспоможения; общества вспоможения учащимся; вспомогательные и похоронные кассы; благотворительные общества, не преследующие какого-либо одного вида благотворительности [31, Л.2.]. Подобная классификация громоздка и некорректна (например, общества взаимного вспоможения – это уже примитивные профсоюзы, а похоронные кассы – это экономические, а не общественные организации).

Проведя собственную, встречную типологизацию выявленных самодеятельных общественных организаций, автор статьи пришел к следующей классификации организаций социальной направленности на территории Орловской губернии: организации, занимающиеся «общими» вопросами благотворительности и призрения (то есть ведущие комплексную работу на определенной территории); церковные благотворительные общества; организации, осуществляющие помощь инвалидам; организации, занимающиеся детской благотворительностью; учебной благотворительностью; благотворительные организации национальных меньшинств, иностранцев и беженцев; военная благотворительность и помощь в условиях военных действий. Несколько особняком стоят попечительства о домах трудолюбия и пеницитарные благотворительные учреждения, не терявшие характерный для самодержавного строя «частно-государственный» характер [2, С.210.].

Благотворительные общества представляли собой организации, ведущие комплексную благотворительную работу на своей территории; в каждом уездном городе существовала подобная организация, а в Орле, Брянске и Ельце существовало по несколько организаций одновременно. Старейшим из них является Орловское благотворительное общество, утвержденное министром внутренних дел П.А. Валуевым 18 января 1866 г. и «открывшее действия» 18 февраля того же года [24, Л.1.]. Членами общества были состоятельные граждане г.Орла. Механизм предоставления помощи был довольно патриархальным: нуждающийся в помощи обращался к члену общества, на участке которого он проживал. Член общества собирал сведения об этом человеке и обращался в Совет общества, который определял характер и размер пособия [24, Л. 4-5об.].

Благотворительность была одной из немногих сфер общественной жизни, в которой традиционное российское общество допускало гендерную инициативу. Женщины играли важную роль в деятельности благотворительных общественных организаций, а в некоторых уставах благотворительных обществ название руководящей должности было прямо поставлено в женский род – «председательница».

Первой председателем Орловского благотворительного общества стала С.А. Шеншина (жена предводителя дворянства). Ее сменила Ю.С. Боборыкина (жена губернатора). В 1893 г. председателем общества была Е.И. Неклюдова (жена губернатора), почетными членами – С.А. Шеншина и Л.Я. Новицкая. Постепенно сложилась практика, по которой председателем общества становилась жена очередного орловского губернатора, а ее заместительницей – жена губернского предводителя дворянства.

Согласно хронологическому порядку, после губернского Орла были созданы: два благотворительных общества в Ельце – Благотворительное общество для добывания средств к увеличению нравственного и материального состояния бедных (1867 г.) и Попечительный комитет Елецких мужских приюта и богадельни (1868 г.), Болховское (февраль 1881 г.) и Кромское (сентябрь 1881 г.) благотворительные общества. Интересно отметить, что в крупном промышленном центре – Брянске благотворительные общества стали возникать в 90-е гг. XIX в., как и в других уездных городах губернии.

Духовное сословие имело отдельную систему благотворительности. Автор статьи считает необходимым подчеркнуть, что здесь имеется в виду не приходская благотворительность по терминологии законодательства Российской империи (эту благотворительность можно провести по разделу «общей», или комплексной благотворительности), а «благотворительные общества известных сословий и профессий», ибо занимались они призрением престарелых или впавших в нужду священнослужителей¹.

Таковы были Попечительство о бедных духовного звания (1860 г.) [5, С. 49.], Орловский попечительский совет приюта девиц духовного звания [22], Комитет об улучшении быта духовенства (1869 г.) [7, С. 39.; 8, С. 35.].

В попечительский совет о бедных духовного звания входили священники орловских церквей: П.Ф. Полидоров, Н.И. Переверзев, П.А. Коринский, З.Г. Георгиевский, П.М. Малишевский И.Я. Афанасьев, А.Н. Казанский, А.А. Осипов. Секретарем попечительского совета стал светский чиновник, коллежский секретарь В.А. Фениксов. С 1876 г. председателем попечительства по должности становится архиерей – епископ Орловский и Севский, последовательно: преосвященный Ювеналий (в миру Г.И. Каюров) (1876-

¹ Как не покажется странным, аналогичных обществ «известных сословий» для дворянства не выявлено. Основанный М.А. Стаховичем Дворянский приют-пансион для престарелых дворян является учреждением при Орловском депутатском собрании, а не самодеятельной общественной организацией.

1882 г.), преосвященный Мисаил (в миру М.И. Крылов) (1889-1896 г.), преосвященный Митрофан (в миру М.П. Невский) (1896-1899 г.) и последующие архиереи. Членами попечительства были также орловский губернатор, вице-губернатор, председатель губернской земской управы и другие высшие губернские чиновники [6, С.47.; 7, С. 35.; 9, С. 36-37.; 10, С. 54.; 11, С.39.; 14, С.67.; 15, С.77.; 17, С.92.].

В противоположность двум предыдущим системам благотворительности, благотворительность в пользу инвалидов и неизлечимо больных институализировалась в Орловской губернии довольно поздно, уже в XX веке. Это можно объяснить тем, что призрение инвалидов могли осуществлять территориальные благотворительные общества в рамках своей комплексной работы. Косвенным подтверждением подобного умозаключения может служить то, что подобные общества не стали явлением массовым. На всю Орловскую губернию насчитывались три подобные организации: Орловское отделение Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых (1898 г.) [12, С.55.], Благотворительное общество призрения бесприютных неизлечимых больных (1902 г.) [17, С.92.], Малоархангельское общество покровительства неспособным к труду и бесприютным неизлечимо больным (1907 г.) [25, Л.5.].

Более развитой оказалась система детской благотворительности. Она включала в себя семь существовавших в разное время самостоятельных общественных организаций. Большинство этих обществ и комитетов занимались надзором и обеспечением детских приютов на востоке и западе губернии: в Ельце – в крупном купеческом и дворянском городе, быстро превратившемся в крупный железнодорожный узел, в Ливнах, Трубчевске и Карачеве – старинных русских городах с зажиточным купечеством. Это прежде всего Попечительский комитет Дома призрения дочерей бедных мещан г. Ельца, устав которого был подписан императором Александром II 9 августа 1868 г., Попечительский комитет Дома призрения мещанских мальчиков г. Ельца, устав которого был подписан министром внутренних дел А.Е. Тимашевым 23 января 1870 г. [30, Л.39.], Попечительское общество о детском для девочек Доме трудолюбия в Ельце (1897 г.) [30, Л.40.], Попечительский комитет Дома призрения дочерей бедных граждан г. Ливен (1896), Краснослободское сельское попечительство детских приютов Трубчевского уезда (1906 г.), Трубчевское попечительство приюта для сирот ведомства учреждения императрицы Марии (1909 г.).

Отдельно следует рассмотреть Карачевское отделение Романовского комитета, состоящее под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством [16, С.267.]. Дело в том, что Романовский комитет для призрения сирот сельского состояния, состоящий под Высочайшим ЕИВ покровительством, был «частно-государственным» благотворительным учреждением, созданным по высочайшему указу от 21 февраля 1913 г. «в ознаменование трехсотлетия со дня всенародного избрания на царство первого государя

из Дома Романовых». Председатель и члены Комитета были назначены императором [19, С.1236.]. Само по себе наличие Карачевского отделения этой организации странно, ибо Романовский комитет сконцентрировал свою деятельность в пределах Петроградской губернии. Следует предположить, что в данном случае существование организации определялось личными связями карачевских земцев с членами Романовского комитета.

К слову, Елецкие дома призрения для девочек и мальчиков также были «частно-государственными» благотворительными учреждениями, ибо были созданы и патронируемы Елецким «обществом», то есть городским самоуправлением, на общих основаниях для благотворительных заведений. Но управлялись приюты особыми попечительными комитетами, избираемыми городским обществом на три года. Эти комитеты полностью отвечают определению общественной организации: добровольность участия, некоммерческий характер и автономность от городской власти. В обязанности комитетов входили прием сирот и наблюдение за воспитанниками [36, Л.46-48, 60-62.].

В отличие от вышеперечисленных Попечительское общество о детском для девочек Доме трудолюбия в Ельце являлось полноценной самостоятельной общественной организацией. Председательницей общества была О.И. Стахович (жена елецкого предводителя дворянства А.А. Стаховича), её заместителем – В.Н. Бахтиярова, в члены правления входили: А.Д. Черникина, П.Я. Бахтеяров (Пётр, от земства), П.Я. Бахтеяров (Павел, от 1-го благотворительного участка), И.Г. Добродеев (заведующий экономической частью), Н.А. Ростовцев (секретарь), А.А. Стахович (казначей). Звание почетного члена общества приняли на себя преосвященный Никанор (в миру Н.Т. Каменский), епископ Орловский и Севский, и орловский губернатор А.Н. Трубников. Всего к 1900 году в действительных членах общества было 146 физических лиц и одно юридическое – Елецкое земство [33, Л.108-110 об.].

В Орле и крупных уездных городах детские приюты находились под попечением не общественных организаций, а учреждений Министерства внутренних дел и учреждений Ведомства императрицы Марии.

Если благотворительность в пользу инвалидов и детская благотворительность отпочковались от «общей» (комплексной) благотворительности, то учебную благотворительность можно рассматривать как вполне самостоятельное явление. Благотворительность в пользу бедных учащихся явно и недвусмысленно выделялась отдельно от общей благотворительности и самим законодателем, и сложившейся общественной практикой. В конце XIX века практически каждое учебное заведение начального и среднего образования в Орловской губернии уже патронировалось соответствующим благотворительным обществом. Это, кстати, опровергает мнение о какой-то особой консервативности и даже ретроградности царской России: система образования была предметом внимания и особой заботы российского общества. Так, общее количество благотворительных обществ вспомоществования учащимся

в Орловской губернии составляет 34 организации.

Первой подобной организацией стал Орловский попечительный совет училища детей канцелярских служащих, существовавший ориентировочно с 1843 по 1849 гг. (последний вошел в историю как год страшного пожара в Орле).

Второй – Благотворительное братство при Орловской Иоанно-Богословской семинарской церкви (Иоанно-Богословское попечительство при семинарии). Устав утвержден Святейшим Синодом 13 октября 1865 г., общество «открыло действия» 5 декабря 1865 г., прекратило деятельность в 1917 г. Инициаторами создания выступили: архимандрит Палладий, ректор Орловской семинарии, протоирей Александр Богданов, ректор 1-го Орловского училища, и орловские помещики Казаринов и Лизаревский. Уставные цели и задачи: посильными и добровольными пожертвованиями содействовать «благоустроению» Орловской семинарии и подведомственных духовных училищ, заботиться о малоимущих учащихся духовной семинарии.

Далее в Орле были последовательно открыты: Общество вспомоществования бедным ученикам Орловского Александровского реального училища (1876 г.), Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Орловской Николаевской женской гимназии (1880) и Общество вспомоществования Орловской классической гимназии (Общество вспомоществования беднейшим ученикам Орловской классической гимназии) (1881 г.).

Устав Общества вспомоществования бедным ученикам Орловского Александровского реального училища был утвержден министром внутренних дел А.Е. Тимашевым 27 мая 1876 г.; общество «открыло действия» в конце 1876 г. [23, Л.2.; 30, Л.39.]; в 1890 г. фактически прекратило свою деятельность и существовало чисто номинально [33, Л.92, 97.].

Устав Общества вспомоществования нуждающимся ученицам Орловской Николаевской женской гимназии был утвержден товарищем (заместителем) министра внутренних дел Кохановым 14 июня 1880 г. [23, Л.2.], (по другим данным – заместителем министра И.Н. Дурново 26 января 1882 г.) [30, Л.39.]; общество «открыло действия» с 24 апреля 1882 г., прекратило деятельность в 1917 г. Затруднение заключается в том, что в двух разных документах приводятся две различные даты подписания устава. Разобраться, какая из них правильная, не представляется возможным. Председательницей Попечительского совета общества стала княгиня Сонцова-Засекина [23, Л.2, 29.].

Общество вспомоществования беднейшим ученикам Орловской классической гимназии было учреждено 25 января 1881 г. Дата окончания деятельности пока неизвестна [23, Л.2, 30.].

После Орла общества вспомоществования нуждающимся учащимся стали создаваться в уездных городах, прежде всего в Брянске и Ельце. Это Общество вспомоществования учащимся Брянского городского училища и Общество вспомоществования беднейшим учащимся Елецкой мужской гимназии.

Собрание учредителей Общества вспомоществования учащимся Брянского городского училища (35 жителей г. Брянска) состоялось в начале 1880 г., устав утвержден товарищем министра внутренних дел статс-секретарём Кохановым 27 сентября 1880 г. [23, Л.1-2, 17.], прекратило деятельность с 1883 г. «за не поступлением ни одного членского взноса и никаких других доходов» [23, Л.17.], официально закрыто 25 марта 1889 г. Общество возобновило работу 29 сентября 1897 г., после того, как было избрано правление. Дата окончания деятельности неизвестна.

Устав Общества вспомоществования беднейшим учащимся Елецкой мужской гимназии был утвержден 7 декабря 1882 г. [23, Л.1.], общество «открыло действия» с 18 февраля 1883 г. [23, Л.2.]. Прекратило деятельность в 1917 г.

Основная же масса организаций учебной благотворительности создавалась в 90-е годы XIX века, во время так называемого общественного подъёма. Даже шесть низших начальных училищ города Трубчевска в 1898 г. получили своё благотворительное общество [27, Л.13.]. Но большинство обществ помощи ученикам существовали в Орле – 11 организаций, Брянске – 5 организаций и Ельце – 4 организации. Утверждение в 1894 г. упомянутого выше «нормального» устава обществ вспомоществования учащихся ускорило процесс формирования системы учебной благотворительности.

Благотворительные организации создавали также выходцы из Западной Европы, национальные меньшинства самой России и инославные конфессии. В Орловской губернии были созданы и действовали: Благотворительное общество при Римско-Католическом костеле в г. Орле (1897 г.) [30, Л.40, 43-44.], Французское благотворительное общество в Орле (1898 г.) [28, Л.1-7, 11-12.], Дамское общество пособия бедным Орловского евангелистско-лютеранского прихода (1901 г.) [35, Л.1, 12, 15.], Общество помощи бедным евреям в г. Орле (1901 г.) [34, Л.1, 16, 24-33, 34.], Общество пособия бедным евреям в г. Ельце (1907 г.) [25, Л.4.], Орловский отдел Еврейского общества помощи жертвам войны (1916 г.), Орловский отдел Латышского общества помощи жертвам войны «Родина» (1916 г.), Брянский отдел Латышского общества помощи жертвам войны «Родина» (1916 г.), Орловский отдел Польского общества помощи жертвам войны (1916 г.), Орловский отдел Литовского общества по оказанию помощи жертвам войны (1917 г.). Последние Четыре общества, созданные во время Первой Мировой войны орловскими чиновниками, поляками, литовцами и латышами по национальности, занимались оказанием помощи беженцам и вынужденным переселенцам из Польши и Прибалтики.

Российская общественность уделяла самое пристальное внимание проблемам благотворительности в условиях военных действий. Подобная формулировка включает в себя не только помощь больным и раненым воинам, но и пострадавшему от войны мирному населению. Во время войн внимание к военной благотворительности усиливалось еще больше. Россия всегда была щедрой к своим защитникам страной.

В 1867 года в Российской империи было создано Общество попечения о раненых и больных воинах. Устав организации был утвержден 15 мая 1867 г. императором Александром II. Обществу покровительствовала императрица Мария Александровна. В 1879 г. Общество было переименовано в Российское общество Красного Креста. Не было ни одной войны, в которой отряды Российского Красного Креста не принимали бы участия: Русско-турецкая (1876-1877 гг.), русско-японская (1904-1905 гг.), Первая мировая война, (1914-1918 гг.), Великая Отечественная война (1941-1945 гг.) и т.д.

Общество попечения о больных и раненых воинах в г. Орле (Орловское отделение Российского общества Красного Креста) было открыто 20 января 1868 г. [3, С.126, 138.] Первым председателем общества стал преосвященный Макарий (в миру Н.К. Миролюбов) епископ Орловский и Севский, помощником – орловский губернатор М.Н. Лонгинов [7, С.20-22.]. В составе отделения было 66 учредителей, 14 действительных членов и 7 соревнователей. Дамский комитет общества попечения о больных и раненых воинах в г.Орле возглавляла супруга губернатора А.Д. Лонгинова, её товарищем (заместителем) была С.П. Тютчева.

С течением времени местные отделения Российского общества Красного Креста были созданы во всех уездных городах Орловской губернии. К системе Красного Креста относились также созданные во время Первой мировой войны Дамские комитеты помощи больным и раненым воинам в Брянске и Карачеве [17, С.184, 273.].

После русско-японской войны в Орловской губернии появились Орловский комитет по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией (1909 г.), [13, С.65.] и Ливенский местный отдел Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям (1910 г.). С началом Первой мировой войны произошли качественные изменения в системе военной благотворительности. Помощь семьям мобилизованных солдат, помощь больным и раненым воинам превратилась в дело поистине всенародное.

С объявлением мобилизации множество мужчин-кормильцев было оторвано от своих семей и призвано в армию. Чтобы поддержать эти семьи экономически, был создан Верховный Совет о призрении семей нижних чинов, призванных на действительную военную службу, во главе которого стала императрица Александра Федоровна, а вице-председательницами – великая княгиня Елизавета Федоровна и великая княжна Ольга Николаевна [20, С.235.]. Эта организация носила характерный для Империи «частно-государственный» характер – деньги, предназначенные на пособия семьям военнослужащих, выделялись Верховному Совету из казны, и только потом распределялись через систему губернских и уездных попечительств, среди которых можно назвать Новосильское и Карачевское уездные попечительства по призрению семей нижних чинов, призванных на действительную службу. Фонды этих организаций хранятся теперь в Государственных архивах Орловской (Ф.923) и Брянской области (Ф.474) соответственно.

Частная инициатива не отставала от государственной в деле помощи семьям солдат. Например, в акционерном обществе «Мальцовские заводы», расположенном в Брянском уезде, был создан Комитет по оказанию помощи семьям служащих и рабочих Мальцовских заводов, призванных на войну в 1914 г. Председателем комитета стал инженер-технолог П.И. Шестаков, бухгалтером – П.Х. Алексеев, делопроизводителем – Д.С. Юрченко [16, С.185.; 17, С.191.].

Широко в Орловской губернии была представлена система военной благотворительности, связанная с Всероссийским союзом земств и городов (Земгором): Орловский губернский комитет Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, Орловский дамский комитет попечения больным и раненым воинам, Орловский губернский земский комитет попечения о беженцах и т.п.

Развивалась также система помощи русским беженцам и вынужденным переселенцам: Орловское отделение Центрального русского комитета по оказанию помощи беженцам, Орловский отдел Всероссийского общества призрения беженцев, Орловское общество помощи беженцам, Орловское общество помощи детям беженцев, созданные в дни так называемого «великого отступления» русской армии в 1915 г.

В отдельную группу благотворительных обществ следует отнести попечительские общества о домах трудолюбия. Эти учреждения – дома трудолюбия – были созданы практически в каждом крупном городе Российской империи после командировки барона Буксгевдена в 1887 г. Инициативу Буксгевдена по созданию домов трудолюбия поддержал министр внутренних дел граф Д.А. Толстой. Все дома трудолюбия находились в ведении Попечительства о домах трудолюбия и работных домах, которое в 1906 году было переименовано в Попечительство о трудовой помощи. Оно было основано в 1895 по инициативе императрицы Александры Федоровны и ее личного секретаря графа Н.А. Ламздорфа как организация общероссийского характера, призванная координировать общественную и государственную деятельность в сфере трудовой помощи, насаждать и развивать филантропическую деятельность. Положение о Попечительстве было введено в действие высочайшим указом от 1 сентября 1895 г. С момента учреждения Попечительства все организации трудовой помощи, как учрежденные прежде, так и возникшие позже, находились в его ведении и были обязаны предоставлять ежегодные отчеты, а при учреждении – подавать сведения об этом. Это положение распространялось на общества и кружки, городские и земские учреждения трудовой помощи. Цель организации состояла, таким образом, «в попытке более планомерного дальнейшего развития и урегулирования такой формы призрения, которая так или иначе уже фактически существовала» [1, С. 303-310.].

В Орловской губернии было создано три подобных общества: Попечительное общество Дома трудолюбия в Орле (1888 г.), Попечительное общество о Доме трудолюбия в Ельце (1896 г.), Попечительное общество о

Доме трудолюбия в Мценске (1898 г.). Последнее общество, хотя и было утверждено, существовало чисто номинально (хотя и не было закрыто вплоть до 1916 г.).

Это интересный случай, достойный, чтобы разобратить его подробно. Устав Попечительного общества о Доме трудолюбия в Мценске был утвержден министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным 28 апреля 1898 г. [32, Л. 17об.] Состоялось только первое общее собрание учредителей 2 июля 1899 г. для выбора правления. В правление были выбраны: мценские обыватели Случевский, Кошеверов, Матвеев, Лебедев, Тиньков и Троицкий [32, Л.33.]. Однако, поскольку все члены правления были выбраны заочно, что было вопиющим нарушением существующих норм, они отказались принять на себя обязанности, и деятельность общества замерла. В 1916 году решался вопрос, что делать с собранным капиталом общества в 766 руб. 12 коп., который хранился в кассе городской управы [32, Л.21.].

Дело в том, что уже после утверждения Попечительного общества о Доме трудолюбия, в Мценске возникла новая общественная инициатива по созданию Мценского благотворительного общества, и интерес к созданию дома трудолюбия заглох. Для небольшого уездного Мценска одно из двух благотворительных обществ были явно излишним.

Остальные два общества попечения о домах трудолюбия благополучно собрали необходимый капитал и открыли свои дома трудолюбия, которые действовали до 1917 г. [30, Л.39, 40.]

Тюремное попечительство как одна из форм общественной благотворительности появилось в первой половине XIX в. Под покровительством императора Александра I в 1819 г. в Петербурге было образовано «Общество попечительное о тюрьмах» («Попечительное о тюрьмах общество»), в рамках которого стали созда-

ваться местные мужские и женские попечительские о тюрьмах комитеты [21, С. 74.]. Орловский губернский попечительный о тюрьмах комитет был создан в 1850 г. и просуществовал до 1919 г. При нем существовали Дамское отделение Орловского губернского попечительного о тюрьмах комитета, а также отделения по уездам Орловской губернии. Комитет был призван содействовать нравственному исправлению содержащихся под стражей преступников, а также улучшению материального быта заключенных. В общество могли вступать лица, добровольно пожелавшие посвятить средства и труд попечению заключенным. Членом являлся всякий, подписывающийся на ежегодные взносы, благотворителем считался любой, кто делал единовременный взнос. Николай I ввел в состав комитетов кроме избираемых членов также членов «по должности»: предводителей дворянства, церковных иерархов (епископов и архиепископов), губернаторов и уездных исправников. Не могли входить в состав комитетов смотрители тюрем и тюремные священники. Таким образом, была принята не выборная, а кооптационная система формирования состава общества и характер его деятельности существенно бюрократизировался.

После Первой российской революции в Орловской губернии были созданы две самостоятельные общественные организации, занимающиеся пенитенциарной благотворительностью: Общество патронажа округа Елецкого окружного суда (1909 г.) и Общество покровительства лицам, освобожденным из мест заключения округа Орловского окружного суда (1910 г.) [25, Л. 4 об, 180.].

Таким образом, можно считать доказанным, что к началу революции в Российской империи существовала сложившаяся система самостоятельных общественных организаций, занимающихся благотворительной деятельностью.

Библиографический список

1. Бадя Л.В. Российская благотворительность в сфере занятости: Трудовая помощь // Благотворительность в России: Исторические и социально-экономические исследования. 2002. СПб., 2003.
2. Гуларян А.Б. Принципы и подходы к классификации самостоятельных общественных организаций на территории Орловской губернии // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 2.
3. Орел из века в век. Летопись основных событий. 1566-2000.
4. Положения о частных обществах, утверждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников. Сост. К.Г. фон-Плато. Рига, 1903.
5. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии. 1860 г. Отдел II.
6. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии. 1864 г. Отдел II.
7. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии. 1869 г. Отдел II.
8. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии. 1870 г. Отдел II.
9. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии. 1877 г.
10. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии. 1885 г.
11. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии. 1893 г. Отдел II.
12. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии. 1904 г. Отдел II.
13. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии. 1909 г. Отдел II.
14. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии. 1910 г. Отдел II.
15. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии. 1913 г. Отдел II.
16. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии. 1915 г. Отдел II.
17. Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии. 1916 г. Отдел II.
18. Правительственный вестник. 1897. 12 июля. № 153.
19. Призрение и благотворительность в России. 1914. № 7.
20. Российский военный сборник. Выпуск 10. Военное законодательство Российской империи. М.: Военный университет, 1996.

21. *Тарасова И.А.* Роль полиции в обеспечении благотворительной деятельности в дореволюционной России (XVIII-нач. XX вв.): историко-правовой аспект. Дисс... канд. юрид. наук. М., 2001.
22. ГАОО. ф. 573, оп. 1., д.1.
23. ГАОО. Ф.580, ст.1, д.2851.
24. ГАОО. Ф.580, ст.1, д.2898.
25. ГАОО. Ф.580, ст.1, д.3375.
26. ГАОО. Ф.580, ст.1, д.3687.
27. ГАОО. Ф.580, ст.1, д.3733.
28. ГАОО. Ф.580, ст.1, д.3801.
29. ГАОО. Ф.580, ст.1, д.3802.
30. ГАОО. Ф.580, ст.1, д.3837.
31. ГАОО. Ф.580, ст.1, д.3926.
32. ГАОО. Ф.580, ст.1, д.3884.
33. ГАОО. Ф.580, ст.1, д.4009.
34. ГАОО. Ф.580, ст.1, д.4047.
35. ГАОО. Ф.580, ст.1, д.4048.
36. ГАОО. Ф.580, ст.1, д.5851.

References

1. *Badya L.V.* Russian charity in employment: Employment assistance // Philanthropy in Russia: Historical and socio-economic research. 2002. SPb., 2003.
2. *Ghularyan A.B.* Principles and approaches to the classification of amateur public organizations on the territory of the province of Orel // Srednerussky Gazette of social sciences. 2013 . № 2 .
3. Orel from century to century. The chronicle of the main events. 1566-2000.
4. Provisions on private companies, approved with resolution of the ministries, governors and mayors. Comp. K.G. von Plato. Riga, 1903.
5. The memorable book and the address-calendar of the Orel province. 1860. Part II.
6. The memorable book and the address-calendar of the Orel province. 1864. Part II.
7. The memorable book and the address-calendar of the Orel province. 1869. Part II.
8. The memorable book and the address-calendar of the Orel province. 1870. Part II.
9. The memorable book and the address-calendar of the Orel province. 1877.
10. The memorable book and the address-calendar of the Orel province. 1885.
11. The memorable book and the address-calendar of the Orel province. 1893. Part II.
12. The memorable book and the address-calendar of the Orel province. 1904. Part II.
13. The memorable book and the address-calendar of the Orel province. 1909. Part II.
14. The memorable book and the address-calendar of the Orel province. 1910. Part II.
15. The memorable book and the address-calendar of the Orel province. 1913. Part II.
16. The memorable book and the address-calendar of the Orel province. 1915. Part II.
17. The memorable book and the address-calendar of the Orel province. 1916. Part II.
18. Government Gazette. 1897. July 12. № 153.
19. Charity and philanthropy in Russia. 1914. № 7.
20. The Russian military collection. Release 10. Military legislation of the Russian Empire. M: Military University, 1996.
21. *I.A. Tarasova* Role of the police in providing charitable activity in pre-revolutionary Russia (18th - early 20th centuries): historical legal aspect. Diss... Cand. in Law Sciences. M., 2001.
22. State archive of the Orel region (SAOR). Fond 573, inventory 1., file 1.
23. SAOR. Fond 580, inventory 1, file 2851.
24. SAOR. Fond 580, inventory 1, file 2898.
25. SAOR. Fond 580, inventory 1, file 3375.
26. SAOR. Fond 580, inventory 1, file 3687.
27. SAOR. Fond 580, inventory 1, file 3733.
28. SAOR. Fond 580, inventory 1, file 3801.
29. SAOR. Fond 580, inventory 1, file 3802.
30. SAOR. Fond 580, inventory 1, file 3837.
31. SAOR. Fond 580, inventory 1, file 3926.
32. SAOR. Fond 580, inventory 1, file 3884.
33. SAOR. Fond 580, inventory 1, file 4009.
34. SAOR. Fond 580, inventory 1, file 4047.
35. SAOR. Fond 580, inventory 1, file 4048.
36. SAOR. Fond 580, inventory 1, file 5851.

УДК 316.323.72

UDC 316.323.72

И.В. КОМЕТЧИКОВ

кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
E-mail: kometchikov.igor@mail.ru

I.V. KOMETCHIKOV

Candidate of history science, associate professor Department of the native history, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky
E-mail: kometchikov.igor@mail.ru

**НОМЕНКЛАТУРА РК КПСС В МЕХАНИЗМЕ УПРАВЛЕНИЯ
СЕЛОМ ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ СЕРЕДИНЫ 1940-х – НАЧАЛА 1960-х гг.**

**NOMENCLATURE OF THE DISTRICT COMMITTEE OF THE COMMUNISTIC PARTY
OF THE SOVIET UNION IN THE MECHANISM OF A VILLAGE MANAGEMENT IN CENTRAL
NECHERNOZEMYE IN THE MIDDLE OF THE 1940^S TILL THE BEGINNING OF THE 1960^S**

До начала 1950-х гг. основная номенклатура сельских райкомов ВКП(б) Центрального Нечерноземья количественно преобладала над учетно-контрольной, номенклатурный контроль был сосредоточен на уровне региона и района, охватывал в основном кадры райцентра, на селе был разрежен. Децентрализация номенклатур при Н.С. Хрущеве, расширение их учетно-контрольной части и охвата ими кадров на селе активизировали “приватизацию” номенклатуры.

Ключевые слова: основная и учетно-контрольная номенклатура РК ВКП(б), номенклатурный контроль, село Центрального Нечерноземья, механизм управления колхозной деревней, «приватизация» номенклатуры.

Before the beginning of the 1950s the main nomenclature of village district committees of the Union Communistic Party (Bolshevik fraction) of Central Nechernozemye predominated a lot over the accounting and control one, the nomenclature control was focused on the region and district level, included in most cases the staff of a district committee, was sparse in the country. The decentralization of nomenclatures in the times of N.S. Chrushov, the enlargement of its accounting and control part and including the village staff activated the “privatization” of nomenclature.

Keywords: the main nomenclature, the accounting and control nomenclature, district committees of the Union Communistic Party (Bolshevik fraction), the nomenclature control, a village of Central Nechernozemye, the mechanism of a village management, “privatization” of nomenclature.

В течение всей советской истории власть стремилась установить над обществом как можно более плотный контроль. Одним из его инструментов выступала номенклатура [3, с. 14]. В литературе, затрагивающей вопрос о номенклатуре в послевоенные годы, речь, по преимуществу, идет о попытках контролировать ее в борьбе за власть между ведомствами и партаппаратом на высшем или региональном уровнях [2, с. 20-26; 19; 20; 24, с. 69-76; 27; 28, 30; 31; 33; 37; 38]. Изменения в самой номенклатуре, если понимать под ней директивные документы, регламентировавшие обособление бюрократии от общества, основанную на них систему назначений и самих назначенцев [21, с. 25], изучены слабее и в основном в масштабе государства или региона [1; 25; 32; 36; 39, с. 31-49; 40, с. 164-179; 43]. Еще меньше известно о подвижках в повседневно соприкасавшемся с населением уровне номенклатурного контроля, который осуществлял РК ВКП(б). Что представляла собой его номенклатура как система назначений, менялась ли она, если да, то какими факторами это обуславливалось и как влияло на механизм управления районом? Для понимания этого на материале областей Центрального Нечерноземья середины 1940-х – начала 1960-х гг. следует обратиться к номенклатурам райко-

мов ВКП(б), другим делопроизводственным документам, партийным постановлениям, письмам людей во властные инстанции.

В первые послевоенные годы комплектованием номенклатур райкомов занимались единые отделы кадров партийных комитетов. На 1 января 1946 г. в тринадцати областях Центрального Нечерноземья на 451 районный центр приходилось 10218 сельсоветов, 792 МТС, 50129 колхозов, 492 совхозов [подсчитано по: 35, д. 2106, л. 29; д. 2391, л. 19, 20, 28, 29, 37, 38], около 80 тыс. сельских населенных пунктов. 25 октября 1948 г. и 4 января 1949 г. постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) аппарат региональных, городских и районных органов партии был реорганизован, в нем были созданы отраслевые отделы, на которые возложен подбор кадров и реализация решений вышестоящих партийных, государственных и советских органов в “своих” отраслях [43, с. 25-26, 34-35]. Номенклатурный контроль стал более специализированным.

Номенклатура РК ВКП(б) подразделялась на две части: основную и учетно-контрольную (или учетно-резервную). В первом случае речь шла о ключевых руководящих должностях, утверждением кандидатур на которые занимались вышестоящие партийные комите-

ты (в основном обкомы ВКП(б), во втором – руководству колхоза, совхоза, учреждения или предприятия достаточно было уведомить о подобранном кандидате РК ВКП(б) и направить учетные документы. Грань между частями номенклатуры переносилась в зависимости от изменения общих принципов номенклатурного учета, потребности усиления внимания к определенной отрасли или учреждению, местных особенностей состава и численности кадров.

Основным принципом номенклатурного контроля РК ВКП(б) во второй половине 1940-х-начале 1950-х гг. была централизация, сосредоточение принятия решений о ключевых назначениях в районе, во-первых, в ЦК ВКП(б) и обкомах, и, во-вторых, в райкомах ВКП(б). Структуры номенклатур сельских райкомов ВКП(б) характеризуются детальным учетом кадров руководителей и специалистов предприятий, организаций и учреждений районного центра (что отражало концентрацию в нем власти) и неразвитостью учета сельских руководителей. Все руководящие должности в РК ВКП(б), РИКа, основных районных организациях и предприятиях, входившие в основную номенклатуру РК ВКП(б), являлись частью основной номенклатуры бюро и отраслевых отделов обкома ВКП(б). Так, номенклатура Чекалинского РК ВКП(б) Тульской области на 1948 г. состояла из 87 должностей на 313 чел., в том числе 22 должности на 27 чел. входили в номенклатуру обкома ВКП(б): должности 3 секретарей райкома ВКП(б), заведующих 2 его отделами, заведующих парткабинетом и сектором партстатистики и единого партбилета РК ВКП(б), первого секретаря РК ВЛКСМ, ответственного редактора районной газеты, председателя и заведующих 5 отделами РИКа, председателя РПС, директоров 2 МТС и их заместителей по политчасти, райуполминистра, заведующего районным пунктом “Заготзерно”, директора завода, начальников райотделов МВД и МГБ, прокурора и судьи района. Большую часть номенклатуры райкома, повседневно взаимодействующую с населением (65 должностей на 286 чел.), комплектовало бюро и отраслевые отделы РК ВКП(б). В нее входили 6 инструкторов и 2 пропагандиста РК ВКП(б), 64 секретаря первичных парторганизаций и 4 руководителя кандидатских групп, 27 председателей сельсоветов и председатель горсовета, заведующие отделами РИКа, не вошедшие в номенклатуру обкома, председатели 96 колхозов и кадры райЗО, директора 12 средних и неполных средних школ, а также преподаватели истории из них, заведующий райбиблиотекой, руководители и инженеры местных предприятий, транспорта и связи, начальник милиции района и 4 оперуполномоченных райотделов МВД и МГБ, райвоенком и его заместитель, помощник прокурора района и два следователя, председатель районного комитета физкультуры и спорта и другие кадры [подсчитано по: 51, д. 71, л. 1 и об.-2 и об.]. На 1 июля 1951 г. номенклатура Чекалинского райкома увеличилась до 101 должности на 254 чел. Рост числа должностей произошел за счет расширения штата районных организаций, а сокращение количества работников – вследствие уменьшения до 33 числа колхозов, а

также первичных партийных организаций и кандидатских групп [подсчитано по: 51, д. 71, л. 71 и об.-72, 77 и об.-78]. Номенклатура Воловского райкома ВКП(б) Тульской области на 1945 г. насчитывала 71 должность на 253 чел., в том числе в номенклатуру обкома ВКП(б) по району входило 44 должности на 55 чел. [подсчитано по: 44, д. 84, л. 11 и об.].

Основу сельского уровня основной номенклатуры РК ВКП(б) составлял немногочисленный перечень должностей секретарей первичных организаций, председателей сельсоветов и колхозов, директоров совхозов, директоров МТС, заместителей директора МТС по политчасти, специалистов МТС, иногда – заведующих избами-читальнями и секретарей комсомольских организаций. Из 82 должностей номенклатуры Боровского РК ВКП(б) Калужской области, утвержденной бюро райкома 9 августа 1946 г. и охватывавшей 417 человек, к работавшим на селе можно отнести 252 чел., замещавших 12 из них, в том числе секретарей сельских первичных партийных и большинства комсомольских организаций, председателей сельских, поселковых Советов и колхозов, директоров и специалистов МТС, директоров совхозов, директоров неполных средних школ, председателей сельпо [подсчитано по: 5, д. 187, л. 1-10, 11 и об.].

Распыленные по территории района номенклатурные кадры терялись в остальной массе работников различных учреждений села, колхозов, совхозов и МТС. Однако к окончанию сталинской эпохи началось распространение принципов номенклатурного контроля «вниз», в первую очередь, на ряд административных должностей в колхозах. Важнейшей предпосылкой этих перемен стало первое послевоенное массовое укрупнения колхозов (1950 г.), в результате чего их число в Центральном Нечерноземье сократилось в 3 раза [подсчитано по: 35, д. 3745, л. 138, 139]. Так, на 1 января 1953 г. основная номенклатура Чекалинского райкома ВКП(б) состояла из 98 должностей на 250 чел. и почти не изменилась по составу должностей в сравнении с 1951 г. Однако теперь в нее были включены должности бригадиров колхозных полеводческих бригад, огородных бригад и заведующих животноводческими фермами [подсчитано по: 51, д. 85, л. 1 и об.-2]. Номенклатура Некрасовского РК ВКП(б) Ярославской области на 1952 г. насчитывала 103 должности на 431 чел., из которых кандидатуры на замещение 17 должностей на 20 чел. утверждались обкомом ВКП(б), а остальные – райкомом, в том числе должности председателей колхозов и их заместителей, заведующих фермами и бригадиров полеводческих бригад (две последние категории работников, впрочем, окончательно еще не вошли в номенклатуру и были вычеркнуты от руки при правке машинописного текста) [подсчитано по: 41, д. 555, л. 221-225]. В номенклатуре Мосальского РК ВКП(б) Калужской области, датированной 20 февраля 1952 г., кроме должностей секретарей первичных партийных организаций, председателей сельсоветов, сельпо, колхозов, директоров МТС, их заместителей по политчасти и старших агрономов, заведующих избами-

читальнями, входивших в основную номенклатуру, также значились должности заместителей председателей колхозов по учетно-резервной номенклатуре [7, д. 82, л. 21-24]. Однако ответом на укрупнение колхозов административными методами стал рост социальной апатии, отстраненности колхозников от мероприятий власти. Часто негативное отношение к работе председателя колхоза вызывало недовольство самим номенклатурным принципом комплектования председательского корпуса [4, д. 37, л. 209; 8, д. 14, л. 7; 16, д. 128, л. 2].

Следует отметить, что несмотря на наличие определенного «типового» перечня номенклатурных должностей в сельском округе (как правило, верхушки руководства) местные особенности определяли различия в номенклатурах конкретных райкомов ВКП(б). Это позволяет говорить об определенной дифференциации номенклатурного учета, действии некоего номенклатурного «конструктора», ослаблявшего или концентрировавшего кадровый контроль на тех или иных категориях работников с учетом политической целесообразности, качественного состава и наличия на месте необходимых кадров. Так, номенклатура Воловского РК ВКП(б) Тульской области, утвержденная бюро райкома 29 октября 1942 г. и действовавшая в 1945 г., состояла из 70 должностей на 253 чел., охватывая на селе 8 должностей на 174 чел., в том числе должности председателей сельсоветов, колхозов, секретарей первичных парторганизаций, директоров и старших агрономов МТС, агентов райуполнаркомзага, директоров средних и неполных средних школ. Номенклатура Липицкого РК ВКП(б) Тульской области на 20 января 1945 г. включала 63 должности на 254 чел, из них 14 должностей на 220 чел. в сельской округе: секретарей первичных партийных и комсомольских организаций, председателей сельсоветов и колхозов, директоров МТС и совхозов, старших механиков МТС и совхозов, директоров школ и учителей истории, заведующих избами-читальнями [подсчитано по: 44, д. 84, л. 11 и об.; 46, д. 149. Л. 1-3]. Номенклатура Лаптевского РК ВКП(б) Тульской области на 1946 г., утвержденная на бюро РК ВКП(б) 28 марта 1946 г., охватывала 115 должностей на 343 чел., в том числе на селе должности секретарей первичных парторганизаций, председателей сельсоветов и колхозов, 11 руководителей и специалистов МТС и совхозов, директоров школ и учителей истории, заведующих избами-читальнями, должность директора детдома [подсчитано по: 47, д. 157, л. 98-103]. Одоевский райком ВКП(б) Тульской области включил в свою номенклатуру из 109 должностей на 398 чел., утвержденную 3 июня 1946 г., 19 должностей на 338 чел. в сельской округе: секретарей партийных и комсомольских организаций, председателей сельсоветов и колхозов, директора, главного механика и главного агронома МТС, участковых агрономов, механика МТС по комбайнам и другим сельхозмашинам, директоров, старших механиков, агрономов и зоотехников совхозов, начальника отдела кадров совхоза, агентов по заготовкам, директоров семилетних школ, учителей истории, заведующих избами-читальнями, участковых уполномо-

ченных милиции [48, д. 182, л. 34 и об.-35]. Спустя год в номенклатуре, утвержденной бюро Одоевского райкома 20 февраля 1947 г., уже отсутствовали должности зоотехников совхозов, начальника отдела кадров совхоза, агентов по заготовкам, заведующих избами-читальнями, участковых уполномоченных милиции, однако появились должности председателей сельпо. По сравнению с 1946 г. номенклатура уменьшилась с 444 до 348 чел. В заключении по представленной Одоевским РК ВКП(б) номенклатуре на 1947 г. обком ВКП(б) рекомендовал исключить из нее 11 должностей на 38 человек, в том числе должности секретарей комсомольских организаций, внося вместо них 2 других должности и утвердить номенклатуру на 314 чел. Эта номенклатура, распространенная на 20 чел. с учетом увеличения количества первичных парторганизаций и включения должности заместителя директора МТС по политчасти, была утверждена бюро райкома 28 июня 1947 г. [48, д. 195, л. 7 и об.-8, 9-10, 17].

Колебания номенклатурного контроля отчетливо просматриваются в местностях с наличием неблагонадежных, с точки зрения властей, категорий населения, подчас смыкаясь с акциями по их выявлению и преследованию органами госбезопасности. 2 января 1945 г. секретарь Орловского обкома ВКП(б) направил секретарям райкомов партии секретное письмо, в котором обращал внимание на наличие большого числа «политически сомнительных людей» в руководстве колхозами и земельными органами, предлагал проверить руководящие кадры «по деловым и политическим качествам», отстранив «немецких старост, полицейских, кулацкие и антисоветские элементы» [14, д. 1074. Л. 1 и об.]. В результате только в 1945 г. в области было снято с работы 159 председателей, 67 бригадиров, 23 заведующих фермами, 58 счетоводов [14, д. 1152, л. 35]. В Смоленской области в 1945-46 гг. «за пассивность и недостойное поведение на оккупированной территории» из партии были исключены 21 председатель колхоза [подсчитано по: 11, д. 1905, л. 1]. В Калужской области из 3237 председателей колхозов за 1945 г. было отстранено как скомпрометировавших себя 132 чел., а 230 (33,4%) из 688 председателей сельсоветов и 1769 председателей колхозов (54,6%) были учтены как проживавшие на оккупированной территории [подсчитано по: 9, д. 132, л. 25, 26, 30, 31].

Графы о награждении правительственными наградами и проживании на оккупированной территории были обязательными в таблицах номенклатурного учета вплоть до начала 1950-х гг. Так, приложения к статотчету Калужского обкома ВКП(б) о составе, укомплектованности и утверждении номенклатурных кадров райкомов ВКП(б) на 1 января 1951 г. говорят, что из 687 председателей сельсоветов области 494 чел. были награждены правительственными наградами, 144 оставались на оккупированной территории, из 1162 председателей колхозов – 853 и 258 чел., из 1992 секретарей первичных организаций – 1542 и 224 чел. Соответственно [9, д. 772, л. 10, 11. 12]. Присутствуют они и в составленных работниками Боровского РК

ВКП(б) в 1949 г. таблицах кадрового резерва райкома [5, д. 305, л. 2, 3, 5, 6, 8-12]. Руководство райотделов и УМГБ по Смоленской области регулярно информировало секретарей обкома ВКП(б) о наличии в сельских райцентрах, сельсоветах и колхозах немалого числа лиц, «не внушавших политического доверия», но, тем не менее, занимавших руководящие должности [11, д. 1947, л. 188, 190; 12, д. 821, л. 15-16; д. 1086, л. 89, 91, 94]. В одном только Стодолищенском районе в мае 1945 г., по данным райотдела НКГБ, проживало 29 бургомистров, 247 старост, 31 начальник полиции, 467 полицейских, а также большое количество их «помощников и прислужников», которых вместе с членами семей насчитывалось несколько тысяч человек. Многие из них уже отслужили в Красной Армии и, «прикрываясь колхозами», устроились счетоводами, сборщиками молока и т.д. Сообщавший об этом секретарю Смоленского обкома ВКП(б) Д. М. Попову заместитель заведующего отдела кадров обкома ВКП(б) предлагал ужесточить отношение районной власти к «немецким прислужникам», а райотделу НКГБ «изъять наиболее активных антисоветских лиц» [12, д. 1843, л. 63, 65]. 7 апреля 1950 г. УМГБ информировало руководство ОК ВКП(б), что в Ершичах даже после проведения проверки районных учреждений и решения бюро обкома ВКП(б) об «очищении» районного аппарата от скомпрометировавших себя во время оккупации повторной проверкой было вновь выявлено 80 чел. «неблагонадежных», которые работали в аппарате РИКа, райпромкомбинате, райпищеккомбинате, отделении Госбанка, районной конторе связи, райсберкассе, МТС, сельсоветах, средней школе и даже среди технического персонала райкома ВКП(б). Население возмущалось этим, а часть коммунистов райцентра обвиняла руководителей района в покровительстве «немецким пособникам» [12, д. 1843, л. 41-47].

«Засоренность» руководящих кадров села и райцентра была общим местом многих обращений во власть сельского населения. Бывший председатель Дубровского сельсовета Екимовичского района Смоленской области, воевавшая в партизанском отряде, сообщала в письме председателю ПВС СССР М.И. Калинину (май 1945 г.): «Все же жизни, работы, уважения партизанам в Екимовичском районе нет. Здесь широко открыты двери кулакам, которые начинают засорять ряды партии, которые в районе пользуются авторитетом больше, чем партизаны...». В качестве примера она приводила дочь репрессированного, исключенную до войны из ВЛКСМ, которая после войны вступила в партию и, работая директором неполной средней школы, трудоустроивала учителей, ранее преподававших в открытых оккупантами школах [11, д. 1861, л. 130 и об., 132]. «Делается большое внимание к людям, которые были в оккупации и работали на немцев, а теперь все эти люди работают не на лесозаготовках, а в учреждениях, многие являются ответработниками, получают литерный паек, работают председателями сельсоветов, колхозов. А честные люди, которые боролись на фронте или честно работа-

ли в тылу, но не прохвосты и подхалимы, как первые, не замечаются районными руководителями и на них никто не обращает внимания...», – сообщал в «Правду» летом 1946 г. житель Хотынецкого района Орловской области [15, д. 167, л. 203 и об.]. Из колхоза им. Мичурина Новозыбковского района Брянской области заместителю председателя СМ СССР А.А. Андрееву писали о том, как заведующий сельхозотделом РИКа «со всего свету собирал немецких служаков и порасставил в колхозах», один из которых привел к упадку их хозяйство [4, д. 91, л. 362]. Как видно, нехватка кадров в первое послевоенное время и развитые неформальные связи позволяли даже при наличии «пятна» в биографии занять выгодную номенклатурную должность.

Колебания перечня должностей и количества охватываемых ими работников даже за год-два могли быть довольно значительными и зависеть не только от политических «чисток», но и от проявлений ведомственности на низовом уровне. Например, номенклатура Ханинского РК ВКП(б) Тульской области на 1948 г. состояла из 86 должностей, которые занимали 255 чел. На 1949 г. она уже включала 110 должностей на 304 работника, увеличившись на две должности по разделу «партийно-комсомольские кадры», пять должностей профсоюзных работников, две – председателей райкомов ДОСАРМ и ДОСАВ, две – торгово-кооперативных работников, пять – работников районного аппарата заготовительных и сельскохозяйственных организаций, две – в аппарате РИКа, должность старшего уполномоченного райотдела УМГБ и др. [подсчитано по: 50, д. 15, л. 54-60], т. е. не только за счет вновь созданных учреждений (комсомольские организации, РК ДОСАРМ, ДОСАВ), но и вследствие введения дополнительных должностей в уже существовавших (райотдел УМГБ, РИК, «Заготзерно» и др.).

С приходом к власти Н. С. Хрущева курс на расширение охвата номенклатурным контролем организаций и предприятий района сохранился, но средством его реализации стала децентрализация номенклатур. При подготовке перестройки партийного и государственного аппарата была изменена номенклатура ЦК КПСС. Новая номенклатура, принятая 16 июля 1953 г., расширила права обкомов КПСС в части назначений первых секретарей райкомов, председателей райисполкомов, районных уполномоченных министерства заготовок и других районных руководителей, уменьшившись из-за этого с 45 до 25,3 тыс. должностей [32, с. 6]. Следующее ее сокращение вводилось постановлением Президиума ЦК КПСС от 1 июня 1956 г., в результате которого основная номенклатура ЦК КПСС сократилась вдвое, а учетно-контрольная – более чем в 3,5 раза. Региональным партийным комитетам рекомендовалось вновь уменьшить свои номенклатурные списки, предоставив больше прав по подбору и расстановке кадров «нижестоящим органам» [32, с. 7]. На селе Центрального Нечерноземья фоном этих нововведений было укрупнение районов, сельсоветов и колхозов (за 1953-1961 гг. число районов сократилось с 460 до 313, сельсоветов – с 10411 до 4436, колхозов – с 14650 до

4280 [подсчитано по: 18, д. 65, л. 7-10; д. 68, л. 28-30; д. 116, л. 27-29, 41-43; 26, с. 352; 35, д. 4443, л. 111]), полный охват колхозов и совхозов первичными партийными организациями к началу 1960-х гг. [34, д. 23, л. 82-83, 86-87, 90-91, 162-177; д. 25, л. 72-83, 152-154, 156-167; д. 26, л. 72-77, 138-149, 150-153], несколько волн кадровых мобилизаций из городов на село, аппаратные реформы [25, с. 75-89].

Децентрализация номенклатурного учета сопровождала проведение первой хрущевской реформы аппарата РК КПСС – создания инструкторских групп райкомов по зонам МТС (1953-1957 гг.) [22, с. 343]. Но убедившись, что партийные работники не могут изменить сложившуюся практику руководства и «ликвидировать обезличку и безответственность в руководстве МТС и колхозами», а инструкторские группы работают формально [23, с. 387-388], верхи партии сделали следующий шаг к совершенствованию номенклатурного контроля. Постановлением февральско-мартовского (1954 г.) пленума ЦК КПСС региональные партийные организации обязывались направить на работу в колхозы, МТС и совхозы «лучших работников из аппаратов» областных организаций, а также из городов и промышленных центров. В постановлении, опубликованном в «Правде» 6 марта 1954 г., говорилось о включении должности председателей колхозов в номенклатуру обкомов КПСС, а их заместителей, бригадиров производственных бригад и заведующих фермами колхозов – в номенклатуру райкомов КПСС, что мыслилось как мера по «повышению ответственности местных партийных органов за правильный подбор, расстановку и воспитание руководящих колхозных кадров» [23, с. 389]. Таким образом, партийное руководство продолжило начатое еще в начале 1950-х гг. движение по пути наращивания «нижних» ярусов номенклатуры сельских РК КПСС, распространяя ее на все новые должности в административной иерархии колхозов.

Однако, как и комплектование групп инструкторов РК КПСС по зонам МТС, подбор и утверждение кадров низовых руководителей проходили сложно, со значительной долей формализма. В Калужской области на 1 января 1954 г. не было утверждено 20,5% номенклатуры сельских РК КПСС, на 1 января 1955 г. – 23,3% (2622 работника). Указания обкома КПСС об этом райкомами игнорировались. На 1 января 1955 г. из 962 заведующих колхозными фермами райкомами было утверждено только 571 чел. (59,3%). Часто утверждение производилось даже без предварительной беседы работников райкома с кандидатом на замещение должности. «Большинство райкомов КПСС недооценивают и запустили работу по учету кадров, относятся к ней безответственно...», – говорилось в справке Калужского обкома КПСС о работе сельских райкомов партии с кадрами за 1954 г. [10, д. 243, л. 109, 110, 114]. Те же недостатки в кадровой работе отмечались в справке обкома за 1955 г. Несмотря на сокращение сельскими райкомами КПСС своей номенклатуры с 12105 до 10981 должности, 2109 чел. (17,5%) номенклатурных работников не были утверждены райкомами. Занимавших их работников

председатели колхозов смещали и назначали по своему усмотрению. В Людиновском, Дугнинском, Калужском, Ульяновском районах утверждение происходило заочно. Из 2937 бригадиров полеводческих бригад колхозов на 1 января 1956 г. РК КПСС утвердили 2033 чел. (69,2%), из 1078 заведующих животноводческими фермами – 732 чел. (68%), из 723 бригадиров тракторных бригад МТС – 616 чел. (85,2%), из 385 председателей сельсоветов – 260 (67,5%), из 752 секретарей колхозных парторганизаций – 672 (89,3%) [подсчитано по: 10, д. 243, л. 117; д. 388, л. 1, 2, 6, 16, 19-20, 22, 24, 25-26].

К началу 1960-х гг. в номенклатурах РК КПСС еще более увеличивается число должностей и работников села, особенно низовых руководителей и специалистов колхозно-совхозного производства, в том числе – входящих в учетно-контрольную часть. Подобно тому, как право назначать верхушку районного руководства увеличивало самостоятельность региональных лидеров, передача райкомами КПСС полномочий по подбору подчиненных председателям укрупненных колхозов, совхозов, других учреждений и предприятий говорила о повышении их статуса и самостоятельности. Из 507 чел., входивших в утвержденную в декабре 1959 г. номенклатуру Тутаевского райкома КПСС Ярославской области, 206 чел. утверждались бюро райкома как ее основная часть, а 301 чел. составили «учетно-контрольную группу», объединявшую кадры председателей сельсоветов, начальников железнодорожных станций, заместителей председателей, бригадиров полеводческих и тракторных бригад колхозов, заведующих фермами, директоров неполных средних школ, заведующих сельскими клубами и библиотеками [42, д. 616, л. 179]. Состав должностей, входящих в основную номенклатуру Боровского РК КПСС Калужской области на 1 января 1959 г., показывает, что кроме присутствовавших в ней в середине 1950-х гг. должностей руководителей низовых советских органов и колхозно-совхозного производства добавились должности агрономов и зоотехников колхозов. В учетно-контрольную номенклатуру вошли 13 руководящих должностей работников культуры (43 чел.), должности 8 руководителей промышленных предприятий, директоров семилетних школ, управляющих отделениями совхозов, председателей сельских и поселковых Советов, должность секретаря горсовета, председателей колхозов и работающих в них специалистов сельского хозяйства [6, д. 53, л. 105-108 и об., 109-126]. На 1 января 1962 г. основная номенклатура Боровского РК КПСС включала 8 должностей руководителей производства в колхозах и совхозах, а также должности секретарей сельских первичных парторганизаций, председателей сельсоветов, в совокупности охватывая на селе 183 чел. (46,5% основной номенклатуры) [подсчитано по: 6, д. 53, л. 31]. Согласно статистическому отчету Орловского обкома КПСС о составе и сменяемости кадров на 1 января 1961 г., номенклатурный контроль на селе распространялся на 18 должностей (4457 руководителей производственных звеньев, специалистов, секретарей первичных парторганизаций 48 совхозов, 324 колхозов

и 27 РТС, в том числе и должности начальников 72 производственных участков колхозов) [подсчитано по: 17, д. 1875, л. 189, 191, 192; д. 1879, л. 92, 121, 150, 179, 180; д. 1880, л. 207, 234, 261, 288, 315, 345, 365; д. 1881, л. 396, 426, 455, 485, 575].

Обращает на себя внимание персональный состав номенклатурных работников, многие из которых возглавили укрупненные колхозы, совхозы и их первичные партийные организации, перейдя с руководящих должностей в аппарате райкомов КПСС, РИКов и других районных организаций. Председателем колхоза «Советская Россия» Боровского района Калужской области работал бывший секретарь Боровского РК КПСС, колхоза им. XX съезда КПСС – бывший секретарь Боровского РИКа, колхоза им. Кирова – бывший заместитель председателя Боровского РИКа, директором совхоза «Боровский» – бывший первый секретарь Износковского РК КПСС Калужской области, секретарем парторганизации этого совхоза – выпускник Московской ВПШ, директором совхоза «Ермолино» – бывший начальник инспекции сельского хозяйства Куйбышевского района Калужской области и т.д. [6, д. 53, л. 14 об., 15 об., 16 и об.] Свидетельством повышения статуса руководителей колхозов и совхозов в начале 1960-х гг. стало включение их должностей в основную или учетно-контрольную номенклатуру обкомов КПСС, что можно рассматривать в качестве ответа системы номенклатурного учета не только на рост масштабов сельскохозяйственного производства, но и на укрупнение «масштаба» людей, которые его возглавляли. Должности 371 председателя колхозов Калужской области вошли в учетно-контрольную, а должности директоров 63 совхозов – в основную номенклатуру обкома КПСС, утвержденную 23 мая 1961 г. То же самое происходило в Тульской области [6, д. 53, л. 14 об., 15 об., 16 и об.; 10, д. 1009, л. 104, 110; 45, д. 70, л. 45]. Районные и областные руководящие работники, приходя к руководству колхозами и совхозами, дополняли формальный должностной статус своими прежними неформальными связями.

Письма населения во властные инстанции изобилуют примерами того, как районные и сельские руководители «приватизировали» доступный им уровень номенклатуры. В конце 1961 г. на руководство Дмитровского района Орловской области поступило несколько анонимных заявлений первому секретарю обкома КПСС и Н. С. Хрущеву. Верхи района обвинялись в «земляческом подходе» при подборе кадров (второй секретарь РК КПСС, заведующий организационно-инструкторским отделом райкома, председатель РПС, директор заготконторы РПС и другие руководители были родственниками и уроженцами одной деревни). Проверившие жалобу сотрудники обкома подтвердили факты родства и землячества, сделав, однако, вывод, что «указанные лица работают уже давно и выдвинутое обвинение в том, что [второй секретарь Дмитровского РК КПСС] подбирает кадры по-приятельски, не имеет основания» [17, д. 2107, л. 5 об.-6, 7-8]. Авторам коллективного анонимного письма из Рославльского райо-

на Смоленской области, направленного Н. С. Хрущеву и руководству Смоленского обкома КПСС в августе 1961 г., причина злоупотреблений секретарей горкома КПСС виделась в их продолжительной работе «на одном месте», вследствие чего они «эксплуатировали» город и район за счет назначений на «теплые места» родственников и знакомых, которые обеспечивали им «безраздельный» доступ к материальным благам, «как при коммунизме» [13, д. 1086, л. 187 и об. 189]. Из Дедиловского района Тульской области информировали руководство обкома КПСС, что за 13 лет работы в районе первый секретарь райкома КПСС перевез из другого района области 15 семей своих родственников, обеспечив их работой и квартирами. Кроме райцентра, его родня проживала в трех населенных пунктах (в общей сложности было «перетянуто» более ста человек). По мнению авторов письма, первый секретарь имел «большие связи в обкоме», т.к. обком «не вмешивается» и «поддерживает», из-за чего из района выдвинуты многие руководящие работники. К письму был приложен «список родных и знакомых» первого секретаря из 13 фамилий с перечислением должностей и мест работы, в числе которых значились ОРС, слюдяная фабрика, хлебозавод, больница, отдел культуры, ресторан, шахта [49, д. 84, л. 49, 50, 51, 52 и об.]. Из колхоза «Россия» Дедиловского района Тульской области первому секретарю Тульского обкома в начале 1961 г. писали о «веселой и споенной жизни» председателей колхозов и руководителей района, которые их назначили: «На нашем общем собрании даже не упомянуто о замене председателя и о том, удовлетворяет ли нас наш руководитель. Колхозникам об этом на собрании даже не дают слова сказать. Руководители сами их назначили, так как они были бывшие работники райисполкома и райкома, и деть их было некуда, тогда они их развезли по колхозам, несмотря на протесты колхозников...» [49, д. 89, л. 143 об.-144]. «Что творится в этом совхозе, это все начальнички и все партийные. Управляющий и бригадир – братья. Бухгалтер и зоотехник – муж и жена. Можно в этой бражке найти правду? Делают, что они хотят. Директор изредка проедет, и никто не видит даже, какой он...», – жаловалась в ЦК КПСС в августе 1961 г. одна из рабочих совхоза «Мясново» Косогорского района Тульской области [49, д. 90, л. 41].

Таким образом, изменения в номенклатуре сельского РК КПСС Центрального Нечерноземья в середине 1940-х – начале 1960-х гг. следовали общему направлению совершенствования районного звена управления, цель которого верховная власть видела в как можно более плотном охвате района политическим контролем. При Сталине средством ее достижения была централизация номенклатурного учета верхушки районных кадров в ЦК и ОК ВКП(б), а прочих районных и сельских кадров – в РК ВКП(б), его детализация на уровне райцентра и разреженность – на селе. В результате существовали не охватывавшиеся номенклатурным учетом «мертвые пространства», а нижние ярусы номенклатуры райкома были уязвимы от нежелательных в глазах власти кандидатов на замещение должностей. Приход на

высший пост в партии Хрущева ознаменовался децентрализацией номенклатурного контроля, возрастанием удельного веса учетно-контрольной части номенклатур обкомов и райкомов КПСС, расширением их сельского уровня, а значит – кадровых полномочий верхушки района, руководителей колхозно-совхозного производства, сельских учреждений и предприятий. Однако это

не означало соответствующего роста «всеохватности» официальных структур: прорастание номенклатурного контроля «вниз» подстегнуло «приватизацию» верхами района и села доступного им уровня номенклатуры, укрепляло неформальные связи и базирующиеся на них возможности.

Библиографический список

1. *Агарев А.Ф.* Трагическая авантюра. Сельское хозяйство и крестьянство Рязанской области в 1937-1970 гг. Документы, события, факты. Русское слово, 2010. 656 с., ил.
2. *Белоногов Ю.Г.* Генезис советской региональной элиты как группы интересов во внутриэлитных политических конфликтах 1950-х-1960-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 2. В 2-х ч. Ч. 1. С. 20-26.
3. *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Предисл. М.Джиласа. 1-е сов. изд. М., МП «Октябрь», Советская Россия, 1991. 622 с. ил.
4. Государственный архив Брянской области. Ф. Р-2224. Оп. 1.
5. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (далее – ГАДНИКО). Ф. 16. Оп. 8.
6. ГАДНИКО. Ф. 16. Оп. 39.
7. ГАДНИКО. Ф. 27. Оп. 24.
8. ГАДНИКО. Ф. 42. Оп. 18.
9. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 8.
10. ГАДНИКО. Ф. 55. Оп. 9.
11. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 1.
12. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 2.
13. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 3.
14. Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. П-52. Оп. 2.
15. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 3.
16. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 6.
17. ГАОО. Ф. П-52. Оп. 323.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-385. Оп. 46.
19. *Данилов А.А., Пыжиков А.В.* Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.: РОССПЭН, 2001. 303 с.
20. *Жуков Ю.Н.* Сталин: тайны власти. М.: Вагриус, 2005. 720 с., ил.
21. *Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизм действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25-38.
22. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). В 14 т. Под общ. ред. А.Г.Егорова и К.М.Боголюбова – Т. 8. 1946-1955. Изд. 9-е, доп. и испр. М.: Госполитиздат, 1985. 542 с.
23. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). В 14 т. Под общ. ред. А.Г.Егорова и К.М.Боголюбова – Т. 9. 1956-1960. Изд. 9-е, доп. и испр. М.: Госполитиздат, 1985. 574 с.
24. *Левин М.* Номенклатура – Агсанум Имрегі (Технология управления против социологии управленцев) // Куда идет Россия? Общее и особенное в современной России / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Интерцентр, 1997. С. 69-76.
25. *Мохов В.П.* Региональная политическая элита России (1945-1991 гг.). Пермь; Пермское книжное издательство, 2003. 238 с.
26. Народное хозяйство РСФСР в 1961 году. М.: Госстатиздат, 1962. 605 с.
27. *Пихоя Р.Г.* СССР. История власти. 1945-1991. М., Изд. РАГС, 1998. 736 с.
28. *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. 1945-2005. В 3 т. Том первый. 1945-1964. М.: Новый хронограф, 2009. 456 с., ил.
29. *Попов В.П.* «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 50-е – начале 60-х годов) // Отечественные архивы, 1994. № 1. С. 27-50.
30. *Пыжиков А.В.* Хрущёвская «оттепель». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 511 с., ил.
31. *Пыжиков А.В.* Политические преобразования в СССР (50-60-е гг.) М.: ООО «Квадрат С», 1999. 305 с.
32. Региональная политика Н.С. Хрущёва и местные партийные комитеты. 1953-1964 гг. Сост. О.В. Хлевнюк, М.Ю. Прокуменчиков, В.Ю. Васильев, Й. Горлицкий, Т.Ю. Жукова, В.В. Кондрашин, Л.П. Кошелева, Р.А. Подкур, Е.В. Шевелева. М.: РОССПЭН, 2009. 774 с.
33. *Романовский Н.В.* Лики сталинизма. М.: РАГС, 1995. 227 с.
34. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 77. Оп. 1.
35. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 11.
36. Руководители Смоленской области (1917-1991 годы). Биографический справочник. / Н.Г. Емельянова, Г.Н. Мозгунова, А.В. Баркова и др. – Смоленск: ИП Флиманкова И.А., 2008. 208 с., ил.
37. *Сушков А.В.* Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Науч. ред. А.В.Сперанский. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 386 с., ил.
38. *Хлевнюк О.В., Горлицкий Й.* Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. Пер с англ. глав 1, 2, 6 А.А.Пешкова. М.: РОССПЭН, 2011. 231 с., ил.
39. *Хлевнюк О.В.* Региональная власть в СССР в 1953 - конце 1950-х годов. Устойчивость и конфликты. // Отечественная история. 2007. № 3. С. 31-49.
40. *Хлевнюк О.В.* Роковая реформа Н.С.Хрущева: разделение партийного аппарата и его последствия. 1962-1964 годы. //

Российская история. 2012. № 4. С. 164-179.

41. Центр документации новейшей истории Ярославской области (далее – ЦДНИ ЯО). Ф. 272. Оп. 226.
42. ЦДНИ ЯО. Ф. 272. Оп. 227.
43. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты 1945-1953 / Сост. В.В.Денисов, А.В.Квашонкин, Л.Н.Малашенко, А.И.Минюк и др. М., РОССПЭН, 2004. 496 с.
44. Центр новейшей истории Тульской области (далее – ЦНИТО). Ф. 15. Оп. 3.
45. ЦНИТО. Ф. 16. Оп. 4.
46. ЦНИТО. Ф. 39. Оп. 1
47. ЦНИТО. Ф. 40. Оп. 1.
48. ЦНИТО. Ф. 43. Оп. 1.
49. ЦНИТО. Ф. 177. Оп. 31.
50. ЦНИТО. Ф. 1642. Оп. 1.
51. ЦНИТО. Ф. 2322. Оп. 1.

References

1. *Agarjov A.F.* Tragic adventure. Agriculture and peasantry of the Ryazan region in 1937-1970. Documentation, events, facts. Russkoye slovo, 2010. 656p.
2. *Belonogov U.G.* Genesis of the soviet region elite as a group of interest in the inner elite political conflicts 1950-1960s // Historical, philosophical, political and law sciences, cultural and art science. The questions of theory and practice. Tambov, 2013. №2. In 2 parts. Part 1. Pp. 20-26.
3. *Voslensky M.S.* Nomenclature. The ruling class of The Soviet Union. М., МР “Octyabr”, Sovetskaya Rossiya, 1991. 622p.
4. Bryansk State Archive . Fund R-2224. Document 1.
5. Kaluga region state archive of the documents of the modern history. F.16. D.8.
6. Kaluga region state archive of the documents of the modern history. F.16. D.39.
7. Kaluga region state archive of the documents of the modern history. F.27. D.24.
8. Kaluga region state archive of the documents of the modern history. F.42. D.18.
9. Kaluga region state archive of the documents of the modern history. F.55. D.8.
10. Kaluga region state archive of the documents of the modern history. F.55. D.9.
11. Smolensk region state archive of the documents of the modern history. F.6. D.1.
12. Smolensk region state archive of the documents of the modern history. F.6. D.2.
13. Smolensk region state archive of the documents of the modern history. F.6. D.3.
14. Orel region state archive. F. P.-52. D.2.
15. Orel region state archive. F. P.-52. D.3.
16. Orel region state archive. F. P.-52. D.6.
17. Orel region state archive. F. P.-52. D.323.
18. State archive of Russian Federation. F.A – 385. D.46.
19. *Danilov A.A., Pyzhicov A.V.* The Birth of The Great Empire: USSR in the first postwar years. М.: ROSSPAN, 2001. 303p.
20. *Zhukov U.N.* Stalin: the power mysteries. М.: Vagrius, 2005. 720p.
21. *Korzichina T.P., Figatner U.U.* The Soviet nomenclature: establishment, working mechanism // The Questions of History. 1993. №7. Pp. 25-38.
22. KPSU in resolutions, decisions of sessions, conferences and plenums of Central Committee (1898-1986). Vol.8. М.: GOSPOLITIZDAT, 1985. 542p.
23. KPSU in resolutions, decisions of sessions, conferences and plenums of Central Committee (1898-1986). Vol.9. М.: GOSPOLITIZDAT, 1985. 574p.
24. *Levin M.* Nomenclature – Arcanum Imperii (The technology of managing against the sociology of managers) // Where does Russia go? Common and special in the modern Russia. М.: Intertsender, 1997. Pp.69-76.
25. *Mochov V.P.* Regional political elite in Russia (1945-1991). Perm; Permskoye knizhnoye izdatelstvo, 2003. 238p.
26. National economy RSFSR in 1961. М.: Gosstatizdat, 1962. 605p.
27. *Pichoya R.G.* The USSR: the history of power. 1945-1991. М., Izd. RAGS, 1998. 736p.
28. *Pichoya R.G.* Moscow. Kremlin. Power. 1945-2005. In 3 volumes. Vol.1. 1945-1964. М.: Novy Chronograf, 2009. 456p.
29. *Popov V.P.* “The second and most important step” (of the enlargement of collective farms in the 50s – the beginning of the 60s) // Native archives., 1994. №1. Pp.27-50.
30. *Pyzhikov A.V.* The “Thaw” of Chrushev. М.: OLMA-PRESS, 2002. 511p.
31. *Pyzhikov A.V.* Political transformations in the USSR (50s-60s). М.: ООО “Kvadrat C”, 1999. 305p.
32. Regional politics of N.S. Chrushev and local party committees. 1953-1964 // O.V. Chlevnyuk, M.U. Prozumenshikov, V.U. Vasilyev, Y. Gorlitsky, T.U. Zhukova, V.V. Kondrashin, L.P. Koshelev, R.A. Podkur, E.V. Sheveleva. М.: ROSSPAN, 2009. 774p.
33. *Romanovsky N.V.* The images of Stalinism. М.: RAGS, 1995. 227p.
34. Russian state archive of the modern history. F. 77. D.1.
35. Russian state archive of economy. F. 1562. D.11.
36. The leaders of Smolensk region (1917-1991). Biographical reference guide. / N.G. Yemelyanova, G.N. Mozgunova, A.V. Barcova. Smolensk: IP Flimankova I.A., 2008. 208p.
37. *Suhkov A.V.* Presidium of Central Committee of the CPSU in 1957-1964: personality and power / A.V. Speransky. Ekaterinburg: UrO RAN, 2009. 386p.
38. *Chlevnyuk O.V., Gorlitsky Y.* Cold Wprld. Stalin and the ending of Stalin dictatorship. / translated from English Ch. 1,2,6 by A.A. Peshkova. М.: ROSSPAN, 2011. 231p.

39. *Chlevnyuk O.V.* Regional power in the USSR in 1953-the end of the 1950s. Stability and conflicts. // The Native History. 2007. №3. Pp.31-49.
40. *Chlevnyuk O.V.* Fatal reform of N.S. Chrushev: the separation of the party and its aftereffect. 1962-1964. // The Russian history. 2012. №4. Pp. 164-179.
41. The Centre of documentation of the modern history of Yaroslavl region. F. 272. D. 226.
42. The Centre of documentation of the modern history of Yaroslavl region. F. 272. D. 227.
43. Central Committee of the Soviet Communistic Party (Bolshevik fraction) 1945-1953 / V.V. Denisov, A.V. Kvashonkin, L.N. Malashenko, A.I. Minyuk. M., ROSSPAN, 2004. 496p.
44. The Centre of the modern history of Tula region. F.15. D. 3.
45. The Centre of the modern history of Tula region. F.16. D. 4.
46. The Centre of the modern history of Tula region. F.39. D. 1.
47. The Centre of the modern history of Tula region. F.40. D.1.
48. The Centre of the modern history of Tula region. F.43. D. 1.
49. The Centre of the modern history of Tula region. F.177. D. 31.
50. The Centre of the modern history of Tula region. F.1642. D. 1.
51. The Centre of the modern history of Tula region. F.2322. D. 1.
-
-

А.И. ПЕРЕЛЫГИН

кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и музейного дела, Орловский государственный институт искусств и культуры

A.I. PERELYGIN

Candidate of historical sciences, associate professor, Department of history and museum business, Orel State Institute of Arts and Culture

КРЫМ – КОЛЫБЕЛЬ ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНСТВА НА РУСИ

CRIMEA – A CRADLE OF ORTHODOX CHRISTIANITY IN RUSSIA

Статья посвящена истории христианства в Крыму и его роли в крещении Руси. Описываются события, приведшие к присоединению Крыма к России и воссоединению его в наше время.

Ключевые слова: Крым, Херсонес, христианство, православие, Россия, Крымское ханство, украинизация, воссоединение.

Article is devoted to Christianity history in the Crimea and its role in the Christianization of Kievan Rus'. The events which have led to accession of the Crimea to Russia and its reunion presently are described.

Keywords: Crimea, Chersonese, Christianity, Orthodoxy, Russia, Crimean khanate, Ukrainization, reunion.

В судьбоносные дни, когда решалось будущее Крыма, нельзя не вспомнить, что именно там, в Херсонесе (в средневековье – Херсон, Корсунь, ныне Севастополь) принял крещение князь Владимир с дружиной, а затем в сопровождении греческих священников возвратился в Киев и крестил его жителей. Если вспомнить события из истории прошлого, то возникновение христианства в самом Херсонесе связано с проповедью апостола Андрея Первозванного. Все известные нам предания признают ап. Андрея Первозванного руководителем Черноморской миссии и направляют его путь с юга на север, от Сирии к Таврическому полуострову, где он обращал в христианство местное население. И можно предположить, что его проповедь не осталась здесь бесплодной, потому что через тридцать лет после его миссии в эти места прибыл осужденный римским императором Траяном (98 – 117) на заточение святой Климент, папа Римский, который нашёл здесь более двух тысяч христиан, занимавшихся в каменоломнях тесанием и обработкой камней для доставки их во внутренние города римской империи. Святитель основал в Херсонесе несколько храмов и крестил множество язычников. Весть об успехах святого Климента достигла римского императора и немедленно вызвала гонения на христиан, во время которого сам архипастырь принял мученическую смерть, будучи утоплен в море (нач. II в.)¹.

Вследствие гонений, в последующие два века до начала IV века христианской веры в Херсонесе придерживались в основном ссыльные за веру и их потомки. После издания императором Константином в 313 году эдикта, в котором допускалась веротерпимость по отношению к христианской религии, была учреждена Херсонская епархия. В царствование Константина

Великого епархия Херсонская включала в себя южный Крым до Феодосии и далее к востоку, где проживали скифы, тавры и другие варварские народы. Вначале III века в Крым проникают готы, а в конце IV в. вторгаются гунны.

Известно, что готы приняли христианство и была создана Готская епархия. Епископ их Феофил присутствовал на Первом Вселенском Соборе (в 325 г.), под актами которого подписался митрополитом Готии или, как в других списках, Феофилом Боспоританским из Готии². Оставшиеся после ухода Теодорика в Италию готы были окружены со всех сторон гуннами, с которыми старались поддерживать дружеские отношения пока, примерно, в начале VIII в. не были покорены хазарами. Кроме названных епархий, на территории Крымского полуострова и смежных с ним земель были образованы Сурожская, Фулльская и Боспорская епархии, в которых проживали не только греческие переселенцы, но и сарматы, цари которых управляли Боспорским царством до конца IV века, столицей которого была Пантикапея, или Боспор, где ныне Керчь.

От Боспора до Херсонеса расселились гунны, пока в конце VII века не были завоёваны хазарами, которые, однако, не пожелали переселиться в Крым, оставшись в южной России, за Доном и на побережье Каспийского моря. В то же время, история свидетельствует о случаях, когда проживавшие в Крыму гунны и другие варвары обращались в христианство³. Однако, не подлежит сомнению и то, что в разные периоды истории Крыма вера христианская не иссякала и всегда находила своих последователей, о чем свидетельствуют археологические раскопки греческих городов на южном побережье. В результате раскопок на территории Херсона обнару-

¹ Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 35.

² Макарий (Булгаков). История Русской церкви. Кн.1. М., 1994. С.115.

³ Там же, С.125-127.

жено 13 базилик, 2 здания центрической композиции, 5 крестообразных, 7 крестово-купольных храмов и около 20 сравнительно небольших квартальных храмов-часовен XI-XV вв.⁴

Как отмечают исследователи, интенсивное строительство церквей и монастырей в Крыму и, в частности в Херсоне и пригородах, развернулось при византийском императоре Юстиниане I (527-565). Археологические свидетельства – склепы с росписями, изображающими виноградную лозу или рыб, надгробия с изображениями крестов, христианские скульптуры позволяют говорить о широкой христианизации населения Херсона в этот период.

Во времена иконоборчества в сер. VIII в. многие почитатели икон, в основном монахи, бежали в Крым, спасаясь от преследований византийского императора, благодаря чему на территории Юго-Западного Крыма увеличилось количество пещерных монастырей. На протяжении многих веков Херсон играл роль центра миссионерского и культурного влияния на соседние народы. Крещение Руси в 988 г. также было связано с Херсоном: князь Владимир взял с собою отсюда на Русь мощи свт. Климента, помещённые впоследствии в Десятинную церковь, духовенство и сосуды церковные, а также святые иконы. Очевидно, с этого времени на Руси появились иконы и церковные предметы, получившие затем именование «Корсунических». По одному из преданий, сам св. кн. Владимир принял крещение в Корсуни (ныне Севастополь). В то же время была учреждена Киевская митрополия и при ней организованы кафедры в Новгороде, Белгороде (под Киевом), возможно, также в Чернигове, Полоцке, Переяславле.

По отзыву современника, к концу правления Владимира столица Руси выглядела вполне христианским городом: в нём было около 400 церквей, в том числе единственный на то время каменный Десятинный храм Богородицы (завершен в 996 г.), который был дворцовой княжеской церковью (по покоившимся там мощам св. Климента Римского именовался также Климентовским), и кафедральный собор св. Софии Премудрости Божией (очевидно, деревянный). Западный миссионер архиеп. Бруно Кверфутский, посетивший Киев в 1008г. по пути в Печенежскую степь и встречавшийся с Владимиром, рисует его как образцового христианского правителя⁵. С принятием христианства Русь приобрела духовную и идейную основу объединения славянских племён в единое государство.

Вторжение половцев в Крым в XII веке положило конец русскому влиянию на полуострове, где на бывшей хазарской части находилось Тмутараканское княжество. Современный крымско-татарский язык генетически близко подходит к половецкому языку. В 1222 году высаживается первый турецкий десант в Судак, который разгромил русско-половецкое войско. На следующий год в Крым вторгаются монголо-татары Джэбэ. Степной Крым становится улусом Золотой

Орды. Административным центром Тавриды становится город Крым. На XIII век приходится исламизация Крыма.

В XIV веке часть территорий Крыма приобрели генуэзцы (Газария, Каффа). После распада Золотой Орды в 1441 г. остатки монголов тюркизируются и образуют степное Крымское ханство. На тот момент в Крыму также располагаются христианское горное княжество Феодоро со столицей Мангуп и генуэзские колонии на южном побережье. В 1475г. турецкие войска высадились в Крыму и захватили генуэзские колонии с центром в Каффе (Феодосии), а также уничтожили Мангуп. На завоёванных землях княжества и генуэзских колоний был создан турецкий кадилек (округ). В 1478 году Крымское ханство стало протекторатом Османской империи. В Северном Причерноморье, Приазовье и на Черноморском берегу Кавказа появились турецкие крепости – морские порты, опорные военно-колониальные базы.

Крымские татары постоянно совершали набеги на русские, литовские и польские земли и брали в плен мирное население. Огромная территория, разделявшая русские и татарские земли, стала называться Диким полем, а Ока надолго являлась пограничной рекой, южным рубежом Московского государства. Через Дикое поле с юга на север по территории нынешнего Орловского края тянулись дороги-шляхи, по которым ходили татары. Главный шлях назывался Муравским. Он шел от Крымского перешейка до Тулы, к которой сходились все татарские дороги. От Муравского шляха ответвлялись и с ним соединялись другие шляхи – Изюмский в направлении Ливен и Тулы, Калмиусский шел до Ливен, где соединялся с Изюмским. Свиной шлях тянулся мимо Рыльска к Болхову. По этим путям татары шли, как правило, с наступлением весны, а иногда и летом. Каждый вел за собой две-три лошади с плетёными корзинами. Подойдя к русским селениям, татары рассыпались мелкими отрядами и старались хватать всякого добра и пленных, а потом быстро мчались обратно в степь⁶. Наш город Орёл, как опорный пункт обороны, за период 16-17 вв. 12 раз подвергался жестоким нападениям татар⁷. Вследствие этих грабительских походов до XVIII в. из России было угнано в рабство до 5 млн. человек. Только на выкуп пленных Россия ежегодно тратила 1 млн. рублей, что составляло 5 млрд. рублей по ценам нашего времени. За каждого человека платили от 100 до 150 рублей, тогда как корова в то время стоила 50 копеек.

Русско-турецкие войны XVIII в. дали выход России к Чёрному морю, а война 1768-1774 годов положила конец османскому господству, и по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 года османы отказались от претензий на Крым. Северное Причерноморье, включая территорию Крымского ханства, вошло в состав России.

4 Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. С. 36.

5 Православная энциклопедия. Указ. соч., с.41.

6 История Орловского края. Ч. 1. С древнейших времен до конца XIX века. Орел, 2004. С. 65.

7 Ворбьева В.Я. Четыре слагаемых орловской славы// Красная строка. 3 марта 2010.

В 1783г. 8 апреля составленный князем Потёмкиным манифест о присоединении Крыма и Кубани был подписан императрицей Екатериной II. Крымское ханство упразднилось, однако его верхушка (свыше 300 родов) вошла в состав российского дворянства и принимала участие в местном самоуправлении вновь созданной Таврической области. На новые земли началось интенсивное переселение колонистов из России. Крым стал именоваться, как и в эллинические времена, Тавридой. Новый русский порт был назван Севастополем (городом Славы). Город, который начали строить и должен был стать губернским, назвали Симферополем (соединяющим), Кафа вновь стала Феодосией, Гезлев – Евпаторией и т.д.⁸

В годы Крымской войны (1853-1856гг.) город Севастополь, благодаря героизму его защитников, приобрёл неувядаемую славу. За прошедшие годы население Крыма значительно увеличилось, а русские стали составлять большинство жителей края. К концу XIX века население Крыма составляло 500 тыс. человек, из которых меньше 200 тыс. были крымскими татарами, а накануне Революции проживало 800 тыс. человек, в том числе 400 тыс. русских и 200 тыс. татар, а также 68 тыс. евреев и 40 тыс. немцев⁹.

Во время Великой Отечественной войны Севастополь в числе первых городов СССР 22 июня 1941 г. в 3 часа 15 минут подвергся налёту фашистской авиации. С 30 октября началась героическая оборона Севастополя, которая продолжалась 250 дней – до 4 июля 1942 года. В период войны города Крыма были разрушены, нанесён огромный материальный ущерб экономике полуострова, сотни тысяч советских воинов пали в боях на крымской земле, были ранены или попали в плен. Неисчислимы страдания вынесли партизаны, подпольщики и мирные жители Крыма. Многие из них погибли, умерли от голода и болезней, тысячи были угнаны в немецкое рабство. Война резко обострила межнациональные противоречия в Крыму, и в мае-июне 1944 года с территории полуострова были выселены крымские татары (183 тыс. человек), армяне, греки и болгары. Немцы были депортированы ещё в августе 1941 года. Указ Президиума Верховного Совета СССР № 493 от 5 сентября 1967 года «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму» признавал, что «после освобождения в 1944 году Крыма от фашистской оккупации факты активного сотрудничества с немецкими захватчиками определённой части проживающих в Крыму татар были необоснованно отнесены ко всему татарскому населению Крыма»¹⁰. Указом Президента Российской Федерации от 21 апреля 2014 года № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» все названные народы были полностью реабилитированы и тем самым создаются необходимые

⁸ Легенды и предания Крыма. Редактор-составитель А.Е. Тархов. Симферополь: «Реноме», 1998. С.305-306.

⁹ Военно-исторический журнал. Орловский военный вестник. Спецвыпуск № 1 (15), 20014 год. С. 22.

¹⁰ Там же, с.23.

условия для их равноправного проживания с другими народами в составе Российского государства.¹¹

В 1954г. по желанию «волонтариста и субъективиста» Н.С. Хрущёва Крым передали союзной Украинской ССР. Во время же Беловежского заговора и раздела СССР в 1991 г. Ельцин безрассудно оставил Крым за Украиной. С этого времени началась поспешная украинизация Крыма, русские становились людьми второго сорта, государственным языком был признан украинский, а русские школы закрывались.

В наши дни, после государственного переворота в Киеве, народ Крыма выступил за воссоединение с Россией. Около двух миллионов его жителей в результате проведенного референдума 16 марта 2014 года и на основании декларации независимости, принятой 11 марта 2014 года, провозгласили суверенитет Республики Крым, а 18 марта был подписан договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии Республики Крым в состав России. 21 марта в Крыму образован одноименный федеральный округ с центром в Симферополе.

Это, конечно, вызвало бешенство правительства США, стран блока НАТО, вложивших немалые средства для установления послушного им режима на Украине. Поэтому они теперь в своём противостоянии с Россией не гнушаются опираться даже на последователей Степана Бандеры, украинского националиста, проповедовавшего «этническую чистоту» Украины и уничтожение всех, не разделявших взгляды его движения. Бандеровцы из Украинской повстанческой армии (УПА) в 1943 – 1944 годах повинны в гибели 80 тыс. польских мирных жителей на Волыни, многих тысяч евреев, русских, белорусов. По данным КГБ, опубликованным в 1990 году, за 1944-1953 годы «в западных областях Украины жертвами террора бандеровцев стали не только свыше двадцати тысяч военнослужащих Советской армии, сотрудников милиции и госбезопасности, но и тридцать тысяч мирных жителей», а по другим сведениям: «с 1941 по 1954 г. бандеровцами было уничтожено около пятидесяти тысяч советских солдат и шестьдесят тысяч человек мирного населения»¹².

Помня о прошлом, в эти судьбоносные дни нашей истории по инициативе филиала межрегионального «Объединения православных учёных» 9 марта 2014 г. в храме-часовне Александра Невского, построенном на месте боя защитников г. Орла в октябре 1941 г., был проведен молебен с чтением акафиста перед иконами Божией Матери Державной и Почаевской – о православных братьях на Украине, о мире и единении братских народов во Христе. И несмотря на развязанную Западом информационную войну и всевозможные политические и экономические санкции, можно с уверенностью сказать, что народы бесконечно обманывать невозможно, люди не допустят возврата к нацизму.

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. № 17. 28. 04. 2014. Ст. 2042.

¹² Части Р.В. Степан Бандера: мифы, легенды, действительность. Харьков: Фолио, 2011. С. 181, 291.

УДК 94(47)

UDC 94(47)

С.А. ПОЛЯКОВ

аспирант, кафедра истории России, Орловский государственный университет
E-mail: Sp.1988@mail.ru

S.A. POLJAKOV

Graduate student, Department of Russian history, Orel State University
E-mail: Sp.1988@mail.ru

**МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСТРОЕНИЕ В 1-М ГВАРДЕЙСКОМ КОРПУСЕ
В МЕЖРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД 1917 г.**

MORAL AND POLITICAL MOOD IN THE 1ST GUARDS CORPS IN INTERREVOLUTIONARY PERIOD 1917

В данной статье рассматривается вопрос о морально-политическом состоянии 1-го Гвардейского корпуса в период между Февральской и Октябрьской революциями.

Ключевые слова: 1-й Гвардейский корпус, Февральская революция, Октябрьская революция, морально-политическое состояние, межреволюционный период.

In this article, I will discuss the question of the political status morally-1st Guards Corps in the period between February and October revolutions.

Keywords: 1st Guards Corps the February revolution, the October Revolution, the moral and political condition interrevolutionary period.

В статье рассмотрен вопрос о морально-политическом состоянии 1-го Гвардейского корпуса в период между Февральской и Октябрьской революциями. Данный период интересен тем, что уже началось разложение частей бывшей русской Императорской гвардии. Сначала рассмотрим положение отдельных гвардейских частей в данный период и проведем анализ причин такого положения и их последствия.

***Обстановка в гвардейских частях
между февралем-октябрем 1917 г.***

1-й Гвардейский корпус наиболее сильно подвергся пропаганде большевиков. Корпус находился в резерве в Тернополе и с большой неохотой отправился на передовую. Командный состав корпуса, настроенный пессимистично, не был уверен, что солдаты не разбегутся в реальных боях, за исключением Измайловского, отчасти Семеновского и Преображенского полков[1].

В Гвардейский корпус направился помощник комиссара А.М. Чекотило. В Преображенском полку Чекотило встретили очень тепло. Полк был бодр, воодушевлен. В тот же день Чекотило беседовал с полковым комитетом Семеновского полка. Семеновцы, так же как и преображенский, были в хорошем настроении и готовились выполнять приказы командования. Далее Чекотило посетил Павловский полк, где по имеющимся данным положение было много хуже: один батальон отказался выполнять приказы, два других колебались, и лишь один батальон был готов подчиняться приказам командования.

Далее Чекотило направился в Гренадерский полк. В Гренадерском полку ни совещания, ни митинга устроить не удалось. Полк полностью попал под влияние большевистской пропаганды, источником которой был по-

ручик Дзевалтовский. Чекотило заявил Дзевалтовскому, что гренадерцы не нуждаются в агитации, так как, по его мнению, способны во всем разобраться.

Конфликт в Гренадерском полку явился наиболее значительным и ярким из всех, бывших до сих пор. Как было отмечено, огромным влиянием пользовался поручик Дзевалтовский, человек энергичный, ставший большевиком после поездки в Петроград. Полк быстро принял большевистскую окраску и кроме большевистской литературы, не доверял никакой другой. Да и этой другой было ничтожно мало, так как Дзевалтовский тщательно следил, чтобы в полк попадала только литература большевистского содержания.

Настроение полка впервые выявилось 16 июня 1917 года, когда А.Ф. Керенский посетил Гвардейский корпус. Все полки корпуса собрались в одном месте, и лишь Гренадерский с большей частью Павловского полка стояли отдельно от всех остальных, шагах в 500.

Положение с Гренадерским полком обострилось после присоединения к нему 1-го батальона Павловского полка и 700 солдат 13 Финляндского стрелкового полка.

Кроме того, к гренадерам начали присоединяться дезертиры из других полков. Дошло до того, что гренадеры стали глумиться над ранеными, те, пытаясь защититься, били гренадеров и только вмешательство члена военного комитета предотвратило смерти.

Некоторых гренадер арестовали за подстрекательство к убийству Керенского, за призывы к неповиновению, но позже их всех отпустили за недостаточностью доказательств.

На совещании с членами армейских комитетов было принято решение применить против гренадер решительные меры, чтобы привести их к повиновению. Чтобы избежать возможного кровопролития, требова-

лась вооруженная демонстрация, которая показала бы гренадерам бессмысленность дальнейшего сопротивления. Для этой цели 24 июня 1917 года к месту стоянки гренадер, павловцев и финляндцев была подтянута кавалерийская дивизия, две батареи артиллерии и два броневедомоцикла. Когда оцепление было готово, комиссар И.И. Кириенко вызвал представителей полка и предъявил приказ:

1. «Выйти без оружия в указанные пункты: желающим подчиняться всем приказам командного состава и выполнить свой долг перед Родиной и революцией – собраться в одном месте. Всему полковому составу – в другом. И, наконец, отказавшимся подчиняться – в третьем.

2. Все оружие и казенное имущество должно остаться на месте стоянки в целостности.

3. Никому из желающих выполнить приказ не должно быть оказано никакого противодействия, а тем более насилия.

4. На исполнение приказа дан срок в 2 часа.

5. По истечении этого срока артиллерия открывает предупреждающий огонь.

6. По истечении 30 минут после открытия предупредительного огня артиллерия, при содействии пулеметов, открывает огонь на поражение».

За 10 минут до окончания срока все оцепленные гренадеры, павловцы и финляндцы строем, во главе с оркестром играющим «Марсельезу», вышли на указанное им место.

Весь полковой состав был арестован и предан суду, то же было сделано и по отношению к ряду других чинов полка, о которых имелись сведения для возможности предания их суду.

В Гренадерском полку после этих событий осталось 300 человек, готовых исполнять свой долг. Остальные, группами по 50-70 человек, были расформированы по другим полкам.

Не все в порядке было и в полках 2-й дивизии Гвардейского корпуса, особенно Московском и Финляндском. Было созвано совещание всех ротных комитетов этих полков, на которое отправился помощник комиссара Чекотило. На совещании резко выявился полный развал полков, особенно Московского. Главной причиной морального разложения полков было качество пополнения, приходившего из Петрограда. Так, Московский полк пополнялся исключительно городовыми, стражниками, жандармами, всего около 150 человек. Многие из них были большевиками, другие просто плохо обучены, настолько, что даже некоторые солдаты не могли даже зарядить винтовку. А многих ветеранов полка, наоборот, отправили в запасной батальон.

Полковой командный состав просил не присылать пополнения из Петрограда, так как это только усиливало моральное разложение.

Характерной для Финляндского полка была история с арестом солдата Васильева. Васильев вел агитацию против фронтового наступления, а 23 июня 1917 года отказался участвовать в бою, вместо этого организовав эвакуацию раненых. В момент боя Васильев отси-

живался в нескольких километрах от фронта, а помощь раненым была так небрежно организована, что многие не были подобраны без имеющихся на то причин на 2,3 день после боя.

Командование распорядилось арестовать Васильева, после этого в полку началось брожение. 11-я рота заявила, что Васильева не выдаст. Полковой комитет после долгих и жарких дебатов решил, что Васильев должен быть арестован, но для наблюдения за ходом следствия командировал двух солдат-делегатов. Наконец согласилась выдать Васильева и 11-я рота, но для его охраны приставила 12 человек. И командованию полка потребовались огромные усилия, чтобы убедить полковой комитет и 11-ю роту отменить свое решение об охране Васильева. На этом история с солдатом Васильевым закончилась.

Во всех этих конфликтах бросалось в глаза явное неуважение солдатами офицерского состава. Но стоило только офицеру принять позицию большевиков, как он сразу становился «вождем массы».

Как развивались события в межреволюционный период 1917 года в Семеновском полку?

Опубликование «приказа №1» в марте 1917 г. и начало развала русской армии было болезненно воспринято офицерами-семеновцами. «...Когда через несколько дней до полка дошел «приказ №1» о создании полковых комитетов и выборном начальстве, вспоминал капитан Макаров, всем стало ясно, что дальше так воевать нельзя и что война кончена. Уехало в тыл еще три офицера, правда, не из самых строевых. А остальные, остальные стиснули зубы и стали пытаться служить при новых порядках, «служить не за страх, а за совесть» и не только «не щадя живота своего» (этого они уже давно не щадили), но не щадя и самолюбия» [3].

В апреле-мае было уволено огромное число командующих генералов. За несколько недель были устранены 143 старших начальника, в том числе 70 начальников дивизий. [4] Серьезные изменения коснулись и офицерского состава Семеновского полка в апреле 1917 г., в связи с отставкой командира полка генерал-майора Тилло, место которого занял бывший командир «государевой роты» полковник Попов. Командиром запасного батальона был выбран новый капитан Бржозовский.

В записках главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова можно найти сведения об участии Семеновского полка в событиях 1917 г. «Через несколько дней после приезда мне приходится впервые применять вооруженную силу для водворения порядка. Какая-то шайка анархистов с невероятным нахальством среди бела дня захватила редакцию газеты «Русская воля» на Ивановской, поставила часовых у выходов, пулемет во дворе и начала печатать свои прокламации. Вызываю Семеновцев, и еду на поле брани... пока идут переговоры, вызываю две сотни казаков для поддержки Семеновцев, а также для патрулирования соседних улиц, ввиду получения сведений о том, будто осажденные ожидают какую-то поддержку извне... забранное оружие и пулеметы жалую Семеновцам как

трофеи, благодарю роты за службу... Словом – триумф на Ивановской улице, а на следующий день пишу приказ. Благодарю Семеновцев и казаков за выдержку при аресте хулиганов», вспоминал генерал. [5] Интерес представляет и оценка состояния полков, сделанная Половцовым. В своей работе он запишет: «...При посещении полков физиономии частей обрисовываются весьма определенно. Лучше других Семеновцы, Преображенцы, вообще 1-ая дивизия. Зато во 2-й плохо. Особенно мерзко в Гренадерском полку, также в Московском, находящимся под влиянием окружающей их рабочей среды, а в Павловском есть некая 4-ая рота, способная отравить существование самого добросердечного начальства. Вообще, заметно, что в каждом запасном батальоне есть одна рота, являющаяся источником всяких неприятностей, обыкновенно, рота эвакуированных». «Интересно наблюдать, как характерные особенности Гвардейских полков передались в их запасные батальоны. Про армейские запасные полки говорить нечего: там сплошная мерзость» размышляет генерал Половцов.

Корниловское выступление сыграло важную роль в судьбе офицерства. После его провала к сентябрю 1917 г. в составе гвардии Семеновского полка было всего 159 офицеров. Из них 121 человек входил в число «действительных офицеров-семеновцев» и 38 были «прикомандированными» к полку. В числе 121 оставались 27 офицеров «июля 1914»: Бойе-аб-Геннес, Бремер-1, Бржозовский-1, Дренякин, Зайцов-2, Клименко-1, Комаров-1, Коновалов-1, Лобачевский, Лялин-2, Макаров, Молчанов, Орлов, Пенхержевский-1, Попов, Рыльке, Сморгчевский, Спешнев, Тавилдаров, Типольт, Толстой-2, Тухачевский-1, Фадеев, Фольборт-1, Штильберг, Энгельгард-1, Эссен-1.[6]

Таким образом, по сравнению с январем-февралем 1917 г. их число заметно сократилось: с 39 до 27.

Начиная с сентября, и в количественном и в качественном составе офицерского корпуса гвардии Семеновского полка произошли заметные изменения. К 24 октября 1917 г. в гвардии Семеновском полку состояло 120 офицеров. Из них 87 «действительных» офицеров полка, принятых в состав полкового офицерского корпуса путем баллотировки через офицерское собрание полка, и 33 офицера являлись «прикоманди-

рованными» к гвардии Семеновскому полку из других частей. В целом в полку к 24 октября 1917 г. из 120 офицеров 23 было офицерами «июля 1914». Итак, мы можем говорить о месте службы лишь 24 офицеров, т.е. 26%. 25 офицеров (27,2%) погибли в ходе Первой мировой войны в 1914-1916 гг. и 22 офицера (22,8%) выбыли из полка по служебным обстоятельствам. Таким образом, мы имеем сведения о судьбе лишь 71 офицера-семеновца «августа 1914», т.е. 76%. Остальные к этому времени уже, фактически, выбыли из полка.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующий вывод. Генерал Деникин считал Февральскую революцию неизбежным историческим процессом.[2] Деникин считает, что несмотря на то, что десятки поколений людей воспитывались на призыве «За Веру, Царя и Отечество», этот лозунг слабо укоренился в сознании основной массы населения. И когда в декабре 1907 года Деникин ехал из Харбина в Петроград, то что он видел в пути, с фотографической точностью повторяло то, что произошло в феврале 1917 года, лишь масштабы были меньше. Причины разложения армии Деникин видит в том, что народные массы от духовных ценностей стали тянуться к материальным, или, как говорит он сам, «утробным ценностям». Деникин, подтверждая свои слова, приводит пример, как в первую неделю Февральской революции в 4-й стрелковой дивизии на месте алтаря походной церкви вырыли отхожее место, и солдаты вместе с офицерами смотрели на это равнодушно, что говорит о полном моральном разложении армии. А 9 марта 1917 года Священный Синод направил послание в действующую армию, с призывом принять революцию. Исходя из этого видно, что армию начали разваливать сами высшие офицеры как армейских частей, так и частей гвардии. Также свою немаловажную роль сыграл и Священный Синод, который по сути, поддержал свержение «царского» режима, пошатнув тем самым многовековые устои Российской империи и дезорганизовав значительную часть русского общества.

Причины разложения офицерского корпуса в том, что после первой русской революции офицерский корпус был взят под надзор корпусом полиции, и многих офицеров арестовывали часто без всяких на то причин. Эта система сыска, в определенной мере, способствовала появлению нездоровой атмосферы в армии.

Библиографический список

1. Лисовой Я.М. Белый архив. Ч.1. Париж, 1926.
2. Генерал Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.1, Выпуск 1. Париж. 1921.
3. Макаров Ю.В. Моя служба в Старой гвардии в 1905-1917 гг. Буэнос-Айрес, 1954.
4. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2002.
5. Половцов П.А. Дни затмения. Париж, 1918.
6. РГВИА Ф.2584. Д.3032. Оп.1. Л.155-156.

References

1. J.M.Lisovoj White archive. Ч.1. Paris, 1926.
2. General Denikin A.I. Sketches of Russian distemper. T.1, Release 1. Paris. 1921.
3. Makarov Y.V. My service in the Old Guard in 1905-1917. Buenos Aires, 1954.
4. Volkov S.V. The tragedy of the Russian officers. Moscow, 2002.
5. Polovtsov P.A. Days eclipse . Paris, 1918.
6. RSMHA F.2584. D.3032. Op.1. L.155-156.

ЛЕВ ТРОЦКИЙ И ЕГО «БЮЛЛЕТЕНЬ ОППОЗИЦИИ» О ТУХАЧЕВСКОМ

LEV TROTSKY AND HIS "BULLETIN OF THE OPPOSITION" ABOUT TUKHACHEVSKY

Статья посвящена одному из важных аспектов «дела Тухачевского» – его политическим связям с Троцким, в частности исследуется позиция Л.Д. Троцкого и его издания «Бюллетень оппозиции» по отношению к политическому процессу над красным маршалом.

Ключевые слова: политические связи, оппозиция, политический процесс, красный маршал.

The article is devoted to one of the most important aspects of the «Tukhachevsky case» – his political connections with Trotsky, in particular, investigate the position of L.D. Trotsky and his publication «Bulletin of the Opposition» about the political process over red marshal.

Keywords: political connections, the opposition, the political process, red Marshal.

Дело Тухачевского и последующие за ним репрессии против высшего командного состава РККА, без сомнения, являются одним из наиболее спорных и трагичных эпизодов советской истории 30-х годов. Возможность практически в течение нескольких недель репрессировать сразу нескольких наиболее влиятельных и известных военачальников РККА представлялась для зарубежных исследователей и обозревателей маловероятной. Поэтому новость о гибели таких влиятельных лидеров РККА, как Тухачевский, Якир и других, стала для Запада фактически полной неожиданностью. Вопросы возникали и в связи с официальной версией причин репрессий.

Возможность военно-политического переворота в СССР в 30-е годы была одной из наиболее обсуждаемых тем в иностранных СМИ. Сможет ли партийный тиран Сталин удержать в своих руках всю полноту власти, не потерпев поражения в битве с оппонентами – военными, имевшими вполне реальную силу внутри страны и начавших к тому времени набирать известность за рубежом, и представителями партийного блока, где у Сталина имелись противники, в чьих талантах по созданию интриг сомневаться не приходилось.

Во второй половине 30-х годов возможность смены власти путем «партийного» переворота практически исключалась – к тому времени Сталин уже заменил старую «ленинскую гвардию» своими людьми, и смена главы ЦК ВКП(б) путем избрания нового становилась невозможной.

Наиболее вероятным вариантом казался военный переворот. В мире к тому моменту уже несколько режимов стали жертвой военного переворота, и последний случай в Испании привел к гражданской войне.

Советская военная элита, по мнению большинства европейских и мировых обозревателей, должна была негативно относиться к Сталину и поэтому вероят-

ность военного переворота считалась вполне реальной. Вопросом оставался выбор главы как самого заговора, так и будущего лидера страны. Среди высшей советской военной элиты кандидатур было немного: большая часть советских маршалов и военачальников практически всю историю СССР оставалась малоизвестной для зарубежной общественности.

В этом плане очень ценными для зарубежных читателей, интересующихся событиями в такой крайне закрытой стране, как Советская Россия, становились мнения тех, кто непосредственно знал обстановку в СССР. В 30-е годы самым осведомленным о взаимоотношениях армии и партии в стране был Лев Троцкий, который много лет возглавлял и фактически создал Красную Армию, сначала как председатель РВСР (Революционного Военного Совета Республики), а позже и как нарком по военным и морским делам. Троцкий в эмиграции занялся публицистикой и выпуском сразу нескольких периодических изданий, наиболее известным из которых стал «Бюллетень оппозиции», где освещалось положение дел в СССР и критиковались действия Сталина по «уничтожению ленинского наследия».

Вполне естественно, что будучи в том числе и военным руководителем, Троцкий с интересом освещал события в стране, связанные с его детищем, – Красной Армией. Зная лично большинство красных маршалов и командиров, Троцкий ещё в начале 30-х писал о росте напряженности в армии и флоте и о том, что именно армия сможет вернуть СССР тот коммунизм, который, по мнению Троцкого, был изменен Сталиным для личной власти.

Среди всех советских военачальников Троцкий особо выделял именно М.Н. Тухачевского. Имя Михаила Николаевича было известно на Западе, ведь именно он возглавлял неудачное для РККА наступление на

Варшаву, был в составе делегаций СССР в Лондоне и Париже и прославился галантными манерами дворянина и человека, разбирающегося в искусстве. Среди советской военной элиты высшего командного звена таких представительных людей было мало, и основная масса журналистов противопоставляла образованного и вежливого Тухачевского, чье имя связывалось с традиционной по духу армией, с одной стороны, и, с другой – было известно передовыми идеями и технологиями, широко внедряемыми им в армии, консервативным «конным» революционерам Будённому и Ворошилову.

Троцкий отмечал заслуги Тухачевского и говоря о том, что во многом именно благодаря ему, Троцкому, в СССР в высшее военное руководство попал такой человек, как Михаил Николаевич, и что именно он впервые стал продвигать по службе талантливого гвардейского офицера.

Сам Троцкий не указывал прямо на Тухачевского как на лидера будущего заговора, но имя Михаила Николаевича было часто употребляемо в контексте противостояния военной элиты и политических ставленников Сталина. Следует упомянуть и тот факт, что если на Западе Тухачевского восприняли как отказ от политизации в руководстве армии и начало создания обычной, «не-политизированной» армии, то Троцкий видел в нем наметившуюся для военных возможность стать не только независимыми от партии, как считали другие обозреватели, но и армия станет активно влияющей на политику.

Кандидатура Тухачевского как лидера заговора рассматривалась довольно активно. Ещё в начале 20-х годов русский философ Иван Ильин писал о нем как о возможном лидере военного заговора, отмечая, правда, маловероятный благополучный для заговорщиков исход дела.

Процесс и быстрый суд над Тухачевским заставили Троцкого вернуться к теме взаимоотношений армии и партии в СССР. 17 июня 1937 года, практически сразу же после процесса была напечатана статья Троцкого «Сталин и обезглавливание Красной армии».

В этой статье Троцкий в свойственной ему манере пишет о целях сталинских мер по репрессии в армии, говоря о том, что «Сейчас маузер ГПУ направлен на следующее поколение, которое начало свое восхождение с гражданской войны..... Дело идет уже не о случайных фигурах, а о звездах второй величины». Далее Троцкий рассуждает о трагическом решении расправиться с про-

славленным маршалом, что могло уничтожить РККА и помешать ей в случае необходимости сыграть свою роль в деле обороны страны. Троцкий считает, что действительными руководителями армии за последние годы были два человека: Тухачевский и Гамарник.

Здесь же автор дает интересную оценку обстоятельствам их карьерного роста: «ни тот ни другой не принадлежали к старой гвардии. Оба выдвинулись во время гражданской войны, не без участия автора этих строк. Тухачевский несомненно обнаружил выдающиеся стратегические таланты». Предвидя критику за разгром под Варшавой, Троцкий довольно явственно пытается критиковать Тухачевского за излишний авантюризм и отсутствие способности оценить военную обстановку со всех сторон.

Говоря о некоторых «дружественных» столкновениях, Троцкий пишет о попытках их развития, которые, по его мнению, были созданы «при помощи наспех усвоенных элементарных формул марксизма».

Критикуя Тухачевского как политически слабого деятеля, Троцкий не преуменьшает его военных заслуг, называя «механизатором» армии, и пишет о том, что полностью личность Михаила Николаевича могла раскрыться лишь в мировой войне, в которой Тухачевскому заранее отводилась роль генералиссимуса.

Тем самым Троцкий сожалеет о случившемся, называя главной причиной чистки «сопротивление цезарианству Сталина армии», и что, скорее всего, Сталин попытается истребить лучшие элементы государственного аппарата.

Подходя к вопросу о том, что случится с РККА без Тухачевского и других военачальников, Троцкий пишет, что «в результате нового судебного подлога она (армия – С.С.) сразу стала ниже на несколько голов. Морально армия потрясена до самых основ. Интересы обороны принесены в жертву интересам самосохранения правящей клики. После процесса Зиновьева и Каменева, Радека и Пятакова, процесс Тухачевского, Якира и др. знаменует начало конца сталинской диктатуры».

Как можно видеть, Троцкий, хоть и имел гигантский опыт в деле развития армии и политической борьбе, так и не смог до конца понять, что власть Сталина не смогли пошатнуть ни война, ни политические или иные противники. Имея в своем распоряжении значительный аппарат карательных органов, Сталин сумел создать все условия для сохранения своей власти, и только смерть смогла закончить его правление.

Библиографический список

1. Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М.: Яуза, 2004. 635 с.
2. Минаков С.Т. Сталин и заговор генералов. М.: Эксмо, 2005. 717 с.
3. Минаков С.Т. 1937. Заговор был! М.: Яуза, 2010. 320 с.
4. Бюллетень оппозиции № 51 июль-август 1936. Paris
5. Бюллетень оппозиции № 52-53 октябрь 1936. Paris
6. Бюллетень оппозиции № 54- 5 март 1937. Paris
7. Бюллетень оппозиции № 56 57 июль-август 1937. Paris
8. Бюллетень оппозиции № 58 59 сентябрь-октябрь 1937. Paris
9. Бюллетень оппозиции № 60 61 декабрь 1937. Paris
10. Бюллетень оппозиции № 62 63 февраль 1938. Paris
11. Бюллетень оппозиции № 64 март 1938. Paris

12. Бюллетень оппозиции № 65 апрель 1938. Paris
13. Бюллетень оппозиции № 66 67 май - июнь 1938. Paris
14. Бюллетень оппозиции № 68 69 август - сентябрь 1938. Paris
15. Бюллетень оппозиции № 70 октябрь 1938. Paris
16. Бюллетень оппозиции № 71 ноябрь 1938. Paris
17. Бюллетень оппозиции № 72 декабрь 1938. Paris
18. Бюллетень оппозиции № 73 январь 1939. Paris

References

1. *Minakov S.T.* Stalin and his marshal. M.: Jauza 2004. 635.
  2. *Minakov S.T.* Stalin and the conspiracy of generals. M.: Penguin Books, 2005. 717 p.
  3. *Minakov S.T.* 1937. Plot was! - M.: Jauza, 2010. 320 p.
  4. Opposition Bulletin number 51 in July - August 1936. Paris
  5. Opposition Bulletin number 52-1936 53oktyabr. Paris
  6. Opposition Bulletin number 54 - March 5, 1937. Paris
  7. Opposition Bulletin number 56 57 July - August 1937. Paris
  8. Opposition Bulletin number 58 59 September - October 1937. Paris
  9. Opposition Bulletin number 60 61 December 1937. Paris
  10. Opposition Bulletin number 62 63 February 1938. Paris
  11. Opposition Bulletin number 64 in March 1938. Paris
  12. Opposition Bulletin number 65 in April 1938. Paris
  13. Opposition Bulletin number 66 67 May - June 1938. Paris
  14. Opposition Bulletin number 68 69 August - September 1938. Paris
  15. Opposition Bulletin number 70 in October 1938. Paris
  16. Opposition Bulletin number 71 in November 1938. Paris
  17. Opposition Bulletin number 72 in December 1938. Paris
  18. Opposition Bulletin number 73 in January 1939. Paris
-

УДК 94(47).084.5/6

UDC 94(47).084.5/6

Т.В. ЧЕНСКАЯ

доцент, кафедра истории России, Орловский государственный университет
E-mail: tanechka-che@yandex.ru

T.V. CHENSKAYA

Associate professor, Russian History Department, Orel State University
E-mail: tanechka-che@yandex.ru

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 1926-1932 ГГ. НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОГО ОКРУГА
И ИСТОЧНИКИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОКРОТДЕЛА ОГПУ)**

**THE PUBLIC MOOD OF THE SOVIET PEASANTRY IN THE RUSSIAN VILLAGE
IN 1926-1932 YEARS. BASED ON ORLOVSKY DISTRICT AND THE SOURCES
OF THEIR STUDY (ACCORDING TO THE DISTRICT DEPARTMENT OF THE OGPU)**

В статье отражен процесс формирования и развития общественных настроений крестьян в переломный для российской деревни период конца 20-х - 1932 гг. и охарактеризованы источники изучения общественных настроений.

Ключевые слова: крестьянство, деревня, кооперация, коллективизация, общественные настроения, ОГПУ.

The article shows the process of formation and development of public sentiment for turning peasants in the Russian village during the late 20's – 1932 years and characterizes the sources of study of public sentiment.

Keywords: peasants, village, cooperation, collectivization, the public mood, the OGPU.

Период 20-х-30-х гг. XX века занимает особое место в советской истории. В это время осуществлялось становление и развитие советской политической и экономической системы, в обществе происходили большие перемены, связанные с формированием комплекса настроений и ожиданий после завершения гражданской войны, образования нового государства СССР. Многие из этих настроений оказались не более чем иллюзией. Но и иллюзии были реальностью бытия советской деревни, одной из составляющих стратегии выживания. Рассматриваемые нами годы вносили свои коррективы в систему ценностей и ожиданий, расставляли свои приоритеты в реализации интересов различных категорий населения, влияли на характер отношений между крестьянством и властью. Перемены в общественных настроениях обусловлены прежде всего нестабильностью самого периода перехода от гражданской войны к мирной жизни, а в мирной жизни к НЭПу, а затем к хлебозаготовкам, коллективизации, индустриализации, первому пятилетнему плану. 1932 г. можно считать поворотным в жизни деревни, он был объявлен «годом сплошной коллективизации», в стране начался голод. Эти особенности периода определили хронологические рамки настоящей статьи – 1932 г., тем более что это последний год первой пятилетки.

Умонастроения и психологические ориентации людей являются самостоятельным фактором политического или экономического развития, поскольку они влияют на особенности социального поведения и в значительной степени определяют механизм принятия решений, в том числе и во властных структурах. Что же касается советского периода, то его изучение с позиций со-

циальной психологии и культурантропологии только начинается.

Изучение общественных настроений советского крестьянства российской деревни 20-х-30-х гг. XX в. имеет свои особенности. Дело в том, что массовых источников, как, например, данные социологических опросов или мониторингов общественного настроения, просто нет, так как не функционировали публичные социологические службы. Это не означает, что власти не интересовались умонастроениями граждан, напротив, такого рода информация отслеживалась достаточно регулярно и докладывалась представителям власти, как местной так и центральной. Сбором информации о настроениях занимались в той или иной форме различные государственные или общественные организации. Но главными структурами, для которых подобного рода деятельность была обязательной, были партийные органы и органы внутренних дел и государственной безопасности.

Наиболее информативными в данном случае являются материалы органов государственной безопасности – докладные записки о настроениях населения и всевозможные спецсводки. В 20-е гг. органы ОГПУ регулярно информировали ЦК ВКП(б) о состоянии умов в обществе, настроениях отдельных его групп. В архиве часто встречаются, например, секретные (серия «А» или серия «К») почтотелеграммы с приписками на них – копии в секретариат ЦК ВКП(б).¹

Обычно информация о состоянии дел в деревне поступала от так называемых резидентов и осведомителей. Интересные данные об этом приводятся в Докладной

1 См., например, ГАОО Ф Р-1847 Оп 1 Д 1 Л 228

записке Орловского окротдела ОГПУ об оперативной работе в деревне. В Орловском районе, прилегающем к городу Орлу, было 3 резидента и 42 информатора, которые отслеживали настроение следующих групп населения: крестьянство – 28 информаторов (бедняков и середняков), 1 – кулаков, 1 – сельскую администрацию, интеллигенцию – 6 информаторов, советский аппарат – 6. В остальных районах было 34 резидента и 408 информаторов, последние наблюдали следующие социальные группы: крестьянство – 311 информаторов (бедняков, середняков), кулаков – 3, сельскую администрацию и милицию 6, интеллигенцию и молодежь – 34, соваппарат – 22 информатора, антисоветский элемент – 3 информатора.² Как видно из приведенных данных, повышенное внимание было приковано именно к крестьянам-беднякам и середнякам, а учитывая рассматриваемые нами годы, это было не случайно.

Кроме указанного количества имеющихся информаторов по районам существовали еще информаторы и по районным городам: по освещению соваппарата – 17 информаторов, 1 – технического персонала, 3 по промышленности, по совхозам и колхозам рабочих-батраков – 7 человек.

Всего по Орловскому округу (в том числе и город Орел) насчитывалось 43 резидента и 501 информатор. В параллельной сети – 6 человек, связанных непосредственно с районным уполномоченным.³

Работа информаторов и резидентов, помимо сбора информации о настроениях сельских жителей, сводилась и к налаживанию регулярного и полного освещения по случаям террора, убийств, поджогов в районах округа, покушений на членов сельского совета, изучение агентурным путем кулацких хозяйств.

Причем весьма интересно проходила вербовка новых информаторов. Районным уполномоченным или помощником уполномоченного давалось задание резиденту выявить в намеченном селе активистов-общественников 3-4, которые проверялись по всем линиям ОГПУ, судебного и уголовного розыска, под разными предложениями. После сбора всех необходимых данных об объектах, намечающихся к вербовке, заполнялась предварительная анкета и представлялась на утверждение начальника ИНФО с получением санкций. А затем они вербовались на месте или же вызывались в аппарат под каким-то предлогом.⁴

Достоверность и полнота информации, представленная в итоговых сводках о настроениях крестьянства, зависела от характера самого документа; он мог быть общего содержания и тематическим, т.е. по конкретному вопросу, как правило, о какой-либо политической компании. Главная цель тематических документов заключалась прежде всего в демонстрации всенародной поддержки, негативные же оценки и мнения представлялись в виде отдельных эпизодов. Регулярные информационные сводки содержали более полную информацию о настроениях. По форме выражения эти

настроения выступают в виде мнений (высказываний, суждений), слухов и вопросов.

Слухи, как разновидность неформальной коммуникации, существовали всегда, однако состояние информационного пространства в СССР создавало особые условия для их активного формирования и распространения. Чем меньше у населения страны возможности доступа к достоверной информации, тем более широким является поле для возникновения разного рода фантазий и слухов. Их значение возрастает в переломные, нестабильные эпохи, атмосфера которых служит благоприятной почвой для возникновения разных страхов и опасений. Так, например в докладной записке «О подготовке к весенней посевной компании» отмечается, что среди зажиточных крестьян разносились слухи о том, что сельскохозяйственные машины будут отобраны у них для сортирования семян и обработки земли бедняцким хозяйствам. В связи с этим появились факты продажи и приведения в негодность сельскохозяйственного инвентаря. Хуторянин деревни Булгаково Воровского сельского совета Болховского района откуда-то услышал, что сельскохозяйственный инвентарь будет отобран от единоличных хозяйств и передан в обозы. В разговоре со своими односельчанами Филев говорит: «треер у меня сломан и некоторые части из него думаю продавать». Весной 1928 г. треер у него был в полной исправности и сортировал овес по заданию сельсовета. Аналогичные слухи распространились и в Дмитровском сельском совете Урицкого района, где зажиточный крестьянин, имеющий свой треер, услышав, что все сортировочные машины переходят в ведение селькредкома, разобрал его и некоторые части припрятал.⁵

Общественные настроения, как мы видим, нашли отражение в различных документах официального происхождения. Однако этого не достаточно для корректного исторического исследования. Все официальные источники имеют свои особенности, обусловленные их происхождением, которые необходимо учитывать при интерпретации заложенной в них информации. Эта информация является, как правило, уже соответствующим образом обработанной. Иногда составители документов фиксировали наиболее типичные тенденции в настроениях людей, но иногда их интересовали прежде всего случаи отклонения от общепринятого мнения. Чтобы получить адекватную информацию о настроениях и жизненных ориентациях населения, обозначить систему приоритетов в этих настроениях, определить круг проблем, на которых фиксируется внимание крестьян, необходим сравнительный анализ по всем группам официальных источников, а также по источникам личного происхождения, как опубликованным, так и архивным. При этом речь может идти с большей долей достоверности о тенденциях развития крестьянских настроений, об ожиданиях и главных психологических установках на конкретный отрезок времени. Таким образом, только комплексный анализ источников позволяет нам говорить с большей долей достоверности о тех

2 ГАОО Ф Р-1847 Оп 1 Д 1 Л 19

3 Там же

4 Там же Л 24

5 Там же Л 146

или иных тенденциях общественных настроений российской деревни, а точнее, о «живой» истории, мимо которой сложно пройти историку.

Палитра общественных настроений 20-х-нач. 30-х гг. чрезвычайно разнообразна. Но хотелось бы выделить несколько сюжетов, которые сами по себе являются весьма показательными для понимания общественной атмосферы того времени.

В конце 20-х гг. в Советской России начался переход к политике наступления на зажиточное крестьянство. Государство взяло курс на коллективизацию (XV съезд ВКП(б) – декабрь 1927 г.), увеличило налогообложение, отдельные категории крестьян (обычно крепкие хозяева – середняки и кулаки) лишались избирательных прав. В связи с этим в стране росло недовольство сельского населения, раздавались антикоммунистические лозунги. Особенно ярко это выразилось в увеличении фактов террора против советских работников деревни (председателей, секретарей сельских советов, членов сельсоветов и даже селькоров): убийства, поджоги, избиения. Цифры дают следующую картину – только за три месяца 1928 г. в Орловском округе по этому виду преступлений заведено 6 дел с 35 арестованными.⁶ Причем, по одному из них (убийство председателя сельского совета Макарова) два обвиняемых были приговорены к высшей мере наказания. Положение в деревне было настолько серьезным, что органам ОГПУ рекомендовалось ежемесячно отслеживать такие случаи и даже прилагать к докладным запискам установленной формы Таблицу № 2 «Характеристика террора в деревне по месяцам», включавшая такие графы, как: против кого направлен, характер и причины террора, социальный состав террористов.

Анализ докладных записок ОГПУ позволяет сделать вывод, что к 1929 г. ситуация в деревне еще более осложнилась. Не случайно именно в это время появился циркуляр Наркомюста от 8 января 1929 г. № 4/СС и был разослан всем краям, областям, губерниям – окрпрокурорам и председателям судов о принятии самых решительных мер борьбы с такого рода террористическими выступлениями. Причем в этом циркуляре уточнялось, что «под террором следует понимать не только убийства, ранения советских, общественных и партийных работников в деревне, но и случаи поджогов и других видов истребления имущества, побоев, насилий, происходящих на почве классово-борьбы вследствие общественной деятельности этих работников»⁷.

В силу указанного циркуляра Наркомюста, циркуляра Прокурора ЦЧО от 16 января 1929 № 9/С и в дополнение циркуляра Окрпрокуратуры от 27 ноября 1928 г. № 1р7 предлагалось к неуклонному руководству и исполнению следующих пунктов:

1. Все дела о преступлениях, направленных против партийных и общественных работников деревни, как правило, заканчивать расследованием не позднее месячного срока, никаких задержек и отсрочек на продление срока допущено быть не может.

2. Расследование должно проводиться самым быстрым и самым внимательнейшим образом. Ни одного дня без движения дело не должно находиться.

3. Нарсуды и органы дознания по получении сведений о такого рода преступлениях должны и обязаны немедленно же приступить к производству расследования с обязательным выездом на место происшествия.

4. Халатное отношение к расследованию этих дел будет рассматриваться как нежелание выполнять политические директивы партии и правительства, направленной на борьбу с контрреволюционными элементами деревни, в каждом отдельном случае будет служить поводом к привлечению виновных к ответственности, вплоть до придания суду, никаких напоминаний и добавлений в этом впредь допускаться не будет.⁸

Как видно из документов, за январь 1929 г. по Орловскому округу зафиксировано в Новосильском РИКе 2 случая террора на членов ВКП(б) и ВЛКСМ (покушение и поджог), в Знаменском РИКе – 1 случай на члена ВКП(б) за принадлежность к партии и 1 случай избиения работника низового соваппарата в Глодновском РИКе.⁹

Результаты систематизации материалов об активных антисоветских проявлениях за 1928-первые месяцы 1929 гг. показали, что по количеству этих проявлений в Орловском округе лидируют Орловский, Троснянский, Дмитровский и Урицкий районы.

Органы Окротдела ОГПУ даже рекомендовали редакциям газеты «Орловская правда» все поступающие в редакцию материалы о террористических актах по отношению к работникам соваппарата помещать после предварительной проверки.¹⁰

Недовольство крестьянского населения вызывали не только чрезмерное налогообложение (сельскохозяйственный налог, налог по самообложению), лишение избирательных прав, но и хлебозаготовки и изъятие так называемых излишков хлеба на фоне его недостатка и дороговизны. В спецсводках Орловского Окротдела ОГПУ за 1929 г. нередко отмечалось, что со стороны бедняцко-средняцких хозяйств ощущается недостаток в хлебе, большинство крестьян употребляет хлеб с примесью суррогатов. Росли и цены на хлеб, так цена на рожь дошла до 3р.30 коп., на муку до 3р.50 коп., на овес до 1р.20 коп., на вику до 1р.10 коп. за пуд.¹¹

Хлебозаготовительные компании вызывали в крестьянской среде не только антикоммунистические и антиправительственные настроения, но и в отдельных случаях и стихийные митинги, как например, на базаре г. Мценска. Некто Архипов И.Р. стал кричать, обращаясь к крестьянам, что на базаре хлеб стоит 6 р. за пуд, а государство требует хлеб и платит за него 1р. 50 коп., и что на эти деньги купить ничего нельзя. К Архипову присоединился Черкасов и тоже начал агитировать. Около них собралась толпа в 500 человек, которые подняли свист и некоторые из толпы выкрикивали: «Бей

6 Там же Л. 2

7 Там же Л. 135. Курсив автора.

8 Там же

9 Там же Л. 138

10 Там же Л. 102

11 ГАОО Ф Р-1847 Оп 1 Д 2 Л. 31, 32

милиционером». К Архипову и Черкасову присоединился крестьянин из деревни Погонец Семенов П.С. и тоже начал агитировать.¹² Аналогичные происшествия имели место и в других районах Орловского округа. На общем собрании деревни Однолук Болховского района при обсуждении доклада о важности хлебозаготовок со стороны крестьян слышались разговоры: «Крестьяне только должны платить налоги, должны вести хлеб в кооперацию и всеми силами поддерживать государство, которое и не думает о них заботиться».

Недостаток хлеба и дороговизна зернопродуктов истолковывались по-разному в крестьянской среде: «они, то есть власть, весь собранный хлеб перевозят в запас и готовятся к войне. В последнее время стало известно, что Ворошилов отказался от командования войсками, ввиду того, что они стоят за линию Троцкого, видно, что за советы никто не пойдет, вот если война, тогда пойдем бить коммунистов, пощады не будет».¹³

Индивидуальное обложение хозяйств сельхозналогом происходило по ст. 27 и 28. По донесениям ОГПУ в Орловском округе повсеместно вызывал протест размер налога, но еще большее недовольство, и не только зажиточной части деревни, вызывал налог по самообложению, который исчислялся от размера сельскохозяйственного. Были случаи, когда и беднота, и даже члены сельского совета были против самообложения, как например в деревне Малая Тросна. Там против 25% самообложения выступил батрак-пастух и еще несколько бедняков, в результате удалось с большим трудом провести 15%. То же самое произошло и в Малаховской слободе, где собрание было сорвано. А в Средненском сельсовете Верховского РИКа вообще был поставлен вопрос: «Нужно ли самообложение или нет?». И лишь 8 человек высказались за его необходимость, а остальные, в том числе и член сельсовета (некто Шуркин), проголосовали и выступили против. По Подзваловскому сельскому совету Урицкого района лишь со второй попытки крестьяне проголосовали за 25% самообложения, но в разговорах между собой указывали, что это не они согласились на 25%, а их заставили. Во Мценском районе в селе Большое Теплое крестьянин Абросимов Тихон Семенович даже агитировал в деревне и призывал на собрании к срыву самообложения.¹⁴

Нередки были случаи, когда в одном сельсовете деревни воспринимали и соответственно голосовали по-разному по самообложению, в зависимости от практической необходимости последнего. Так, в Петушинском сельсовете Новосильского района (1928 г.) крестьяне деревни Хутори единодушно приняли 25% самообложения, даже бедняки, имевшие льготы по сельхозналогу, согласились платить от одного до трех паев, чтобы на эти средства построить школу. А жители деревни Петушки того же сельсовета категорически не приняли самообложения, мотивируя свой отказ словами Кладовщикова о том, что год был неурожайный.¹⁵

Нередко на собраниях сельские жители отмечали несправедливость, непосильность налогового бремени и что проводимый принцип самообложения вносит лишь раскол и вражду среди крестьян. Так, Зимин С. (бывший судья) говорил: «Не нужно нам самообложение, поскольку оно непосильно». Член Поленовского сельсовета Новосильцев (маломощный) предлагал: «Мое предложение на самообложение по 10 копеек с души, но ни чуть с налогового рубля, а если мы будем брать самообложение с налогового рубля, то мы этим оскорбим тех граждан, которые платят по 17 и по 18 рублей налога». Крестьяне села Рог Первой слободы Корсаковского района в своих выступлениях указывали, что проводимый принцип налогообложения вносит вражду среди крестьян, нужно чтобы платили все поровну, а то при таких порядках человека с рождения учат иметь вражду к другим, разделяя крестьян на кулаков, бедняков и середняков.¹⁶

И действительно, мы не можем не согласиться с глубиной этого высказывания. Политика большевиков привела к резкому обострению во взаимоотношениях различных социальных групп деревни. Нередки были явления, когда на собраниях допускались грубые высказывания в адрес и кулаков, и бедняков, порой не лишённые истины. Так, крепкий середняк Шепелев уже упоминавшегося нами Корсаковского района говорил с иронией: «Бедноту надо освободить, это даст возможность ей играть в карты и пьянствовать» или: «самообложение платить нужно, но вся беда в том, что беднота не платит, давно у нас не было бы бедноты, если бы все они работали, но им лучше сидеть ничего не делать за спинами».

А некоторые крестьяне уповали на смену власти. Черкаев Захар из деревни Гладкое (Мценский РИК) отмечал: «Все одинаковы на селе и для всех нужны машины, пруды и т.п., необходимо настаивать, чтобы брали со всех поровну. Вот власть другая придет, всем этим сукам, лодырям как следовательно выпет»¹⁷

К началу 1929 г., на фоне укрепления и создания колхозов и совхозов, у части крестьян возникало чувство недоумения и протеста. Ходили слухи, что «в коллективе (т.е. в колхозе) появится комиссар, который будет командовать, заставляя работать, сам ничего не делать, государству же легче будет обдирать крестьян, имея своего человека-командира в коллективе».¹⁸ Крестьяне, привыкшие к единоличному хозяйствованию, сомневались в осуществимости кооперации. Такие настроения находили отражение в частных беседах. Так, бедняк деревни Покровки Верховского района сказал: «Какая нам жизнь в колхозе, брат с братом не может ужиться, а то чужие, один – работает, другой гуляет, кроме брани там ничего хорошего нет»¹⁹ Мысли на этот счет, высказанные в Верховском районе, были схожи с тем, что говорили в Урицком, хотя эти районы даже не граничили друг с другом. Так крестьянин деревни Давыдовой

12 Там же Л. 105

13 Там же Л. 32

14 ГАОО Ф Р-1847 Оп 1 Д 1 Л. 150

15 Там же Л. 149, 150, 151

16 Там же Л. 151, 148

17 Там же Л. 151

18 Там же Л. 182

19 Там же Л. 183

сказал: «Какой-то коллектив хотят устроить, когда они с отцом не живут вместе, а как же чужие могут жить вместе, это наверное придется работать на лентяев.»²⁰

Основная масса крестьян, в том числе бедняков и середняков, сохраняли устойчивую ориентацию на индивидуальное ведение хозяйства. В деревне Герасимовой Болховского РИКа в частной беседе крестьяне указывали: «Государство задалось целью коллективизации крестьянского хозяйства, но это очень трудно провести потому, что мы привыкли к собственности»²¹ Но были случаи, когда крестьяне, пытаясь осмыслить происходящие процессы в деревне, нередко вносили свои предложения, замечания и даже предлагали, как и что можно сделать лучше. В ряде деревень крестьяне отмечали: «У нас еще много эгоизма и некультурности. У нас если производятся общественные работы, один идет, другой нет, а некоторые идут не работать, а для вида. По-моему необходимо было бы создать показательные коллективы под руководством вождей и тем

самым заинтересовать массы»²². И, как известно, чуть позже государство действительно станет создавать образцовые совхозы и колхозы.

По сообщениям ОГПУ, опасение и недовольство крестьян вызывали методы проведения коллективизации, и в документах приводятся такие высказывания, как: «Мужиков разделили на три группы, ссорят мужика с мужиком, насильно загоняют в колхозы. Разве за это мужик боролся в 1918».²³

Используя трудное положение в деревне, большевики действительно подтолкнули крестьян к борьбе с кулачеством, что привело к еще большему обострению обстановки в деревне и помогло перейти к проведению в жизнь плана сплошной коллективизации.

Таким образом, палитра общественных настроений советской деревни 20-х–30-х годов была разнообразной, мы затронули лишь некоторые аспекты: развитие антисоветских настроений, восприятие крестьянами Советской власти и ее политики в деревне (налогообложение, хлебозаготовки, коллективизацию).

---

20 Там же
21 Там же

---

22 Там же
23 Там же

Библиографический список

1. Государственный архив Орловской области (ГАОО) Ф.Р 1847 Оп.1 Д.1 Л,
2. Ф.Р 1847 Оп.1 Д.2

References

1. F.R 1847 Op.1 D.1 L State Archive of the Orel Region (SAOR),
2. F.R 1847 Op.1 of 2

УДК 005.95(043.3)

UDC 005.95(043.3)

В.Д. БЕЛИК

кандидат экономических наук, старший преподаватель, кафедра финансов и кредита, Крымский гуманитарный университет
E-mail: qwer20003@rambler.ru

V.D. BELIK

Candidate of economic sciences, senior teacher, Department of finance and credit, Crimean Humanitarian University
E-mail: qwer20003@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

THE FORMATION OF THE SOCIAL AND ECONOMIC MECHANISM OF MANAGEMENT EFFICIENCY BY THE PERSONNEL AT THE ENTERPRISES OF THE FOOD-PROCESSING INDUSTRY

Необходимость формирования социально-экономического механизма эффективного управления персоналом обусловлена целью, которая стоит перед отечественными предприятиями пищевой промышленности и включает позиционирование работников как главной организационной ценности. В статье разработаны прикладные аспекты формирования организационного поведения на предприятиях пищевой промышленности путем использования технологий управления персоналом, элементы которых конкретизированы в соответствии с их назначением и типом организационного поведения.

Ключевые слова: механизм, эффективность, управление, персонал, предприятие, пищевая промышленность.

The necessity of formation of the social and economic mechanism of efficient control the personnel is caused by the purpose which faces to the domestic enterprises of the food-processing industry and includes positioning workers as main organizational value. In the article applied aspects of formation of organizational behavior at the enterprises of the food-processing industry are developed by use of technologies of management by the personnel which elements are concretized according to their purpose and type of organizational behavior.

Keywords: mechanism, efficiency, management, personnel, enterprise, food-processing industry.

Процессы интеграции и глобализации – вызовы настоящего – присущи современной пищевой промышленности. Управление на уровне государства приобретает социально ориентированное направление, в результате чего человек рассматривается как основная движущая сила социально-экономического развития общества.

Формируются предпосылки для аккумуляции эффективного использования человеческого, интеллектуального и социального капиталов, носителями которых являются работники. Распространение предприятий пищевой промышленности открывает новые перспективы экономического развития, ускоряет инновационные процессы в теории и практике менеджмента персонала.

Преодоление кризисных явлений в пищевой промышленности зависит не только от уровня финансовых ресурсов, инновационной активности, но и от персонала предприятий, менеджмент которых должен обеспечить их прибыльность.

В управлении персоналом на протяжении продолжительного времени доминируют экономические аспекты, предусматривающие рассмотрение персонала как трудового ресурса и учетной единицы. Несмотря на эволюцию взглядов и изменение акцентов в направлении распространения социально ориентированного управления, проблема формирования

социально-экономического механизма эффективности управления персоналом остается не полностью решенной.

Цель статьи заключается в обосновании теоретико-методологических аспектов социально-экономического механизма эффективности управления персоналом на предприятиях пищевой промышленности.

Исходя из факта существования в сфере управления ряда подходов к оценке эффективности управления персоналом, нами отмечается, что они не исключают друг друга, а эффективность управления персоналом, представляемая критерием эффективности, предлагается рассматривать с позиций комплексного подхода, в пределах которого выделяются экономическая, социальная, инновационно-инвестиционная и организационная эффективности труда.

Методологические основы формирования социально-экономического механизма эффективности управления персоналом, базирующиеся на одноименной концепции, нами определены через совершенствование содержания парадигмы управления персоналом.

Инструментарий социально-экономической эффективности управления персоналом состоит из закономерностей, специфических принципов, функций, методов управления персоналом, которые создают методологические основы формирования социально-экономического механизма эффективности управления персоналом [2].

Концепция эффективности управления персоналом в пределах формирования социально-экономического механизма управления персоналом должна строиться при условии реализации социально ориентированного управления, в рамках которого персонал рассматривается через призму его капитала, считается высочайшей ценностью предприятий пищевой промышленности и учитывается в форме нематериальных активов.

Необходимость формирования механизма обусловлена целью, которая стоит перед отечественными предприятиями пищевой промышленности и включает позиционирование работников как главной организационной ценности, нематериального ресурса, действенное управление которым обеспечивает социально-экономический эффект, отображенный в росте прибыльности.

Социально-экономический механизм эффективности менеджмента персонала находится в системе многоуровневых связей, под влиянием внешней и внутренней сред. Осуществление управления в пределах модели может осуществляться на основе законов и закономерностей, принципов, форм и методов, обеспечивающих условия для функционирования социально-экономического механизма эффективности управления персоналом.

Результаты факторного анализа показывают, что наиболее весомыми являются такие составляющие структурной модели эффективности управления персоналом, как эффективность интеллектуализации труда, экономическая и социальная эффективности, а наименее весомыми – инновационно-инвестиционная и организационная эффективности.

Отсутствие среди основных показателей тех, которые иллюстрируют инновационно-инвестиционную и организационную составляющую, отображает ситуацию, сложившуюся на предприятиях пищевой промышленности: неблагоприятный инвестиционный климат и недостаточное влияние институтов на процессы формирования и использования интеллектуального капитала.

Политика руководства предприятий пищевой промышленности должна быть направлена, во-первых, на достижение количественных показателей за счет эффективности управления персоналом (об этом свидетельствуют акценты на формирование и развитие интеллектуального капитала), а во-вторых, на активизацию инновационно-инвестиционной эффективности и обеспечение эффективности организационной деятельности.

Определение основных особенностей развития предприятий пищевой промышленности позволяет сделать следующие выводы. С одной стороны, ограниченность инвестиций, недостаток средств на удовлетворение социальных потребностей персонала, нежелание руководства формировать действующий механизм кадровой политики – это проявление отрицательных тенденций, а с другой – стремление работников к саморазвитию, что создает условия для формирования интеллектуального капитала.

Эффективность интеллектуализации труда, в состав которой вместе с эффективностью кадровой политики и эффективностью функционирования объектов социальной инфраструктуры входит эффективность формирования, развития и использования интеллектуального капитала, осуществляет весомое прямое влияние на управление персоналом.

Эффективность хозяйствования на всех уровнях управления зависит от использования нематериальных активов, основу которых составляет интеллектуальный капитал, являющийся неисчерпаемым и постоянно возобновляемым ресурсом, который определяет инновационность и конкурентоспособность предприятий пищевой сферы.

Выделение факторов позволяет рассчитать интегральный коэффициент уровня развития интеллектуального капитала с помощью таксономического метода. На основе определения уровня развития интеллектуального капитала нами предлагаются соответствующие рекомендации по усилению его весомости в пределах обеспечения эффективности управления персоналом.

В пределах кадровой политики реализуется повышение уровня интеллектуального капитала за счет качественного обновления и пополнения знаний, с целью чего нами разработана система управления знаниями.

Система управления знаниями является определяющей в процессе формирования и функционирования предприятий пищевой промышленности, в которой человек выступает как главный актив, носитель интеллектуального капитала, способна перерабатывать информацию в знания, создавать интеллектуальные продукты, реализация которых предоставляет преимуществам предприятиям, результативность функционирования которых обеспечивается формированием социально-экономического механизма эффективности управления персоналом.

В целом реализация указанного механизма создает условия для прибыльности, что наблюдается на примере функционирования предприятий пищевой промышленности. Эффективность интеллектуализации труда обеспечивается посредством формирования, развития и использования интеллектуального капитала, является одной из существенных составляющих эффективности менеджмента персонала, а система управления знаниями считается системообразующим элементом для формирования предприятий пищевой промышленности.

Реализация социально-экономического механизма эффективности управления персоналом возможна при наличии его организационного обеспечения [3, с. 140].

Предложенный социально-экономический механизм эффективности управления персоналом дает возможность разработать организационное обеспечение механизма управления персоналом и содержит следующие составляющие: стратегическое обеспечение механизма эффективности управления персоналом и интеграционный блок.

Интеграционные аспекты отделяются вследствие учета влияния процессов интеграции и глобализации, охватывают отечественные предприятия пищевой

промышленности и определяют новые требования для персонала, профессионально-квалификационные качества которого должны отвечать мировым стандартам. К составляющей, которая содержит интеграционные аспекты, мы относим нормативно-правовое, материально-техническое, коммуникационное, кадровое и культурологическое обеспечение.

Реализация социально-экономического механизма эффективности управления персоналом возможна при условии разработки стратегии развития персонала как составной стратегии предприятий пищевой промышленности. Интегрированность предприятий пищевой промышленности в мировую систему хозяйствования обеспечивается при условии оптимальности функционирования социально-экономического механизма эффективности управления персоналом.

Оперирование анализом Парето в пределах формирования социально-экономического механизма эффективности управления персоналом позволяет определить

основные причины неэффективности управления персоналом и спрогнозировать возможные результаты с учетом определенных условий, в которых функционируют предприятия пищевой промышленности.

Культурологическое обеспечение предприятий пищевой промышленности может презентоваться организационной культурой. На основе практического опыта и контент-анализа нами выявлены основные составляющие организационной культуры: корпоративные ценности и принципы, философия управления, правила игры коллектива, групповые нормы, поведенческие стереотипы.

Проведенное исследование показывает, что социально-экономический механизм эффективности управления персоналом дает возможность разработать организационное обеспечение и его реализация возможна при условии разработки стратегии развития персонала как составной стратегии предприятий пищевой промышленности.

Библиографический список

1. *Еськов А.Л.* Повышение эффективности мотивации работников на основе усиления ее связи с конечными результатами труда / А.Л. Еськов, И.И. Симакова // Вісник Харківського нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. Економічна серія. 2005. Вип. 663. С. 73-76.
2. *Морщенок Т.С.* Підвищення трудової активності персоналу – умова ефективного функціонування підприємства. Вісник Хмельницького національного університету. 2005. №3. Т.2. С.168-173.
3. *Романюк Л.М.* Кваліфікація персоналу – фактор реалізації стратегії діяльності підприємства. // Наукові праці Кіровоградського національного технічного університету. 2004. Вип. 6. С. 139-145.
4. *Синельник В.В.* Особенности организационно-методического подхода к формированию механизма стратегического управления персоналом. // Экономические проблемы и перспективы стабилизации экономики Украины. 2007. №1. С.153-159.

References

1. *Eskov A.L.* The increase of efficiency of motivation of workers on the basis of amplification of communication with end results of work / A.L. Eskov, I.I. Simakova // the Bulletin of the Kharkov national university of V.N. Karazina. 2005. Vol. 663. Pp. 73-76.
  2. *Morshchenok T.S.* The increase of labor activity of the personnel - a condition of effective functioning of the enterprise. // the Bulletin of Khmelnytskyi national university. 2005. №3. Vol. 2. Pp. 168-173.
  3. *Romanjuk L.M.* The qualification of the personnel - the factor of realization of strategy of activity of the enterprise. // Proceedings of the Kirovograd national technical university. 2004. Vol. 6. Pp. 139-145.
  4. *Sinelnik V.V.* The organizational-geopicmethodical approach to formation of the mechanism of strategic management by the personnel. // Economic problems and prospects of stabilization of economy of Ukraine. 2007. № 1. Pp. 153-159.
-

УДК 005.7:005.41

UDC 005.7:005.41

И.Н. ГОРБОВА

кандидат экономических наук, доцент, кафедра менеджмента и управления народным хозяйством, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: igorbova@mail.com

I.N. GORBOVA

Candidate of economical sciences, assistant professor of management and economic management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
E-mail: igorbova@mail.com

ОСОБЕННОСТИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

PLANNING FEATURES OF THE ADMINISTRATION SYSTEM IN THE PERIOD OF INSTABILITY

В статье рассматриваются подходы к проектированию системы управления организацией и выявление оптимальной системы управления в сложившихся социально-экономических условиях. Показывается многофакторный подход к проектированию. Особое внимание уделяется выбору этапов жизненного цикла организации в условиях неустойчивости. Обосновывается выбор предложенной системы управления.

Ключевые слова: организация, внешняя и внутренняя среда, жизненный цикл, система управления, структура, проектирование, изменения.

The article discusses the approaches to the planning of the organization management system and identifying of the best management in the prevailing socio-economic conditions. The multifactorial approach to planning is shown. Particular attention is paid to the choice of the lifecycle of the organization in conditions of instability. The choice of the proposed control system is confirmed.

Keywords: organization, external and internal environment, life cycle management system, structure, design changes.

Выживают не самые сильные виды, и даже не самые разумные.

Выживают те, кто быстрее других приспосабливается к переменам.

Чарлз Дарвин

Отличительной чертой развития экономики на сегодняшний день является неустойчивость экономической среды и соответственно среды организации. Управленцы вследствие этого оказываются перед выбором: применять в управлении организацией новые инновационные технологии или использовать накопленный опыт.

При стабильной социально-экономической обстановке повышение эффективного управления организацией происходит через классическое управление, основываясь на внутренних ресурсах организации.

Инновационное управление настроено же на использование и поиск возможностей во внешней среде организации, и при этом активно должна проявляться гибкость самой организации.

В условиях неопределенности и неустойчивости внешней среды руководители ведут поиск таких систем управления, которые смогли бы обеспечить организации адаптивность и возможность быстрого реагирования на внешние изменения. По мнению специалистов, неустойчивость среды представляет собой нарастающую неопределенность, это является полной противо-

положностью традиционным методам управления в организации.

Соответственно требуется изменение подхода к управлению, так как организация должна регулярно контролировать происходящие изменения во внешней среде, будет это на микро или на макроуровнях. Тем не менее быстрота, с которой происходят изменения в стране, мире показывает необходимость регулярного поиска новых, более эффективных подходов к управлению деятельности организацией.

Одним из подходов к эффективному управлению является проектирование систем управления с учетом всех составляющих организационной системы: планово-экономической, организационной и технической, кадровой документации. Но тем не менее надо выявить и другие составляющие, такие как начальные условия, влияние внешней среды, ситуацию внутренней среды, факторы и другое.

Проектирование систем управления организации в принципе универсально, но в условиях неустойчивости изменяется не только структура, но и формулировка целей, задач, способы реализации, ресурсное обеспечение, процессы, которые происходят в организационной системе управления. Формирование структуры для организации имеет принципиальное значение, поскольку детальное проектирование систем управления определяет главные характеристики организации.

Основными задачами проектирования системы

управления считаются: организационная структура, набор функционально обособленных элементов организации, связи между элементами организации, определение методов и форм реализации этих связей, закрепление их в нормативных документах. Данные моменты создают основу для бесперебойного функционирования организации, поддержания процессов обмена ресурсами, информацией. Но система управления организации должна регулярно подвергаться изменениям, так как меняется политическая, социальная, экономическая обстановка и т.д.

Соответственно, изменения означают, что появляется что-то новое. Нельзя стоять на месте, надо меняться, так как если стоять на месте, то другие организации – конкуренты выйдут на лидерские позиции.

Внутриорганизационными причинами изменения структуры системы управления являются неудовлетворительное функционирование организации, перегрузка высшего руководства, отсутствие ориентации на перспективу, разногласия по организационным вопросам, резкое изменение масштабов деятельности, объединение хозяйствующих субъектов, изменение технологий производства и управления.

В настоящее время на этапе своего развития ни одна организация не в состоянии встроиться в существующие структуры без проектирования его организационной системы управления.

Особенно важно при проектировании систем управления обратить внимание на фазы жизненного цикла организации и определить этап наступления «слабого звена».

И если в стандартном или классическом жизненном цикле организации (рис. 1) все понятно, то в жизненном цикле организации, построенной в период экономической напряженности, будет некоторая разница, особенно на этапах развития. Жизненные циклы организации в период нестабильности можно представить в «зеркальном отражении» как при прогрессивном развитии, так и при регрессивном (рис.2).

И. Адизес, выступая в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, сказал: «Ключ успеха в управлении организацией – это умение сосредоточиться на решении проблем, которые присущи данной стадии жизненного цикла компании, так, чтобы она могла развиваться дальше».

В связи с этим, проектирование систем управления организацией непосредственно связано с жизненным циклом организации, в частности, на каком этапе мы будем проектировать, такая и получится система управления. Если это происходит в условиях нестабильности, то нужно придерживаться двух важнейших параметров: гибкости и управляемости.

Сегодня эффективна только та организация, руководителям которой удастся спроектировать систему управления инновационного типа, обеспечивая ее устойчивость и развитие. Рыночная адаптивность организации определяется не только наличием стратегии, разработанной с учетом имеющихся преимуществ и

ограничений, возможностей и угроз, но и постоянным развитием управленческого потенциала руководителей.

Способность организации к изменению – ключевой фактор ее успеха в краткосрочной и долгосрочной перспективе. В будущем самыми преуспевающими станут те организации, которые способны стремительно и эффективно осуществлять фундаментальные, долгосрочные изменения, полностью трансформирующие систему.[1]

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод, что из рассматриваемых подходов к проектированию системы управления организации в условиях нестабильности выбор за управлением инновационного типа, хотя, как отмечалось ранее, при устойчивом социально-экономическом развитии неплохо себя проявляет классическая система управления. Но организации в рыночных условиях выбирают инновационный тип поведения, что порождает проектирование управления в новом свете.

Таким образом, в первом приближении инновационное поведение экономических субъектов может быть определено как особый тип стратегического рыночного поведения предпринимателей и фирм, заключающийся в систематическом поиске новых технологий, способов организации производства товаров, осуществления работ и оказания услуг, и направленный на достижение достаточного уровня прибыли за счет более полного удовлетворения потребностей покупателей и клиентов по сравнению с конкурентами. [2]

Признаками эффективной системы управления в организации являются следующие факторы: соответствие структуры со стратегией, среде функционирования, отсутствия противоречий между должностными обязанностями. Сюда можно отнести сравнение вариантов организационной структуры, где выбор падает на наиболее полное и устойчивое достижение конечных целей системы управления при относительно меньших затратах на ее функционирование.

Главными особенностями проектирования системы управления на сегодняшний день являются следующие уровни проектирования : цели – процессы – организационная структура – информационная структура – информационные системы управления.

Проектирование системы управления организацией включает: методологию, инструменты и команду. В целом система управления организации представляет собой инструменты, с помощью которых организация управляет объектами внутренней и внешней среды для достижения своих целей в долгосрочной перспективе. Существует множество аргументов за проектирование системы управления организации в условиях нестабильности, к ним относятся повышение эффективности управления, сокращение затрат, объем бизнеса, повышение производительности труда и самое главное – внедрение информационных систем.

Хорошо спроектированная система управления организации нужна для того, чтобы:

1. Повысить инвестиционную привлекательность организации. Так как инвестиции позволяют ускорить

процесс развития организации, а в условиях неопределенности их получить сложно. Соответственно, эффективная система управления организацией повышает шансы на привлечение инвестиций.

2. Для повышения ликвидности организации. Это своего рода с коммерческой точки зрения «продажа организации». Тут большую роль играет прозрачная система управления организации.

3. Повышение шансов на успех (прибыль, конкурентоспособность). Происходит достижение страте-

гических целей с минимальными затратами.

Таким образом, проектирование системы управления в неопределенных условиях должно происходить с учетом инновационной направленности. Ее рассмотрение позволяет предположить, что именно данная система управления позволит организации стать конкурентоспособной и несмотря на внешние негативные воздействия занять лидирующие позиции на нужном ей сегменте рынка.

Библиографический список

1. Шермет М.А. Управление изменениями. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2011. 128 с.
2. Исламутдинов В.Ф., Пермяков П.Ю., Егорова Е.А. Особенности инновационного поведения организаций // Менеджмент в России и за рубежом. 2012. № 3.

References

1. Shermet M.A. Management of changes. Moscow: Publishing House "Delo" RANEPА, 2011. 128 p.
  2. Islamutdinov V.F. Permjakov P.Y., Egorova E.A. Features of organizations' innovative behavior // Management in Russia and abroad. 2012. № 3.
-
-

Е.А. ГРИШАКОВА

магистр, филологический факультет, специальность
«Реклама и связи с общественностью», Орловский го-
сударственный университет
E-mail: glider12@list.ru

E.A. GRISHAKOVA

Master of the Faculty of Philology specialty «Advertising
and public relations Orel State University
E-mail: glider12@list.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ ПОД ДЕЙСТВИЕМ ЭКОНОМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КОНВЕРТАЦИЙ

TRANSFORMATION OF MUSICAL COMMUNICATIONS UNDER THE INFLUENCE OF ECONOMIC AND TECHNICAL CONVERSIONS

В статье рассматриваются особенности трансформации музыкальных коммуникаций под действием социально-экономических преобразований и технических конвертаций. Определены трансцендентальные взаимосвязи циклических экономико-технологических изменений, рассмотренных Н. Кондратьевым, с сопутствующими им трансформациями, происходящими в западноевропейской и американской музыке. Выделены конституирующие свойства музыкальных коммуникаций в социально-экономической среде.

Ключевые слова: экономические циклы, музыкальные коммуникации, музыкальное воздействие, музыкальные коннотации.

The article considers the peculiarities of transformation of musical communications under the influence of socio-economic transformations and technical transfigurations. Transcendental interrelations of cyclical economic and technological changes, discussed by N. Kondratyev, are determined in the context the accompanying transformations taking place in Western European and American music. The author singles out constituting properties of musical communications in the socio-economic environment.

Keywords: economic cycles, musical communications, musical effect, musical connotations.

Музыку принято называть универсальным языком человечества. Эволюция музыкальных стилей и направлений, по нашим наблюдениям, во многом зависит от факторов социальной напряженности, экономических и технологических конвертаций.

По нашему мнению, музыка оказывает влияние на все сферы общественных отношений, отражая социально-экономические и технологические процессы, провоцирующие развитие различного рода музыкальных коммуникаций.

Сложность структуры музыкальной коммуникации проявляется в вариативности природы музыкального смысла, которая определяется самой сущностью музыкального языка. Например, по мнению Ю. Бычкова, для музыкального языка характерно «отсутствие однозначно определенного денотата, приоритет коннотативных, всегда размытых значений, зависимость смысла от субъективного переживания звуковых структур».

Проведя сравнительный анализ тенденций в западноевропейской и американской музыке на протяжении исторического периода, мы обнаружили определенную корреспонденцию предпосылок развития музыкальных течений в период с 1803 по 2018 г., рассмотренный в теории Н.Кондратьева. Большинство музыковедов [Э.Абдулин, Ж.Дозорцева] также отмечают существование в развитии музыки определенной «этапности», или «циклическости».

Прослеживаемая «циклическость» связана с появлением, вследствие технологического прогресса, новых инструментальных музыкальных средств и выразительных возможностей в музыке. С переходом от одного технологического уклада к другому все более выражено становится влияние технической перевооруженности общества на музыку. Н. Кондратьевым в своей теории был проанализирован ряд экономических индикаторов, исследования проведены путем эмпирического анализа большого числа экономических показателей стран Европы и США с 1790-го по 1920 г. Ученый обнаружил, что значения этих показателей синхронно движутся в долгосрочном периоде. Автор теории обратил внимание, что в долгосрочной динамике этих индикаторов наблюдается определенная циклическая закономерность, на смену фазам роста соответствующих показателей приходят фазы их относительного спада. Период этих долгосрочных колебаний был определен Н. Кондратьевым в 50 лет с возможным отклонением в 10 лет. Циклы состоят из чередующихся фаз относительно высоких и относительно низких темпов экономического роста. Многие исследователи связали смену волн с технологическими укладами. Новые (революционные) технологии делают возможным масштабное расширение производства, формируют новые секторы экономики, следствием чего является возникновение нового технологического уклада.

• Сделаем попытку рассмотреть зависимость между волновыми циклами развития мировой экономики, сменой технических укладов и развитием музыки в указанные периоды. Для проведения анализа используем следующий вариант датировки кондратьевских циклов¹ цикл – с 1803 до 1841-43 гг. ;

- 2 цикл – с 1844-51 до 1890-96 гг.;
- 3 цикл – с 1891-96 до 1945-47 гг.;
- 4 цикл – с 1945-47 до 1981-83 гг.;
- 5 цикл – с 1981-83 до ~2018 г. (прогноз)

При проведении сопоставления рассмотрим основные тенденции в европейской и американской музыке во временном периоде, в который укладывается теория Кондратьева. В данном историческом периоде принято выделить три основных направления академической музыки: классицизм (1750-1820), романтизм (1820-1900), музыку XX века (1901-2000).

Как видно из таблицы 1, развитие европейской музыки конца XVIII-начала XIX века, периода, соответствующего первому кондратьевскому циклу, во многом проходит под влиянием Великой французской революции, которая не только способствует развитию массово-бытовой музыки (марши, героические песни, в том числе «Марсельеза»), но и вносит изменения во все музыкальные жанры. Этот процесс проходит на фоне и под воздействием активной демократизации всей общественной и музыкальной жизни, преодоления сословных границ – наследия феодализма. Из аристократических салонов музыка выходит на более широкие площадки, доступные широкому кругу слушателей. Возникает целый ряд новых музыкальных заведений, в частности консерваторий в Праге, Варшаве, Будапеште, Вене. Появляются музыкальные газеты и журналы. Музыкальное исполнительство окончательно отделя-

ется от творчества как самостоятельной музыкальной деятельности. Параллельно с процессами постепенного развития промышленности начинается процесс коммерциализации музыки.

Знаковыми «техническими» явлениями данного периода становятся изобретение саксофона и фонографа. Сконструировано семейство саксофонов было в 1842 году бельгийским музыкальным мастером Адольфом Саксом и запатентовано им четыре года спустя. С середины XIX века саксофон используется в духовом оркестре, реже в симфоническом, также в качестве солирующего инструмента в сопровождении оркестра (ансамбля). Саксофон в периоде, соответствующем третьему циклу, станет одним из основных музыкальных инструментов появившегося нового музыкального направления¹ – джаза и родственных ему жанров. Изобретение фонографа Т. Эдиссоном и Э. Берлинером в 1877-1894 годах дало принципиальную возможность сохранения и воспроизведения музыкальных звуков, послужив базой для развития звукозаписи.

В композиторском творчестве XIX века утверждается романтизм – это отражено в таблице 2. В отличие от классицизма, для романтизма характерны: углубленное внимание к эмоциональному миру человека, индивидуализация и драматизация лирики, противопоставление личности действительности, идеала и реальности, интерес к национальному своеобразию, обращение к историческим, легендарным и народно-бытовым сюжетам, более свободная трактовка музыкальных жанров и стремление к синтезу искусств, с чем связано развитие программной музыки. Наблюдается активное становление новых национальных музыкальных культур польской – (творчество Ф. Шопена), венгерской (Ф. Лист), норвежской (Э. Григ), чешской (А.Л. Дворжак).

Таблица 1.

Соотношение технических укладов по Н. Кондратьеву и музыкальных трансформаций (1 цикл)

циклы Н. Кондратьева			музыкальные трансформации		
циклы	период	экономические и технологические конвертации	периодизация/направление академической музыки, ее социальная направленность	музыкальные «технические» преобразования	трансформации в западноевропейской и американской музыке
1-й цикл	процветание 1803-1813	текстильные фабрики, промышленная добыча каменного угля	классицизм 1750-1820, в основе классицизма убеждение в разумности бытия, в наличии единого, всеобщего порядка, управляющего ходом вещей в природе и жизни, гармоничности человеческой	происходит достаточно быстрое конструктивное техническое совершенствование музыкальных инструментов под воздействием научно-технического прогресса	развитие массово-бытовой музыки, музыкальное исполнительство отделяется от творчества, начинается процесс коммерциализации музыки
	рецессия 1813-1823				
	депрессия 1823-1833	романтизм 1820-1900 внимание к эмоциональному миру человека, противопоставление личности действительности	изобретение саксофона	выделяется линия «легкой музыки». Зарождается эстрадная музыка как самостоятельная отрасль музыкальной деятельности	
	подъем 1833-1843				

¹ Белков И.А. Хрестоматия. Из истории джаза и популярной музыки. – URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/001/111/BelHrest.pdf>

С середины XIX века возникает жанр оперетты. В профессиональном творчестве выделяется самостоятельная линия «легкой музыки», (напр. вальсы И. Штрауса). Зарождается эстрадная музыка как самостоятельная отрасль музыкальной деятельности.

В конце XIX-начале XX века в европейской музыке начинается новый период, соответствующий началу империализма, который можно сопоставить с периодом третьего цикла Кондратьева, что видно из таблицы 3. Этот период характеризуется интенсивными поисками новых средств выразительности, экспериментов, обилием стилевых течений. Характерным для мировой истории становится тесное взаимодействие культур разных стран мира, которые до этого момента развивались обособленно. Европейская музыка начинает испытывать значительное влияние музыкальных культур народов Восточной Азии (осо-

бенно японской в творчестве Дж. Пуччини, К. Дебюси), Латинской Америки, Африки.

Для американской музыки периода начала XX века знаковым событием является возникновение блюза. Блюз (англ. blues от blue devils) – жанр музыки, получивший очень широкое распространение в 20-х годах XX века. Сам же термин встречается лишь в 1912 году, когда в свет выходит первая блюзовая пластинка. Именно к 1921 г. формируется тенденция и начинается ее реализация в последующие годы. Начался блюзовый бум. Термином «новоорлеанский» и «традиционный» джаз обычно определяют стиль музыкантов, исполнявших джаз в Новом Орлеане в период между 1900 и 1917 годами, а также новоорлеанскими музыкантами, которые играли в Чикаго и записывали пластинки начиная приблизительно с 1917-го и на протяжении 20-х годов. Этот период джазовой истории известен также

Таблица 2.

Соотношение технических укладов по Н. Кондратьеву и музыкальных трансформаций (2 цикл)

циклы Н. Кондратьева			музыкальные трансформации		
циклы	период	экономические и технологические конвертации	периодизация/направление академической музыки, ее социальная направленность	музыкальные «технические» преобразования	трансформации в западноевропейской и американской музыке
2 –й цикл	процветание 1843-1856	угледобыча и черная металлургия, железнодорожное строительство, паровой двигатель	романтизм 1820-1900 - внимание к эмоциональному миру человека, противопоставление личности действительности, интерес к национальному своеобразию, более свободная трактовка музыкальных жанров, стремление к синтезу искусств	развитие промышленности вызывает резкий количественный и качественный скачек в производстве музыкальных инструментов	суть изменений данного периода в расширении и переосмыслении исполнительских средств музыкальных инструментов. Продолжает выделяться линия «легкой музыки»
	рецессия 1856-1869				
	депрессия 1869-1882				
	подъем 1882-1895			изобретение фонографа Т.Эдиссоном и Э.Берлинером	

Таблица 3.

Соотношение технических укладов по Н. Кондратьеву и музыкальных трансформаций (3 цикл)

циклы Н. Кондратьева			музыкальные трансформации		
циклы	период	экономические и технологические конвертации	периодизация/направление академической музыки, ее социальная направленность	музыкальные «технические» преобразования	трансформации в западноевропейской и американской музыке
3 –й цикл	процветание 1891-1905	тяжелое машиностроение, электро-энергетика, неорганическая химия, производство стали и электрических двигателей	музыка XX века- музыкальный фольклор интегрируется в композиторское творчество, зарождаются новые стилевые направления	появление первых электронных музыкальных инструментов. Телармониум (электромеханический орган) создан в период с 1900 по 1906 годы	появление и развитие джаза, который в 1920-х - 30-х годах становится массовой музыкальной культурой
	рецессия 1905-1919				
	депрессия 1919-1933			создание в 30-годы с развитием техники звукозаписи адаптированных электромузыкальных инструментов (электргитар, электропианино и т.п.)	
	подъем 1933-1947				

как «Эпоха джаза». В 1920-х - 30-х годах XX века джаз становится в США и странах Европы массовой музыкальной культурой.

В первой половине XX века в европейской музыке наряду с продолжением традиций позднего романтизма (творчество Г. Малера, Р. Штрауса) возникают новые стилевые направления – импрессионизм (К. Дебюсси, М. Равель), экспрессионизм (А. Шенберг, А. Берг), неоклассицизм (П. Хиндемит), все больше обособляются индивидуальные композиторские стили. Значительное внимание композиторы уделяют исследованиям глубинных пластов музыкального фольклора и его интеграции в композиторское творчество.

Интенсивные поиски новых композиторских средств приводят к значительному расширению понятия и применения тональности, а в творчестве ряда композиторов – к полному отказу от тональной системы (атональность) и изобретению новых средств звуковысотной организации, например, додекафонии (техника музыкальной композиции, использующей серии из двенадцати лишь между собой соотнесённых тонов), а позже – сериализму (серийная техника – оперирующая сериями, которые могут состоять из любого количества звуков – от 3 до 12).

Большое значение для развития музыки исторического периода, соответствующего 4-му циклу кондратьевских волн, оказало появление и распространение звукозаписи и кино, это показано в таблице 4. Появление первых электроинструментов открыло новый взгляд на природу и возможности звука. Одним из первых электронных инструментов принято считать «телармониум». Телармониум (электромеханический орган) был создан в период с 1900 по 1906 годы Т. Кахиллом, т.е. в период 3-его цикла Кондратьева.

В это же время – в 1920-х годах – футуристы осуществ-

ляют попытки привлечения к музыкальному искусству шумовых звуков. В 1940-х годах развитие техники звукозаписи открывает новое направление-конкретную музыку.

Конкретная музыка – разновидность академической электронной музыки, в основе которой лежит не мелодическая мысль, а совокупность природных звуков и шумов, записанных заранее и в ряде случаев подвергнутых различным преобразованиям. Толчком к появлению стиля послужили развитие звукозаписывающей техники, появление широко доступных микрофонов и магнитофонов и, как следствие, доступность средств звукозаписи для экспериментаторов.

Послевоенные годы (пришедшиеся на период фазы подъема третьего цикла Кондратьева) углубили экспериментаторские тенденции предыдущих лет в 1950-е годы возникают первые электронные экспериментальные студии, на смену сериализму приходит алеаторика (метод композиции в музыке XX-XXI веков, который допускает переменные отношения между музыкальными элементами (в том числе нотного текста) и музыкальной формы и предполагающий неопределённость или случайную последовательность этих элементов при сочинении или исполнении произведения).

1950-е годы ознаменовались появлением рок-н-ролла, 1960-е – появлением рок-музыки, а 1970-е Европоп, а также целого ряда популярных направлений электронной музыки. Всемирную славу приобретают музыкальные группы: The Beatles, The Rolling Stones, Led Zeppelin, Queen, Deep Purple, AC/DC, ABBA и многие другие. Показателем их популярности становится количество проданных копий альбомов (пластинок или позже компакт-дисков), которое иногда достигает миллионов и даже десятков миллионов. Абсолютный рекорд-около 46 млн. копий принадлежит-Майклу Джексону, альбом «Thriller».

Таблица 4.

Соотношение технических укладов по Н. Кондратьеву и музыкальных трансформаций (4 цикл)

циклы Н. Кондратьева			музыкальные трансформации		
циклы	период	экономические и технологические конвертации	периодизация/направление академической музыки, ее социальная направленность	музыкальные «технические» преобразования	трансформации в западноевропейской и американской музыке
4-й цикл	процветание 1945-1955	производство автомобилей и других машин, химической промышленности, нефтепереработки и двигателей внутреннего сгорания, массовое производство	музыка XX века- появление новых стилевых направлений: импрессионизм, экспрессионизм, неоклассицизм.	1940-1950 годы – создание и усовершенствование техники магнитофонной записи	появление рок-н-ролла в 1950 годы
	рецессия 1955-1964				появление рок-музыки в 1960 годы
	депрессия 1964-1974			создание в 1953 году экспериментальной студии электронной музыки в Кельне. В 1959 году организация в Принстонском университете Электронного музыкального центра	появление Европоп и целого ряда направлений электронной музыки 1970 годы
	подъем 1974-1983				вхождение в поп-культуру Word music 1980 годы

Знаковым явлением в 1980-х годах является вхождение в поп-культуру так называемой World music – музыки (период подъема пятого цикла Кондратьева), опирающейся на элементы этнической музыки разных народов.

Последнюю треть XX века (пятый цикл Кондратьева, представлен в таблице 5) в музыке принято рассматривать как постмодерн. Если музыка эпохи модерна представлялась как способ выражения, то в эпоху постмодерна музыка переходит в разряд зрелища, становясь продуктом массового потребления и индикатором групповой идентификации.

Зачастую музыка становится, например, знаком, который помогает определить свою принадлежность к той или иной субкультуре. Характерным для данного периода становится сочетание различных музыкальных стилей и жанров, полистилистика, стираются границы между «высоким искусством» и китчем.

Подобному сближению жанров, а нередко и их сочетанию способствовало развитие звукозаписи. Оно открыло возможность для работы с сэмплами (небольшими оцифрованными звуковыми фрагментами), использованию и сочетанию в рамках одной композиции разных предварительно записанных звуков. Техника использования существующего материала нашла свое отражение и в традиционной инструментальной музыке, в частности в произведениях А. Шнитке, Л. Берио, которые использовали «аллюзии» и прямые цитаты произведений композиторов прошлого. Подобные техники позволили говорить об уменьшении роли композитора в музыкальной композиции, что нашло свое проявление не только в использовании заимствованного му-

зыкального материала, но и в использовании сложных математических алгоритмов (в серийной музыке) или случайности (в алеаторике).

В настоящий момент (начало XXI века) можно говорить о наличии ярко выраженных тенденций к глобализации музыкальной культуры. Это стало возможным с появлением цифровой музыки, которая стремится к тому, чтобы стать глобальной музыкальной средой планеты.

Развитие технологий производства влияет не только на увеличение количества и качества музыкальных инструментов, но и, что самое важное, на качественные изменения сначала в «технической» составляющей музыкального процесса, а как следствие – качественной (изменение существующих и появление новых музыкальных направлений, стилей и жанров, отражающих эмоциональное состояние людей в данный период).

Следует отметить, что изменения, происходящие в западноевропейской и американской музыке, косвенно подтверждают существование волновой цикличности в развитии общественных отношений, выявленной Н.А.Кондратьевым. Особенно наглядно это прослеживается на этапах 3-5 волн. Техничко-экономические конвертации оказывают воздействие на музыкальные трансформации. Музыка же, в свою очередь, будучи неотъемлемой частью социальной среды, оказывает обратное воздействие на технико-экономические факторы социальной среды.

Таким образом, рассмотрев особенности трансформации музыкальных коммуникаций под действием социально-экономических преобразований и технических конвертаций, мы можем определить, что последнее

Таблица 5.

Соотношение технических укладов по Н. Кондратьеву и музыкальных трансформаций (5 цикл)

циклы Н. Кондратьева			музыкальные трансформации		
циклы	период	экономические и технологические конвертации	периодизация/направление академической музыки, ее социальная направленность	музыкальные «технические» преобразования	трансформации в западноевропейской и американской музыке
5 –й цикл	процветание 1981-1990	развитие электроники, робототехники, вычислительной, лазерной и телекоммуникационной техники	музыка XX века -музыка XXI века. В начале XXI века помимо классической, академической музыки появились такие понятия, как «классика» джазовой музыки, «классика» рок музыки и даже «классика» поп- музыки	развитие с 1970 годов совершенно новых способов создания музыки на основе бурно развивающихся компьютерных технологий	музыка переходит в разряд зрелищ, становясь продуктом массового потребления и индикатором групповой идентичности
	рецессия 1990-1999			развитие компьютерных технологий привело к появлению новых электронных музыкальных инструментов, основанных на цифровых компьютерных технологиях (синтезаторы, секвенсоры и пр.). Появление большого количества программных продуктов, реализующих задачи музыкального редактирования	
	депрессия 1999-2008				
	подъем 2008-2017				

десятилетие музыка стала также обладать несколькими конституирующими свойствами:

- как ресурс, участвующий в процессах создания новых культурно-эстетических продуктов;
- как ресурс, участвующий в процессах создания и формирующий новую ценность, непрерывно-

го кругооборота музыкальных коммуникаций и форм, приносящих новые социальные восприятия и трансформирующие мировоззрение (например, в рекламных коммуникациях). Все эти свойства, безусловно, требуют отдельного исследования.

Библиографический список

1. *Бычков Ю.* Проблема смысла в музыке // Музыкальная конструкция и смысл. Сб. тр. Вып. 151. М.: РАМ им. Гнесиных, 1999.
2. *Громадин В. В.* Феномен музыки цифрового века: вопросы теории: автореф... дис. канд. искусств.: М. 2010. 25 с.
3. *Келдыш Ю.В.* Музыкальная энциклопедия (под ред. Ю. В. Келдыша). М.: Советская энциклопедия, Советский композитор. 1973-1982.
4. Кондратьевские волны. Аспекты и перспективы. Отв. ред. А. А. Акаев, Р. С. Гринберг, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. Волгоград: Учитель, 2012.
5. *Мироненко А.А., Мироненко Н.В.* Социальные модели в теориях массовых коммуникаций // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 4. С. 93-97.

References

1. *Bychkov Yu.* Problem of meaning in music // Music design and meaning. Collection of works. Ed. 151. M: Gnesin Russian music Academy, 1999.
  2. *Gromadin V.V.* Phenomenon of music of the digital age: issues of theory: avtoreferat dis. candidate of arts: Moscow, 2010. 25p.
  3. *Keldysh Yu.V.* Musical encyclopedia (ed. by Yu. V. Keldysh). M: Soviet encyclopedia, Soviet composer. 1973-1982.
  4. Kondratyev waves. Aspects and prospects. Resp. editor A. A. Akaev, P. S. Grinberg, L. E. Grinin, A. V. Korotaev, S. V. Malkov. Volgograd: Teacher, 2012.
  5. *Mironenko A.A., Mironenko N.V.* Social models in the theories of mass communications // Srednerusky Bulletin of social sciences. 2009. № 4. Pp.93-97.
-
-

УДК 338.5:633.1

UDC 338.5:633.1

Н.Н. ПАЛАМАРЧУК

аспирант, кафедра биржевой деятельности, Национальный университет биоресурсов и природопользования Украины
E-mail: nikola_palamarchuk@mail.ru

N.N. PALAMARCHUK

Graduate student, Department of Stock exchange activity, National university of life and environmental sciences of Ukraine
E-mail: nikola_palamarchuk@mail.ru

КОНКУРЕНТНАЯ СРЕДА ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ЗЕРНА КУКУРУЗЫ В УКРАИНЕ

COMPETITIVE ENVIRONMENT OF GRAIN CORN IN UKRAINE

Освещены причины трансформационных процессов на рынке кукурузы, исследовано влияние размера хозяйства на экономический эффект производства кукурузы, определена степень концентрации производства культуры в сельскохозяйственных предприятиях, предложены мероприятия по реализации потенциальных конкурентных преимуществ крупных хозяйств.

Ключевые слова: Украина, конкурентная среда, конкурентоспособность, кукуруза, цена.

The causes of transformation processes on the corn market are covered, the effect of farm size on the economic impact of corn production is studied, the concentration of production in corn enterprises is defined, the measures on realization of the potential competitive advantages of large farms are also suggested.

Keywords: Ukraine, competitive environment, competitiveness, corn, price, yield.

В последние годы Украина значительно увеличила производство зерновых культур, достигнув своего рекордного объема в 2013 г. – 63 млн тонн. В основном это произошло за счет кукурузы, валовой сбор которой в течение последних десяти лет увеличился в 7 раз. На фоне ограниченного спроса на внутреннем рынке это позволило значительно увеличить экспорт и занять ведущее место среди крупнейших экспортеров кукурузы в мире. Такая ситуация обусловлена изменениями в конкурентной среде функционирования производителей кукурузы в Украине и конкурентными преимуществами этой культуры по сравнению с другими видами зерновых.

В условиях глобализации вопрос конкурентоспособности страны на мировом рынке и производителей конкретной продукции является предметом исследования многих ученых. Среди них такие ученые-аграрии, как В.Г. Андрийчук, Н.А. Борхунов, В.М. Гец, Н.Е. Голомша, В.Н. Жук, С.М. Кваша, И.И. Лукинов, Т.А. Осташко, Б.И. Пасхавер, П.Т. Саблук, А.Ф. Серков, И.Г. Ушачев, Г. В. Черевко, А.М. Шпичак и многие другие

Исходя из последних изменений на рынке кукурузы, все больше требуются глубокие исследования формирования конкурентной среды отечественных производителей зерна кукурузы, чтобы выявить особенности этого процесса, его положительные и отрицательные стороны.

Одними из причин являются климатическими изменениями, которые происходят в Украине. В частности, ареал выращивания кукурузы распространился в северные области страны. Так, в течение 1990-2013 гг. в зоне Полесья, что ранее являлась неблагоприятной для этой

культуры, площадь увеличилась в десять раз. Этому способствовало и появление раннеспелых гибридов кукурузы с высокой влагоотдачей и высоким потенциалом урожайности. В последние годы также усовершенствовалась технология выращивания кукурузы, которая предусматривает применение внекорневой листовой подкормки растений микроэлементами [1]. В совокупности эти факторы обусловили увеличение урожайности культуры, которая в 2013 г. была на уровне 64 ц с 1 га. Следует отметить, что это сопровождалось сокращением внесения минеральных удобрений. Так, по данным Государственной службы статистики Украины [2], за период 1990-2012 годов этот показатель уменьшился в 2,3 раза.

Относительно высокая урожайность культуры, эффективность ее производства и внедрение инновационных технологий привели к значительному увеличению объемов производства в сельскохозяйственных предприятиях. Прибыль, полученная с 1 га кукурузы, в 2012 г. в среднем по Украине составляла 164 долл. США, что в 2,5 и 4,3 раза больше в сравнении с прибылью пшеницы и ячменя соответственно.

Для Украины характерна значительная поляризация в размерах посевов кукурузы среди непосредственных производителей. Площади посева колеблются от 0,3 га в личных крестьянских хозяйствах до 100 тыс. га в крупных агрохолдингах. Если в 2002 г. соотношение между производством кукурузы в сельскохозяйственных предприятиях и личных крестьянских хозяйствах составляло 1:0,9, то уже в 2012 г. соответственно 1:0,2.

Количество сельскохозяйственных предприятий, занимающихся выращиванием кукурузы, в 2012 г. увеличилось в сравнении с 2006 г. в 1,7 раза. Здесь практи-

чески две третьих валового сбора этой культуры в 2012 году выращивали всего 11% хозяйств (рис.1).

Установлено, что особенности конкурентной среды товаропроизводителей кукурузы в Украине на сегодняшний день определяются усилением влияния на рынок кукурузы крупных сельскохозяйственных предприятий – агрохолдингов [3].

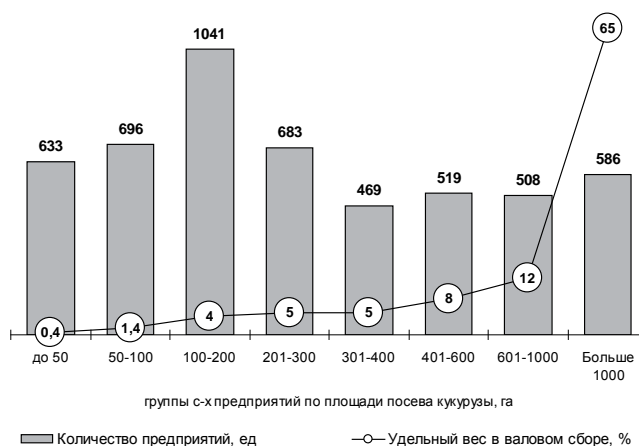

Рис.1. Концентрация производства кукурузы в сельскохозяйственных предприятиях Украины в 2012 году.

Нами было исследовано влияние размера хозяйства на экономический эффект производства кукурузы (рис.2). Выявлено, что темпы прироста валового сбора и чистого дохода опережают темпы прироста площади посева. Особенно это характерно для сельскохозяйственных предприятий, которые выращивают кукурузу на площади больше 200 га. Здесь наблюдается поступательное увеличение указанных показателей.

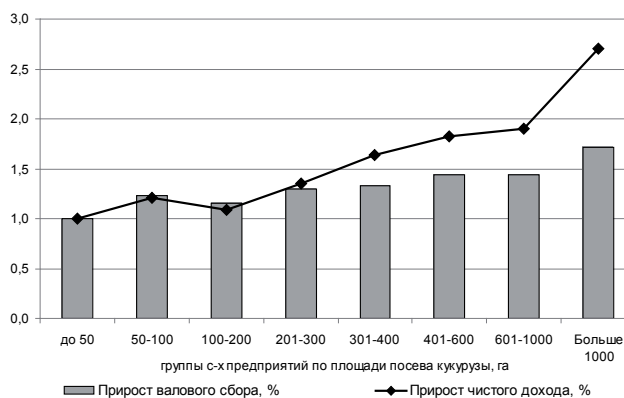

Рис.2. Прирост валового сбора и чистого дохода в зависимости от размеров сельскохозяйственных предприятий в Украине в 2012 году.

Также выявлено, что с увеличением площади посева сокращаются производственные затраты на единицу продукции и повышаются цены реализации кукурузы (рис.3).

В отличие от мелких и средних производителей кукурузы, агрохолдинги имеют возможность большей концентрации капитала, что способствует созданию мощной материально-технической базы, которая обеспечивает интенсификацию всех процессов выращивания и сбора зерна и максимально автоматизирует его обработку. Это позволяет достигать стандартов каче-

ства продукции и формировать крупные партии товара. В результате цены на такую продукцию на рынке значительно выше и конкурентоспособность крупных производителей достаточно высокая.

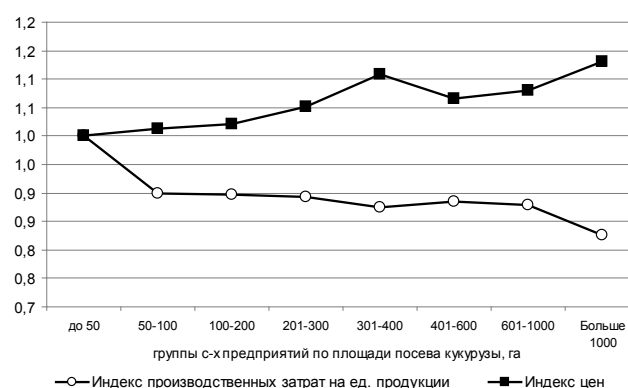

Рис.3. Индексы производственных затрат и цен на кукурузу в зависимости от площади посева в сельскохозяйственных предприятиях Украины в 2012 году.

Одними из крупнейших холдингов в Украине, занимающихся выращиванием кукурузы, являются UkrLandFarming и Kernel. Размеры земельного банка этих предприятий составляют соответственно 430 и 340 тыс. га. Их структурные подразделения находятся в 15 областях и представляют все природно-климатические зоны Украины. Следует отметить, что деятельность украинских холдингов, кроме выращивания, предусматривает экспорт кукурузы, ее использование при производстве продукции животноводства, а также выращивание собственного семенного материала.

Функционирование агрохолдинговых формирований воспринимается среди научного сообщества неоднозначно. Тут существует некоторое противоречие. С одной стороны, высокий уровень продуктивности труда и конкурентоспособности предприятий выступают позитивным явлением. С другой, необходимо срочно решать вопросы снижения социальной напряженности из-за безработицы и развития социальной инфраструктуры села [4].

Также следует сказать о двухстороннем влиянии между отечественным рынком и ценовой конъюнктурой мирового рынка кукурузы, на фоне которого формируется конкурентная среда на рынке кукурузы. Это обусловлено значительными объемами экспорта этой культуры, удельный вес которого в объемах производства Украины уже превышает 60%, в частности в 2012/13 годах он составлял 65%. С одной стороны, существует значительная зависимость ситуации на внутреннем рынке кукурузы от динамики мировых цен. В 2011/12 и 2013/14 годах понижающаяся ценовая динамика на мировом рынке кукурузы и высокий урожай внутри страны обусловили обвал цен на внутреннем рынке (рис.4).

С другой стороны, Украина, как один из крупнейших экспортеров этой культуры, способствует снижению мировых цен путем увеличения пропозиции на мировом рынке кукурузы [5].

Таким образом, формирование конкурентной сре-

ды производителей кукурузы в Украине являлось эволюционным процессом и происходило под действием ряда факторов. Наиболее влиятельные из них – это нарушение паритетных отношений между отраслями экономики и формирование на этом фоне новых организационных структур, открытость экономики аграрного сектора, значительные объемы экспорта и зависимость от ситуации на мировом рынке.

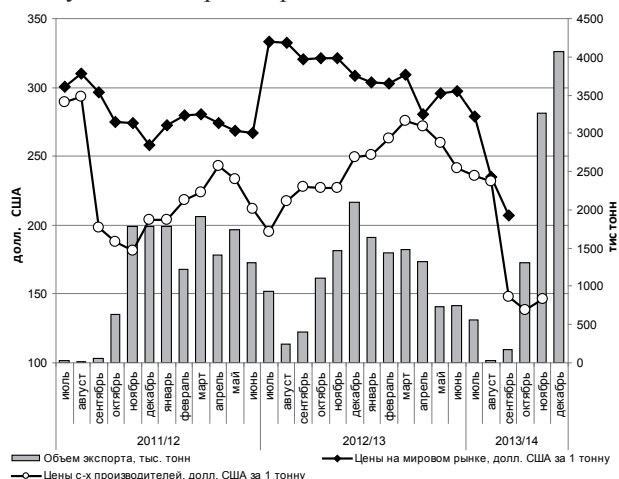

Рис. 4. Динамика экспортных поставок из Украины и цен на кукурузу внутреннего и мирового рынков.

Крупные сельскохозяйственные предприятия имеют ряд конкурентных преимуществ, которые формируются в результате охвата всего цикла производства, снижения себестоимости продукции, укрепления позиций на рынке, стойкости к ценовым колебаниям, возможности быстрой модернизации материально-технической базы и внедрения инновационных технологий. Формирование конкурентной среды производителей кукурузы в Украине находится под двухсторонним влиянием внутреннего и мирового рынков исходя из значительных объемов экспорта этой культуры.

В дальнейшем конкурентоспособность товаро-производителей кукурузы будет формироваться под прямым влиянием тенденций развития холдинговых структур. С целью реализации потенциальных конкурентных преимуществ аграрных холдингов в государстве нужно создать необходимые предпосылки для регулирования их деятельности в части повышения социальной направленности, совершенствования земельного законодательства, сбалансированности экологической составляющей, в частности прекращения агрессивной эксплуатации земельных угодий, регулирования экспортно-импортных операций, налогообложения в части эквивалентности объемам производства.

Библиографический список

1. Шпичак О.М., Боднар О.В. Оптимізація ринку зерна та її результативність. Моніторинг біржового ринку. 2014. № 2. С. 22-28.
2. Статистичний бюлетень «Внесення мінеральних та органічних добрив під урожай сільськогосподарських культур». К.: Державна служба статистики України, 2013. 52 с.
3. <http://www.myland.org.ua/index.php?id=2930&lang=uk>
4. Черевко Г. Агро холдинги як нові організаційні форми крупно товарного господарювання в агро бізнесі України. Аграрна економіка. 2012. № 1-2. С. 36-42.
5. Лупенко Ю.О., Шпичак О.М. (ред.), Жук В.М. та ін. Ємність внутрішнього споживчого ринку сільськогосподарської продукції та продовольства. К.: ННЦ ІАЕ, 2013. 180 с.

References

1. Shpychak O.M., Bodnar O.V. Optimization of the grain market and its effectiveness . Monitoring stock market. 2014. №2. Pp. 22-28.
2. Statistical Bulletin “ of mineral and organic fertilizers for crop yield.” K. : The State Statistics Service of Ukraine , 2013. 52 p.
3. <http://www.myland.org.ua/index.php?id=2930&lang=uk>
4. Cherevko G. Agro Holding as a new organizational form of large commodity management in agribusiness Ukraine. Agricultural Economics. 2012. №1-2. Pp. 36-42.
5. Lupenko J.O., Shpychak A.M. (eds), Zhuk V.M. et al The capacity of the domestic consumer market for agricultural products and foodstuffs. K.: IAE NNC, 2013. 180 p.

УДК [332.1:339.137.2](470.319)

UDC [332.1:339.137.2](470.319)

В.В. ПЕЧЕНКИНА

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, доцент, кафедра менеджмента и управления народным хозяйством, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

E-mail: peshenkinavv@rambler.ru

Е.Н. КАРАЕВА

кандидат экономических наук, доцент, кафедра менеджмента и управления народным хозяйством, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

E-mail: e_e_n@rambler.ru

Ю.В. ТОМИЛИНА

старший преподаватель, кафедра менеджмента и управления народным хозяйством, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

E-mail: YulechCat@mail.ru

V.V. PECHENKINA

Candidate of economics, senior researcher, professor of department of management and management of national economy, Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation

E-mail: peshenkinavv@rambler.ru

E.N. KARAEVA

Candidate of economics, professor of department of management and management of national economy, Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation

E-mail: e_e_n@rambler.ru

Y.V. TOMILINA

Senior lecturer of department of management and management of national economy, Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation

E-mail: YulechCat@mail.ru

**ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА НА ОСНОВЕ
ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КЛАСТЕРОВ (НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

**IMPROVING THE COMPETITIVENESS OF THE REGION ON THE BASIS
OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF CLUSTERS (ON EXAMPLE OF OREL REGION)**

В статье рассмотрен кластерный подход к повышению конкурентоспособности территорий, оценен потенциал кластеризации экономики региона на примере Орловской области, сделан вывод о возможности создания кластера в агропромышленном комплексе.

Ключевые слова: кластер, кластерный подход, потенциал кластеризации, конкурентоспособность территорий, Орловская область.

In the article the author considers the cluster approach to improve the competitiveness of territories, estimated potential of clusterization of the economy of the region on the example of the Oryol region, the conclusion is made about the possibility of creating a cluster in the agro-industrial complex.

Keywords: cluster, the cluster approach, the potential for clustering, the competitiveness of territories, Orel region.

Практика стран с развитой рыночной экономикой показывает, что наиболее эффективным способом обеспечения конкурентоспособности является формирование кластеров. Концепцией долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 года также предусмотрено формирование кластеров, ориентированных на высокотехнологичные производства в приоритетных отраслях экономики.

Не подлежит сомнению тот факт, что обеспечение высокого уровня конкурентоспособности страны в целом напрямую зависит от конкурентоспособности её регионов.

В настоящее время вопросам повышения конкурентоспособности регионов уделяется большое внимание в научных исследованиях. Однако проблема управления формированием и развитием кластерных образований как важнейшего фактора повышения конкурентоспо-

собности региона разработана недостаточно. В связи с этим разработка рекомендаций по повышению конкурентоспособности региона на основе формирования и развития кластеров является актуальной проблемой.

Вопрос, что представляет собой кластер в экономике, вызывает большой интерес как зарубежных, так и отечественных исследователей. Впервые данное понятие ввёл профессор Гарвардской школы бизнеса и один из авторов концепций конкурентной стратегии и международной конкурентоспособности М. Портер. Под кластером он понимает сеть независимых производственных, сервисных фирм, включая их поставщиков, создателей технологий и ноу-хау, связующих рыночных институтов и потребителей, взаимодействующих друг с другом в рамках единой цепочки создания стоимости. М. Энрайт, коллега и последователь М. Портера, ввёл понятие регионального кластера, представляющего со-

бой «географическую агломерацию фирм, работающих в одной или нескольких родственных отраслях хозяйства» [1, С. 24-25].

Основными отличиями кластерного подхода в сравнении с традиционным отраслевым подходом являются три совокупных параметра:

- он основан на инновационном развитии,
- ориентирован на перегруппировку производительных сил и средств производства,
- происходит совокупная капитализация, или рост активов территории.

В современной хозяйственной практике промышленный кластер – это группа географически соседствующих и интеграционно взаимосвязанных компаний, действующих в определенной сфере, взаимодополняющих друг друга и усиливающих таким образом конкурентные преимущества отдельных компаний и, следовательно, кластера в целом.

Кластерный подход к повышению конкурентоспособности стран и регионов получил широкое распространение в странах Западной и Северной Европы. По инициативе правительств в ряде стран были проведены исследования по выделению кластеров национального масштаба (в Португалии было выделено 33 кластера, в Австрии – 76, в Финляндии – 10, в Швеции – 7, в Швейцарии – 7, в Нидерландах – 12). Программы развития региональных кластеров являются одним из основных инструментов реализации стратегии повышения конкурентоспособности территорий. В настоящее время самые высокие места в мировых рейтингах конкурентоспособности занимают страны, в которых имеются высокотехнологичные кластеры (таблица 1).

Что касается РФ, то в некоторых регионах, начиная с 2000-х годов, отмечены предпосылки развития кластерной инициативы. Так, например, в Самарской области в основу долгосрочного развития положен кластерный подход. В 2002-2003 годах по заказу Департамента экономического развития и инвестиций Администрации Самарской области Самарским

центром проектного финансирования было выполнено исследование «Формирование территориально-промышленных кластеров в Самарской области и определение основных направлений их развития». По его итогам был сделан вывод о том, что в экономике области сложились предпосылки для формирования нескольких кластеров – автомобильного, нефтехимического, авиакосмического, агропромышленного [5]. Три кластера – автомобилестроительный, химический и инновационно-внедренческий – выделены в «Стратегии социально-экономического развития региона до 2020 года». Однако до конца «зрелыми» их назвать нельзя, так как, по мнению отечественных исследователей, требуется 10-15 лет, чтобы кластер стал конкурентоспособным. Наиболее зрелым из перечисленных является автомобильный кластер. За годы переходного периода в Тольятти появилось много новых автомобильных предприятий, а также произошла переориентация некоторых предприятий, не входивших ранее в состав автопрома. В вузах расширилась подготовка высококвалифицированных кадров для автомобильной промышленности. Налаживаются связи научных учреждений с предприятиями автомобилестроения. Более того, Самарская область вошла в состав участников проекта «Европейская сеть автомобильных кластеров» (NEAC), созданного в 2005 году в рамках Программы Европейского Союза по развитию межрегиональной кооперации. Главная цель данного проекта – разработка совместных подходов и инструментов улучшения региональной и европейской конкурентоспособности в будущем [6]. В проекте участвуют также три региона Германии, два – Великобритании, автомобильные регионы Франции, Испании, Италии, Польши, Словении. Кластерная инициатива поддерживается и в Пермской области: выделено 18 кластерных отраслей – добыча и переработка нефти, лёгкая промышленность, строительный, лесной, химический, металлургический и ряд других кластеров. В качестве пилотного был определён лесной кластер [6].

Таблица 1.

Страны-лидеры мировых рейтингов конкурентоспособности в 2012-2013 гг.¹

Индекс конкурентоспособности Всемирного экономического форума		Индекс конкурентоспособности Международного института менеджмента	
Страна	Рейтинг	Страна	Рейтинг
Швейцария	1	Гонконг	1
Сингапур	2	США	2
Финляндия	3	Швейцария	3
Швеция	4	Сингапур	4
Нидерланды	5	Швеция	5
Германия	6	Канада	6
США	7	Тайвань	7
Великобритания	8	Норвегия	8
Гонконг	9	Германия	9
Япония	10	Катар	10

¹ Составлено авторами по материалам официальных сайтов Всемирного экономического форума и Международного института менеджмента.

Предпосылки развития лесного кластера можно выделить также в Красноярском крае, Архангельской, Вологодской, Иркутской областях. Кластерный подход целесообразно применять и в ряде других регионов РФ, например, в Санкт-Петербурге и Поволжье (автомобильные кластеры), в Зеленограде (кластер микроэлектроники), в Томской области (биотехнологический кластер), Иваново (текстильный кластер), Свердловская область (кластер переработки титана «Титановая долина») и др.

Исследование возможности формирования кластеров на территории региона требует определения потенциала кластеризации, который представляет собой «наличие конкурентных преимуществ у отраслей, предприятий и инфраструктурных организаций, находящихся на территории региона, возможности объединения данных преимуществ и их использования для повышения конкурентоспособности региона» [3]. Несмотря на то, что в последние годы появляется множество исследований данной проблемы, единой методики оценки потенциала кластеризации на данный момент не разработано. Большинство исследователей оценивают его при помощи определения коэффициентов локализации, специализации отраслей и коэффициента душевого производства [4].

Алгоритм оценки кластерного потенциала региона включает в себя следующие этапы:

I этап. Оценка потенциала кластеризации территории. На данном этапе на основе статистических показателей были рассчитаны количественные показатели, отражающие конкурентную способность отраслей в регионе и потенциал их кластеризации. Он, в свою очередь, включает в себя 2 блока:

а) расчёт частных показателей потенциала кластеризации: коэффициента локализации промышленного производства, коэффициента душевого производства и коэффициента специализации региона в конкретной отрасли.

Коэффициент локализации промышленного производства показывает наличие у региона экономической специализации в рамках отдельных отраслей промышленности. Коэффициент локализации определяется по формуле:

$$K_i = \frac{(a \div b)}{(c \div d)}, \quad (1)$$

где a – объём произведённой продукции, созданной в отдельной отрасли промышленности региона,

b – объём произведённой продукции в целом по промышленности региона,

c – объём произведённой продукции в отдельной отрасли промышленности страны,

d – объём произведённой продукции в целом по промышленности страны.

Чем больше локализация данной отрасли в регионе, тем больше значение коэффициента K_i . Если $K_i > 1$, то локализация отрасли в регионе превышает среднюю долю этой отрасли в валовом выпуске страны. Если $K_i = 1$, то отрасль одинаково представлена в национальной и ре-

гиональной экономике. При $K_i < 1$ доля отрасли в регионе меньше общероссийской. Те отрасли, где расчетные показатели больше или равны единице, можно выделить как отрасли рыночной специализации, где создание кластеров является возможным.

Коэффициент душевого производства продукции отрасли определяется отношением удельных весов объёма производства отрасли региона в объёме производства соответствующей отрасли страны и численности населения региона в численности населения страны. Он определяется по формуле:

$$K_{on} = \frac{Y_{on}}{Y_{un}}, \quad (2)$$

где Y_{on} – доля объёма производства отрасли региона в объёме производства соответствующей отрасли страны,

Y_{un} – численность населения региона в численности населения страны.

Коэффициент специализации региона в конкретной отрасли определяется как отношение удельных весов объёма производства отрасли региона в объёме производства соответствующей отрасли страны и валового регионального продукта региона в валовом внутреннем продукте страны. Он определяется по формуле:

$$K_{cn} = \frac{Y_{on}}{Y_{впр}}, \quad (3)$$

где Y_{on} – доля объёма производства отрасли региона в объёме производства соответствующей отрасли страны,

$Y_{впр}$ – доля валового регионального продукта региона в валовом внутреннем продукте страны.

б) определение интегрального показателя уровня потенциала кластеризации территории. Он рассчитывается как среднеарифметическое коэффициента локализации промышленного производства, коэффициента душевого производства и коэффициента специализации региона в конкретной отрасли:

$$K_{инт} = \frac{K_i + K_{on} + K_{cn}}{3}, \quad (4)$$

Если значение интегрального показателя потенциала кластеризации больше 1, то в данной отрасли целесообразно создание кластеров. При этом необходимо также оценивать динамику полученного показателя: увеличение значения показателя может свидетельствовать о возможных дальнейших перспективах роста кластеров, а снижение, наоборот, о бесперспективности развития кластера в будущем.

II этап. Анализ условий конкурентной устойчивости кластера. Он включает в себя следующие блоки:

а) определение базовых предприятий, имеющих важное значение для региона;

б) выявление предприятий-поставщиков и смежников, которые могут быть включены в кластер;

в) исследование факторов производства, необходимых для ведения конкурентной борьбы.

При помощи рассмотренной методики нами была проведена оценка потенциала кластеризации экономи-

ки Орловской области. Результаты полученных расчётов по итогам функционирования экономики области в 2006-2012 гг. представлены в таблице 2.¹

На основе проведённого выше анализа расчёта показателей потенциала кластеризации отраслей экономики Орловской области нами были выделены 3 группы отраслей промышленности в зависимости от возможности создания в них потенциальных кластеров:

1. отрасли промышленности, которые развиты лучше, чем в среднем по РФ. В них значения интегрального коэффициента потенциала кластеризации больше 1 и имеют тенденцию к росту. К таким отраслям относятся лёгкая промышленность, машиностроение и пищевая промышленность;

2. отрасли промышленности, которые развиты чуть хуже, чем в РФ в целом. Значение интегрального показателя находится в диапазоне от 0,5 до 1. Это металлургия и электроэнергетика;

3. отрасли, не развитые в Орловской области. В них значение интегрального коэффициента потенциала кластеризации меньше 0,5. К ним относятся химическая и нефтехимическая промышленность, промышленность стройматериалов, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность, топливная промышленность.

К перспективным кластерам в Орловской области относятся следующие:

- машиностроительный кластер;
- кластер лёгкой промышленности;
- кластер пищевой промышленности;
- кластер свиноводства;
- кластер садоводства.

Последние 4 относятся к агропромышленным кластерам.

Что касается машиностроительного кластера, то в настоящее время его зарождение и развитие в г. Орле и Орловской области осуществляется на базе свободных производственных площадей крупных промышленных предприятий, сокративших объемы производства. Примером является промышленная площадка филиала

«Орловский завод» ОАО «Северсталь-Метиз». С 2006 г. на ее базе руководством компании осуществляется реализация проекта по организации Промышленного центра «Орел», целью которого является привлечение крупных инвесторов на имеющиеся свободные производственные площади. Данная промплощадка удовлетворяет основным требованиям потенциальных инвесторов – наличие железнодорожных и автомобильных путей, обеспеченность энергетической инфраструктурой, современными видами связи, налаженной логистикой, единой охраняемой территорией. В результате проведенной работы на площадях филиала «Орловский завод» ОАО «Северсталь-Метиз» работает более 10 крупных и средних предприятий и ряд малых предприятий промышленного характера, включая предприятия, входящие в состав холдинга «Северсталь-групп», и предприятия, созданные самостоятельными инвесторами. К последним относятся ООО «Орловский завод металлоконструкций», ООО «Союзстекло», ООО «Ростара», ООО «Инструмент-сервис» и ряд малых предприятий. Общая численность работающих на этой промплощадке составляет около 2500 человек. Активно ведется работа по привлечению потенциальных инвесторов на оставшиеся свободные производственные площади.

В апреле 2012 года на III Международном инвестиционном форуме Ассоциации индустриальных парков России «INVESTRUSSIA 2012: новый импульс» руководителем Индустриального парка «Орел» А.В. Ереничевым были озвучены результаты работы парка. Он отметил, что за 6 лет развития проекта в Орле (с конца 2005 года) численность резидентов парка достигла 40, а доля вакантных площадей снизилась с 53% до 24%. Резиденты парка, среди которых в основном предприятия малого и среднего бизнеса, за этот период инвестировали в развитие производства порядка 2 млрд. рублей и организовали свыше 1 000 рабочих мест. За 2011 год предприятия парка продемонстрировали темп роста производства, равный 13,5%, что выше среднего общероссийского уровня и уровня по

Таблица 2.

Интегральный показатель кластеризации отраслей экономики Орловской области в 2006-2012 годах

Отрасль экономики	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Изменение
Электроненергетика	1,27	1,28	1,02	1,18	0,92	0,91	0,96	-
Топливноя промышленность	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0
Металлургия	1,10	1,10	1,11	1,02	0,99	0,95	1,00	+
Химическая и нефтехимическая промышленность	0,39	0,40	0,41	0,39	0,42	0,46	0,43	0
Машиностроение	1,47	1,46	1,62	1,37	1,29	2,06	1,16	-
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	0,33	0,33	0,30	0,26	0,28	0,28	0,30	0
Промышленность стройматериалов	0,05	0,05	0,05	0,07	0,74	0,06	0,06	+/-
Лёгкая промышленность	1,84	1,84	2,92	2,14	1,92	2,40	2,38	+
Пищевая промышленность	1,49	1,49	2,00	1,75	1,82	1,83	1,88	+

¹ Таблица составлена авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

Орловской области [2]. Это позволяет сделать вывод о значимости Индустриального парка «Орел» как для бизнеса, так и для социально-экономического развития нашего региона.

Еще один пример формируемого региональными властями промышленного кластера – Индустриальный парк «Зеленая роща», расположенный во Мценском районе Орловской области. Индустриальный парк «Зелёная роща» – это масштабный региональный проект по привлечению инвестиций, передовых научных и производственных технологий. В целях комплексного освоения территории планируется размещение промышленных предприятий различной отраслевой направленности:

- производство современной продукции приборостроения и электроники;
- производство строительных материалов, строительной и коммунальной техники;
- переработка сельскохозяйственной продукции и др.

Потенциальным резидентам предоставляется возможность строительства производственных, научно-исследовательских, административных и складских объектов на подготовленных земельных участках промышленного назначения.

Проектом предусмотрено:

- обеспечение потенциальных резидентов всеми необходимыми коммуникациями;
- полная административная поддержка со стороны Правительства Орловской области;
- полный пакет мер государственной поддержки инвесторов, предусмотренный региональным законодательством, включая налоговые льготы, субсидирование процентной ставки по кредитам, привлекаемым для реализации инвестиционных проектов.

Другим направлением по развитию промышленных кластеров в г. Орле является развитие промплощадок, заполняемых преимущественно малыми промышленными предприятиями. Наиболее высококонцентрированной в данном виде является промплощадка завода «Химтекстильмаш», на которой расположено порядка 15 малых предприятий преимущественно машиностроительного профиля: ЗАО «Химтекстильмаш»; ЗАО «Завод «Флакс»; ООО «Гелиос»; ООО «Литформ»; ОАО «Запсибгаззаппарат»; ООО «Теплогазсистем»; ООО «Прохим»; ООО «Тяговые механизмы»; ООО «ЛАД СП»; ЗАО «Самсон»; ЗАО «Канат»; ООО «Теко Плюс» и др.

Орловская область располагает значительными конкурентными преимуществами для развития АПК: выгодное территориально-географическое положение в центре Европейской части России, благоприятные природно-климатические условия для возделывания большинства сельскохозяйственных культур, наличие плодородных земель, материальной базы и трудовых ресурсов, развитая система информационных коммуникаций, высокий научный потенциал и система аграрного образования.

Аграрная политика Орловской области направлена на то, чтобы сельское хозяйство стало перспективной и

высокотехнологичной отраслью экономики. Принятие закона «О развитии сельского хозяйства», реализация приоритетного национального проекта «Развитие АПК», Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельхозпродукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 годы стали новым этапом в развитии аграрной политики, создающей финансово-экономическую основу для сельского хозяйства как одной из самых перспективных сфер экономики. Сельскохозяйственное производство в области осуществляют 232 сельскохозяйственные организации, 1291 крестьянское (фермерское) хозяйство, 114,3 тысячи личных подсобных хозяйств граждан. Кроме того, агропромышленный комплекс области представлен 139 предприятиями пищевой и перерабатывающей промышленности. В экономике Орловской области агропромышленный комплекс занимает особое место. Доля сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства в валовом региональном продукте Орловской области составляет 17,9%, в стоимости основных фондов – 9%, в объеме инвестиций в основной капитал – 26,3%. Площадь сельскохозяйственных угодий области составляет 1900 тыс. га, из них пашня – 1508,9 тыс. га [14]. По объему производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий в фактически действовавших ценах Орловская область располагается в Центральном федеральном округе на 8 месте, в Российской Федерации – на 33 месте.

В сопоставимой оценке объем производства сельскохозяйственной продукции во всех категориях хозяйств увеличился в 2012 году к уровню 2011 года на 5,2 %. В растениеводстве объем производства продукции вырос к уровню предыдущего года на 7,7 %, в животноводстве – на 1,1 %.

Сельское хозяйство Орловской области специализируется на производстве зерна, мяса, молока, сахарной свеклы, картофеля, овощей, масличных культур. В структуре производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий в 2012 году наибольший удельный вес занимает производство зерна (29,0 %), затем выращивание скота и птицы – 22,1 %, производство картофеля – 15,0 %, молока – 10,5 %, сахарной свеклы – 8,1 %, семян и плодов масличных культур – 3,8 %, овощей и кормовых культур – по 3,2 %.

В настоящее время в АПК области работает более 35 инвестиционных компаний, активно развивающих аграрный комплекс. При этом приоритетными являются инвестиционные проекты по реконструкции и строительству животноводческих комплексов, реализация которых позволит увеличить объем производимой сельскохозяйственной продукции и создать новые рабочие места.

В ходе реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК» в области заложена инвестиционная основа для эффективного развития отрасли. Орловская область пошла по пути создания крупных высокотехнологичных производств, обеспечивающих получение конкурентоспособной качественной продукции. Наиболее интенсивно в области идет строитель-

ство свинопунксов (Троснянский район, Орловский район).

Эффективное развитие сельского хозяйства во многом связано с деятельностью научных учреждений, решающих проблемы аграрного комплекса. Так, на территории Орловской области работают следующие значимые научные институты: Всероссийский научно-исследовательский институт селекции плодовых культур» (ВНИИСПК); Научно-исследовательский институт зернобобовых и крупяных культур (ВНИИЗБК); Орловский государственный аграрный университет.

Таким образом, развитию кластеров в агропромышленном комплексе Орловской области способствуют:

- благоприятная конъюнктура на мировом и национальном рынках сельхозпродукции, рост потребительского рынка Орловской области;
- наличие предприятий-лидеров отдельных секторов;
- наличие достаточного количества предприятий поддерживающих секторов, а также наличие инфраструктуры (транспортной, образовательной, научно-исследовательской и т.д.).

В состав агропромышленного кластера входят крупные сельскохозяйственные организации области, а также учебные учреждения высшего, среднего и начального профессионального образования, которые занимаются подготовкой специалистов для предприятий кластера.

Также в состав кластера входят отрасли, прямо или косвенно поддерживающие основные отрасли. Для сельского хозяйства такими отраслями выступают:

- прямые: поставщики сельхозтехники, ГСМ, семян, племенного скота, производители удобрений, кормов, транспортных средств, технологии для сельского хозяйства;
- косвенные: предоставление финансовых, складских, строительных услуг, услуг по транспортировке, поставщики электроэнергии, водоснабжения, тепла и газа.

Для пищевой промышленности поддерживающими отраслями выступают следующие:

- прямые: поставщики оборудования, полиграфических услуг, производители упаковки, транспортных средств, технологии для пищевой промышленности;
- косвенные: предоставление финансовых, складских, строительных услуг, услуг по транспортировке, поставщики электроэнергии, водоснабжения, тепла и газа.

Орловская область является аграрно-промышленным регионом, который обладает необходимой сырьевой базой, трудовыми ресурсами для развития агропромышленных кластеров: кластера легкой промышленности, кластера пищевой промышленности, кластера свиноводства, кластера садоводства. Все указанные кластеры обладают значительным потенциалом развития, привлекательными инвестиционными и рыночными перспективами.

Рассмотрим кластер легкой промышленности. Основными точками кластеризации могут стать такие крупные предприятия отрасли, как ОАО «Гамма» (про-

изводство чулочно-носочных изделий мужской, женской и детской коллекций), ООО «Серебряная нить ЛТД» (пошив женской одежды больших размеров), трикотажная фабрика «Amadeus» (мужские трикотажные изделия), трикотажная фабрика «Alegro» (трикотажные изделия мужского, женского и детского ассортимента), ОАО «Текстильщик» (лентоткацкая продукция, матрацники ватные, пледы, постельное белье), ПК «Мценская швейная фабрика» (пошив женской, детской одежды, спецодежды, головных уборов), ООО «Болхов-спецобувь» (обувь специального назначения), ОАО «Нарышкинская перо-пуховая фабрика» (изделия перопуховые: подушки, одеяла).

Рассмотрим теперь кластер пищевой промышленности. В структуре промышленного комплекса удельный вес производства пищевых продуктов, включая напитки, составляет 34%. С 2011 года в Орловской области начала реализовываться долгосрочная областная целевая программа «Развитие пищевой и перерабатывающей промышленности Орловской области на 2011-2013 годы». В рамках программы будут субсидироваться следующие направления в промышленности: строительство, реконструкция и модернизация сахарных заводов; строительство, реконструкция и модернизация объектов по хранению и подработке зерна; приобретение нового оборудования для пищевой и перерабатывающей промышленности. Ядром кластера могут выступить крупные предприятия пищевой промышленности: Орловский комбинат хлебопродуктов, Орловский маслобойный завод ОАО «Орелрастмасло», Орловская макаронная фабрика (ИП Черникова), ЗАО «Кондитерская фабрика». В целях самостоятельного обеспечения отрасли оборудованием, в рассматриваемый кластер могут войти также предприятия-поставщики оборудования, такие как ООО «Фригогласс Евразия» (производство торгового холодильного оборудования), ОАО «Ореллегмаш» (линии по розливу алкогольных и безалкогольных напитков).

Рассмотрим кластер свиноводства. В 2012 году Правительством Орловской области была утверждена долгосрочная областная целевая программа по переработке мяса. Она предусматривает, в частности, создание в регионе кластера по производству свинины. Мероприятия программы, рассчитанной на 2012–2014 годы, предусматривают государственную поддержку строительства новых и увеличения мощности действующих предприятий по убою и первичной переработке мяса свиней, развитие инфраструктуры, в том числе для хранения и сбыта мясной продукции. Предполагается, что благодаря реализации программных мероприятий объем производства свинины в регионе к концу 2014 года будет увеличен до 51 тыс. т. Ядром кластеризации могут стать Знаменский СГЦ, «Орелсельпром».

Рассмотрим кластер садоводства. В перспективе этот кластер может объединить садоводческие некоммерческие объединения г. Орла и Орловской области (в г. Орле насчитывается порядка 36 объединений). Научной базой создаваемого кластера могут выступить «Всероссийский научно-исследовательский институт

селекции плодовых культур», Орловский государственный аграрный университет.

Основным источником технологий и кадров для перечисленных кластеров могут стать вузы Орловщины: Государственный университет УНПК, Орловский государственный университет, Орловский государственный аграрный университет, в которых созданы университетские комплексы, реализующие системный подход к формированию эффективной модели и механизмов функционирования вуза на основе интеграции университета в единую образовательную среду, реальный сектор экономики и социальную сферу региона.

Научной базой функционирования кластеров выступают такие значимые научные институты, как Всероссийский научно-исследовательский институт селекции плодовых культур» (ВНИИСПК); Научно-исследовательский институт зернобобовых и крупя-

ных культур (ВНИИ ЗБК); Орловский Государственный Аграрный Университет.

В результате функционирования перечисленных кластеров основными результатами в агропромышленном комплексе Орловской области станут:

- повышение конкурентоспособности и эффективности предприятий кластера на основе внедрения инновационных технологий;
- удовлетворение потребностей населения в продукции кластера;
- позиционирование и закрепление предприятий кластера как на внутреннем, так и на внешнем рынках продовольственной продукции;
- создание новых рабочих мест;
- развитие межрегионального сотрудничества;
- увеличение доходов консолидированного бюджета области.

Библиографический список

1. *Enright M.J.* Why Clusters are the Way to Win the Game? // World Link, No: 5, July/August, 1992.
2. Группа предприятий «Северсталь-метиз» представила действующие индустриальные парки «Орел» и «Волгоград» на III Международном инвестиционном форуме Ассоциации индустриальных парков России «INVESTRUSSIA 2012: новый импульс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://metiz.severstal.com/rus/press_center/news/document3373.phtml.
3. *Дырдонова А.Н.* Методические подходы к выявлению и оценке кластеров в экономике региона // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 28 (163). С.28.
4. *Ермишина А.В.* Конкурентоспособность региона: методика оценки потенциала кластеризации [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <http://www.citystrategy.leontief.ru>.
5. Разговор о стратегии: возможности повышения конкурентоспособности регионов // Рынок ценных бумаг. - №3 (330). 2007. С.47.
6. *Тюментев С.* Стратегии конкурентоспособного будущего [Электронный ресурс] // Вестник СНК «Стратегия и конкурентоспособность». 2006. №8 (11). С. 70. – Режим доступа: http://www.naco.ru/vestnik/11_SNK_site.pdf.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Стат. сб. / Росстат. М., 2006. 981 с.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: Стат. сб. / Росстат. М., 2007. 991 с.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: Стат. сб. / Росстат. М., 2008. 999 с.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. / Росстат. М., 2009. 990 с.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. 996 с.
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. М., 2011. 990 с.
13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012. 990 с.
14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. 990 с.

References

1. Enright M.J. Why Clusters are the Way to Win the Game? // World Link, No: 5, July/August, 1992.
2. The Group of enterprises «Severstal-hardware» has presented the existing industrial parks «Oryol» and «Volgograd» at the III International investment forum of the Association of industrial parks of Russia «INVESTRUSSIA 2012: a new impulse» [Electronic resource] // Mode of access: http://metiz.severstal.com/rus/press_center/news/document3373.phtml.
3. Dyrdonova A.N. Methodical approaches to the identification and assessment of clusters in the economy of the region // Regional Economics: theory and practice. 2010. № 28 (163). Pp.28.
4. *Yermishina A.V.* Competitiveness of the region: the methodology of assessment of potential clustering [Electronic resource] // - Mode of access: <http://www.citystrategy.leontief.ru>.
5. Talk about the strategy: enhancing the competitiveness of regions // Securities Market. №3 (330). 2007. Pp.47.
6. *Tyumentsev S.* Competitive Strategy of the future [Electronic resource] // Vestnik of the National competitiveness Council «Strategy and competitiveness». 2006. №8 (11). Pp. 70. - Mode of access: http://www.naco.ru/vestnik/11_SNK_site.pdf.
7. The Regions Of Russia. Socio-economic indicators. 2006: Stat. collection / Rosstat. M, 2006. 981 p.
8. The Regions Of Russia. Socio-economic indicators. 2007: Stat. collection / Rosstat. M, 2007. 991 p.
9. The Regions Of Russia. Socio-economic indicators. 2008: Stat. collection / Rosstat. M, 2008. 999 p.
10. The Regions Of Russia. Socio-economic indicators. 2009: Stat. collection / Rosstat. M., 2009. 990 p.
11. The Regions Of Russia. Socio-economic indicators. 2010: Stat. collection / Rosstat. M, 2010. 996 p.
12. The Regions Of Russia. Socio-economic indicators. 2011: Stat. collection / Rosstat. M, 2011. 990 p.
13. The Regions Of Russia. Socio-economic indicators. 2012: Stat. collection / Rosstat. M, 2012. 990 p.
14. The Regions Of Russia. Socio-economic indicators. 2013: Stat. collection / Rosstat. M, 2013. 990 p.

О.В. САМОСТРОЕНКО

магистр, филологический факультет, специальность «Реклама и связи с общественностью», Орловский государственный университет
E-mail: samostroen@mail.ru

O.V. SAMOSTROENKO

Master of the Faculty of Philology specialty advertising and public relations Orel State University
E-mail: samostroen@mail.ru

МАЛОБЮДЖЕТНЫЕ КОММУНИКАЦИИ ПРОДВИЖЕНИЯ БИЗНЕСА В РЕГИОНАХ

LOW-BUDGET COMMUNICATIONS MARKETING BUSINESSREGIONAL

В статье структурированы экзогенные и эндогенные факторы с учетом потенциальной и реальной аудиторий, позволяющие сформировать лицо успешного бренда. Определение стратегии и выбор способа коммуникации рассмотрены в зависимости от стадий жизненного цикла товара с предложением формулы наилучшего размещения рекламы в СМИ.

Ключевые слова: маркетинговые коммуникации, брендинг, маркетинговые стратегии, жизненный цикл товара.

The author outlines exogenous and endogenous factors considering prospective and actual audiences, allowing to work out successful branding. Marketing strategies and marketing communications are considered on relation of the product life cycle and the model of the best advertising placement in media is suggested.

Keywords: marketing communications, branding, marketing strategies, product life cycle.

Реклама, безусловно, – ключевой фактор обеспечения успешности малого бизнеса. Поэтому создавая малое предприятие или развивая свой бизнес, необходимо каким-то образом привлечь внимание потребителей к себе и своей продукции, заявить в полный голос о своем появлении на рынке.

Следовательно, проинформировать и привлечь потенциальных клиентов, подготовив информационную площадку, представив ценности вводимых на рынок продуктов и услуг, необходимо заранее.

Специфика же рекламы в малом бизнесе состоит в том, что индивидуальные предприниматели и небольшие компании не могут себе позволить сколько-нибудь большие бюджеты на рекламную деятельность. Им приходится выбирать такие инструменты, которые при минимальных затратах давали бы существенный эффект. Например, 10 секундный рекламный ролик на телевидении просто невозможен для малого бизнеса, в то время как у больших корпораций достаточно финансов на такую рекламу.

Нами разработана концепция формирования успешного бренда с учетом потенциальной и реальной аудитории, позволяющая сформировать ядро бренда, что представлено на рисунке 1.

Малый бизнес, с одной стороны, ограничен в рекламном бюджете, а с другой – более мобилен, инициативен и максимально приближен к клиенту, так как отсутствует вертикаль согласований в реализации проектов.

Также при выборе коммуникации следует учитывать, что нет никакого смысла давать рекламу по телевидению маленькой фирме (компании), если целевая

аудитория не настолько широка. Как показывает практический опыт, наиболее эффективно приглашение на открытие (магазины, кафе, парикмахерские) в виде листовок, сопровождающееся ярким оформлением входа с музыкальным сопровождением, чем 30-ти секундный ролик на местном ТВ.

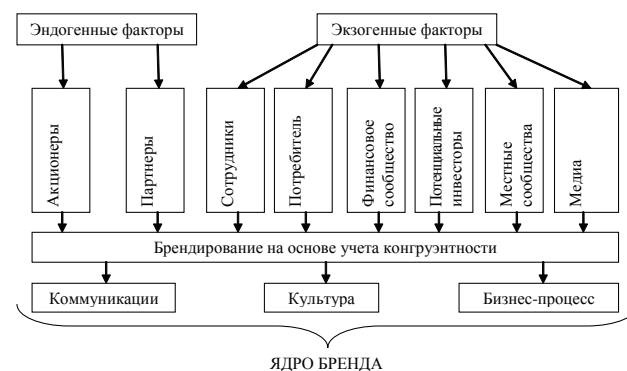

Рис. 1. Определение стратегии и выбора способа коммуникации¹.

Реклама является частью комплекса маркетинговой концепции и, конечно же, должна корреспондироваться с ее целями, и соответствовать плану, в основе которого находится стандартный жизненный цикл товара или услуги, рассмотренный Ф. Котлером.

Итак, первая стадия – вывод товара на рынок. К сожалению, в большинстве случаев данная стадия бывает смазанной, так как сроки вывода товара или услуги сменяются или, наоборот, приурочиваются к более ранним датам, поэтому следует помнить, что анонс открытия должен быть не менее чем за две недели. Эффективно будет дать два развернутых материала в газете, репор-

1 Разработано автором.

тажи на радио и телевидении. Хорошим рекламным ходом станет использование запоминающихся растяжек и биллбордов.

Конечно, выбор рекламных инструментов и способов продвижения зависит от многих общеизвестных факторов: вид бизнеса, особенности товара или услуги, территория распространения и т.д., что следует учитывать при привлечении внимания к товару или услуге.

Большинство людей на стадии роста узнают о новом товаре в результате поддерживающей и усиленной рекламы. Интенсивное протекание этой фазы характеризуется растущим объемом продаж. Многие покупатели начинают совершать повторные покупки. Наличие конкуренции на рынке ставит перед рекламой новую задачу – формирование предпочтения марки товара. Здесь основной упор в рекламе делается на престижность товара, его качество и сопутствующие услуги, оказываемые покупателям товара.

В стадии зрелости основной задачей становится создание приверженности к бренду. Реклама приобретает характер поддержки и направлена на создание базы постоянных лояльных клиентов. Здесь сбыт главным образом базируется на повторных покупках. Являясь пиком рекламной компании этап зрелости ставит перед рекламой задачу – поддержания и возможного роста доли рекламируемого товара на рынке.

На данном этапе используются три стратегии модификаций: рынка, продукта или комплекса маркетинга. Примером модификации рынка может служить продви-

жение детского масла Johnson's Baby взрослому покупателю. Необходимо учесть все возможные аудитории компании.

Улучшение оформления, вкуса, качества, надежности и т.д. (модификация продукта) создает у продавца имидж инноватора и может дополнительно заинтересовать аудиторию.

Акценты в рекламе следует делать на различные скидки, распродажи, дополнительный сервис и дальнейшее повышение качества. Использование программ лояльности (карты, особые условия обслуживания, призы и т.д.) поможет приобрести новых и уменьшить отток старых клиентов, а также увеличить сумму среднего чека. Иногда фирме правильным будет проводить новую рекламную кампанию для распродажи остатков товаров со склада перед снятием товара с производства.

Стадии спада характерно снижение объема продаж. На этом этапе реклама нецелесообразна. Если ситуация сложилась так, что на складе еще достаточно много товара, то его стоит рекламировать до распродажи (действенным инструментом могут служить скидки).

Мы исходим из того, что базовой миссией рекламы для малого бизнеса является донесение информации от рекламодателя до целевой аудитории и получение ее расположения в условиях весьма ограниченного рекламного бюджета.

Как видно из таблицы 1, на стадии выхода на рынок, необходимо уделить большее внимание потребителю, так как именно на этой стадии определяется вектор

Таблица 1.

Определение стратегии и выбора способа коммуникации¹

Стадия ЖЦТ/цель	Дифференциация цен	Ценовые стратегии	Способы коммуникации
Внедрение/заявить о выходе продукта (услуги)	Высокий/низкий уровень цен (в зависимости от стратегии компании)	«Стратегия сливок» или глубокого проникновения на рынок	Легендирование, аннотирование открытия за 2 недели до выпуска продукта (в соц. сетях, газетах), радио, наружная реклама, сарафанное радио
Рост/максимально (охватить) расширить долю рынка за счет дифференциации	Цены выше, чем у конкурентов (работа с отдельным сегментом рынка) Средние цены (ориентировка на типичного покупателя, работа со всем рынком) Низкие цены (ориентир на чувствительного к цене потребителя)	Стратегия премиальных наценок Стратегия нейтрального ценообразования, следования за лидером Стратегия проникновения на рынок	Создание информационных поводов Формирование положительного имиджа продукта на точке безубыточности Рекламный акцент на качестве и престижности товара Сопутствующий сервис
Зрелость/поддержание отличительных преимуществ	Уровень цен низкий (важна доля на рынке) Цена изменяется в зависимости от объема продаж и давления конкурентов Применяются скидки	Неценовые стратегии (модифицирование товара, различные способы привлечения покупателя)	Поддержка легенды, напоминающая реклама Использование программ лояльности
Спад/сокращение рыночной доли и выпуск нового ассортимента (услуг продукта)	Очень низкий уровень цен (производство неэффективно)	Неценовые стратегии	Реклама складского остатка товара Свертывание рекламной компании

¹ Разработано автором

продвижения и формирование потребностей своего потенциального клиента.

Выбор рекламного канала должен быть произведен в зависимости от того, к какой целевой аудитории будет направлено сообщение. Каждый индивид интерпретирует это сообщение в зависимости от собственного жизненного опыта. Так диалог с молодежной аудиторией целесообразно вести посредством социальных сетей.

Большинство экспертов в области маркетинга соглашаются, что рекомендации выбора способов рекламы и коммуникации для крупных компаний, как правило, не приемлемы для малого и среднего бизнеса. Эту актуальную проблему в англоязычных статьях затронули Кэти Бернс-Милльярд, Фелисия Грин, Арджун Кулкарни и Талика Наир.

Также и российские эксперты, А. Левитас и И. Манн, в своих работах предлагают варианты «партизанского маркетинга» и «маркетинга без бюджета».

Изучив данные материалы, а также проанализировав инновационные ходы и опыт предпринимателей в регионах, мы систематизировали рекомендации по выбору способа информирования и рекламирования товаров и услуг.

Как показало наше исследование коммуникационной политики малого бизнеса, наиболее распространены и хорошо освоены: раздача листовок и визиток.

Популярность листовок, на наш взгляд обусловлена, дешевизной и понятной предпринимателю гарантией, что информация распределена в локальном масштабе. Безусловно, это идеально для востребованных услуг (специалисты по химической чистке, дезинсекция и т.п.).

Нас порадовали результаты опроса по раздаче визиток. С одной стороны, большинство предпринимателей раздают свои визитные карточки всем, кого встречают в процессе своей деятельности, а с другой – подключают к данной коммуникации родственников, чтобы они раздали их тем людям, с кем они общаются.

Однако и здесь есть свои особенности, приятно получить визитку, в которой сфера деятельности отражена не сухо, а с юмором.

Вот несколько примеров: в сфере туризма «Меняю удовольствия и впечатления на деньги»; в сфере бухгалтерских услуг «свожу дебет с кредитом»; и далее «Делаю глаза обворожительными (наращивание ресниц)»; директор птицефабрики «ген. директор птицефабрики им. Яиц Фаберже».

Также интересна игра ассоциаций. Если вас зовут, скажем, Петр и вы менеджер в компании по изготовлению стеклопакетов, то можно в рекламе использовать портрет Петра¹ и написать: «европейские окна и стеклопакеты – спросить Петра» и указать телефон.

Конечно, малый бизнес – это не просто занятие, это своя философия, которой занимаешься все 24 часа, поэтому обязательна трансформация коммуникаций, так как разговаривая со своими знакомыми продавцами, парикмахерами, предприниматель должен интересоваться, нуждаются ли они в его услугах, сопровождая данные коммуникации своими визитками, календарями и т.д.

На наш взгляд, необходимо грамотно организовать свою коммуникационную политику, структурируя свои коммуникации и своих клиентов.

Обязательно при подведении итогов (квартальных годовых и т.д.) необходимы так называемые топ-листы: десятки, двадцатки: «20 топовых заказчиков», «20 топов-средняков», «20 отстойных клиентов». И анализировать, как из минусов сделать плюсы и один плюс превратить в два плюса. Можно на первом этапе оценки своей базы ввести трехуровневую шкалу «Класс!»; «Нормально!» и «Отстой!»

Также и свои коммуникации необходимо структурировать, так как зачастую мы забываем о потенциальных и стратегически важных коммуникациях, не поддерживая их (поздравления с праздниками – это важно!).

Раздавая визитки, надо помнить, чтобы контактная информация о предприятии оказалась на различных интернет-ресурсах. Стоит отметить, что многие и сейчас имеют на рабочем столе и дома печатные информационные справочники, поэтому контактная информация желательна и в них. При возникновении потребности в каком-то продукте есть вероятность, что человек обратится именно к этим источникам информации.

Подтверждая успешность бизнеса, обязательно посещение общественных мероприятий, Так как именно на этих мероприятиях формируется имидж, развиваются новые каналы продвижения. На одном из таких мероприятий владелец маленького рестораника оказался случайным слушателем обсуждения посещения своего ресторана, поддержав беседу (не представляясь), узнал много нового, что позволило в дальнейшем скорректировать политику продвижения и увеличить прибыль.

Мы рекомендуем посещать не менее одного общественного мероприятия в неделю, если оказываетесь (маленький город) в «мертвой зоне», то устраивайте свои информационные поводы.

Посещайте мероприятия, проводимые для малого бизнеса, например, семинары, тренинги, встречи Торговой палаты. Посещая эти встречи, раздайте свои визитки участникам встречи, подарите календари и иную сувенирную продукцию. Люди должны гордиться, что пообщались с вами.

Мы хотим отметить, что сотрудничество с местной благотворительной службой – это также важное мероприятие по укреплению имиджа. Здесь возникают перспективы контактов с другими бизнесменами области, которые могут быть потенциальными клиентами или источниками информации. Кроме внешней пользы от благотворительности отмечается и внутренняя. Улучшается внутрифирменная атмосфера за счет большей сплоченности и повышения авторитета руководителя как ответственного и понимающего человека. Такое отношение влияет на увеличение симпатии к своей деятельности и, как следствие, повышает работоспособность. Кроме приобретения ценных контактов фирма будет зарабатывать себе имидж социально-ответственного предприятия.

Это поможет создавать себе информационные поводы, которые можно будет предлагать местным ежеднев-

ным или еженедельным газетам. По нашему мнению, основополагающими вопросами должны быть: «Что выделяет из конкурентов, в чем уникальность?» К примеру, можно предложить компании, занимающейся услугами по уходу за животными, сотрудничать с группой спасения, чтобы ухаживать за ее собаками. Это будет замечательным информационным поводом.

Безусловно, на всех стадиях очень важны предоставление образцов и презентации своих услуг. Поэтому рассылка образцов работы потребителям, покупающим продукты и услуги, обязательна. Хорошим приемом будет проведение презентаций или бесплатных учебных курсов, чтобы наглядно показать людям, как лучше использовать предлагаемые продукты. Эту стратегию успешно использует Консультант Плюс, выдавая красиво оформленные дипломы клиентам за обучение работе с правовым ресурсом. Не стоит забывать, что социальные сети в этом случае могут стать лучшим другом.

Хорошим инструментом будет являться написание книг или экспертных статей. Имя под ними способно повысить доверие со стороны клиентов и послужить рекламой на долгие годы.

Но здесь важно, чтобы написанное не состояло из очередных прописных истин, а представляло для читателей реальный интерес. Это должен быть именно экспертный материал, а не рекламная статья. Мы считаем, что надо публиковаться в региональных СМИ, тематических журналах, в интернете как на корпоративных, так и профессиональных сайтах.

Книгу также можно опубликовать в интернете или издать самостоятельно. Сложность здесь не в том, чтобы книга была издана, а в том, чтобы она переиздавалась. Читатели далеко не глупые люди.

Обязательно надо сказать о методе, старом как сама жизнь, – сарафанное радио. Этот метод так прост, что его нельзя упустить из виду. Надо очень хорошо помнить следующий принцип сарафанного радио: в природе людей заложена любовь к разговорам. Довольный клиент расскажет десятерым, а недовольный – сотне человек. Эта психологическая особенность людей. Негативная информация сильно будоражит, и человек готов предупредить весь мир. А это значит, что делиться будут не только со знакомыми, но и с малознакомыми людьми. Обсуждать негатив люди любят и в общественных местах, в транспорте, а в этом случае появляются и совсем посторонние слушатели. Скорость распространения негативных новостей превышает позитивные. Недаром говорят, что «плохие вести редко запаздывают». Когда мы слышим чей-то позитивный отзыв о товаре или услуге, то для нас нет рекламы лучше. Большинство жителей нашей страны сегодня не воспринимают рекламу как сколько-нибудь достоверный источник информации.

Мы проанализировали, почему доверия к сарафанному радио больше, чем к рекламе:

- во-первых, от рекламы все устали;
- во-вторых, человек, как источник, нам знаком лично;

- в-третьих, его личной заинтересованности нет;
- в-четвертых, если хвалит, то значит сам доволен качеством.

Не стоит забывать о социальных сетях, где такое радио работает с огромной скоростью. Сделать свой бренд достойным разговора – вот какую задачу должен ставить перед собой каждый предприниматель. Сарафанное радио может стать бесплатным магнитом, притягивающим клиентов. Люди любят говорить о неординарных вещах, о чем-то уникальном.

Мы считаем, что обязательно надо задействовать стремительно растущий и мощный инструмент рекламы – СМС-рассылку. Низкая стоимость делает этот способ чрезвычайно привлекательным для малого бизнеса. Здесь важно получить базу данных местных телефонов, а лучше телефонов целевой аудитории от других фирм. Очень эффективны сообщения о скидках, акциях и бонусах. SMS-рассылка способна поднять бизнес на качественно новый, более высокий уровень, увеличить лояльность к бренду. Тут важно помнить, что SMS-сообщения длиной 12-15 слов должны содержать, прежде всего, самую важную и нужную информацию о товаре или услугах. Только тогда потенциальный клиент ознакомится с информацией без раздражения.

Еще одним «безбюджетным» приемом продвижения продукции является сотрудничество с фирмами, занимающимися сопутствующими товарами и услугами. Партнерские программы, рекламирующие друг друга, обеспечат одновременный рост участникам. Водопроводчик может всегда отовариваться в одном хозяйственном магазине, и в интересах магазина рекламировать водопроводчика клиентам-покупателям, чтобы у водопроводчика было больше работы.

Мы считаем, что эта стратегия отлично работает в интернете. Здесь одни комиксы продвигают другие комиксы, блоги продвигают другие блоги, публикуя позитивные отзывы о них.

Партнерские программы – это реальный заработок для владельцев многих сайтов, получающих плату за каждый клик по рекламе, размещенной у них. Pay per click – это, безусловно, наиболее широко используемый и довольно эффективный метод интернет-рекламы. Это представляет большой интерес, так как плата происходит за каждого заинтересовавшегося пользователя. Размер этой платы может колебаться в больших диапазонах в зависимости от времени суток, поискового слова и т.д.

Здесь следует подробнее рассмотреть различные виды интернет-рекламы, которые используются компаниями, чтобы достигнуть целевой аудитории. Интернет-реклама стала широко используемым дополнением (если не альтернативой) к другим формам рекламы. Интернет – это уникальная среда, где в режиме реального времени потребитель без потери времени может получить информацию о бренде.

Мы, конечно, отметим очень рентабельный способ рекламировать услуги – создание собственного блога или веб-сайта. На сайте должны быть указаны услуги, которые оказываются, краткая история бизнеса.

Зарегистрировав веб-сайт на всевозможных форумах и поисковых системах, вы сможете привлечь к нему максимальное внимание людей. Блоги – более дешевый выбор, так как они не требуют никаких расходов на веб-дизайн и арендную плату. Как мы уже говорили, здесь можно разместить экспертные статьи, освещать информационные поводы. Блог помогает строить более тесные отношения с клиентом – можно изучить интерес к новым продуктам или услугам, готовность к ним рынка. Он может вывести их на совершенно новый уровень и создать атмосферу доверия. Обратная связь с клиентами открывает возможность и для лучшего изучения потребности аудитории.

В настоящее время роль социальных сетей в жизни множества людей высока. Мы рекомендуем использовать беспрецедентный рост и популярность таких сетей, как Facebook, Twitter и других. Страница в социальной сети – это способ решить сразу несколько задач, стоящих перед предприятием, таких как общение с реальными и потенциальными клиентами, сбор их отзывов, тестирование новых предложений. Это хороший способ сформировать положительное отношение к бренду.

Нами прослеживается одна четкая тенденция: количество электронных писем в почтовых ящиках людей возрастает с каждым днем. Фактом становится то, что пользователи просто не успевают следить за сообщениями своей электронной почты. Мы рекомендуем обратить внимание на такие, как «КОМУ» и «ТЕМА».

Самое главное – начать новостную рассылку с наиболее важного содержимого. Также нам очевидно, что необходимо привлечь внимание пользователя высоким качеством контента.

Рекламный баннер – другой широко используемый тип Интернет-рекламы. Банер – это полоса (горизонтальная или вертикальная) с выделенным названием компании, характером услуг и ключевой фразой наверху, внизу или сбоку веб-страницы. Размер баннера зависит от пространства, которое компания имеет на веб-сайте. На сегодняшний день появилось огромное количество рекламных форматов баннеров. Параметрами эффективности баннерной рекламы является количество показов баннера и количество кликов. На наш взгляд, интернет-банеры выгодно отличаются от оффлайн-баннеров. В реальной жизни можно прочесть информацию на растяжке, но нельзя кликнуть по ней и сразу же попасть на рекламируемое место. Так что преимущество очевидно.

Всплывающие объявления – один из самых популярных, но агрессивных видов интернет-рекламы. Обычно всплывающие объявления ведут себя довольно просто – это окно, открываемое на экране компьютера в результате выполнения какой-либо операции. Цель, как и у любой другой рекламы, – привлечь внимание к содержанию, чтобы клиент, возможно, щелкнул мышью и купил то, что ему предлагают.

Со временем появилось много разновидностей всплывающих объявлений. Одна из них – плавающее объявление (Floating Ad). По нашему мнению, вы-

годное его отличие в том, что для его закрытия надо кликнуть по нему мышью или подождать, пока не закончится «цикл» и объявление не исчезнет само. За это время оно непременно привлечет внимание.

Конечно, с одной стороны, текстовая и баннерная реклама во многом аналогичны обычной рекламе на бумажных носителях. Но у всех видов контекстной рекламы в интернете есть важная отличительная особенность: после клика посетителю открывается страница с более развернутой информацией о рекламируемом товаре или услуге (то есть гиперссылка на сайт рекламодателя). Контекстная реклама, используя принцип ключевых слов, действует точно на посетителя интернета. Здесь рекламное объявление перекликается с интернет-запросом пользователя, что повышает вероятность его отклика на рекламу.

Подавляющее большинство малых предприятий работают на местном уровне, а значит, большой рекламный охват им не требуется. В настоящее время в условиях дефицита рекламного бюджета для малых предприятий актуальны приемы из «маркетинга без бюджета» и «партизанского маркетинга».

В заключение мы можем сказать, что нет единственно правильного способа рекламировать бизнес. Многое зависит от продукта и целевого рынка. Следовательно, важно сначала понять конкретную бизнес-модель, прежде чем будет выбран наилучший способ рекламы. Рекламная компания должна начинаться с определения ее целей. На различных этапах жизненного цикла товара они, безусловно, разные и это, несомненно, должно быть учтено. Кроме того, надо четко обозначить, кто является целевой аудиторией. Медиапланирование осуществляется с учетом такой особенности. Заказывая рекламу на таких радиостанциях, как «Русское радио», «Авторадио», «Европа +», надо понимать, насколько различен будет контингент слушателей.

По нашему мнению, необходимо использовать такую формулу наилучшего размещения рекламы в СМИ:

$$RP = \sum_{i=1}^k RZ_i a_i \rightarrow \max;$$

$$\sum_{i=1}^k R_i a_i \leq \frac{C}{CPP};$$

$$a_{\min i} \leq a_i \leq a_{\max i};$$

$$i = 1, \dots, k,$$

где RP – направленный суммарный рейтинг (целевая функция);

a – оптимизируемое количество выходов рекламного сообщения в СМИ (целое неотрицательное число);

R – рейтинг i-ого СМИ;

RZ – рейтинг i-го СМИ среди целевой аудитории;

C – максимальный допустимый размер рекламного бюджета фирмы, выделенный для размещения рекламы в СМИ;

CPP – стоимость одного процентного пункта R;

a_{mini} – минимальное число выходов рекламного сообщения в СМИ (целое неотрицательное число);

a_{maxi} – максимальное число выходов рекламного

сообщения в СМИ (целое неотрицательное число);

k – общее число СМИ в медиаплане.

В результате мы получим медиаплан с оптимальным бюджетом, что позволит скорректировать выбор

маркетинговых коммуникаций и обеспечит грамотное продвижение и более высокие результаты с учетом региональных особенностей.

Библиографический список

1. *Котлер Ф., Армстронг Г.* Основы маркетинга. Профессиональное издание. М.: Вильямс, 2009.
2. *Левитас А.М.* Больше денег от Вашего бизнеса. Партизанский маркетинг в действии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
3. *Манн И.Б.* Маркетинг без бюджета. 50 работающих инструментов. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
4. *Мироненко Н. В.* Медиапланирование: учебно-методическое пособие. Орел: изд-во ОГУ, 2010.
5. *Мироненко А.А., Мироненко Н. В.* Социальные модели в теориях массовых коммуникаций//Среднерусский вестник общественных наук 2009. №4. С.93-98.
6. *Кулькова В.Ю., Рудакова О.В., Мироненко Н.В.* Организационно-информационная поддержка деятельности СО НКО в Российской Федерации и Республике Татарстан. //Вестник ОрелГИЭТ 2012. №2. С.165-170.
7. *Кулькова В.Ю.* Российские тренды развития некоммерческих организаций в международной компаративистике. Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2012. №30. С.37-46.
8. *Самостроенко Г.М.* Развитие туризма в регионе на основе использования потенциала народных промыслов. Региональная экономика: теория и практика, 2012. №1. С.19-23.
9. [http:// www.buzzle.com](http://www.buzzle.com)
10. <http://smallbusiness.chron.com>

References

1. *Kotler F, Armstrong G.* Principles of Marketing . Professional edition M.: Williams, 2009.
  2. *Levitas A.M.* More money from your business. Guerrilla Marketing in Action. M.: Mann , Ivanov and Ferber, 2013.
  3. *Mann I.B.* Marketing without a budget . 50 working tools. M.: Mann , Ivanov and Ferber, 2013.
  4. *Mironenko N.V.* Media Planning. Training Manual. Orel: publishing OSU, 2010.
  5. *Mironenko A.A., Mironenko N.V.* Social models of queuing Communications//Russian Journal of college of Social Sciences 2009. №4. Pp. 93-98.
  6. *Kulkova V.Yu., Rudakova O.V., Mironenko N.V.* Organizational and information support of PR of non-profit organizations in the Russian Federation and the Republic of Tatarstan//Vestnik OrelGIET 2012. №2. Pp. 165-170 .
  7. *Kulkova V. Yu.* Development trends of Russian NGOs in international comparative studies//National interests : priorities and security 2012. №30. Pp.37-46 .
  8. *Samostroenko G.M.* The development of tourism in the region, using potential crafts//Regional Economics: Theory and Practice 2012. №1. Pp.19-23.
  9. <http:// www.buzzle.com>
  10. <http:// http://smallbusiness.chron.com>
-
-

УДК 101.1

UDC 101.1

Е.И. АРИНИН

доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и религиоведения, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
E-mail: eiarinin@mail.ru

А.К. ТИХОНОВ

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории, археологии и краеведения, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
E-mail: ros@TiKhonov.elcom.ru

E.I. ARININ

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department of Philosophy and Religious Studies, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs
E-mail: eiarinin@mail.ru

A.K. TIKHONOV

Doctor of History, Professor, Head of Department of History, archeology and local studies, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs
E-mail: ros@TiKhonov.elcom.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЛИГИОЗНОСТИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА***SOME PROBLEMS OF INTERPRETATION OF RELIGIOSITY OF THE SOVIET PERIOD**

Отечественное понимание религиозности тесно связано с историей нашего социума, который в XX веке пережил трансформации. Первая заключалась в переходе от понимания религиозности как обязательной принадлежности к господствующей «Российской Церкви» к политике «свободы совести». Вторая ситуативно квалифицировала «религиозность» как неприемлемые «отжившие пережитки», которым противостояла легитимность «веры в торжество идеалов коммунизма».

Ключевые слова: религиозность, СССР, Россия, свобода совести.

Russian understanding of religiosity is closely connected with the history of our society, which experienced transformation in the twentieth century. The first has been to move from understanding religion as a mandatory membership in dominant «Church of Russia» to the policy of «freedom of conscience». The second one situationally qualified «religiosity» as unacceptable «obsolete remnants», which opposed the legitimacy of «faith in the triumph of the ideals of communism».

Keywords: religiosity, the USSR, Russia, freedom of conscience.

Отечественное понимание религиозности и ее нормативно-легитимных форм тесно связано с историей нашего социума, который в XX веке пережил три радикальных трансформации. Принадлежность к господствующей «Российской Церкви» после Пасхи (17 апреля) 1905 года (в силу вступившего Указа «Об укреплении начал веротерпимости») впервые за тысячу лет была провозглашена делом свободного выбора, а выход из церкви перестал быть уголовным преступлением [10]. Начался массовый выход всех тех, кто был «принужден к спасению», и сотни тысяч «прихожан» покинули «казенное вероисповедание».

Собственно «свободу совести» в России провозгласило Постановление Временного Правительства от 14 июля 1917 года, где утверждалось: «1. Каждому гражданину Российского государства обеспечивается свобода совести. Посему пользование гражданскими и политическими правами не зависит от вероисповедания и никто не может быть преследуем и ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры» [12]. Первая Конституция РСФСР (от 10 июля 1918 года) утверждала в статье 13: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь

отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [6]. Эта же норма сохранилась в Конституции РСФСР (редакция от 11 мая 1925 г., гл. 1, ст. 4) [7].

Новый статус понимания религиозности фиксируется в редакции Конституции РСФСР от 18 мая 1929 г., где появляется переработанная версия статьи 4: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [7]. Эта норма окончательно утверждается в Конституции от 21 января 1937 г.: «Статья 128. В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в РСФСР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [4]. Данное положение было сохранено и в последней советской Конституции РСФСР (от 12 апреля 1978 г.): «Статья 50. Гражданам РСФСР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой,

*Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №13-03-00532.

отправлять религиозные культы или вести атеистическую пропаганду. Возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями запрещается. Церковь в РСФСР отделена от государства и школа – от церкви»[5]. Таким образом, свобода совести с 1929 года в СССР понималась только как эксклюзивное право атеистов на распространение своих взглядов, а «верующих» сограждан – на «отправление культов».

Спецификой именно России стало то, что власть с 1917 года, признав свободу вероисповеданий, практически объявила войну всем формам «религиозных предрассудков», особенно в период «безбожной пятилетки» (1932-1937), хотя известны и эпизодические попытки использовать «религиозный фактор» в политических целях. Так, к примеру, известный современный историк М.В. Шкаровский выделяет 10 периодов «советской государственной политики» по отношению к религиозным организациям (1917-1920, 1921-1928, 1929-1938, 1939-1943, 1943-1948, 1948-1953, 1953-1958, 1958-1964, 1965-1988, 1988-1991), отмечая при этом, что «курс правительства в определенной степени менялся и внутри выделенных временных промежутков» и «до сих пор в историографии отсутствует достаточно разработанная аргументация смены курса религиозной политики»[18]. Иначе говоря, российская власть советского периода, кроме периода Великой Отечественной войны и нескольких последующих лет, демонстративно практиковала «ситуативно-реактивное» отношение к религии, по преимуществу стремясь ее инструментально тактически использовать, стратегически вытеснив из социального бытия как духовного конкурента за сердца и умы граждан.

В качестве примера такой «ситуативной» политики можно привести события после смерти И.В. Сталина в 1953 г., за которой последовали глубокие перемены в жизни Советской страны, которые были названы «оттепелью». Эти перемены не обошли стороной Русскую Православную Церковь. Из лагерей, в которых томились миллионы узников, начали выпускать невинно осужденных, вначале по амнистии, потом большинство осужденных – по реабилитации [15, С.152]. Освобождены были и священнослужители – те, кто оставался в заключении еще с довоенных времен, и те, кто был арестован после войны – либо за то, что во время войны, находясь на занятой врагом территории, совершал богослужения по разрешению оккупационных властей, либо как «повторник»[15, С.152], либо по клеветническим доносам.

Поначалу казалось, что смерть Сталина откроет эру большей свободы для Церкви. Вновь появилась надежда на возрождение Церкви. В 1954-1958 гг. Журнал Московской патриархии регулярно сообщает о восстановлении и открытии храмов[13]. Благотворные перемены в жизни страны внушали надежды на дальнейшую нормализацию отношений между Церковью и Советским государством, и некоторые события оправдали эти надежды. В 1956 году Православной Церкви были переданы мощи святого Никиты Новгородского. В 1957 году возобновились богослужения в Троицком соборе Александро-Невской лавры. В середине 50-х го-

дов был значительно увеличен прием во всех существовавших тогда восьми духовных семинариях Русской Православной Церкви. Большим событием церковной жизни явилось предпринятое в 1956 году, впервые после восстановления Патриаршества, издание Библии на русском языке. В том же году вышел отдельным изданием Новый Завет.

Одновременно, однако, времена «хрущевской оттепели» обернулись для представителей Русской Православной Церкви «лютым морозом». Спокойные отношения с Церковью преподносились как сталинское наследие, которое следует ликвидировать, хотя именно религиозные организации особенно пострадали от проводимых им репрессий. Нагнетание антирелигиозных настроений к концу 1950-х годов в партийных и комсомольских верхах делало почти неизбежной новую войну с религией[17]. Гонения Н.С. Хрущева на Церковь не были неожиданностью. Уже в 1950 г. начинают появляться статьи, в которых говорится, что религия не отомрет сама по себе в социалистическом обществе, так что следует усиливать антирелигиозную пропаганду[14, С.53].

Первые предпосылки гонений появляются в 1954 году, вместе с ростом политического веса Н.С. Хрущева. Д.Т. Шепилов и А.Н. Шелепин по указанию секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова подготовили постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» [14, С.53] от 7 июля 1954 года, в котором была подвергнута жесткой критике та линия в отношениях с Церковью, которую проводил Сталин с 1943 года. В статье «Шире развернуть научно-атеистическую пропаганду»[9] говорится, что религиозные предрассудки – одни из «наиболее живучих и вредных пережитков капитализма в сознании людей... Эти предрассудки еще до сих пор отравляют сознание части наших людей, мешают их активному участию в строительстве коммунизма... Серьезные недостатки в постановке научно-атеистической пропаганды являются следствием того, что некоторые партийные организации... примиренчески относятся к распространению различного рода предрассудков и суеверий, которые духовно калечат и принижают советских людей» [9]. Обращалось внимание на то, что «научно-атеистическая пропаганда должна быть развернута так, чтобы не оскорблять чувств верующих, а воздействовать на них примером, убеждением, распространением научных знаний» [9]. Церковная печать упоминалась как опасное оружие против атеизма в СССР, хотя в то время она ограничивалась одним ежемесячным журналом с тиражом 15 000 экземпляров [11], что противоречило закону о свободе слова и печати, гарантированному конституцией СССР 1936 года[8]. Постановление также обязывало «преподавать школьные предметы (историю, литературу, природоведение, физику, химию и т.д.) с позиций атеизма... усилить антирелигиозную направленность школьных программ»[11]. В учебниках можно было встретить такие утверждения: «религия – это фантастическое и искаженное отражение мира в сознании человека... Религия стала средством духовного закабаления масс»[16].

Новая волна репрессий обрушилась на церковь с 1958 года, которые и вошли в историю под названием «хрущевских»[14, С.52]. Политическая программа Н.С. Хрущева включала в себя борьбу за «преодоление религиозных пережитков капитализма»[15, С.155] в сознании советских людей. Такая политика продолжалась до 1964 года, времени отставки Н.С. Хрущева, после которой наступил новый период в истории Русской Церкви и государства, прозванный историками «застойным». Период, в который государство не принимало никаких мер против Церкви, и Церковь старалась жить в мире с ним.

После «перестройки» конца 80-х годов XX века Россия подписала основные международные документы по правам человека, где рекомендуют использовать достаточно объективные и широкие определения религии, не допускающие дискриминации по отношению к каким бы то ни было религиозным течениям[2], где отклоняются «как устаревшие и неоправданно узкие критерии религиозности, основанные на понятиях

одной конфессиональной традиции»[3, С.7]. С другой стороны, как отмечают социологи, в стране сложился «проправославный консенсус», когда в 2005 году 99% респондентов вне зависимости от веры и конфессии отметили свое положительное отношение к православию[3, С.20-21].

Современное религиоведение ведет исследование религиозности как аспекта массмедийного «дифференцированного общества», где «условием общения является разобщенность», когда «тот, кто в общении ориентирован на истину (упорядочивающее средство для научного общения и научных текстов), не способен понять того, кто ориентирован на веру как ориентир религиозных текстов, но именно благодаря этому конститутивному размежеванию ученых перестали сжигать на кострах, а верующих не исключают из социума как слабоумных»[1]. В таком контексте свобода совести выступает органичным элементом «консенсусности» самоопределяющихся путем самоизменения и самосохранения религиозных объединений.

Библиографический список

1. Антоновский Ю.А. Общество как общение и разобщение// Луман Н. Дифференциация: пер.с нем. М.: Логос, 2006. С. 313.
2. Возрождение свободы совести и ее защита. // М: Московская Хельсинкская Группа, 1999. С.9,15,16, 22.
3. Кантеров И.Я. Экспертные советы как субъекты конфессиональной политики // И.Я. Кантеров. Религия и право. 2004, № 1.
4. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) URL: <http://base.garant.ru/185481/11/#1100> (дата обращения: 20. 02. 2014).
5. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/chapter/6/ (дата обращения: 20. 02. 2014).
6. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/kons_1918.php. (дата обращения: 20.02.2014).
7. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508617/ (дата обращения: 20. 02. 2014).
8. Конституция СССР 1936 г. гл. X, ст. 125.
9. Передовая статья газеты «Правда» № 205 (13138), 24 июля 1954 г.
10. Познышев С.В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. К реформе нашего законодательства о религиозных преступлениях. М., 1906.
11. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С. 281
12. Постановление Временного Правительства «О свободе совести» 14 июля 1917 года. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5412/> (дата обращения: 20. 02. 2014).
13. См. отчеты в Журнале Московской патриархии о постройке церкви в Ашхабаде на месте разрушенной землетрясением в 1948 году. (1958, № 2); Другая церковь была построена епископом Ермогеном в Киргизии (1958, № 7); новая церковь была построена в Ровенской обл. Украины (1958, № 11. С.8).
14. Федотов А.А. Ивановская, Владимирская и Костромская епархии Русской Православной Церкви в 1917–1990-е гг. Иваново, 2000.
15. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви 1917-1990. М.: Хроника, 1994.
16. Шафаревич И. Законодательство о религии СССР. Париж, 1973. С. 50–52.
17. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 359–360.
18. Шкаровский М.В. Русская православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). М.: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2005. С.8–9.

References

1. Antonovskii U.A. Society as a communication and uncoupling // Luman N. Differentiation: Translated by B.Skuratov / Niklas Luhmann. Moscow: Logos, 2006. P. 313.
2. Revival of religious freedom and its protection. // M: Moscow Helsinki Group, 1999. P.9, 15,16, 22.
3. Kanterov I.Ya. Expert advice as subjects of confessional policy // I.Ya. Kanterov. Religion and Law. 2004, № 1.
4. Constitution (Fundamental Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (approved by the Emergent XVII Congress of Soviets on January 21, 1937) URL: <http://base.garant.ru/185481/11/#1100> (date accessed: 20.02.2014).
5. Constitution (Fundamental Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic on April 12, 1978 URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/chapter/6/ (date accessed: 20.02.2014).

6. Constitution (Fundamental Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/kons_1918.php (date of access: 20.02.2014).
  7. Constitution (Fundamental Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (approved by Decision XII All-Russian Congress of Soviets on May 11, 1925 URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508617/ (date accessed 20.02.2014).
  8. Constitution of the USSR in 1936, Ch. X, Art. 125.
  9. Editorial newspaper «Pravda » № 205 (13138) , July 24, 1954.
  10. *Poznyshev S.V.* Religious crime in terms of religious freedom. To reform our legislation on religious offenses. M., 1906.
  11. *Pospelovsky D.V.* Russian Orthodox Church in the XX century. M.: The Republic, 1995. P. 281.
  12. Provisional Government's "On Freedom of Conscience" July 14, 1917. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5412/> (date accessed: 20.02. 2014).
  13. See reports in the Journal of the Moscow Patriarchate of the construction of the church in Ashgabat on the site destroyed by an earthquake in 1948. (1958, № 2); Another church was built by Bishop Hermogen in Kyrgyzstan (1958, № 7), a new church was built in the Rivne region. Ukraine (1958, № 11. P.8).
  14. *Fedotov A.A.* Ivanovo, Vladimir and Kostroma diocese of the Russian Orthodox Church in 1917–1990-ies. Ivanovo, 2000.
  15. *Tcipin V.*, Fr. History of the Russian Orthodox Church in 1917–1990. M.: Chronicle, 1994 .
  16. *Shafarevich I.* Legislation on religion in the USSR. Paris, 1973. Pp. 50–52.
  17. *Shkarovsky M.V.* Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev. M., 1999. Pp. 359–360.
  18. *Shkarovsky M.V.* Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (state-church relations in the USSR in 1939-1964 years). Moscow: Publish by Krutitsa farmstead. Amateurs Society of Church History, 2005. Pp. 8-9.
-
-

Л.Ю. ВЕШНЯКОВА

аспирант, кафедра культурологии и религиоведения,
Институт социально-гуманитарных и политических
наук, Северный (Арктический) Федеральный универси-
тет им. М.В. Ломоносова
E-mail: larisaveshnyakova@gmail.com

L.Y. VESHNYAKOVA

Graduated student, Department cultural and religious
studies Northern (Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov
E-mail: larisaveshnyakova@gmail.com

**К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МЕТОДОЛОГИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
БУДДОЛОГИИ XX ВЕКА: СПЕЦИФИКА ПОДХОДОВ**

**TOWARD A QUESTION ABOUT FEATURES OF METHODOLOGY RUSSIAN
BUDDHOLOGY 20TH CENTURES: SPECIFICITY APPROACHES**

В статье излагаются особенности методов изучения буддизма, составляющие основу комплексного подхода. Основу работы составляет обзор методологии, используемой академиком Ф.И. Щербатской и исследователями Е.Е. Обермиллер, О.О. Розенберг. Филологический метод представлен как анализ лингвистических единиц буддийских текстов, философский – как способ интерпретации буддийской терминологии при помощи европейской философии. В статье отражена дискуссия Ф.И. Щербатского и О.О. Розенберга относительно вопроса правомерности сопоставления восточной и западной систем философии. Также представлена характеристика метода структурно-герменевтического анализа – комплексного подхода, объединяющего религиозную доктрину, психотехнические практики и философский дискурс буддизма.

Ключевые слова: буддизм; отечественная буддология; востоковедение; методология; филологический метод; философская интерпретация буддизма.

The article expounds methodology of studying Buddhism, forming the foundation of complex approach. This work is based upon overview of the methodology used by academician F.I. Tsherbatskoy and researchers E.E. Obermiller, O.O. Rosenberg. Philological method is presented as an analysis of linguistic units of Buddhist texts, philosophical – as a way of interpreting Buddhist terminology with European philosophy. This article deals with discussion of F.I. Tsherbatskiy and O.O. Rosenberg regarding the issue: relevancy of comparing Eastern and Western systems of philosophy. Also characteristic of the method was submitted, representing structural and hermeneutical analysis – a complex approach, joining together religious doctrine, psycho-technical practice and philosophical discourse of Buddhism.

Keywords: Buddhism; Russian Buddhology; Orientalism; methodology; philological method, philosophical interpretation of Buddhism.

Формирование отечественной буддологии тесным образом связано с историей российской государственности. Это определило направленность исследований в сторону изучения религиозности национальных азиатских окраин России. Первоначально буддология считалась частью прикладного востоковедения, способствующего осуществлению имперской политики в Центральной Азии [3, с. 86]. Однако во второй половине XIX века отечественная буддология преодолевает ограниченность прикладных политических задач и в начале XX века обретает черты, свойственные религиоведению. Основными темами исследований становятся анализ формирования буддийской духовной традиции, ее специфика и историческая преемственность.

Современные процессы глобализации способствовали возрождению межкультурного диалога Восток-Запад, что, в свою очередь, сказалось на заинтересованности отечественных философов к компаративистским исследованиям восточной и западной мыслительной традиции. Обнаружился недостаток комплексных исследований в области отечественной буддологии.

А.М. Донец в своей работе «Теория верного познания школы мадхьямика-прасангика по тибетоязычным источникам традиции Гелуг» поддерживает идею бурятского ученого Б.Б. Барайдина о том, что буддизм возможно изучать двумя путями: по литературным источникам и по религиозной жизни буддистов [1, с. 8].

Исследования, основанные на изучении литературных источников буддизма, используют *филологический метод*. Он требует фиксации исследовательского внимания на способе выражения, а не на содержании источника, то есть на анализе лингвистических факторов. «Филологический метод» применяется с целью понимания смысла источника путем наблюдения над текстом. Исследования буддизма давали лишь поверхностные сведения, не углубляясь в религиозно-философскую основу учения.

Российский востоковед В.И. Рудой связывал «филологический метод» с филологической текстологией, представляющей собой область приложения двух дисциплин – герменевтики и критики. По мнению Рудого, если современные востоковеды-текстологи, разбира-

ющиеся в буддологии, обладают вполне отчетливым представлением о последней из этих двух дисциплин, то о герменевтике как об определенной ступени в истории изучения письменных памятников у большинства источниковедов имеется весьма смутное понятие. [6, с. 24] Работая в рамках герменевтического подхода, буддологи оказались в сложной ситуации: для выделения в текстах буддийской философской терминологии необходимо четко представлять грань между философией и религией в буддизме, но методологии различения этих областей филологическая герменевтика не могла предложить.

Основы *философской интерпретации* буддизма в России заложены академиком Ф.И. Щербатским. Прежде всего, среди заслуг Ф.И. Щербатского стоит отметить, что он провел грань между буддизмом как религией и ее философией. Академик рассматривал эту систему в ее историческом развитии, чтобы выявить ее содержание и показать значение и место в мировой философии. Также Ф.И. Щербатский обратил внимание на идеи и концепты буддийской литературы и исходя из этого, предпочитал обращаться к поздней комментаторской литературе, излагавшей их более развернуто и аргументировано [4, с. 30].

Относительно переводов текста Щербатский придерживался следующей позиции: «Лишь путем гипотетического воссоздания той философской системы, о которой идет речь, можно сначала лишь приблизительно определить то понятие, которое метафорически обозначается таким термином» [10, с. 57]. Замечание исследователя указывает на необходимость понимания метафоричности буддийской терминологии, а также осознания того, что в Индии философский дискурс черпал свои термины из обыденного языка, где они имели нефилософские значения. Поэтому буквальный перевод, с точки зрения Ф.И. Щербатского, будет переводом метафоры, а не термина.

Особенность подхода Ф. И. Щербатского также заключается в том, что он первым стал систематически сравнивать проблемы буддийской мысли с проблемами западной философии. Академик начал с изучения единственного в то время опубликованного философского сочинения – с учебника индийской логики Дхармакирти, буддийского философа VII века. Результат исследований он изложил в двухтомном труде «Теория познания и логика по учению позднейших буддистов» (1903-1909 гг.). Особенностью работы Ф.И. Щербатского является попытка изложить буддийскую теорию «языком современной философии» посредством философии И. Канта [9, с. 23]. Значительное влияние на формирование особого метода интерпретации исследователя оказал профессор А.И. Введенский, читавший в то время курс «Логика как часть теории познания» в Петербургском университете. Таким образом, исследователь Ф.И. Щербатский обращал свое внимание на некий смысл оригинального текста, который является единым по своей структуре, но допускал, что языки его выражения могут быть разными и взаимозаменяемыми. Язык, в данном случае, выступал инстру-

ментом, транслирующим мысль, где мысль является первичной, а средство выражения – вторичным.

По мнению В.Г. Лысенко, попытка определения буддийской терминологии с помощью кантианского понятийного аппарата на данном этапе имела одну цель – придать буддийской мысли «респектабельность», привлечь внимание профессиональных философов и в сотрудничестве с ними ввести ее в круг интересов современной философии [4, с. 33].

Сам Ф.И. Щербатский отмечает, что буддизм как философское учение близок к европейской научной мысли. Исследователь полагает, что при правильном понимании и переложении основ буддийского учения на «наш» философский язык «...обнаруживают замечательную близость как раз к самым последним, самым новейшим достижениям в области научного мирозерцания» [4, с. 238].

Методология, разработанная Ф.И. Щербатским, принята многими его учениками. Е.Е. Обермиллер (1901-1927 гг.), будучи преемником академика, работал с санскритскими индубуддийскими религиозно-философскими памятниками, активно преодолевая «наследие» филологического метода, разрабатывая тибетско-санскритские понятийно-терминологические индексы к сочинениям буддийского гносеолога Дхармакирти. Пример применения базовых принципов перевода и исследования буддийских памятников, сформулированных Ф.И. Щербатским, представляет собой статья Е.Е. Обермиллера «Пути изучения тибетской медицинской литературы», опубликованная в «Библиографии Востока».

Иной позиции придерживался ученик Ф.И. Щербатского – О.О. Розенберг. Исследователь формулировал свое отношение к параллелям Восток-Запад следующим образом: «Сопоставления такого рода, однако, не способствуют вовсе пониманию буддизма: ведь фактически буддизм не совпадает ни с одной европейской системой, а именно в этом и состоит его значение и ценность его изучения» [5, с. 149]. О.О. Розенберг среди проблем исследований буддизма в России особо выделял:

- доминирование филологического и культурно-исторического подхода;
- ограниченность «палийской школой»;
- акцент на изучение «сутр»;
- отсутствие навыков философской интерпретации [7, с. 218].

Переводческая стратегия самого О.О. Розенберга состоит в комплексном подходе интерпретации текста. В его исследованиях нет склонности к определенному методу: филологическому или философскому. Академик предлагает использовать оба – в зависимости от ситуации. По мнению О.О. Розенберга, разница между буддийской и западной системами является важным моментом, стимулирующим герменевтическую рефлексию [4, с. 36].

В своих работах ученый доказывает, что для создания научной теоретической концепции буддизма необходимо пересмотреть исследовательскую тексто-

логическую базу и в центр изучения поставить философские трактаты (шастры), а не только литературу сутр. В трактовке О.О. Розенберга сутры представляют собой определенную формулу философского характера нравственно-поучительного свойства. Шастры, напротив, в силу их содержания и логически завершенного характера являются ключом как к древнейшему, так и более позднему буддизму [5, с. 47].

Открытие структурных уровней буддизма – философского и популярного – одна из ценнейших теоретических находок О.О. Розенберга. Разграничение буддизма как философской системы и как практического морального учения проводилось исследователем на основе текстологического сопоставления и анализа практики буддизма [2, с. 9]. Такой подход позволял полностью устранить опасность смешения религии и философии при анализе источников.

В настоящее время оба подхода (предложенный

Ф.И. Щербатским и разработанный О.О. Розенбергом) являются востребованными. Так, современные исследователи В.И. Рудой и Е.П. Островская при изучении индийских даршан применяли метод структурно-герменевтического анализа, основанного на принципе ценностно-смысловой целостности и взаимосвязанности трех уровней функционирования буддийской традиции – религиозной доктрины, психотехнической практики и философского дискурса [8, с. 50]. В то же время ученые продолжают поиски параллелей, точек соприкосновения восточной и западной культур, работая в рамках философской компаративистики.

Обзор тенденций в современной буддологии показывает, что исследования все чаще принимают комплексный характер, а буддизм рассматривается как философско-религиозное явление. Обращаясь к компаративистике, ученые все чаще используют «филологический метод» как основу источниковедения.

Библиографический список

1. *Донец А.М.* Теория верного познания школы мадьямика-прасангика по тибетоязычным источникам традиции Гелуг: дис. ... докт. истор. наук: 07.00.09. Улан-Удэ, 2006. 414 с.
2. *Ермакова Т.В.* Розенберг как представитель Санкт-Петербургской буддологической школы // Вестник РХГА. СПб.: Издательство РХГА, 2008. С. 7-19.
3. *Ефимова И.Я.* Влияние индийской философии на философскую мысль России // Россия – Индия: перспективы развития регионов (Приморский край). М.: Институт востоковедения РАН, 2000. С. 85-87.
4. *Лысенко В.Г.* Ф.И. Щербатской и О.О. Розенберг о сравнительном методе в буддологии // Вестник РХГА. СПб.: Издательство РХГА, 2008. С. 30-40.
5. *Розенберг О.О.* Труды по буддизму. М.: Наука, 1991. 295 с.
6. *Рудой В.И.* Вклад классиков Санкт-Петербургской буддологической школы в теорию источниковедения: подходы, методы и методики // Вестник РХГА. СПб.: Издательство РХГА, 2009. С.23-38.
7. *Торчинов Е.А.* Введение в буддологию. Курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.
8. *Хижняк О.С.* О применении метода Санкт-Петербургской буддологической школы в исследованиях предметов культа // Вестник РХГА. СПб.: Издательство РХГА, 2008. С. 47-52.
9. *Шохин В.К.* Ф.И.Щербатской и его компаративистская философия. М.: ИФ РАН, 1998. 249 с.
10. *Щербатской Ф.И.* Теории познания и логика по учению позднейших буддистов.. СПб.: Аста-Пресс LTD, 1995. 395 с.
11. *Щербатской Ф.И.* Философское учение буддизма. Лекция, прочитанная при открытии Выставки 24.08.1919 г. // Восток - Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1989. С. 224-238.

References

1. *Donec A.M.* Theory of correct cognition school madyamika-prasangika by Tibetan language sources of Gelug tradition: dissertation doctor of Historical science: 07.00.09. Ulan-Ude, 2006. Pp. 414.
2. *Ermakova T.V.* Rozenberg like a representative of the St. Peterburg Buddhist studies school // Messenger of RHGA. St.P. 2008. Pp. 7-19.
3. *Efimova I.Y.* Influence of Indian philosophy on the philosophical thought of Russia // Russia – India: prospects for regional development (Primorcky region). M., 2000. Pp. 85-87.
4. *Lisenko V.G.* F.I. Scherbatckoy and O.O. Rozenberg: about comparative method in Buddhist studies // Messenger of RHGA. St.P.2008. Pp. 30-40.
5. *Rozenberg O.O.* Research of Buddhism. M. Science, 1991. Pp. 295.
6. *Rudoy V.I.* Deposit in theory of source of classics St. Peterburg Buddhist studies school: approaches, methods, techniques // Messenger of RHGA. St.P.2009. Pp.23-38.
7. *Torchinoy E.A.* Introduction in Buddhist studies. Lectures. St.P. St. Peterburg Philosophical Society, 2000. Pp. 304.
8. *Hijnyak O.S.* Toward a question about method St. Peterburg Buddhist studies school in reseach of object of worship // Messenger of RHGA. St.P.2008. Pp. 47-52.
9. *Shohin V.K.* F.I. Scherbatckoy and his comparative philosophy. M., 1998. Pp. 249.
10. *Scherbatckoy F.I.* Theory of cognition and logics in studies of latest Buddhists. St.P. Asta-Press LTD, 1995. Pp.395.
11. *Scherbatckoy F.I.* Philosophical studies of Buddhism. Lectures. 24.08.1919 // East-West. Studies. Translation. Publications. M., 1989. Pp. 224-238.

УДК 101.1

UDC 101.1

Г.А. ГЕРАНИНА

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и религиоведения, Владимирский государственный университет
E-mail: geranina@list.ru

G.A. GERANINA

Candidate of Philosophy, Associate Professor of Philosophy and Religious Department of Vladimir State University
E-mail: geranina@list.ru

ЭКСКУРСИЯ КАК ФОРМА СОВРЕМЕННОГО РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

EXCURSION AS A FORM OF CONTEMPORARY RELIGIOUS EDUCATION

Настоящая статья посвящена анализу экскурсии как формы современного религиоведческого образования. Представляет актуальность в связи с внедрением религиозного компонента в педагогический процесс. Главной особенностью современной религиоведческой экскурсии является религиозная культурная среда, которая несёт в себе возможность формирования «живой религиозности» школьника.

Ключевые слова: религиозность, религиоведческое образование, религиоведческая экскурсия.

This article analyzes the excursion as a form of modern religious education. It is important due to the introduction of a religious component into the educational process. The main feature of modern theological excursion is a religious cultural environment, as the literature of the early twentieth century shows, it carries the possibility of forming a «living religiosity» of schoolchildren.

Keywords: religiosity, theological education, religious excursion.

По инициативе Министерства образования Российской Федерации 21 июля 2009 года в 19 субъектах страны в качестве эксперимента была введена новая образовательная гуманитарная программа «Духовно-нравственное воспитание», впоследствии переименованная в «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ). С сентября 2012 года во всех субъектах РФ введен обязательный курс для изучения в 4 – 5 классах, который состоит из шести модулей, представляющих возможность выбора в изучении: основы 4 отдельных религиозных культур (буддийской, исламской, иудейской и православной), основы мировых религиозных культур и основы светской этики.

Основной формой передачи знаний о религиях в образовательных учреждениях является урок. Вместе с тем, все более значимой и важной становится такая форма организации учебно-воспитательного процесса в курсе ОРКСЭ, как учебная экскурсия. Главное предназначение её связано с учебными и воспитательными задачами, необходимостью повышения интереса и мотивации у современных школьников к изучению основ религиозных культур. Кроме того, экскурсия помогает приобщиться к тем или иным жизненным фактам, обогатить собственный чувственный опыт, установить связи между теорией и практикой, решить эстетические задачи, развить любовь к родному краю и России в целом. Необходимо также отметить, что экскурсии религиозной тематики имеют определенную специфику, поскольку знакомят учащихся с религиозной культурной средой и, как показали представленные ниже авторы начала XX века, могут способствовать форми-

рованию просвещенной религиозной идентичности и воцерковлённости.

Экскурсия (от лат. *excursio* – «прогулка, поездка») – это коллективное или индивидуальное посещение музея, достопримечательного места, выставки, организации и т. п.; поездка, прогулка с образовательной, научной и воспитательной целью [3].

Впервые экскурсии стали внедряться в учебный процесс выступавшими против схоластики в преподавании прогрессивными педагогами Западной Европы и России в конце XVIII – начале XIX в [3]. Постепенно они стали органической частью учебного процесса в школе. В 1910 году в Москве была создана Центральная экскурсионная комиссия, обслуживавшая школьников и педагогов [3].

Экскурсионная методика складывалась в России на протяжении длительного времени. В 1916 году в журнале «Русский экскурсант» была опубликована первая классификация экскурсий, включающая восемь её типов и краткие методические указания по их проведению [3]. Но в классификации отсутствовал тип экскурсий на религиозные темы, что легко можно понять, поскольку тогда практически все граждане страны считались прихожанами различных храмов, а в школах учащимся преподавался Закон Божий.

А.В. Круглов в работе «Запросы духа. Размышления православного мирянина» считал подобную ситуацию в образовании одной из причин, «по которым дельные книги, трактующие о предметах общепользных, многими школьниками читаются столь туго, оставляют в умах так мало следа» [2, с. 63].

* Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №13-13-33605 е(р).

В работе Д.И. Введенского «За счастье детей» имеется глава «Паломничество детей», где он указывает, «что задолго до современных и, нужно сказать, оживлённых толков об экскурсиях и об их значении в общей системе воспитания и образования подрастающего поколения русский народ *сам* (курсив автора) определил характер паломничества и путешествий» [1, с. 73]. Таким образом, паломничество можно рассматривать как древнюю форму образовательных экскурсий: «Проследите историю великих духовных богатырей, жизнь и деятельность которых оставила яркий, и поэтому более заметный для нас, след в истории. Их всех можно назвать экскурсантами в лучшем значении этого слова» [1, с. 74]. В данной главе он раскрывает большой потенциал роли экскурсии в образовательном и воспитательном процессах. И этот потенциал, по его мнению, основан на изучении «православно-русской святыни». Д.И. Введенский писал: «А сколько у нас на Руси таких возбудителей религиозного и патриотического чувства – об этом хорошо известно и каждому. Матушка Москва с её Кремлём, туманный Петроград, древнепрестольный Киев – мать русских городов, великий некогда Новгород, Владимир на Клязьме – этот недолгий стольный город молодой Руси, старый Псков, Казань – древняя столица ханов, Тверь, Ярославль и др. – всё это общая средоточия святынь, всё это вечные скрижали древней Руси, всё это памятники славных страниц её прошлого, в которых широкой сетью раскинулись тихие обители» [1, с. 76].

В работах А.В. Круглова и Д.И. Введенского экскурсии часто называются «образовательными путешествиями» [2, с. 63], «школьными походами с религиозно-нравственной целью» [2, с. 66], «отдыхом через учёбу» [2, с. 62], просто «путешествиями» [1, с. 73] и т.п.

Основу любой экскурсии составляют три элемента: услышанное, увиденное и прочувствованное. Д.И. Введенский отмечал, что ученику «легко писать о том, что видел и о чём слышал» [1, с. 82]. А.В. Круглов полагал, что «читать описание чего-нибудь и это же самое видеть своими глазами – не одно и то же» [2, с. 62].

Представления и идеи данных авторов являлись новаторскими и смелыми для того времени, они были важны для подлинного народного просвещения. «Да, о школьных походах с религиозно-нравственной целью – пора подумать нашим народным просветителям, если они не хотят отдалить вовсе школьников от

того, что возвышает душу и укрепляет начала истинной нравственности» [2, с. 64], – указывал А.В. Круглов. Д.И. Введенский считал, что подрастающее поколение «нужно учить понимать смысл красоты, ... развивать в них чуткость к прекрасному и жажду свободных минут раздумья, в которых пылливый ум детей мог бы проразуметь во всём высший смысл... И современная педагогика задумывается, глубоко задумывается над этой стороной воспитания, над развитием в детях эстетического чувства, чувства прекрасного» [1, с. 64].

Оба автора в своих трудах ссылаются на эмпирический опыт, полученный из экскурсий известного сельского учителя Сергея Александровича Рачинского (1833 – 1902), описания которых даны в его дневнике. В упомянутой ранее работе А.В. Круглова даны выдержки из дневника экскурсии С.А. Рачинского, в котором сказано, что «бодрые возвращались школьники домой и радостно встретили их домашние» [2, с. 73]. «Рачинский вместе со своими школьниками сделал поход в «Нилову пустынь». Какой же результат? ... В школьниках этот поход оставил неизгладимый след. Они пережили то религиозное настроение, которое сделало отношение всех их к религии сознательнее; они внесли и в жизнь деревни несколько святых, высоких минут» [2, с. 65], – писал А.В. Круглов.

Д.И. Введенский отмечал, что городские дети лишены возможности созерцать красоты окружающей природы и поэтому особенно нуждаются в паломничестве и в экскурсиях, «ведь несомненно многие и очень многие дети, и особенно дети наших городских школ – дети узких, пыльных и однообразных улиц – очень часто не имеют представления о самых обыкновенных явлениях окружающего мира, более внимательное ознакомление с которыми раскрывает пред ними великую общедоступную книгу – книгу природы, питающую в детях религиозную настороженность и развивающую в них эстетический вкус» [1, с. 77].

Таким образом, методика проведения экскурсии на религиозную тематику должна исходить из того, что данная форма представляет собой небольшой поход или путешествие. Главной особенностью современной религиозно-педагогической экскурсии является религиозная культурная среда, которая несёт в себе возможность формирования «живой религиозности» школьника, так как затрагивает глубинные эмоциональные основания его души, способствует пониманию художественного смысла и развивает эстетический вкус.

Библиографический список

1. *Введенский Д.И.* За счастье детей (Вопросы христианского воспитания). Выпуск 1. Издание третье Училищного Совета при Святейшем Синоде. – Петроград. Типография И.В. Леонтьева, Басков пер., д. 4., 1915. 354 с.
2. *Круглов А.В.* Запросы духа. Размышления православного мирянина. С.-Петербург: Изд-е книгопродавца И.Л. Тузова. Гостинный двор № 45. 1903. 175 с.
3. *Пасечный П.С., Кривошеев В.М.* Экскурсия // БСЭ. М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.

References

1. *Vvedenskii D.I.* For the happiness of children (Questions of Christian education). Issue 1. Third Edition school boards to the Holy Synod. Petrography. Typography I.V. Leontiev, Baskov, 4., 1915. 354 p.
2. *Kruglov A.V.* Queries spirit. Reflections Orthodox laity. St. Petersburg: Edition bookseller Tuzova I.L. Seating yard, number 45. 1903. 175 p.
3. *Pasechny P.S., Krivocheev V.M.* Tour // TSB. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1969-1978.

УДК 81-112.4

UDC 81-112.4

Г.Э. ГОВОРУХИН

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и социологии, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
E-mail: govorukhin@mail.ru

О.В. ДУДЧЕНКО

кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет
E-mail: odudchenko@yandex.ru

G.E. GOVORUKHIN

Candidate of Philosophy, associated professor, Department of philosophy and sociology, Amur State University of Humanities and Pedagogy
E-mail: govorukhin@mail.ru

O.V. DUDCHENKO

Candidate of Philology, associated professor, Department of Foreign Languages, Amur State University of Humanities and Pedagogy
E-mail: odudchenko@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО ОСВОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА ДРЕВНИМ СОЗНАНИЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭПОСА)

THE MAIN FEATURES OF COGNITIVE CONCEPTUALIZATION OF THE SPACE BY ANCIENT MIND (BASED ON THE EPIC STUDIES)

В данной статье авторы обращаются к анализу ряда эпических произведений с целью установления соответствий в отражении действительности разных народов. Исследуются способы символизации и мифологизации окружающего пространства, а также структура мира глазами древнего человека – его реальная и идеальная составляющая, граница между ними. Эпическое пространство рассматривается в единстве с эпическим временем.

Ключевые слова: эпос, мифология, символизация, пространство, время, символ.

The article is devoted to the analysis of some epic poems to find out correlations in the ways of the world view reflection by different peoples. The authors study the ways of symbolization and mythologization of the world around and the world structure seen by ancient people – both its real and ideal parts, as well as the borderline between them. The research of the epic world is held in its unity with the epic time.

Keywords: epics, mythology, symbolism, space, time, symbol.

Процессы концептуализации объектов и знаний об окружающем мире и категоризация полученных знаний находятся в центре большого количества исследований последних лет. При этом характерные особенности протекания данных процессов изучаются преимущественно на современном материале, и этому есть ряд причин. Во-первых, имеется возможность непосредственно наблюдать и анализировать протекающие процессы и привлекать для исследования дополнительный материал, что уменьшает вероятность субъективности в исследовании. Во-вторых, само проведение подобного анализа предполагает, в том числе, буквальное прочтение контекстов, содержащих языковую реализацию исследуемого концепта. Это всегда проще сделать на современном материале, поскольку расхождения в восприятии содержания концепта будут незначительны. Однако существует ряд явлений, результаты концептуализации которых входят в группу ценностных культурных концептов и являются основополагающими для формирования той или иной культуры. Такие концепты еще называют базовыми концептами культуры. Исследователи признают, что такие концепты есть у всех народов и именно они определяют мировоззрение того или иного народа. В этой связи очень интересно

было бы посмотреть, как и насколько сильно меняются эти концепты в диахронии и насколько эти изменения влияют на эволюцию человеческого сознания и мышления. Как представляется, «пространство» как раз и является таким основополагающим концептом.

Сразу следует отметить, что концептуальные исследования довольно трудно проводить на историческом материале, прежде всего, из-за его ограниченного объема, а также вследствие его временной отдаленности от современного читателя и, как результат, возможной недостоверности полученных результатов [7;20]. Современный человек, читая исторические произведения, не может не трактовать события с точки зрения человека XXI века, тем самым навязывая древнему сознанию современный, несвойственный ему, взгляд на вещи. Предупреждение о недопустимости подобных трактовок мы находим у многих исследователей, в частности у А.Я. Гуревича [11]. Ценность произведения, отстоящего от нас во времени, состоит именно в запечатленных в нем исторических формах мышления и восприятия окружающей действительности. Способ отражения действительности, взаимодействия с миром зачастую непонятен современному читателю, но чрезвычайно ценен для изучения эволюции сознания и че-

ловческого мышления. Некоторые способы отражения мира древним сознанием существуют по сей день в виде неких артефактов сознания и находят свое отражение в языке в виде готовых структур, которые воспринимаются неосознанно, но могут быть объяснены именно через исторические исследования. Как следствие, привычные и значимые для современного человека явления могли играть совершенно иную роль для человека отдаленной от нас исторической эпохи.

В этом отношении особенно интересно исследование эпоса. Эпос может сочетать в себе несколько мифологических сюжетов, неся для своего современника исчерпывающую информацию. С одной стороны, в эпосе есть упоминание о сотворении мира и могут быть упомянутые важные исторические события. Но в то же время эпос содержит кодекс поведения человека в обществе, ценности, характерные для соответствующего общества в определенный период времени, способ взаимодействия с миром и многое другое. Как правило, текст ясно предупреждает о последствиях нарушения общественных законов и правил. Но главное, о чем повествует эпос, это формирование сложных иерархических социальных отношений. Следует заметить, что мы имеем в виду не только отношения между людьми, но и особенности выстраивания взаимоотношений с миром, неотъемлемой частью которых выступает символизация пространства. Выявив концептуализацию основных явлений действительности древним сознанием, мы можем проследить общую схему развития отдельных концептов в диахроническом срезе в частности и человеческого мышления в целом. В данной статье мы предприняли попытку сопоставить особенности символизации пространства на примере ряда героико-эпических произведений: шумеро-аккадского «Эпоса о Гильгамеше», греческих «Одиссеи» Гомера, «Энеиды» Вергилия и англосаксонского «Беовульфа». Они были созданы в разные временные промежутки, но, тем не менее, обладают рядом сходных черт. Такое сопоставление поможет нам не только выявить общие черты, характерные для эпоса в целом, но и выявить характерные особенности, обусловленные национальной спецификой, а также особенностями времени создания эпоса. Кроме того, такое исследование поможет нам наметить основные тенденции в развитии символизации и концептуализации пространства, а как следствие, и человеческого мышления в целом.

Все рассматриваемые нами эпические произведения относятся к героическому эпосу. В них воспеваются подвиги народных героев, но при этом героический эпос не лишается мифологической окраски, это, своего рода, кодекс правильного поведения для членов общества. Герои такого эпоса, как правило, идеализируются, обладают свойствами богов, а зачастую являются их прямыми потомками. Все события, изложенные в эпосе, реальны, поскольку тому есть свидетели, упомянутые в тексте, но при этом даже события, действительно случившиеся, в эпосе приобретают мифологическую окраску.

Прежде всего, следует отметить характерные черты эпоса, общие для всех рассматриваемых произведений.

Во-первых, для эпоса характерно наличие героя. Но при этом это персонаж, наделенный определенными, строго обязательными чертами. Прежде всего, для героя важно происхождение. Как правило, родословная героя может напрямую возводиться к богам. Так, о Гильгамеше прямо говорится, что он на две трети бог: «На две трети бог / на одну человек он» [15, Т. 1] (1), к богам возводится род Одиссея и Энея, от богов происходит и род Беовульфа. Герой непременно должен быть красив, так как внешняя красота есть отражение его внутренних положительных качеств. Так, Беовульф назван красивым уже при первом появлении. Именно эта черта указывает на него как на героя и вождя: «*niþætsealdguma// wæpnumgeweorðad,/ næfnehimhiswliteleoge// ænlicansyn*» [16, 249-51] (2) – Это не слуга, // оружием удостоенный, / не лжет его красота, // внешность прекрасная (здесь и далее перевод наш – О.В. Дудченко). Гильгамеш также красив: «Прекрасен он мужеством, силой мужскою, Несет сладострастье все его тело» [15, Т. 1].

Обязательным качеством для героя является сила. Обладая исключительным, часто волшебным оружием, герой должен обладать сверхъестественной силой для того, чтобы этим оружием сражаться. Так, топоры Гильгамеша и Энкиду весом в три таланта, кинжалы – еще четыре. Беовульф сражается с Гренделем мечом, который не под силу ни одному человеку, поскольку он – оружие гигантов: «*þæticonwagegeseah/ wlitighangian// ealdsweordeacen*» [16, 1662-3] – что я на стене увидел / красивый висящий // древний меч гигантский. Часто на силу героя указывают его поступки, поскольку он должен быть искусным атлетом и побеждать в состязаниях [12]. Сила героя доказывается через поединок. Так, Гильгамеш и Энкиду во время поединка ломают дверной косяк так, что дрожит стена. Беовульф в поединке с Гренделем ранит его, вырвав лапу, что не под силу никому из воинов. Одиссей отвечает на оскорбление метким и сильным броском камня, который сразу же устанавливает его социальный статус.

Еще одним важным качеством эпического героя является щедрость, особенно это касается вождей. Вождь не просто одаривает богатством – вместе с материальными ценностями он дарит символическую ценность, гораздо более важную, нежели золото или украшения. Вождь дарит удачу, еще один признак эпического героя. Удача просто необходима воину и герою. Более того, как только удача оставляет героя, он умирает. Так происходит с Гильгамешем, когда он утратил цветок вечной жизни, и с Беовульфом, когда он бился с драконом. Интересно, что удача изменяет герою в случае совершения им неблагоприятных поступков, за этим всегда следует смерть. К примеру, Гильгамеш утратил бессмертие именно потому, что боялся смерти, а это недостойно героя. Беовульф сражается ради славы, а не людей, что просят его о помощи, Аякс Оилеев, спасшийся во время кораблекрушения, гибнет из-за бахвальства перед богами.

Мы уже упоминали выше о важной роли пространства и времени в мировосприятии человека. Можно ска-

зять, что это основные ориентиры человека и попытка структурирования окружающего пространства как материального, так и идеального, трансцендентного. Как видно из эпических текстов, время и пространство занимают особое место в эпосе. Символизации времени и пространства уделяется особое место, так как по своей сути – это упорядочивание знаний о мире и трансляция этой информации следующим поколениям. Рассмотрим данные явления по порядку.

Эпическое время нелинейно. Так, возраст героя преимущественно не упоминается и определяется косвенно, через цепь событий. На это также могут указывать поэтические формулы, но они относительны, так как закреплены за определенным персонажем и носят постоянный характер. Можно сказать, что время не влияет на героя эпоса вовсе. Так, при указании на большие промежутки времени, в эпосе упоминается о неизменности возраста героев, их молодости. К примеру, мы ничего не знаем о возрасте Гильгамеша или Энкиду. Нам также ничего не говорится о длительности их путешествий. В первой части поэмы не упоминается о возрасте Беовульфа, хотя есть информация о его юности. Правда во второй части говорится о том, что Беовульф стар, перечисляются события, которые произошли за этот промежуток времени. Но могло пройти как тридцать, так и пятьдесят лет, точнее сказать не представляется возможным. В «Одиссее» есть только косвенные упоминания о времени. В частности, пока странствует Одиссей, вырастает его сын Телемах и отправляется на поиски отца. То есть, можно предположить, что прошло около десяти лет.

Особый интерес для исследователя представляет пространство мифа. Прежде всего следует отметить, что оно неоднозначно. В целом, как предполагается, мифологическое пространство представляет собой систему зашифрованных символов, основ социально-коммуникативных отношений того или иного народа. Причем знание этих символов представляется важным и обязательным для членов того или иного сообщества. Именно в силу своей значимости эти символы и находят отражение в мифах и эпосах.

В этой связи необходимо иметь в виду, что пространство мифа – это пространство денотативных смыслов. Нормы и правила можно принимать или отвергать в рамках единого мифологического коммуникативного пространства путем решения одних и тех же задач. Эти задачи просты и однозначны и не содержат какого-либо дополнительного смысла, равно как и не несут дополнительной информации о событиях внутри самого мифа. Социальная реальность, отраженная в мифе, – это реальность с понятными обывателю социальными процессами. Однако, говоря об условиях существования мифа, речь должна идти о метафоричности содержащейся в нем информации [1]. Таким образом, в коммуникативном пространстве мифа присутствует и денотативное, и метафорическое (коннотативное) означаемое.

Мифологическое пространство – это пространство с привычными границами социальных отношений.

Соблюдаются все формальные критерии коммуникативного взаимодействия, однако всегда существует некоторое «но», которое не вписывается в привычную для обывателя реальность и заставляет его принимать решение, делать некий выбор. То есть, действовать иначе в привычных условиях. Это «но» устраняется формальным отсеиванием не вписываемых в привычную реальность смыслов. Классической схемой такого отсеивания становится маркирование знания о пространстве в выражении «может да, а может, нет» [5]. Такая пересимволизация пространства совершенно типична для всех классических текстов, начиная с «Одиссеи» Гомера.

Пересимволизация является настолько важной в определении отношений и к пространству, и к культуре в целом, что становится штампом реальности социального взаимодействия людей. К примеру, описанное Гомером путешествие Одиссея происходит в мифологическом пространстве. Но узнать об этой мифологичности мы можем только в его противопоставлении путешествию Телемаха – сына Одиссея в реальном пространстве. Действия Одиссея и действия Телемаха проходят параллельно в двух мирах. Телемах пытается найти своего отца и отправляется в путешествие от Итаки в Спарту и Пилос. Там он встречается с реальными людьми – Менелаем и Нестором. Эта реальность подтверждается достоверными, а именно известными нам из Илиады рассказами, которые ведут герои о событиях в Трое и после [9]. Более того, эти герои уже упоминались в «Илиаде» и потому воспринимаются именно как реально действующие персонажи. Одиссей же плывет домой в мире, находящемся за гранью реальности и естественности. Например, Менелай рассказывает Телемаху о том, что его отца, Одиссея, удерживает на острове Калипсо мифическое существо, действующее только в пространстве сюжетной линии Одиссея и исчезающее, как только Одиссей вырывается за пределы острова Огигия, на котором его скрывала Калипсо. Интересно, что о мифических событиях, в том числе событиях, связанных с проживанием Одиссея на острове Огигия, можно узнать в пространстве, где реальная деятельность людей сопровождается чудесами и переплетается со сверхъестественными явлениями. Таким пространством, к примеру, является пространство сказочного Египта: «Страны, от людей, от которых никто, занесенный однажды // К ним по широкому морю стремительным ветром, не мог бы // Жив возвратиться, откуда и в год долететь к нам не может // Быстрая птица, – столь страшно великой пучины пространство» [9: 447].

Именно там, в Египте, где действуют законы двух миров, «от пронизательного старца» Протея можно было получить сведения о том мире, в котором находился Одиссей, и узнать о его судьбе. Как пишет П. Видаль-Накэ: «выбраться из “мифологического” мира для Одиссея означает выйти из мира “нечеловеческого” – то сверхчеловеческого, то недочеловеческого, – из мира, где у Калипсо ему будет предложено стать богом, а у Цирцеи он подвергнется риску упасть в состояние животного, но чтобы вернуться к норме, этот

мир нужно будет покинуть» [4, 51]. Далее П. Видаль-Накэ пишет: «Следовательно, нет ничего парадоксального в утверждении, что, начиная с лотофагов и вплоть до Калипсо, проходя через остров киклопов и царство мертвых, Одиссей не встречает ни единого человеческого существа в собственном смысле слова» [4, 51]. Мифология странствия Одиссея проходит на контрасте с естественностью реального мира его сына Телемаха.

Смысловый ряд реальности Телемаха – это смысловой ряд читателя, который принимает все описываемые в ходе путешествия героя явления в прямых денотативных смыслах. Читателю и герою не нужно пробираться сквозь дебри отражающихся друг в друге «может, да, а может, нет». В этом пространстве все понятно и естественно, в нем отражены понятные слушателю-современнику Гомера принципы социальных отношений. Вместе с тем читатель вынужден менять свое представление о реальных событиях в прочтении описания путешествия Одиссея. В этом путешествии все вызывает сомнение и неуверенность, начиная с социальных отношений встреченных им существ и заканчивая самими существами и будущим героя, которое ждет его в этой мифологической реальности. Это трансцендентная реальность, в которой действует реальный человек. По мере движения в пределах этой реальности пространство приобретает привычные очертания и входит в привычные смыслы читателя.

Таким же образом осуществляется движение в пространстве Энея, описанное Вергилием. Не случайно в период позднего принципата и во времена домината «Энеида» Вергилия стала текстом, по которому гадали, чтобы узнать свое будущее [6]. Как и сам Эней, каждый, кто желает узнать свою судьбу, вынужден пробираться сквозь пространство неопределенных и непонятных событий. Эти события, в отрыве от финальной, еще неизвестной части жизни, не несут на себе отпечаток сколько-нибудь существенного смысла, поскольку ни герой «Энеиды», ни гадающий по этому тексту не имеют ключа к их расшифровке [13]. Этот ключ герой находит в царстве мертвых, куда попадает в поисках отца – Анхиза. Гадающие получают этот ключ в виде самого текста Энеиды: «Сын мой! Славу, что впредь Дарданидам сопутствовать будет, // Внуков, которых тебе родит италийское племя, // Души великих мужей, что от нас унаследуют имя, – // Все ты узришь: я открою тебе судьбу твою ныне» [3, 237].

То, что рассказывает Анхиз, т. е. умудренный знанием современной истории сам Вергилий, и становится ключом к пониманию смыслов тех будущих событий. Они как раз и раскрываются в трансцендентальном пространстве событий мифологических. Все путешествие Энея становится, как и в случае с Одиссеем, путем из пространства разрушенной привычной реальности (причем реальности, разрушенной физически, руками богов – Трои) и потери не только родины, но и привычного естественного пространства, до нахождения этого пространства. Однако обретение пространства невозможно без понимания смысла его обретения. Такой высший смысл обретения пространства для Энея

раскрывается в будущем величии Рима. После осмысления этой идеи символика путешествия Энея становится все более реальной.

Сама идея путешествия в потусторонний мир для обретения знания, мудрости является характерной чертой эпоса. Но если в путешествии Одиссея и Энея реальное и мифологическое пространство не отделяются друг от друга зримой границей, для пересечения символической границы нужна только помощь бога, то в «Эпосе о Гильгамеше» и «Беовульфе» эта граница вполне материальна. Отправляясь за тайной жизни и смерти, Гильгамеш отправляется в мир богов. Этот мир отделен от реального мира людей вполне материальной границей – горами: «горы ... Машу... наверху металла небес достигают, // Внизу – преисподней...» [15, Т. IX, II, 4-5]. Уже у подножия этих гор ему встречаются мифологические существа: люди-скорпионы, внушающие ужас. Далее его ожидает горный ход длиной в двенадцать поприщ, причем в полной темноте. Затем Гильгамеш попадает в каменную рощу, где камни растут, как деревья, и приносят плоды [15, Т. IX]. Это явный признак мифологического пространства – Гильгамеш видит то, чего не бывает в реальном мире, при этом он осознает, что это чудо. Далее Гильгамеш плывет с корабельщиком Уршанаби водами смерти. Для благополучного завершения пути необходимы помощники – мифические существа, указывающие путь герою.

Здесь мы опять видим пример сжатого мифологического времени, с одной стороны: «Путь шести недель за три дня совершили» [15, Т. X, III 49]. С другой стороны, граница между миром людей – реальным миром и миром богов – идеальным миром проходит не только в пространстве, но и во времени. Такое явление характерно только для пространства «Песни о Гильгамеше». При этом неоднократно подчеркивается, что Гильгамеш идет по пути, где не ходил никто из живущих: «Никогда, Гильгамеш, / не бывало дороги // Не ходил никто еще / ходом горным» [15, Т. IX, III 8-9]), и только Шамаш – бог солнца проходит этой дорогой и выходит из ворот: «Выводят оттуда / только Шамаша боги» [15, Т. IX, III 15]; «По дороге Шамаша / стопы он направил» [15, Т. IX, IV 46]. Получается, что попасть в мир богов можно только пройдя по пути солнца. Причем это противоположное движение: герой движется вперед – в пространстве и назад, против хода солнца – во времени, т. е. в прошлое. Таким образом, путь в потусторонний мир совершается героем не только в пространстве, но и во времени.

Если в «Эпосе о Гильгамеше» путь в потусторонний мир лежит через горы и море – воды смерти, то в «Беовульфе» мир людей отделен от мира чудовищ простой водной границей – озером. Мир людей находится по эту сторону воды, а чудовища приходят из озера. Вообще наличие водной границы весьма распространено для мифологии. В качестве примера также можно привести русские сказки и былины. Любопытно, что убить чудовище можно либо на границе двух миров, либо на чужой территории. Но в любом случае сделать это можно только волшебным оружием, добытым на

территории врага. В этой эпической поэме движение в потусторонний мир осуществляется только в пространстве, мифологическое время от пространства уже отделено.

Символика пространства неизбежно накладывает на человека отпечаток определенных процессов, происходящих в этом пространстве. Понимание этих процессов позволяет ожидать те или иные явления, которые в рамках другого пространства неестественны и неприняемы. Это четко просматривается в перверсиях мифологического мировоззрения, определяющего критерий возможности осуществления событий.

Так, пространство Египта мифологично для европейской культуры античного мира, и такую же роль играет и пространство Фессалии. Иррациональные события этого пространства уже встроены в схему поведения его обывателя и потому предугадываются каждым, кто в него попадает. Об этом, например, пишет Апулей: «И вообще-то, я человек беспокойный и неумеренно жадный до всего редкостного и чудесного, а теперь, при мысли, что я нахожусь в сердце Фессалии, единогласно прославленной во всем мире как родина магического искусства... Вид любой вещи в городе вызывал у меня подозрение, и не было ни одной, которую я считал бы за то, что она есть. Все мне казалось обращенным в другой вид губительными шептываниями» [2, 116]. Та же символика мистицизма Фессалии прослеживается у Горация: «И весь Неаполь праздный и соседние // С ним города уверены, // Что фессалийским сводит заклинанием // Она луну со звездами» [10, 192]; «Какой ведун или ведьма Фессалии // Тебя изымет зельями?...» [10, 57].

Отсюда следует, что сама символика данного пространства уже допускает видимость сверхъестественных событий. Пространство Фессалии создает определенные схемы взаимодействий между субъектами, которые выявляются через символику мифологического сознания или мифологического мировоззрения. Это пространство с принципиально иной логикой рационального взаимодействия позволяет встраивать в социальную сеть жителей данного места представителей невероятных профессий, таких как ведьмы. Географическое пространство древности насквозь пронизано сакральными объектами, наделяющими данное место дополнительными символами. Например, Тацит пишет: «...Германик...отплыл из города Канопа по Нилу. Основали этот город спартанцы, похоронившие здесь корабельного кормчего, прозывавшегося Канопом, что произошло в те времена, когда Менелай, возвращаясь в Грецию, был отброшен бурей в противоположное море... Затем Германик направился в ближайший отсюда рукав реки, посвященный Геркулесу, относительно которого туземные жители утверждают, что он родился в этих местах и является древнейшим их обитателем...» [14, 68] и т. д. Реальное пространство, как и реальная история, перемешано с мифологическим.

Мифологическая символика всей территории государства оказывается востребованной в конкретном месте. Это место начинает рассматриваться сквозь призму принятой установки всего государства, но может нести

на себе отпечаток и собственных уникальных символов. В таком случае (и уникальности, и распространенности сакральной идеологии государства) текст, в смысле нарративного авторского изложения, не воспринимается изолированно от реальности географического пространства. Он полностью его реферирован, перенося знаки текста в реальный мир и одновременно формируясь за счет этих знаков. Такой текст и сам часть мифологического пространства, поскольку транслирует символическую реальность без какой бы то ни было другой коннотативной рациональной адаптации. Иначе говоря, автор текста констатирует события, воспринимаемые им как часть реального мира для читателей с иным типом мировоззрения. Отсюда читателю он представляется неотъемлемой частью описываемой им реальности.

Как мы уже говорили, пространство символично и предопределено возможным видением тех символических объектов, существование которых допускает находящийся в этом пространстве. Допущение объектов, событий и явлений в целом определяется степенью готовности обывателя увидеть то или иное явление. Например, сакральное пространство того же Гомера будет отличаться от сакрального пространства Моисея, поскольку они сформированы в ином символическом ключе и, соответственно, имеют разные принципы символизации. Детализация и практически полная ясность действий трансцендентальных персонажей Гомера делает пространство, в котором они существуют, предельно полным и понятным.

Напомним, что нарратив (в данном случае, повествование о событиях, реальных автору) и символика социального пространства в древности были тождественны (см. выше), а значит, реальное пространство было максимально наполнено символически выверенными объектами. Буквально это означает, что налицо та же формула: символ = объект = пространство. Там, где есть объект, а он по определению символический, там есть и пространство, которое может быть заметно, т. е. это пространство существует. Однако, к примеру, пространство Моисея, собственно, и любое пространство с религиозной символикой, мало освоено, максимально закрыто как от читателя, так и самого автора.

Вместе с тем, оно символично, но это символика пространства Бога, априори недоступного человеку. Об этом замечательно говорит Э. Ауэрбах: «После сих происшествий Бог искушал Авраама и сказал ему: «Авраам!» – Он сказал: «Вот я». Уже это начало вызывает наше недоумение, если мы занимаемся им после Гомера. Где пребывают собеседники? Этого не сказано. Но, конечно, читатель знает, что оба они не всегда находятся на одном и том же месте на Земле. По крайней мере, один из них, Бог, должен был появиться откуда-то, внедриться в земное из каких-то своих высот или глубин. Откуда же он явился и где находился он, когда обращался к Аврааму? Об этом ничего не говорится. Бог не явился, как Зевс или Посейдон, от эфиопов, где наслаждался дымом жертвоприношений. Ни слова не сказано и о причине, которая побудила Бога столь жестоко испытывать Авраама...» [1, 11].

Из этого отрывка можно вывести заключение о различии условий символизации пространства различным сознанием. Пространство Бога, очевидно, где-то есть, но его местонахождение не оговаривается и существует оно только по умолчанию. Более того, с появлением Бога в тексте, также по умолчанию, начинает описываться и иное пространство – именно потому, что это пространство, в котором находится Бог. Важен не вопрос определения того, что есть этот Бог, или формальные критерии его определения, важна общая схема описания символики пространства. Само собой, эта схема предопределена условиями авторского понимания того пространства, которое им описывается. Пространство объективируется в тексте в том случае, если оно включает в себя все значимые – с точки зрения принятой картины мира – объекты. В этом случае внешние проявления мифологических богов осуществляются в физическом пространстве автора. По этой причине пространство описываемых автором Зевса и Посейдона становится зримым. Пространство же ветхозаветного Бога вообще отсутствует, оно не включено в картину мира ни автора, ни обывателя, поэтому, сколько бы мы ни прилагали усилий к его описанию, оно не получит понимания в представлениях наших современников. Значит, наиболее естественным может быть только

умолчание об этом пространстве[8].

Таким образом, сопоставляя эпические произведения разных народов на разных этапах развития, мы видим определенное сходство не только в самом принципе создания эпоса, но и в основных, по-видимому, значимых для данного народа явлениях, запечатленных в эпосе. Мифологизация окружающего пространства является одной из таких характерных особенностей. Результат концептуализации пространства представляет собой две области – область реального мира, населенного реальными людьми и наполненного реальными, видимыми и осязаемыми объектами, и область идеального мира – мира богов и мифологических существ. При этом граница между этими мирами вполне материальна и непреодолима. Для ее пересечения необходимо принадлежать обоим мирам. Знаком такой принадлежности к идеальному миру как раз и является божественное происхождение героев. Мир эпоса отражает восприятие мира древним сознанием, и этот мир населен богами и сверхъестественными существами. Вместе с тем реальный мир наполняется мифическими смыслами, что, в свою очередь, подтверждает реальность самого мифа. Отсюда миф, отраженный в эпосе, самодостаточен: он есть и источник, и доказательство истинности самого себя.

Библиографический список

1. *Ауэрбах Э.* Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. Пер. с нем. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. 511 с.
2. *Апулей.* Апология. Метаморфозы. Флориды. Пер. с лат. М. Гаспарова. М.: Академия наук СССР, 1960. 435 с.
3. *Вергилий.* Энеида. Пер. С. Ошерова. // Собрание. 371с.
4. *Видаль-Накэ П.* Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. Пер. с фр. М.: Ладомир, 2001. 419 с.
5. *Витгенштейн Л.* Лекции. Кембридж 1930-1932 по записям Дж. Кинга и Д.Ли. // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. Пер. с англ. Т. Михайловой. М.: Прогресс. Культура, 1993. С. 273–309.
6. *Властелины Рима.* Биографии римских императоров от Адриана до Диаклетиана. Пер. С.Н. Кондратьева. М.: Наука, 1992. 381 с.
7. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. Пер. с фр. М.: Искусство, 1991. 368 с.
8. *Говорухин Г.Э.* Власть политики. Власть пространства (принципы формирования регионального управления на Дальнем Востоке: моногр. Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2008. 478 с.
9. *Гомер.* Одиссея // Илиада. Одиссея. Кн. 3, 4. Пер. с древнегреческого. М: Художественная литература, 1967. С. 419–711.
10. *Горацій.* Оды // Собрание сочинений. Пер. с лат. СПб.: Биографический институт «Студия Биографика», 1993. С. 25 184.
11. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. Ч.1. М., 1972. 138 с.
12. *Дудченко О.В.* Концептосфера «красота» в англосаксонской религиозной картине мира (когнитивный подход): моногр. Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2007. 147 с.
13. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПб», 2000. 704 с.
14. *Тацит Корнелий.* Сочинения: В 2 т. Под ред. С.Л. Утченко. СПб.: Наука, 1993. 736 с.
15. Эпос о Гильгамеше («О все видавшем»). Пер. с аккадского И.М. Дьяконова. СПб: Наука, 2006. 214 с.
16. *Beowulf and the Fight at Finnsburg / ed. by Fr. Klaeber.* Boston – New York – Chicago: DC Heath & Co. Publishers, 1922. Pp. 121 – 217.

References

1. *Auerbach E.* Mimesis. The Reflection of Reality in West European Literature / Tr. from German. M.; S.Pt.: University book, 2001. 511 p.
2. *Apuleius.* The Apology. The Metamorphoses. The Phlorides / Tr. from Latin by M. Gasparov. M., 1960. 435 p.
3. *Vergilius.* Aeneid. Tr. by S. Osherov // Collection of works. S.Pt.: Biographical institute «Studio Biographika», 1994. Pp. 121– 371.
4. *Vidal-Naquet P.* Black Hunter. Forms of thinking and forms of society in Greek world. Tr. from French. M.: Ladimir, 2001. 419 p.
5. *Wittgenstein L.* Lectures. Cambridge 1930-1932 based on notes by G. King and D. Lea. // Ludwig Wittgenstein: a person and a thinker / Tr. from English by T. Mikhailova. M.: Progress, Culture, 1993. Pp. 273–309.
6. *Lords of Rome. The Biographies of Roman Emperors from Adrianto Diacletius / Tr. by S.N. Kondratyev.* M.: Nauka, 1992. 381 p.

7. *Gadamer H.-H.* The Actuality of Beauty. Tr. from French. M.:Iskusstvo, 1991. 368 p.
8. *Govorukhin G.E.* The Power of Policy.The Power of Space (Principles of regional management formationin the Far East: monograph. Komsomolsk-na-Amur: «KnASTU», 2008. 478 p.
9. Homer. The Odyssey // The Iliad. The Odyssey.V. 3, 4 / Tr. from Ancient Greek. M: Khudozhestvennaya literatura, 1967. Pp. 419–711.
10. Horace. Odes // Collection of works / Tr. fromLatin. S.Pt.: Biographicalinstitute «StudioBiographika», 1993. Pp. 25–184.
11. *Gurevich A.Y.* Categories of Medieval Culture. P.1. M., 1972. 138 p.
12. *Dudchenko O.V.* The Concept Sphere of “Beauty” in Anglo-Saxon Religious World-view (cognitive approach): monograph. Komsomolsk-na-Amur: «KnASTU», 2007. 147 p.
13. *Lotman Y.M.* Semio Sphere. S.Pt.: «Art-S.Pt.», 2000. 704 p.
14. *Tatsit Cornelius.* Collections: In 2 v. / Ed. S.L. Utchenko. S.Pt.: Nauka, 1993. 736 p.
15. The Gilgamesh Epic («Of the One Who Saw Everything») / Tr. fromAcadian byI.M. Dyakonov. S.Pt.: Nauka, 2006. 214 p.
16. *Beowulf and the Fight at Finnsburg* / ed. by Fr. Klaeber. Boston – New York – Chicago: DC Heath & Co. Publishers, 1922. Pp. 121-217.

Примечания

1. Здесь и далее при цитировании текста «Эпоса о Гильгамеше» приводятся номер Таблицы и номер строк текста.
  2. При цитировании текста эпической поэмы «Беовульф» приводится номер строки в тексте.
-
-

М.Г. ЕРЕСКИН

магистрант, кафедра религиоведения и теологии,
Орловский государственный университет

M.G. ERESKIN

Master, Department of Religious studies and theology, Orel
State University

**«ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

**«THE MAGAZINE OF THE MOSCOW PATRIARCHY» AS SOURCE THE
ON THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH STORIES**

В статье исследована история издания официального печатного органа Русской Православной Церкви «Журнал Московской патриархии». Охарактеризовано основное содержание журнала. Оценено его значение как источника по новейшей истории Церкви.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; периодическая печать; исторический источник.

In the article the history of the edition of an official publication of Russian Orthodox Church «Magazine of the Moscow patriarchy» is investigated. The main contents of the magazine are characterized. Its value as source on the contemporary history of Church is estimated.

Keywords: Russian Orthodox Church; periodicals; historical source.

Советская эпоха стала фактически пробелом в историографии истории Русской Православной церкви (далее – РПЦ). В период господства идеологии официального атеизма возможна была публикация только тех исследований, где роль православия в отечественной культуре, значение Церкви для развития российского государства и общества освещались исключительно в негативном ключе. Только в период «перестройки» советская историография обратилась к историко-церковным сюжетам. За более чем два десятилетия постсоветской истории в исследовании истории РПЦ наметился несомненный прогресс. Переизданы классические труды историков церкви XIX в., появились новые исследования. Именно работы авторов постсоветской эпохи показывают, что дальнейшее развитие историографии истории Русской Православной церкви невозможно без прогресса в области исторической эвристики. Новые публикации источников по истории Церкви, их всестороннее источниковедческое исследование – насущная задача для современных археографов и источниковедов. Особенно это касается источников по истории.

Важным источником по новейшей истории РПЦ является «Журнал Московской патриархии» (далее – ЖМП) – официальный печатный орган церкви. После закрытия в 1918 г. журнала «Церковные ведомости» в Российской Церкви некоторое время не было своего печатного органа. В 1930 г. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Старгородский) получил разрешение на издание официального журнала, который стал единственным церковным изданием в СССР в 30-х гг.

Объем журнала составлял 8-14 с., тираж – 3 тыс. экз. Издателем журнала указан митрополит Сергей,

редакторами были П. Остроухов (до № 3 за 1931 г.) и архимандрит (затем епископ Коломенский) Сергей (Воскресенский) (с № 4 за 1931 до 1935) [1].

В 1935 г. с усилением в СССР государственного давления на религиозные организации издание было прекращено. Во время Великой Отечественной войны политика государства изменилась. 4 сентября 1943 г. на встрече И.В. Сталина с митрополитами митрополит Сергей (Страгородский) среди проблем Церкви назвал отсутствие периодического издания. Сталин согласился с необходимостью издания церковного журнала. 1-й номер возобновленного ЖМП вышел 12 сентября 1943 г., в день восшествия митр. Сергия на Патриарший престол. Вплоть до конца 80-х гг. журнал оставался единственным православным периодическим изданием на территории РСФСР и объединял всех, кто писали на церковные темы.

Тираж 40-х гг. составлял 15 тыс. экземпляров и постепенно увеличивался, в 1989 г. достиг 32 тыс. экз.; в последующие годы в связи с экономическими трудностями тираж снизился: в 1995 г. он составил 3 тыс. экз.; далее вновь начал возрастать (в 2008 – 9 тыс. экз.). Главными редакторами журнала были Патриарх Сергей (1943-1944), Патриарший Местоблюститель, впоследствии Патриарх Алексей I (1944-1946), Крутицкий митр. Николай (Ярушевич) (1946-1960), Подольский еп. (впоследствии Ярославский архиепископ) Никодим (Ротов) (1960-1961), архим. (впоследствии Волоколамский митр.) Питирим (Нечаев) (1962-1994), Бронницкий еп. (впоследствии архиепископ) Тихон (Емельянов) (1995-2000), прот. В. Силовьев (с 2001). Обязанности ответственного секретаря выполняли прот. А.П. Смирнов (1943-1949), Л.Н. Парийский (1949-1950), А.И. Георгиевский (1950-1953), А.В. Ведерников (1954-1962), Е.А. Карманов

(1963-1981), В.П. Овсянников (1981-1985), К.М. Комаров (1986-1994), Е.С. Полищук (1995-1996), М.В. Жилкина (с 1996). В 1943 г. в редколлегию помимо Патриарха Сергия входили Ленинградский митр. Алексей (Симанский), Киевский митр. Николай (Ярушевич) и Горьковский архиеп. Сергей (Гришин). В 60-х гг. XX в. в редколлегии состояли протоиереи Виталий Боровой и Всеволод Шпиллер, священники Николай Иванов, А.Ф. Шишкин и др. В 1985-1994 гг. зав. редакцией была А. Г. Чулюкина. Активное участие в редактировании ЖМП в 50-90-х гг. принимал ответственный секретарь ОВЦС А.С. Буевский, в 60-90-х гг. – П.В. Уржумцев.

К 50-м гг. определились основные рубрики ЖМП: официальная часть, богословский отдел, проповеди, «Церковная жизнь» (с подрубриками «Из жизни епархий», «Вечная память» и др.), «Из жизни Православия». В 1949-1988 гг. существовала рубрика «В защиту мира», с 1989 г. – «За мир и выживание человечества». После вступления в 1961 г. РПЦ во ВСЦ появилась рубрика «Экуменические проблемы» («Вопросы христианского единства»), которая существовала до 1991 г.

Изменение политики государства во второй половине 80-х гг. открыло новую эпоху для ЖМП: стали появляться статьи, посвященные осмыслению исторического прошлого Русской Церкви, путей возрождения Православия в России, обсуждению общественных проблем с православных позиций, печатались материалы о мучениках и подвижниках благочестия XX в., статьи о религиозных взглядах деятелей русской культуры. Появились новые рубрики, например «Вера и знание», в которой помещались статьи апологетического характера. Под рубрикой «Наши публикации» стали выходить материалы из наследия русской богословской и философской мысли XX в. (в том числе сочинения авторов русской эмиграции). В рубрике «Церковь и общество»

печатались статьи, посвященные всем сферам социального служения Церкви. Рубрики «Советы старостам» и «Юридическая консультация» были призваны помочь делу возрождения приходской жизни.

Благодаря систематической публикации официальных материалов ЖМП является первостепенным, а зачастую и единственным источником по истории канонического права РПЦ. Постановления Священного Синода, послания, письма и резолюции предстоятелей РПЦ позволяют исследовать различные аспекты внутрицерковной политики. Официальные документы дают представление о тех проблемах, решение которых было насущной задачей высшего руководства Церкви.

Статьи, вышедшие из-под пера Патриархов и других представителей высшей иерархии РПЦ, опубликованные на страницах ЖМП, с одной стороны, являются источником для реконструкции мировоззрения тех или иных архиереев, а с другой стороны, в них отражается официальное отношение РПЦ к различным аспектам церковной и общественной жизни [2]. Церковная публицистика помогает обрисовать круг проблем, которые особенно интересовали верующих на разных этапах новейшей истории общества и государства [3].

Материалы ЖМП освещают историю духовного образования в России. Хроника журнала – важнейший источник по истории взаимоотношений РПЦ с другими Православными поместными церквями.

Вплоть до возобновления выхода «Епархиальных ведомостей» материалы ЖМП являлись единственным источником для исследования церковной жизни в епархиях РПЦ. Впрочем, и по сей день ЖМП сохранил здесь своё значение, так как новые «Епархиальные ведомости» выходят небольшими тиражами и фактически не распространяются за пределы своих епархий.

Библиографический список

1. Журнал Московской Патриархии в 1931-1935 годы. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2001. С. 4-5.
2. См. например, статьи Патриарха Сергия: Отношение Церкви Христовой к отделившимся от нее обществам // ЖМП. 1931. № 2. С. 5-7; № 3. С. 3-6; № 4. С. 3-7. Почитание Божией Матери по разуму Святой Православной Церкви // ЖМП 1932. № 11/12. С. 8-11. Воскресение Христово в отличие от воскресения Лазаря // ЖМП. 1933. № 16/17. С. 4-7. Значение апостольского преемства в инославии // ЖМП. 1935. № 23/24. С. 3-11.
3. В качестве примера можно привести публикации периода Великой Отечественной войны: митр. Алексей (Симанский). Св. благоверный великий князь Александр Невский – покровитель Северного края // ЖМП. 1943. № 2. С. 27-29. Его же. Христианство и война с гитлеризмом // ЖМП. 1943. № 3. С. 18-19. Митр. Николай (Ярушевич). Танковая колонна Русской Православной Церкви имени Димитрия Донского // ЖМП. 1943. № 2. С. 30-32. Его же «О русских женщинах-патриотках» // ЖМП, 1944. № 1. С. 16-18.

References

1. The magazine of the Moscow Patriarchy in 1931-1935. M: Publishing council of Russian Orthodox Church, 2001. Pp. 4-5.
2. See for example articles of Patriarch Sergiy: The relation of Church Christ's to the societies which have separated from it//ZhMP. 1931 . No. 2. Pp. 5-7. No. 3. Pp. 3-6; No. 4. Pp. 3-7; Honouring of the Mother of God on reason of Sacred Orthodox Church//ZhMP 1932. No. 11/12. Page 8-11. Resurrection unlike Lazar's revival//ZhMP. 1933 . No. 16/17. Pp. 4-7. Value of apostolic succession in an inoslaviya//ZhMP. 1935 . No. 23/24. Pp. 3-11.
3. It is possible to give publications of the period of the Great Patriotic War as an example: miters. Alex (Simansky). The St. blessed grand duke Alexander Nevsky – the patron of the Northern region//ZhMP. 1943 . No. 2. Pp. 27-29; its Christianity and war with a Hitlerism // ZhMP. 1943 . No. 3. Pp. 18-19; miters. Nikolay (Yarushevich). Tank column of Russian Orthodox Church of a name of Dimitrii Donskogo // ZhMP. 1943 . No. 2. Pp. 30-32; it «About the Russian patriotic female» // ZhMP. 1944. No. 1. Pp. 16-18.

А.Ю. ОГОРОДНИКОВ

кандидат философских наук, доцент, кафедра философских и социально-экономических дисциплин, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина
E-mail: oau2005@yandex.ru

A.YU. OGORODNIKOV

Candidate of philosophical sciences, associate professor, Department of philosophical and social and economic disciplines, Moscow State Legal University named after O.E. Kutafin
E-mail: oau2005@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ЦЕННОСТНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

CHARACTER OF INTERIORIZATION OF SOCIAL VALUES YOUTH IN RUSSIAN SOCIETY

В статье рассматриваются проблемы интеграции ценностей молодежи в современной России, устанавливается связь между формированием личности молодого человека, его компетенций социального участия и доминирующими способами присвоения ценностей. Статья характеризует особенности включения молодежи в конструирование социальной реальности российского общества, выделяет факторы, способствующие и противоречащие такому участию.

Ключевые слова: интеграция молодежи, особенности личности молодого человека, идеалы молодежи, устойчивое развитие российского общества, интериоризация ценностей, ценности молодежи.

The article considers the mechanisms of internalization of values in modern Russian youth, establish a connection between the formation of the young man, his competence and social participation dominant ways assigning values is determined. The article describes the features of the inclusion of youth in the construction of social reality of Russian society and highlights the factors contributing to and contrary to such participation.

Keywords: socialization of young people, peculiarities of the young people's personality, sustainable development of the Russian society, the internalization of values, the values of youth.

Социальная интеграция молодежи на основе ценностей интегрального типа является фактором стабилизации общественных структур и необходимым условием предотвращения кризисных состояний. В этой связи актуальность темы определяется необходимостью представить достоверную картину ценностных ориентаций российской молодежи в ее динамике и изменчивости, детерминированной интериоризацией ценностей, необходимую для прогнозирования развития этой социальной группы, выработки молодежной политики.

Раскрывая социальные механизмы интериоризации (т.е. способы присвоения ценностей) и одновременно трансформации ценностей молодежью, становится возможным исследовать эту социальную группу в развитии, определить роль различных социальных факторов в конструировании ментальных основ молодого человека, что особенно важно в выработке стратегий трансформации социальных институтов, в том числе образования. Поэтому особую актуальность изучение механизмов взаимодействий приобрело в условиях системной трансформации российского общества, способствуя расширению возможностей участия молодежи в его модернизации и в сохранении его целостности.

Молодежь как социальная группа играет особую роль в формировании или изменении социального порядка. Общество как социальная система согласно принципу эмерджентности функционирует за счет определяемых системой специфических свойств входя-

щих в него различных слоев и групп. Одной из таких групп является молодежь, имеющая свои особенности участия в конструировании социальной реальности. Включаясь в процесс воспроизводства социума, молодежь вносит инновационный потенциал, который может служить основой для развития или разрушения социальных структур. Поэтому от характера социальной активности молодежи во многом зависит целостность и стабильность российского общества.

Перемены в российском обществе в последние три десятилетия повлияли на глубинные основания социального порядка как в сфере экономических и политических отношений, так и в ценностной системе общества, которая разделилась на множество полярных структур.

Между интериоризацией ценностей молодежью и реформированием российского общества существует устойчивая взаимосвязь. Реформирование общества включает внедрение образцов успешной социализации молодежи, системы механизмов и средств передачи социальных норм, культурно-исторических ценностей новым поколениям. Анализ социальных детерминант интериоризации ценностей в современном российском обществе позволяет выделить следующие особенности интериоризации ценностей российской молодежи, детерминированные новыми стратегиями реформирования, перехода от советской (цельной нормативной структурой, с равными стартовыми возможностями и

гарантиями, определяющими предсказуемость жизненного пути) к другой модели (формирующейся, частично формализованной, многоуровневой): трансформация основных институтов и каналов интериоризации ценностей; повышение роли ценностно-нормативного механизма социальной регуляции; становление новых форм и методов социального контроля; высокая флуктуация процессов интериоризации, сопровождаемая быстрым переходом от организованных к стихийным процессам; переструктурирование общественных и личных интересов; становление компетентно ориентированного образования; формальное увеличение автономии личности, ее пространства для самостоятельности, творчества и инициативы человека, но снижение информационной защиты, повышение мировоззренческой зависимости.

Изменение структуральных свойств российского общества привело к формированию новой модели социализации молодежи, интериоризации социальных правил и ценностей. Во-первых, исчезают четкие критерии социализированной личности из-за разочарования в идеалах советской эпохи и неустойчивости, противоречивости социальных требований к личности в России последних десятилетий. Во-вторых, условия социализации молодежи сильно изменились с принятием новых законодательных и других нормативных актов, определяющих пути и средства участия личности в социальных процессах. В-третьих, образ социализированной личности раскололся на успешную, но малодуховную, морально неодобряемую личность, и высоконравственную, социально значимую личность, которой сложно достигнуть высокого социального статуса.

В период радикальных общественных перемен изменяется формальная, декларируемая сторона социализации: нормы, границы, эталоны и отклонения. Так, например, в федеральном законе об образовании формулируется цель социализации, достигаемая через институт образования – обеспечение самоопределения личности, создание условий для ее самореализации; развитие общества; укрепление и совершенствование правового государства¹. В этом же законе ценностями, соотносимыми с этой целью, декларируются гуманизм, общечеловеческие ценности, жизнь и здоровье человека, свободного развития личности, гражданственность, трудолюбие, уважение к правам и свободам человека, ценности любви к окружающей природе, Родине, семье и др.²

Но несмотря на новые приоритеты социализации личности, формирования ее ценностных структур, соответствующим стратегии реформирования общества, социализация продолжает воспроизводить закрепленные в культурном опыте правила, традиции, ценности и жизненные ориентации под влиянием институтов семьи и церкви, социального окружения. Все это позволяет обеспечить преемственность самоидентификации личности сохранить идентичность общества.

В результате в сфере интериоризации ценностей

возникает ситуация, которую Кузнецов В.И. характеризует как аксиологический хаос. «С одной стороны, идет активное насаждение ценностей западной цивилизации, с другой, общество легко рассталось лишь с внешними атрибутами прежнего строя. Ценности, культивировавшиеся в последние семьдесят пять лет, продолжают жить в массовом сознании. В результате – странный симбиоз, когда в сознании индивида существуют ценности, порой отрицающие друг друга. Например, ученые фиксируют ориентацию молодежи на индивидуальный успех, предприимчивость, и, в то же время, ценность коллективизма среди молодого поколения высока» [4, с. 30].

Высокая динамика социальных приоритетов, состояние аномии, плюрализм ценностных систем, искажение или отрицание исторического прошлого России, неопределенность будущего формируют особое представление молодежи о роли идеала в формировании мировоззрения и в конструировании социальных практик. В исследовании, проведенном профессором В.И. Кузнецовым в 2006 году, отнесли себя к числу тех, у кого есть идеалы, 52 % опрошенных, и только 13,2% указали, что не имеют их. Однако 34,8% респондентов затруднились с ответом на этот вопрос. Лишь у 28,5% идеалы совпадают с идеалами родителей, у 31% – не совпадают, а 40,5 % (!) не смогли определиться и в этом [3, с. 46]. На основе данных этого исследования сделан вывод о том, что разрушение одной системы ценностей не привело к формированию новой, достаточно устойчивой. Мозаичность, противоречивость ценностных ориентаций и установок характеризует современное состояние молодежного сознания в России.

Определение жизненных целей, формирование представления о существенных потребностях, конструирование стратегий социального участия во многом зависит от формирования самости в процессе социализации, т.е. от самоидентификации, процесса, в котором пересекаются внутренние факторы развития личности и внешнее влияние социальных детерминант через рефератные группы и универсальное информационное воздействие (через СМИ, образование, рыночные механизмы и др.). А поскольку, как было сказано выше, личность попадает в среду со множеством часто расплывчатых или противоречащих идеалов и ценностей, декларируемых различными социальными группами, то в терминальных ценностях центральное противоречие интериоризации ценностей среди молодежи проявляется в формировании идентификации личности.

На уровне инструментальных ценностей, т.е. ценностей, определяющих средства достижения качества жизни, противоречия проявляются в следующем. А.В. Петров, исследовавший ценностные ориентации современной российской молодежи, отмечает, что «анализ ценностно-мотивационной сферы молодежи в области труда показал противоречивое отношение к нему. С одной стороны, труд переместился на периферию общественного сознания, ибо респонденты ни разу не включили его в перечень наиболее значимых ценностей, а, с другой, – 79,3 % заявили, что только содержательная и

1 Федеральный закон об образовании от 10 июля 1992 года, № 3266-1. Статья 14.

2 Там же. Статья 2.

интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею значительную часть своей жизни. Тех, кто считает, что сколько угодно можно заниматься любой работой, лишь бы она давала хороший заработок, насчитывается 20,7 %. Подобное расхождение – яркий пример амбивалентности сознания молодежи; в нем одновременно уживаются взаимоисключающие установки. Не особенно поддерживаются и элементы конкуренции. Лишь 20,7 % полагают, что трудовая состязательность, борьба способностей важнее взаимопомощи и поддержки в труде, для 75,7% респондентов равенство – синоним справедливости и гармоничности социальных отношений. Им присуща жизненная установка, в основе которой равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство доходов и условий жизни. Однако в действительности сейчас это лишь некий идеал, к которому молодежь может стремиться... Справедливость... воспринимается значительной частью молодежи не как моральный закон и необходимое законопослушное поведение, а как неким образом интерпретированная «правда жизни». И это, видимо, ментальная особенность в целом российского этноса в отличие от западных стандартов поведения» [4, с. 85-88].

Противоречивость и высокая динамика ценностных систем общества особенно сильно воспроизводится в личностной системе ценностей молодого человека, в которой образуется вакуум ориентации. В этих условиях ценности перестают быть регулятором продуктивной социальной активности индивидов. Смыслжизненные ценности становятся абстрактным образцом, недостижимым на практике, и на их место приходят конкретные, прикладные, ситуативные ценности. Отношение к ценностям как недостижимым идеалам служит оправданием для индивида любых действий или стремлений, противоречащих этим ценностям. В результате значимость отдельных ценностей становится все ниже, а релятивизм системы ценностей возрастает. В отличие от устойчивых и стабильных периодов общественного функционирования в период социокультурных трансформаций и высокой степени неопределенности в обществе возрастает роль постоянных и универсальных направляющих как индивидуальных, так и групповых стратегий социального участия. Поэтому релятивные, ситуационные ценности обесмысливаются, т.к. сами зависимы от происходящих изменений и не могут детерминировать смыслодержательные процессы, обуславливать выбор универсальных, объективных целей развития. Ограничения ценностной регуляции приводят к снижению устойчивости воспроизводства институциональных норм, социального порядка в целом. Противоречивость ценностной системы усложняет проектирование устойчивого развития, прогнозирования социальных процессов, создает преграды на пути ее трансформации.

В период «переоценки ценностей» «происходит разделение системы ценностей регуляции поведения субъектов... то есть, ценности могут быть рассмотрены и как элементы когнитивной структуры личности,

и как элементы ее мотивационно-потребностной сферы. Такое «двойственное» положение ценностей может быть объяснено их смысловой природой. Ценности же, будучи смысловыми образованиями, связывают когнитивную и мотивационную сферы, интегрируют их в данную смысловую сферу, придавая личности определенную целостность» [3, с.30]. Направлением решения проблемы дисфункционирования ценностей в процессе социального конструирования является поиск путей формирования духовно-ценностного пространства социума на основе иерархической структуры взаимосвязанных бытийных, исторических и личностных ценностей.

Противоречия в ценностной системе и несоответствие между собой иерархических уровней ценностей привели не только к уменьшению значимости ценностей в социальных процессах, но и усилению потребности в духовном поиске, направленном на определение устойчивых жизненных ориентиров. Особенно остро эта потребность проявляется среди молодежи. Актуализация духовного поиска является одним из факторов усиления роли религии в формировании мировоззрения, бытийных и терминальных ценностей российской молодежи, поскольку вера позволяет определить направление и средства развития человека в соответствии с его сущностью, найти объективные, значимые ответы на наиболее важные жизненные вопросы о смысле жизни и потребностях, о необходимых для единого социокультурного поля нравственных ценностях, о способах реализации свободы и ответственности, о значимости взаимодействия с различными социальными институтами и организациями. Другими словами, религиозная вера позволяет восстановить нарушенную структуру ценностей, преодолеть их релятивизм через выявление абсолютных ценностей и приведение в соответствие им других иерархических уровней систем ценностей личности. Преимущество традиционных религий определяется тем, что оно исторически сформировало ценностное основание интеграции всех народов России в единое целое, способствовало формированию в мировоззрении народа принципов социального участия и конструктивного, совместного социального конструирования. Религиозное мировоззрение формирует устойчивое целостное и иерархизированное восприятие социума. Тысячелетняя практика реализации православных идеалов в общественных отношениях создает крайне востребованные сегодня обоснования нормативного начала общественной жизни на основе осмысления сущности человека и функций общественных отношений. В результате снимаются противоречия эгоистических интересов и общественно значимых целей социального участия через построение гармонично структурированной системы ценностей, в которой значимость включения в социальные практики определяется общим смыслом как индивидуального, так и социального развития.

Однако в современном российском обществе сохраняются препятствия интериоризации духовных ценностей, что является существенной причиной низ-

кой продуктивной социальной активности молодежи. К таким препятствиям мы отнесли противоречивость влияния институтов социализации, ее неустойчивость; несоответствие культурно-ценностных и нормативных механизмов социальной организации и контроля; расширение возможностей личностного самоопределения, но размытость критериев самоидентификации и групповых идентификаций, ставящая личность в зависимость от стереотипа «общепринятого мнения» о потребностях, образе жизни и интересах; плюрализм оценок исторического прошлого и стратегий развития общества; неравенство возможностей социального участия, противоречащее декларируемым принципам демократического общества; десакрализация; преобладание упрощенного образно-экспрессивного, а не рационального восприятия информации, политическое отчуждение и маргинализм, вызванные несоответствием целей и механизмов социально-политического, гражданского участия, осознанием слабой корреляции профессиональной активности и качества жизни и др. Следствием такого противоречия является противоречие интериоризированных личностных и кристаллизованных в социальных отношениях ценностей, проявляющиеся в ограничении осознания индивидом своей роли и возможностей в конструировании социальной реальности. Данное обстоятельство требует разработки новых методов исследования личностных ценностей, характера их интериоризации.

Таким образом, ценности и ценностные ориентации, структурирующиеся в сознании молодого человека в процессе его становления, на стадии адаптации и самоидентификации способствуют формированию устойчивых связей с социальной средой, что является условием возрастания субъектности индивида в воспроизводстве институциональных норм. Ориентация на продуктивную социальную активность у молодого человека во многом определяется потребностью реализации присвоенных идеалов. Противоречие идеалов, терминальных ценностей и условий их реализации приводит к неустойчивости и релятивизму идеалов, убеждений, к невозможности осмыслить свою роль и ответственность в воспроизводстве социальных прак-

тик, а также к кризису идентификации. В результате молодой человек теряет значимость социального конструирования при возрастающем стремлении к конформизму и рутинизации. Реализация усвоенных ценностей заменяется ситуативным подражанием и копированием действий. Эмпирические данные ряда исследований подтверждают наши выводы. Так около половины молодых людей считают возможным изменить свои идеалы при невозможности их реализации. Утрачивается роль идеала как императива социальной рефлексии и действий, обеспечивающих синхронизацию личностных и социальных ценностей.

Конструирование социальной реальности молодежью отличается субъектностью, инновационностью и рефлексивностью. Социальные изменения на биографическом уровне и каждое новое социальное действие требуют в большей или меньшей степени соотнесения с индивидуальной системой ценностей, определяющей представление о значимости и формирование социальной установки. Поэтому целенаправленное включение молодого человека в процесс воспроизводства социальных норм как субъекта социальных отношений требует возможности соотнесения сложившихся условий и порядка с интериоризированными идеалами, находящимися на вершине индивидуальной системы ценностей и придающие ей общезначимый, интегрирующий характер. В результате происходит сопряженность индивидуальных смыслов социального участия с общепринятыми, культурно обоснованными. Однако функционирование идеала в этой роли возможно только тогда, когда он воспринимается актором как объективно значимый, неизменный и абсолютный. Происходит частая смена идеалов молодым человеком, что создает иллюзию отсутствия у него идеалов и отказа от устойчивой системы ценностей. Но на латентном уровне происходит, скорее, обратный процесс. Усиливается потребность (хотя она и не всегда осознается) в обретении смыслообразующих идеалов, которые позволяют как снизить неопределенность в выборе жизненных стратегий, так и интегрировать на индивидуальном уровне все ценностные ориентации. В современном российском обществе данная тенденция усиливается.

Библиографический список

1. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.
2. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М.: ACADEMIA. 2008.
3. *Кузнецов В.И.* Молодежь на рубеже веков // Социологические исследования. Ростов-н/Д: РГУ, 2008.
4. *Петров А.В.* Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // СОЦИС. 2008. № 7. С. 84-89.
5. *Ручкин Б.* Молодежь и становление новой России // Социс, 1998. № 5. С. 90-98.
6. *Семенов В.Е.* Ценностные ориентации и проблемы воспитания современной молодежи // Социс, 2007, №4. С. 37-43.

References

1. Basic values of Russians : Social attitudes . Life strategies . Characters. Myths. M. : House of intellectual books , 2003 .
2. *Zubock Y.A., Chuprov V.I.* Social regulation in the face of uncertainty. Theoretical and applied problems in the study of youth. M. : ACADEMIA. 2008 .
3. *Kuznetsov V.I.* Youth at the turn of the century // Sociological Studies . Rostov- N / A : RSU 2008 .
4. *Petrov A.V.* Valuable preferences of young people : diagnosis and trend changes // SOCIS . 2008 . № 7. Pp. 84-89 .
5. *Ruchkin B.* Young and the emergence of a new Russia // Sotsis , 1998 . Number 5 . Pp. 90-98 .
6. *Semenov V.E.* Values and parenting issues of today's youth // Sotsis , 2007, № 4 . Pp. 37-43 .

А.В. САХАРОВА

аспирант, кафедра философии и социально-гуманитарных дисциплин, Ивановский государственный политехнический университет
E-mail: sakharova5@mail.ru

A.V. SAKHAROVA

Graduate student, Department of Philosophy and Social-Humanitarian Disciplines, Ivanovo State Polytechnic University
E-mail: sakharova5@mail.ru

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ КОММУНИКАТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
В ПОИСКАХ ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

**LANGUAGE PERSONALITY WITHIN THE COMMUNICATIVE REALITY SPACE:
IN SEARCH OF A RESEARCH PARADIGM**

Статья посвящена рассмотрению теоретико-методологических оснований изучения языковой личности в условиях современной коммуникативной реальности. В связи с этим анализируется эвристический потенциал основных парадигм в сфере изучения языка и коммуникации и делаются выводы относительно наиболее продуктивных подходов к изучению языковой личности.

Ключевые слова: языковая личность, коммуникация, коммуникативная реальность, перформативность, репрезентация.

The article is devoted to the examination of the theoretical grounds of modern language personality studies. In connection with it heuristic potential of main linguistic and communication paradigms has been analysed and the conclusions concerning the most productive approaches to the language personality research have been made up.

Keywords: language personality, communication, communicative reality, performativity, representation.

Почти все XX столетие прошло под знаком глубокого и всестороннего интереса социогуманитарных наук к проблеме языка. С началом нового века интерес академического сообщества к этой исследовательской сфере отнюдь не ослабел. При этом следует отметить его смещение в сторону изучения субъекта языковой деятельности, воплощенной в различных речевых практиках. Этому способствовало бурное развитие коммуникативной реальности, специфическими чертами которой являются диалогичность, перерастающая в полифоничность, мультикультурность, сдвиг коммуникативных кодов в сторону невербальных, дискретность и мозаичность Интернет-пространства, существенно преобразующие процесс социальной коммуникации.

Следствием подобных перемен в социуме стала проблематизация самого актора, непосредственного участника социальной коммуникации – языковой личности (далее – ЯЛ). С одной стороны, наблюдается возрастание свободы выбора стратегий речевого поведения (за счет увеличения способов коммуникации и расширения коммуникативного пространства), увеличение возможностей языковой самопрезентации (например, в виртуальной реальности социальных сетей) и самореализации ЯЛ в процессе коллективного порождения коммуникативной реальности. С другой стороны, нарастание агрессивности коммуникативной среды, неопределенности исходов коммуникативных актов (например, сетевая коммуникация в Интернете изначально построена как интеракция с открытым финалом) делает статус ЯЛ неустойчивым и нередко непредсказуемым.

Кроме того, наивный эгоцентризм творцов индивидуальных дискурсов, усиливаемый уже упомянутыми взрослыми техническими возможностями СМК, нередко вводит их в заблуждение относительно самостоятельности и независимости от социума, влияние которого на ЯЛ становится все более мощным.

Языковая личность формируется при взаимодействии нескольких фундаментальных онтологических факторов – социальной реальности как совокупности объективных условий жизни членов общества, социальной коммуникации как способа их взаимодействия и языка как важнейшей знаковой системы, институционализированной обществом.

Традиционно предметом пристального философского интереса были именно эти надличностные сущности. Ситуация начала меняться со второй половины прошлого столетия, когда в проблемном поле гуманитарного знания (лингвистика, социология, психология, философия) все более заметно стала доминировать идея конструирования реальности, перформативности как одной из отличительных черт современных языковых практик.

Представляется, что настало время сфокусировать особое внимание на личности как создателе, носителе и пользователе языка в условиях коммуникативной реальности. Все более настоятельной становится потребность осмысления ЯЛ не как теоретической модели носителя определенных языковых структур, но как персонифицированного агента социальной коммуникации, что предполагает пристальное внимание к интерак-

тивному пространству жизненных сценариев субъекта коммуникации.

Цель статьи состоит в теоретическом осмыслении роли языковой личности в пространстве коммуникативной реальности через призму основных парадигм в сфере изучения языка и коммуникации, сложившихся в современном социогуманитарном знании.

Прежде всего, необходимо уточнить содержание ряда терминов, которые будут использованы в данной статье. Понятие «языковая личность» – одно из ключевых в современной лингвистике – имеет богатый эвристический потенциал и за пределами наук о языке. Интерес к нему в сфере философских исследований обозначился в связи с нарастанием коммуникативной проблематики. Под языковой личностью вслед за Ю.Н. Карауловым будем понимать «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются:

- степенью структурно-языковой сложности,
- глубиной и точностью отражения действительности,
- определенной целевой направленностью» [6].

В этом определении языковая способность человека соединена с характеристиками порождаемых и воспринимаемых им речевых произведений. Сущность данного подхода коротко можно сформулировать следующим образом: «За каждым текстом стоит языковая личность» [6]. При этом Ю.Н. Караулов отмечает, что ЯЛ следует трактовать как часть объемного и многогранного понимания личности, в соответствии с которым ее особенности мыслятся как преломленные через язык.

Вторым ключевым понятием, смысловые границы которого требуют уточнения, является концепт «коммуникативная реальность». Понимаемая предельно широко, коммуникативная реальность не отличается от социальной реальности в целом, поскольку социальная коммуникация как процесс и как совокупность создаваемых человечеством на протяжении своей истории дискурсов и составляет содержание социума. Следовательно, как инобытие социальной реальности коммуникативная реальность существовала всегда. В узком смысле под коммуникативной реальностью подразумевается медиареальность как сфера функционирования средств массовой коммуникации.

В контексте данного исследования коммуникативная реальность будет рассматриваться не столько в структурном, сколько в динамическом аспекте. Под ней понимается определенная стадия трансформации социальной реальности, детерминированной развитием СМК и сопровождающейся экспансией масс-медийного поля в поле социальной дискурсивности. В результате формируется особое коммуникативное пространство, которое, с одной стороны, пока еще не захватило социальное пространство в целом, но с другой – приобретает уже значение метареальности, проникающей во все сферы жизни социума.

Итак, сущность заявленной проблемы может быть сформулирована следующим образом: «В какой мере ЯЛ может рассматриваться как субъект конструирования

коммуникативной реальности и каковы пределы ее конструктивных возможностей?».

Диапазон подходов к решению этой проблемы достаточно широк и включает в себя различные парадигмы: от диктатуры сознания и языка до диктатуры дискурса или перформанса, от признания носителя языка в качестве целостного и равноправного участника intersubъективной коммуникации до констатации его неполноты, частичности или полного исчезновения под давлением наступающей медиареальности. Свой вклад в исследование природы языковой коммуникации на уровне взаимодействия Я как носителя языка (сознания) и Другого Я, субъекта и коммуникативного сообщества в целом внесли представители философии сознания и языка (феноменология, аналитическая и лингвистическая философия), структурализма (К. Леви-Стросс, Р. Барт, Р. Якобсон), постструктурализма (М. Фуко, Ю. Кристева), психоанализа (Ж. Лакан). Констатируя подобное разнообразие, следует учитывать также и то обстоятельство, что все они были порождением различных объективных условий и, следовательно, концептуально фиксировали не только методологические предпочтения своих творцов, но и определенные социальные доминанты.

Отмеченная вариативность подходов не исключает их определенного единства, обусловленного некоей общностью исходных исследовательских принципов. В этом плане все они могут быть разделены на две группы.

К первой относятся те философские направления, которые постулируют наличие трансцендентальных, надличностных образований, сущностей (язык, языковое сообщество, дискурс), предзаданных и предшествующих индивидуальному сознанию ЯЛ (феноменология, аналитическая философия, исключая Д. Остина, позднего Л. Витгенштейна; психоанализ Ж. Лакана). Ко второй – исходящие из перформативности языка и, следовательно, изначальной способности его носителей не только в языке отражать социальную реальность, но и конструировать ее (лингвистическая философия Л. Витгенштейна, социальный конструкционизм Д. Сёрля, различные формы постмодернизма и постструктурализма).

Родоначальник феноменологии Э. Гуссерль, по видимому, был первым, кто совершил переход от анализа структур изолированного Эго к изучению коммуникативных характеристик сознания, размышляя над тем, каким образом на основе опыта самосознания конституируется «некое сообщество монад», «трансцендентальная субъективность», другое Я, intersubъективность [4].

В заметках, сопровождавших подготовку немецкого издания «Картезианских размышлений», философ намечает специальный раздел, называемый им «феноменологией сообщения», где предполагает осмыслить роль языка в строительстве опытного смысла мира, в котором мы живем и действуем. Благодаря языку изменяется структура опыта – Я становлюсь как бы Другим, и одновременно благодаря языку создается документиро-

ванный объективный мир, всеобщее знание: «Языковая связь, – писал он, – основная форма коммуникативного объединения вообще, праформа соединения меня и другого, тем самым объединение в речи кого-то и кого-то другого для меня: я апперцепирую другого как обращающегося ко мне и как сообщающего свои желания и воления, относящиеся к моим актам поведения, и соответственно вслушивающегося в мое обращение, если я его совершаю, а именно в мое сообщение» [10].

В феноменологии субъективность Я мыслится как трансцендентальная, то есть, как результат конституирования трансцендентальным сообществом монад (языковым сообществом), регулируемым единой системой универсальных норм (например, норм языка, культуры). Резервуар субъективного опыта, именуемый Э. Гуссерлем и его последователями (например, создателем феноменологической социологии А. Шюцем) жизненным миром, и включающий в себя поток явлений, переживаемый субъектом, совокупность представлений, может быть интерпретирован только исходя из уже предзаданного набора значений.

Поиск внеличных оснований коммуникации в виде априорной структуры языка и его логической формы, общей языку и миру (логический позитивизм, семиотика, структурализм), привел к формированию *репрезентативной парадигмы языка*. Исследуя вопрос о соотношении сознания, языка и предметного мира, сторонники этого подхода исходили из того, что, во-первых, язык – это противостоящая миру система его отражения и, во-вторых, структуры языка и сознания идентичны. Посредством языка человек осуществляет репрезентацию, то есть замещение объекта интерпретантой. Согласно Ч. Пирсу, репрезентация обозначает возможность представления чего-либо или кого-либо посредством совокупности знаков [8].

Уже из приведенных дефиниций следует, что репрезентативность языка отнюдь не может восприниматься как механическое отражение объектов материального мира и столь же механическое замещение их некими субститутами. Напротив, следуя в русле логики репрезентативной парадигмы, мы не можем не признать того, пока еще никем не опровергнутого факта, что «наиболее доступным и содержательно насыщенным способом постижения сознания другого человека является информация, которую носитель сознания создал (сконструировал) и передал при помощи самого распространенного и древнего средства коммуникации – обыкновенного языка в виде вербальных конструктов, реализующих ее сущность *loquor ergo sum*» [5].

Репрезентация как способ освоения мира – одна из древнейших культурных практик, и в этом смысле способность личности переводить внешние по отношению к ее сознанию объекты в знаки и обмениваться ими с другими участниками коммуникации является необходимым условием формирования вербально-семантического уровня ЯЛ, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком.

Более того, по мысли французского лингвиста Э. Бенвениста, язык устроен таким образом, что позво-

ляет каждому говорящему, когда тот обозначает себя как Я, как бы присваивать себе язык целиком. Речь идет о том, что язык предоставляет в некотором роде «пустые» формы, которые каждый говорящий в процессе речи присваивает себе и применяет к своему собственному «лицу», определяя одновременно самого себя как «я», а партнера как «ты». Процесс *присвоения* совершается в индивидуальном акте высказывания. В такой интерпретации становится особенно очевидно, что присвоение – это обычная, многократно повторяемая любым из нас формальная процедура, ибо происходит она в рамках и благодаря имеющемуся в нашем распоряжении «формальному аппарату высказывания» с его дихотомической логикой «я» и «ты». «Индивидуальный акт присвоения языка вводит того, кто говорит, в его собственную речь» [2].

Однако репрезентативная парадигма языка не дает ответ на вопрос, как возможно *овладение значением*, т.е. наполнение содержанием тех «пустых клеток» единой языковой матрицы. Кроме того, ни репрезентативная, ни тем более структурная парадигмы языка не нуждались в концептуализации понятия пользователя языком, поскольку предметом исследования был сам язык, который рассматривается как некий самодостаточный механизм, автономный и по отношению к человеку, и по отношению к внеязыковой реальности.

Практический (перформативный) поворот в философии предложил совершенно иную перспективу изучения языка, во-первых, связав его с деятельностью, во-вторых, выведя за пределы трансцендентальных неподвижных структур и поместив в контекст конкретных языковых практик, в-третьих, взяв на основу не язык науки, а разговорный язык.

Появление понятия «перформативность» восходит к идее Д. Остина о различии между «констативными» и «перформативными» высказываниями в рамках теории речевых актов. «Среди философов, – отмечал он, – слишком долго было укоренено убеждение, что «утверждение» может только описывать положение вещей или «утверждать нечто о каком-либо факте», который при этом должен быть либо истинным, либо ложным» [7]. Согласно его концепции, перформативные речевые акты осуществляют действия, создают факты и устанавливают сущности и, следовательно, не могут оцениваться как истинные или ложные, но только как успешные или неуспешные. Однако впоследствии сам автор этой концепции отказался от вычленения перформативов только на основании их грамматической формы и пришел к выводу, что перформативность задается контекстом, а, следовательно, граница между двумя этими видами высказываний условна. В конечном итоге любое высказывание может быть расценено как действие, в котором реализуется определенный мотив ЯЛ.

Впоследствии ученик Д. Остина Д. Сёрл развил положения о перформативности языка в концепции *конструирования социальной реальности*. Социальная реальность представляет собой, по его мнению, преимущественно языковую реальность, а социальность сводится к языковому взаимодействию. «Какова роль

языка в институциональной реальности? Я сказал, что нечто есть деньги, собственность или брак, только если люди думают, что это есть деньги, собственность или брак, но как могли бы они вообще иметь такую мысль, если бы у них не было языка? Более того, не является ли язык именно той разновидностью социальной реальности, которую мы пытаемся объяснить?» [12].

Вводя в структуру речевого акта понятие «интенциональность», Д. Сёрл тем самым подчеркивает глубоко социальную природу речевой коммуникации. Предполагается, что наличие коммуникативной интенции, воплощаемой в желаниях, представлениях, намерениях говорящего, делает его субъектом коммуникации. Однако может ли ЯЛ, выступающая в роли говорящего, рассматриваться как единственный источник значения и, соответственно, как истинный субъект социального действия? Действенность того или иного высказывания, особенно если речь идет о собственно перформативных конструкциях, зависит не только от порождаемого смысла и намерений говорящего, но и от интерпретации слушающего, т.е. от коммуникативной ситуации в целом. «В большинстве случаев, – полагает Д. Сёрл, – буквальный смысл предложения или выражения задает условия истинности только при наличии набора фоновых допущений и практик» [11]. Таким образом, от идеи речевого акта мы приходим к идее контекста или фоновых практик. Значение высказывания порождает не сам говорящий субъект, но вся совокупность допущений и практик, на фоне которых осуществляется тот или иной речевой акт.

Безусловный интерес с точки зрения изучения языковой коммуникации представляет концепция *языковых игр*, сформулированная «поздним» Л. Витгенштейном. Если в ранний период творчества он утверждал, что язык соотносится с миром посредством структурного соответствия высказывания и «положения дел» в мире, то в дальнейшем эта позиция изменилась. Язык представляет собой не универсальное соответствие, а множество связанных друг с другом языковых игр [3]. Мы понимаем смысл высказываний, исходя из конкретного практического контекста, из тех наличных деятельных условий, которые образуют ту или иную жизненную ситуацию.

Перформативный поворот в изучении языка позволил выявить и концептуализировать такой важный инструмент конституирования языковой личностью коммуникативной реальности, как эмоции. Долгое время в лингвистике господствовало категоричное мнение

о том, что эмоции – это не язык, а лишь формы демонстрации инстинктов, присущих животным, поэтому они не могут быть рассмотрены как культурный концепт языка [9]. В современной науке о языке накоплен уже обширный эмпирический и теоретический материал для того, чтобы с достаточным основанием утверждать наличие в слове эмоционального и рационального компонентов. В этом смысле весьма актуально звучит высказывание французского лингвиста М. Бреалья о том, что речь была создана не для описания, повествования и непредвзятых рассуждений, а для того чтобы выражать желание, делать предписания, а все это не может быть произведено без эмоционального сопровождения [1].

Полагаем, что изучение ЯЛ как актора социальной коммуникации, протекающей в условиях современной коммуникативной реальности, должно основываться на ряде теоретических посылок, вытекающих из сложившихся в философии и других социально-гуманитарных науках подходов.

Во-первых, языковая коммуникация должна рассматриваться как совокупность языковых практик, реализующихся в определенных коммуникативных ситуациях, с учетом конкретного социально-культурного контекста.

Во-вторых, акт языковой коммуникации только в виде идеальной модели может рассматриваться как взаимодействие двух ЯЛ, на практике же неотъемлемым участником этого процесса является языковое сообщество, вклад которого в конституирование условий языковой коммуникации должен обязательно учитываться.

В-третьих, необходимо расширить представление о языковой коммуникации, дополнив его содержание невербальными компонентами. В том числе необходимо включить полученные в языкознании данные о месте эмоций в структуре разговорного языка в более широкий социально-философский контекст для того, чтобы сформировать целостное представление о роли центрального актора социальной коммуникации – языковой личности как создателя, носителя и пользователя языка.

В целом, представляется, что в изучении процессов социальной коммуникации и места ЯЛ в современном коммуникативном пространстве должна возобладать антропологическая перспектива. Она ориентирует на выявление широкого спектра языковых возможностей ЯЛ, определяемых разными факторами (от индивидуальных психологических особенностей субъекта до социально-культурных доминант), а также условий их релевантности конкретной коммуникативной ситуации.

Библиографический список

1. Анисимова Н.П. Современные французские семантические теории (историко-эпистемологический анализ). Тверь: ТвГУ, 2002.
2. Бенвенист Э. Формальный аппарат высказывания. Общая лингвистика. М.: УРСС, 2002. С. 311-319.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. В 2-х ч. Ч. I. М.: Гнозис, 1994.
4. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука. Ювента, 1998.
5. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: «Интрада», 1996.
6. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. Под ред. Д. Шмелева. М.: Наука, 1989. С. 3-8.
7. Остин Дж. Избранное. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.

8. *Пирс Ч.* Начала прагматизма. В 2-х т. Т. 2. Логические основания теории знаков. СПб.: Алетейя, 2000.
9. *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
10. *Husserliana.* Bd. X V. Dritter Teil. Haag. 1973. S. 475./ Цит. по: Огурцов А.П. От нормативного разума к коммуникативной рациональности // *Философия науки.* Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН, 2005. С. 12-59.
11. *Searle J.R.* The Background of Meaning // *Speech Act Theory and Pragmatics* / ed. by J. Searle, F. Kiefer, M. Bierwisch. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1980.
12. *Searle J.R.* Mind, language and society: Philosophy in the real world. Basic Books, New York, 1999.

References

1. *Anisimova N.P.* Modern French Semantic Theories (hystorical and epistemic analysis). Tver: TvGU, 2002.
  2. *Benveniste E.* Formal Apparatus of Statement. Problems in General Linguistics. М.: URSS, 2002. Pp. 311-319.
  3. *Wittgenstein L.* Philosophical Investigations. In 2 parts. P. I. М.: Gnozis, 1994.
  4. *Gusserl E.* Cartesian Meditations. SPb.: Nauka. Juventa, 1998.
  5. *Iliin I.P.* Post-structuralism. Deconstructivism. Postmodernism. М.: «Intrada», 1996.
  6. *Karaulov Ju.N.* Russian Language Personality and Problems of Its Investigation // *Language and Personality* / ed. D. Shmeleva. М.: Nauka, 1989. Pp. 3-8.
  7. *Austin J.* Selected Works. М.: Ideia-Press, Dom intellektualnoj knigi, 1999.
  8. *Peirce Ch.S.* Fundamentals of Pragmatism. In 2 volumes. Vol. 2. *Foundations of Semiotics.* SPb.: Aletejja, 2000.
  9. *Shachovskij V.I.* Linguistic Theory of Emotions. М.: Gnozis, 2008.
  10. *Husserliana.* Bd. X V. Dritter Teil. Haag. 1973. S. 475./ Cit.: Oгуртов А.П. From Normative Mind to Communicative Rationality // *Philosophy of Science.* Vol. 11: Ethos of Science at the Turn of the Century. М.: IF РАН, 2005. Pp. 12-59.
  11. *Searle J.R.* The Background of Meaning // *Speech Act Theory and Pragmatics* / ed. by J. Searle, F. Kiefer, M. Bierwisch. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1980.
  12. *Searle J.R.* Mind, language and society: Philosophy in the real world. Basic Books, New York, 1999.
-
-

УДК 1 (091)

UDC 1 (091)

А.А. ТАЩИАН

кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, Кубанский государственный университет
E-mail: tashchian@kubsu.ru

A.A. TASHCHIAN

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Kuban State University
E-mail: tashchian@kubsu.ru

РИТМИКА КОНЕЧНОГО ДУХА В МЕТАФИЗИКЕ АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА*

RHYTHMIC OF FINITE SPIRIT IN ST. AUGUSTINE'S METAPHYSICS

Наиболее известный пласт ритмической концепции Августина – «ритмы души», осуществляющие метафизический принцип восхождения от телесного к бестелесному. Но не менее важно рассмотрение ритмики в области государственного устройства и мировой истории, отчего ритмическое «искусство» оказывается залогом постижения божественного предопределения в деяниях индивидов и народов. Ограниченность августиновской доктрины обусловлена общей природой античной метафизики.

Ключевые слова: ритмика, музыка, дух, душа, государство, метафизика.

In St. Augustine's metaphysical conception of "the soul's rhythms" and those of state and universal history rhythmic "art" proves to be a guarantee of cognition of divine predestination in actions of individuals and nations. The limitation of St. Augustine's doctrine is determined by the general nature of ancient metaphysics.

Keywords: rhythmic, music, spirit, soul, state, metaphysics.

М. Хайдеггер небезосновательно замечал, что метафизика относится к самой природе человека (gehört zur «Natur des Menschen»), а также что она является его главным событием (das Grundgeschehen) и даже выступает как само его наличное бытие (als Dasein selbst) [3, S. 26]. Прислушиваясь к мнению этого глубокого мыслителя, лишней раз убеждаешься в актуальности обращения к историческому исследованию метафизической проблематики.

Как должно быть известно, исторической ступенью философии, в которой метафизика являлась преимущественной формой мышления, была античность. Ее философский венец – неоплатонизм – стал таким феноменом метафизики, который не только укоренил ее в культуре средних веков, но и послужил необходимой предпосылкой духовности Нового времени. В этой связи резонно уделить внимание наследию Аврелия Августина, который по праву считается одной из наиболее значительных фигур неоплатонической мысли. Правда, традиционное отношение исследователей к гиппонскому епископу таково, что, пожалуй, эксплицируется позицией, высказанной В. Герье: «Судьба поставила Августина на водоразделе двух великих эпох в культурной жизни человечества – античного, языческого мира и средневекового, христианского...» [1, С. III]. Следует, однако, ее уточнить: хотя августиновская религиозная точка зрения и относится к новому – христианскому – миру, его философская позиция определенно античная, что и раскрывается в собственно метафизическом характере его мышления.

Этот характер с особой выразительностью прояв-

ляется в его «музыкальной» доктрине, т.е. в учении о ритме, и вот почему. Дело в том, что в рассматриваемом контексте принципиальную важность приобретает латиноязычный концепт *numerus*, каковой может быть переведен на русский язык и как «ритм», и как «число». Тем самым это слово, а также его дериваты *numerosus* (ритмичный), *numerositas* (ритмичность) прямо указывают на то, что их эстетически чувственная стихия имеет своей субстанцией числовую интеллектуальность. Метафизическая определенность такого понимания как раз и заключается в том, что дух должен подниматься от юдоли еще только конечной изменчивой ритмики к ритмике непреходящей, умное царство которой составляют чистые числовые отношения. Особенно показателен Августин в метафизическом способе интерпретации сущего, когда он занимается сферой ритмики конечного духа, т.е. ритмами индивидуальной (субъективной) и социальной (объективной) человеческой духовности.

В том, что касается ритмики субъективного духа, Августин в своем трактате «О музыке» снабжает нас ставшей знаменитой классификацией «ритмов души», метафизическая суть которой говорит сама за себя. Главным сюжетом этой классификации является восхождение души к Богу, реализуемое посредством ее возвышения над смертными ритмами и стремлением подняться в лоно ритмики вечной. «Смертными» мыслитель называет ритмы, или имеющие непосредственно телесный, чувственный характер, или те, что производятся душой в представлении (памяти) под воздействием первых, отчего вторые разделяют с ними их конечность. Для Августина как приверженца платони-

* Статья подготовлена в рамках проекта «Метафизика ритма Аврелия Августина», грант РГНФ № 13-03-00038.

ческой традиции неизменные «ритмы разума» (*numeri rationis*) являются превосходными по своей красоте и конституируют ритмы смертные. Правда, изменчивая ритмика как ритмика вообще не лишена красоты *sui generis*. Но поскольку такая красота тленна, постольку она обязательно подчиняется высшей красоте подлинно духовных ритмов. Поэтому всякой душе следует учиться управляться ритмикой интеллектуальной сферы и управлять чувственной.

Посредством приведения ритмики к такого рода иерархии душа утверждается в добродетелях, тематика каковых является одной из излюбленных в античной мысли. Рассуждая в неоплатонической канве, Августин оценивает добродетели как нечувственные «красоты души», обеспечивающие целостность в форме здоровья телу, а в форме спасения – душе. Кроме того, развивая платоновские соображения о гармонической устроенности сущего из противоположностей, гиппонский епископ даже утверждает необходимость дурного и грешного в человеческой душе, которое должно было бы быть рассмотренным как прекрасное и ритмичное, если бы мы были способны охватить всю полноту божественного провидения, в целостности какового оправдывается также феномен безобразного [5, Col. 179–80].

Еще более определенно в ритмическом отношении Августин высказывается касательно «мирового», т.е. объективного или социального аспекта человеческого духа. В своем эпохальном трактате «О Граде Божием» он использует образ библейского персонажа Псалмопевца (Давида), определяя его как «мужа, образованного музыкально» (*vir in canticis eruditus*). При этом подчеркивается, что эта образованность состоит не в чувственной стихии музыки, а в ее метафизическом предназначении служения Богу. Особенно же важным для нас здесь является то, что Августин увязывает музыкально-ритмическую проблематику с устройством государства, утверждая, что «рациональное и размеренное согласие различных звуков» (*diversorum sonorum rationabilis moderatusque concentus*) представляет собой параллель гармоническому единству различных политических элементов в хорошо выстроенном социуме [8, Col. 547]. Еще более выпукло мысль о том, что государственное устройство имеет музыкально-ритмическую основу, преподносится Августином, когда он приводит цитероновские рассуждения о республике: «Подобно тому, как при игре на струнных и духовых инструментах, а также в самом пении и речи следует соблюдать определенное созвучие, образуемое из различных звуков, извращение и нарушение которого образованный слух стерпеть не может (причем даже из неподобных звуков это созвучие производится размеренностью согласным и сообразным), из высших, низших и промежуточных сословий (словно звуками) с помощью разумной размеренности неподобного приводится к согласию государство» [4, P. 78–9].

С этой же «мировой» тематикой ритмики мы сталкиваемся и в одном из писем гиппонского епископа к Иерониму Стридонскому, посвященном вопросу о природе души и, таким образом, духа вообще. В нем

Августин высказывает мнение, что музыка дается милостью Господа для того, чтобы могла быть осознана эстетическая грандиозность Его творческого замысла. Для этого наш «музыколог» напоминает о боговдохновенных речах пророка Исаии, в соответствии с которыми (если, разумеется, исходить из латинского перевода Септуагинты) мир производится Богом ритмически (или сообразно с числом) (*qui profert numerose saeculum*) (Исаия, 40:26). Августин указывает, что поскольку любому поэту должны быть знакомы правила расстановки длительностей слогов в словах с целью придания стихотворному сочинению наиболее прекрасного звучания, постольку тем более мудрость Господа, бесконечно превосходящая всяческие искусства, с необходимостью сотворила человеческую действительность таким образом, чтобы временные промежутки, в которых люди рождаются и умирают, подобно слогам и словам в стихотворной строчке составляли бы соотносящиеся доли этого века. Поэтому человеческий мир должен обнаруживать определенную соразмерность (*modulatio*), элементы которой образуют удивительное песнопение, чья длительность предопределена заранее [6, Col. 726].

В «Исповеди», наконец, Августин, размышляя над наиболее сложной определенностью объективного духа – историей, также дает нам понять, что в ней обнаруживается ритмический элемент, каковой и представляет собой выражение «непреложнейшего закона всемогущего Бога». В соответствии с этим законом истина, каковая хотя и должна повсюду и во все времена пребывать равной самой себе, все же обретает в своем мирском воплощении самые разнообразные формы реализации. Различие этих форм обуславливается различием нравов в зависимости от географии и временных эпох. В чем же заключается метафизическое значение этого положения? По этому поводу африканец отмечает, что судить о всеобщем (бесконечном), отправляясь от особенности (конечности) человеческого времени (*ex humano die*) (1 Кор. 4:3), представляется неправомерным. Но по этой же причине было бы неправомерным, если бы мы судили о нравственности человеческого рода в целом, принимая в качестве ее критерия лишь одну ее часть. Проблема, как она видится Августину, состоит в том, что век человека скоротечен, а потому люди не в состоянии *представить* действительные обстоятельства предшествующих времен и других народов, с каковыми им не пришлось иметь дело в опыте (*sensu non valent causas contexere saeculorum priorum aliarumque gentium, quas experti non sunt*) (курсив наш. – А.Т.) [5, Col. 688–9]. Впрочем, ограниченность формы представления снимается в универсальности понятия. *Понять* же, каким путем многообразные компоненты объединяются в конкретное целое, как раз и способствует согласно Августину ритмическое «искусство» (точнее, наука), в каковом тем самым необходимо видеть подлинное мерило познания природы исторического бытия [5, Col. 689].

Следует добавить, что для того чтобы получить наиболее прорисованную картину того, что собой яв-

ляла августиновская доктрина ритмики конечного духа, имеет смысл обратить внимание читателя на то, что она, несомненно, выражала общую метафизическую позицию античной мысли по отношению к музыкальному предмету. Эта связь станет совершенно наглядной, если привести несколько пассажей из ритмической концепции другого античного «музыколога» – Аристиды Квинтилиана. Этот неоплатонический предшественник гиппонца утверждал, что все рассматриваемое сообразно с числом оказывается созвучным. Так что если кто-либо задумает узреть опосредствование между логической частью души и вожделеющей, то обнаружит пропорцию обеих в страстной части; если же рассматривать политический порядок, то с удивлением обнаруживается, что между Советом и народом находится военное сословие (εἰ δὲ γε καὶ τὰς ἐν ψυχῇ μεσότηας θεωρεῖν ἐθέλοις, εὐρήσεις λογισμοῦ καὶ ἐπιθυμίας μέσῃν τὴν κατὰ τὸ θυμικὸν ἀμοφοῖν ἀναλογίαν. εἰ δὲ καὶ πολιτικὰς διατάξεις θεωρήσειας, θαυμάσεις ὡς τοῦ μὲν βουλευτικοῦ καὶ δημοτικοῦ μέσον τάττεται τὸ πολεμικόν) [2, S. 106–7].

Приведенные размышления касательно числовой и ритмической определенности духа удостоверяют нас в метафизическом характере античной мысли в целом, особенным выражением каковой была ритмическая концепция африканского епископа. Но не будем, однако, забывать, что для нас метафизика имеет не только «положительное» значение восхождения человеческого духа как еще только конечного к его бесконечности. Как еще только первый способ философствования, метафизика оказывается также лишь первым и потому незавершенным отрицанием сферы конечного, отчего она сама в свою очередь выявляет «отрицательное» значение. В той мере, в какой Августин разделяет с античностью ее метафизическую тенденциозность в общем и касательно конечного духа (человеческой «души») в особенности, как раз и становится очевидной неудовлетворительность его толкования ритмики.

Заметим, что если до настоящего момента изложение определенности этой ритмики проводилось нами сообразно с тем, чем она представлялась античности в целом и африканскому мыслителю в частности, то теперь мы должны указать, что ее древний «гештальт» отнюдь не исчерпывал всей содержательности понятия ритмики, по каковой причине он оставался еще только «наброском», или формальной схемой, той картины действительной ритмики, которая есть дух в себе. Абстрактность древнего толкования музыки состояла в том, что его моменты недифференцированно прилагаются для того, чтобы характеризовать ритмику как обнаруживаемую в природе, так и в духе. При таком внешнем подходе к противоположным регионам действительности логического, ритмика духа лишается своего принципиального своеобразия.

С высоты исторического развития философского мышления понятно, что основанием такого ритмического безразличия является недостаток в античном понимании сущности духа, что, кстати, отражается в путанности и неопределенности языкового выражения его понятия. Как следствие, оказывается весьма пробле-

матичным дать четкие терминологические разграничения между, скажем, душой и духом, при том, что сам вопрос корректного обозначения человеческой «души» Августином, конечно же, ставился. В своих сочинениях с этой целью гиппонец использует следующую линейку терминов: *anima, animus, spiritus, mens*. Эти слова в латинском языке могут употребляться в качестве синонимов, хотя они и удерживают за собой свою специфику. В трактате «О восьмидесяти трех различных вопросах» африканец отмечает, что об *anima* следует говорить, мысля ее вместе с «умом» (*cum mente*), если высказывается, что человек состоит из души и тела (*cum dicimus hominem ex anima et corpore constare*). Если же «ум» исключается, то «душа» понимается как то, что есть у нас общего с животными, лишенными разумного сознания, являющегося принципиальной характеристикой «ума» (*carent ratione, quae mentis est propria*) [7, Col. 13]. В сочинении «О Троице» Августин проводит различие между терминами *anima* и *animus*, состоящее опять-таки в том, что тогда как первый используется даже для обозначения «души» животного, второй привлекается для описания исключительности человека. В этой связи характерно, что в труде «О величине души» Августин определяет *animus* как «некоторую субстанцию, причастную разумному сознанию и способную управлять телом» (*substantia quaedam rationis particeps, regendo corpori accommodata*) [5, Col. 1048], показывая тем самым, что из этих двух именно *animus* составляет духовное существо человека. Противопоставляя духовное телесному, Августин связывает термин *spiritus* с «умом» (*mens*), и таким же образом термин *mens* – с «духом» (*spiritus*). Свидетельство этой связи мы находим в книгах «О Троице», где святой отец говорит об этих словах как о равнозначных выражениях (*mens vero aut spiritus*) [9, Col. 964]. Кроме того, рассуждая о природе любви, он высказывает мысль, что она вовсе не есть тело, но дух, причем ум также есть не тело, а дух (*et si aliqua substantia est amor, non est utique corpus, sed spiritus; nec mens corpus, sed spiritus est*) [9, Col. 962]. Наконец, касательно терминов *anima* и *spiritus*, чье соотношение Августин рассматривает специально в работе «О душе и ее происхождении», он утверждает различие, определяемое как различие между «душой» и «духом» соответственно. Мыслитель называет *spiritus* «нашей способностью разумения» (*rationale nostrum*), посредством каковой *anima* может понимать и судить. В отличие от нас, т.е. человеческих существ, животные ею не наделены. Поэтому Августином констатируется, что поскольку они не обладают пониманием и «чувством» разума и мудрости (*intellectum et rationis ac sapientiae sensum*), постольку духа у них нет (*non habent spiritum*), а есть лишь душа (*animam tantum*) [10, Col. 546]. Далее мы были бы вправе ожидать от христианского философа «радикализации» этого различия, благодаря чему душа должна была бы определиться как еще не сознающее себя логическое, а дух – как полнота его субъективности. Однако вместо развития их дифференцированности Августин не только останавливается на достигнутой линии наметившегося обособления,

но даже возвращается и отступает в их субстанциальное безразличие, признавая, что животная душа (*anima res cogis*) также имеет право называться духом в широком смысле слова. В результате подобного логического «ренегатства» дух (*spiritus*) понимается под родовым именем «души» (*anima*). Для нас, таким образом, ясно, что для гиппонского епископа, как и для всей античности, в соотношении души и духа принципиальным было то, что оба смысловых определения противоположны в своей непосредственности телесности.

Какой же вывод для адекватного представления о *ритме* (т.е. об *образе*, ибо именно так переводится *ῥυθμός* с древнегреческого) человеческой духовности должны мы сделать, исходя из проведенного терминологического рассмотрения? Прежде всего нам следует признать, что для гиппонца имеется различие между душой и духом, каковое наблюдается в известном противопоставлении *anima* другим, близким «по духу» выражениям – *animus, mens, spiritus*. Между тем, отмечаемое различие для самого Августина не является вполне определенным, поскольку три последних термина признаются им разновидностями первого как родового, субстанциального. Недостаток такого понимания духовной природы проявляется как раз в том, что за ее всеобщность и целостность, за ее подлинную сущность принимается не самосознательная субъективность духа, осуществляемая посредством конечной человеческой личности, а безразличная «материя» души, состоящая в ее непосредственной бестелесности. Однако такая метафизическая интерпретация еще

абстрактна, ибо духовное в ней истолковано как пребывающее лишь в негативном отношении к природе. Тем самым действительная ритмика духа, заключающаяся в том, чтобы осциллировать в своей разорванности, чтобы сохраняться и знать себя в своей различности на «душу» и «тело», не находит у мыслителя адекватного отражения. Об этой несозвучности августиновской концепции ритмики духа ее понятию неумолимо свидетельствует его собственное признание в том, что для него как человека остается исключительно загадочным и непостижимым (*omnino mirus est, nec comprehendi ab homine potest*) тот самый ритм, образ, или же мера, в определенности которой духовное соединяется с телесным (*modus, quo corporibus adhaerent spiritus*), при том что этот «модус» и есть сам человек (*et hoc ipse homo est*) [8, Col. 725].

И в самом деле, по причине унаследованных от античности метафизических представлений о конечном духе, в рамках каковых дух имеет абстрактное от природы существование, Августин оказывается неспособным философски объяснить «тайну» его ритмики. В качестве античного метафизика, христианский отец безупречно показал, что человеческая стихия обнаруживает внутреннюю необходимость восхождения в ее ритмико-числовой форме. Однако понять, в чем состоит подлинная – собственно человеческая – определенность этой формы, Августину суждено не было. Эта логическая «миссия» будет исполнена лишь четырнадцать веков спустя в немецкой эстетике стиха конца XVIII в.

Библиографический список (References)

1. *Guerrier V.* Saint Augustine. M.: S.P. Yakovlev printing house, 1910.
  2. *Aristidis Quintiliani de Musica libri tres.* Leipzig: Teubner Verlag, 1963.
  3. *Heidegger M.* Was ist Metaphysik? Bonn: Verlag von Friedrich Cohen, 1929.
  4. *M. Tullii Ciceronis De Re Publica librorum reliquiae / Ab Angelo Maio.* Bostoniae: O. Everett, 1823.
  5. *Patrologiae cursus completus: Series Latina / Accurante J.-P. Migne.* Parisiis, Vol. 32, 1877.
  6. *Patrologiae cursus completus: Series Latina / Accurante J.-P. Migne.* Parisiis, Vol. 33, 1902.
  7. *Patrologiae cursus completus: Series Latina / Accurante J.-P. Migne.* Parisiis, Vol.40, 1887.
  8. *Patrologiae cursus completus: Series Latina / Accurante J.-P. Migne.* Parisiis, Vol.41, 1900.
  9. *Patrologiae cursus completus: Series Latina / Accurante J.-P. Migne.* Parisiis, Vol.42, 1841.
  10. *Patrologiae cursus completus: Series Latina / Accurante J.-P. Migne.* Parisiis, Vol.44, 1863.
-
-

УДК 101.1

UDC 101.1

В.Н. ФИНОГЕНТОВ

доктор философских наук, профессор, кафедра философии и истории, Орловский государственный аграрный университет

E-mail: v_fin@mail.ru

Е.С. КОНОНОВА

кандидат философских наук, доцент, кафедра логики, философии и методологии науки, Орловский государственный университет

E-mail: kon-fin2011@yandex.ru

V.N. FINOGENTOV

Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and History, Orel State Agrarian University

E-mail: v_fin@mail.ru

E.S. KONONOVA

Candidate of Philosophy, associate professor, Department of Logics, Philosophy and Methodology of sciences, Orel State University

E-mail: kon-fin2011@yandex.ru

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЙ КАК ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

THE RATIONALIZATION OF WORLDVIEWS AS AN IMPERATIVE OF THE CONTEMPORARY ERA

В статье обосновывается необходимость рационализации мировоззрений, доминирующих в наши дни, а также актуальность построения новых рационализированных мировоззренческих систем, адекватных вызовам современной эпохи; анализируется процедура рационализации мировоззрений различного типа.

Ключевые слова: мировоззрение, рационализация мировоззрения, вызовы современной эпохи, нравственно-правовой разум.

Two principal are substantiated in the article: 1) the need for the rationalization of worldviews prevalent in nowadays, and 2) the topicality of building new world outlook systems relevant to the challenges of the contemporary era. In addition, the procedure of rationalizing different types of worldview is analyzed in the article.

Keywords: worldview, the rationalization of the worldview, the challenges of the contemporary era, the reason based on moral and legal principles.

В нынешнем духовном пространстве фигурируют самые различные мировоззренческие образования. Наиболее распространенные из них сформировались в отдаленные от нас исторические времена и имеют откровенно архаический характер. Они, очевидно, неадекватны драматическим вызовам современной эпохи, таким вызовам, с которыми человечество никогда еще не сталкивалось. Некоторые из существующих в наши дни мировоззрений в силу узости и своеобразной деформированности их ценностно-смысловых составляющих препятствуют осуществлению конструктивного диалога с представителями иных мировоззрений и затрудняют продвижение человеческого сообщества к более гуманному и гармоничному будущему. У многих наших современников место мировоззрения занимает некое хаотичное, эклектичное, противоречивое образование, превращающее их в легкую добычу самых разных «ловцов душ человеческих».

Сказанное выше обосновывает актуальность философского анализа многообразных процессов, происходящих в современном духовном пространстве, а также тех направлений развития существующих сегодня мировоззренческих систем, которые могут вывести человечество из нынешнего глубочайшего мировоззренческого кризиса.

Значение мировоззрения в жизни личности и общества на любом этапе истории культуры трудно переоце-

нить. Действительно, мировоззрение, понимаемое как фундаментальный уровень духовного бытия человека и социума, определяет самопонимание соответствующего субъекта, задает стратегию его жизни и деятельности.

Для выражения высокой значимости мировоззрения в жизни человека и общества мы ввели в своих предшествующих исследованиях понятие «мировоззренческий детерминизм»¹. Это понятие введено для того, чтобы подчеркнуть фундаментальную роль, которую мировоззрение (личности, социальной группы, сообщества в целом) играет в общественной и частной жизни человека. С помощью этого понятия фиксируется тот существенный факт, что образ жизни некоторого социального субъекта в значительной мере определяется мировоззрением данного субъекта. Разумеется, не следует отождествлять мировоззренческий детерминизм с «диктатурой мирозозерцания» [1], с навязыванием индивиду обществом или социальной группой того или иного мировоззрения, которое в свою очередь предопределяет жизнь этого индивида. Можно сказать, что «диктатура мирозозерцания» – это частное и, так сказать, негативное проявление мировоззренческого детерминизма.

Поясняя сущность мировоззренческого детерминизма, можно выдвинуть предположение, согласно

¹ См. об этом подробнее в кн.: Финогентов В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М., 2009, С. 97-111.

которому возрастание роли мировоззренческой детерминации в общем спектре детерминации поведения и деятельности людей было бы продвижением к более свободному и аутентичному образу жизни этих людей. Это предположение находится в полном соответствии с отстаиваемым нами пониманием мировоззрения как фундаментального уровня духовного бытия человека. Вновь подчеркнем, что мировоззрение – это ядро духовного бытия человека. Поэтому возрастание роли мировоззренческой детерминации в жизни человека означает возрастание доли самодетерминации в жизни этого человека. Но самодетерминация человека – это и есть его свобода.

В свете сказанного можно утверждать, что возрастание роли мировоззренческой детерминации в поведении и деятельности человека означало бы продвижение этого человека от «неподлинного» бытия к «подлинному» бытию. Иначе говоря, подлинное бытие человека – это бытие, которое характеризуется доминированием мировоззренческой детерминации. Можно сказать также, что подлинное бытие человека – это его самобытие; это бытие, в котором поступки, действия человека определяются им самим, его самостью. Подлинное бытие, очевидно, – это бытие свободы и ответственности человека. Понятно, что «неподлинное» бытие человека понимается здесь как обусловленное другими (немировоззренческими) детерминациями, которых в жизни человека огромное количество.

Осмысливая значимость феномена мировоззрения для жизни современного общества, следует принять во внимание то фундаментальное обстоятельство, что мы живем в эпоху интенсивных и многообразных контактов субъектов различных мировоззрений. Мы живем в эпоху мировоззренческих поисков, мировоззренческих дискуссий² и, увы, в эпоху острых мировоззренческих конфликтов. Субъекты различных мировоззрений в наши дни особенно остро конкурируют друг с другом, используя в этой конкурентной борьбе самые различные методы и формы. Очевидно, что от того, какие именно мировоззренческие образования возьмут верх в этой борьбе, в значительной мере зависит будущее человечества. В связи с этим поистине судьбоносное значение приобретает вопрос, какие из ныне существующих или еще только формирующихся мировоззрений могут эффективно помочь человечеству справиться с драматическими вызовами, с которыми человечество столкнулось на современном этапе своего развития? Этот вопрос можно сформулировать иначе, а именно: с какими мировоззрениями современное человечество может связывать надежды на осуществление достойного будущего? И, соответственно: какие мировоззрения в наши дни стоит отстаивать и защищать, в каком направлении эти мировоззрения необходимо развивать?

Для ответа на эти вопросы необходимо, на наш взгляд, решить задачу выделения из всего множества

2 См. об этом подробнее в статье: Финогентов В.Н., Кононова Е.С. О необходимости мировоззренческих дискуссий: современный контекст / Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2013, № 1 (51), с. 166-174.

упомянутых «вызовов современности» таких из них, которые могут быть определены как основные, которые определяют, так сказать, траекторию нынешнего развития человечества. Решить эту задачу можно попытаться, осуществив процедуру генерализации много-различных «вызовов современности».

К вызовам такого рода, несомненно, относится необычайное обострение комплекса взаимосвязанных глобальных проблем. Это обострение глобальных проблем и непрерывное умножение их количества является своего рода концентратом негативной стороны постоянно ускоряющегося процесса глобализации. В теснейшей связи с обострением глобальных проблем находится вызов, порожденный все ускоряющимся развитием технауки. По нашему глубокому убеждению, это развитие приобрело в последние десятилетия характер настоящей «технологической гонки». Эта гонка подчиняет своей логике развитие других секторов социокультурной системы, диктует им правила игры. Результаты такой гонки трудно предсказуемы. Однако, вероятнее всего, ее продолжение приведет к вытеснению человека в его сегодняшнем виде и, следовательно, приведет либо к смене субъекта социального развития, либо к гибели земной цивилизации³. К серьезнейшим вызовам современности, несомненно, относится также характерное для нынешнего этапа развития человечества преобладание массового образа жизни и массовой культуры. Такой образ жизни и такая культура стремительно разрушают последние бастионы традиционного образа жизни народов и многообразные формы национальных культур. Массовый образ жизни и массовая культура предельно упрощают культуру и унифицируют жизнь самых различных этнополитических общностей. Многие вызовы современности, несомненно, связаны со вступлением человечества в эпоху информационного общества.

Упомянутая процедура генерализации вызовов современности, как нам представляется, поможет, во-первых, более отчетливо понять сущность самих этих вызовов и, во-вторых, в краткой и обобщенной форме сформулировать важнейшие из них. Кроме того, такая генерализация позволит, как уже сказано, определить: мировоззрения какого типа способны помочь человечеству адекватно отреагировать на эти вызовы и, может быть, в перспективе справиться с ними. Несколько забегая вперед, можно сказать, что такая генерализация позволит высказать и обосновать идею, согласно которой справиться с многообразными вызовами современности можно, с одной стороны, опираясь на создаваемые ныне мировоззрения, характеризующиеся определенной формой рациональности, с другой стороны, избрав стратегию рационализации ныне доминирующих мировоззрений.

Не имея возможности демонстрировать здесь все этапы генерализации многообразных вызовов совре-

3 Об опасностях продолжения неконтролируемой «технологической гонки» подробнее см. в работе: Финогентов В.Н. «О сокращении длительности социокультурного настоящего и антропологических пределах «технологической гонки» // Философия в эпоху глобализации. Орел, 2013. С. 16-29.

менности, зафиксируем основные результаты этой процедуры. Итак, более детальный анализ указанных вызовов показывает, что их «концентрат» может быть представлен в виде двух пунктов.

1. **Человечество продолжает двигаться по пути преимущественно стихийного развития.** Именно такое – преимущественно стихийное – развитие катастрофически обостряет комплекс «питающих друг друга» глобальных проблем. Это обострение угрожает человечеству скорой гибелью в результате нарастания экологического кризиса, истощения продовольственных ресурсов, перенаселения Земли, обострения противоречий между «богатым Севером» и «бедным Югом». Не менее губительны для человечества последствия, по сути, неконтролируемой человеком, все более ускоряющейся «технологической гонки» и т.д. Ниже мы еще вернемся к обсуждению особенностей «преимущественно стихийного» развития человечества. Сейчас в предварительном плане отметим только, что «преимущественно» стихийное развитие человечества характеризуется отсутствием стратегии развития, а также отсутствием расчетов последствий крупномасштабных действий, совершаемых различными социальными субъектами. Можно сказать, что «преимущественно стихийное» развитие человечества – это развитие в надежде «на авось», в надежде на то, что все «само собой образуется». Можно сказать также, что «преимущественно стихийное» развитие – это развитие человечества, которое еще не стало целостным и сознательным субъектом своего развития.

2. **Человечество переживает острейший ценностно-смысловой кризис.** Этот кризис проявляется в самых различных сферах культуры: в деградации общественной морали и искусства, в эрозии традиционных ценностей и способов их обоснования, в деформации иерархии ценностей, в смешении целей и средств человеческой деятельности. Этот кризис проявляется также в размывании границ между различными секторами духовной культуры (искусство, наука, нравственность и др.), в потере их определенности, в духовной усталости человечества и понижении его воли к жизни. Все это выражается в нынешнем мировоззренческом хаосе, характерном для гигантских человеческих масс, в чрезвычайном обострении проблемы цели и смысла жизни человека, в лавинообразном распространении эсхатологических настроений и т.п.

Как видим, первый из указанных пунктов фиксирует нарастающую угрозу самому физическому существованию человечества. Самое главное при этом заключается в том, что эта угроза носит не внешний характер, а внутренний характер. То есть речь в данном случае идет не об угрозе существованию человечества со стороны различного рода природных, космических катастроф: извержения супервулканов, столкновение нашей планеты с астероидом, губительные космические излучения и т.п. Такие катастрофы всегда угрожали человечеству. Их вероятность всегда была и будет ненулевой. Речь у нас идет об угрозе бытию человечества, порожденной стихийностью развития самого челове-

ства. Речь идет, таким образом, об угрозе самоуничтожения человечества. Так, например, вследствие своей недостаточной разумности человечество, даже не заметив этого, может пересечь ту или иную «запретную черту», после чего начнутся стремительные и необратимые изменения в направлении его деградации. Это может быть в частности черта, отделяющая допустимые значения концентрации парниковых газов в атмосфере Земли от недопустимо высоких их концентраций. Это может быть также черта, отделяющая допустимые скорости и направления технологического развития от таких ее скоростей и направлений, которые несовместимы с природой человека.

Соответственно второй пункт, выражающий результат генерализации многообразных вызовов современности, фиксирует нарастающую угрозу духовному бытию человека и человечества. К великому сожалению, в особенно ярких формах указанный выше ценностно-смысловой кризис заявляет о себе в современной России. Под громкие разговоры властей и средств массовой информации о возрождении России и о религиозном ренессансе российского общества в нем продолжается понижение уровня общественной нравственности, пышным цветом расцветает правовой нигилизм, на протяжении многих лет деградирует система образования. Российская наука давно уже теснится паранаукой и псевдонаукой, а российское искусство – различного рода шоу.

Здесь мы должны обратить внимание читателя на взаимную связь и даже взаимную детерминацию характеристик, зафиксированных в только что сформулированных пунктах. Действительно, с одной стороны, нынешний глубочайший ценностно-смысловой (мировоззренческий) кризис является своеобразным отражением истощения человечеством возможностей преимущественно стихийного развития. По сути, этот кризис является формой осмысления и переживания того фундаментального факта, что человечество приближается в наши дни к особой (возможно, финальной) точке своего развития. С другой стороны, сегодняшний ценностно-смысловой кризис мощно подпитывает именно стихийную составляющую социокультурного развития и, следовательно, мощно влечет человечество к деградации и самоуничтожению. Так что речь в обсуждаемых пунктах идет, можно сказать, о двух сторонах системного социокультурного кризиса, в котором пребывает сегодня человечество.

Теперь, на наш взгляд, можно более определенно сформулировать требования, которым должны удовлетворять мировоззрения, современные в категориальном смысле этого слова. Мировоззрениями такого рода, в соответствии со сказанным, являются мировоззрения, адекватные вызовам современности⁴. Иначе говоря, в таких мировоззрениях, во-первых, должна отчетливо осознаваться и фиксироваться смертельная опасность продолжения преимущественно стихийного развития

4 См. об этом подробнее в кн.: Финогентов В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М., 2009. С. 281-298.

человечества. Во-вторых, в них должны быть разработаны хотя бы в самых общих чертах сценарии выхода из тупика преимущественно стихийного развития человечества. В-третьих, такие мировоззрения должны предложить человеку (человечеству) достойные, реалистичные (то есть, соответствующие природе человека и особенностям нынешнего этапа развития общества) и достаточно привлекательные смысловые и ценностные ориентиры.

Понятно, что сформулированные требования не образуют алгоритма, с помощью которого можно было бы построить одно «единственно истинное» и, так сказать, спасительное мировоззрение. Но это, как нам представляется, не недостаток, а неоспоримое достоинство предлагаемого подхода. Дело в том, что, по нашему глубокому убеждению, построение такого – «единственно истинного» мировоззрения – просто невозможно. Оно – построение «единственно истинного» мировоззрения – несовместимо с многообразием культур и с разнообразием типов личности. Соответственно стремление к созданию такого мировоззрения должно быть охарактеризовано как теоретически неверное и методологически порочное. А практическое навязывание «единственно истинного» мировоззрения человечеству должно быть охарактеризовано как вариант своего рода глобального мировоззренческого тоталитаризма, как вариант глобальной «диктатуры мирозерцания». Таким образом, мы приходим к выводу, в соответствии с которым указанные выше требования определяют не одно мировоззрение, а целый класс мировоззрений. Понятно, что мировоззрения, входящие в этот класс, класс современных в категориальном смысле этого слова мировоззрений, весьма специфичны, поскольку сформулированные нами требования являются достаточно строгими.

Первая и главная особенность этих мировоззрений состоит в их рациональности, понимаемой определенным образом. А именно: рациональность таких мировоззрений определяется тем, что в них основополагающую роль играет принцип, согласно которому главным регулятором общественной и частной жизни человека должен быть нравственно-правовой разум⁵.

Рассмотрим, насколько справедливы упреки такого рода.

Прежде всего, необходимо сказать о мнимой реакционности отстаиваемого здесь подхода. Упреки в реакционности предлагаемого нами варианта рационализма могут основываться в частности на том, что история человечества знает немало трагических сюжетов, связанных с попытками построить общество на началах разума. Вспомним, например, советскую эпоху, когда государство и правящая партия провозглашали моральность и разумность основными принципами своей деятельности, а в действительности осуществили, можно сказать, царство зла и неразумия. Учитывая уроки истории такого рода, казалось бы, следует критически отно-

⁵ См. об этом подробнее: Финогентов В.Н. Онтологический статус и методологическое значение понятия «социальный регулятор» // *Философская жизнь Урала. Проблемы общей и социальной онтологии*. Екатеринбург. 1999. С. 111-122.

ситься к регулятивным возможностям нравственности и разума и соответственно к концепции ноосферного будущего человечества⁶. Но мы уверены, что критическая оценка возможностей разума в качестве регулятора общественной жизни не должна перерасти в пренебрежительное и тем более во враждебное отношение к разуму. Давно уже сказано, что «сон разума порождает чудовищ». Эта широко известная истина, увы, также множество раз подтверждалась историей человечества. Она продолжает «весомо, грубо, зримо» подтверждаться и в наши дни.

Мы уже писали, что вероятность превращения нравственно-правового разума в главный регулятор общественной и индивидуальной жизни человека исключительно мала. Но альтернативой этого превращения, несомненно, является только деградация и гибель человечества. Поэтому необходимо сделать все для того, чтобы такое превращение осуществилось. Разумеется, становление новой главной формы регулирования социальной жизни должно происходить не через разрушение других форм: рынка, традиций и т. д., как это представляли и представляют революционно настроенные авторы. Это становление должно происходить поэтапно, через постепенное ограничение сфер действия традиций, рынка и насилия, через постоянную корректировку их с позиций нравственно-правового разума. Несомненно, возможности нравственно-правового разума ограничены и в каждый данный момент истории, и в принципе. Но его ограниченность – это, по сути, ограниченность самого человека.

Теперь кратко рассмотрим кажущуюся наивность предлагаемой здесь формы рационализма. Упреки в наивности защищаемой нами позиции основываются на убеждении, согласно которому жизнь человека и общества просто не может быть полностью рационализирована. Но мы и не пытаемся оспаривать это убеждение. Мы с ним вполне солидарны. Давно и совершенно справедливо сказано, что «жизнь не делится на разум без остатка». Вообще, «действительность не делится на разум без остатка». Мы не рассчитываем на, так сказать, «чистый разум». Мы не отождествляем рациональность с примитивной калькулирующей рациональностью. Принципиально важно наше указание на фундаментальную по отношению к разуму роль нравственности и права. Отстаиваемый нами рационализм, разумеется, очень далек от панлогизма. Предлагаемый нами рационализм – это, так сказать, умеренный и критический рационализм.

Эту умеренность и скромность можно проиллюстрировать, например, обсуждая с позиций такого рационализма формулировку, «история человечества есть творческий (инновационный) процесс»⁷. В ходе этого обсуждения констатируется, что творческий процесс никогда не бывает полностью подконтролен разуму,

⁶ Под ноосферным будущим человечества мы имеем в виду такую стадию в развитии общества, когда главным регулятором социокультурной жизни станет именно нравственно-правовой разум.

⁷ См. об этом подробнее в книге: Финогентов В.Н. *Трагический гуманизм: очерки онтологические, антропологические и аксиологические*. Орел. 2012. С. 299-317.

что излишне «зарегулированный», алгоритмизированный процесс не может быть инновационным. Далее подчеркивается, что в любом виде творчества всегда в большей или меньшей степени присутствует бессознательное, стихийное начало. Иначе говоря, каждый акт творчества предполагает импульсы бессознательного, каждый инновационный процесс содержит стихийную составляющую. Это обстоятельство убедительно продемонстрировано исследователями применительно к самым разным сферам творчества, применительно к различным видам инновационных процессов. Речь идет в частности об исследованиях в области психологии творчества, а также об изучении разнообразных процессов самоорганизации (синергетика). На наш взгляд, необходимость бессознательного начала для творчества и соответственно наличие нерегулируемой составляющей в любом инновационном процессе, в том числе в процессе развития человечества, может рассматриваться не только как «эмпирическое обобщение», но и как закон творческой деятельности.

Под этот закон можно подвести достаточно надежный онтологический фундамент. В качестве такового способна выступать представленная в моих предшествующих публикациях трехуровневая модель бытия универсума⁸. С помощью этой модели можно показать, в частности, что специфическим основанием существования случайности, свободы и творчества является всюду присутствующий уровень бытия бесконечного как такового, одной из двух ипостасей которого является абсолютная хаотичность. Именно повсеместность хаоса и дает возможность универсуму осуществлять названные феномены. Дело в том, что присутствие хаоса тождественно наличию спонтанности, разрывающей причинно-следственные связи и являющейся «зародышем» случайности и (в возможности) творчества. Своеобразным воплощением уровня бесконечного как такового в духовном мире человека является сфера бессознательного. Бессознательное здесь выступает в роли духовного хаоса, необходимого для осуществления творческой деятельности. Таким образом, если принять тезис, согласно которому любой акт творчества содержит элементы бессознательного, и согласиться с тем, что история есть творчество, то следует признать, что история никогда не бывает (не будет) полностью подконтрольна разуму, что в ней всегда есть (и будет) более или менее весомый компонент бессознательного и стихийного.

Этот вывод настраивает на однозначно критическое отношение к мировоззренческим системам, обещающим человеку будущий «скачок из царства необходимости в царство свободы», сулящим человечеству переход в беспроблемную, гармоничную, планомерно организованную жизнь с абсолютно «прозрачными» и рациональными общественными отношениями. Этот вывод противоречит также тем историософским концепциям, которые утверждают, что история есть саморазвертывание разума, осуществление идеи, прикладная логика и т.п. Иррациональное и сти-

хийное в истории, в соответствии с этим выводом, не есть только внешнее, поверхностное, за которым, как полагал, к примеру, Гегель, скрыт разум, использующий страсти и желания людей для достижения своих целей, для осуществления своего плана. Если всерьез принять вывод, к которому мы пришли, то с Гегелем и его единомышленниками согласиться нельзя. Ибо, в соответствии с этим выводом, иррациональное, стихийное, это сущностный компонент истории, так как без него история не была бы историей (не была бы творческим процессом). Далеко не случайно, что у Гегеля всемирная история, будучи «разумным, необходимым обнаружением мирового духа», как раз и не является творческим процессом, поскольку итог мировой истории, по Гегелю, в сущности, тождествен ее началу.

Подчеркивание значимости и невозможности исключения вклада бессознательного в осуществление исторического процесса и, соответственно, существенности стихийной составляющей этого процесса не следует рассматривать в качестве призыва стимулировать в человеке бессознательное начало и прилагать усилия для сохранения и приумножения стихийной составляющей социальной эволюции. Напротив, по нашему убеждению, культура – это результат, прежде всего, «высвечивания» и освоения разумом тех или иных «секторов» бессознательного и стихийного в индивидуальной и общественной жизни. Мы не сомневаемся в том, что достойное человека разумное будущее также возможно только через дальнейшее ограничение и освоение разных уровней и форм бессознательного и стихийного. Как уже сказано, мы отстаиваем позицию, согласно которой продолжение достойной человека истории возможно только в том случае, если роль главного регулятора общественной жизни будет играть нравственно-правовой разум. Поэтому сделанный здесь вывод совсем не есть апология и прославление бессознательного и стихийного в человеке и в истории. Этот вывод, можно сказать, является констатирующим: бессознательное начало в человеке и стихийная компонента исторического процесса неистребимы точно так же, как в универсуме неистребим хаос. Их (хаос, бессознательное в человеке, стихийная составляющая исторического процесса) надо стремиться держать под контролем нравственно-правового разума, их проявления следует минимизировать. Но элиминировать, уничтожить их полностью невозможно. Решение именно этой, совершенно неотложной, задачи минимизации стихийной составляющей в развитии человечества может быть достигнуто на пути распространения определенного типа рационалистических мировоззрений, на пути превращения нравственно-правового разума в главный социальный регулятор.

Императив рационализации мировоззрений, на наш взгляд, имеет еще одну важную для наших дней проекцию. Речь идет о диктуемой реалиями эпохи глобализации необходимости рационализации многих широко распространенных ныне мировоззрений. Прежде всего, тех мировоззрений, которые в данный момент весьма далеки от рассмотренного типа рациональности. Без последовательной и многошаговой рационализации

8 См. в частности книги: Финогентов В.Н. Время, бытие, человек. Уфа. 1992; Финогентов В.Н. И ропщет мыслящий тростник. Уфа. 2000.

эти мировоззрения не могут, как нам представляется, претендовать на звание современных мировоззрений. Многие из них уже сейчас должны быть охарактеризованы как архаичные мировоззренческие образования. Мы имеем в виду, прежде всего, различные варианты мифологического мировоззрения, а также различные виды религиозного мировоззрения. Стоит подчеркнуть, впрочем, что в рациональной реконструкции нуждаются, на наш взгляд, и многие формы философского мировоззрения, представленные в современном духовном пространстве. Дело в том, что многие из этих мировоззрений неотчетливы, смутны, нередко содержат в себе противоречащие друг другу фрагменты и т.п. Если они будут и далее уклоняться от рационализации, то степень их неадекватности вызовам современности будет стремительно нарастать. Поскольку мировоззрения, как уже подчеркивалось, в значительной мере определяют характер деятельности и поступков их субъектов, постольку нарастающая степень неадекватности указанных мировоззрений драматическим вызовам современности приведет к тому, что деятельность и поступки их субъектов будут приобретать все более архаичный и даже откровенно опасный для человечества характер.

Здесь речь идет в частности об органической неспособности субъектов многих нынешних мировоззрений к осуществлению мировоззренческих дискуссий, которые, несомненно, являются важнейшим способом минимизации предвзятости и враждебности во взаимоотношениях субъектов различных мировоззрений. Прежде всего, мы имеем здесь в виду представителей так называемых фундаменталистских мировоззрений, то есть мировоззрений, утверждающих возможность окончательного, полного и позитивного решения мировоззренческих проблем, в частности проблем онтологических, гносеологических, аксиологических и т.п. Другими словами, такие мировоззрения утверждают, что человек (человечество) в принципе способен достичь Истины, приобщиться к Абсолюту, соединиться с Богом. Фундаменталистскими мировоззрениями являются в первую очередь религиозные и квазирелигиозные, в частности утопические, мировоззрения. Для субъектов таких мировоззрений их основополагающие идеалы, верования и убеждения сомнению и критике не подлежат. Понятно, что с такими субъектами, скорее всего, осуществить плодотворную мировоззренческую дискуссию не получится. Для таких субъектов изначально очевидно абсолютное превосходство их мировоззрений по отношению к мировоззрению оппонентов. Такая позиция, в свою очередь, неизбежно ведет к предвзятости и враждебности во взаимоотношениях субъектов различных мировоззрений. В наше время, в эпоху глобализации такая позиция, несомненно, представляет собой серьезнейшую угрозу самому существованию человечества⁹.

В свою очередь, проблема рационализации мировоз-

зрения, несомненно, требует отдельного рассмотрения и детальной проработки. На данной – предварительной – стадии обсуждения проблемы отметим, что эта процедура предполагает, во-первых, отчетливое структурирование мировоззрения, то есть выделение разного рода ее составляющих (подсистем, уровней и т.п.), а также прояснение особенностей связей между этими составляющими, а также определение их функционального назначения. Во-вторых, процедура рационализации мировоззрения предполагает выявление и отчетливую формулировку ключевых проблем, входящих в те или иные составляющие анализируемого мировоззрения, а также выявление и отчетливую формулировку попыток решения этих проблем, содержащихся в интересующем нас мировоззрении. В-третьих, данная процедура предполагает выявление возможных несоответствий и противоречий между самыми различными элементами рассматриваемого мировоззрения. Как видим, процедура рационализации является весьма непростой и требует для своего осуществления деликатного подхода. Но, думается, без осуществления этой процедуры ни сравнить друг с другом разные мировоззрения, ни более или менее объективно оценить некоторое мировоззрение на предмет его современности и истинности невозможно.

С другой стороны, ясно, что осуществление рационализации некоторого мировоззрения может быть оценено его субъектами как своего рода насилие над этим мировоззрением, как искажение и деформация этого мировоззрения. Действительно, не вызывает сомнений тот факт, что мировоззрение до рационализации и «то же самое» мировоззрение после его рационализации не тождественны друг другу. Причем, по всей видимости, различия между рационализированным мировоззрением и мировоззрением исходным (первичным) могут быть значительными. Тогда, очевидно, что вывод о современности или несовременности, об истинности или неистинности рационализированного мировоззрения лишь опосредованно характеризует «первичное» (нерационализированное) мировоззрение.

Здесь следует поразмышлять над вопросом: кого может страшить процедура рационализации мировоззрения? Не входя в детали, на этот вопрос можно ответить следующим образом. Данная процедура может страшить, во-первых, так сказать, «наивных», то есть нерелексирующих носителей соответствующего мировоззрения. Такие носители тем или иным образом получают (заимствуют) свое мировоззрение в готовом виде. Вспомним здесь упомянутый выше термин «диктатура мирозозерцания», введенный Н.А. Бердяевым. В данном случае мы имеем дело именно с диктатурой некоторого мировоззрения по отношению к субъектам такого рода. Эти «носители» не желают и не умеют мыслить на мировоззренческом уровне. Их мировоззрение им привычно, они с ним сжились. Точнее говоря, такое мировоззрение должно быть обозначено терминами «мироощущение», «мировосприятие». В нем доминируют эмоциональные, чувственно-образные составляющие. Такие носители смутно догадываются, что процедура рациональной реконструкции может

⁹ См. об этом подробнее в статье: Финогентов В.Н., Кононова Е.С. О необходимости мировоззренческих дискуссий: современный контекст // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2013, № 1 (51), С. 166-174.

нарушить их «мировоззренческую дрему», поэтому они, так или иначе, препятствуют ее осуществлению. Во-вторых, данная процедура может пугать, так сказать, «корыстных» субъектов соответствующего мировоззрения. Эти субъекты и сами догадываются или даже отчетливо осознают, что защищаемое ими мировоззрение внутренне противоречиво, неполно, архаично и т.п., но по тем или иным причинам (личным или социальным) продолжают его отстаивать. Они понимают, что процедура рациональной реконструкции выявит и отчетливо продемонстрирует несообразности их мировоззрения, поэтому яростно противодействуют осуществлению данной процедуры. Более того, нередко субъекты такого рода в некотором смысле даже бравируют нерациональностью (иррациональностью) своего мировоззрения. Они полагают, что любой вариант рационализованного мировоззрения является примитивной, «приземленной» формой духовной жизни. Так, например, Л. Шестов открыто называл себя «мисологосом» («ненавистником разума») и указывал в своих работах немало своих предшественников в этом плане (Тертуллиан, М. Лютер, Б. Паскаль и др.). Глубинной основой мировоззренческой позиции этих «ненавистников разума» является то, что разум (и нравственность) не помогут человеку обрести бессмертие и «спасти душу»[2]. Именно поэтому они исповедуют иррационалистические мировоззрения, возлагающие все надежды на Бога, для которого «все возможно».

Вернемся к проблеме рационализации мировоззрений. Более детальный процесс рационализации различных форм мировоззрения показывает, что в реконструированном мировоззрении обязательно и существенно будет присутствовать мировоззрение и методология того исследователя, который осуществлял эту реконструкцию. Другими словами, возможны различные рациональные реконструкции исходного мировоззрения. На наш взгляд, сама постановка проблемы рациональной реконструкции мировоззрения указывает на то, что наиболее успешно такую реконструкцию можно осуществлять на основе именно философского мировоззрения, поскольку философия в большинстве своих проявлений гораздо более рациональна, сравнительно с иными типами мировоззрения.

Любопытно, что при этом возможны своего рода итерации: неоднократные повторения процедур рационализации мировоззрения. Осуществление такого процесса будет делать исходное мировоззрение все более рациональным, будет все более приближать его структуру и характер к структуре и характеру философского мировоззрения, главной особенностью которого большинство исследователей считает его рациональность. В наших

работах отстаивается даже более сильное утверждение, согласно которому философия является максимально рационализованной формой мировоззрения¹⁰.

В связи со сказанным интересным и естественным представляется предположение о том, что становление философии (и как социокультурного феномена, и как формы персонального мировоззрения) может рассматриваться как результат осуществления множества последовательных рационализаций различных «исходных» мировоззрений. Несомненно, что особенности результата рационализации мировоззрения, с одной стороны, зависят от характеристик исходного («первичного») мировоззрения. С другой стороны, особенности этого результата в значительной мере зависят от специфики осуществляемых неоднократно процедур рационализации этого исходного мировоззрения. Наконец, они зависят от того, насколько настойчиво и последовательно осуществляется процедура рационализации. Можно сказать, что если данная процедура будет осуществляться достаточно настойчиво и последовательно, то в итоге мы обязательно придем к некоему варианту философского мировоззрения. Понимание особенностей результата рационализации некоторого мировоззрения, конечно, требует детального осмысления всех указанных моментов.

Таким образом, мы вновь приходим к выводу, что вызовам современной эпохи в наибольшей мере соответствуют именно философские мировоззренческие образования. Впрочем, этот вывод далеко не нов. Мы уже достаточно давно его сформулировали¹¹. Более того, в только что указанной работе показано, что современными в категориальном смысле этого слова являются не какие угодно философские мировоззрения, а философские мировоззрения, выстроенные на основе определенных принципов. А именно: кроме кратко рассмотренного выше принципа рационализма таким мировоззрениям свойственны принцип инфинитизма и принцип гуманизма. Принцип инфинитизма, утверждающий многообразную бесконечность, неисчерпаемость универсума, фундирует онтологические и гносеологические составляющие таких мировоззрений. Соответственно, принцип гуманизма лежит в основе их аксиологической составляющей. Одним из вариантов мировоззрения такого рода является разрабатываемый нами на протяжении многих лет трагический гуманизм¹².

¹⁰ См. об этом в частности в кн.: Финогентов В.Н. Религиозный ренессанс или философия гуманизма? Мировоззренческий выбор современной культуры. М., 2009. С. 57-83.

¹¹ См. об этом там же, С. 281-298.

¹² См. об этом подробнее в книге: Финогентов В.Н. «Трагический гуманизм: Очерки онтологические, антропологические и аксиологические». Орел, 2012.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Судьба человека в современном мире. Русская идея. М., СПб., 2005. С. 501.
2. Шестов Л. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: 1993. С. 303.

References

1. Berdyaev N.A. Man's fate in the modern world. Russkaya idea. M., Spb., 2005. P. 501.
2. Shestov L. Collection of works in two volumes. Vol. 2. M.: 1993. P. 303.

УДК 93:1(091)

UDC 93:1(091)

В.В. ЯКОВЛЕВ

кандидат культурологии, доцент, кафедра археологии, истории Древнего мира и Средних веков, Институт истории и политических наук, Тюменский государственный университет
E-mail: v-yakovlev@yandex.ru

V.V. YAKOVLEV

Candidate of Culturology, Associate Professor, Department of Archaeology, Ancient History and Middle Ages, Institute of History and Political Science, Tyumen State University
E-mail: v-yakovlev@yandex.ru

**ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ Т. ГОББСА И ДЖ. ЛОККА
В СОВЕТСКОЙ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 70-Х – 80-Х ГГ. XX В.**

**CHARACTERISTICS OF RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL VIEWS OF T. HOBBS AND J. LOCKE
IN THE SOVIET SCIENTIFIC-EDUCATIONAL HISTORIOGRAPHY OF 70-ES – 80-ES OF THE XX CENTURY**

Автором проведён обзор характеристик религиозно-философских взглядов Гоббса и Локка, данных ведущими советскими специалистами Г. А. Заиченко, Б. В. Мееровским, И. С. Нарским и В. В. Соколовым. Показано, что, несмотря на известный идеологический контекст, эти характеристики были взвешенными и конструктивными.

Ключевые слова: Т. Гоббс, Дж. Локк, советские историки философии.

The author carried out the review of characteristics of religious-philosophical views of Hobbes and Locke given by leading Soviet experts – G. A. Zaichenko, B. V. Meerovsky, I. S. Narsky and V. V. Sokolov. It is shown that, despite a known ideological context, these characteristics were weighed and constructive.

Keywords: T. Hobbes, J. Locke, Soviet historians of philosophy.

Важное место в отечественной историографии религиозно-философских взглядов Т. Гоббса и Дж. Локка занимают монографии серии «Мыслители прошлого» и вузовские учебные пособия, созданные в 70-х-80-х гг. XX в. видными советскими учёными и вузовскими преподавателями Г. А. Заиченко [2], Б.В. Мееровским [3], И. С. Нарским [4] и В. В. Соколовым [8]. За последние годы в среде российских специалистов наметилась тенденция к осмыслению творческого и идейного наследия этих советских историков и популяризаторов философии [1; 5, с. 83 [о Заиченко]; 6; 7, с. 175 [о Мееровском]]. Однако принадлежащие им и содержащиеся в указанной литературе характеристики религиозно-философских взглядов Гоббса и Локка не становились пока предметом специального анализа отечественных исследователей. В целом, актуальность изучения данных характеристик обусловлена потребностью в проведении реконструкции традиций освещения религиозно-философских взглядов Гоббса и Локка, сформировавшихся в советской научно-просветительской историографии 70-х-80-х гг. XX в.

Цель статьи состоит в выявлении основных особенностей характеристик религиозно-философских взглядов Гоббса и Локка, данных Заиченко, Мееровским, Нарским и Соколовым в вышеназванных монографиях и учебных пособиях. Задача заключается в проведении обзора этих характеристик с использованием историко-типологического метода.

Религиозно-философские взгляды Гоббса изложены в учебном пособии И.С. Нарского. Нарский от-

метил, что Гоббсу были присущи весьма сложные религиозные воззрения [4, с. 181]. Для подтверждения этого Нарский дал небольшую историографическую справку. По оценкам Нарского, Л. А. Ческис считал, что лишь Гоббс из числа мыслителей XVII в. имел отчётливые атеистические воззрения [4, с. 181; ссылка на: 10, с. 130¹]. В.В. Соколов видел в Гоббсе деиста [4, с. 181; ссылка на: 9, с. 32]. Ф. Гуд² утверждал, что Гоббс «пытался компромиссно соединить христианство с механическим материализмом» [4, с. 181; ссылка на: 15, р. 8]. В. Гловер считал, что Гоббс соединял веру в Бога «с номиналистической эпистемологией» [4, с. 181; ссылка на: 14, р. 144, 149]. С. Минц полагал, что современным исследователям не дано «точно определить позицию Гоббса в вопросах религии» [4, с. 181–182; ссылка на: 17, р. 44].

Нарский не отрицал, что религиозно-философские воззрения Гоббса, на первый взгляд, отличаются разительной противоречивостью. Например, Гоббс то говорил об отсутствии самой «идеи бога³», то признавал факт существования Бога, и т. д. Однако, несмотря на всё это, по убеждению Нарского, «позиция Гоббса строго материалистическая», и его следует причислять не к сочувствующим атеизму деистам, а к атеистам «в

¹ В пособии, вероятно, вследствие опечатки, дана ссылка на С. 170, хотя в монографии Ческиса всего 144 с.

² Здесь и далее русскоязычные транскрипции инициалов и фамилий зарубежных авторов даны в соответствии с образцами, приведёнными в цитируемых изданиях.

³ В рассматриваемых изданиях слово «Бог» везде начинается со строчной буквы.

полном смысле слова» [4, с. 182]. Об этом свидетельствуют, например, мысли Гоббса о понятиях «бестелесная субстанция», «дух», «сверхъестественный дух», приверженность Гоббса традиции метафорически-аллегорического истолкования Библии, свойственное Гоббсу понимание того, в каком смысле Бог является причиной «мира», и т. д. [4, с. 182–184].

Нарский полагал, что, руководствуясь политическими соображениями, Гоббс был вынужден критиковать атеизм, причисляя его, опираясь на опыт периода английской гражданской войны, к прочим источникам «анархии и безвластия в государстве» [4, с. 185]. Гоббс, как утверждал Нарский, советовал людям не обременять себя раздумьями «о религиозных вопросах» и следовать в сфере религии велениям государства. При этом Гоббс лично подал пример такой «гражданской дисциплины»: будучи «в душе атеистом», он выдавал себя за сторонника англиканского вероучения [4, с. 186].

Религиозно-философские взгляды Гоббса описаны в монографии Б.В. Мееровского. Мееровский констатировал, что Гоббс отвергал как утверждение, постулирующее божественную природу религии, так и тезис о непосредственном присутствии идеи Бога в человеческом сознании. Гоббс искал истоки религии в своеобразии качеств, присущих познанию, в чертах человеческой природы [3, с. 171]. По убеждению Мееровского, несмотря на то, что Гоббс был сторонником системы аргументации космологического доказательства бытия Бога, его едва ли следует причислять к христианским мыслителям [3, с. 173]. В этой связи Мееровский вступил в полемику с Ф. Худом, считавшим Гоббса именно «христианским мыслителем» и видевшем в нём «искренне» верующего христианина [15, р. VII, VIII; цит. по: 3, с. 173–174]. К таким выводам, по мнению Мееровского, можно прийти лишь в том случае, если не учитывать контекст рассуждений Гоббса о Боге, если отделить эти рассуждения «от его материалистических воззрений», если пренебречь важнейшей методологической установкой историко-философских исследований на конкретно-историческое рассмотрение миропонимания мыслителей [3, с. 173–174].

Мееровский признал, что он стремится раскрыть «антирелигиозную и антиклерикальную направленность» всех философских идей Гоббса. Согласно ремарке Мееровского, Гоббс рассуждал «о боге как первопричине всех вещей» в типично деистском стиле [3, с. 174]. Хотя Мееровский не отрицал также, что Гоббс использовал «телеологическое доказательство существования бога», выстраивал сложные размышления на данную тему. Мееровский даже отметил в этой связи, что если бы Гоббс не высказывал иных соображений, то его труды едва ли критиковались бы служителями церкви, и можно было бы согласиться с У. Гловером, считавшим, что причастность Гоббса к разработке доктрин атеизма нужно относить к легендам [3, с. 177–178; ссылка на: 14, р. 141].

Однако, атеистическими, по сути, являлись размышления Гоббса о Боге как о естественном теле [3, с. 179–180]. Анализируя значение таких библейских

понятий, как «дух», «ангел», «вдохновение», Гоббс, фактически, выступил с рационалистической критикой Священного Писания [3, с. 180–181]. Мееровский был склонен нивелировать значение выпадов Гоббса против атеизма и атеистов [3, с. 181]. Ведь Гоббс дошёл даже до отрицания сверхъестественного [3, с. 182]. Мееровский посетовал, что Гоббс был «далёк от атеизма» только при обсуждении социально-политического статуса и социальных функций религии [3, с. 183].

Религиозно-философские взгляды Гоббса изложены в учебном пособии В. В. Соколова. По мнению Соколова, применяя деистические принципы, Гоббс объявил «бога источником первоначального движения». Опираясь на деизм, Гоббс критиковал пантеистические представления. Вместе с тем, Соколов предлагал различать деизм Гоббса и Декарта. Гоббс отверг «онтологическое доказательство бытия бога» [8, с. 290], мыслил Бога вечно движущимся, тяготел к признанию телесности Бога. Всё это позволяло Соколову «считать этого механистического материалиста представителем и деистской формы материализма, на которую указывал Ф. Энгельс» [8, с. 291].

По убеждению Соколова, рассуждая о психологических корнях религии, Гоббс следовал «материалистической традиции», восходящей к античной культуре. Среди таковых Гоббс называл страх перед природой, любознательность, стремление возвести непонятные явления «к некоей единой внеприродной причине» [8, с. 302–303]. Гоббс относился к религии как к необходимому институту социального бытия, являющемуся основой морали и управления людьми. Как отметил Соколов, Гоббс считал невозможной естественную теологию и одновременно «в духе деизма» признавал факт существования естественной религии. Кроме того, Гоббс не отрицал необходимость «религиозно-церковных институтов», но последовательно критиковал церковь (в первую очередь католическую) за стремление доминировать над государственными институтами. Гоббс полагал, что церкви надлежит признать верховенство государства. Светские взгляды Гоббса на религию проявились и в произведённом им «рационалистическом анализе» ряда библейских фрагментов и сентенций. Соколов не забыл напомнить, что Гоббс-деист, тем не менее, «считал атеизм недомыслием» [8, с. 303].

Религиозно-философские взгляды Локка описаны в монографии Г.А. Заиченко. Заиченко весьма скептически оценивал суждения исследователя Р. Аарона, согласно которым Локк, рассматривая душу в качестве нематериальной субстанции, проявил себя как дуалист и приверженец идеи о наличии в природе «активной нематериальной субстанции и пассивной материальной субстанции» [11, р. 142; цит. по: 2, с. 38]. По мнению же Заиченко, в основе свойственного Локку «понимания мира» лежал материализм. Впрочем, учение Локка включало «определённые деистические и теологические моменты» [2, с. 39]. Например, Локк отчасти соглашался с рассуждениями Спинозы о материальности Бога, но и понимал, что признавая вечность пусть и персонифицированной «в боге» материи можно без за-

труднейшей перейти «к материализму как к атеизму». Локк же, по убеждению Заиченко, так и не отважился на то, чтобы стать атеистом [2, с. 40–41].

Истолковывая интуицию как самый достоверный вид «знания», Локк относился к ней как к фундаменту «для познания бытия бога». Совершая эту теологическую уступку, он противопоставлял интуицию – основу «для последующего доказательства существования бога сенситивному, наименее достоверному знанию единичных вещей» [2, с. 142–143]. Локк критиковал (развиваемое, например, Декартом) «онтологическое доказательство существования бога» и считал более приемлемым космологическое доказательство, которое приобрело у него «деистический характер» [2, с. 143].

По мнению Заиченко, для суждений Локка о церкви и религии характерна двойственность. Заиченко отметил, что Локк выступал за то, чтобы церковь и государство не вмешивались «в дела» друг друга. К самым разным религиям и верованиям, с точки зрения Локка, нужно проявлять широкую веротерпимость, которая, тем не менее, не должна распространяться на атеистов. Локк то делал «уступки теологии», демонстрируя лояльность к религиозному откровению, то, подобно социнианам, при обсуждении религиозных вопросов апеллировал к разуму [2, с. 171]. Судя по всему, Заиченко не сомневался в том, что мотивами именно социнианских радикально-рационалистических религиозных идей пронизан трактат Локка «Разумность христианства». При этом публичные попытки самого Локка дистанцироваться от социнианства заслуживают критического осмысления. Однако говорить о полном отречении Локка от англиканской церкви, как полагал Заиченко, тоже нельзя [2, с. 172].

Религиозно-философские взгляды Локка изложены в учебном пособии В. В. Соколова. По убеждению Соколова, деист Локк сузил «мистифицирующую сторону понятия бога». К этому понятию Локк обращался лишь тогда, когда объяснял первоначальное движение и исследующее его человеческое мышление. Соколов считал, что Локк был убежден в непознаваемости сущности Бога, а также не решался утвердительно говорить о «бестелесности или телесности бога» (всё-таки склоняясь к бестелесности в контексте исповедуемой им идеи о преобладании в Боге мыслящего начала). По мнению Соколова, Локк апеллировал как к равноправным сразу к нескольким аргументам «в пользу божественного бытия». Например, Локку импонировал деистский физико-теологический аргумент, фиксирующий тот факт, что «бытие бога» человеку свойственно познавать «демонстративно». Помимо этого, Локк отрицал «врожденность идеи бога» [8, с. 423], а также высказывал соображения, оправдывающие онтологический аргумент, используемый для доказательства существования Бога [8, с. 424].

Приверженность деизму, в интерпретации Соколова, заставляла Локка особо выделять «интеллектуализирующую сторону» в понятии Бога: Локк писал, что Богу

в отличие от духов-ангелов присуще абсолютное знание [8, с. 424]. Соколов не преминул также упомянуть и о том, что на религиозно-философские взгляды Локка оказали воздействие антиринитарные идеи «польских братьев». Рационалистическое толкование христианских доктрин, свойственное социнианам и деистам, нашло отражение в «Разумности христианства» Локка. Хотя это не мешало Локку считаться и с некоторыми теистическими положениями, согласно одному из которых, например, «всемогущество» «монотеистического бога» проявляется и в Его способности «творить и уничтожать материю». Но всё-таки, в понимании Соколова, Локк – «решительный антиклерикал», поборник строгого разграничения сфер государственной и церковной жизни, защитник «широкой веротерпимости» (действие принципов которой, впрочем, по убеждению Локка, не должны ощущать на себе атеисты) [8, с. 426].

Таким образом, проведенный обзор позволяет выявить следующие основные особенности характеристик религиозно-философских взглядов Гоббса и Локка, данных Заиченко, Мееровским, Нарским и Соколовым в соответствующих монографиях и учебных пособиях. Во-первых, эти характеристики имеют четкую структуру, представленную тремя главными историко-философскими сюжетами: 1) общие характеристики религиозно-философских взглядов Гоббса и Локка; 2) мысли Гоббса и Локка об атеизме, о религии и церкви; 3) мысли Гоббса и Локка о Боге, их аргументы в пользу существования Бога.

Во-вторых, были обнаружены как самостоятельность, так и взаимодополняемость рассмотренных характеристик внутри обозначенных сюжетов, а также подчиненность этих характеристик гипотезе об атеистической и материалистической природе религиозно-философских взглядов Гоббса и Локка. Причём последнее обстоятельство не мешало Заиченко, Нарскому, Мееровскому и Соколову на деле признавать факт истонной противоречивости религиозно-философских воззрений Гоббса и Локка, с наличием которого соглашались и многие современные западные историки философии [12; 13; 16; 18].

В-третьих, несмотря на научно-просветительский характер рассмотренных изданий, представленные в них характеристики религиозно-философских взглядов Гоббса и Локка были выполнены с привлечением значительного комплекса источников и, как правило, снабжались пусть и не большими, но весьма актуальными историографическими ремарками.

Всё вышеизложенное позволяет считать характеристики религиозно-философских взглядов Гоббса и Локка, выработанные в советской научно-просветительской историографии 70-х – 80-х гг. XX в., отвечавшими жанровому своеобразию учебно-методической и просветительской литературы и способствовавшими качественному ознакомлению с важнейшими аспектами религиозно-философских взглядов Гоббса и Локка.

Библиографический список

1. Антонов В. И. Философы XX века: Алексей Богомолов, Игорь Нарский, Лев Николаев. Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия 2012. №1. С. 100–119.
2. Заиченко Г. А. Джон Локк. М.: Мысль, 1973. 206 с.
3. Мееровский Б. В. Гоббс. М.: Мысль, 1975. 208 с.
4. Нарский И. С. Западноевропейская философия XVII века: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1974. 379 с.
5. Ойзерман Т. И. Советская философия в середине 40-х – начале 50-х годов: философский факультет МГУ. Человек 2007. № 3. С. 72–84.
6. Ответы (и комментарии) В. В. Соколова на вопросы журнала «Вопросы философии». // Вопросы философии 2009. № 11. С. 133–146.
7. Самсин А. И. Философия в Академии им. Г.В. Плеханова (к 100-летию ВУЗа). // Вопросы философии 2007. № 10. С. 171–177.
8. Соколов В. В. Европейская философия XV–XVII веков: учеб. пособие для филос. фак. ун-тов. М.: Высш. шк., 1984. 448 с.
9. Соколов В. В. Философская система Томаса Гоббса. В кн.: Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. М., 1964. Т. 1. Ред. и вступ. ст. В. В. Соколова: 5–41.
10. Ческис Л. А. Томас Гоббс: родоначальник современного материализма: (его жизнь и учение). М.: Красная новь: Главполитпросвет, 1924. 144 с.
11. Aaron R. I. John Locke / 2 nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1955. X, 323 p.
12. Condren C. Hobbes, the Scriblerians and the history of philosophy. London: Pickering & Chatto, 2012. VIII, 224 p.
13. Forde S. Locke, science and politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. VI, 263 p.
14. Glover W. B. God and Thomas Hobbes. In: Hobbes studies / ed. by K. C. Brown. Oxford: Basil Blackwell, 1965: 141–168.
15. Hood F. C. The divine politics of Thomas Hobbes: an interpretation of Leviathan. Oxford: Clarendon Press, 1964. XII, 263 p.
16. Lloyd S. A. Hobbes today: insights for the 21st century. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. XX, 336 p.
17. Mintz S. I. The hunting of Leviathan: seventeenth-century reactions to the materialism and moral philosophy of Thomas Hobbes. Cambridge: Cambridge University Press, 1962. X, 189 p.
18. Nuovo V. Christianity antiquity and enlightenment: interpretations of Locke. Dordrecht; London: Springer, 2011. XIX, 274 p.

References

1. Antonov V. I. Philosophers of the XX century: Alexey Bogomolov, Igor Narsky, Lev Nikolayev. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 7, Filosofia 2012; No 1. Pp. 100–119.
2. Zaichenko G. A. John Locke. M.: Mysl, 1973. 206 p.
3. Meerovsky B. V. Hobbes. M.: Mysl, 1975. 208 p.
4. Narsky I. S. West-European philosophy of XVII century: the manual. M.: Vysshaya shkola, 1974. 379 p.
5. Oyzerman T. I. Soviet philosophy in the middle of 40-th – early 50-th: the Philosophical faculty of Moscow State University. Chelovek 2007. No 3. Pp. 72–84.
6. Answers (and comments) of V.V. Sokolov to the questions of the magazine «Voprosy filosofii». Voprosy filosofii 2009; No 11. Pp. 133–146.
7. Samsin A. I. The philosophy in the Academy of a name of G. V. Plekhanov (to the 100 anniversary of the University). Voprosy filosofii 2007. No 10. Pp. 171–177.
8. Sokolov V. V. European philosophy of the XV–XVII centuries: a manual for philosophical faculties of universities. M.: Vysshaya shkola, 1984. 448 p.
9. Sokolov V. V. System of philosophy of Thomas Hobbes. In: Hobbes T. Selected works: in 2 vol. M., 1964. Vol. 1 / edition and introductory article of V. V. Sokolov. Pp. 5–41.
10. Cheskis L. A. Thomas Hobbes: ancestor of modern materialism: (his life and doctrine). M.: Krasnaya nov': Glavpolitprosvet, 1924. 144 p.
11. Aaron R. I. John Locke / 2 nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1955. X. 323 p.
12. Condren C. Hobbes, the Scriblerians and the history of philosophy. London: Pickering & Chatto, 2012. VIII. 224 p.
13. Forde S. Locke, science and politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. VI. 263 p.
14. Glover W. B. God and Thomas Hobbes. In: Hobbes studies / ed. by K. C. Brown. Oxford: Basil Blackwell, 1965. Pp. 141–168.
15. Hood F. C. The divine politics of Thomas Hobbes: an interpretation of Leviathan. Oxford: Clarendon Press, 1964. XII. 263 p.
16. Lloyd S. A. Hobbes today: insights for the 21st century. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. XX. 336 p.
17. Mintz S. I. The hunting of Leviathan: seventeenth-century reactions to the materialism and moral philosophy of Thomas Hobbes. Cambridge: Cambridge University Press, 1962. X. 189 p.
18. Nuovo V. Christianity antiquity and enlightenment: interpretations of Locke. Dordrecht; London: Springer, 2011. XIX, 274 p.

УДК 811.111'373.611

UDC 811.111'373.611

А.А. АЛЕШИНАаспирант, кафедра английской филологии, Орловский
государственный университет
E-mail: batie08@mail.ru**A.A. ALESHINA**Graduate student, Department of English Philology, Orel
State University
E-mail: batie08@mail.ru**КЛАССИФИКАЦИЯ ГОЛОФРАСТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА L. WEISBERGER «THE DEVIL WEARS PRADA»)****THE CLASSIFICATION OF HOLOPHRASTIC CONSTRUCTIONS IN THE ENGLISH LANGUAGE
(BASED ON THE NOVEL BY L. WEISBERGER «THE DEVIL WEARS PRADA»)**

В статье рассматривается такой способ словообразования, как голофрагиз: дается разносторонняя классификация голофрагистических конструкций с точки зрения графического оформления, структуры, по количеству конституирующих элементов, по степени мотивированности, по наличию аффиксального оформления, по синтаксической функции в предложении, по моделированности и по степени узуализации.

Ключевые слова: словообразовательный способ, голофрагиз, голофрагистическая конструкция.

Holophrasis as means of word-building is considered in the article: holophrastic constructions are classified from the point of view of their graphic form, structure, the number of components, the degree of motivation, the use of affixation, the syntactic function in the sentences, their structural pattern, and of how standardized their use may be.

Keywords: means of word-building, holophrasis, a holophrastic construction.

Как известно, в языке происходят непрерывные процессы, охватывающие все его уровни, в том числе и словообразование.

В настоящее время все более распространенными становятся способы английского словообразования, помогающие экономии речевых усилий. Подобные процессы в языке объясняются экстралингвистическими факторами, такими как ускорение темпов жизни, нехватка времени и рост эмоциональной напряженности в обществе, что в свою очередь требует сжатого и эмоционально экспрессивного выражения своих мыслей [2, 130-131].

Особое место среди них занимает голофрагиз. И хотя в последнее время ученые уделяют все больше внимания данному способу, однозначных выводов о его роли в системе словообразования не сделано, и, следовательно, его специфика требует дальнейшего уточнения.

В научной литературе до сих пор не существует единого термина для данного феномена. Подобные образования называют «фразовыми композитами», «поликомпонентными окказиональными образованиями синтаксического типа», «компрессивами» [5, 154], «сложными словами синтаксического типа», «метафорической транспозицией» [цит. по 5, 155]. В качестве рабочего мы возьмем широкое определение голофрагиза как слияния в одно слово словосочетания, предложения или нескольких предложений [см. 3, 21].

Кроме того, существует проблема определения языкового статуса данных образований, поскольку исследователи либо причисляют их к отдельной группе окказиональных или потенциальных слов [см., напр. 1, 31]

и классифицируют их по частям речи [см. напр., 5, 154-313], либо придают им статус словосочетаний. [4, 240].

В статье предпринимается попытка классификации голофрагистических конструкций в их текстовом функционировании. Общеизвестно, что наиболее представительным для такого анализа является художественный текст, представляющий разные стилистические пласты и отражающий как устоявшееся, так и меняющееся в языке. Методом сплошной выборки из романа Л. Вайсбергер «Дьявол носит Прада» (L. Weisberger «The Devil Wears Prada») были выписаны и проанализированы голофрагистические конструкции в количестве 57 единиц.

С точки зрения **графического оформления** голофрагистические конструкции могут быть:

1. дефисными, например, living-with-strangers;
2. недефисными (оформленные кавычками), например, “Who the devil are you” question.

По количеству конституирующих элементов можно выделить трех- и многокомпонентные единицы. Например, none-too-quietly, wife-beater-wearing, living-with-strangers и like-a-drill-through-the-eardrum, just-out-of-college, negative-thread-count-sheeted.

В анализируемом материале преобладают трехкомпонентные голофрагистические конструкции (67%) как наиболее компактные по сравнению с многокомпонентными и обладающие, на наш взгляд, более высокой потенциальной возможностью войти в общий словарный состав английского языка.

Со **структурной** точки зрения голофрагистические конструкции представлены несколькими видами.

1. Подобные единицы могут быть образованы от:

1. словосочетаний (87,8%)

1.1 аффиксально оформленных, например, un-Lily-like
1.2 аффиксально неоформленных, например, impossible-to-find, punk-grunge-freak.

2. предложений (12,2 %).

2. Предложения, образующие голофрастические конструкции, могут быть:

2.1 по цели высказывания:

2.1.1 повествовательными, например, anything-is-possible

2.1.2 вопросительными, например, am-I-fat

2.1.3 побудительными, например, pick-me-up

2.2 по характеру выражаемого в них отношения к действительности:

2.2.1 утвердительными, например, I-Date-the-World's-Last-Angel

2.2.2 отрицательными, например, lightning-doesn't-strike-twice

2.3 по количеству предикативных единиц:

2.3.1 простыми, например, I'm-not-good-enough-for-you

2.3.2 сложными, которые, в свою очередь, по типу связи могут быть:

2.3.2.1 сложносочиненными, например, I'm-drinking-myself-to-death-and-nobody-can-stop-me

2.3.2.2. сложноподчинёнными, например, I'm-not-shaking-your-hand-as-I-would-a-man's-because-I'm-sure-I'd-just-snap-your-girly-little-bones-in-half.

В наших материалах не обнаружены голофрастические конструкции, созданные на базе бессоюзных сложных предложений.

По степени мотивированности можно выделить голофрастические конструкции:

1. мотивированные (93%), например, all-glass-and-granite, eye-roll-deep-sigh

2. идиоматичные (7%), например, skirt-no-longer, clackers-in-training.

Как правило, семантика многокомпонентных окказиональных образований характеризуется относительной прозрачностью и, следовательно, значение большинства окказионализмов выводимо без участия контекста.

Голофрастические конструкции могут также выступать в **разной синтаксической функции**:

1. определение (84,21%), например,

We were off and running, and it took only a few more minutes until the trip to Paris and Lily's nasty little vodka habit and Alex's sad eyes faded to the background of my *acknowledged-unhealthy-and-emotionally-dangerous-but-really-sexy-and-fun-nonetheless conversation* with Christian.

2. обстоятельство (7,02 %)

Instead, she turned to me with those big innocent eyes, leaned forward, and declared *none-too-quietly*, "Your boss is a first-rate bitch."

3. дополнение (5,26%)

I'd tried to talk to her about the whole Freak Boy incident a few dozen times, but it seemed like we were never really alone and neither of us had much time lately for heart-to-hearts.

4. предикативный член (1,75%)

He flipped a page. «He might be a *punk-grunge-freak*, but he's not a thug.»

5. обращение (1,75%)

Sweetie, even you, Miss High and Mighty *I-Date-the-World's-Last-Angel*, would've been on your knees without a second thought if you saw this guy.

Многие исследователи утверждают, что подобные конструкции не являются моделированными и проследить закономерность в их образовании не представляется возможным. Действительно, большинство из них являются структурно сложными и уникальными в своем роде. Однако такие единицы отражают фиксированный порядок членов того предложения, которое послужило основой создания голофрастической конструкции, следовательно, говорить о полном отсутствии моделированности нельзя. Кроме того, из всего корпуса проанализированных примеров можно выделить ряд конструкций, образованных по одним и тем же моделям. Следовательно, обоснованнее говорить не об отсутствии моделированности, а о **продуктивности/непродуктивности** той или иной модели. Итак, модели, по которым образованы голофрастические конструкции, могут быть:

1. продуктивными (23%)

N.-to-N.

Ear-to-ear; head-to-toe heart-to-heart; wall-to-wall;

N.-and-N.

Salt-and-pepper; the candy-and-flowers

N.-in-N.

Tongue-in-check, clackers-in-training

Not-Adv.-Adj.

Not-too-perky; not-so-sober

Adv.-to-V.

Possible-to-find ; hard-to-obtain; ready-to-distribute; soon-to-be

2. непродуктивными (77%), например, *Prn-V-Art-N-Adj-N I-Date-the-World's-Last-Angel*

Обращает на себя внимание специфика продуктивных моделей:

во-первых, все они образованы от словосочетаний, а не предложений, во-вторых, количество конституирующих элементов не превышает трех, а в-третьих, в их состав входят служебные элементы.

Голофрастические конструкции были также проанализированы с точки зрения принадлежности к общему словарному составу английского языка.

К узуальным относятся слова, статус которых как единиц языка определен, критерием чего послужила их зафиксированность в лексикографических источниках.

К потенциальным словам были отнесены единицы, один из компонентов которых является зафиксированным в словаре в качестве незаполненной модели либо с предшествующим, либо с последующим дефисом, что указывает на высокую продуктивность данной модели, ряд наполнителей которой очень велик и ограничен только принципом семантической сочетаемости, что говорит о высокой возможности приобретения статуса собственно лексических единиц как части словарного состава.

Список окказионализмов был составлен по мето-

ду исключения: данные единицы и их компоненты не были найдены ни в толковых словарях, ни в словарях неологизмов.

По степени узуализации голофрастические конструкции могут быть:

1. узуальными словами (19,3 %), например, hit-or-miss

2. потенциальными словами (3, 51%), например, super-hip-looking

3. окказионализмами (77,19%), например, wealthy-but-still-rednecks

Анализ корпуса материала выявил, что большинство подобных многокомпонентных единиц не регистрируется словарями и выступает в роли окказиональных сложных слов, образуемых в речи ad hoc [4, 240], [6,86].

Однако некоторые из подобных образований со временем входят в словари, о чем свидетельствуют лек-

сикографические источники, например, devil-may-care [6, 86] .

Анализ материала показал, что в большинстве случаев узуализации подвергаются трехкомпонентные единицы. Следует отметить, что в состав многокомпонентных единиц, зафиксированных в словарях, включены в качестве конституирующих элементов служебные части речи. Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что чем больше компонентов содержит окказионализм, тем меньше у него шансов приобрести статус лексической единицы и войти в общий словарный состав английского языка.

Таким образом, проделанный анализ показывает, что голофрастические конструкции отличаются структурным многообразием, различной степенью мотивированности, разнообразием выполняемых синтаксических функций в предложении, а также разной степенью узуализации.

Библиографический список

1. *Антюфеева Ю.Н.* Английские новообразования в развитии: потенциальное слово, окказионализм, неологизм: дис... канд. филол. наук. Тула, 2004. 184 с.
2. *Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособ. для студ. вузов. М.: Логос, 2003. 304 с.
3. *Изотов В.П.* Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка): дисс. ... д-ра филол. наук. Орёл, 1998. 148 с.
4. *Мешков О.Д.* Словообразование современного английского языка. М., 1976. 187 с.
5. *Нухов С.Ж.* Языковая игра в словообразовании (на материале лексики английского языка): дисс. ... д-ра филол. наук. – Москва, 1997. – 371 с.
6. *Царев П.В.* Сложные слова в английском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 124 с.
7. *Мюллер В. К.* Новый англо-русский словарь. М.: Русский язык медиа, 2005. 946 с.
8. *ABBYY Lingvo.* Электронный словарь. <http://lingvo.abbyyonline.com/ru/>
9. *International Dictionary of Neologisms.* <http://www.neologisms.us/>
10. *Weisberger L.* «The Devil Wears Prada», Harper, 2007. 257 с.

References

1. *Antyufeeva Y.N.* English new words in the development: potential word , occasionalism , neologism: dissertation of a candidate of philological science. Tula, 2004. 184 p.
2. *Valgina N.S.* Active processes in the modern Russian language: textbooks for students. Logos, Moscow, 2003. 304 p.
3. *Izotov V.P.* The ways of describing a system of word-building (based on the material of the Russian language): doctoral dissertation. Orel, 1998. 148 p.
4. *Meshkov O.D.* Modern English word formation. M., 1976. 187 p.
5. *Nuhov S.J.* Word play in the word formation (based on the English language): doctoral dissertation. M., 1997. 371 p.
6. *Tsarev P.V.* Compound words in English. M. : publishing house of University Press, 1979 . 124 p .
7. *Mueller V.K.* Modern English-Russian dictionary. Moscow: Russian language media, 2005. 946 p.
8. *ABBYY Lingvo.* Electronic dictionary. <http://lingvo.abbyyonline.com/ru/>
9. *International Dictionary of Neologisms.* <http://www.neologisms.us/>
10. *Weisberger L.* «The Devil Wears Prada», Harper, 2007. 257 p.

УДК 811.161

UDC 811.161

Л.В. АЛЕШИНА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой книжного дела, русского языка и методики его преподавания, Орловский государственный университет
E-mail: alyoshinalv@mail.ru

L.V. ALEOSHINA

Doctor of Philology, professor, Department of book business, Russian and technique of its teaching, Orel State University
E-mail: alyoshinalv@mail.ru

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГНЕЗДА НОВООБРАЗОВАНИЙ-ДЕОНИМОВ
В ИДИОСТИЛЕ Н.С. ЛЕСКОВА**

WORD-FORMATION OF NEOPLASM-DEONIMOV NEST AT IDIOSTILE N.S. LESKOV

В статье рассматриваются словообразовательные гнезда с вершиной антропонимом, зафиксированные в морфемном корневом словаре авторских новообразований Н.С. Лескова, устанавливается роль инноваций-деонимов в идиостиле писателя.

Ключевые слова: Лесков, новообразования, деонимы, словообразовательное гнездо.

The article deals with the top slot examined. Wordbuildinganthroponym recorded in the root morpheme dictionary Copyright neoplasms N.S. Leskov, established the role of innovation in idiostiledeonimov-writer.

Keywords: Leskov, neoplasms, deonimy, derivational nest.

Для ученых, объектом исследования которых выступает художественный текст, программным является положение, сформулированное В.В. Виноградовым: «Язык художественного произведения, являясь средством передачи содержания, не только соотнесен, но и связан с этим содержанием; состав языковых средств зависит от содержания и от характера отношения к нему со стороны автора» [2, с.74]. Поэтому изучение содержательной стороны как конкретного произведения, так и творческого наследия писателя в целом невозможно без изучения языка, и в то же время анализ языковых средств, используемых писателем, должен содействовать «углубленному пониманию его образа, его идейных тенденций, индивидуальных своеобразий его словесно-художественного мастерства» [2, с.73].

Решению этой задачи призваны способствовать авторские (писательские) словари. Каждый такой словарь, «аккумулирующий всю лексику произведений автора/авторов или какие-то ее пласты, является и продуктом исследовательского подхода, и инструментом анализа» [5, с. 36]. В частности, всестороннее изучение материала, собранного в словарях авторских новообразований, способствует более глубокому постижению тайн мастерства замечательных художников слова, поскольку окказионализмы являются яркими выразительными средствами художественной речи. При этом массив представленных в словаре инноваций может быть, в свою очередь, подвергнут выборке в зависимости от целей и задач конкретного исследования. Новообразования могут объединяться по частеречному признаку, по вхождению в определенные ономастиологические классы, лексико-семантические, тематические и другие группы, по принадлежности к тому или иному способу словообразования, по характеру производящей основы и т.д.

В процессе лексикографической разработки инно-

ваций Н.С. Лескова наше внимание привлекли онимы и деонимы. Как новообразования, так и имена собственные относятся к ключевым словам текста. Можно предположить, что окказиональные онимы и деонимы характеризуются особой значимостью, активно участвуя в организации ономастического пространства.

В языке Н.С. Лескова нами выявлено 132 новообразования-деонима. Большинство из них (91) являются отантропонимическими производными. Это закономерно, поскольку антропонимы, являясь ядром ономастикона, отличаются наибольшими порождающими возможностями. Остановимся на рассмотрении деонимов, представленных в морфемном корневом (гнездовом) словаре, который является приложением к основной, алфавитной, части словаря авторских новообразований Н.С. Лескова. Анализ материала, представленного в этом приложении, позволит сделать определенные выводы о том, что в окружающей действительности наиболее волновало писателя, требовало осмысления, в том числе посредством конструирования новообразований.

Несмотря на высокую продуктивность отантропонимических образований, конкретные словообразовательные гнезда (СГ) в общем языке представлены, как правило, вершиной-антропонимом и одним-двумя производными. Поэтому антропонимы, выступающие в роли вершины СГ, насчитывающих три и более производных, являются более весомыми ключевыми элементами, чем другие имена собственные.

СГ новообразований с вершиной-антропонимом в большинстве своем являются одноступенчатыми веерными, имеющими одну парадигму на первой ступени деривации, при этом наиболее продуктивными в идиостиле Н.С. Лескова являются знаковые имена литературных героев:

СГ с вершиной *Базаров* включает в себя два блока:

Вершина СГ	Дериваты I-й степени
Базаров	базаровский
	базарствующий
	базаровец

Вершина СГ	Дериваты I-й степени
Печорин	печоринский
	печоринствовать
	по-печорински

Вершина СГ	Дериваты I-й степени
Репетилов	репетиловский
	репетиловщина
	репетиловствовать
	репетиловски

Вершина СГ	Дериваты I-й степени
Хлестаков	хлестаковский
	хлестаковщина
	хлестаковствовать
	по-хлестаковски

1. адъективный, представленный двумя клетками (имеющий отношение к лицу, названному производящим – *базаровский*; действующий подобно лицу, названному производящим – *базарствующий*); 2. субстантивный, представленный одной клеткой (последователь лица, названного производящим – *базаровец*).

СГ с вершиной *Печорин* включает три блока, каждый из которых представлен одной клеткой: 1. адъективный (имеющий отношение к лицу, названному производящим – *печоринский*); 2. вербальный (поступать подобно лицу, названному производящим – *печоринствовать*); 3. адвербиальный (так, как свойственно лицу, названному производящим – *по-печорински*).

СГ с вершинами *Репетилов* и *Хлестаков* включают четыре блока, в каждом из которых заполнена одна клетка: 1. адъективный (имеющий отношение к лицу, названному производящим – *репетиловский*, *хлестаковский*); 2. субстантивный (общественное явление по имени лица, названного производящим – *репетиловщина*, *хлестаковщина*); 3. вербальный (поступать подобно лицу, названному производящим – *репетиловствовать*, *хлестаковствовать*); 4. адвербиальный (так, как свойственно лицу, названному производящим – *репетиловски*, *по-хлестаковски*).

Больше всего образований создано от фамилии *Катков*, что является свидетельством сложных отношений, которые складывались между Лесковым и референтом антропонима. СГ насчитывает 7 производных:

Вершина СГ	Дериваты I-й степени
Катков	катковский
	катковщина
	катковизм
	каткист
	катковствовать
	откатнуть
	по-катковски

СГ включает четыре блока: 1. адъективный (имеющий отношение к лицу, названному производящим – *катковский*); 2. субстантивный, представленный двумя клетками (общественное явление по имени лица, названного производящим – *катковщина*, *катковизм*; последователь лица, названного про-

изводящим – *каткист*); 3. вербальный (поступать подобно лицу, названному производящим – *катковствовать*; клетка с окказиональным значением (оттолкнуть, следуя указаниям Каткова – *откатнуть*); 4. адвербиальный (так, как свойственно лицу, названному производящим – *по-катковски*).

Производные, входящие в это СГ, создаются Лесковым на протяжении многих лет. По их коннотациям можно проследить эволюцию взаимоотношений писателя с Н.М. Катковым.

В начале шестидесятых годов (1863 г.) образование от фамилии *Катков* не имеет оценочно-экспрессивного пейоративного оттенка. Напротив, оно употребляется в статье, где Н.С. Лесков защищает право каждого литератора, в том числе Н.М. Каткова и его последователей, заявлять о своих взглядах, участвовать в полемике, не будучи при этом ошельмованными. Писатель заявляет с присущей ему иронией: *---социалисты и материалисты могут ругать каткистов. Они могут и подрывать всячески их работу, и это все честно. А каткисты, когда захотят, отстаивая себя, сказать им слово супротивное, – это бесчестно и «несогласно с идеей справедливости»* (Литературно-полемический вопрос; 1996, 3, с.376).

В конце шестидесятых (1868г.) писатель вкладывает в уста героя повести «Божедомы» производное *катковщина*, которое дает негативную оценку деятельности Каткова: *---Катков с своей катковщиной вводит повсеместный раздор---*.

В 1876 г. в письме П.К.Щебальскому Лесков негодует по поводу деятельности цензурного комитета, где *«теперь ожесточённо катковствуют: завели особую домашнюю цензуру над всею прессою---*», с горечью констатирует: *«На сих днях я ещё сделал две отчаянных попытки добыть работу и убедился, что мой «катковизм» мне загородил все двери*». Производное *катковизм* не случайно взято в кавычки. Н.С. Лесков никогда не являлся идейным последователем Н.М. Каткова, сотрудничество с этой одиозной личностью было вынужденным, поэтому писателю так больно слышать несправедливые обвинения.

Особняком стоит производное *откатнуть*, которое мы при опоре на контекст рассматриваем как инновационное отантропонимическое образование от фамилии

Катков, в то же время включающее в свою семантическую структуру отдельные семы узуального глагола *откатнуть*: «Смех и горе» в отдельном издании уже заказаны в типографии Каткова, и Лавров прислал мне два первых листа корректуры, но на том все и стало. Прошу Вас: узнайте, что сей сон обозначает? «Смех и горе» и здесь возбуждает у всех большое сочувствие. Могу сказать, что ни одна моя работа не шла при таком полном внимании читателей, как эта, которую «миф» «Русского вестника» <Н.А. Любимов> продержал год под столами, все норовил *откатнуть* ее ногой (из письма П.К.Щебальскому).

Как видно из контекста, писатель недоволен длительной задержкой отдельного издания повести «Смех и горе», в чем упрекает катковскую типографию и Н.А. Любимова, ведущего сотрудника журнала «Русский вестник». Но вряд ли тот действовал без ведома и согласия главного редактора журнала, М.Н. Каткова, отношения с которым у Лескова были очень сложными. И хотя в данном случае претензии в адрес Каткова не высказываются прямо, Лесков, как нам кажется, не может скрыть раздражение, вызываемое у него этой личностью.

Правда, в языке был глагол *откатнуть* со значением однократности, с которым «соединяется экспрессивный оттенок энергичности, резкости проявления действия» [3, с.417]. Однако значение этого переходного глагола включает сему, связанную с представлением об объекте действия, которым может быть лишь предмет округлой формы, поскольку только такой предмет можно катить (ср. *оттолкнуть*, где такой семы нет). В данном случае речь идет о литературной работе, так что указанная сема не может быть реализована. Такой тонкий стилист, как Лесков, мог использовать именно этот глагол сознательно, реализовав при этом только ту часть его смысловой структуры, которая включает сему, несущую понятие об активно совершаемом действии, при помощи которого субъект этого действия намеренно удаляет от себя некий предмет. В то же время звуковая оболочка именно этого глагола позволила совместить с его корнем усеченную основу фамилии Катков.

СГ, включающие в свой состав квалитативы, могут быть двуступенчатыми, причем как линейными, так и комбинированными:

Вершина СГ	Дериваты I-й ступени	Дериваты II-й ступени
Кромсаев	Кромсай	Кромсайка
Жиго	Жигоша	Жигошка
Форов	Фоша	
	Фор	Форочка
		Форушка

Вызывает интерес двуступенчатое СГ с вершиной *Победоносцев*:

Вершина СГ	Дериваты I-й ступени	Дериваты II-й ступени
Победоносцев	Лампадоносцев	Лампадоносец
		Лампадонос

Переосмысленная фамилия обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, которого писатель воспринимает как вдохновителя крайней реакции, многократно встречается в частной переписке Н.С. Лескова. На первой ступени деривации путем замены корня (трансрадикации) появляется прозвище Лампадоносцев, которое далее подвергается в одном случае транссуффиксации (замене суффикса другим суффиксом), в другом случае – усечению, в результате чего появляются фамильярно-уничижительные прозвищные именованья Лампадоносек и Лампадонос, подчеркивающие негативное отношение к личности референта.

Два ярких окказионализма представляют СГ с вершиной *Марфа*, что уже является нарушением языковых норм, т.к. женские имена в общем языке порождающими возможностями не обладают. Это существительное *марфунство* и глагол *марфунствовать*.

Впервые окказионализм *марфунство* встречается в повести «Обойденные» (1865 г.), а затем в письмах писателя (1870 г.). Вырванное из контекста, слово *марфунство* лишено для рецепиента смысла, хотя уже сама его неблагозвучность позволяет предположить, что оно обозначает нечто негативное. Определяющую роль в выявлении смысловой структуры новообразования играет учет как ближайшего словесного окружения инновации, так и макроконтраста, включающего совокупность сведений о носителе производящего имени.

Окказионализм отсылает нас к притче о Марфе и Марии: «...пришел Он в одно селение; здесь женици-на, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у ней была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении, и подошедши сказала: Господи! Или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? Скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом. А одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Евангелие от Луки, Гл. 10).

Героиня повести «Обойденные» Дора сравнивает с евангельской Марией молодую француженку-крестьянку, которая живет просто и бесхитростно, трудится, привозя каждое утро в город молоко от своих коров, трогательно любит мужа и детей. «Дорушка несколько раз видела... Жервезу, и молочная красавица ей необыкновенно нравилась. – Это Марии, – говорила она Долинскому, – а не мы, Марфы, кажется, только и стоящие одного упрёка... Может быть, только мы и выслужим за своё *марфунство*».

Отталкиваясь от евангельской притчи, писатель устами Доры называет *Марфами* женщин, «никому не доверяющих настолько, чтобы вместе садить и поливать то горчичное зерно взаимоверия, без которого злак стебля не даст», как пишет Лесков в одном из своих писем, опираясь на другой библейский сюжет. Это женщины, развитые интеллектуально, но утратившие веру в божественное провидение, склонные «многочить», избыточно и суетно анализируя свои взаимоотношения с близкими. *Марии* же открыто и ясно выражают свои

чувства, веря в божественную природу любви. «*Видите, – начала... Дора, – почему я вот и назвала таких женщин Марьями, а нас – многоречивыми Марфами. Как это все у нее просто и все выходит из одного люблю. ... Она любит потому, что любит его, а не себя, и потом все уж это у нее так прямо идет – и преданность ему, и забота о нем, и боязнь за него, а у нас пойдёт марфунство: как? Да что? Да, может быть, иначе нужно? И пойдут эти надутые лица, супленье, скитанье по углам, доказыванье характера, и прощай счастье*».

Устами Доры Лесков высказывает свои заветные мысли. С одной стороны, он горячо выступает за необходимость серьезного образования для женщин, за их право приносить пользу обществу в качестве врачей, учителей, о чем не раз высказывается в своих статьях. С другой стороны, ему представляется губительной утрата многими женщинами религиозного чувства, искренней веры. Эти размышления не оставляют писателя и в дальнейшем. 18 декабря 1870 г. он пишет С.А. Юрьеву, основателю журнала «Беседа»: «...*пять лет тому назад по поводу толков «о призвании женщины» и кривотолков о русской женщине с верою и упованием, которые были осмеяны, мне пала в голову и в сердце неотвязная мысль изобразить в живом очерке: мешают ли эти злополучные вера и упование истинной свободе чувства и независимости женщины? В обдуманном плане я уложил целую эту идею в повесть, снабдив ее и кличкой по шерсти. Повесть эта должна быть названа: «Марфа и Мария». При этом библейском названии во главе повести идет и евангельский эпиграф: «Марфо, Марфо, печешися» и пр. Отсюда, я думаю, Вам уже понятно, что будет сказано в этой повести? ...*Не откажитесь мне ответить: нравится ли Вам мой замысел поделить наших современных соотечественниц на «Марф и Марий» и показать всю тщету их «марфунства» при несомненной ясности пути Марий?»*. Однако повесть «Марфа и Мария» не была написана, остались лишь черновики, которые свидетельствуют о том, что писатель в ходе работы над повестью переосмыслил образы библейских героинь, и особенно Марфы [см. об этом 1, с. 287-288].*

Решая вопрос о непосредственном производящем окказионального глагола *марфунствовать*, учитываем мнение В.В.Виноградова о том, что «глаголы на -ство-

вать обычно соотносятся с именами существительными действия-состояния на -ство (блаженствовать – блаженство, бесчинствовать – бесчинство и т.п.)», хотя такое соотношение не является обязательным (см. умствовать, усердствовать, наличествовать и др.). На этом основании делается вывод: «...можно говорить о морфологических вариантах одного и того же суффикса: -ствова- и -ова- (при именной основе на -ств-)» [3, с.346].

Производному *марфунствовать* соответствует отвлеченное существительное *марфунство*, причем оба окказионализма встречаются в одном контексте: «*Это Марии, – говорила она [Дора] Долинскому, – а не мы, Марфы, кажется, только и стоящие одного упрёка... Может быть, только мы и выслужим за своё марфунство. – Опять новое слово, – заметил весело Долинский, – то раз было комонничать, а теперь марфунствовать*».

Как свидетельствует контекст, производное *марфунство* со значением «поведение, подобное тому, которое характерно для лица, названного производящим словом» образовано Дорой от имени Марфа. Ее собеседник, услышав новообразование, казалось бы, повторяет его, но вместо существительного *марфунство* в его устах звучит глагол *марфунствовать*. Долинский произносит только что созданное Дорой новое слово в паре с ранее слышанным от нее же глаголом *комонничать* и, возможно, машинально, по аналогии с только что употребленным глаголом в свою очередь образует от существительного *марфунство* глагол на -ствовать, поскольку производные этого словообразовательного типа образуют «открытые ряды стандартно-однотипных слов, готовые всегда пополниться новыми речевыми образованиями, лексическое значение которых не фразеологизировано, а предопределено их структурой» [4, с.79]. Считаем, что производное *марфунствовать* характеризуется двойной мотивацией: антропонимом *Марфа* и отвлеченным существительным *марфунство*.

Таким образом, в языковой картине мира Н.С. Лескова окказиональные деонимы, входящие в словообразовательные гнезда с вершиной-антропонимом, занимают важное место, являясь ключевыми элементами разной степени значимости как в отдельных произведениях, так и в идиостиле писателя в целом.

Библиографический список

1. *Алешина Л.В.* Тщетно ли марфунство? // Информационный потенциал слова и фразеологизма: Сборник научных статей. Оrel: ОГУ, 2005. С.285-288.
2. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 655 с.
3. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 614с.
4. *Льков А.Г.* Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М.: Выш. шк., 1976. 120с.
5. *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: теория, история, современность: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М, 2012. 50 с.

References

1. *Aleshina L.V.* Vain if marfunstvo?. // Information potential words and collocations: Collected articles. Orel: OSU, 2005. Pp. 285-288.
2. *Vinogradov V.V.* About language literature. Moscow: State Publishing House, 1959. 655 p.
3. *Vinogradov V.V.* Russian language (grammatical teaching of the word). Moscow: Higher School, 1972. 614 p.
4. *Lykov A.G.* Modern Russian lexicology (Russian occasional word). M.: Higher. wk., 1976. 120 p.
5. *Shestakov L.L.* Russian author lexicography: the theory, history, modernity: Author. dis. ... cand. philol. sciences. M, 2012. 50 p.

УДК 82.091-4 МЕРЕЖКОВСКИЙ Д.С.

UDC 82.091-4 MEREZHKOVSKY D.S.

И.А. БИЛИБИНА

кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет

I.A. BILIBINA

Candidate of Philology, senior teacher, Russian literature of the XX-XXI centuries and history of foreign literature department, Orel State University

**ТЕМА ЛЮБВИ В РОМАНЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «АЛЕКСАНДР I»
КАК ВЫРАЖЕНИЕ АВТОРСКОЙ КОНЦЕПЦИИ**

**LOVE THEME AS A REPRESENTATION OF AUTHOR'S CONCEPTION
IN D.S. MEREZHKOVSKY'S NOVEL "ALEXANDER THE FIRST"**

Тема любви играет важную роль в романе Д.С. Мережковского «Александр I». Она представлена взаимоотношениями трех героев: императора Александра I, императрицы Елизаветы Алексеевны и Марии Антоновны Нарышкиной. Через тему любви в романе раскрываются характеры персонажей, их внутренний мир; авторская идея о «земном», плотском и «небесном», духовном началах в человеке.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, историософская концепция, трилогия «Царство Зверя», тема любви, императрица Елизавета Алексеевна, М.А. Нарышкина, образ царя Александра I.

Love theme plays an important part in D.S. Merezhkovsky's novel "Alexander the first". It is presented in the relationship between three heroes: Emperor Alexander the first, Empress Elizabeth Alekseevna and Mary Naryshkina. Through the love theme characters and their inner life; author's ideas of "earthy", carnal, and "heavenly", spiritual, elements in a human being are developed in the novel.

Keywords: D.S. Merezhkovsky, philosophy of history, trilogy "The Kingdom of the beast", love theme, Empress Elizabeth Alekseevna, Mary Naryshkina, the image of tsar Alexander the first.

В основе «неохристианской» историософской концепции Д.С. Мережковского лежит любовь. В представлении писателя, только это чувство может способствовать установлению Вселенской теократии и Царства Третьего Завета. Мережковский видит в любви «... единственный возможный для человека смысл жизни», «... начало не только личного, но и вселенского спасения» (2, 4), которое дает человеку истинную свободу. Она способна привести ко всемирному объединению.

Поскольку, по мысли писателя, человек заключает в себе два противоположных начала – «земное» и «небесное», плотское и духовное, поэтому Мережковский на примере темы любви пытается выразить свои идеи, раскрыть двойственность персонажей. Причем «земное», плотское у писателя имеет двоякое значение. Как отмечает Я.В. Сарычев, плотское начало, «истинная», «высшая» «плоть» отождествляется с «телом Христа, Плотью Христа», но «антихристово» начало указывает на наличие «звериной», «падшей» плоти в человеке» (4, 43).

В романе «Александр I» трилогии «Царство Зверя» тема любви представлена взаимоотношениями императора Александра I с женой Елизаветой Алексеевной и любовницей Марьей Антоновной Нарышкиной, которые раскрываются через восприятие их императрицей.

В своих романах женским образам, которые служат раскрытию авторской концепции, Мережковский дает более подробную характеристику. Так императрица Елизавета Алексеевна воплощает собой «небес-

ное» начало в романе. На это указывает уже описание ее внешности. Еще до появления самой героини мы знакомимся с портретом императрицы через восприятие внебрачной дочери Александра, Софьи, когда она вспоминает свои детские встречи с ней: «... вспомнила ее (Елизаветы Алексеевны – И.Б.) усталое, почти старое, но все еще прекрасное, не женское, а девичье лицо; благоуханную свежесть, как будто не духов от платья; а от нее самой, как от цветка...» (1, 116). Это описание Елизаветы наполнено любовью. Очень важно то, что портретная характеристика императрицы дана через детское восприятие, поскольку ребенок видит суть человека только ему данным внутренним чутьем. Преображающая Елизавету Алексеевну юность, отразившаяся на ее лице, идет изнутри, что говорит о чистоте души и духовной возвышенности императрицы.

Мережковский на протяжении всего романа неоднократно подчеркивает в описании Елизаветы присутствующую ей детскость. Об этом говорит сама героиня, вспоминая, как они с бывшей супругой великого князя Константина Анной, как дети «... голыми ногами в воде по взморью бегали, смеялись и шалили так, что статс-дама императрице-матери пожаловалась. Это четверть века назад, но есть во мне и теперь та же веселая девочка» (1, 358). Автор показывает ее романтической натурой, в которой проявляется детская непосредственность. Так, увидев во дворце в Таганроге свои детские столовые часы в форме пастушка, «... засмеялась она

(Елизавета Алексеевна – И.Б.) и захлопала в ладоши, как маленькая девочка» (1, 481), или, например, автор отмечает, что перед встречей с государем императрица «наряжалась, как влюбленная девочка...» (1, 320). Но иногда образ Елизаветы-«маленькой девочки» связан с душевной болью героини. В своем дневнике она записала следующее: «Страдания человеческие – темные, но точные зеркала; надо в них смотреться, чтобы увидеть себя и узнать. Я вижу себя в своем темном зеркале не ее величеством, императрицей всероссийской, а маленькой девочкой, которая не хотела рождаться, или старой старушкой, которая не может умереть» (1, 352).

Показывая отношения между Александром I и Елизаветой Алексеевной, Мережковский более детально раскрывает чувства героини, которые находят отражение в ее дневниковых записях. Приводя в романе дневник императрицы Елизаветы, автор таким образом придает проблеме их взаимоотношений более интимный характер.

В конце первой части есть эпизод, когда Елизавета Алексеевна – законная жена Александра, словно тень, незаметно пробирается к нему в покои, чтобы поцеловать его уже спящего. В этот момент автор отмечает ее сходство с «... изваяниями древних плакальщиц или надгробиями памятников. В ее движениях видно было то, что она сама о себе говорила: «Я всю жизнь пробиралась по стенке» (1, 161). Этот небольшой эпизод уже указывает на одиночество императрицы и отчужденность от нее мужа.

Взаимоотношения между Александром и Елизаветой были очень сложными. Сама государыня характеризовала их следующим образом: «Такие близкие – такие чуждые» (1, 353). Противоречивость Александра, его двойственная сущность ярко выражена в постоянных метаниях между двумя женщинами. Елизавета Алексеевна пишет об этом так: «Он все еще не решил, кто ему сейчас нужнее, я или Нарышкина. От меня – к ней, от нее – ко мне. Сегодня мне говорит: «Вы мой ангел хранитель, главный по Боге!» – а завтра дают понять, что в любви моей не нуждаются. Вечные подъемы и падения – вот от чего душа моя устала до смерти» (1, 362). Любовь Елизаветы Алексеевны, как она сама не раз отмечает, являлась невзаимной. В дневнике, размышляя над своей семейной жизнью, она задает себе риторический вопрос: «Зачем я всю жизнь люблю человека, который не любит меня?..» (1, 357). Вспоминая слова Александра о том, что для него любовь невозможна без презрения, императрица видит в его нелюбви огромное к ней чувство уважения: «Всегда, будто бы, казалось ему, что мы – брат и сестра, близнецы духовные, и между нами плотская любовь – кровосмешение...» (1, 359-360). Как отмечает Я.В. Сарычев, Александра связывает с Елизаветой Алексеевной «братски-брачная любовь», что, по мысли исследователя, «... способствует религиозному служению «белого» русского царя...» (4, 166).

Для императрицы любовь к мужу – это любовь-вера, любовь-религия. Об этом она напишет в своем дневнике: «Я смешивала покорность ему с покорно-

стью Богу, и это была моя религия. Я говорила себе: «Он этого хочет», – и трудное делалось легким, горькое – сладким; все легче и легче, все слаще и слаще» (1, 373). Ее любовь к Александру – жертва, которую она готова принести во имя блага мужа. Она «сломила, убила себя для него». Видя душевные страдания Александра, государыня хочет помочь, но не знает, как это сделать. Поэтому Елизавета обращается с горячей молитвой к Богу: «Мы – как два утопающих: друг за друга цепляемся и тащим друг друга ко дну. Если я одна виновата, прости меня, Господи! Ты Сам меня создал такую. Я ничего не могу, ничего не хочу, ничего не знаю – я только люблю. А если оба мы виноваты, – казни меня, а не его, возьми душу мою за него...» (1, 374). Всю жизнь она была для императора или сиделкой, или любовницей, или вообще никем, когда в ней отпадала надобность для императора после выздоровления. Как справедливо отмечает А.Н. Михин, «всю свою жизнь она (Елизавета – И.Б.) принесла в жертву любви и тому человеку, которого любила» (3, 198).

Но безграничная любовь к мужу не мешает Елизавете Алексеевне замечать в нем и отрицательные черты. Например, она видит в нем подлость. Императрица вспоминает свою давнюю обиду на то, что Александр всегда читал письма ее и всех членов царской семьи. Или когда Елизавета Алексеевна сказала, что ей все известно о Тайном Обществе, император стал просить назвать имя того человека, от которого она узнала об этом. Именно в тот момент Елизавета Алексеевна увидела «... в лице его что-то трусливое, жалкое, подлое: «Да, подлое!» – подумала она с возмущением. Разве не подлость – выпытывать, допрашивать так, смотреть на нее глазами сыщика?» (1, 323).

По мнению Елизаветы Алексеевны, для Александра нет и не может быть настоящей любви, а есть только «игра в любовь – игра в бирюльки» (1, 361). Еще одной причиной, по которой, как считает императрица, государю чужда любовь к женщине, является то, что он «... сам слишком женщина. «Кокетка», как называла его королева Гортензия. Неисправимый шеголь, в глазах женщин, как в зеркалах, только самим собой любит» (1, 360). Отсюда и отсутствие у него настоящей, искренней любви: «... ни одной любви, а сколько любвей! Купчихи, актрисы, жены адъютантов, жены станционных смотрителей, белобрысые немки-менонитки, и королева Луиза Прусская, и королева Гортензия. Со многими доходило только до поцелуев» (1, 360). Эта характеристика, данная императору его женой, говорит о преобладании в нем низменного, плотского начала.

Однако в Таганроге, незадолго до смерти Александра, их переполняет чувство любви друг к другу. Государь признается в ошибочности своего отношения к Елизавете: «О, Lise, Lise, как я был глуп всю жизнь! Точно спал и видел во сне, что люблю ее, но не знал, кто она... И вот только теперь узнал...» (1, 484). Император во время их пребывания в Таганроге «не уходил от нее; казалось, ни о чем не думал, кроме нее, как будто, после тридцати лет супружества, наступил для них медовый месяц. Ухаживал за нею, раз десять

на дно спрашивал: «хорошо ли вам? Не надо ли чего-нибудь еще?» Угадывал ее желания, прежде чем она успевала их высказать» (1, 482). Приближенные тайно между собой называли их «молодыми супругами». В этот период отношения мужа и жены были наполнены гармонией, покоем и всеобъемлющей любовью. И даже после смерти императора Елизавета Алексеевна не теряет надежду на то, что и там, в загробном мире, они будут вместе.

Духовно возвышенная императрица противопоставляется в романе развращенной Марье Антоновне Нарышкиной, любовнице государя. Александр жил с ней открыто в греховной связи, идя на поводу только у своей низкой страсти. Он был настолько ею очарован, что, застав однажды со своим адъютантом Ожаровским, поверил ее оправданиям «... больше, чем глазам своим» (1, 98). Нарышкина в романе является носителем «земного», низменного начала. Марья Антоновна внешне была очень красива, что объясняло наличие у нее «бесчисленного» количества любовников, часто сменяющихся, причем «... большей частью из молодых флигель-адъютантов» (1, 98). На одном из вечеров в салоне Марьи Антоновны Валериан Голицын дает ей следующую характеристику, которая подчеркивает ее чувственную привлекательность: «На ней – всегдашнее простое, белое платье, туника с прямыми складками, как на древних изваяниях; старая мода, а на ней – новая, вечная; никаких украшений, только вместо пряжки на плече – камея-хризолит, подарок императрицы Жозефины, да гирлянда незабудок в черных волосах. Лет за сорок, а все еще пленительна. Сегодня – особенно. Не вторая, а двадцатая молодость. Глубокая ясность осенних закатов, душистая зрелость осенних плодов» (1, 104-105). Ее «молодость», в отличие от «девичьего лица» Елизаветы, наполненного «благоуханной свежестью, ... как от цветка», не несет в себе легкости, одухотворенности, а выражает что-то притягательное,

томное, сладострастное. Когда Голицын догадывается, что «двадцатая молодость» Марьи Антоновны связана с ее увлечением очередным возлюбленным, он вспоминает характеристику, кем-то ей данную: «Минерва в час похоти» (1, 105). Сейчас, по мнению Валериана, она была именно такой. Наивысшей точкой в проявлении полной безнравственности Нарышкиной стало ее вступление в интимные отношения с официальным женихом свое дочери, графом Шуваловым.

Елизавета Алексеевна в своем дневнике далеко не лестно отзывалась о Марье Антоновне. Однако причиной этого является все-таки в большей степени не их соперничество, ревность государыни, а скорее отношение к ней Александра. Елизавета отводит Нарышкиной роль «супруги, матери», которая была с Александром только «в счастье» (1, 359). Размышляя об отношениях Марьи Антоновны с Александром, она находит ей следующую характеристику – «именно: *тварь*; это – не бранное, а точное слово. Разве можно в лотерею разыграть женщину, как он (т.е. Александр – И.Б.) ее с Платоном Зубовым?» (1, 359). Для Александра любовь неотделима от чувства презрения. По его мнению, «чтобы любить, надо немного презирать женщину» (1, 359). Это презрение, по мнению Елизаветы Алексеевны, и составляет суть отношений между императором и Нарышкиной. Нет ни с чьей стороны светлого, возвышенного чувства.

Таким образом, в романе «Александр I» тема любви играет важную роль в раскрытии авторской религиозной и историософской концепции. Мережковский через тему любви показывает двойственность императора Александра, испытывающего любовь как к духовно-возвышенной жене Елизавете, которая заключает в себе «небесное» начало, так и к своей любовнице – безнравственной, развращенной М.А. Нарышкиной, являющейся в романе носителем «земного», плотского, низменного начала.

Библиографический список

1. Мережковский Д.С. Александр I // Мережковский Д.С. Собр. соч.: В 4 т. Т.3. М.: Правда, 1990. 560 с.
2. Мережковский Д.С. Меч // Мережковский Д.С. Не мир, но меч. СПб.: Изд-е М.В. Пирожкова, 1908. С. 1-39.
3. Михин А.Н. Роман Д.С. Мережковского «Александр I»: художественная картина мира: Дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2004. 225 с.
4. Сарычев Я.В. Религия Дмитрия Мережковского: «Неохристианская» доктрина и ее художественное воплощение. Липецк: «ГУП «ИГ ИНФОРМ», 2001. 224 с.

References

1. Merezhkovsky D.S. Alexander the first. // Merezhkovsky D.S. Collected works: in 4 volumes. V.3. Moscow: Pravda, 1990. 560 p.
2. Merezhkovsky D.S. The sword. // Merezhkovsky D.S. Not Peace, but sword. St. Petersburg, 1908. Pp. 1-39.
3. Mikhin A.N. D.S. Merezhkovsky's novel "Alexander the first": artistic picture of the world: Dissertation... Candidate of Philological Sciences. Magnitogorsk, 2004. 225 p.
4. Sarychev Ya.V. D.S. Merezhkovsky's religion: doctrine of "neochristianity" and its artistic realization. Lipetsk, 2001. 224 p.

Г.Н. БОЕВА

кандидат филологических наук, зав. кафедрой культурологии и общегуманитарных дисциплин, Невский институт языка и культуры
E-mail: g_boeva@rambler.ru

G.H. BOEVA

Candidate of Philology, Department of cultural science and all-humanitarian disciplines, Nevsky Institute of Language and Culture
E-mail: g_boeva@rambler.ru

ТВОРЧЕСКИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ И. БУНИНА И Л. АНДРЕЕВА: РЕЦЕПТИВНЫЙ АСПЕКТ
ARTISTIC CONNECTIONS BETWEEN I. BUNIN AND L. ANDREEV: THE RECEPTION ASPECT

Развивая и систематизируя предпринимавшиеся прежде сопоставительные параллели, касающиеся частных проблем или отдельных произведений И.А. Бунина и Л.Н. Андреева, статья предлагает комплексное исследование творческих взаимосвязей двух писателей-современников. Автор статьи приходит к выводу о близости онтологичности основ творчества двух писателей, на путях к «модерности» разными способами обновляющих традиции психологизма.

Ключевые слова: Иван Бунин; Леонид Андреев; рецензия; творческая стратегия; автобиографизм; новаторство.

This article represents a multifaceted exploration of artistic connections between I.A. Bunin and L.N. Andreev. Developing and structuring the comparative parallels that had been suggested earlier and that concern particular problems or individual works of the two writers, the author focuses predominantly on the reception aspect of this question. The author of the article makes a conclusion about similarity of the foundations of artistic methods used by the two writers who lean toward ontologism and rejuvenate, by different ways, the traditions of psychologism on the approaches toward modernity.

Keywords: Ivan Bunin, Leonid Andreev, reception, artistic strategy, autobiographism, innovation.

Известно, что Бунин невысоко ставил творчество Андреева, и его позитивные отзывы о творчестве последнего весьма немногочисленны. А именно, их три, причем самый главный прозвучал уже после смерти Андреева в письме Б.К. Зайцеву от 22 сентября 1938 года: «... сообщая, что вчера начал перечитывать Андреева, прочел пока три четверти “Моих записок” и вот: не знаю, что дальше будет, но сейчас думаю, что напрасно мы так уж его развенчали: редко талантливый человек...» [1, с. 210].

Н. Андреев (однофамилец, не родственник писателя), опубликовавший процитированное выше письмо, сопровождает его исследованием причин этого «развенчания», справедливо отделив от «мы» адресата, Б. Зайцева. В самом деле, пишет исследователь, в своих «Воспоминаниях» (изданных в Париже в 1950 году, но составленных из разновременных очерков – от 1904 до 40-х) Бунин «упоминает имя Леонида Андреева не менее одиннадцати раз. И все эти упоминания “анти-андреевские”» [1, с. 211]. Дважды говорится о якобы отрицательных отзывах Чехова об Андрееве; несколько раз осуждается «народническая манера» Андреева (а также Горького, Скитальца и Шаляпина) носить рубашки, поддевки, высокие сапоги, да и сам характер их творчества определяется как «лубочный» («Горький и Андреев очень способные люди, а все писания их все-таки только “литература” и часто даже “лубочная”» [1, с. 211]); наконец, Андреев называется «запойным

трагиком», «изолгавшимся во всяческом пафосе» [1, с. 212].

Все эти выпады, предполагает публикатор, и явились причиной того, что в своей книге 1969 года об Андрееве Д. Вудворд ни разу не цитирует Бунина, видимо, как необъективного мемуариста. Однако почему же, задается вопросом исследователь, Бунин не желает видеть объединяющего их с Андреевым антибольшевизма, ведь последний – автор острых публицистических статей и обращений (достаточно вспомнить «S. O. S.»), по своему содержанию и пафосу весьма близких к бунинским «Окаянным дням»? И далее вопрошает: «Почему же все-таки Бунин столь долгое время, с 1914 года, накапливает “анти-андреевщину”? Отголосок ли это “борьбы” за “первенство” после смерти Чехова? Все тогдашние кандидаты (Куприн, Горький, Андреев) “упразднены” Буниным в “Воспоминаниях” как недостойные “всероссийской славы”» [1, с. 212]. В своем исследовании Ник. Андреев, кстати, «перепроверил» «литературные отношения» Андреева и Бунина и убедился, что они были хорошими...

Вопрос остается без ответа. Можно только строить предположения. Однако бесспорным остается тот факт, что, оглядываясь на свое прошлое, Бунин пересматривает многие свои запальчивые и несправедливые оценки, в том числе и творчества Андреева.

Личные и творческие взаимоотношения Бунина и Андреева, действительно, иначе как «хорошими» не на-

зовешь. Они вместе входили в литературу: их первые публикации – рассказ Андреева «В холоде и золоте» («Звезда», 1892) и «Деревенский эскиз» Бунина (1893) – появились с разницей в один год). Почти сразу же оба начинающих писателя в восприятии современников оказались в тени Горького (хотя тот дебютировал одновременно с ними, напечатав в тифлисском «Кавказе» рассказ «Макар Чудра» (1892)), что, в частности, отражено в шарже Кока (Н.И. Фидели) «Подмаксимовики» (1903): «грибами»-«подмаксимовиками» там выступают Андреев, Бунин и Скиталец. Вместе Андреев и Бунин посещали телешовские «Среды», печатались в «Знании», вращались в одних и тех же литературно-художественных кругах, имели сходные литературные репутации молодых писателей, далеких от символистских кругов, встречались, переписывались, знакомили друг друга с женами. В этом смысле примечательно восприятие Андреева и Бунина тем же Горьким «через запятую»: в 1908 г. К.П. Пятницкому он пишет об «уплывших» из «вод» «Знания» «Андреевых, Буниных и прочих осетрах» [2, с. 434]. Позднее, уже в 1927 году, в письме И.А. Груздеву, работающему над книгой по истории литературы, Горький называет в числе своих «бывших товарищей» Андреева и Бунина, типичных литераторов XX века, поясняя свою мысль: «во всех нас было и есть нечто общее, не идеологически, разумеется, а – эмоционально» [2, с. 463].

Впервые имена двух писателей сопряжены – в контексте общности их орловских корней и синхронности вхождения в литературу – в воспоминаниях А.П. Алексеевского. Правда, воспоминания его, написанные через несколько десятков лет, грешат неточностями и допущениями. Так, позволяя некоторое хронологическое смещение в освещении орловского периода в жизни начинающих писателей, он называет Бунина «духовным восприемником музыки Л.Н. Андреева и первопечатником его произведений», что справедливо опровергается публикатором и комментатором воспоминаний Л.Н. Афониним. Также неточен автор мемуаров, полагая, что Бунин «значительно опередил Андреева известностью и лет на пять раньше его начал печатать свои рассказы в толстых журналах» и относился к нему «сухо-покровительственно» [3, с. 560].

В этом вопросе допустимо и иное мнение: лауреат Пушкинской премии (1903), почетный академик (1909), Бунин, тем не менее, уступал Андрееву в массовой популярности. Сошлемся на того же Горького, который, отговаривая Бунина от перехода из «Знания» в «Просвещение», определяет (возможно, не совсем бескорыстно) соотношение их популярности как почти паритетное: «*ваши и Леонидовы книги идут почти ровно, с очень небольшим перевесом в сторону Леонида*» [2, с. 446]. «Экономические» показатели все же свидетельствуют о более значительном «перевесе»: гонорарные ставки Андреева и Бунина в 900-е годы соотносятся как 1000 руб. за печатный лист против 600 руб. [4, с. 94]. Некое доминирование Андреева как более старшего ощутимо и в письмах: в частности, он позволяет себе, не владея английским, советовать поэту по поводу пере-

вода поэмы Лонгфелло «Песнь о Гайавате».

На протяжении полутора десятков лет обоих писателей объединяли общие издательские проекты. Первый состоялся в 1901 году, когда оба они приезжают в Нижний Новгород к Горькому прояснить вопрос о сотрудничестве участников кружка «Среда» с «Нижегородским листком» и другими поволжскими изданиями (и одесским «Южным обозрением»), а также с «Курьером» – речь шла об одновременном печатании в этих изданиях художественных произведений [2, с. 100]. В 1908 году, в бытность редактором отдела беллетристики в сборниках «Земля», выпускаемых Московским книгоиздательством, Бунин просит (в письме от 18 мая 1908 года) у Андреева для печати рассказ «Проклятие зверя» (1908) [5, с. 171]. Затем со стороны Бунина следует запрос на роман «Сашка Жегулев» (1911) (письмо от 6 сентября 1908 года [5, с. 171]). Став в 1909 году редактором в журнале «Северное сияние», Бунин также обращается к Андрееву с просьбой о сотрудничестве («*Дай хоть имя*» – в письме от 3 января [5, с. 171]). В 1916 году Бунин оказывается в числе немногих принявших предложение сотрудничества от Андреева, редактора газеты «Русская воля» (за что последний благодарит его в письме от 31 июля [5, с. 174]). Наконец, впервые отрывки из пьесы «Младость» были напечатаны в сборнике в помощь жертвам войны «Клич» (1915), одним из авторов и редакторов которого был Бунин [6].

Несмотря на это, взаимоотношения Андреева и Бунина, как справедливо пишет Афонин в комментариях к воспоминаниям Алексеевского, не были близкими [3, с. 564]. В доказательство он ссылается на мемуары В.Н. Муромцевой-Буниной (см. ниже) и размолвку между ними осенью 1914 года, сопровождаемую резкими письмами с обеих сторон (Бунин вызвал возмущение Андреева тем, что не дал ему подписать письмо против немецких зверств [5, с. 173]). Можно вспомнить и эпизод из воспоминаний Горького, где Андреев «грубо отрицает» «превосходный, суровый талант Ивана Бунина» [2, с. 396]. Примечательно, что оценки бунинского творчества Горьким и Андреевым парадоксальным образом сходятся: в письме Горькому и его жене Андреев сравнивает творчество «Ванечки» с «воздушным пирогом» [2, с. 258], Горький же, в целом оценивая Бунина как «первого поэта нашего времени», стихи его уподобляет «конфетам от Флея или Абrikосова» [2, с. 412]. Налицо общая дистанцированность двух прозаиков от эстетических основ творчества Бунина-поэта.

Уникальным источником сведений о взаимоотношениях Бунина и Андреева – в силу временного охвата воспоминаний и личной включенности в литературную жизнь эпохи и дружбы с обоими писателями – можно счесть дневники К.И. Чуковского. Свидетельства Чуковского ценны еще и в силу их «итогового», ретроспективного характера: оказавшись в марте 1968 г., за год до смерти, в больнице, Чуковский пишет «больничные записки» под названием «Что вспомнилось», в которых возвращается памятью к началу века и пытается осмыслить соотношение писательских репутаций уже ушедших из жизни знаменитых современников.

О Бунине Чуковский пишет: «Нельзя сказать, чтобы он был непризнанным автором. Истинные ценители литературы, ее верховные судьи, Чехов и Горький, уже по ранним стихам и рассказам высоко оценили его дарование. Академия Наук почтила его званием академика. Но публика, читательская масса долго оставалась к нему равнодушна» [7, с. 468], и далее: «Бунин в то время уже написал свои лучшие вещи, но обыватели все еще по привычке считали его Подмаксимкой, то есть одним из слабых писателей, пытающихся благодаря своей близости к Горькому придать себе вес и значение» [7, с. 470]. В доказательство он припоминает несколько красноречивых фактов – о залежах нераспроданных бунинских стихотворных сборников «Листопад» в редакции «Весов», о поклонниках, бросающихся на вокзале к Андрееву и не узнающих Бунина, идущего рядом.

Рефлексирует Чуковский и над причиной равнодушия массового читателя к Бунину и обожания Андреева: «Это дико, это безумно, это кажется почти невероятным, но таковы были факты. Повторяю, Бунин имел свою долю успеха, его не замалчивали, о нем печатались хвалебные рецензии – но если сравнить, например, те Эльбрусы статей, которые вызывало каждое новое произведение Горького, а впоследствии – Леонида Андреева, с количеством критических откликов, посвященных произведениям Бунина, это количество покажется микроскопически малым. <...> Никаких звонких лозунгов он с собой не принес, никуда не звал, ничему не учил, правда, он обладал светлым поэтическим ощущением жизни, изощренным мастерством новеллиста, самобытным и тонким стилем, но это совсем не те качества, которые ценились в то время широкой читательской массой [7, с. 470-471].

Нет основания не доверять и свидетельствам Чуковского о недоброжелательстве Бунина по отношению к Андрееву, причем даже в период их дружеских отношений: «Он говорил о писателях так, словно все они, ради успешной карьеры, кривляются на потеху толпы. Леонида Андреева, который в то время был своего рода властителем дум, он сравнивал с громыхающей бочкой – и вменял ему в вину полнейшее незнание русской жизни, склонность к дешевой риторике» [7, с. 468]. В записках Чуковского находим и его версию недоброжелательства Бунина-мемуариста: «И конечно, он был бы святым, если бы не чувствовал затаенной вражды к более счастливым соперникам. Их всероссийская слава, по искреннему его убеждению, досталась им слишком уж дешево – за произведения более низкого качества, чем те, которые созданы им. Но святым он не был, и поэтому можно представить себе, сколько долгих и тяжелых обид должен был испытывать он изо дня в день, видя шумные триумфы Валерия Брюсова, Леонида Андреева, не говоря уже о небывалой, фантастической славе Горького.

Хуже всего было то, что он должен был скрывать свои высокомерные чувства, должен был постоянно являться с теми, кого презирал, водить с ними многолетнюю дружбу, писать им теплые, участливые письма (о которых впоследствии и сам заявил, что они часто бы-

вали неискренними, то есть скрывали его неприязненное отношение к тем, кто считали его своим другом).

Когда в позднейших его мемуарах читаешь желчные отзывы о тех писателях, с которыми он водился в дореволюционное время, понимаешь, как мучительно было ему, считавшему себя великаном, жить среди тех, кого он считал чуть не карликами» [7, с. 471].

В свете сказанного, особый интерес вызывают немногие позитивные отзывы Бунина о творчестве Андреева.

Первый такой похвальный отзыв можно обнаружить в воспоминаниях В.Н. Муромцевой-Буниной. Речь идет о прочитанной на одной из «Сред» пьесе Андреева «Дни нашей жизни» (1908): «Ян тоже хвалил пьесу, за что Андреев его не раз упрекал, говоря, что он хвалил ее потому, чтобы унизить его символические драмы... Но Ян был искренен, он находил в пьесе художественные достоинства» [8, с. 469]. В другом месте воспоминаний Муромцевой, где она цитирует записи мужа, также обнаружим реакцию Андреева на эту похвалу: «А вот, что ты похвалил мою самую элементарную вещь “Дни нашей жизни”, никогда тебе не прощу. Почему похвалил? Хотел унижить мои прочие вещи» [8, с. 213].

В самом деле, несмотря на далекость обоих молодых писателей от символистских кругов, бунинская оценка творчества Андреева парадоксально близка именно к символистскому восприятию его как «некультурного писателя». Так, после чтения на очередной «Среде» «Анатэмы» (1909) Бунин сетует: «Как жаль, что Леонид пишет такие пьесы, – все это от лукавого, а талант у него настоящий, но ему хочется “ученость свою показать”, и как он не понимает при своем уме, что этого делать нельзя? Я думаю, что это от того, что в нем нет настоящей культуры» [8, с. 424]. Возможно, он был знаком (и внутренне согласен) с мнением З.Н. Гиппиус об Андрееве как о «некультурном писателе», высказанным годом ранее («Notes sur la littérature russe de notre temps» [9]).

Второй же благожелательный отзыв Андреева Буниным касается пьесы «Младость» (1916), которая была высоко оценена им в одном из интервью – за ее «жизненность», «свежесть», «большую сдержанность» и даже «новые шаги», которые замечаются в этом произведении [10]. Известно, что Бунин театра не жаловал и не написал ни одной пьесы – вот и отзываясь о «Младости», он оговаривает, что «не театрал», поскольку его ранят сценические условности и неискренность. Впрочем, замечает он далее, сама форма пьесы, схожая с формой стихотворения, привлекает его своей компактностью и вдохновляет на создание собственного драматургического опыта, хотя и «не для сцены».

Расследование причин похвального отзыва Бунина об андреевской «Младости» наводит на следующие размышления.

«Забракованный» самим автором рассказ («Пасхального рассказа моего не читай. Дрянно, сделанная в одни сутки, чтобы вывезти “Курьер”, у которого совсем нет беллетристики» (письмо Горькому от 10 апреля 1902 года) [2, с. 143]), скорее всего, не устроил

его неотшлифованностью, «этудность», побудившей, кстати, оснастить первую, «курьерскую» публикацию подзаголовком «эскиз». А возможно, дело было в его традиционности: «Весной» уже не умещался в рамки того представления об Андрееве, которое давали другие рассказы – на шумевшие «Бездна», «Смех», «Ложь».

Однако у истории с «неудачным» рассказом есть продолжение. Вообще имея склонность перерабатывать свои ранние вещи в ином жанровом регистре (как правило, проза «перелицовывалась» в пьесы – такой процедуре, в частности, подверглись неопубликованные рассказы конца 1890 – начала 1900-х гг. «На привычную тему», «Старый студент» и «Тенор», послужившие основой для пьес «Дни нашей жизни» (1908) и «Gaudeamus» (1910); «Мысль» (1902 – рассказ, 1914 – пьеса); из фрагмента «Моих записок» (1908) выросли «Черные маски» (1908)), почти через полтора десятка лет Андреев вновь обращается к своему раннему рассказу и использует его мотивы как основу для поздней пьесы «Младость» – уже далеко не «эскиза», а «повести в диалогах» (на самом деле – драмы в четырех действиях).

Именно эта пьеса и снискала доброжелательный отклик Бунина, возможно, увидевшего в ее сюжете, связанном с перерождением / возрождением души некую родственность с «Митиной любовью» (1925), на что в исследовательских параллелях между двумя писателями уже обращали внимание [11]. Возможно, нарочитый, «незакамуфлированный» автобиографизм в андреевской пьесе, ставший основой ее «жизненности», и вызвал приятие Бунина, прибегшего к родственной стратегии в своей повести. Сам же Андреев, видимо, ощущал «непереваренность» автобиографического слоя как недостаток собственно художественности текста и пытался уйти от автобиографической конкретики в рассказе, сильно остранив бытовое начало в пьесе и придав ей экзистенциальное звучание.

При всей стилистической разнице их творчества, вызывающей взаимное неприятие, Бунина и Андреева объединяет глубинное родство, проявившееся, в частности, и в тех произведениях, о которых идет речь, поскольку тематически они – о самом главном и общем для двух писателей: любви и смерти. Разъясняя основную идею своей пьесы, сам Андреев в письме к Немировичу-Данченко пишет, что в ней «есть и драма и смерть, но общий смысл радостно-печальный: вечно бегущий поток жизни, старость и младость, любовь и любовь» [2, с. 555]. В «Митиной любви» современники Бунина также усматривают «мотив дивования», мистичность (Г.П. Струве [12, с. 578], мистериальность (М.В. Карамазова [12, с. 577], «мессу пола» (К.И. Зайцев

[12, с. 581]). Прочитав речь Струве по случаю присуждения Бунину Нобелевской премии: «вершины своего творчества Бунин достигает там, где сливаются две его основные темы – любовь и смерть. Не случайно самое совершенное, самое музыкально-целостное из произведений Бунина – “Митина любовь”, где эти темы слиты воедино» [12, с. 578]. Напомним, что название повести во французском переводе – «Таинство любви» – также говорит в пользу ее «онтологичности».

Итогом размышлений о творческих взаимосвязях Бунина и Андреева и их восприятию творчества друг друга могут стать следующие заключения.

Бунинские резкие оценки творчества Андреева были скорректированы им в поздний период, однако близость антибольшевистского по своему пафосу публицистического наследия современника его собственным дневникам так и осталась не замеченной им или не прокомментированной. Самым вероятным объяснением неприятию Буниным андреевского творчества можно считать «человеческий фактор», свет на который проливают воспоминания такого объективного мемуариста, как Чуковский.

Тем не менее, отвергая стилевое новаторство Андреева, Бунин, также принадлежащий к поколению «порубежных» писателей, оставался с ним близок в онтологичности основ своего творчества. По сути, оба они идут путями обновления традиционного реалистического искусства, однако пути этих новаций во многом различные: тяготение к экспрессионистской условности у Андреева и импрессионистские тенденции у Бунина. Неприятие творчества друг друга вызвано как стиливым несопадением в их общем устремлении к «модерности», так и явным приоритетом эстетического начала у Бунина.

Пытаясь запечатлеть утончившуюся психику современного человека, оба писателя, каждый по-своему, решают проблемы новой «психологичности», связи индивидуального и бытийного. Драматургические опыты Андреева в русле «панпсихического театра» (две его пьесы, о которых шла речь выше) потому и были положительно восприняты Буниным, что в них явлена родственная ему самому стратегия: восхождение к метафизике бытия при сохранении жизнеподобия, психологического автобиографизма и связи с традицией. Пьеса «Младость», выросшая – в духе характерной для Андреева жанрово-стилевой «гипертекстуальности» художественного мышления – была высоко оценена Буниным, поскольку оказалась адекватной представлениям последнего о мере допустимого в синтезе реального и условного.

Библиографический список

1. Андреев Ник. Бунин о Л. Андрееве. Новый журнал. Нью-Йорк. 1978. Кн. 131. С. 210-213.
2. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка // Литературное наследство. Т. 72. М.: Изд-во «Наука», 1965. 632 с.
3. Алексеевский А.П. Воспоминания о Горьком и Андрееве / Публикация и комментарии Л.Н. Афонина // Литературное наследство. Т. 72. М.: Изд-во «Наука», 1965. С. 559-564.
4. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: НЛЮ, 2009. 448 с.
5. Письма Л. Андреева и И. Бунина // Вопросы литературы. 1969. № 7. С. 162-175. С. 162-175.

6. «День печати». Клич. Сб. на помощь жертвам войны / Под ред. И.А. Бунина, В.В. Вересаева, Н.Д. Телешова. М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1915. 240 с.
7. Чуковский К.И. Дневник: В 3 т. Т. 3: 1936 – 1969 / сост., подгот. текста, коммент. Е. Чуковской; предисл. В. Каверина. М.: ПРОЗАиК, 2011. 640 с.
8. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина: 1870-1906. Беседы с памятью. М.: Советский писатель, 1989. 507 с.
9. Гиппиус З.Н. Заметки о современной русской литературе // Mercure de France. 1908, 1 янв. С. 74-75.
10. Фрид С.И. И. Бунин о новой литературе // Биржевые ведомости. 1916. 14 апреля. (№ 15498). Веч. вып. С. 3.
11. Евстафьева Н.П. Концепция мира и человека в рассказе Л. Андреева «Весной» и повести И. Бунина «Митина любовь» // Эстетика диссонансов. О творчестве Л.Н. Андреева: Межвузов. сб. науч. трудов к 125-летию со дня рождения писателя. Орел: ОГПУ, 1996. С. 25-26.
12. Бабореко А.К. Комментарии // Бунин И.А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Московский рабочий, 1996. Т. 5. С. 559-590.

References

1. Andreev Nik. Bunin about L. Andreev // The New Review. New York. 1978. Vol. 131. Pp. 210–213.
  2. Gorkiy and Leonid Andreev: Unpublished Correspondence // Literaturnoe nasledstvo. Vol. 72. Moscow: Nauka, 1965. 632 p.
  3. Alekseevskiy A.P. The Memoirs about Gorkiy and Andreev / Publication and Comments by L.N. Aphonin // Literaturnoe nasledstvo. Vol. 72. Moscow: Nauka, 1965. Pp. 559-564.
  4. Reitblat A.I. From Bova to Bal'mont and other works on historical sociology of Russian Literature. Moscow: NLO, 2009. 448 p.
  5. The Letters of L. Andreev and I. Bunin // Voprosy literatury. 1969. № 7. Pp. 162-175.
  6. «The Day of the Press». (Battle) cry. Collected articles for the aid of war victims / Ed. by I.A. Bunin, V.V. Veresaev, N.D. Teleshov. Moscow: A.A. Levenson printshop, 1915. 240 p.
  7. Chukovskiy K.I. The Diaries: In 3 vol. Vol. 3: 1936 – 1969 / Collect., text preparation, comment. of E. Chukovskaya; The Preface of V. Kaverin. Moscow: PROZAiK, 2011. 640 p.
  8. Muromtseva-Bunina V.N. The Life of Bunin: 1870-1906. Conversations with Memory. Moscow: Sovetskii Pisatel', 1989. 507 p.
  9. Gippius Z.N. Notes on contemporary Russian literature // Mercure de France. 1908, 1 January. Pp. 74-75.
  10. Frid S. I.A. Bunin about the New Literature // Birzhevye vedomosti. 1916. 14 April. (№ 15498). Evening edition. P. 3.
  11. Evstaf'eva N.P. The concept of the world and human being in L. Andreev's short story «In the spring» and I. Bunin's story «Mitia's love» // Esthetics of dissonances. On L.N. Andreev's work: Multi-university collection of scholarly works dedicated to the 125th anniversary of the writer's birth. Orel: OGPU. 1996. Pp. 25-26.
  12. Baboreko A.K. Comments // Bunin I.A. Collected works in 8 volumes. Vol. 5. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1996. Pp. 559-590.
-

А.Ю. БУШУНОВ

аспирант, кафедра русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет

A.YU. BUSHUNOV

Graduate student, Department of Russian literature of the XX-XXI centuries and history of foreign literature, Orel State University

**ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ КАК «ЧАСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК» И ЧЕРТЫ ДЕПРЕССИВНОГО РЕАЛИЗМА
В ПОЭЗИИ АНДРЕЯ ВАСИЛЕВСКОГО**

**LYRICAL CHARACTER AS A "PRIVATE PERSON" AND FEATURES OF DEPRESSIVE REALISM
IN ANDREI VASILEVSKY'S POETRY**

Андрей Василевский, оказавшись одним из продолжателей направления «депрессивного реализма», вывел тип уникального героя, сочетающего в себе черты культурно-исторической традиции, многовекового духовного опыта и масс-культы. Особенно актуально для его поэзии парадоксальное соединение мировидения человека верующего и сомнения агностика, неуверенного в целесообразности бытия, что и определяет поэтику его произведений и их идейно-семантическую парадигму.

Ключевые слова: современная поэзия, Андрей Василевский, литературный контекст, лирический герой, социокультурная традиция, депрессивный реализм, христианство, агностицизм, новая мифология.

Andrei Vasilevsky, being one of the continuators of the direction of "depressive realism," brought a unique character type that combined the features of the historical and cultural traditions, centuries-old spiritual experience and mass cult. The paradoxical connection of the worldview of a believer and agnostic's doubt, non-confident in the feasibility of being is especially urgent for his poetry, and it determines poetics of his works and their ideological and semantic paradigm.

Keywords: modern poetry, Andrei Vasilevsky, literary context, lyrical character, social and cultural tradition, depressive realism, Christianity, agnosticism, new mythology.

Андрей Василевский – главный редактор журнала «Новый мир», выпускник и преподаватель Литературного института, постоянный участник писательских форумов, семинаров и фестивалей. Кроме того, Василевский – известный блогер avvas, регулярно выкладывающий в своём живом журнале ссылки на сетевые материалы литературной и общекультурной тематики.

В качестве поэта, имеющего свою узнаваемую манеру письма и свод оригинальных идей, Василевский выступил совсем недавно (ранее известны подборки его студенческих стихотворений), сразу войдя в число самых читаемых и обсуждаемых авторов. В 2009 году издательство «Воймега» выпустило его дебютную книгу «Всё равно». Сборник получил специальный приз премии «Московский счёт». Вторая книга Василевского – «Ещё стихи» – вышла в 2010 году снова в «Воймеге». И хотя временной зазор минимален, новый сборник поэта демонстрирует заметное усиление и радикализацию некоторых формальных и содержательных тенденций первой книги.

Сразу следует обратить внимание на то, что почти исчезла силлаботоника, уступив место верлибрам и текстам, написанным гетероморфным стихом. Ключевые мотивы первой книги: невозможность коммуникации, болезненность и абсурдность человеческого существования, бессилие субъекта перед лицом смерти – предстали в более мрачных тонах.

Поэзия Василевского обозначила новое понятие в

литературоведении – депрессивный реализм. Впервые этот термин употребил поэт Борис Херсонский в статье «Иллюзорный мир» (журнал «Новое литературное обозрение», №60, 2010). Херсонский отметил некоторые характерные черты депрессивного реализма, как-то: мизантропия, стилистическая суховатость, физиологизм, минимализм и использование элементов масс-культы в качестве поэтического материала. У Василевского наравне с представителями «высокой литературы» (Пушкин, Лермонтов, Толстой, Маяковский, Ахматова, Рубцов), выведенными в текстах иронично и гротескно, во множестве присутствуют персонажи культового фильма «Чужие» («А на луне лежал в печали/ Какой-то alien больной»; «Хищник смотрит на Чужого/ Чужой на Хищника») и компьютерных игр («Если знаешь комбинацию клавиш/ Лара Крофт успеет выхватить пистолеты»), герои популярных сериалов («хаус холмс и пуаро/ спорят до ночной звезды/ кто из них возьмёт ведро/ молча принесёт воды»), контркультурных мультфильмов («Кенни снова живой»); детские «страшилки» («а потом/ из чёрного рояля/ вылезли скелеты/ и убили отца и мать»).

Рассуждая о поэтике Василевского, Херсонский представляет образ его лирического субъекта через литературно-социальную парадигму: «Новый башмакин, интеллеktуал-интроверт, частный человек, без иллюзий воспринимающий окружающую действительность». (10, 43)

Новая книга сразу стала объектом пристального внимания современных критиков и коллег по цеху. Поэт и критик Мария Галина в статье «Люди, хорьки, элиенсы, кошки» довольно логично замечает: «Отличительная черта депрессивного лирического героя-реалиста – это тотальное по comments касательно происходящего». (1, 107) Действительно, автор старательно уходит от объяснения ситуации, пренебрегая бытовым детерминизмом, тем более что абсурдность ситуации человек или не воспринимает, или не может объяснить

Можно проследить и неоромантические тенденции, связанные с безальтернативным исходом борьбы человека с миром, даже если герой не является протагонистом авторских идей, а всего лишь служит объектом наблюдения рассказчика, который единственно способен рефлексировать по поводу происходящего. По мнению критика Артёма Филатова, «частный человек Василевского постоянно находится в позиции одинокого противостояния внешнему миру («Против неба/ на земле»), который довлеет над ним так же, как довлеет над московским пейзажем черетелевский Пётр:

Учился плохо, женился однажды,
К Белому дому не ходил дважды.
Хотя прожить хотелось бы дольше,
Читаю меньше, а курю больше.
Не поднимаю глаз от тарелки,
Лишь бы не видеть Петра на стрелке,
Где над рекою колумб уродский
Стоит, как (в нашей поэзии) Бродский.

Даже особенности урбанистического пейзажа (неорганичное внедрение скульптуры одиозной личности в ландшафт родного города) способны посеять глубокое отчаяние в душе человека чувствующего, несмотря на якобы социальную несостоятельность, бытовую неустроенность, явную аполитичность, а, возможно, и благодаря им, поскольку успешность во всех её проявлениях ведёт к духовной смерти. Таким образом, стихотворение содержит и скрытую полемику с новой обывательщиной, запрограммированностью на успех, американской мечтой.

В этой связи следует отметить высказывание Алисы Ганиевой в статье «Не всё равно» (НГ Ex Libris, 17.09.2009), когда она пишет о лирическом герое Василевского как о «бесприютном скитальце афоризмов, подзамочных ЖЖ-записей, детских считалок, лишённом привычного повседневного существования, обитателе эсхатологической бездны» (2,15) («здравствуй боже мой/ мы идём домой/ воздух раздвигая/ бесов отгоня»).

Довольно сложно согласиться с мнением Артёма Скворцова, одного из современных критиков и литературоведов, по поводу оценки личности и мировоззрения лирического героя, поскольку некоторые заявления, определяющие общую тональность сборника «Всё равно», не дают вектора аналитического исследования, а являются общепринятыми установками для анализа лирического героя. В рецензии на сборник исследователь замечает, что «лирический субъект не пытается по-

казать больше или меньше того, что он есть на самом деле. И если в запечатлённом им мире «всё равно», то и сам герой подвёрстывается под ту же универсальную формулу: он действительно равен самому себе». (8, 61) Следует заметить, что лирический герой по сути своей существо подневольное, отражающее ипостась авторского самосознания, лишённое самостоятельной воли и права на выбор и саморазвитие, поэтому и не может быть тем, кем не является. Думается, что безусловное новаторство автора идёт не от безысходности мироощущения или примитивности, статичности бытия, а от глубинного философского прозрения, осознания равенства между успехом и поражением, удачей и падением (см. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво»: «Но поражение от победы ты сам не должен отличать»), жизнью и смертью. Поневолле вспоминаются хрестоматийные, но не потерявшие актуальности и для современного человека строки Пушкина: «Хвалу и клевету приемли равнодушно», «Поэт, не дорожи любовью народной» и т.д.

Спасением для поэта (или отстранённого от литературы героя, что разрушает классический конфликт «поэт и толпа») становится трезвый взгляд на мир, который по крайней мере не наращивает миражного драматизма. В сборнике есть ведущая идеологическая доминанта – отсутствие у героя иллюзий («Жизнь страшна, как московский вокзал,/ И безвкусна, как миска попкорна/ И она, мне Херсонский сказал,/ Выносима, пока иллюзорна./ А уроду не надо огня/ В его здравоохранительной клетки,/ Чтобы ясно увидеть себя/ В беспощадном, но истинном свете»).

Мы можем заметить в дополнение к вышесказанному, расширяя литературный контекст проявления авторского замысла, что лирический субъект лирики Василевского поступает по принципу героев чеховских пьес: говорится о мелочах и пустяках, когда жизнь рушится. Эта общая мысль о тотальном равнодушии, сопряжённая с довольно отстранённым отношением к героям самого автора на фоне неблагоприятной социальной обстановки кризисного периода, безусловно, сближает авторов конца XIX и начала XXI веков. Следует ещё отметить и явную лаконичность «житейских историй», сопряжённую с психологической сгущённостью стиля.

Можно с полным правом сказать, что не только глубоко лирическая, эмоционально-чувственная, а ещё шире, социокультурная традиция определяют взгляд Василевского на окружающую действительность, её героя и его оценочность. Критики отметили явный психологический характер лирики, посвящённой в основном вечным вопросам бытия. Поэт Данила Давыдов в важной для понимания современной поэтической ситуации статье «Мрачный детский взгляд: «переходная оптика в современной русской поэзии» («Воздух» 2009, №3,4) говорит о «пубертатном мировосприятии лирического героя стихотворений Василевского, максимально приближённом к онтологическому пониманию жизни и смерти:

Человек человеку другой
Мальчик думает: я иной

Никогда не умру
Или умру как герой
Попирая смерть героической ногой». (3, 38)

Мы можем дополнить это мнение несколькими уточнениями. Герой депрессивного реализма весьма физиологичен в проявлении своих психологических установок, откровенен там, где иные субъекты в подавляющем большинстве поэтик перевели бы разговор в метафорическую плоскость; равнодушен в тех художественно-идейных установках, в которых другие субъекты чувствовали бы себя гораздо свободнее. В таких случаях читательская эмоция становится неизмеримо выше лирического посыла:

прежде чем стать веществом
бывший человек становится существом
которое хочет спать
кричит об этом всю ночь
мочится злобно в кровать
никто не может помочь.

Безусловно, что при соприкосновении с подобного рода поэзией формируется редкий психологический эффект: неприукрашенные тексты взрослого человека опознаются как молодые и эпатирующие, что сообщает стихотворениям Василевского *сдвинутую сложную оптику*:

Сразу за поворотом
История становится фразеологическим оборотом
(снарком и бармаглотом)
Сном троечника ван сусанин
Ныряет в сумеречную зону
Крейсер идёт на одессу выходит к херсону
Всё равно победа будет за нами.

Если проследить развитие характера героя через лексическое «узнавание» современным читателем, то можно обнаружить интересную разновидность постмодернистской игры: снарк и бармаглот – герои Льюиса Кэрролла, хотя заметны отсылки и к отечественному Бармалею, ван сусанин как бы невзначай рождает ассоциации с героем американского триллера, борца с потусторонней нечистью Ван Хельсингом, да и херсон способен создать безрадостные ассоциации с печальным итогом благостно начатого дела (литературный язык укоренил глагол «похерить» в память об утраченной букве).

Несовпадение биологического и литературного возраста по причине тридцатилетнего молчания (первые опыты связаны с 80-ми годами и являют образцы традиционного письма несколько мрачноватой тональности, планомерное творчество приходится на конец двухтысячных) и особенностей поэтики близкого ему депрессивного реализма привело к тому, что автор оказался в более молодой поэтической генерации. Данный феномен отразился на природе его лирического субъекта. Дело в том, что Василевский радикально осовременивает и визуализирует своего героя, который выступает то в роли Красной шапочки, обратившейся к психоаналитику, поскольку тоскует по волку, то в обли-

ке Гарри Поттера, которого неотвратимо ждёт гибель от его создательницы. Искрая их архетипическую сущность, поэт создаёт новую мифологию, структура которой вызывающе антигероична.

Так бормочет очкарик, пытаясь доплыть до утра.
(Гарри Поттер реальной церетелевского Петра)

И в этой новосозданной мифологии Василевского его лирический субъект становится сугубо частным героем, страдальцем-обывателем, пропустившим через себя весь культурологический и медийный поток цивилизации, и оказывается фактически зеркальным отражением автора:

Это странно, очень странно
Номо sapiensом быть,
Просыпаться утром рано,
Просыпаться, чтобы жить.

Дверка в сон полуоткрыта,
Не очнувшись, ум молчит,
А из зеркала небрито
Номо sapiens глядит.

Как-то это всё туманно,
Непонятно и туманно,
Почему ему не странно –
Против неба,
На земле.

Это очень странно мне.

Чувством присутствия Божественных сил в мироздании герой наделён в полной мере, он не перестает ощущать в себе пресловутую «память смертную» – не просто неотвязную мысль о конечности существования, а особое состояние человеческого духа, обретаемое в процессе духовного роста и подводящее к осознанию истинной ценности бытия:

...но к храму Христа
Торопись занимать места
Погода – и смех и грех
Иди на своих двоих
Помилуй Господи всех
Животных больных твоих
Пускай нам будет зер гут
За то что мы жили тут.

Сам Василевский в одном из интервью сказал, что все его стихи о смерти, о её неизбежности. О неотвратимом наказании в аду прямо говорит его герой:

Я знаю, нам, тебе и мне,
Не встретиться в аду.
Сам по себе, хоть и в толпе
На страшный суд пойду.

Мы видим, что лирический герой смиряет свои агностические порывы: мотив Божьего наказания, скрытого и явного; мотив воссоединения людского рода в момент последнего, самого важного испытания слышен в творчестве поэта. Допустим, размышления героя о смерти могут показаться в наше время весьма банальными – слишком почтенна эта традиция, восходящая ещё к античной литературе. Но в том-то и дело, что ге-

рой Василевского говорит о смерти с позиции православия, а здесь не всё так просто. Христианство никогда не рассматривало смерть человеческой личности как точку в конце предложения, но, скорее, как запятую, которая отделяет земное бытие от посмертия. Интонация лирического героя подхватывает мнение ряда богословов, утверждавших, что смерть есть «Человеколюбивый дар Господа»(4, 175), а не проклятие или наказание.

Раскинулось небо широко
Товарищ
Мы едем как можно дальше
Возьми kota
И собаку
И саженцы яблонь.

Эти строки Василевского словно повторяют сова Иоанна Златоуста: «Благодетельно установлена смерть»(5, 29).

Кирилл Александрийский, хотя и считал смерть наказанием, но говорил, что это «человеколюбивое наказание», поскольку смертью Бог ограничил грех, зло, боль, страдания – всё то, что «искажает замысел о человеке как богоподобном существе»(6, 97). С этой мыслью совпадают лирические устремления Василевского:

Обновлённые
Собирают себя
В космическую дорогу
Сатана
Возвращается к Богу.

Но, как справедливо заметил поэт Данила Давыдов в статье «Мрачный детский взгляд: переходная оптика в современной русской поэзии», «равнодушный агностицизм исподволь доминирует» (3, 28). Более того, нарастающий агностицизм героя уже безжалостен и к автору, и к читателям. «Это мир, где демократ ничего не может возразить фашисту на спокойное убеждение «фашизм – это хорошо», где едва ли не самое живое существо – мёртвая кошка, стерегущая в потёмках героя; где едва ли не самая живая женщина – расхитительница гробниц Лара Крофт с пистолетами наголо; где самому лирическому субъекту легче почувствовать себя не человеком, а ядерной боеголовкой, не в охотку летящей выполнять задание; где антропоморфное пространство, вообще, кажется, тихо сошло на нет, и во всём подлунном мире лишь Хищник смотрит на Чужого – пробел – Чужой на Хищника», – пишет критик Артём Скворцов в статье, посвящённой сборнику Василевского «Всё равно».(8, 32) Мы можем согласиться с тем, что тотальное равнодушие в итоге опутывает героя, заслоняя от него образ Божий:

Этой осенью, этой зимою
Всё равно, что будет со мною.

Всё возможно, всё невозможно,
Утомительно и тревожно.

Всё равно, ничего не надо.
Кто-нибудь помилуй нас грешных.

Если перейти от духовных трансформаций лирического героя к культурологическим, то нельзя не заметить его имманентное качество, являющееся ещё и своеобразным «минус-приёмом» поэтики В. Василевского. Речь идёт о так называемом комиксном восприятии мира субъектом, фиксации факта, одномерного события. Одномерность комикса содержательна до предела, комикс лишён другого этического измерения, нравственной изнанки; один ракурс комикса – это строго одно законченное понятие. Существование лирического героя разделено на дискретные ракурсы, распределённые в пространстве текста, но объединяющие свои разрозненные динамики к финалу, что придаёт стихотворению двойной, метафизический смысл:

Некто
Ошибочно думающий что он не человек
Высовывается из окна
С земли пищит домофон
Из подъезда выходит панк
Вдали инкассаторская машина
То ли привезли/ увезли
То ли грабят сбербанк
Кто-то кричит:
Мушина!
Горит
Путёвка в египет
Но лучше на крит
Рустам обещает мasha
Любовь до гроба
И левый правому говорит
Я с тобой
В одну яму не лягу
Но лягут оба.

Исходя из вышесказанного, следует сформулировать некое поэтико-геометрическое единство текстов Василевского. Большинство стихотворений данного автора можно описать в трёх координатах: координата отчётливого собственно-лирического послания, координата метафизического кода, или второго плана, направленного на читателя, и координата подключённости к тому или иному культурному и духовному массиву: к американскому кино и анимации, русской классике, компьютерной игре, исламу, христианству. Последнее особенно мучительно и остро обозначено в лирическом субъекте, поскольку в нём сильна и тяга к агностицизму. Борьба этих двух категорий в герое – основной динамический фактор лирики Василевского.

Библиографический список

1. *Василевский А.В.* Всё равно. М.: Воймега. 2009.
2. *Василевский А.В.* Трофейное оружие. 2013.
3. *Галина М.С.* Люди, хорьки элиенсы, кошки//А.Василевский. Трофейное оружие. М.: Воймега, 2013.
4. *Ганиева А.А.* Не всё равно//НГ Ex Libris, 2009.
5. *Давыдов Д.М.* Мрачный детский взгляд: переходная оптика в современной русской поэзии//Воздух. 2009, №3.

6. *Иванов Н.П.* И сказал Бог. Клин, 234 с.
7. *Лопухин А.П.* Толковая Библия. Т.1. 356 с.
8. *Мень А.В.* История религии. В поисках пути, истины и жизни. Т.1, М.: 2003.
9. *Муравник Г.Л.* Ибо прах ты и в прах возвратишься//Новый мир. 2002, №8.
10. *Скворцов А.Э.* Наше всё равно//Знамя 2010, №12. <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/1/>
11. *Филатов А.И.* Убить другого//Мегалит 2012. <http://www.promegalit.ru/index.php>
12. *Херсонский Б.Т.* Иллюзорный мир//Новое литературное обозрение. 2010, №60.

References

1. *Vasilevsky A.V.* All the same. М.: Voymega. 2009.
  2. *Vasilevsky A.V.* Captured weapons. 2013.
  3. *Galina M.* People, eliensy ferrets, cats // A.Vasilevsky. Captured weapons. М.: Voymega, 2013.
  4. *Ganieva A.A.* Not all the same // NG Ex Libris, 2009.
  5. *Davydov D.M.* Dismal child's view: the transition optics in modern Russian poetry // Air 2009, № 3.
  6. *Ivanov N.P.* And God said. Klin. 234 p.
  7. *Lopukhin A.P.* Explanatory Bible, Vol.1. 356 p.
  8. *Men A.V.* Thehistory of religion. In search of ways, truth and life. Vol.1. М., 2003.
  9. *Muravnik G.L.* For dust you are and to dust you will return // New World 2002, № 8.
  10. *Skvortsov A.E.* Our all the same // Znamya. 2010, № 12 <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/1/>
  11. *Filatov A. I.* Kill another // Megalit. 2012 <http://www.promegalit.ru/index.php>
  12. *Khersonsky V.T.* Illusory world // New Literary Review. 2010, № 60.
-

УДК 801.3136 804.0

UDC 801.3136 804.0

В.В. ВЯЗОВСКАЯ

кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра русского языка довузовского этапа обучения иностранных учащихся, Воронежский государственный университет
E-mail: v.vyazovskaya@gmail.com

V.V. VYAZOVSKAYA

Candidate of Philology, Senior lecture, Department of Russian Language for foreign students of pre-university study, Voronezh State University
E-mail: v.vyazovskaya@gmail.com

БАРОН АЛЬТЕРЗОН: К ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. ЛЕСКОВА

BARON ALTERZON: THE JEWISH QUESTION IN THE N. S. LESKOV'S WORKS

В статье рассматривается еврейский вопрос в творчестве Н. С. Лескова. Определены принципы синтеза документального и биографического в реализации еврейской темы в ономастическом аспекте. Поэтонимы, выбор которых обусловлен индивидуально-авторской интенцией, участвуют в формировании многомерности художественного текста, создавая прочные метатекстуальные связи.

Ключевые слова: Лесков, еврейский вопрос, ономастика, онимы, язык писателя.

The article deals with the Jewish question in N.S. Leskov's works. The principles of synthesis of documentary and biographical in implementing Jewish themes in onomastic aspect are defined. Poetic names, which determined the choice of individual and authorial intention, form the multidimensionality of the fiction text, creating a strong metatextual connection.

Keywords: Leskov, the Jewish question, onomastics, names, style of the writer.

Снова приходится говорить о евреях, или, как выражаются некоторые наши органы, заняться *еврейским вопросом*.

Н. С. Лесков

Н. С. Лескова – писателя самобытного, начавшего свой творческий путь в качестве публициста, не мог не интересоваться еврейский вопрос как часть той общественно-политической жизни общества XIX века, непосредственным участником которой был и он сам.

Андрей Лесков, сын писателя, в своей книге «Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям» приводит один из набросков отца, посвящённых его автобиографии. Н. Лесков, увидев приезжих людей недалеко от своего дома, которые назвали себя жидами, так описывает свои детские впечатления от этой встречи: «Ужас поднял дыбом волосы на моей голове, и я бросился бежать домой с страшным криком, а прибежав, упал и долго ничего не мог рассказать встревоженным моим страхом родителям. Но наконец, когда меня успокоили, я кое-как проговорил: «Там... у родника... жида...» [5,105]. Вероятно, такое впечатление о евреях сложилось у совсем ещё юного писателя, слышавшего разговоры, их обрывки о евреях, что не могло не повлиять на его сознание.

Исследователи еврейского вопроса в контексте исторического пути России обращались не только к художественным текстам Н.С. Лескова, но также и к его публицистике. Статьи этого писателя по праву занимают важное место, так как, вскрывая самые различные «язвы» российской действительности, они помогают

взглянуть на положение евреев в России того времени с позиции человека, обладающего особой наблюдательностью и особым видением самобытности каждой культуры.

Уже в своих первых публицистических работах Н.С. Лесков отражает «остроту» положения евреев в российском обществе. Размышляя о злободневных проблемах в самых различных сферах жизни, Н.С. Лесков в своих статьях приводит реальные случаи, связанные с евреями. Так, в 1860 году в своей заметке «Несколько слов о врачах рекрутских присутствий» он описывает случаи жестокого отношения к еврейским детям в ходе рекрутского набора: «Срулик задержан его единоверцем *Мордохом* без узаконенного письменного вида. Не его [врача] даже дело рассуждать, узаконен ли для 8-летних детей письменный вид, за неимением которого их отдадут в рекруты <...> отдатчик просит принять Срулика, мать Срулика просит забракковать его, – член-врач все это слушает торопясь и наскоро, обращает внимание только на монетное подкрепление просьбы» [6, 163].

В 1862 году Н.С. Лесков откликается своей статьёй «Что думают некоторые умные люди о допущении русских евреев на службу?» на публикацию газеты «День». Поводом к написанию статьи послужил выпад редакции «Дня» против того, чтобы евреи были допущены на государственную службу, несмотря на выход закона, позволяющего им занимать подобные посты. Лесков описывает сложившуюся ситуацию по еврейскому вопросу, констатируя тот факт, что «разумное и способное еврейское племя, рассеянное по лицу земли, живёт в

России очень давно и никогда ещё не пользовалось полным гражданским равноправием не только с русскими, но даже с иностранцами <...> Такое положение евреев и в России в последнее время признано неудобным и несовременным» [7, 558]. По мнению писателя, новый закон изменил бы эту ситуацию только в лучшую сторону. Н.С. Лесков полемизирует с Аксаковым, полагая, что «воззрения заставляют «День» принимать на себя роль какого-то опекуна младенчеству и развращаемой западной цивилизацией Руси, и он с нежною любовью старого дядьки пестует своего тысячелетнего младенца, трясется при всяком его сближении со сверстником» [7, 558]. Эта статья, хотя и была написана ещё в самом начале карьеры писателя, однако позволяет говорить о живом интересе Н.С. Лескова к событиям, происходившим с еврейским народом в России, современником которых он был.

В 1884 году анонимно выходит работа Н.С. Лескова «Еврей в России: несколько замечаний по еврейскому вопросу» [11]. Это сочинение представляло собой своеобразное «исследование» положения евреев в России, которое было выполнено Н.С. Лесковым по заказу петербургской еврейской общины. Впоследствии эта работа была представлена комиссии К. Палена по рассмотрению статуса евреев в России.

Н.С. Лесков, затронув еврейский вопрос ещё в своей ранней публицистике, касался его и в своих художественных текстах. Он пишет ряд произведений, действующими лицами которых становятся персонажи-евреи («Владычный суд» (1877), «Ракушанский меламед» (1878), «Сказание о Федоре-христианине и о его друге Абраме-жидовине» (1886) и др.).

Уже в первом крупном сочинении Н.С. Лескова, романе-памфлете «Некуда» (1864), мы находим отзвуки еврейского вопроса, который затем займёт своё – отнюдь немаловажное – место в осмыслении писателем проблемы межнационального диалога.

В этом романе есть несколько эпизодических персонажей-евреев. Один из них – австрийский барон Альтерзон.

Барон Альтерзон – известный московский торговец, «человек с неизгладимыми признаками еврейского происхождения и с непомерными усилиями держать себя англичанином известного круга» [8, 665]. На «чужеродность» Альтерзона намекает и род его занятий: Альтерзон является «негоциантом». На «чужеродность» Альтерзона намекает и род его занятий: Альтерзон является «негоциантом». Как известно, в России негоциантами называли иноземных купцов [2, 510].

Итак, Альтерзон является негоциантом. Представление еврея как человека, имеющего отношения к деньгам, вполне традиционно в русской культуре. Об этом свидетельствуют его размышления в статье «Еврей в России: несколько замечаний по еврейскому вопросу» (1884). Н.С. Лесков так характеризовал коммерческую жилку этой нации: «Евреи – люди торговые, а не филантропы, и коммерческий склад их ума всегда стремится изыскать всевозможные средства к тому, чтобы получить заработок посредством удовлетво-

ния существующему или возникающему спросу» [11].

Барон Альтерзон держит себя «англичанином». Отсылка к этой нации отнюдь не случайна: в Англии широко обсуждался вопрос еврейской ассимиляции. Н.С. Лесков интересовался положением евреев в Англии. Писатель так комментирует сложившуюся ситуацию в Англии: «Во время царствования в России императора Николая Павловича в Англии возник спор за евреев, и благородные друзья человечества, не отрицая очевидных фактов нравственного повреждения в нищенствующей и полунищей массе еврейства, признали своим христианским и человеческим долгом помочь этим людям исправиться немедленно же. Было сказано: «начнём это не с завтрашнего дня, а с сегодняшнего» <...> К чести века и к удовольствию добрых просвещенных христиан в Англии, идея человеколюбия и справедливости восторжествовала над традиционными страхами, и худого не вышло. «Еврейская изолированность» исчезла, и жиды в Англии теперь даже трудно стало распознать от англичанина, как и от голландца. Произошла гражданская ассимиляция» [11].

Альтерзон ведёт себя по-европейски свободно, согласно «происходящей» ассимиляции евреев в Европе, однако для российской действительности положение евреев остаётся все же далёким от европейского. Поэтому очевидно замечание Н.С. Лескова в контексте российской действительности особого пути движения России: «В тогдашнее время газеты в России передавали европейские события глухо и невнятно» [11]. Так что это манера держаться англичанином является «искусственной» для Альтерзона. Альтерзон пытается выдать себя совсем за иного человека.

Обратимся к титулу Альтерзона. В XIX веке в России к людям, носившим титул барона, относились порой иронично, даже снисходительно, что мы можем наблюдать по литературным текстам того времени. Объяснение этому дают конкретные факты нашей истории. К числу таковых, например, относится остзейский (прибалтийский) вопрос, всколыхнувший печатные издания 60-х годов XIX века. Он был связан не только с проводимой политикой русификации в Прибалтике, но и с параллельно шедшим процессом «онемечивания» прибалтийских территорий, что вело к напряжённым отношениям между немцами и коренным населением [13].

Альтерзон – австрийский барон. Барон ведёт себя холодно и сдержанно с доктором, даже когда тот бросается на него, он не теряет самообладания из-за произошедшего разоблачения. На наш взгляд, именно эта национальность выбрана автором сознательно, здесь показана сдержанность как одна из черт немецкого характера, а с другой стороны, налицо отголосок остзейского вопроса в ракурсе того, что порой «баронами пренебрежительно называли представителей остзейского дворянства в Прибалтийском крае и выходцев из этой среды в Петербурге и в Москве» [12, с.49].

Как пишет А.Б. Пеньковский, титул барона, «введённый при Петре I, был первым – низшим – знаком дворянского достоинства и мог быть не только пожало-

ван свыше, но и куплен за деньги» [12, 49]. Возможная «покупка» этого титула подтверждается цитатами из произведений русской литературы XIX века, которые приводит А. Б. Пеньковский: «И захотел сынок, имевший миллион, / Бароном сделаться – и *сделался барон*. / Баронство куплено...» (И. Хемницер. «Барон», 1795); «Он был в старые годы закройщик; ныне лифляндский дворянин с прибавкою *фон* (И. Лажечников «Последний новик», I, 2) [12, 49].

В. Даль так трактует глагол *баронить* – «важничать, величаться, пускать пыль, корчить вельможу» [1, 51]. Именно таким важным перед нами и предстаёт барон Альтерзон, который пытается держать себя англичанином. Также титул акцентирует внимание на человеческом качестве барона – «упрямости», что вызывает ассоциацию с самым известным «упёртым» животным – *барон/баран*, т.е. реализуется выражение «упрямый как баран». Действительно, барон Альтерзон так и не отдаёт законную долю наследства Лизе Бахаревой, как ни настаивал и ни требовал доктор Розанов.

В таком же ироничном значении употребляется слово «барон» в тексте романа по отношению к другим персонажам. Так, солдатка Абрамовна пытается «сбить спесь» с Лизы: «Ты поди в свою комнату да поправься прежде, причешишь, а потом и приходи к родительнице, да не *фон-бароном*, а покорно приди, чувствуя, что ты мать обидела» [8, 87], а доктор Розанов заявляет: «Почем же мне знать, что думают другие! «У всякого барона своя фантазия» [8, 397]. Эта поговорка была широко распространена в XIX веке, зафиксирована она и в словаре В. Даля [1, 51].

Заметим, что здесь обыгрывается ещё один дополнительный смысл, связанный с баронством: фамилия *Барон* встречается как в английском именнике, так и в еврейском. Английская фамилия *Барон* (Baron), [барон Альтерзон старается держать себя англичанином. – Вязовская В.В.], происходит, по одной из версий, «от прозвища участника ежегодных мистерий (Mystery Plays), которые устраивались на улицах и площадях средневековых городов Англии, игравшим роль барона» [4]. А ведь баронство Альтерзона – мнимое! Он лишь «держит» себя бароном!

Существует и другая версия происхождения этой фамилии, согласно которой *Барон* представляет собой трансформацию варианта *Бар-Аарон*, т.е. «сын», «потомок Аарона» [4].

Таким образом, Н.С. Лесков даёт имя персонажа одновременно в нескольких ракурсах. Во-первых, автор обыгрывает баронство Альтерзона, тонко намекая на «покупку» положения его в обществе, указывая тем самым на «смекалку» персонажа, весьма характерную, скорее даже традиционную, для еврейского народа в восприятии русского сознания. Во-вторых, учитывая то, что сам титул является одновременно и реальным антропонимом «Барон», характерным для еврейского именника, а герой является евреем, то перед нами ономастический приём, в основе которого лежит тонкая игра смыслами слова.

Имя барона не упоминается ни разу на протяжении

романа, он известен под своей фамилией *Альтерзон*. Отметим яркое фонетическое созвучие: барон Альтерзон. Фамилия барона является типичной для еврейского именника. Характерным здесь является формат *зон*, означающий «сын» [4]. Альтер «старший» + *зон* «сын», т.е. «старший сын». Именно по этой модели образованы такие еврейские фамилии, как *Абрамсон*, *Якобсон*, *Давидсон*, *Берсон* и др.

В статьях Н. С. Лескова неоднократно встречаются упоминания о евреях с фамилией на формант *-зон*. Например, в статье «Нескладница О Гоголе и Костомарове» (1891) писатель обращается к 40-м годам XIX века, периоду, когда он жил в Киеве, и отмечает, что «посыльные евреи в 1848 году по Киеву не бегали» <...> В то время работал в Киеве лишь еврей – «резчик печатей *Давидзон*» [10, 212]. Встречаются в работах Н. С. Лескова и такие фамилии, как *Левинсон*, XIX века немецкий купец, владелец торгового заведения в С.-Петербурге (Внутреннее обозрение, 1862), *Персон* Иван Иванович, почётный лейб-медик (< Мнение русских евреев о «О возможностях» > 1862), *Даниельсон*, владелец пивоваренного завода (Из одного дорожного дневника, 1862), *Паульсон* Иосиф Иванович, педагог и переводчик (Русские говорильни в С.-Петербурге, 1863), *Робертсон* Теодор, лингвист (Русское общество в Париже, 1863), *Якобсон*, городничий Пинска (Из одного дорожного дневника, 1862) и др.

Как известно, Н. С. Лесков часто использовал факты из реальной жизни в своей творческой мастерской, поэтому фамилия персонажа – барона Альтерзон – могла быть навеяна автору фамилиями тех людей, о которых он слышал или встретил в своей жизни.

С бароном Альтерзоном мы встречаемся лишь однажды, в главе «Барон и баронесса». К барону приходит доктор Розанов, чтобы поговорить о наследстве Лизы Бахаревой, оставшемся ей от отца. При разговоре с бароном Альтерзоном Розанов узнаёт в нем Нафтулу Соловейчика, толстоногого еврейчика, с которым он встретился ещё в Москве. Интересно, что записку о встрече с Бароном принял человек, одетый как «концертист». А далее тот же слуга называется «артистом», т.е. сама встреча является разоблачением барона, в котором слуги Альтерзона играют свою роль, тем самым участвуя в фарсе в доме своего хозяина. В контексте этой ситуации вымышленная фамилия барона *Альтерзон* «выдаёт» своего носителя: в ней отчётливо слышится слово «альтер», которое созвучно известному выражению *Alter ego*, что в переводе с латинского означает «другой я». Как правило, этим выражением *Alter ego* – обозначают вторую натуру человека, второе «я». Таким образом, барон Альтерзон – это *Alter ego* Нафтулы Соловейчика.

Разоблачает барона Альтерзона ещё одна деталь. Как только барон понял, что доктор узнал в нем Соловейчика, он «вздрогнул и бросился к сонетке» [8, 667]. В Словаре Даля указано, что *сонеткой* называли звонок, с помощью которого вызывали слуг [3, 270]. Барон пытается звать на помощь слуг при помощи сонетки, однако именно после этого движения ба-

рона доктор и называет его настоящее имя: Нафтула Соловейчик. В данной ситуации актуализируется птичье происхождение настоящей фамилии барона, однако в переносном смысле: слово «соловей» переводится с франц. как «поддельный ключ», «отмычка» [3, 266]. Итак, барон дергает за сонетку и тем самым разоблачает себя. Первой на шум в комнату входит баронесса Альтерзон – Софья Егоровна. Как можно заметить, перед нами фонетическое созвучие имени жены барона и названия предмета: *сонетка/София*. При этом *Софья Егоровна, София, Соничка* – «ныла ноющая» [8, 107], как её называет родная тётка. В данном случае имя баронессы – Софья, означающее «мудрость», является полностью противоположным сущности персонажа. «Болтается девочка, не читает ничего, ничего не любит» [8, 20]. «Такое существо, которое пока растёт, так ничего в нём нет, а вырастет, станет ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец» [8, 44]. Она, так же как и её муж, является словно «вывернутой», что создаётся за счёт данного ей величественного имени *Софья*.

Итак, барон Альтерзон вовсе не барон, а еврей из Бердичева – Нафтула Соловейчик. А. Б. Пеньковский указывает, что титул барона употребим при образовании псевдонимных масок, таковыми являются, например, *бароны Брамбеус, Буд (Серж Буд), Галкин Ейн-Цвей, Зетт, Игрек* и др. [8, 435]. Очевидно, что Лесков при выборе маски для своего персонажа применил ономастический приём, весьма популярный среди его современников.

В Петербурге Нафтула Соловейчик становится бароном – бароном Альтерзоном, а в Москве автор именуется иронично «иерусалимским дворянином», как бы предвзято его новую «маску». Выражение «иерусалимский дворянин» весьма известное, так называли евреев в XIX веке. Сначала герой – «дворянин», а потом становится «бароном». Внутренняя сущность героя остаётся прежней, меняется лишь внешняя характеристика.

Н.С. Лесков употребляет это выражение в своём позднем рассказе «Владычный суд» (1877), приво-

дя историю о еврее, которого крестили: «С некоторых пор в Петербурге рассказывают странную историю: один известнейший «иерусалимский барон» добивается, чтобы ему дали подряд на нашу армию. Опасаясь, что этот господин все дело поведет с жидами и по-жидовски, ему не хотят дать этой операции... И что же: седьмого или восьмого сего февраля читаю об этом уже в газетах, с дополнением, что «иерусалимский барон» кинулся ко «всемогущим патронессам», которые придумали самое благонадежное средство поправить дело в своем вкусе: они крестят барона, и, кажется, со всею его подрядною свитой!!» [9, 145].

Еврейская тема в творчестве Н. С. Лесков глубока, многогранна. Обращаясь к ней, писатель искусно переплетает факты документальные с биографическими, тем самым воссоздавая свой «еврейский текст». Н.С. Лесков, постоянно наполняя и расширяя этот текст, реализует его сквозь призму своих личных переживаний на череду меняющихся событий общественно-политической жизни России. Ещё в самом начале своей карьеры Лесков так охарактеризовал евреев, что, на наш взгляд, и определило его трактовку еврейского вопроса в дальнейшем: «<...> евреи стоят в стороне от русской жизни, а со стороны ведь многое виднее. Русский еврей, когда ему нужно что-нибудь сделать, обыкновенно не стесняется тем, возможно или невозможно, по существующим условиям, то, к чему он стремится, и не падает духом от первой неудачи, а ищет других мер, других средств, и из ста дел в девяносто девяти почти всегда успеваает. Спросите его, как он добился своего, когда это, по нашему мнению, невозможно? Он пожмёт плечами с улыбкой, выражающей и сожаление, и презрение к вашей несообразительности, и скажет: “невозможности нет!”» [7, с. 432].

Еврейский вопрос – неотъемлемая часть исторического хода времени, самого течения жизни, к которой был небезучастен Н. С. Лесков, поэтому он так остро откликался на все её веяния в своём творчестве.

Библиографический список

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1: А–З. М.: Рус. яз. Медиа, 2006. 779 с.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2: И–О. М.: Рус. яз. Медиа, 2006. 779 с.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4: П–В. М.: Рус. яз. Медиа, 2006. 683 с.
4. Еврейские фамилии. Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
5. *Лесков А. Н.* Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяткам: в 2 т. Т. 1. М.: Худож. литература, 1984. 479 с.
6. *Лесков Н. С.* Полное собрание сочинение: В 30 т. Т. 1. М.: Терра, 1996. 912 с.
7. *Лесков Н. С.* Полное собрание сочинение: В 30 т. Т. 2. М.: Терра, 1996. 992 с.
8. *Лесков Н.С.* Собрание сочинений: в 11 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1956. 757. с.
9. *Лесков Н.С.* Собрание сочинений: в 11 т. Т. 6. М.: Гослитиздат, 1956. 686. с.
10. *Лесков Н.С.* Собрание сочинений: в 11 т. Т. 11. М.: Гослитиздат, 1956. 862 с.
11. *Лесков Н. С.* «Еврей в России: несколько замечаний по еврейскому вопросу». URL: <http://www.e-reading.bz>
12. *Пеньковский А. Б.* Нина: Культурный миф золотого века рус. лит. в лингвист. освещении. М.: Индрик, 1999. 519 с.
13. *Сарлин Лиана.* Общественно-политические проблемы Остзейского края в статьях Н. Лескова 1880-х гг. // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Т. VII. Вильнюс: Русские творческие ресурсы Балтии, Жвайгжджо местас, 2002. С.272-287.

References

1. *Dal` V.I.* Explanatory Dictionary of the Russian language. In 4 V. V.1: A–3. M.: Russkiy yazyk. Media, 2006. 779 p.
2. *Dal` V.I.* Explanatory Dictionary of the Russian language. In 4 V. V. 2: И–О. M.: Russkiy yazyk. Media, 2006. 779 p.
3. *Dal` V.I.* Explanatory Dictionary of the Russian language. In 4 V. V.4: P–M.: Russkiy yazyk. Media, 2006. 683 p.

4. Jewish surnames. Wikipedia. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
  5. *Leskov A.N.* Nikolai Leskov's life in his personal, family and non-family note and memories: 2 V. V. 1. Moscow fiction literature, 1984. 479 p.
  6. *Leskov N.S.* Complete set of works in 30 volumes. V. 1. Moscow: Terra, 1996. 912 p.
  7. *Leskov N.S.* Complete set of works in 30 volumes. V. 2. Moscow: Terra, 1996. 992 p.
  8. *Leskov N.S.* Set of works: in 11 vols. V. 2. Moscow: State Publishing House, 1956. 757 p.
  9. *Leskov N.S.* Set of works: in 11 vols. V. 6. Moscow: State Publishing House, 1956. 686 p.
  10. *Leskov N.S.* Set of works: in 11 vols. V. 11. Moscow: State Publishing House, 1956. 862 p.
  11. *Leskov N.S.* "Jew in Russia: a few comments on the Jewish question". URL: <http://www.e-reading.bz>
  12. *Penkovsky A. B.* Nina: Cultural myth of the golden century of Russian Literature in a linguistics view. M.: Indrikis, 1999. 519 p.
  13. *Sarlin Leah.* Social and political problems Ostsee region in Leskov's articles of 1880s. // Baltic Archives: Russian Culture in the Baltic contries. V. VII. Vilnius Russian creative resources Baltic , Zhvaygzhdzhyu Mestas, 2002. Pp.272 -287.
-
-

УДК 81:008

UDC 81:008

А.А. ГОЛЬЕВ

адъюнкт, кафедра германских языков, Военный университет МО РФ
E-mail: algolyev@yandex.ru

A.A. GOLYEV

External adjunct of German languages department, Military university MO RF
E-mail: algolyev@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ЛИНГВОТИПОЛОГИЧЕСКИХ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА Я. ГАШЕКА «ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА» НА РУССКИЙ, АНГЛИЙСКИЙ И ЭСТОНСКИЙ ЯЗЫКИ)

ABOUT SOME LINGVOTYPOLOGICAL AND LINGVOKULTOROLOGICAL ASPECTS OF OCCASIONAL LEXIS TRANSLATION (BY EXAMPLE OF TRANSLATION J. GAŠEK'S NOVEL *THE GOOD SOLDIER ŠVEJK AND HIS FORTUNES IN THE WORLD WAR* INTO RUSSIAN, ENGLISH AND ESTONIAN LANGUAGES)

В статье проводится сопоставительный анализ окказиональной лексики, выявленной в текстах перевода произведения Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» на русский, английский и эстонский языки. Изучена семантика выявленных пословиц и поговорок. Показано, что язык, являясь частью культуры, отображает национальную специфику объективной картины мира.

Ключевые слова: лингвотипология, лингвокультурология, окказиональная лексика.

*The article gives a comparative analysis of occasional lexis that has been found in translations of J. Gašek's novel *The Good Soldier Švejk and his fortunes in the world war* into Russian, English and Estonian languages. It examined semantics of found proverbs and sayings. It showed that a language is being a part of culture represents national character and objective picture of the world.*

Keywords: *lingvotypology, lingvokulturology, occasional lexis.*

Приступая к переводу художественного произведения, переводчик, подобно аргонавтам, проходит между Сциллой и Харибдой, неизбежно сталкиваясь с двумя противоречивыми требованиями: с одной стороны, от него требуется создать язык перевода (ПЯ) максимально близким к исходному языку (ИЯ), а с другой – сделать так, чтобы восприятие ПЯ было максимально близким к той культуре, на язык которой осуществляется перевод. При последнем варианте неизбежно изменение аутентичности исходного текста, появление некоторых лингвистических несоответствий, вызванных объективной разностью между культурами языка перевода и языка оригинала.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что на сегодняшний день сопоставление различных культур через языковую призму носит зачаточный характер, а также тем, что эстонский язык слабо вовлечен в подобные исследования. Поэтому появление работ, где будут отражены не только лингвотипологические аспекты перевода, но и лингвокультурологические, видится актуальным, поскольку решение проблемы точного и адекватного перевода зависит от правильного подхода к проблеме передачи национального колорита.

Рассматриваемые в данной статье лексические единицы относятся к языкам различной типологии. Под типом языка мы понимаем эмпирическую реальность, т.е. группу конкретных языков, обладающих рядом типологически существенных общих черт.

Началом типологических исследований считается

рубеж XIX и XX веков. Непосредственно сами термины «типология» и «языковой тип» появились в работах Н.Я. Мара в начале 20-х годов XX в. Однако задолго до этого филологи-компаративисты, которых можно считать и первыми типологами, заложили основы типологии. Это были такие известные ученые, как: Ф. Шлегель, давший первую типологическую классификацию языков; В. Гумбольдт, основоположник немецкой философии языка; и Ф. Бопп, автор первой сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков. Тогда же были заложены основные морфологические типологии языков: флексия, агглютинация, фузия, аналитические, синтетические и изолирующие языки, инкорпорация. В дальнейшем усилиями В.Г. Гака, Л.Р. Зиндера, Э. Сепира, М.В. Дьячкова, Т. Милевским, Д. Гринберга, И.А. Бодуэн де Куртене, А.В. Бондаренко и др. были разработаны и внедрены основные теоретические и методологические принципы лингвистической типологии.

Зачастую ПЯ художественного произведения не совпадает с ИЯ, поскольку переводчик старается в тексте перевода донести до носителей своего языка полное понимание исходного текста, видоизменяя лексику ИЯ, подстраивая ее под ПЯ.

Перевод художественного текста на родной язык сродни искусству, ведь «художественным переводом именуется вид переводческой деятельности, основная задача которого заключается в порождении на переводимом языке речевого произведения, способного ока-

зывать художественно-эстетическое воздействие на читателя» [4, 146].

В последние годы сопоставительные исследования в области сравнительной фразеологии приобретают все более актуальный характер. Выявление сходств и различий в типологически различающихся языковых системах является необходимым условием для создания эффективной межкультурной коммуникации.

Исследование фразеологической образности разных языков позволяет сопоставить картины мира различных народов. На основе лингвокультурологического анализа русского, английского и эстонского языков выявляются лингвокультурные универсалии, которые могут быть представлены как одним словом, так и целым выражением, и которые помогают определить близость фразеологических картин мира народов – носителей языка. Анализ также помогает определить те единицы языка, которые приобрели символическое, образно-метафорическое значение в культуре носителей языка и которые обобщают результаты человеческого сознания, являясь безэквивалентными единицами, обозначая специфические, принадлежащие только данной культуре явления, подчеркивая тем самым национальное своеобразие.

Лингвокультурология – молодая наука. К предистории науки о взаимодействии языка и культуры можно отнести начало XIX века. Эта тема разрабатывалась братьями Гримм, а также нашла свое продолжение в России второй половины XIX века в работах Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева и А.А. Потебни. На понимании неразрывности и единства языка и культуры основывалась известная гипотеза Сэпира-Уорфа. В конце XX века в круг интереса лингвокультурологии оказался не только язык, но и дискурс, в котором разными языковыми и дискурсивными единицами представлен соответствующий образ мира.

Широкий круг ученых, занимающихся данной проблематикой (В.В. Воробьев, Е.И. Зиновьева, В.В. Красных, В.А. Маслова, Е.Р. Тарасов, В.Н. Телия, Е.Е. Юркова и др.), выработали основные теории и методы лингвокультурологии. В обобщенном виде можно дать такое определение: лингвокультурология – это «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общественных ценностей)» [2, 125].

Для проведения лингвотипологического и лингвокультурологического анализа были использованы лексические единицы переводов произведения Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» на русский (П.Г. Богатырев) [1], английский (С. Parrott) [5] и эстонский (L. Rimmelgas) [6] языки.

Все вышеназванные переводы признаны в своих странах эталонными, поэтому в задачи данной статьи не входит исследование, насколько правильно перевод-

чик выбрал способ перевода, применил те или иные лексические единицы.

Объектом для анализа стали выявленные в текстах перевода случаи употребления переводчиком окказиональной лексики как единиц, которые наиболее рельефно отражают эмоциональную атмосферу произведения и несут в себе элементы типологии и культуры ПЯ.

В текстах перевода было выявлено 224 случая использования переводчиком окказиональных лексических единиц.

Проанализировав выбранные ФЕ, были обнаружены следующие различия в языках перевода.

I Различия, вызванные типологией ПЯ при практически дословном сохранении формы и лексического наполнения. Всего 132 единицы. Приведем характерные примеры: а) *об этом трубят все газеты* [1, 32], *the newspapers are full of it* [5, 9], *kõik lehed lärmi täis* [6, 16] (использование в русском и английском ПЯ предлогов и их отсутствие в эстонском переводе); б) *посибиший я человек* [1, 59], *I'm done for* [5, 41], *olen omadega läbi* [6, 47] (отсутствие в русском и английском ПЯ послелогов и их наличие в эстонском языке); в) *сухая ерунда* [1, 60], *a very unimportant trifle* [5, 42], *tühine asi* [6, 48], *веяло духом* [1, 62], *the spirit pervaded* [5, 44], *lehvis hõng* [6, 51] (наличие в английском ПЯ неопределенного и определенного артикля и их отсутствие в русском и эстонском переводах); г) *наступил конец сыщика* [1, 72], *was the end of detective* [5, 54], *see oli detektiivivi surm* [6, 60] (широкое использование глагола «быть» в различных формах в английском и эстонском ПЯ, что нехарактерно для русского языка); д) *бросились за доктором* [1, 74], *rushed for the doctor* [5, 56], *idttas jooksujalu tohtri järele* [6, 64] (использование в русском и английском ПЯ предлогов, тогда как в эстонском языке им соответствует свой послелог) и так далее.

При данных различиях не приходится говорить, что имеют место какие-то серьезные изменения в ПЯ, поскольку это является неотъемлемой частью данных языковых систем. Поскольку исследуемые лексические единицы относятся к языкам различной типологии (русский язык – флективный, английский – агглютинативный, эстонский – агглютинативно-флективный), то подобные различия носят объективный и неизбежный характер.

II Различия, вызванные тем, что языки перевода принадлежат различным культурам.

По этому поводу предельно емко высказался известный специалист в области теории перевода В.Н. Комиссаров: «Перевод – это не только взаимодействие языков, но и взаимодействие культур. В переводе находят свое отражение ситуация порождения исходного текста и ситуация перевода. Едва ли удастся адекватно описать процесс перевода, не учитывая того, что он осуществляется не идеализированным конструктом, а человеком, ценностная и психологическая ориентация которого неизбежно сказывается на конечном результате» [3, 215].

В отобранных для анализа лексических единицах встречаются интересные случаи перевода, когда во всех

трех ПЯ используются различные слова и выражения для того, чтобы передать острую эмоциональную окраску при разговоре: а) *я тебе тыкаю* [1, 124], *I call you by your Christian name* (я называю тебя твоим христианским именем) [5, 111], *sulle sina ütlen* (тебе ты говорю) [6, 118]; б) *vom vedь гидра* [1, 160], *a real leech* (настоящая пиявка) [5, 148], *see on viimane tutus* (это последний клочок) [6, 158]; в) *глуп как бревно* [1, 213], *he's so gaga* (он «с приветом») [5, 207], *loll nagu lammas* (глуп как овца) [6, 220] и другие. Всего – 77 случаев.

Поскольку события в книге происходят среди военнослужащих во время Первой мировой войны, следовательно, в произведении наличествуют разнообразные по форме и эмоциям ругательства. Их перевод на русский, английский и эстонский языки также представляет особый интерес: а) *цена – дерьмо* [1, 40], *worth a shit* (стоит дерьмо) [5, 19], *pole mitte sittagi väärt* (не стоит и дерьма) [6, 26]; б) *ослы рождаются под луной* [1, 220], *bloody fools are born under the sun* (чертовы глупцы рождены под солнцем) [5, 214], *tõpranägusid maailma sündib* (скотски выглядящих мир порождает) [6, 228]; в) ни хрена не знают [1, 413], *don't know a shit* (дерьма не знают) [5, 424], *ei tea nad mitte kui sitta nagu meiegi* [6, 442]; г) *пьяная скотина* [1, 455], *a sizzled ox* (пьяный бык) [5, 473], *lakku täis tõbras* (налакавшаяся сволочь) [6, 493]; д) *наплевал я на присягу* [1, 534], *I shit on my oath* (я насрал на свою присягу) [5, 561], *situn vandetõotuse peale* (насрал на присягу) [6, 584]; е) *глуп как нун* [1, 563], *a first class idiot* (первоклассный идиот) [5, 590], *loll nagu pask* (глуп как сойка) [6, 614]; ж) *нажрись деревянных шплек* [1, 689], *go and stuff yourself on sausage-sticks until you burst* (иди и нафаршируй себя сосисочными палочками пока не лопнешь) [5, 730], *õgi pulki* (объешься палок) [6, 754] и другие. Всего – 41 единица.

Как можно заметить, в русском ПЯ использованная переводчиком лексика носит более нейтральный характер, если такое возможно сказать про ругательства в целом. Например, в приведенных выше примерах б и д английский и эстонский ПЯ несут в себе большую отрицательную эмоциональную окраску, по сравнению с русским ПЯ. В английском языке и культуре не принято использовать слово *bloody* иначе, как в заниженной лексике «портовых грузчиков» или если у вас есть намерение оскорбить собеседника. Это слово соответствует русскому матному слову.

Если говорить об эстонской лексике ПЯ, то использование слов *sitta, sita, situma* носит такой же пространственный характер, как и в английском языке использование слова *shit*: четыре случая в обоих ПЯ против двух в русском. Это можно объяснить тем, что в русской культуре не принято при художественном переводе использовать сильно заниженную лексику, тем более матерную. Поэтому переводчик прибегал к лексической замене, как в примерах в и д.

Тем не менее, говорить о том, что при переводе на русский язык переводчик лишил произведение Я. Гашека ярких красок нельзя. Используя весь функционал родного языка, прибегнув к синонимичной лексике, П.Г. Богатыреву удалось передать индивидуальные авторские особенности и стиль ИЯ.

Лингвокультурологические различия прослеживаются в следующем примере: *я тебе тыкаю* [1, 124], *I call you by your Christian name* [5, 111], *sulle sina ütlen* [6, 118], где в английском ПЯ местоимение «я» написано с заглавной буквы. Ни в русской, ни в эстонской культуре не принято писать личное местоимение с заглавной буквы, если только оно не находится в начале предложения. Что касается эстонской культуры, то для данного языка не характерно полное написание личных местоимений, если только нет желания акцентировать на них внимание. Как правило, личные местоимения отсутствуют, а вместо них к глаголам прибавляются соответствующие окончания, как в приведенном выше примере.

Разумеется, при переводе переводчик должен учитывать особенности восприятия лексики своими соотечественниками и, следовательно, при передаче эмоциональной окраски прибегать к определенной лексике: а) *глуп как бревно* [1, 213], *he's so gaga* (он «с приветом») [5, 207], *loll nagu lammas* (глуп как овца) [6, 220]; б) *вы – скотина* [1, 287], *bloody oaf* (чертов тупица) [5, 292], *olete eesel* (вы – осел) [6, 306]; в) *ишь как оцетинился, хомяк* [1, 288], *keep your hair on, you miserable old screw* (поберегите свои волосы вы, старое ничтожество) [5, 292], *ainult ära lõhki mine, konn* (только не лопни, лягушка) [6, 308] и др. В каждой культуре есть животное, действие или какое-либо иное явление действительности, с которым связана отрицательная коннотация. Например, недостаток ума в русском ПЯ нашло отражение в применении слова *бревно* и *скотина*, в английском – *gaga* и *oaf*, в эстонском – *lammas* и *eesel*.

Таким образом, можно утверждать, что при переводе любого текста неизбежны появления определенного рода искажений, так как информация, заложенная в исходном языке, сложным образом взаимодействует с типологией и культурой языка перевода. В результате работы переводчика появляется по сути новый текст – текст перевода, в котором закодирована новая информация. Читатель воспринимает эту информацию адекватно, так как принадлежит к одной культуре с автором нового текста, находится в одном с ним информационном пространстве.

Исходя из вышесказанного, точный перевод невозможен уже в силу того, что разные языки отличаются не только по грамматическому строю, но и по культуре, что тоже оказывает влияние на способ и результат перевода.

Библиографический список

1. *Гашек Я.* Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны. Пер. с чеш. П.Г. Богатырева. М.: АСТ: Астрель. 2010. 745 с.
2. *Воробьев В.В.* О статусе лингвокультурологии // IX Международный конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. Т.2. Братислава, 1999. С. 125-126.
3. *Комиссаров В.Н.* Слово о переводе. М.: Международные отношения. 1973. 245 с.
4. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода. М.: Высшая школа. 1990. 251 с.
5. *Hašek J.* The Good Soldier Švejk and his fortunes in the world war; transl. Parrott C. Penguin Books. 2000. 752 p.
6. *Hašek J.* Vahva sõduri Švejki juhtumised maailmasõja päevil; tõlk. Rimmelgas L. Tallinn: «Eesti raamat». 1975. 820 lk.

References

1. *Hašek J.* Pohozenia bravogo soldata Shveika vo vremja mirivoi voiny [The Good Soldier Švejk and his fortunes in the world war], trans. Bogatyrev P.G. M.: AST: Astrel. 2010. 745 p.
  2. *Vorobjev V.V.* O statuse lingvokulturologii [About lingvoculturological status] // IX International congress MAPRLL. *Russkiy jazik, literatura i kultura na rubeze vekov* [Russian language, literature and culture at the turn of centuries] Vol.2. Bratislava, 1999. Pp. 125-126.
  3. *Komissarov V.N.* Slovo o perevode [A word about translation]. M.: Mezdunarodnye otnoshenija. 1973. 245 p.
  4. *Komissarov V.N.* Teorija perevoda [Translation theory]. M.: Visshaya shkola. 1990. 251 p.
  5. *Hašek J.* The Good Soldier Švejk and his fortunes in the world war; transl. Parrott C. Penguin Books. 2000. 752 p.
  6. *Hašek J.* Vahva sõduri Švejki juhtumised maailmasõja päevil; tõlk. Rimmelgas L. Tallinn: «Eesti raamat». 1975. 820 lk.
-
-

УДК 811.134.3

UDC 811.134.3

Д.Л. ГУРЕВИЧ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра
иберо-романского языкознания, Московский государ-
ственный университет им. М.В.Ломоносова
E-mail: caipira@yandex.ru

D.L. GUREVICH

Candidate of Philology, associate professor, Department
of Ibero-Romance Languages, Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
E-mail: caipira@yandex.ru

РАННИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА БРАЗИЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

EARLY EVIDENCE OF BRAZILIAN LINGUISTIC IDENTITY

Статья посвящена анализу языковых особенностей бразильских письменных документов XVIII в. Ряд лингвистических черт, отмечаемых в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике и характерных для современного бразильского варианта португальского языка, наблюдается в текстах 1760 – 1790-х годов, что свидетельствует о шедших в данную эпоху процессах, приведших впоследствии к формированию современно-го бразильского узуса, отличающегося от его пиренейского аналога.

Ключевые слова: бразильский вариант португальского языка, узус, формирование национальных языковых особенностей.

The present study is aimed to analyse the linguistic peculiarities of XVIII-century Brazilian documentary prose. A number of phonetic, morphological, syntactic and lexical features that characterise Modern Brazilian Portuguese can be observed as early as in the 1760s – 1790s. This fact suggests that the period in question is marked by certain processes that later made up Modern Brazilian use, in many ways different from its Pyrenean counterpart.

Keywords: Brazilian Portuguese, language use, development of national languages and national language variants.

Открытие Бразилии португальцами имеет точную календарную дату, оно состоялось 22 апреля 1500 г. благодаря успехам экспедиции Педру Алвареша Кабрала, в составе которой находился секретарь Перу Ваш де Каминья, автор знаменитого письма об открытии Бразилии (Carta de achamento da Ilha da vera Cruz, более известного как Carta de achamento do Brasil), адресованного королю Дону Мануэлу. С этого момента новые заморские земли, получившие первоначально имя Ilha da Vera Cruz (Остров Честного Креста), или Ilha de Santa Cruz (Остров Святого Креста)¹ и лишь спустя некоторое время – современное название Бразилия (благодаря добыче и экспорту красного дерева – pau brasil), вошли в состав португальской короны. Третий век спустя, в 1536 году, началась собственно сама колонизация. С этого момента португальский язык Бразилии ведет свою историю.

Языковая политика, которую проводила метрополия, была весьма примитивной. Португальский язык обслуживал административную сферу и был в ходу между колонистами ранних поселений (São Vicente, Santa Cruz, Santos, Olinda, Salvador da Baía и др.), представлявших собой ничтожное меньшинство населения будущей страны. При общении с представителями местных индейских племен использовался другой язык – língua geral – своего рода койне на основе тупи-гуарани

с лексическими вкраплениями из португальского.

Преобладание língua geral в первые полтора-два столетия на территориях новой португальской колонии отмечается как современниками той эпохи, так и позднейшими исследователями [7: 14]; [12: 58-60]; [5: 175]; [10: 25]. При этом следует иметь в виду тот факт, что língua geral ни для кого не был родным языком. Língua-переводчики, потомки смешанных браков – caboclos и tamelucos – имели дело с двумя по существу дела иностранными для себя языками: один – близкий к родному (но не родной, то есть língua geral), другой – безусловно иностранный (португальский). Такой переводчик не просто переводил, он волей-неволей был связующим звеном между двумя социолингвистическими и мировоззренческими системами – европейской и индейской – и был тем каналом, через которое осуществлялось взаимное влияние. Переводя с чужого языка на неродной и обратно, он переводил буквально, то есть verbum ad verbum, что влекло за собой появление в португальском той эпохи морфосинтаксических особенностей, свойственных тупи и сохранившихся в бразильском просторечии до сих пор (особенно на юге страны). В принципе, эти особенности характерны для большинства креольских языков [8: 245]; [2: 120] – показатель множественного числа в именной синтагме только при артикле “as casa grande”; упрощение глагольной парадигмы “eu dizia; tu dizia; ele dizia; nós dizia”; центробежный порядок слов “a casa dele” vs “sua casa”; “a moça que o pai dela” vs “a moça cujo pai” и целый ряд других.

Ситуация начала меняться лишь к концу XVII

¹ Термин «ilha» (букв. «остров») использовался в португальских текстах эпохи географических открытий в значении «заморские земли». Ср., например, цитату из Жоана де Барруша “As ártmas e padões portugueses póstos em África, e em Asia, e em tantas mil ilhas”. [Цит. по 1: 34]

века, когда резко увеличился приток переселенцев из Португалии и Азорских островов. Вследствие установившейся системы *Capitanias hereditárias* начала складываться классическая колониальная система землепользования – *fazendas*, – что потребовало большого количества рабочих рук. Начался так называемый *tráfico negreiro* – завоз африканских рабов, с которыми белый сеньор говорил уже по-португальски. Влияние иезуитов оставалось еще достаточно сильным. В своих контактах с португалоязычным сеньориальным населением иезуиты придерживались речевого узуса и не навязывали пиренейскую норму. На рубеже XVII-XVIII веков в Бразилии впервые фиксируется понятие *mau português* – тот реальный разговорный язык белого и смешанного населения, легший в основу современного разговорного узуса португальского языка Бразилии. «*Mau português*», о котором писал падре Антониу Виейра, – это первое упоминание о португальском языке Бразилии, чье отличие от языка метрополии ощущалось к концу XVII века уже довольно отчетливо.

На современном этапе своего существования оба национальных варианта португальского языка, пиренейский и бразильский, имеют в основе единую языковую систему – португальский язык, – которая обладает различной реализацией; португальский и бразильский узус не совпадают. Расхождения имеются на всех уровнях системы: от фонетики до текста и дискурса.

С точки зрения реализации системы бразильский вариант неоднороден в большей степени, чем пиренейский, что связано с особенностями соотношения отчасти искусственной для Бразилии языковой нормы прескриптивного характера, традиционно опирающейся на пиренейский языковой стандарт, и реального узуса, который обнаруживает в Бразилии большие расхождения с прескриптивной нормой, чем узус пиренейского варианта. Глубина и частотность этих расхождений видны при сопоставлении языковых фактов в различных регистрах речи (чем ниже регистр, тем сильнее расхождение). Вместе с тем, в ходе становления национального бразильского варианта постепенно сложилась национальная форма речи, универсальная для всех регистров, кроме официально-делового, воспроизводимая не только в устной, но и в письменной форме, где отмечается большинство языковых особенностей бразильского варианта. Эта форма речи, носящая в бразильской лингвистической литературе название «*português brasileiro culto*», есть устная и письменная речь образованной части населения, являющаяся фактически основой (языковым материалом) для идущей в данный момент нормализации бразильского варианта португальского языка. Она противопоставлена иной форме речи – «*português brasileiro popular*», которой соответствует русское социолингвистическое понятие «просторечие» и которая реализуется преимущественно в устной форме и отражает речь малообразованной или необразованной части населения. Ряд языковых особенностей, свойственных *português brasileiro popular*, постепенно проникает в *português brasileiro culto* и утрачивает признаки просторечности вследствие демократизации нормы.

Одним их наиболее интересных этапов становления бразильского варианта является период конца XVII-середины XVIII вв. Этот период непосредственно предшествовал реформам маркиза Помбала, первого министра при дворе короля Жозе I, приведшим к появлению внятной и последовательной языковой политики Португалии в колониях и, в частности, к «португализации» Бразилии. В середине XVIII в. появляются ранние письменные свидетельства, написанные не португальскими чиновниками, как в предшествующие века, и не монахами-иезуитами, получившими образование в университетах и колледжах Европы, а уроженцами колониальных территорий. Эти свидетельства отражают реальное состояние бразильской речи, начинающей проявлять свой особый «бразильский» языковой характер.

Среди документов той эпохи нами был взят для анализа корпус писем – деловых документов административного характера. Эти документы были изданы в 2001 г. под общим названием *Cartas Baianas Setecentistas* и представляют собой подборку из 127 документов, написанных в разных округах штата Баия во второй половине XVIII в. [9]. Материал, взятый для анализа, – не манускрипт, форма графем (начертание букв) соответствует современной, однако орфография, включая зачеркнутые места, переносы слов в строке, исправления поверх написанного, сохранена полностью. В данной статье в иллюстративных примерах орфография оригинала также не подвергалась изменениям, мы лишь прибегли к разделению пробелами в тех словах, которые сейчас принято писать отдельно (артикли, предлоги, местоименные формы), и заменили заглавные буквы строчными в тех случаях, когда этого требует современная орфография, для облегчения понимания примера.

Кем составлены документы? В большинстве случаев авторами писем являются низовые чиновники – судьи первой инстанции (*juiz ordinário*). Характерной особенностью бразильской низовой администрации XVIII в. было то, что судьи первой инстанции, в отличие от судей более высокого ранга (*desembargador* или *ouvidor*), часто были не очень грамотны и, как правило, являлись уроженцами тех мест, где и отправляли свои должностные обязанности. Уровень их письменной культуры, что хорошо видно из стилистики документов, ограничивался стандартными формулами обращения к начальнику (обычно судье *desembargador*'у – *Illustríssimo e Excelentíssimo Senhor Desembargador*) в зачине документа и формулами, выражающими ожидания дальнейших распоряжений, в финале документа (*Vossa Excelência mandará o que for servido*). Основное тело документа представляет собой донесения о тех или иных правонарушениях, о принятых либо не принятых мерах с указанием причин, либо ходатайства о вмешательстве со стороны высшего начальства. Большинство документов являются автографами, они были написаны лично, как отмечает издатель этих документов Т. Лобу [9: 15], и отражают языковые особенности, характерные для реального узуса северо-востока Бразилии той эпохи.

Отмеченные особенности охватывают все уровни

языковой системы: фонетику, морфологию, синтаксис, лексику. Анализ примеров бразильской письменной практики второй половины XVIII в. проводится путем контрастного сопоставления того или иного языкового явления с аналогичным явлением, наблюдаемым в современных бразильских текстах. Следует учитывать, что в данном случае мы намеренно игнорируем жанровое единство текстов, содержащих анализируемые примеры. Поскольку современный письменный узус Бразилии обнаруживает значительную вариативность в выборе языковых средств в зависимости от жанра текста, мы сопоставляем языковые факты, встретившиеся в административных, то есть деловых, документах XVIII в., с фактами, наблюдаемыми в современных письменных текстах преимущественно художественных жанров, – опубликованных литературных произведениях и сценариях кинофильмов и телесериалов. Сопоставление деловых документов XVIII в. с документами, принадлежащими современному деловому жанру, не представляется целесообразным по двум причинам. Во-первых, современный деловой стиль, применяемый при составлении текстов административного характера, обнаруживает строгую фиксацию языковых средств на уровне морфологии, синтаксиса и лексики и фактически является образчиком унифицированных, строго нормативных языковых употреблений, ориентирующихся на традиционно престижную в Бразилии пиренейскую языковую норму и сложившихся в практике письменной деловой речи нашего времени, тогда как деловой стиль, отражаемый в документах XVIII в., обнаруживает целый ряд явлений, свойственных не административному, а скорее разговорному стилю. Под разговорностью в данном случае понимается употребление форм и конструкций, не закрепленных в письменном узусе португалоязычных текстов соответствующей эпохи. Их наличие в рассматриваемых документах может свидетельствовать о распространенности подобных оборотов речи именно в обиходно-разговорном стиле. Во-вторых, языковые явления, принадлежащие обиходно-бытовому стилю современного бразильского варианта португальского языка и имеющие аналоги в текстах XVIII в., широко распространены в текстах не делового характера – в художественной речи (в том числе и письменной), в разговорной речи неформального характера, в текстах интернет-блогов. Наличие подобных совпадений в современном языке и языке деловых документов XVIII в. позволяет, на наш взгляд, сопоставлять рассматриваемые явления независимо от жанровой принадлежности текстов, поскольку они отражают реальное состояние бразильского узуса, начинающего, как видно из старых документов, дистанцироваться от собственно португальского (т.е. пиренейского) узуса. Такая дистанцированность в последующие века только усилилась.

Приведенные ниже примеры отражают особенности бразильского варианта второй половины XVIII в. в той его части, которая обнаруживает расхождения с пиренейской письменной традицией той эпохи и в то же время имеет прямые аналоги в современных худо-

жественных текстах. Для наглядности иллюстративный материал представлен в виде таблиц. Примеры из документов XVIII в. снабжены указанием места и времени составления документа, а также содержат имя автора; современные языковые примеры, отражающие состояние языка Бразилии XX в., содержат имя автора художественного произведения или название кинофильма или телесериала.

Фонетика.

Фонетические явления представлены случаями афезы. Явление афезы широко распространено в современном бразильском варианте в его устной реализации в неформальных или полупоформальных стилях речи. Так, например, современные формы «*tou*» (*estou*); «*cê*» (*você*); «*brigado*» (*obrigado*); «*inda*» (*ainda*); «*tê*» (*até*) и ряд других отражают это явление. Нередко они встречаются в художественных текстах, придавая им характер аутентичности и иногда разговорности. Подобное явление было отмечено в текстах XVIII в.

Таблица 1.

Фонетические явления

Бразильские документы XVIII в.	Современный бразильский узус
1. <i>Inda quando o dito escrivam inda naõ desmeresseo em couza algũa aquele bom nome que lhe dava (Ilhéus, 27 de abril de 1795 – Bartolomeu Serqueira Lima)</i>	1a. (...) a parentagem devorava tudo e inda levava embrulhinhos pros que não tinham podido vir. (Mário de Andrade)
2. <i>se achava servido the o dia dous de Julho emque osuspendi (Jaguaripe, 25 de agosto de 1784 – José Inácio Sotomayor)</i>	2a. Tô subindo, então, té já (Telenovela “Celebridade”)

Морфология.

Морфологические особенности достаточно разноплановы. В текстах XVIII в. нашли проявление такие характерные черты бразильского варианта (преимущественно устной его реализации, в том числе и просторечной), как рассогласование подлежащего и сказуемого, препозиция клитика при глаголе в форме утвердительного императива и в грамматических контекстах, не содержащих фактора проклитизы, смешение объектной и субъектной форм местоимения, тенденция к употреблению герундия вместо конструкции «*a + infinitivo*» в глагольных перифразах, неразличение наречий места «*onde*» (где), «*aonde*» (куда) и «*donde*» (откуда), а также опущение артикля в конструкциях с квантификатором типа «*todo*» (*todo [o] mundo*).

Таблица 2.1.

Морфологические явления.

Рассогласование по числу между подлежащим и сказуемым

Бразильские документы XVIII в.	Современный бразильский узус
3. (...) <i>se acha nella morando dous rapazes pardos (Jaguaripe, 25 de agosto de 1784 – José Cabral de Ataíde)</i>	3a. [Lá em cima fica alguém?] – Fica três arrumadeiras. (Paulo Lins) 3b. Mal coube as panelas e a mala da gente! (M. Pinsky)

Таблица 2.2.

Морфологические явления.

Препозиция клитика при отсутствии фактора проклизы

4. Vossa merce por me fazer favor me mande dizer se elle ja foi (Santo Amaro, 8 de novembro de 1798. Anexo – Pedro Ribeiro de Araújo)	4a. Me desculpe o aborrecimento (C. Lispector) 4b. Me larga! Me solta! Olha que eu grito! (Roteiro filme «Cabine»)
5. E como não mostrou o ser marchante em parte alguma, se lhe mandou que talhasse aqui o gado, a mil reis, que hé aqui a taxa da Camara (Santo Amaro, 26 de julho de 1798 – Luiz Manoel da Silva Mendes. Apógrafo)	5a. Janete me olhou (Patrícia Melo) 5b. Berenice se ofereceu para servi-lo. (Paulo Lins)

Таблица 2.3.

Морфологические явления.

Смещение субъектной и объектной форм местоимения

6. me mande dizer se elle ja foi, ou, se vai para me saber detreminar . (Santo Amaro, 8 de novembro de 1798)	6a. Passa no salão pra dar um molho no cabelo mas não demora muito, não, pra mim cuidar de você! (Paulo Lins)
---	--

Таблица 2.4.

Морфологические явления.

Конкуренция герундия и конструкции «a+infinitivo» в глагольных перифразах

7. que Vossa Excelencia o persuada a viver em pax e a continuar nos servissos uteis, que esta fazendo . (Barcelos, 28 de fevereiro de 1789 – Francisco Nunes da Costa) 8. para que redigne, evitar toda ruijna, e presepição, que estão a sucederem (Jaguaripe, 25 de agosto de 1784 – José Cabral de Ataíde)	7a. Nós estamos respeitando você. (L.F.Verissimo) 7b. Faz um tempão que estou te esperando (Patrícia Melo)
В документах XVIII в. перифраза «estar a+inf» встречается наряду с перифразой «estar + gerúndio», можно говорить о конкуренции этих конструкций в данный период. Для современного языка перифраза «estar a+inf» не характерна.	

Таблица 2.5

Морфологические явления.

Неразличение наречий места «onde», «aonde», «donde»

9. de cuja morte não tirarão os Juizes ordinarios devassa, por não puderem hir ao lugar donde se cometeo o delicto em razaõ das secas (Salvador, 03 de julho de 1767 – Antônio de Souza)	9a. correu para uma gaveta da onde tirou uma presilha brilhante (F. Sabino)
10. para o termo da dita Villa de Itapicurú adonde o mesmo cappitam-mor que tam bem serve de Juiz Ordinario (Salvador, 03 de julho de 1767 – Antônio de Souza)	10a. Sabe aonde é? (Paulo Lins)

Таблица 2.6.

Морфологические явления.

Опущение артикля при квантификаторе «todo»

11. e não sei que elle tenha dado a menor occaziaõ de queixa em todo tempo que serve perante mim (Camamu, 31 de outubro de 1796 – Gonçalo Francisco Monteiro)	11a. A gente fala todo dia e toda noite , não há limites (L.F.Verissimo)
--	--

Синтаксис.

Синтаксические явления представлены нарушением типа глагольного управления и явлением топикизации. В текстах XVIII в. зафиксировано ставшее впоследствии характерным для бразильского варианта особое управление при глаголах движения типа «chegar»: стандартный предлог направления движения «a» замещается предлогом «em» (chegar → chegar em). В современном бразильском варианте предлог «em» имеет тенденцию выступать базовым предлогом направления движения с глаголами данной семантической группы: «ir em», «vir em», «levar em», «chegar em».

Бразильские документы XVIII в.	Современный бразильский узус
12. As repetidas faltas, que se experimentão de gados, chegando nesta Villa a mayor extremo, no mez de Mayo deste anno (Santo Amaro, 26 de julho de 1798 – Luiz Manoel da Silva Mendes)	12a. Dona Cida pensa que vai chegar à noite numa casa estranha (M.Pinsky) 12b. Chega em casa a esta hora e ainda tem a cara-de-pau de inventar uma história (L.F.Verissimo)

Явление топикизации представлено так называемым связанным топиком [4: 280-283]; [11: 41 и след.], когда топикизованная часть дублируется местоимением, имеющим тот же референт, что и сам топик. Отличие топика от местоименной репризы, когда личное местоимение дублирует синтаксически и семантически именную синтагму в функции прямого дополнения, вынесенную в начальную по отношению к сказуемому позицию, заключается в том, что топик и кореферентное местоимение, будучи связаны семантически, не связаны синтаксически, поскольку топик не входит в актантную структуру, задаваемую управляющим глаголом-сказуемым; являясь семантическим элементом пропозиции, топик не является членом предложения с традиционной точки зрения на субъектно-предикатные модели и, следовательно, не имеет при себе синтаксических показателей включенности в данную модель в виде предлога.

Таблица 3.2.

Синтаксические явления.

Топикализация

13. e me consta que a dita escrava emduzida ja a tempos esta de poçe della o dito Joaquim Lopes (Santo Amaro, 12 de outubro de 1795 – Antônio dos Santos Vital)	13a. Martelo e Tutuca , havia já um bom tempo que ele não os via. (Paulo Lins)
---	--

Лексика.

Лексические явления представлены наличием в текстах XVIII в. лексических и семантических бразилизмов, отсутствовавших в португальском языке метрополии. Лексическими бразилизмами являются слова, заимствованные из субстратных (тупи-гуарани и др.) или адстратных (банту и др.) языков, вошедших в контакт с португальским языком. Семантическими бразилизмами являются слова, получившие в португальском языке Бразилии новое значение. В качестве иллюстрации современного употребления бразилизмов мы приводим данные толкового бразильского словаря, составленного Аурелиу Буарке де Оланда – Dicionário Aurélio da Língua portuguesa [3].

Таким образом, как показывают исследования, можно говорить, что как минимум с XVIII века бразильский вариант обладает собственной языковой индивидуальностью, многие черты которой сохранились в современной речи бразильцев и широко встречаются не только в устных, но и в письменных текстах. Некоторые из этих черт являются архаизмами, сохранившимися еще пиренейскую вариативность (*onde vs da onde*; препозиция клитика – *me diga vs diga-me*), другие, напротив, являются языковой инновацией (*para mim saber*) и не встречаются в пиренейском варианте ни в диахронии, ни в синхронии. Языковые особенности современного бразильского варианта, тем самым, представляют собой своего рода синтез архаичных черт, свойственных пиренейскому варианту периода начала и развития коло-

низации Бразилии, и черт безусловно инновационных, возникших внутри языковой системы португальского языка в его бразильском варианте.

Таблица 4.

Лексические явления.
 Лексические и семантические бразилизмы

Бразильские документы XVIII в.	Современное словарное значение
as listas das mandiocas e sua colheita, mas tambem expedissem as embarçaoe's (Jaguaripe, 16 de janeiro de 1797 – Autor não identificado)	mandioca – (Bras). Planta leitosa, da família das euforbiáceas (Manihot utilissima), cujos grossos tubérculos radiculares, ricos em amido, são de largo emprego na alimentação (Dicionário Aurélio) – лексический бразилизм
Deste engenho de Pripiri mandei prezo para a cidade da Bahia hum soldado desertor (Santo Amaro, 8 de novembro de 1798 – Anexo – Pedro Ribeiro de Araújo)	engenho – (Bras). Estabelecimento agrícola destinado a cultura da cana e a fabricação do açúcar. (Dicionário Aurélio) – семантический бразилизм
para que a Camara, e Diretor faça recolher a todos os que estaõ por suas rossas, e os faça existir na dita Villa armados para socorro desta, (Ilhéus, 17 de agosto de 1796 – Gonçalo Francisco Monteiro)	roça – (Bras). A zona rural, o campo; Terreno de pequena lavoura (em especial de mandioca, milho, feijão, etc.) (Dicionário Aurélio) – семантический бразилизм

Библиографический список (References)

1. *Ariel Castro, José*. A língua do Brasil. Rio de Janeiro, 2000.
2. *Belikov, V.I., Krisin L.P.* Sociolinguistics. Moscow, 2001
3. *Buarque de Holanda Ferreira, Aurélio*. Dicionário Aurélio da Língua portuguesa. Ed. Positivo, 2010
4. *Castilho, Ataliba T. de*. Nova gramática do português brasileiro. São Paulo, 2012.
5. *Elia, Sílvio E.* A unidade lingüística do Brasil. Rio de Janeiro, 1979.
6. *Elia, S.* Fundamentos histórico-lingüísticos do português do Brasil. Rio de Janeiro: Lucerna, 2003.
7. *Gândavo, Pero de Magalhães*. Tratado da Terra do Brasil; História da Província Santa Cruz. Belo Horizonte, 1980.
8. Encyclopaedia of Linguistics. Moscow, 1990.
9. *Lobo, Tânia* (org). Cartas Baianas Setecentistas. São Paulo, 2001.
10. *Mattoso Câmara Jr.* Introdução às línguas indígenas brasileiras. Rio de Janeiro, 1965.
11. *Pontes, Eunice*. O tópic no português do Brasil. Campinas, 1987.
12. *Silva Neto, Serafim da*. Introdução ao estudo da língua portuguesa no Brasil. Rio de Janeiro, 1976.

УДК 070+316.77

UDC 070+316.77

А.Л. ДМИТРОВСКИЙ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра журналистики и связей с общественностью, Орловский государственный университет

A.L. DMITROVSKY

Candidate of Philology, associate professor of journalism and public relations, Orel State University

ЖАНРЫ ЖУРНАЛИСТИКИ

JOURNALISM GENRES

Вопрос жанровой классификации, или системы жанров журналистики (её типологии), остаётся до сих пор одним из самых сложных и запутанных. Но как вчерашним абитуриентам, лишь начинающим свой путь в журналистике, так и состоявшимся профессионалам, определяющим сегодня лицо российских СМИ, крайне важно понимать жанровую теорию и более или менее свободно владеть всей жанровой палитрой журналистики. В данной статье с точки зрения философско-антропологического подхода и с использованием «синергетического метода» (поскольку прямой перенос математического аппарата синергетики на гуманитарную сферу, по нашему мнению, совершенно бесперспективен и опасен) и будет предложена попытка разбраться с основными теоретическими сложностями жанровой классификации журналистики.

Ключевые слова: экзистенциальная теория журналистики (ЭТЖ), жанр, жанры журналистики, творческая деятельность, публицистика, беллетристика, журнализм, синергетика.

The question of genre classification, or system of genres of journalism (its typology), remains still to one of the most difficult and confused. But as to the yesterday's entrants who are only beginning the way in journalism, and the taken place professionals defining today the person of the Russian mass media, it is extremely important to understand the genre theory and more or less to masterfully use all genre palette of journalism. In this article from the point of view of philosophical and anthropological approach and with use of "a synergetic method" (as direct transfer of mathematical apparatus of synergetics on the humanitarian sphere, in our opinion, is absolutely unpromising and dangerous) and attempt to deal with the main theoretical difficulties of genre classification of journalism will be offered.

Keywords: existential theory of journalism (ETJ), genre, journalism genres, creative activity, journalism, fiction, journalism, synergetics.

Представляется очевидным, что любая профессия, какой бы простой или, наоборот, сложной она ни была, подразумевает наличие определённого «узла» специальных навыков. То есть некоей «стержневой», «точечно-базисной» сферы деятельности, в которой концентрируется суть владения мастерством, находится, выражаясь метафорически, «ключ» к профессиональной состоятельности.

В данной связи представляется бесспорным, что такой ключевой категорией для журналистской деятельности выступает категория жанра. Жанр в журналистике – это именно то явление, в котором сходятся все необходимые для осуществления профессионального творчества элементы: бытие социума, ожидания и потребности аудитории, социальные функции института журналистики, авторское «Я», критерии мастерства публициста...

Рассмотрим непосредственные характеристики этой системы, предложенные теоретиками журналистики. В основание её исторически легла трёхчастная классификация из литературоведения, связанная с выделением трёх родов (групп) жанров, что, как нам представляется, вполне конструктивный подход. Косвенно это доказывается неудачными попытками вывести

«теорию жанров» либо из одного какого-либо признака (критерия), что делает типологию чересчур узкой и однобокой, либо сразу из нескольких (минуя «группы», либо увеличивая их число), что сразу бесконечно усложняет её.

Так, например, советская («московская») школа жанроведения предлагала для классификации жанров журналистики лишь один – функциональный – критерий. Предлагалось разделять жанры по «конкретному назначению» на информационные, аналитические и художественно-публицистические. Этот подход оказался наиболее приближенным к истине, что доказывается его «живучестью»: сегодня редкий исследователь его отрицает.

Однако было очевидно, что ограничиться только «функцией» нельзя: функциональный критерий «бесконечен», ибо через журналистику проходит огромный поток сообщений, зачастую не имеющих к последней никакого отношения. Значит, необходимо было дополнить функциональный подход «уточняющими» критериями. Поэтому не остались в стороне такие аспекты жанра, как предмет познания и способ отражения объекта; «познавательные-воспитательные задачи»; широта освещения действительности, «масштаб выводов и

обобщений»; характер литературно-стилистических средств... При этом исследователи говорили о том, что «жанр определяется не по какому-нибудь одному из этих признаков, а по всем признакам в их совокупности»¹.

Но включение в классификацию такого количества критериев не могло не вести к излишнему усложнению, а в конечном счёте запутыванию жанровой типологии. Точнее, сама типология выстраивалась вполне логично, но сущность конкретных жанров ускользала от понимания совершенно. Так, в новейшем учебнике маститого журналиста-практика и одновременно профессора МГУ В.Т. Третьякова «Как стать знаменитым журналистом» данный подход «московской школы» к жанрам резко критикуется.

Выделяя всего четыре собственно журналистских жанра (информация, репортаж, интервью и статья), автор пишет: «Я настаиваю на своём делении и определении жанров, при этом подчёркиваю, что речь идёт о жанрах деятельности журналистов, а отнюдь не всех тех, кто вообще печатается в газетах или выступает по телевидению. В газетах нередко печатаются стихи, но от этого поэзия не становится журналистским жанром. Телевидение передаёт сводки погоды, но ни те, кто их составляет, ни те, кто их зачитывает, не становятся от этого журналистами. <...> Четыре, только четыре классических жанра существуют в журналистике»². И далее переходит к собственно критическому разбору жанров:

«Советская теория журналистики, как мне помнится, помимо перечисленных мною, разбирала как самостоятельные ещё целый ряд жанров, названия которых закрепились в редакционной практике и в профессиональном жаргоне журналистов, а упоминания о них – в современных учебниках журналистики. КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ – самый загадочный жанр, ни сути, ни формы которого я понять никогда не мог, равно как и обнаружить корреспонденцию в газете. <...> Словом, такого жанра просто нет. <...> ОЧЕРК с делениями на ПРОСТО ОЧЕРК – это для меня загадка; ПРОБЛЕМНЫЙ ОЧЕРК – это статья; ОЧЕРК О ЧЕЛОВЕКЕ – это тоже статья (но, как правило, с элементами интервью)». Критическому взгляду подверглись и такие традиционные жанры, как памфлет («в реальности это обличение (пусть справедливое) чего-либо или кого-либо, но очень пафосное. Т.е. инвектива, часто с элементами сатиры») и фельетон («тоже обличение, но совсем без пафоса, а напротив – намеренно уничижительное, издевательское и обязательно сатирически поданное»), обозначенные учёным как разновидности публицистической статьи, а также реплика, передовая статья, обзор, беседа, рецензия, комментарий, «журналистское расследование» («это чаще всего репортажи, а по методам сбора материала – совокупность использования методик подготовки репортажей и интервью»)»³...

1 См.: Жанры советской газеты: Учеб. пособие / Общ. подгот. текста М.С.Черепанова. М., 1972. С. 3-21.

2 Третьяков В.Т. Как стать знаменитым журналистом: Курс лекций по теории и практике современной русской журналистики / Предисл. С.А. Маркова. М., 2004. С. 263-264.

3 Третьяков В.Т. Как стать... С. 265, 267-268.

Были и другие подходы. Так, уральский исследователь Л.М. Майданова предложила в основу типологии жанров положить основной вопрос (точнее сказать, вопросную пару) и группировать их «в зависимости от того, с ответами на какие вопросы они связаны». Основные вопросы – «о чём?», «что?», «как?», «кому?» и «зачем?». Получалось, что заметка, репортаж, статья, очерк, фельетон дают ответы на вопросную пару «что?» и «как?» (или «о чём?» и «как?»), а рецензия, корреспонденция, расширенная заметка, обзор оказались связаны с парой вопросов «о чём?» и «что?»⁴.

По этому поводу автор учебного пособия «Редактирование текста газеты: жанровый аспект» Л.Г. Фещенко справедливо замечает: «Строго заданный предмет речи и направление анализа не связаны определённой формой, почему и появляются рецензия-статья, рецензия-фельетон, рецензия-интервью, рецензия с включением очерковых элементов или разные формы корреспонденции»⁵. Если при этом учесть тот факт, что рецензия есть разновидность статьи, то сразу становится очевидной проблематичность применения предложенной типологии на практике и в учёбе.

Исследователи отмечают, что проблема теории жанра уже не одно десятилетие находится в центре напряженного внимания литературоведческой науки. Ядро проблемы составляют вопросы о природе жанра, о его границах и эволюции, об источниках «оживления» и причинах «смерти» тех или иных жанров. Размышляя об этом, Ю.Н. Тынянов обосновал теорию забвения и возрождения жанровых структур, исходя из концентрической модели литературы, организованной по принципу противопоставления «центра» и «периферии». Перемещаясь внутри этой структуры, жанр забывается или отмирает, удаляясь от центра, и обновляется, приближаясь к нему⁶.

Соответственно, рассматривать жанры журналистики как «ядро» и «периферию» предложили и авторы коллективной монографии «Современная газетная публицистика: проблемы стиля» преподаватели Санкт-Петербургской научной школы. Ядром здесь выступают информационная публицистика, аналитико-публицистические и художественно-публицистические жанры. Периферию же составляют «сугубо информационные и сугубо художественные материалы официально-делового и художественного стилей». Такой подход, по мнению учёных, помогает решить многие вопросы, связанные с функционированием PR-текстов, а также эволюцией текстов рекламных.

Однако представляется, что непродуктивно смешивать в одной типологии жанры журналистики, пиара и рекламы, ведь всё это – разные сферы деятельности и жанровая типология, соответственно, будет в каждой из них своей.

4 Майданова Л.М. Стилистические особенности газетных жанров: Лекции по курсу. Свердловск, 1987. С. 9, 62.

5 Фещенко Л.Г. Редактирование газетного текста: жанровый аспект: Учеб. Пособие для студентов факультета журналистики. СПб., 2004. С. 8.

6 Ушакова Е.В. Литературная биография как жанр в творчестве Питера Акройда: Дисс. ... канд. Филол. наук. М., 2001.

Тем не менее, принцип «ядро-периферия» представляется правильным и перспективным в создании типологии жанров журналистики.

По сходному пути (увеличению количества жанровых подгрупп за счёт детализации их функций) пошёл современный исследователь Л.Е. Кройчик. Его типология, предложенная в учебнике «Основы творческой деятельности журналиста» включает в себя пять групп жанров: оперативно-новостные (заметка во всех её разновидностях); оперативно-исследовательские (интервью, репортажи, отчёты); исследовательско-новостные (корреспонденция, комментарий и колонка, рецензия); исследовательские (статья, письмо, обозрение); исследовательско-образные, или художественно-публицистические (очерк, эссе, фельетон, памфлет)⁷.

Однако предложенные им же остальные критерии («морфология жанра») практически не находят отражения в данной системе (точнее, их применение требует отдельного, весьма сложного и глубокого анализа, «исследования»). Это такие критерии, как особенности структуры повествования, определение места факта в повествовании, понимание образного строя повествования, знание специфики разработки проблемы (конфликта) и т.д. А ведь для точной и практичной типологии нужны такие критерии, точнее (желательно) один критерий, который бы детерминировал всё вышеперечисленное.

Представляется, что в основе данной типологии лежит представление о журналистике как о преимущественно «информирующем» социальном институте. И, говоря шире и точнее, массово распространённый в 90-е гг. XX века «передовиками производства» миф о журналистике как «фабрике новостей» (вспомним знаменитый лозунг НТВ: «Наша профессия – новости!»). Однако журналистика – не новости. Не производство товара – информации. Она принципиально не относится к сфере торгово-денежных отношений. Относя её к сфере культуры, можно утверждать, что, являясь культурным феноменом, она если и выступает производством, то производством духовного продукта, а не товара, – подобно институту миссионерства или художественной литературе. Справедливо мнение профессора С.М. Виноградовой: «Особенность журналистики состоит в том, что она, а следовательно, и те, кто работают в СМИ, активно участвуют в социокультурном творчестве. Сверхзадача журналиста – изменение, развитие элементов культуры, создание её ценностно-нормативных координат, «культурное оснащение» социальных процессов»⁸. Журналистика, если угодно, это идейное миссионерство, а не порционная продажа «информационного воздуха»...

Существовали и до сих пор предпринимаются и попытки «коммуникативного» подхода к жанровой ти-

пологии⁹. Однако выделение и рассмотрение «информационного», «комментирующего» или «оценочного» типа текстов помогают проводить филологический анализ, литературоведческие исследования конкретных произведений постфактум, но с трудом понимаемы (а тем более применяемы) собственно журналистами-практиками в своей непосредственной деятельности.

То же можно сказать и о «стилистическом» анализе журналистских текстов. Это важная сфера научных исследований, но на основании отдельных стилистических особенностей вряд ли возможно и рационально пытаться строить жанровую типологию, как и отдельную теорию жанра. Подобной попыткой отличается книга Л.Г. Кайды «Эссе: стилистический портрет», где автор, после весьма «вольных» интерпретаций научных работ по теории эссе, всё же отходит от них и, «погружаясь» в «парадоксальный» и «спонтанный» процесс «эссеистического осмысления», заявляет: «Эссе – парадоксальный жанр. Его практически невозможно классифицировать. И все попытки дать схемы и инструкции его написания убивают творческое начало автора»¹⁰. Впрочем, это тоже «исследовательская» позиция: парадокс и в науке имеет право на существование. Однако точное знание перспективы и композиции, тем не менее, не убило до сих пор художественного творчества, чем же эссеистика хуже?

Про известного московского учёного А.А. Тертычного и его типологию жанров журналистики написано и сказано очень много. Это действительно, сегодня одна из самых распространённых (в смысле паблисити) попыток разрешить «загадку» журналистских жанров. Однако трудно найти и того, кто бы не критиковал данную классификацию за размытие границ этих самых жанров и сведения их системы к безмерному каталогу-перечислению. Действительно, традиционная номенклатура жанров включала в себя 10-12 позиций (вспомним критику их В.Т. Третьяковым), но у А.А. Тертычного их 8 информационных, 23 аналитических и 12 художественно-публицистических. Но самое главное, не их количество (жанров в журналистике достаточно много), а принцип (критерий) их включения в типологию. Во-первых, как собственно «журналистских» (эпитафии, рейтинга, анекдота, «аналитического опроса», легенды и т.п.), а во-вторых, как непосредственно «информационных», «аналитических» (уже само *это* разделение спорно) или «художественно-публицистических».

Можно назвать вышеперечисленные подходы «фактологическими». Исследователи стараются собрать как можно более широкий эмпирический материал: проанализировать большое количество конкретных материалов, объединить различные номенклатуры жанров, «обобщить» методологические подходы и т.д. Но из-за этого они часто просто «тонут» в массе фактов,

7 Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров. В кн.: Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для студентов вузов по специальности «Журналистика» / Ред.-сост. С.Г.Корконосенко. СПб., 2000. С. 125-167.

8 Виноградова С.М. Слагаемые журналистской профессии // Основы творческой деятельности журналиста / Ред.-сост. С.Г. Корконосенко. СПб.: Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000. С. 27

9 Виноградова В.Н., Винокур Т.Г., Еремина Л.И. и др. Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста: Монография / Отв.ред. А.Н. Кожин. М., 1987. С. 72-136; Коньков В.И. Речевая структура газетных жанров: Учебное пособие. СПб., 2004. С. 27-28.

10 Кайда Л.Г. Эссе: стилистический портрет. М., 2008.

идей и нюансов. А ведь современной науке проблема излишнего увлечения фактологичностью известна ещё со времён Просвещения, особенно в исторических науках. «Характеристики «журналистского» творчества, методы создания творческого «продукта», в том числе представления о жанрах, – справедливо отмечал Е.П. Прохоров, – не базируются на теоретическом знании о сущности разных типов творчества, используемых в журналистике, что неизбежно должно бы влечь к разграничению жанров по типам творчества, к которым они относятся, и, разумеется, по характерным для них методам. Стремление же все произведения, передаваемые через СМИ, обозначить как «журналистские» порождает, как минимум, неточности...»¹¹.

То есть суть проблемы с созданием жанровой типологии в том, что сколько бы мы ни собирали конкретных фактов о каком-либо феномене (например, жанре), мы никогда не сможем объяснить его без создания концепции (теории или «исследовательской парадигмы» по Е.П. Прохорову), т.е. философского обобщения самого высокого порядка, несущего в себе чёткий принцип организации материала на каждом, строго определённом уровне этого обобщения. И если мы говорим о журналистике, надо сначала рассмотреть её сущность и понять основной её «организующий принцип».

Соответственно, прежде чем перейти к своей характеристике *системы* жанров журналистики, следует уточнить несколько ключевых (исходных) для нашего анализа понятий. Таких, как «система», «журналистика», «жанр».

Под **системой** мы будем понимать набор тех или иных элементов, представляющих собой единое целое, сложившееся на основе выполнения (удовлетворения) общей (единой) для всех них функции. Так, например, человек есть система, поскольку его элементы (внутренние и внешние органы) подчинены общей функции – обеспечению существования его «Я» (Экзистенции). А такие элементы, как средства перевозки, транспортные пути и диспетчерские службы, составляют транспортную систему, поскольку подчинены задаче (функции) перевозки грузов и людей.

Считается, что существуют системы открытые и закрытые. Закрытые системы – те, что функционируют в самодостаточном режиме. В основном же нас окружают системы более или менее открытые. К таким относится всё живое, требующее для существования потребления внешних источников энергии – пищи, солнечного тепла, природных ресурсов. К открытым системам относится и человек, и наше общество (социум). К ним относится и массовое сознание. К закрытым, с вышеуказанными оговорками, стоит отнести застывшую, косную материю, «мир вещей».

Более или менее устойчивое положение, в котором система способна существовать комфортно, называется аттрактором (англ. «притяжение»; зачастую говорят о «точках притяжения»). Также употребляют термин «странный аттрактор»: это притягивающее положение, которое находится вне поля зрения Наблюдателя и име-

ет более сложную «систему траекторий движения», что ведёт к непредсказуемости поведения системы в нём. Так, например, инженеры, «технари», часто пишут стихи – грубо говоря, аттрактором для них выступает их карьера-семья-работа, а странным аттрактором – художественное творчество, чреватое душевными озарениями, духовными откровениями и т.п.

Если говорить о социуме, то, например, обращаясь к современной России, можно сказать, что аттрактором выступает тот культурный идеал, к которому «устремляют» страну правители (или «овладевшая массами» идея), а странным аттрактором выступают исторически сложившиеся ценности народа. Так, проект РТР «Имя России» показал очень интересные результаты, связанные с историческим мышлением русского народа и его «неистребимым тоталитарным выбором»...

Журналистика также представляет собой систему, поскольку выполняет в надсистеме «Общество» (высшей системе) свою, особую функцию. Если воспользоваться аналогией, то подобно тому, как телу для существования необходимо индивидуальное сознание (или хотя бы набор рефлексов, как у слизняка, либо набор программ, как у растения), так и социуму при переходе его ко всё более сложным историческим формам организации необходима всё более масштабная и глубокая «рефлексия» – некое «зеркало», в котором оно бы себя видело и осознавало.

Так возникает институт журналистики. Сначала как протожурналистика – шаманы в каменном веке, жрецы в более поздние времена, затем, с развитием светской власти – как форумы, пропаганда (и церковная, и, позже, светская), глашатаи и т.п. Позже, с развитием торговли, уже как собственно журналистика – листки с коммерческой информацией за «газетте» (мелкую итальянскую разменную монету), написанные от руки, но в скорейшем времени – благодаря полученной из Китая и спустя столетия освоенной И.Гуттенбергом наборной технологии – в печатном виде.

Таким образом, сущностью журналистики («общим методом» по Гегелю) как социально-исторического феномена, т.е. социального института, является оперативная массовая общественная рефлексия¹² (Ф.Муминов). Если ключевые слова «общественная рефлексия» вполне понятны, то уточняющие их «массовая» и «оперативная» требуют дополнительного анализа.

Говоря о журналистике и её «массовости», как правило, имеют в виду направленность её материалов на максимально широкую рассредоточенную и «обезличенную» аудиторию. Отчасти это верно. В данном случае речь идёт о том, что журналистика как социальный институт не может возникнуть без «армады» собственно журналистов (в самом широком смысле: профи, экспертов, внештатников, общественников). В России сегодня – около миллиона профессиональных журналистов, и именно поэтому мы и можем говорить о наличии у нас такого социального института. Если б их было, например, тысяча или десять тысяч, то как обще-

11 Прохоров Е.П. Исследуя журналистику. М., 2005. С. 20.

12 Муминов Ф. Метод журналистики и методы деятельности журналистов. Ташкент, 1998. С. 57.

ственный феномен такая журналистика не состоялась бы (примером могут служить ныне резко критикуемые центральное телевидение и либеральная журналистика Садового кольца).

«Оперативность» же выступает сущностным, родовым свойством журналистики. Это обусловлено тем, что обществу, как и любому живому организму, информация о себе и окружающей действительности (картина мира) необходима: 1) наиболее полная; 2) наиболее свежая. Это и есть основные требования к информационно-аналитической журналистике: полнота освещения события («правдивость») и быстрота («оперативность»).

Однако журналистика – это не только сообщение, «информирование» в узком смысле. Она устроена гораздо сложнее и интереснее. Прежде всего, в соответствии с определёнными сферами мышления человека (и имеющими соответственно разные потребности) журналистика распадается на три достаточно самостоятельные сферы творческой деятельности: **журнализм** (информационно-аналитическую деятельность), **публицистику** и **беллетристику**.

Связано это с процессом выживания человека в сложном и агрессивном окружающем мире. Прежде всего, чтобы жить, ему было необходимо оглядеться, отразить в сознании то, что происходило вокруг (полно и быстро). То есть проанализировать, выделить главное, существенное из синкретичного (цельного) потока жизни.

При этом он должен был обладать некой системой ценностей, набором положительных (полезных, приятных) и отрицательных (нежелательных, опасных) понятий/образов/целей, отталкиваясь от которых он мог бы осмыслить видимое и сознательно выстроить своё поведение.

Соответственно, в-третьих, ему было необходимо сопоставить то, что он считал важным и нужным (желаемое) с тем, что происходило вокруг (действительное), то есть оценить реальность. Только тогда его желания могли бы осуществиться: т.е. получить своё воплощение в наиболее рациональной и безопасной форме: Поступке и, шире, Поведении.

Все эти процессы вполне относимы и к обществу в целом. Массовое сознание, являясь «вещественным воплощением» духовных потребностей социума, требует от журналистики удовлетворения трёх основных «информационных запросов»: в отражении мира, оценке его, а также в наборе – системе – ценностей (жизненных целей).

Этим важнейшим для построения качественной жанровой классификации в журналистике категориям нужно дать определение.

Так, **журнализм** (как информационно-аналитическая «сфера творчески-преобразовательной деятельности» (М.Н.Ким)) удовлетворяет потребность людей, связанную с формированием более или менее целостной и связной картины мира (того, что есть вокруг). Именно поэтому *предметом* репортёрского поиска и публикации выступают любые факты и события, то есть всё то,

что произошло, и то, что происходит «здесь и сейчас». Содержанием же является *новость*, то, что неизвестно аудитории либо не замечается ею.

Соответственно, «чистой» журналистикой с точки зрения индивидуального творчества будет выступать **деятельность по ежедневной фиксации наблюдаемых фактов и событий**. Т.е. ведение дневника, «журнала» (от стены пещеры до электронного блога). Непосредственно же профессиональной деятельностью выступит **журнализм, т.е. деятельность по поиску, фиксации и публичному оперативному распространению (оглашению) сведений, востребованных обществом**.

Основной функцией **публицистики** является **оценка происходящих событий на основе той или иной системы ценностей (1) и (2) отбор и пропаганда наиболее перспективных, полезных и выгодных обществу систем этих ценностей**. Поэтому публицистическая оценка всегда включает в себя (явно ли, скрыто ли) два аспекта: идейную критику, а также прогноз рассматриваемых событий. Соответственно же **идейная критика и прогноз выступают содержанием** публицистики, тогда как *предметом* являются **социальные проблемы** (конкретные ситуации в обществе, связанные с резким увеличением разрыва между ожиданиями аудитории и реальным развитием событий и требующие немедленного либо скорейшего разрешения).

И если дневник можно вести и «для себя» (журналистика как «чистое творчество» есть, например, блоггерство), то публицистика уже обязательно требует «публичности», т.е. активной включённости (вовлечённости) автора в бытие своей социальной группы или страны. С этой точки зрения, под публицистикой как индивидуально-профессиональной творчески-преобразовательной деятельностью следует понимать **деятельность по анализу, прогнозированию и оценке современной социальной действительности, с целью обнаружения актуальных социальных проблем, публичному оглашению их и обсуждению социально приемлемых путей их разрешения**.

Тогда под публицистикой с точки зрения институциональной следует иметь в виду **сферу деятельности журналистики (как социального института), связанную с анализом, прогнозированием, оценкой актуальных социальных проблем современности и поиском общественно приемлемых путей их разрешения**.

Беллетристика в данной триаде вызывает, пожалуй, наибольшее количество вопросов, хотя философско-методологические основы выделения её как из собственно литературы, так и для отделения от «чистой» журналистики, были заложены ещё Белинским.

Отделяя беллетристику от «большой» литературы, Виссарион Григорьевич говорил, что в отличие от художественно завершённых, «замкнутых» в своей завершённости и потому оторванных от живой жизни произведений искусства, произведения беллетристические прямо связаны с происходящими в обществе событиями, посвящены им, их осмысливают. Добавим, что

от публицистики они отличаются «безадресностью», отсутствием конкретных упоминаний фамилий, имён, мест и т.д., хотя само событие или персонаж читателем, без сомнения легко угадываются (например, в фельетоне).

Таким образом, **беллетристику** можно определить как **сферу деятельности журналистики, связанную с удовлетворением потребности аудитории в художественно-образном ценностном осмыслении происходящих событий**. Именно поэтому *предметом* отражения в беллетристике (а в советской теории печати – в художественно-публицистических произведениях) **выступает человек во всём разнообразии его отношений с окружающей действительностью**.

Следовательно, как индивидуально-профессиональную деятельность, беллетристику можно охарактеризовать как **публичную смысло- и образопорождающую деятельность на основе ценностного осмысления бытия человека в мире**. Говоря просто, беллетристы пытаются рассказать аудитории, каковы другие люди в различных обстоятельствах и объяснить, почему.

Остаётся эссеистика – понятие, до сих пор вызывающее теоретический «ступор». «Эссе не может быть приведено ни к какой дефиниции» – этот тезис очень часто встречается в справочниках и словарях. Но так ли это на самом деле?

Эссе производно от французского *essai* – «попытка», «проба сил» («испытание»), «набросок». Происходит же от латинского *exagium* – «взвешивание». В результате историко-культурологического и теоретического анализа жанра эссе нами было получено определение *эссе как произведения, отражающего экзистенциальную рефлексию автора*¹³.

Если говорить об **эссеистике** с институциональной точки зрения, то это **сфера деятельности в журналистике, связанная с удовлетворением потребности аудитории в экзистенциальном (межличностном) общении**. Её возникновение обусловлено массовизацией (обезличиванием) продукции журналистской деятельности (в XX веке особенно, «благодаря» доктрине объективности).

Если дать определение эссеистике с этой – профессиональной – точки зрения, то оно будет следующим: **эссеистика есть публичная рефлексия над экзистенциальными проблемами собственного существования**. Ключевым здесь выступает принцип жизненности, отражающий неразрывную, непосредственную связь между реальной личностью эссеиста и «языковой личностью героя произведения» («коммуникативной личностью» – Д.П. Гавра).

Сегодня широкое распространение жанра эссе находит своё воплощение в такой популярной для отечественной и зарубежной журналистики коммуникативной стратегии, как «**эссеизация**». Её сущность заключается в индивидуальном, личностном восприятии и воспроизведении (трактовке) наблюдаемых жиз-

ненных ситуаций и проблем бытия. Её отличительные качества отражают естественный ход мысли человека и заключаются в ассоциативности содержания, определённой фрагментарности («нелинейности») повествования, композиционной и стилевой свободе.

Эссе и эссеизация – тема отдельного разговора (см. ниже), сейчас же будет достаточно отметить тот факт, что эссеистика относится к публицистике (наряду с медиа- и социокритикой), а «коммуникативную стратегию» эссеизации лучше заменить понятием «эссеистический формат».

Каждая из рассмотренных сфер творчески-преобразовательной деятельности предполагает и свои собственные способы творческой деятельности (методы), и свои собственные формы для её воплощения, т.е. жанры.

Само понятие **жанра** не ново: это исторически сложившаяся, устойчивая форма видения и восприятия человеком действительности (М. Бахтин). Смысл в том, что весь жизненный поток целиком, нерасчленённо, человек воспринять не может. Поэтому сознание, дабы исключить перегрузки и для более эффективной работы, выработало способность «анализировать» (от лат. *analysis* – «расчленять»), т.е. выбирать из потока непосредственных событий лишь наиболее значимые. Для этого существует две предпосылки.

Первая, объективная, связана со спецификой природы человека, его физиологией: резкий звук, яркий цвет или сильный запах волея-неволея заставляют сосредоточить на себе его внимание, выделить их из потока впечатлений.

Другие, более сложные – субъективные – реакции и формы восприятия выработаны исторически, в процессе развития человека и общества. Например, в искусстве: мышление образами, звуками или пространственными формами. К ним как раз и относятся жанры. Их задача – максимально упростить восприятие и осмысление действительности, передачу информации, переживаний/отношений и т.д. от человека к человеку.

Существуют жанры простые (первичные, речевые) и сложные (вторичные, связанные уже с развитием письменности и сложных форм творчества и деятельности). К первым относятся такие жанры, как приветствие, прощание, поздравление, светская беседа, повествование (например, голос автора), совет и т.д. Их огромное количество. Вторичных (сложных) – меньше, к ним относится большинство письменных жанров (в том числе и журналистские), которые включают в себя различные наборы речевых.

Как видно, жанр – сложное образование (система). В нём сходится и проявляет себя ряд важнейших элементов: функция данной сферы деятельности, предметная направленность, содержательный и формальный аспекты, личность автора...

Можно заключить, что **система жанров журналистики** – это **динамичная, эволюционирующая, многоуровневая совокупность форм восприятия, осмысления и отражения действительности (письменным или аудиовизуальным (либо мультиме-**

¹³ Дмитриевский А.Л. ЖАНР ЭССЕ: Очерк теории жанра. Монография. Орёл, 2006.

дийным) способом), связанная с удовлетворением потребностей аудитории в формировании ясной единой картины мира, рефлексии и оценке происходящих событий.

В соответствии с выделенными сферами творчески-преобразовательной деятельности в журналистике, можно заключить, что система жанров журналистики также будет иметь троичную структуру, включая в себя подсистему информационно-аналитических жанров (журнализм), подсистему жанров публицистики и подсистему беллетристических жанров. В каждой из этих подсистем (жанровых групп, «периферии») будет выделяться один ведущий, «стержневой», системоопределяющий жанр – упомянутое выше «ядро». (В этом можно частично и с оговорками – принципиально – согласиться с идеей В.Третьякова о «всего лишь» четырёх жанрах журналистики).

Чтобы окончательно прояснить этот тезис, надо вновь обратиться к синергетике и теории фракталов в частности¹⁴. Ясно, что напрямую переносить математические методы в другие сферы (например, гуманитарную) весьма опасно, но использовать теорию фракталов как принцип, объяснительную модель – вполне возможно.

Смысл её в том, во-первых, что «хаотичность» окружающего нас мира, иллюстрируемая фракталами, это не отсутствие порядка, а наоборот, бесконечно сложная упорядоченность. Второй вывод: поскольку у таких объектов нет «атома», «первокирпичика», то есть мельчайшей, далее уже неделимой частицы (анализ которой дал бы ключ к пониманию всей системы), то и у материи нет «дна». Существует лишь «первофеномен» – принцип её построения и формула, выражающая этот принцип. И раз нет мельчайшего элемента, то подход к изучению сложных систем должен быть иным – иерархически-уровневым. Как и в нашем случае: система жанров журналистики имеет как минимум два уровня (а если добавить речевые жанры, то три), и если их не разграничить, то получится путаница, антиномия.

Очевидный пример, характеризующий проблему: два исследователя, В.Т. Третьяков и А.А. Тертычный, предлагают взаимоисключающие подходы к построению типологии жанров журналистики. По мнению первого, есть лишь четыре «чистых» журналистских

жанра, по мнению второго – их около пятидесяти и они представляют собой «каталог». Логичен вопрос: откуда такой разницей, такая полярность в характеристике одного и того же очевидного явления?

Ответ, как нам кажется, достаточно прост.

До сих пор теоретиками журналистики не учитывались два момента: во-первых, уровневая, иерархическая организация жанров (о чём говорит синергетика и писали многие литературоведы, например М.М. Бахтин); а во-вторых, на что справедливо указывал Е.П. Прохоров, – специфика собственно журналистских сфер деятельности (типов творчества).

Так, например, статья ставилась в один ряд с её разновидностями (то есть жанрами «низшего», производного от неё порядка) – рецензией, обзором, письмом. Репортаж – с отчётом, корреспонденцией, «экспериментом». Рассказ – с очерком, фельетоном. Или вообще смешивались с эссе. А необходимо было разделить «уровни» жанровой типологии.

Кроме того, на высшем уровне, отражающем три основные сферы творческой деятельности журналистики (журнализм, публицистика, беллетристика) «стержневых» жанров как раз и окажется всего три: заметка (журнализм), статья (публицистика), рассказ (беллетристика). И лишь на более низком уровне эти жанры «распадутся» на «гнёзда», строго определённые свои разновидности, «каталоги» или «периферию». Посмотрим, как это выглядит.

Сфера информационно-аналитической журналистики, или журнализма. Родовой (стержневой) жанр – **заметка**: сообщение о событии сравнительно небольшого объёма, имеющее чёткую структуру в виде «перевернутой пирамиды» (хэдлиан/заголовок – лид – корпус). Периферия:

1. информация (предельно краткое, лаконичное сообщение о событии) и трансляция, «прямая телетрансляция» (пример – сайт sochi.ru или рубрики «Без комментариев», где картинка идёт живым «лайфом», без какого бы то ни было участия репортёров);
2. новость (сообщение о текущем событии, содержащее неизвестные аудитории сведения);
3. интервью (вопросно-ответная форма подачи материала; как правило, является результатом целенаправленного расспроса журналистом значимого для понимания проблемы человека с целью получить определённые сведения: мнение, знания, прогноз и т.д.);
4. отчёт (аналитическое описание свершившегося события);
5. корреспонденция (краткое описание свершившегося локального события, содержащее экспресс-выводы о значимости данного события для аудитории и перспективах его развития («тенде»));
6. хроника, «хроникальные заметки» (документальное описание (история) значимого события в порядке его временного (хронологического) развития в виде кратких сообщений, эпизодов и новостей);
7. дневник (произведение, содержащее ежедневные записи наиболее значимых для автора текущих

¹⁴ Геометрически фрактал – это фигура с дробной размерностью (лат. Fractalis означает «дробный»). Таких фигур, благодаря математикам и алгебре множеств, известно много, хрестоматийные – «ковёр Серпинского» или «остров Коха». Эти фигуры задаются достаточно простой функцией, алгоритмом, однако эта функция не имеет производной и потому непредсказуема и стремится к бесконечности. Это первая важная характеристика фракталов. Другое свойство – «масштабная инвариантность». Суть этого качества фракталов в том, что они представляют собой самоподобную структуру, в которой имеет место тождество структуры целого и структуры каждой его части. Сколько раз ни увеличивай выделенную область, например, острова Коха, она будет с абсолютной точностью повторять картину предыдущего фрагмента. То есть вид выбранного нами фрагмента не зависит от масштаба, а по тому, что мы видим, невозможно установить масштаб. «Так, во время второй мировой войны англичанам пришлось измерить периметр своего острова, чтобы правильно разместить силы для его обороны. Оказалось, что длина побережья Великобритании существенно зависит от того, по какой карте и какой линейкой её измерять». – Мосионжик Л.А. Синергетика для гуманитариев. СПб.; Кишинёв, 2003. С. 35.

событий; для печати, как правило, делимые на временные отрезки: «неделя первая», «день второй», «эпизод третий»);

8. дайджест (текст, содержащий сокращённое изложение отдельных последних событий (или сообщений других СМИ о важном событии), объединённых общим смыслом, темой или проблемой);

9. некролог (сообщение о смерти известного аудитории человека, включающее в себя краткую биографию усопшего, его достижения и свершения, часто – место похорон и причину смерти, прощальные слова);

10. блоги.

Сфера публицистики. Родовой (стержневой) жанр – **статья**: текст, в котором автором ставится и/или разрешается какая-либо *социальная проблема*. *Социальная проблема* характеризуется наличием разрыва между ожиданиями аудитории и реальным положением дел. Периферия:

1. реплика (краткое высказывание по какому-либо злободневному поводу, как правило, носящее характер несогласия, возражения, ответа);

2. комментарий (интерпретация известного события);

3. колонка (субъективная трактовка какой-либо социальной темы/проблемы);

4. обзор (статья, содержащая анализ событий за определённый период по строго заданному тематическому направлению, завершаемый общей оценкой тенденций их развития);

5. обзор (статья, обобщающая какую-либо тематическую либо проблемную область жизни, тему; демонстрирует наличие, существование чего-либо);

6. рецензия (статья, содержащая критическую оценку конкретного художественного произведения с социальных или эстетических позиций);

7. письмо (открытое письмо)/обращение (статья, особенностью которой является прямое, от своего имени, обращение автора (авторов, коллектива) непосредственно к адресату – той личности (общности), которая либо участвует в ситуации, либо так или иначе задействована в принятии важных решений, либо просто высказывая своё к ней отношение, понимание и оценку; как правило, завершается призывом к активным действиям);

8. дебаты/круглый стол (вопросно-ответная форма построения материала; статья, содержание которой состоит из высказываний приглашённых в редакцию экспертов и заинтересованных лиц по заявленной теме; тексты приводятся в виде минимально отредактированных цитат участников обсуждения, с указанием их имён и регалий);

9. социальный эксперимент (статья, для написания которой журналисты искусственно создают нестандартные ситуации для граждан либо специально отобранных участников эксперимента и затем описывают поведение последних; как правило, служит для иллюстрации латентной (скрытой) социальной проблемы и сопровождается мнением экспертов в области экспериментирования);

10. «журналистское расследование» (статья, в которой автору в процессе исследования важной социальной проблемы пришлось столкнуться с противодействием его профессиональной деятельности со стороны незаинтересованных в освещении ситуации лиц; характеризуется драматически-детективной формой организации и изложения материала);

11. визуально-графические формы публицистики: фотообвинение; плакат; демотиватор; карикатура; мем;

12. брошюра (статья по актуальному социальному вопросу, объёмом порядка 40-50 страниц стандартного машинописного текста, изданная отдельно);

13. монография (доскональное исследование какого-либо острого социально-политического или культурно-нравственного вопроса жизни общества в виде книги объёмом, как правило, от 100-120 страниц стандартного машинописного текста и больше, изложенного в популярной, доступной форме);

14. памфлет (статья, в которой объектом острой критики становятся политический строй в целом и отдельные ведущие его представители);

15. эссе (публичная рефлексия автора над экзистенциальными (смысложизненными) проблемами собственного существования).

Сфера беллетристики. Родовой (стержневой) жанр – **рассказ**: история, повествование о каком-либо событии, происшествии в образной, художественной форме. Периферия:

1. зарисовка (субъективное, образное, эмоциональное описание конкретной ситуации и переживаний, с нею связанных);

2. репортаж («рассказ очевидца с места события»; литературная запись совершающегося события, очевидцем и участником которого выступает журналист);

3. очерк (беллетристическое произведение, содержащее описание того или иного социального типажа либо характера конкретного человека и ставящее задачей рассмотреть сквозь призму их судеб и жизненных перипетий актуальные проблемы современности);

4. хроники (художественное описание истории политических, общественных или семейных событий);

5. история (беллетристическое произведение, повествующее о каком-либо происшествии, случае, значимом для автора: «криминальная история» – преимущественно о неприятном событии, конфликте; «любовная история» – о перипетиях личных взаимоотношений; «смешная история»/«анекдот» – о забавном случае и т.д.);

6. фельетон (беллетристическое произведение, в юмористическом, сатирическом, иногда саркастическом ключе высмеивающее социальные пороки, недостатки и явления на примере конкретных людей; часто имеет сознательно уничижительный характер, приближаясь к памфлету);

7. путешествие (беллетристическое произведение, в котором автор, с познавательной либо развлекательной целью описывает свою поездку или передвижение пешком по каким-либо местам или странам);

Такова, на наш взгляд, наиболее логичная типология жанров журналистики. Однако стоит отметить ещё одно обстоятельство. По справедливому замечанию Виталия Третьякова, упростившего журналистику до четырёх «исторически сложившихся» жанров, помимо информации, репортажа, интервью и статьи следует говорить ещё об одном, «неклассическом» жанре, рождённом телевидением в последней трети XX века – игре¹⁵:

«Как и массовая культура в целом, в недрах которой родилась *игра как жанр журналистики*, она появилась на Западе и именно оттуда – в эпоху гласности – пришла в нашу журналистику. <...> Позже на нашем ТВ появились ток-шоу, уже явно подражающие западным образцам (что не значит, что это плохо, – жанры журналистики невозможно, как и велосипед, всякий раз изобретать заново)»¹⁶. Таким образом, на отечественном телевидении игра существует в двух разновидностях: как собственно игра и ток-шоу.

15 Третьяков В.Т. Как стать знаменитым журналистом. С. 263.

16 Там же. С. 369, 370.

Ток-шоу, по его мнению, это «игра, основным сюжетным ходом которой является обсуждение какой-либо проблемы». (И если игра, как и шоу «должно продолжаться»), становится понятным, почему в рамках ток-шоу проблемы никогда не решаются, в лучшем случае – лишь обозначаются).

Об этом говорит и сам Третьяков, подводя итог рассуждениям о ток-шоу как разновидности игры: «Игра как журналистский жанр есть развлечение аудитории через вовлечение её в наблюдение за упрощённо-соревновательными моделями жизненных (в том числе и общественно-значимых) ситуаций, в которых примитивизированы мотивы, ход и следствия человеческих поступков»¹⁷.

Вполне естественно, что данная концепция не претендует на роль «единственно верной» теории, однако помогает весь Хаосмос журналистских жанров свести к понятной и – что особо важно – рабочей, практически реализуемой системе.

17 Там же. С. 375.

Библиографический список

1. *Виноградова В.Н., Винокур Т.Г., Еремина Л.И. и др.* Стилистика русского языка: Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста: Монография / Отв.ред. А.Н.Кожин. М., 1987.
2. *Виноградова С.М.* Слагаемые журналистской профессии // Основы творческой деятельности журналиста / Ред.-сост. С.Г. Корконосенко. СПб.: Знание, СПбИВЭСЭП, 2000.
3. *Дмитровский А.Л.* ЖАНР ЭССЕ: Очерк теории жанра. *Монография*. Орёл, 2006.
4. *Дмитровский А.Л.* Экзистенциальная теория журналистики: попытка метатеории // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2012. №2 (10).
5. *Дмитровский А.Л.* Экзистенциальная теория журналистики: к сущности концепции. Методологические разъяснения и схемы // ЗНАК: проблемное поле медиаобразования. 2013. № 1 (11).
6. Жанры советской газеты: Учеб. пособие / Общ. подгот. текста С.Черепанова. М., 1972.
7. *Кайда Л.Г.* Эссе: стилистический портрет. М., 2008.
8. *Коньков В.И.* Речевая структура газетных жанров: Учебное пособие. СПб., 2004.
9. *Кройчик Л.Е.* Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для студентов вузов по специальности «Журналистика» / Ред.-сост. С.Г.Корконосенко. СПб., 2000. С. 125-167.
10. *Майданова Л.М.* Стилистические особенности газетных жанров: Лекции по курсу. Свердловск, 1987.
11. *Мосионжик Л.А.* Синергетика для гуманитариев. СПб.; Кишинёв, 2003.
12. *Мумино Ф.* Метод журналистики и методы деятельности журналистов. Ташкент, 1998. С. 57.
13. *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. 4-е изд., доп. М., 2003.
14. *Прохоров Е.П.* Исследуя журналистику. М., 2005. С. 20.
15. *Тертычный А.А.* Жанры периодической печати. М.: Аспект пресс, 2000.
16. *Третьяков В.Т.* Как стать знаменитым журналистом: Курс лекций по теории и практике современной русской журналистики / Предисл. С.А. Маркова. М., 2004.
17. *Ушакова Е.В.* Литературная биография как жанр в творчестве Питера Акройда: Дисс. ... канд. Филол. наук. М., 2001.
18. *Фещенко Л.Г.* Редактирование газетного текста: жанровый аспект: Учеб. Пособие для студентов факультета журналистики. – СПб., 2004.

References

1. *Vinogradova V. N., Vinokur T.G., Eremin L.I., etc.* Russian stylistics: Genre and communicative aspect of stylistics of the text: Monograph / edited by. A.N.Kozhin. M, 1987.
2. *Vinogradova S. M.* Slagayemye of a journalistic profession//Bases of creative activity of a journalist / Edited by S.G. Korkonosenko. SPb. : Knowledge, СПбИВЭСЭП, 2000.
3. *Dmitrovsky A.L.* ESSAY GENRE: Sketch of the theory of a genre. Monograph. – Eagle, 2006.
4. *Dmitrovsky A.L.* Existential theory of journalism: metatheory attempt//Sign: problem field of media education. 2012 . No. 2 (10).
5. *Dmitrovsky A.L.* Existential theory of journalism: to essence of the concept. Methodological explanations and schemes//SIGN: problem field of media education. 2013 . No. 1 (11).
6. Genres of the Soviet newspaper: Studies. grant / General subgoth. S. Cherepakhov's text. M, 1972.
7. *Kayda L.G.* Essay: stylistic portrait. M, 2008.

8. *Kon'kov V. I.* skates speech structure of newspaper genres: Manual. SPb. 2004.
  9. *Kroychik L.E.* Sistema of journalistic genres//Bases of creative activity of the journalist: The textbook for students of higher education institutions in the "Journalism" / Edited by S.G. Korkonosenko. SPb. 2000. Pp. 125-167 .
  10. *Maydanova L.M.* Stylistic features of newspaper genres: Lectures on a course. Sverdlovsk, 1987.
  11. *Mosionzhnik L.A.* Sinergetika for humanists. SPb. ; Kishinev, 2003.
  12. *Muminov F.* Metod of journalism and methods of activity of journalists. Tashkent, 1998. Pp. 57.
  13. *Ojegov S. I. and Shvedova N. Yu.* Explanatory dictionary of Russian: 80 000 words and phraseological expressions / the Russian Academy of Sciences. Russian institute of V.V.Vinogradov. 4 prod. additional. M., 2003.
  14. *Prokhorov E.P.* Issleduya journalism. M, 2005. Pp. 20.
  15. *Tertychny A.A.* Periodicals genres. M.: Aspect press, 2000.
  16. *Tretyakov V. T.* Kak to become the well-known journalist: Course of lectures according to the theory and the practician modern Russian journalism. Introduction by S.A. Markova. M, 2004.
  17. *Ushakova E.V.* The literary biography as a genre in Peter Akroyd's creativity: Дисс. ... edging. Filol. sciences. M, 2001.
  18. *Feshchenko L.G.* Editing of the newspaper text: genre aspect: Studies. Grant for students of faculty of journalism. SPb. 2004.
-
-

УДК 82.091 – 4 ТУРГЕНЕВ И.С.

UDC 82.091 – 4 TURGENEV I. S.

Н.В. ИЛЮТОЧКИНА

*соискатель, кафедра истории русской литературы
XI-XIX вв., Орловский государственный университет
E-mail: ilunata@yandex.ru,*

N.V. ILYUTOCHKINA

*Competitor, Department of history of Russian literature XI-
XIX centuries, Orel State University
E-mail: ilunata@yandex.ru*

**РОМАН И.С. ТУРГЕНЕВА «РУДИН»: «АГАСФЕРОВСКИЙ КОМПЛЕКС» В КОНТЕКСТЕ
ОБРАЗА ДМИТРИЯ РУДИНА**

**I.S. TURGENEV'S NOVEL «RUDIN»: «WANDERING JEW'S COMPLEX» IN THE CONTEXT
OF DMITRIY RUDIN'S IMAGE**

В статье выявляются черты «агасферовского комплекса» в образе главного героя романа Тургенева «Рудин» и доказывается, что судьба «бесприютного скитальца», исполненная блужданий и одиночества, сближает его с Вечным Жидом, но в тексте дана иная идеологическая наполненность пути героя, смерть которого является жертвой, искуплением.

Ключевые слова: агасферовский комплекс, Вечный Жид, неприютный скиталец, одиночество, странничество, судьба, смерть, жертва, искупление.

In the article features of the Wandering Jew's complex are revealed in the image of the main character of Turgenev's novel «Rudin» and it is proved that the destiny of a shelterless wanderer with its roaming and loneliness pulls him together with Wandering Jew, but in the text there is another ideological content of the main character's way as his death becomes his sin-offering.

Keywords: Agasfer's complex, Wandering Jew, a shelterless wanderer, loneliness, leading the of a wanderer, destiny, death, sin-offering.

В науке давно отмечено взаимодействие в романах И.С. Тургенева конкретно-исторического содержания (воспроизведение быта, психологии, социально-психологической атмосферы эпохи, её философии, этики, культуры) с универсальным планом повествования. Соотнесение исторического и вечного, конкретного и универсального, частного и общего отчетливо прослеживается в изображении Дмитрия Рудина, главного героя одноименного романа Тургенева. Нельзя не заметить, что романский герой сравнивает себя (или сравнивается автором) то с Демосфеном, то с Орфеем, то с Дон-Кихотом, то с Вечным Жидом. Последний образ апеллирует к древней христианской легенде позднего западноевропейского средневековья об Агасфере (Вечный Жид), который отказал в отдыхе Христу, несшему на Голгофу свой Крест, за что подвергся проклятию безостановочно из века в век скитаться по земле до Второго пришествия. В основе легенды лежит мысль о наказании, выражающемся в вечном скитании и вечных муках человека за грехи перед Богом.

Вопрос о соотнесенности образа Рудина с Вечным Жидом уже привлекал внимание исследователей (С.Б. Аюпова, А.А. Бельская, А.А. Новикова-Строганова, Н.В. Пращерук и др.). Н.В. Пращерук, анализируя роман И.С. Тургенева в русле легендарного средневекового сюжета о Вечном страннике – Агасфере, отмечает «глубину и пронзительность» авторской позиции, которая от иронического отношения к Рудину вырастает до «осознания подлинно трагической судь-

бы Рудина и значения его личности» [9]. С.Б. Аюпова, разбирая роман с позиций ономапоэтики, при сопоставлении Рудина с Вечным Жидом приходит к выводу о высоком предназначении тургеневского героя, вечно-го неприютного скитальца, которое раскрывается не в «малых делах», не в «близкой цели» и «ничтожной пользе», а выполненной им задачей героя-идеолога, проповедника, энтузиаста, оставшегося верным идеалам [3]. А.А. Бельская, заметив, что образ Вечного Жида может включать множество мотивов, полагает, что наречение Рудина этим именем в тексте связано, прежде всего, с проблемой странничества героя в «беспредельности мира и вечности», т.е. с актуализацией идеи вечного духовного поиска человека [4]. Более подробно интересующая нас проблема рассмотрена в статье А.А. Новиковой-Строгановой, в которой анализируется функционирование сюжета Вечного Жида в романе Тургенева. Исходя из христианской концепции мира и человека, исследователь трактует Рудина как носителя Агасферовского греха, который состоит в нарушении главных заповедей Христа – незнании сострадания, любви к Богу и человеку, что ведет к неизбежному наказанию [7].

Несомненный интерес представляет работа А.Е. Нямцу «Бессмертный странник в человеческом мире». К проблеме литературного функционирования легенды об Агасфере в контексте христианской аксиологии, в которой на основе изучения обширного литературного материала выделяется исходный содержательный

центр образа вечного странника Агасфера, – поступок, за которым следует наказание. Согласно учёному, чрезвычайно распространённый в мировой культуре мотив странствий представляет авторам практически неограниченные возможности для разработки событийного плана и сюжетных мотивировок. При всем разнообразии трактовок этого образа в литературе А.Е. Няму находят в них общие составляющие и вводит понятие «агасферовского комплекса». Его сущность раскрывается в таком «нравственно-психологическом состоянии бессмертного индивидуума, при котором обладатель вечной жизни проходит через бесконечно повторяющееся количество однотипных ситуаций и состояний, вследствие чего они полностью утрачивают свою поведенческую и эмоционально-психологическую новизну». «В результате этого, – пишет исследователь, – вечная жизнь начинает восприниматься как мучительное наказание: бессмертный оказывается изолированным от мира людей, обреченным на одиночество, и как следствие – перестает ценить будущее, живя в замкнутом, постоянно повторяющемся настоящем» [8, с. 127].

Полагаем, что в «Рудине» при отсутствии переосмысления в нём сюжета древнего мифа главный герой романа – странник – предстаёт носителем «агасферовского комплекса», в контексте которого отчётливее проявляются особенности характера персонажа и замысла автора.

Сопоставление Рудина с Вечным Жидом возникает в романе лишь однажды, в эпилоге, в словах Лежнева: «Ты назвал себя Вечным Жидом» [10, с. 321]. Встретившись после долгой разлуки с Лежневым на одном из постоянных дворов России, Рудин рассказывает бывшему другу о своей жизни после отъезда из усадьбы Ласунских и оценивает проделанный им путь как путь, исполненный блужданий, неустроенности, одиночества и бессмысленности: «Слова, все слова! дел не было!» [10, с. 319]; «Испортил я свою жизнь и не служил мысли, как следует...» [10, с. 321]. Рудин не только считает свою жизнь неудавшейся, но и заявляет, что начинает «бояться» своей судьбы: «Я стал бояться ее – моей судьбы...» [10, с. 319]. Отсюда, думается, сравнение себя с Вечным Жидом. Как видно, само существование приводит тургеневского героя к пониманию своей чуждости миру, а бесконечное странничество воспринимается как наказание, что обращает к основной идее легенды об Агасфере.

Рудина по праву можно отнести к так называемым «подвижным» героям. Согласно Ю.М. Лотману, «в каком бы континууме (волшебном, эпико-героическом, социальном и т.п.) ни действовали персонажи, их можно разделить на неподвижные, закрепленные за какой-либо ячейкой этого континуума, и подвижные»: первые «не могут менять свое окружение, функции вторых именно в движении – из одного окружения в другое» [6, с. 467]. Несмотря на то, что основное сюжетное действие романа происходит в усадьбе Дарьи Михайловны Ласунской, Рудин изначально изображён бездомным странником, лишённым крова. Герой случайно и неожиданно появляется в усадьбе Ласунских. С определённой

оговоркой можно утверждать, что усадебное пространство становится близким Рудину и герой адекватен ему. По крайней мере, сам он воспринимает усадьбу как свое пространство («надеялся, что нашел хотя временную пристань»). Именно в пространстве усадебного дома и сада происходит самораскрытие героя: салонная беседа в гостиной + слушание музыки Шуберта, философские разговоры с Натальей Ласунской в саду, возникновение любовной ситуации и др. Между тем пребывание Рудина в усадьбе временно. Не выдержав испытание любовью («Первое препятствие – и я весь рассыпался»), герой покидает его в надежде применить свои силы в других, более свойственных ему занятиях.

Однако Рудин так и остаётся странником, скитающимся по России, переезжающим с места на место: *Петербург* («ждут к себе нового гостя <...> из Петербурга») – *усадьба Ласунской* («... вот раздался стук экипажа, небольшой тарантас въехал на двор») – *отъезд из усадьбы* («тарантас выехал со двора на широкую дорогу») – *большая дорога в одной из отдаленных губерний России* («тащилась <...> плохонькая рогожная кибитка») – *почтовый двор* («Измученные лошаденки кое-как доплелись наконец до почтового двора»). В итоге герой оказывается в *Париже* («В знойный полдень 26 июня 1848 года, в Париже <...> на самой ее [баррикады – И.Н.] вершине <...> появился высокий человек»). Очевидна «незакрепленность» тургеневского героя за какой-либо «ячейкой» пространственного континуума. Постоянное изменение границ пространства в сюжете героя становится одним из признаков его характеристики. Несмотря на непрерывное движение в пространстве, которое тесно связано с попытками Рудина найти настоящее дело, «принести хотя ничтожную пользу», все его начинания оканчиваются фиаско, больше того – приобретают характер многократно повторяющихся однотипных ситуаций.

Надо отметить, что точно так же, как у Рудина нет чётких ориентиров перемещения в пространстве, у него нет чёткого понимания, могут ли его «слова» стать когда-нибудь «поступком», т.е. нет чёткой направленности пути и в прямом, и в переносном значении: «Он приезжал прошлой зимой в Москву на короткое время, потом отправился с одним семейством в Симбирск <...> он извещал <...> что уезжает из Симбирска <...> – В ...ов? – промолвил Рудин. – Да помилуйте! это мне совсем не по дороге. Я еду в Пензу, а ...ов лежит, кажется, в направлении к Тамбову <...> Мне всё равно; поеду в Тамбов» [10, с. 302;308]. Не случайно ни одна из попыток героя реализовать свои способности не увенчается успехом. В Смоленской губернии Рудин не смог облегчить с помощью «усовершенствований и нововведений» жизнь крестьян в деревне, и ему с горечью приходится констатировать, что состоял у помещика «приживальщиком по части умственных упражнений» [10, с. 314]. Столь же драматичны пребывания Рудина в К...ой губернии, когда он намеревался осуществить проект по превращению реки в судоходную; в гимназии – в качестве «преподавателя русской словесности» [10, с. 316]. Результат беспорядочных странствий Рудина–

разочарование, одиночество, уныние. Не удивительно, что в финале романа во время встречи с Лежневым Рудин не просто испытывает жизненную усталость, он воспринимает своё странничество как наказание, что схоже с состоянием Агасфера, обреченным на вечное скитание. Даже внешне тургеневский герой («Перед ним стоял человек высокого роста, почти совсем седой и сгорбленный, в старом плисовом сюртуке...») похож на Агасфера – «высокий человек с длинными волосами и в оборванной одежде» [1, с. 14]. Но, главное, конечно, то, что Рудину присущ «агасферовский комплекс».

В начале романа ещё полный сил герой не без доли позерства произносит слова, что ему «уже наскучило таскаться с места на место»: «Пора отдохнуть» [10, с. 241]. В эпилоге романа данные слова приобретают пророческий смысл: рудинская скука переходит в «окончательную усталость» и «тайную тихую скорбь», выражающуюся «во всем существе» героя: «Нет, брат, я теперь устал <...> с меня довольно» [10, с. 320]. Подобно Вечному Жиду, Рудин тяготится бесприютным странничеством, постоянной переменой мест и непониманием. Это порождает душевные страдания героя («Маялся я много, скитался не одним телом – душой скитался»), которые после перенесённых неудач оборачиваются внутренними терзаниями: «В чем и в ком я не разочаровался, бог мой! С кем не сблизился! <...> Сколько раз мои собственные слова становились мне противными <...> Сколько раз я радовался, надеялся, враждовал и унижался напрасно! Сколько раз вылетал соколом – и возвращался ползком, как улитка, у которой раздавили раковину!.. Где не бывал я, по каким дорогам не ходил!.. А дороги бывают грязные ...» [10, с. 311]. Неизменно оказываясь в кругу повторяющихся ситуаций, Рудин не находит в себе сил вырваться из него, и потому жизнь героя превращается в муку, а чувства, мысли соединяются в одно желание – желание смерти (как в легенде об Агасфере): «... всё кончено, и масла в лампаде нет, и сама лампада разбита, и вот-вот сейчас докурится фитиль... Смерть, брат, должна примирить наконец...» [10, с. 319]. Психологическое состояние Рудина сродни состоянию Агасфера, совершившего грех перед Христом и вынужденного терпеть мучения, безостановочно скитаться по миру и жаждать покоя, в котором ему отказано. Правда, для тургеневского героя, в отличие от Агасфера, знающего причину своих скитаний (наказан за то, что не признал Христа, и «наказание» – доказательство существования Бога), причина его многочисленных неудач и внутренней неуспокоенности остаётся непостижимой: «Что мешает мне жить и действовать, как другие?.. <...> едва успею я войти в определенное положение, остановиться на известной точке, судьба так и сопрет меня с нее долой... Я стал бояться ее – моей судьбы... Отчего всё это?» [10, с. 319]. А.А. Аникин считает, что Рудину мешает действовать то, что его «слова» теряют «связь с Богом» и «философские схемы» составляются «без Божества», без связи с жизнью [2]. По мнению А.А. Новиковой-Строгановой, трагедия Рудина – агасферовский грех: герой отрекается от Христа и невольно принимает «сторону противника Бога – сатаны, становясь его слепым орудием» [7, с. 37].

Нельзя забывать, однако, что в лице Рудина Тургенев изображает секуляризованную личность и с секуляризованной позиции. Недаром Лежнев, выражая точку зрения автора, причину «несчастья» Рудина объясняет тем, что «он России не знает» [10, с. 305]. Это «несчастье» героя оказывается сродни «горю», которое приобретает в тексте значение некоего пророческого проклятия: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится!» [10, с. 305]. У Тургенева незнание героем России, его оторванность от родной почвы, приверженность космополитическим теориям и способность обходиться без родины становятся равносильными «агасферовскому греху», что влечёт за собой неизбежное наказание («Наказывать его не наше дело, да и не нужно: он сам себя наказал гораздо жесточе, чем заслужил»). Безусловно, герой Тургенева «наказан» также за то, что «мало способен любить», не обращён к поиску истины («мало истины, мало любви»), является «инвалидом» мысли, живёт в плену умозрительных идей, не знает «живой жизни» и потому не может исполнить конкретного, нужного, а значит, «святого» для России дела. Вместе с тем надо согласиться, что во многом именно отсутствие веры, потеря связи с Богом, не позволяет Рудину, владеющему «едва ли не высшей тайной – музыкой красноречия» и способностью влиять на людей («... этот человек не только умел потрясти тебя, он с места тебя сдвигал, он не давал тебе останавливаться, он до основания переворачивал, зажигал тебя!»), найти применение данным ему Свыше словам («для него самого неожиданным») о всеобщем в конкретных делах и, следовательно, – обрести себя. Недаром в своей исповеди Лежневу Рудин заявляет, что «угол» у него есть, а «приюта» он не стоит (легендарный Агасфер, согласно преданию, не дал приюта и отдохновения Христу и потому сам лишился приюта). Вероятно, «приют» у Тургенева – это такая же метафизическая категория, которая связана с отсутствием у героя веры («... я упивался словами и верил в призраки»).

В отличие от Агасфера, несущего Божье наказание и являющего собою пример подчинения Божественной власти, Рудин к осознанию своей участи приходит не сразу: «... я смиряюсь, хочу примениться к обстоятельствам, хочу малого, хочу достигнуть цели близкой, принести хотя ничтожную пользу. Нет! не удастся!» [10, с. 319]. Но подобное смирение не приводит (и не может привести) героя к пониманию своей странной судьбы, своего предназначения («... неужели я ни на что не был годен, неужели для меня так-таки нет дела на земле?»). До определённой степени душевное странничество героя объясняется тем, что он чужд Богу. Но главным, по Тургеневу, является то, что Рудин отдаётся жизни «с жадностью», «вполне» и не может отдаться ей до конца, поэтому собственная судьба воспринимается им как «странная и комическая». В свою очередь, Лежневым она оценивается как «горькая и тяжелая». Лишь в эпилоге романа в словах Лежнева звучит мысль о возможном высшем промысле в судьбе Рудина: «... может быть,

тебе и следует так вечно странствовать, может быть, ты исполняешь этим высшее, для тебя самого неизвестное назначение: народная мудрость гласит недаром, что все мы под богом ходим» [10, с. 321]. Соответственно, в сравнении Лежневым Рудина с Вечным Жидом актуализируется, наряду с мотивом странствования, мотив исполнения другом высшего назначения как «неутомимого» «стремления к идеалу» [10, с. 319].

В легенде Агасфер осужден на бессмертие, которое мучительно для него, ибо делает его чужим в мире, обрекает на бесконечные скитания и свидетельствует о греховном состоянии души. Тургенев не затрагивает темы бессмертия как безграничного продления земной жизни, писателя занимает тема смерти как духовного очищения. Для Рудина, как и для Агасфера, нескончаемое странничество становится наказанием и одновременно ожиданием смерти. Как известно, любое наказание несёт в себе возможность искупления вины, прощения. В романе Тургенева, как и в легенде, смерть – это «благо», своего рода прощение. В отличие от Агасфера, который не достигает прощения, поскольку лишён смерти, Рудин, считающий, что «кончит» «скверно», через смерть-самопожертвование примиряется с жизнью. Права С.Б. Аюпова, что смерть Рудина на французской баррикаде («точно в ноги кому-то поклонился») может быть осмыслена как снятие зорка с героя, уставшего от скитальческой жизни, точно так же как и с Вечного Жида будет снят зорк во второе пришествие Христа [3, с. 23]. В эпилоге уставший от жизни Рудин отдаёт себя высшей воле и кланяется судьбе, благодаря её за долгожданное освобождение. Вне сомнения, жизнь тургеневского героя, исполненная блужданий и одиночества, сближает его с Вечным Жидом. Тем не менее, в романе даётся иная идеологическая наполненность пути Рудина, который через свою смерть становится причастен к ценностям высшего порядка.

Нельзя не отметить сложности позиции автора в «Рудине». Одной из основополагающих мыслей романа является мысль, что отыскать «свет» во «тьме», т.е. обрести смысл жизни, человек может только вне «кровяного дома» (отсюда авторское обращение к Господу помочь

«всем бесприютным скитальцам!»). То, что Тургенев актуализирует в сюжете главного героя романа «вечный концепт духовного странничества» (Ю.С. Степанов), подтверждается тем, что Рудин назван в тексте «бесприютным скитальцем». Странничество героя связано не только с переменой мест, но и с тем, что он «душой скитался». Вряд ли итог духовного странничества Рудина можно трактовать как путь к Богу в его религиозно-философском понимании. Но то, что герой Тургенева обретает успокоение в смерти и примирение, несомненно. Стоит согласиться с А.А. Бельской, что «мысль о бесприютности, одиночестве человека в мире уравнивается в романе» «признанием “бесконечности” человека во времени и “безграничности” в пространстве (Рудин)», а также «мотивами “смирненной прозы” бытия: дом, кров, семья (Наталья, Лежнев)» [5, с. 50]. Очевидно, что в контексте образа Рудина смысл его земному бытию придаёт даже не столько проповедническая деятельность («доброе слово – тоже дело»), сколько смерть, поскольку она – жертва, искупление. Если в одиннадцати главах романа автор не без доли иронии показывает нисхождение героя-странника, то в эпилоге отступает от однозначной трактовки его жизни, обращаясь к образу и истории Вечного Жида, а в постэпилоге изображает восхождение «бесприютного скитальца», который преодолевает через смерть свою судьбу, обретает «гнездо». Последнее, кстати, тоже заставляет вспомнить Агасфера, для которого спасение неразрывно связано с гибелью. Тургенев, с одной стороны, сближается с христианской традицией, т.к. смерть Рудина является освобождением от юдоли земных печалей, с другой – в духе этического персонализма утверждает приоритет нравственной личности, заслуживающей в высших своих стремлениях величие и вечность. У Тургенева бесконечные странствия героя не просто оправданы смертью, смерть Рудина – свидетельство того, что человеческая «жизнь быстра и ничтожна; но всё великое совершается через людей» [10, с. 230].

Таким образом, через сравнение Рудина с героем средневековой легенды высвечиваются важные черты личности тургеневского персонажа («агасферовский комплекс») и более полно раскрывается замысел автора.

Библиографический список

1. *Аверинцев С.С.* Агасфер. В кн.: Е.М. Мелетинский (ред.) Мифологический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1991. С. 13-14.
2. *Аникин А.А.* Тема лишнего человека в русской классике. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37141.php?ELEMENT...>
3. *Аюпова С.Б.* Ономапозитика романа И. С. Тургенева «Рудин»: (Дмитрий Рудин в системе других героев). // Вестник Бирской государственной социально-педагогической академии. Серия «Филология» 2006. № 8. С. 12-23.
4. *Бельская А.А.* «Странники» И.С. Тургенева: от Рудина к Лаврецкому. // Спасский вестник 2008. № 15. С. 37-50.
5. *Бельская А.А.* Имя Наталья в контексте романа И.С. Тургенева «Рудин» и тезоименные героини А.С. Пушкина. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки 2011. № 6. С. 139-146.
6. *Лотман Ю.М.* О метаязыке типологических описаний культуры. В кн.: Ю.М. Лотман. Семиосфера. С.-Петербург: Искусство-СПб, 2004. С. 462-484.
7. *Новикова-Строганова А.А.* Мотив Агасфера в композиции образа главного героя романа И.С. Тургенева «Рудин». // Спасский вестник 2010. № 18. С. 28-41.
8. *Нямцу А.Е.* Легендарные образы в литературе. Черновцы: Рута. 2002. С. 127-164.
9. *Працгерук Н.В.* «Преодолевший миф»: Рудин и Агасфер. И.С. Тургенев: вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России. Материалы международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения и 125-летию со дня смерти писателя. Орел: Издательство Орловского государственного университета, 2008. № 2. С. 21-22.
10. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Изд. 2-е, испр. и доп. С. Т. V. М.: Наука, 1980.

References

1. *Averintsev S.S.* Agasfer. In the book: Meletinskiy (editor). Mythological dictionary. M.; Sov. Encyclopedia. 1991. Pp. 13-14.
  2. *Anikin A.A.* Theme of an odd person in Russian classical literature. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37141.php?ELEMENT..>
  3. *Ayupova S.V.* Onomapoetics of I.S. Turgenev's novel «Rudin». (Dmitriy Rudinin in the system of other characters). Vestnik/Bulletin of Birk Stat social and pedagogical Academy. Series «Philology» 2006. No 8. Pp. 12-23.
  4. *Belskaya A.A.* «Wanderers» of I.S. Turgenev: from Rudin to Lavretskiy. Spasskiy vestnik 2008. No 15. Pp. 37-50.
  5. *Belskaya A.A.* The name Natalya in the context of I.S. Turgenev's novel «Rudin» and namesake female characters of A.S. Pushkin. Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and social studies 2011. No 6. Pp. 139-146.
  6. *Lotman Yu.M.* About metalanguage of typological descriptions of culture. In the book: Yu.M. Lotman. Semiosphera. Saint-Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2004. Pp. 462-484.
  7. *Novikova-Stroganova A.A.* The motive of Agasfer in the composition of the image of the main character of I.S. Turgenev's novel «Rudin». Spasskiy vestnik 2010. No 18. Pp. 28-41.
  8. *Nyamtsu A.E.* Legendary images in literature. Chernovtsi: Ruta, 2002. Pp. 127-164.
  9. *Prascheruk N.V.* «The one overthrew the myth»: Rudin and Agasfer. I.S. Turgenev: yesterday, today, tomorrow. Classical heritage in changing Russia. Materials of the world-wide scientific conference, devoted to 190 birthday anniversary and 125 death anniversary. Orel: Izdatelstvo Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. No 2. Pp. 21-22.
  10. *Turgenev I.S.* Full compilation of literary works and letters: In 30 vol. Literary works: In 12 vol. Edition 2 changed and corrected. Lit. works vol. V. M.: Nauka, 1980.
-
-

УДК 82.091

UDC 82.091

Е.М. КОНЫШЕВ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет

Candidate of Philology, associate professor, Department Russian Literature of the XI-XIX centuries, Orel State University

Е.О. ДОРОФЕЕВА

аспирант, кафедра русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет

Graduate student of Department Russian Literature of the XI-XIX centuries, Orel State University

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПОСТИЖЕНИЕ НИГИЛИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТУРГЕНЕВА, ДОСТОЕВСКОГО И ЛЕСКОВА

ARTISTIC UNDERSTANDING OF THE NIHILISM IN THE WORKS BY TURGENEV, DOSTOYEVSKY AND LESKOV

В статье рассматривается история проникновения понятия «нигилизм» в русскую литературу. Делаются выводы о сложности этого понятия у Тургенева, Достоевского и Лескова.

Ключевые слова: Тургенев, Базаров, нигилизм, Достоевский, Лесков.

The article features the background of penetration of the «nihilism» concept into the Russian literature. Conclusions are made about the complexity of this concept with Turgenev, Dostoyevsky and Leskov.

Keywords: Tyrgenev, Bazarov, nihilism, Dostoevsky, Leskov.

По общему признанию, Тургенев был первым, кто совершил в романе «Отцы и дети» художественное открытие нигилизма. Образ Базарова, как известно, вызвал у современников бурные споры, но, в конечном счёте, восторжествовала точка зрения Писарева, высоко оценившего личность тургеневского героя, его ум, силу характера, благородство натуры. Вместе с тем в романе есть один незначительный эпизод, в котором обозначена тема, ставшая затем одной из центральных у других великих писателей. Базаров в споре с братьями Кирсановыми заявляет, что он не признаёт никаких авторитетов. В свою очередь Павел Петрович спрашивает его: «Очень хорошо-с. Ну, а насчёт других, в людском быту принятых, постановлений вы придерживаетесь такого же отрицательного направления?» [8, 219]. Базаров не найдёт нужным обсуждать данную проблему, вероятно, как и сам автор, не считая её достойной особого внимания. Между тем криминальный аспект нигилизма в дальнейшем начнут всячески подчёркивать Лесков и Достоевский.

На Достоевского огромное воздействие оказали те впечатления, которые он получил во время своего пребывания в Сибири. В молодости он увлекался идеями утопического социализма. После каторги убеждённость в том, что человек добр, что человеком управляет разум, была утрачена. Достоевский осознаёт: «Ясно и понятно до очевидности, что зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекари-социалисты, что ни в каком устройстве общества не избежите зла, что душа человеческая останется та же, что ненормальность и грех исходят из неё самой ...» [3, 201].

У Лескова был иной жизненный опыт, но он тоже включал в себя наблюдения над уголовниками и пре-

ступниками. Отец писателя был опытным следователем, сам Лесков, как известно, в молодости некоторое время служил в Орловской уголовной палате. Уже в раннем творчестве Лескова возникают зловещие образы каторжников. Например, характер Катерины Измайловой можно трактовать по-разному. Но как бы ни смягчали её вину глубокая страсть и практически безвыходные обстоятельства, нельзя не видеть, что убивает она слишком легко. Она убивает не только потому, что любит, но потому, что убийство – это её стихия, потому, что в ней проявляется какое-то демоническое начало. И есть какая-то особая закономерность в том, что Лесков послал «Леди Макбет Мценского уезда» в журнал Достоевского «Эпоха». А дальше невольное сближение писателей окажется ещё большим. Романы «Бесы» и «На ножах» будут опубликованы в одном журнале, в Русском вестнике, и почти одновременно. Возникнет определённая перекличка идей и образов, на которую укажет сам Лесков: «Горданов не сразу сшил себе свой нынешний мундир: было время, когда он носил другую форму. Принадлежа не к новому, а к новейшему культу, он имел пред собой довольно большой выбор мод и фасонов: пред ним прошли во всём своём убранстве Базаров, Раскольников и Маркуша Волохов и Горданов всех их смерил, свесил, разобрал и осудил: ни один из них не выдержал его критики. Базаров, по его мнению, был неумён и слаб, – неумён потому что ссорился с людьми и вредил себе своими резкостями, а слаб потому, что свихнулся пред «богатым телом» женщины, что Павел Николаевич Горданов признавал слабостью из слабостей. Раскольникова Горданов сравнивал с курицей, которая не может не кудахтать о снесённом ею яйце, и глубоко презирал этого героя за его

привычку беспрестанно чесать свои душевные мозоли. Маркуша Волохов (которого Горданов знал вживе) был, по его мнению, и посильнее, и поумнее двух первых, но ему, этому алмазу, недоставало шлифовки, чтобы быть бриллиантом, а Горданов хотел быть бриллиантом и чувствовал, что к тому уже настало удобное время» [5, 127]. Логика рассуждений Горданова вполне понятна, и вместе с тем не так просто оценить, какое место в этом ряду следовало бы предоставить Николаю Ставрогину.

В своё время К.В. Мочульский, отмечая открытия, сделанные Достоевским, указывал на образы людей зла. Исследователь писал: «Достоевский впервые столкнулся с ними на каторге. Они влекли и пугали его своей загадочностью. Он долго не понимал их. И то, что наконец понял, было самым потрясающим откровением, которым подарила его каторга <...> Зло совсем не ущербность воли и слабость характера; напротив, в нём страшное могущество, мрачное величие. Зло не в господстве низшей плотской природы над высшей духовной... Зло есть мистическая реальность и демоническая духовность» [6, 313-314]. Наиболее ярким воплощением такого типа в творчестве Достоевского является образ Ставрогина.

В настоящее время ни у кого нет сомнений, что образ Ставрогина принадлежит к наиболее значительным художественным открытиям Достоевского. Но ведь во многом аналогичное открытие делает и Лесков.

Горданов – это тоже человек зла. Конечно, по масштабу своего характера он ближе к Петру Верховенскому, чем Ставрогину. Но в романе Лескова именно он представляет собой центр, вокруг которого группируются все остальные отрицательные персонажи. Как и Ставрогин, он выступает в роли духовного лидера для радикальной молодёжи. Если Ставрогин внушает своим ученикам разрушительные идеи, толкающие их либо к самоубийству, либо к террористической деятельности, то Горданов борцов за народное счастье вполне успешно превращает в буржуазных хищников: «Павлу Николаевичу не трудно было доказать, что нигилизм стал смешон, что грубостью и сорванчеством ничего не возьмёшь; что похвальба силой остаётся лишь похвальбой, а на деле бедные новаторы, кроме нужды и страданий, не видят ничего, между тем как сила, очевидно, слагается в других руках... в длинной речи отменил грубый нигилизм, заявленный некогда Базаровым в его неуклюжем саке, а вместо его провозгласил негилизм – гордановское учение, в сути которого было понятно пока одно, что негилистам дозволяется жить со всеми на другую ногу, чем жили нигилисты. Дружным хором кружок решил, что Горданов велик» [5, 130]. Герой Лескова отрицательно влияет не только на тех, кто и сам был к этому предрасположен. Вансок – девица очень честная и самоотверженная. Но мы видим, как и в её голове под влиянием Горданова хаотически смешиваются представления о добре и зле. Эту шаткость нравственных понятий, поразившую современников, не один раз отмечал Достоевский. Не случайно лесковский образ нигилистки вызвал у него восхищённый отзыв: «Какова Вансок! <...> Ведь я

эту Вансок видел, слышал сам, ведь я тоже осязал её! Удивительнейшее лицо! Если вымрет нигилизм начала шестидесятых годов, – то эта фигура останется на вековую вечную память. Это гениально!» [5, 172].

Горданов выступает не только как теоретик нигилизма. Он практик и в этой роли, может, даже превосходит Ставрогина. С юридической точки зрения героя Достоевского трудно в чём-либо обвинить. Он отравляет сознание своих учеников и последователей, что ведёт к роковым последствиям, но сам Ставрогин, как правило, ничего преступного не совершает. Существует, правда, его исповедь Тихону, где он признаётся в соvrращении девочки-подростка, но вполне возможно, что Ставрогин всё это выдумал. Целью такого вымысла могла быть насмешка, издевательство, провокация, что весьма соответствует характеру Ставрогина.

Горданов реально переступает все законы и традиции. Вспомним его столкновение с Подозёрвым. За дуэль в России строго не наказывали, но при этом всегда очень тщательно следили, чтобы она проходила так, как положено. Дуэльный кодекс был освящён веками, и относились к нему в дворянском обществе чрезвычайно серьёзно. В случае чего виновнику грозило не только всеобщее презрение, но и каторга. Тем не менее, Горданов во время поединка грубо нарушает его правила и коварно пытается убить своего противника. В ту эпоху трудно было даже представить себе столь низкое и бесчестное поведение.

По мере развития сюжета Горданов оказывается связан с целой чередой преступлений. Пытаясь устранить тех, кто стоит на его пути к богатству, он использует клевету и шантаж, яд и кинжал. Точно так же, как и Достоевский, Лесков, с одной стороны, демонизирует своего героя, с другой – разрушает романтический ореол бунтаря и отрицателя, всемерно подчёркивая в его действиях низменное, отвратительное, безобразное. Так, например, заколов Бодростина стилетом, Горданов опасается, что трёхгранное отверстие в левом боку трупа укажет следователю на орудие убийства. Ночью он подкрадывается к телу покойника и пытается перочинным ножом изменить очертания ранки. Но вместо этого сам получает царапину и заражается трупным ядом.

Подобное описание очень напоминает манеру Достоевского, который широко использовал эстетику безобразного при описании Раскольникова или Ставрогина. Достоевскому, правда, картины русской жизни, возникшие под пером Лескова, показались надуманными и неестественными: «Много вранья, много чёрт знает чего, точно на луне происходит» [4, кн. 1, 172]. Но это явная несправедливость. Подобное замечание куда более уместно по отношению к его собственному роману, где Ставрогин как раз и пытается представить, что все его отвратительные поступки были совершены где-то в совершенно ином мире: «Положим, вы жили на луне <...>, вы там, положим, сделали все эти смешные пакости... Вы знаете наверно отсюда, что там будут смеяться и плевать на ваше имя тысячу лет, вечно, во всю луну. Но теперь вы здесь и смотрите на луну отсюда: какое вам дело здесь до всего того, что

вы там наделали и что тамошние будут плевать на вас тысячу лет, не правда ли?» [2, 187]. У Достоевского реализм «фантастический», а Лесков весьма достоверно передаёт характеры людей эпохи первоначального накопления капитала, которые появились в России 1860-х годов, и ещё более достоверно предугадывает наши 90-е годы. Вспомним, например, что Горданов задумал грандиозную мошенническую операцию, которая могла принести ему миллионы. Горданов намеревался «завести в разных местах конторы для продажи на сроки записок на билеты правительственных лотерей. Он хотел везде продавать записки на одни и те же билеты на срочную выплату и, обобрав всех, уйти в Швейцарию» [5, 780]. Лесков был пророком не в меньшей степени, чем Достоевский.

Как известно, современники роман «На ножах» не приняли. Он подвергся настолько сокрушительной критике, что Лесков и сам ей немного поверил: «Помоему, это есть самое безалаберное из моих слабых произведений» [5, 800]. Конечно, в настоящее время литературоведы много сделали, чтобы реабилитировать это произведение. И всё же мы ещё не до конца осознаём то новое знание о человеке, которое заключается в творчестве Лескова. Образ Горданова по глубине проникновения в мрачные бездны человеческой души вполне может быть поставлен в один ряд с бесами Достоевского.

Неоспоримое значение художественных открытий Лескова не надо всё же абсолютизировать и не надо полагать, что суть нигилизма обязательно сводится к пропаганде аморализма и вседозволенности. «Негилизм» Горданова не следует воспринимать как скрытую сущность идей Базарова или Раскольникова, хотя переход между ними, конечно, возможен.

Вспомним то определение, которое сформулировано в первых главах тургеневского романа: «Нигилист – это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружён этот принцип» [8, 216]. Весьма существенно, что здесь о разрушении не сказано ни слова, а всего лишь звучит призыв к человеку быть самостоятельным в своих суждениях. Если такой призыв воспринимать в рамках обыденного сознания, то с ним вполне может согласиться любой цивилизованный человек. Если же речь идёт о научной деятельности, к которой, прежде всего, и готовится Базаров, то независимость мышления здесь вообще является одним из важнейших требований. Об этом в своё время весьма убедительно писал Д.Н. Овсянников-Куликовский: «Отрицание искусства, глумление над Пушкиным, культ естественных наук, материалистическое мировоззрение – всё это только «механически» связывает Базарова с известными кругами молодёжи того времени. Но ведь Базаров интересен и так значите-

лен вовсе не этими «взглядами», не «направлением», а внутренней содержательностью и сложностью натуры, в самом деле «сумрачной», «наполовину выросшей из почвы», огромной силой духа, наконец – при демократизме «до конца ногтей» – такой независимостью мысли и такими задатками внутренней свободы, каких дай Бог настоящему философу» [7, 54].

По поводу теории Раскольникова также следует избегать упрощённых её истолкований. На это вполне справедливо указывал Н.Н.Вильмонт: «Этическое зерно в этой теории всё же не вовсе отсутствует, поскольку в ней не гаснет мечта: разрушить настоящее во имя лучшего. Но даже и не в этом только тут дело, а в ясно подчёркнутой заботе о человеческой «совести», иначе – о сохранении нравственного начала и в беспощадном кровопролитии. Ведь речь здесь всё время идёт именно о «праве на кровь», а не о кровожадном произволе тиранической власти» [1, 178]. Раскольников отречётся от своей идеи именно потому, что осознаёт её внутреннюю противоречивость, осознаёт, что нельзя совместить высокую цель с преступными средствами. Что касается «негилиста» Горданова, то в его учении как раз нет никаких противоречий. И человеку, который принял это учение, муки совести не угрожают. Трудно, конечно, сказать, чьи идеи опаснее для общества. «Негилизм» подходит только для откровенных негодяев, а мечты Раскольникова способны привлечь к себе и благородные сердца.

Подводя итог, хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что определённая связь между нигилизмом и «негилизмом», конечно, существует, но её не следует преувеличивать. В идеях Базарова, Раскольникова, Горданова русские классики угадывали разные направления развития русского общества. Тургенев писал роман «Отцы и дети» в тот период, когда в России началась эпоха реформ. Писатель надеялся, что наша страна пойдёт по европейскому пути, что в полной мере будет реализована либеральная модель, утверждающая принцип личной свободы и прав человека при условии ограничения их законом и нравственностью. При всём своём нигилизме Базаров во многом соответствует этим требованиям. Что касается Достоевского, то он либеральному прогрессу не сочувствовал, но очень остро ощущал возможность катастрофы. И хотя Раскольников совершает всего лишь уголовное преступление, его следует расценивать как эксперимент. Раскольников, в частности, хочет проверить, можно ли жертвовать отдельными людьми, пусть даже невинными, ради блага человечества. Таким образом, в «Преступлении и наказании» испытанию подвергается идеология революционного террора. И, наконец, Лесков угадал тот криминальный вариант нигилизма, с которым России дважды придётся столкнуться при построении буржуазного общества.

Библиографический список

1. *Вильмонт Н.Н.* Великие спутники. М., 1966.
2. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972-1985. Т. 10. С.201.
3. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972-1985. Т. 25. С.201.
4. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972-1985. Т. 29. С.201.
5. *Лесков Н.С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 2004. Т. 9.
6. *Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьёв. Достоевский. М., 1995.
7. *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Собр.соч.: В 9 т. Спб., 1909. Т.2.
8. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч.: В 28 т. Т.8. М.-Л., 1960-1968. Т.8.

References

1. *Vilmont N.N.* Great companions. M., 1996.
  2. *Dostoevsky F.M.* Complete collection of works: In 30 v. L. 1972-1985. V. 10.
  3. *Dostoevsky F.M.* Complete collection of works: In 30 v. L. 1972-1985. V. 24.
  4. *Dostoevsky F.M.* Complete collection of works: In 30 v. L. 1972-1985. V. 25.
  5. *Leskov N.S.* Complete collection of works: In 30 v. M., 2004. V. 9.
  6. *Mothylsky K.V.* Gogol, Solovjov, Dostoevsky. M., 1995.
  7. *Ovsjaniko-Kulikovsky D.N.* Collection of works: In 9 v. SPb., 1909. V.2.
  8. *Turgenev I. S.* Complete collection of works and letters: In 28 v. M.- L., 1960-1968. V. 8.
-
-

УДК 8; 821.161.1

UDC 8; 821.161.1

Л.В. РЫЖКОВА-ГРИШИНА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра психологии и общенаучных дисциплин, Московский психолого-социальный университет (Рязанский филиал)
E-mail: rapsod@list.ru

L.V. RYZHKOVA-GRISHINA

Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor of psychology and scientific disciplines, Moscow Psychology and Sociology of the University (Ryazan branch)
E-mail: rapsod@list.ru

«У НЕЕ ЕСТЬ СВОЯ ДУША...». М. Ю. ЛЕРМОНТОВ – ПОЭТ МОСКВЫ

«SHE HAS A SOUL...». M. LERMONTOV – POET OF MOSCOW

Есть поэты, которых мы легко можем назвать поэтами Москвы, а есть те, кто уверенно вписываются в список певцов Петербурга. И дело в данном случае не столько в географической привязке, месте рождения или жительства, сколько в характере и содержании их поэзии, идейно-эмоциональном пафосе, экспрессивной наполненности, но самое главное – в системности мышления и векторе творчества как отражении масштаба и направленности их поэтики. В этом смысле М. Ю. Лермонтов, безусловно, поэт Москвы.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, Москва, Петербург, традиция, вектор творчества, русский характер.

There are poets, we can easily name the poets of Moscow, and there are those who surely fits in the list of singers Petersburg. And it is in this case not so much in georeferencing, place of birth or residence, as in the nature and content of their poetry, ideological and emotional pathos expressive fullness, but most importantly – in the systematic thinking and vector art as reflection of the scale and focus of their poetics. In this sense, M. Lermontov certainly is a poet of Moscow.

Keywords: M. Lermontov, Moscow, St. Petersburg, tradition, vector art, Russian character.

То, что М. Ю. Лермонтов – поэт Москвы, а не Петербурга, очевидно; достаточно вспомнить его хрестоматийные строки из поэмы «Сашка»: «Москва, Москва!.. Люблю тебя, как сын, / Как русский, – сильно, пламенно и нежно!» [1, с. 460]. Это следует и из отдельных стихотворений, например, «Примите дивное посланье...», где любовь в Москве, хоть и не выражается явно, но зато образ Петербурга выглядит столь непривлекательно, что вывод напрашивается сам собой. Это следует, например, из следующих строк: «Увы! как скучен этот город, / С своим туманом и водой!» [1, с. 141]. Да и в поэме «Сашка» поэт откровенно говорил: «Я враг Неве и невскому туману» [1, с. 460]. Петербургские «туман» и «вода» – не лермонтовская стихия, его стихия – это московский простор, прогулки «на лихом коне за Москву-реку», хотя сам он, по его собственному признанию, был именно «сыном стихий», они все были ему родственны, поскольку отражали его вольный, гордый и свободолобивый нрав.

М. Ю. Лермонтову была более близка Москва, с ее исконно русским характером, открытым и широким нравом, истинной молодецкой статью, метким народным словом, нежели надменный и самоуглубленный Петербург, который, словно, по Канту, есть «вещь в себе». Он не шадит в данном случае самолюбие петербуржцев, утверждая: «Там жизнь грязна, пуста и молчалива» [1, с. 460].

В этой связи отметим, что по отношению к этим городам можно было судить и о политике, проводимой русскими царями, и шире – об их отношении к

России, известно, что в свое время Пётр II переехал из Петербурга в Москву, и это было совсем немаловажно; более того – имело символическое значение. Этот молодой правитель, как ни странно, был одним из немногих Романовых, мечтавших после долгих лет чужеземного влияния повернуть Россию на русский путь. Известно, что в народе его даже называли «нашей надеждой». Но сделать этого он не успел, во-первых, потому что недолго правил и, во-вторых, потому что был слишком юн для каких-либо судьбоносных решений и конкретных преобразований. «Испокон веков Москва символизировала русский дух, Питер же символизировал дух западный, нерусский или даже антирусский. Москва и Питер – это не противостояние двух культур, это скорее противостояние, как нынче говорят, двух различных менталитетов.

Москва – это ширь, простор, удаль. Это замоскворецкие купчихи и чаепитие в Мытищах, это ярмарки и кондитерские Филиппова. Это знаменитые букинисты и цирюльники со своей неизменной присказкой: «С пальцем девять, с огурцом пятнадцать».

Москва – это душа. А Питер – холодный, чопорный, красивый, но скрытный, даже бездушный. Одним словом, «чухонское болото», хоть и облагороженное.

Москва самодостаточна, а Питер вечно смотрит на Запад. Москва как пригожая и румяная девица, а Питер – болезненный и меланхоличный юноша» [3, с. 16 – 17]. И потому политика, проводимая русскими царями, отражалась и в отношении к этим двум городам, так у нас повелось исстари, и это – факт объективный.

М. Ю. Лермонтов это хорошо понимал, и ему была более близка именно Москва, с ее разноголосицей и шумом, букинистическими магазинчиками и шумящей нарядной толпой на улицах и площадях. Он был убежден, что у Москвы, в отличие от Петербурга, есть душа. В «Панораме Москвы» он пишет: «... Москва не есть обыкновенный большой город, каких тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа, своя жизнь» [2, с. 605]. В стихах – та же мысль: «И что у нас зовут душою, / То без названия у них...» [1, с. 141]. Как видим, поэт даже противопоставляет характер двух городов: «у нас» – «у них», и так же он противопоставляет творчество поэтов Москвы и Петербурга. И дело не только в том, что их творчество отражает эту тему (у одних – московскую, у других – петербургскую), дело в другом – в векторе их творчества, в общем характере поэтики, системности мышления и даже совокупности изобразительно-выразительных приемов.

М.Ю. Лермонтов не только по факту своего рождения и по своим тематическим предпочтениям – поэт Москвы, его притяжение московской эстетики и неприятие петербургской является, прежде всего, отражением его внутреннего переживания, настроений и чувствований. Ему дорог «священный блеск» Московского Кремля, Москва – его органика:

Ты жив!.. Ты жив, и каждый камень твой –
Заветное преданье поколений [1, с. 460].

Почти дословно он повторяет эту мысль в «Панораме Москвы»: «... каждый ее камень хранит надпись, начертанную временем и роком, надпись для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта!..» [2, с. 608]. Для него Московский Кремль становится символом самой России, воплощением русскости,

он, по его мнению, «алтарь России». «Что сравнить с этим Кремлем, который, окружась зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами соборов, возлежит на высокой горе, как державный венец на челе грозного владыки?..» [2, с. 611 – 612]. Вот и Наполеон, тот, который «скипетром стальным короны разбивал», и тот, кому «почти весь свет кричал: ура!», был вынужден смирить свой норов и был «побежден московскими стенами» [1, с. 27]. Эти строки из «Панорамы Москвы» перекликаются со стихами из поэмы «Сашка»: «Напрасно думал чуждый властелин / С тобой, столетним русским великаном, / Помериться...» [1, с. 460]. Поэт объясняет, почему усилия врагов оказались тщетными, обращаясь к Кремлю, он восклицает: «Ты вздрогнул – он упал!» [Там же]. Все дело в силе, несокрушимости и духовной мощи русского духа, который, по мнению поэта, побежден и могуч.

Кроме того, традиционно сложилось, что московский характер имеет более русскую, славянофильскую направленность, петербургская натура, как принято считать, более склонна к западным настроениям, хотя столь однозначно, по нашему твердому убеждению, говорить ни в коем случае нельзя. Северная столица дала (и дает) России не меньше истинных патриотов, чем столица первопрестольная, и мы хорошо помним их имена.

Однако, с того момента, как на невских берегах был заложен город «назло надменному соседу», он смотрит на Запад – так сложилось исторически, при этом Москва с любовью обращает свой взор Восток. В этом смысле творчество М. Ю. Лермонтова всегда принадлежало московской традиции. И несмотря на русско-шотландские корни, сам поэт называл себя русским поэтом, «сыном Москвы». Таким образом, через отношение к Москве М. Ю. Лермонтов выражал и свои национальные, и глубоко патриотические чувства.

Библиографический список

1. *Лермонтов М. Ю.* Сочинения в двух томах. Т. 1. Сост. и комм. И. С. Чистовой; Вступ. ст. И. Л. Андроникова. М.: Правда, 1988. 720 с.
2. *Лермонтов М. Ю.* Сочинения в двух томах. Т. 2. Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. М.: Правда, 1990. 704 с.
3. *Рыжкова-Гришина Л. В.* Духовные воители Руси. М.: Осознание, 2008. 268 с.

References

1. *Lermontov M. Yu.* Edition in two volumes. V. 1. Comp. and comm. by I.S. Chistova; Entrod. Art. I.L. Andronikov. Moscow: Pravda, 1988. 720 p.
2. *Lermontov M. Yu.* Edition in two volumes. V. 2. Comp. and comm. by I.S. Chistova; IL. V. A. Noskov. Moscow: Pravda, 1990. 704 p.
3. *Ryzhkov-Grishina L. V.* Spiritual warriors of Russia. M.: Knowledge, 2008. 268 p.

УДК 821.161.1-31

UDC 821.161.1-31

О.В. СЕМЕНОВА

преподаватель, кафедра русского языка, Петрозаводский государственный университет
E-mail: olsemenova@bk.ru

O.V. SEMENOVA

Lecturer, Department of the Russian language, Petrozavodsk State University
E-mail: olsemenova@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ И ФУНКЦИИ ТРОПОВ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»

FEATURE AND FUNCTIONS OF TROPES IN A. PLATONOV'S «KOTLOVAN»

Одна из главных особенностей языка А. Платонова – индивидуально-авторские сочетания. Окказиональные конструкции играют немаловажную роль в текстах Платонова: они позволяют привлечь внимание читателя к проблемам, которые волнуют автора, отразить его философию, видение мира, а также выполняют функцию тропов – создают образный план, усиливают выразительность речи. В статье рассматриваются особенности употребления и функции изобразительно-выразительных средств (метафора, метонимия и эпитет) в повести «Котлован».

Ключевые слова: окказиональная синтагматика, нарушение сочетаемости, идиостиль А. Платонова, метафора, метонимия, эпитет.

One of the key features of A. Platonov's writing style is the use of unique expressions. Occasional word combinations are of considerable importance in A. Platonov's works. They not only attract the reader's attention to the problems the author is concerned about and introduce the author's philosophy and beliefs, but also function as tropes creating the imagery and intensifying the artistic effect. The article deals with the features and functions of tropes (metaphor, metonymy and epithet) in «Kotlovan».

Keywords: syntagmatics of occasional word combinations, wrong lexical compatibility, A. Platonov's writing style, metaphor, metonymy, epithet.

Одна из главных особенностей языка А. Платонова – индивидуально-авторские сочетания, на которые указывают почти все исследователи творчества писателя. Окказиональные конструкции играют немаловажную роль в текстах Платонова: они позволяют привлечь внимание читателя к проблемам, которые волнуют автора, отразить его философию, видение мира, а также выполняют функцию тропов – создают образный план, усиливают выразительность речи.

Любой троп – это, бесспорно, индивидуально-авторское словоупотребление, нарушающее узуальную сочетаемость. Повесть «Котлован» – произведение, в котором окказиональные сочетания встречаются почти в каждом предложении. Мы рассмотрим лишь три изобразительно-выразительных средства – метафору, метонимию и эпитет.

Метафорический перенос

Традиционно метафору понимают как перенос наименований по сходству внешних признаков, формы предметов, вкуса, осязания, места расположения, выполняемых функций. Индивидуально-авторскую метафору представляют те контексты, в которых нарушается синтагматическая норма: например, известно, что глагол или прилагательное, обозначающие признаки или действия живого существа, должны сочетаться с одушевленными существительными: *нищий человек, покорный человек, человек стучит в дверь, человек уви-*

дит и т. д. В противном случае переосмысливается один из компонентов словосочетания, которое можно рассматривать как индивидуально-авторскую метафору.

У Платонова образность часто создается за счет необычного использования синтаксических конструкций с нарушением привычных для носителей русского языка норм. Так, например, правильное с точки зрения узуса употребление предлога *во время* требует соседства процессуального существительного, образованного от глагола конкретного действия (*во время погони, чтения, беседы* и т. п.), однако у Платонова мы находим рядом с этим предлогом экзистенциальное и качественные понятия, обуславливающие возникновение семантического «смещения» по типу метафоры: *«Прежде, во время чувственной жизни и видимости счастья»* [2] (Далее цитирую по этому источнику с указанием в скобках номера страниц).

Платоновские метафоры различны с точки зрения морфологической природы главного слова в металоги-ческом контексте: выделяются две группы метафор – глагольные (*«Мы все свое тело выдавливаем для общего здания»* (106) – *мучаем, терзаем себя; «...перехватить его [исток] мертвую глиняным замком»* (107); *«...душа... стала мучиться»* (152); *«Сердце мужика поднялось в душу, отпуская из себя жар опасной жизни»* (147)) и именные. Среди именных отдельно интересно выделить генитивные метафоры [1] – частотный троп, позволяющий автору выразить определенные идеи, ко-

торые красной нитью проходят через все произведение:

а) идея смерти: «старость природы» (127); «вечер природы» (144); «старость рассудка» (175); «мелочь уничтожения» (120); «до смертельного уничтожения наивности всякой надежды» (175); «сон всего мира» (166);

б) мотив покоя и тишины: «покой ума» (80), «покой добра» (166), «забылся в глуши сна» (122); «покой истины» (157); «занятие техникой покоя будущего здания» (102); «тишина сознания» (137); «тишина недр» (185);

в) мотив жизни: «чувство жизни» (86, 117, 141, 168); «даль жизни» (171); «жар жизни» (121, 147, 160); «вещество существования» (87, 88); «ход жизни» (128); «внутреннее биение жизни» (147); «дом будущей жизни» (133); «в зрелости своей жизни» (151); «свет жизни» (116); «поток существования» (182);

г) мотив ущербности, болезненности бытия: «... не пошевелил его из чувства любопытства перед всяким ущербом жизни» (181); «доля жизни» (103, с. 150, с. 159, с. 170);

д) идея несчастливой жизни: «медленность ожесточения» (85); «тоска жизни» (136); «шум мученья» (153); «немошь горя» (162);

е) идея времени: «иметь всю пользу будущего времени» (136); «дверь будущего» (174); «даль истории» (178), «вершина всемирных невидимых времен» (178); «долгота времени» (120);

ж) мотив бедности: «ветхость бедности» (135); «над низовую бедностью земли» (112); «скорбь экономики» (115);

з) мотив темноты: «вскоре умереть в темноте осени» (149); «темнота тела» (85); «тьма опустошенного тела» (87);

и) мотив силы и власти: «сила времени» (117); «сила звезд» (80); «голос могущества» (121); «сила монументов» (128); «сила ... инициативы» (144); «к лицу власти» (169);

к) мотив пустоты: «пустынность осени» (148); «разойтись в пустоте рассвета» (103); «от пустоты тела» (93);

л) мотив нескончаемого труда: «в усердии труда» (173); «... и все тело гудело в питающей работе сна» (96);

м) мотив массовидности и обезличенности: «мы не хотели очутиться в хвосте масс» (81); «в вещество народа» (151)

н) мотив надежды: «даль надежды» (89); «надежда мысли» (141).

Конструкции с зависимым родительным падежом могут быть не только двухкомпонентные (наиболее частотные), но и редко встречающиеся в узусе трех- и четырехкомпонентные, пародирующие канцелярит, восходящий к немецкоязычным образцам:

а) трехкомпонентные конструкции с зависимым родительным падежом: «...и нигде нету момента чувства ума» (106); «поток смысла жизни» (127); «счастье надежности существования» (163); «предчувствуя долготу времени осенней ночи» (141); «об искуплении

томительности жизни» (135); «право жизни бедняка» (139); «Занятия техникой покоя будущего здания» (102);

б) четырехкомпонентные конструкции с зависимым родительным падежом: «истинная радость одоления всего смутного вещества земли» (182).

Компоненты генитивной метафоры могут объединяться сочинительной связью: «...и ответила со всей быстротой и бодростью своего разума» (148); «с силой стыда и грусти» (118); «среди сырости неслышно го ветра и высоты» (141).

Иногда в пределах одного предложения автор вводит несколько генитивных конструкций: в предложении «А потому мы должны бросить каждого в рассол социализма, чтоб с него слезла шкура капитализма и сердце обратило внимание на жар жизни вокруг костра классовой борьбы и произошел бы энтузиазм!» (121) четыре генитивные метафоры, три из которых объединены общей политической темой.

Метонимический перенос

Наиболее частотный тип метонимии в повести «Котлован» – синекдоха как перенос характеристики человека на часть его организма, функцию тела или на сферу сознания, разрушающий идею красоты, целостности и неделимости божественного творения:

– туловище, тело: «...как трескаются кости в его трудящемся туловище» (187); «свалился всем туловищем» (176); «трудящееся, но неимущее тело» (169); «безмолвное туловище» (182) (об умершем человеке); «в босом теле» (133); «...артель мастеровых заснула в барак тесным рядом туловищ» (96);

– части тела (лицо, голова, руки, глаза, рот и др.): «склонившееся лицо» (81); «мыслящее лицо» (116); «чтущее лицо» (118), «скучающей по истине головой» (181); «...слушал дремлющей головой» (184); «К активу уже успели присоединиться еще человек сто и вся эта масса явно горевала о съеденном каким-то неизвестным ртом первом петухе, отчего и погиб последний»; «...глаза наблюдали посторонний для них мир с жадностью обездоленности» (84); «сморкшие глаза» (181); «...ни на что не отлучаясь взглядом» (96); «достанется в четкие, железные руки» (136); «в дверь постучала чья-то негромкая рука» (171); «она станет спать без его живота» (128); «а во рту его терлись десны, произнося неслышные мысли безногого» (84); «...и сердце обратило внимание» (121);

– ум: «...ум его думал, что Настя умерла» (185); «...его ум теперь сам забылся» (186);

– голос: «...и кричали голоса ударных бригад, упершихся во что-то тяжкое» (184); «спросил голос Сафронова» (106); «отозвался голос с печки» (162); «сказал вблизи голос Вощева» (168).

Встречаются и другие типы переноса: перенос действия с его носителя на здание, в котором находятся люди («в сморкшем заведении» (80)); смежность действия и следствия («...и проснулся от остановки» (135)); перенос процесса с предмета на материал, из которого сделан этот предмет («свет... воска» (149)

вместо <свет свечи>) и др.: «Остановите этот звук! Дайте мне ответить на него!» (121) (слово «звук» заменяет выступление, заявление); «Отчего ж тогда Ленин в Москве целым лежит? Он науку ждет — воскреснуть хочет» (171) (вместо <открытий науки>); «... не ожидая пользы желудка» (155) (вместо <пользы от еды>); «и тогда линия увидит его» (134); «... подошел к Насте и попробовал ее голову» (186) (о температуре тела); «закричал ему в голову» (162) (вместо <в уши>); «После пицци Чиклин и Сафронов вышли наружу» (107).

В предложении *Воцев... сидел в жилище, окруженный темнотой усталых вечеров* (120) происходит метонимическое по типу трансформации нарушение: прилагательное *усталый* может в норме согласовываться только с одушевленными существительными, здесь же оно сопрягается с абстрактным неодушевленным существительным и способствует фигуре олицетворения. Но валентность может реализовываться и в индивидуально-авторском контексте. Так, невозможное в системе языка словосочетание «усталые вечера» при метонимизации эпитета и персонификации определяемого реализует свое переносное значение: *усталые после долгого и тяжелого рабочего дня люди* → *усталые вечера*.

Эпитет

Эпитет – еще один из наиболее частотных изобразительно-выразительных средств, используемых А. Платоновым.

Чаще всего необычное употребление определения приводит к трансформации привычного значения прилагательного: «светлая погода» (79), «... Воцев лежал в сухом напряжении сознательности» (80), «Ситец рубаш с точностью передавал медленную освежающую работу сердца» (86-87); «вечный возраст» (124), «мирная грусть» (180); «беглая гимнастика» (104), «бледный голос» (92); «... не знал самосветящегося закона для серого цвета своей родины» (128); «постороннее пространство» (144); «давая им [словам] для прочности два смысла – основной и запасной» (107) (вместо <добавочный, скрытый>); «но лица их изображали одно и то же твердое чувство – усердную беззаветность» (140).

Основные виды эпитетов – метафорический и метонимический.

1. Метафорические эпитеты, как и собственно метафоры, безусловно, служат средством создания образности, выразительности текста, но также играют и смыслообразующую роль: использование эпитетов необходимо автору для выражения основных идей повести:

а) идея мертвенности нового мира: «охлажденная сомкнутая сила отдаленных монументов» (128), «... и бледные, окаменевшие глаза его не выражали даже робости» (146); «затихшие глаза» (129); «... какой-то скучный мужик, покоившийся на боку с замолкшимдыханием» (140); «замерший свет» (166); «неподвижный, чуть живущий свет» (118); «залегший мир» (93); «сонную душную незримость» (131); «слабой жизни» (106);

б) идея пустоты бытия: «... видел дунную чистоту далекого масштаба» (166); «Из дунной чистой тишины в дверь постучала чья-то незромкая рука» (171); «... наставя на Чиклина свои бледные, пустые глаза» (138); «порожня зима» (168); «опустевшие глаза» (129); «пустую тоску в голове» (121);

в) идея несвободы: «покорный сон всего мира» (166); «... весь же точный смысл жизни и всемирное счастье должны томиться в груди» (168);

г) идея космического масштаба преобразования: «всемирное счастье» (168); «от какой волнующей силы начнет биться сердце и думать ум» (96);

д) идея неопределенности бытия: «туманная старость» (127); «неясная луна» (166).

2. Особенность употребления метонимических эпитетов в том, что в большинстве своем они встречаются в необычном с точки зрения узуальных норм контексте: в предложении «... чтоб наполнить этими звуками пустую тоску в голове» (121) метафорическое значение глагола (ср.: *наполнить душу*) требует прямого объекта, на который распространяется действие, но в контексте – существительное со значением состояния, от которого грамматически зависит метонимический эпитет *пустой*, по смыслу относящийся не к голове, а к тоске.

Наиболее частотные виды метонимических эпитетов в тексте «Котлован» следующие:

а) смещение характеристики человека на его часть (голову, руку, глаза, лицо и др.):

– голова: «... на задумчивых, внимательных головах вольно возлежали красные береты» (84); «и ударил со всей скорости Козлова молчаливой головой в живот» (114); «Одна девушка стояла перед ним – в валенках и в бедном платке на доверчивой голове» (175–176); «... ещё более поник своей скучающей по истине головой» (181); «... и чутко слушал дремлющей головой тревожный шум» (184); «наклонял унылую голову» (98).

– лицо: «... спросил старик, складывая для внимательного выражения свое тупое лицо» (118); «... сморщив свое вежливо-сознательное лицо» (101); «... и сделал активно мыслящее лицо» (116); «чистоплотные лица» (149); «... спокойно засмотрелся в их молчаливые лица» (137);

– руки: «Другие робко опустили терпеливые руки» (89); «Но она не играла, а только трогала кое-что равнодушной рукой и думала» (130); «... эти буквы выводила горячая рука округа» (136); «Поп остановил молящуюся руку» (150); «... в дверь постучала чья-то незромкая рука» (171);

– глаза: «... процупывая тщательными глазами все точные тезисы и задания» (135); «... и она открыла опавшие свои, высохшие, как листья, смолкшие глаза» (181); «... и он опускал вниз затихшие глаза» (129); «Активист наклонился к своим бумагам, процупывая тщательными глазами все точные тезисы и задания» (135); «терпеливые глаза» (87).

б) смещение характеристики человека на его действие или образ / способ действия: «... а молотобоец двигался рядом грустным шагом» (181), «интеллигент-

ная походка» (113); «свободомыслящая походка» (113); «Только один Жачев ни в чем не участвовал и смотрел на весь роющий труд взором прискорбия» (187).

Кроме метафорических и метонимических встречаются и другие виды эпитетов:

а) эмоциональный эпитет: «грустное сознание» (182); «молчаливый, печальный воск» (149); «темное настроение» (116); «дребезжащее состояние радости» (89);

б) терминологический эпитет: «И он написал даме последнюю итоговую открытку» (132); «бедняцкое колхозное сиротство» (131); «социалистические женщины» (133);

в) пространственный эпитет: «громадное лицо» (83), «тучный остаток туловища» (83); «просторное место» (152);

г) модальный эпитет: «строил необходимое будущее» (135); «действительное лицо» (164);

д) цветовой эпитет: «на светлую поверхность» (172); «белый сюжет сооружений» (128) – идея мертвенности или святости.

Выводы

Особенности метафоры, метонимии и эпитета в тексте повести «Котлован»:

1. Метафоризируются и метонимизируются у Платонова **реалии того времени**: «Значит, вы не столб со столбовой дороги в социализм» (132); «если звук сразу в бюрократизм растет» (108). Активно используемое существительное *пролетарий* и образованные от него однокоренные слова порождают в тексте Платонова новые сочетания типа *пролетарское вещество* (про Жачева): «Пускай это пролетарское вещество здесь полежит – из него какой-нибудь принцип вырастет» (114).

2. Иногда метафорическое сочетание, уже утратившее свою образность в языке, в тексте Платонова перерождается в свое исходное, прямое, значение, так что происходит возрождение «внутренней формы» слова (мотивирующего переносное значение признака): так, например, известное метафорическое сочетание

«*теплые глаза*» в значении «*глаза, выражающие душевную теплоту*», нередко встречающееся в произведениях русских классиков («Теплые глаза» Льва Рубина (А. И. Солженицын. «В круге первом»); «теплые глаза» Давида (В. Гроссман. «Жизнь и судьба»); «теплые глаза» Анатолия Софронова (Ю. Нагибин. «Война с черного хода») и др.), в тексте повести употреблено в своем исходном значении: «дающие тепло» («...он почувствовал холод на веках и закрыл ими теплые глаза» (80)).

У Платонова появляются сочетания «*безвыходное тепло*» («От своего безвыходного тепла девочка стала вся смуглой» (180)) и «*безвыходная кровь*» («...у того надулось лицо безвыходной кровью» (84)) по аналогии с не имеющим метафорической образности сочетанием типа «безвыходное положение» (в значении «безысходный, безнадежный»).

3. Метафора, метонимия и эпитет могут быть средством создания иронии: «...и детский персонал огражден был от ветра и простуды каменной стеной» (127); «душевная прилежность» (146) – <гармония>; «ребенок с удивлением разгрыз сплошную каменистую конфету» (151) вместо <твердая конфета без начинки> или <карамель>; «Я... обсох» (126) в значении <перестал плакать>; «рот распался надвое» (155) вместо <раскрылся>; «...выходила густая подземная туча» (141), т.е. <туча, плывущая низко над самой землей>; «...не опуская голов к растущей пище на земле» (145). Ум заменяется у Платонова на яркое образное атрибутивное сочетание «*умственная начинка*» (108). Вместо одного слова «*снег*» Платонов использует оборот «*снежная частота*» (161), чтобы акцентировать внимание на большом количестве осадков.

Таким образом, тропы активно используются Платоновым не только для создания образности, художественной выразительности текста, но и играют большую роль в понимании философии писателя, позволяют ярче осветить проблемы, которые волнуют автора, передать его видение мира, масштабность описываемых проблем.

Библиографический список

1. Михеев М. Ю. Жизнь мышья беготня или тоска тщетности? (метафорической конструкции с родительным падежом). Вопросы языкознания 2000. № 2. С. 47 – 70.
2. Платонов А. П. Ювенильное море: Повести, роман. М.: Современник, 1988.

References

1. Mikheev M. Yu. Mouse bustle of life or melancholy of futility? (metaphoric conjunctions with genitive) Voprosy jazikoznaniya 2000. No 2. Pp. 47 – 70.
2. Platonov A.P. Juvenile Sea: Stories, novel. Moscow: Sovremennik, 1988.

УДК 821

UDC 821

А.С. СЕРГЕЕВ

A.S. SERGEEV

аспирант, кафедра общего литературоведения и журналистики, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
E-mail: ored@list.ru

Graduate student, Department of Literary Studies and Journalism, Saratov State University
E-mail: ored@list.ru

ТВОРЧЕСТВО МАКСИМА ГОРЬКОГО В ОЦЕНКЕ «РУССКОГО ВЕСТНИКА» 1900-Х ГОДОВ

CRITICISM OF MAXIM GORKY'S CREATIVITY IN «RUSSKIY VESTNIK» IN THE 1900S

Статья посвящена оценке творчества и личности Максима Горького литературными критиками, работавшими в журнале «Русский вестник» в начальные годы двадцатого века вплоть до закрытия издания. Рассказывается о мотивах, побудивших сотрудников издания обратиться именно к этой фигуре, показывается схожесть их оценок, а также разъясняется, почему были расставлены определенные акценты в их исследованиях.

Ключевые слова: «Русский вестник», консерватизм, 1900-е, М. Горький, босяк, Н.Я. Стечкин, Н.А. Энгельгардт, Н.М. Соколов.

The article is devoted to the assessment of the creativity and personality of Maxim Gorky by literary critics, who worked in the magazine «Russkiy Vestnik» in the early years of the twentieth century up to the closing of the magazine. The article explains, why critics decided to examine exactly Maxim Gorky, the similarity of their estimates is presented, and explains the reasons of use of certain accents in their research.

Keywords: «Russkiy Vestnik», conservatism, 1900s, M. Gorky, bum, N.Y. Stechkin, N.A. Engelhardt, N.M.Sokolov.

В первое десятилетие двадцатого века Максим Горький – уже признанный и популярный автор. Не могли пройти мимо фигуры писателя и представители одного из самых именитых консервативных изданий того времени – журнала «Русский вестник». Причина столь пристального внимания объясняется, скорее всего, двумя факторами: во-первых, Горький действительно был настолько популярен, что его нельзя было игнорировать, во-вторых, он был идеальной мишенью для разговоров о несовершенстве вкусов российского читателя и, шире, о катастрофических переменах в сознании общества.

В 1900 и 1901 годах «Русский вестник» изредка упоминал автора «На дне» в своих публикациях. Например, в 1900 году имя Горького можно найти в отделе «Библиография», но без всякой оценки (справедливости ради стоит добавить, что обзор посвящен не писателю, а статье М.Чуносова <И.И. Ясинского> «Кошмарное время» в «Ежемесячных сочинениях») [1].

Первая в XX веке попытка высказаться о Горьком на страницах «Русского вестника» была предпринята в 1901 году. В рецензии на статью известного французского критика Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Maxime Gorky. L'oeuvre et l'homme» (через два года статья «Максим Горький как писатель и человек» будет переведена на русский язык) неизвестный автор заметил, что «Горький за последние два года сделался во Франции одним из самых модных писателей. Именно модных, не популярных» [2]. Успех Горького критик сравнивал с ударом молнии, который быстро погаснет и столь же

быстро забудется.

Полноценный обзор творчества писателя появится на страницах «Русского вестника» уже в 1902 году. Более того, в журнале все чаще начинает звучать имя Горького. Это не осталось без внимания прессы. Так, К.И.Чуковский в «Одесских новостях» с иронией замечал, что «нет такого вопроса, говоря о котором «Русский вестник» не сумел бы лягнуть ненавистного ему художника. Когда же иссякают даже такие призрачные поводы к ругательствам, он ругается без всяких поводов; выкрикнет бессмысленную брань и шествует себе дальше, как ни в чем не бывало, не объясняясь – за что, для чего, по какой причине...» [12].

Среди критиков Горького Чуковский подразумевал и Н.А. Энгельгардта, по сути первого сотрудника журнала, попытавшегося на его страницах дать развернутую характеристику личности и творчеству писателя в статье «Максим Горький как художник». Энгельгардта, как и других критиков журнала, эстетический момент творчества литератора интересовал в меньшей степени, чем социально-политический посыл. Популярность «апостола босячества», как называл Горького В.Л. Величко, была вызвана, по мнению Энгельгардта, двумя причинами: за счет противопоставления босяка как крестьянину, так и интеллигенту, а кроме того, благодаря игре на публику и «лубочной романтике». Общий вывод обозревателя неутешителен: «Тенденция, дурная, безвкусная романтика, мелодраматическое фразерство, фальшь и неправдивость губят художественность произведений Горького <...> Получается ходкий товар, нравящийся

грубому вкусу толпы» [13].

Самым главным критиком Горького на страницах «Русского вестника» был, безусловно, Н.Я. Стецкий (до революции фамилия его рода писалась с «ь»). В конце 1903 года он весьма саркастично высказался по поводу попытки в свое время покончить жизнь самоубийством Горького и Л.Н. Андреева: «Это выставляется, как отличие. Вроде как формуляр о службе читаешь, где отмечено и у одного и у другого получение очередной награды – Станислава 3 степени, что ли.

И зачем в этом признаваться? Самоубийство ужасно. Неудавшееся самоубийство – смешно» [9]. Примечательно, что в этой же статье Стецкий признается, что творчество Горького требует особого исследования, которое вскоре может появиться на страницах издания. Так оно и произошло: с первого по шестой номер «Русского вестника» в 1904 году выходил цикл статей-глав Стецкого «Максим Горький, его творчество и его значение в истории русской словесности и в жизни русского общества».

Главная тема всего цикла вынесена в заглавие первого материала – «Введение. – “Босьяк” в определении Горького. – “Босьяк” в жизни до проповеди Горького и после нее». Идентификация героев произведений писателя как босьяков, а следовательно, вредителей общества, намеренно вносящих разлад в традиционный уклад жизни, стала одной из главных целей литературно-критических поисков Стецкого. Он этого и не скрывал, замечая, что анализ художественных достоинств сочинений Горького представлял для него меньший интерес, поскольку многие критики ранее касались этого в своих статьях.

Критик сразу постарался в первой же статье дать определение герою Горького, точнее, тем, как ему показалось, губительным последствиям, которые писатель несет своим творчеством. Публицист упирал на то, что босьяк – это не светоч, который может благотворно озарить неведомые еще уголки жизни, возможно, намекая на Данко. Для него босьяк – это факел революции и анархии, «провозвестник попрания всего, чем жили и во что верили» [11; 468]. Самым же страшным ему представлялось то, что до Горького этот тип героя считался общественной язвой, с которой необходимо бороться, ныне же ситуация кардинально поменялась. Кумиром стал «новый кабацкий Фауст <...> вертепный Демон <...> своего рода Калигула, жалеющий, что у рода человеческого не одна голова для ее отсечения сразу <...> Это просто отброс, который может послужить и на пользу и во вред» [11; 476]. Квинтэссенцией темы босьячества Стецкий считал «Песню о Буревестнике», которую называл гимном бури и разрушения, озорной босьячкой Марсельезой, призывным кличем к победам путем бури [11; 481].

Далее критик обратился к ранним произведениям Горького: рассказам «Макар Чудра», «О Чиже, который лгал, и о Дятле – любителе истины», «Емельян Пиляй», «Челкаш». Обозреватель отмечал, что произведения имеют массу шероховатостей, страдают неуместной эффектностью, картинностью и переполнены

скрытой язвительностью. Тем не менее, отдельные редкие моменты в рассказах удостоиваются его одобрения. Общий диагноз, поставленный Стецкиным, можно сформулировать следующим образом: ранний Горький слаб как художник, но уже находится во власти своих революционных идей, со временем он научится проповедовать тоньше.

Третья статья была посвящена лучшим, на взгляд публициста, произведениям М. Горького в малой прозе. Наиболее художественными он признавал рассказы «Коноваловы», «Супруги Орловы», «Мальва», «На плотях», «Ярмарка в Голтве» и «Васька Красный». Неудачными, с его точки зрения, являлись «Старуха Изергиль», «Хан и его сын», «Макар Чудра». Самым сильным рассказом Стецкий считал не слишком известную «Ярмарку в Голтве», называя ее живой картиной действительности, прогретой нежным солнцем [11; 509], хотя и в ней критик находил недостатки. Отчасти его оценка перекликалась с мнением Н.К. Михайловского, высказанным в статье «О г. Максиме Горьком и его героях»: «<...> “Ярмарка в Голтве” – маленький очерк, написанный без претензий на какую-нибудь глубину или “проникновение”, безделка, но вся пропитанная каким-то мягким, светлым юмором, производящим тем большее впечатление, что этого элемента совсем нет в других произведениях г. Горького» [4].

Четвертая статья посвящена ранним повестям писателя, которые критик предпочитал называть романами в силу их объема. Стецкий подробно останавливается только на «Фоме Гордееве». В этот раз его рецензия получилась тоже сугубо отрицательной. Публицист указывал на то, что роман неоправданно затянут, а главный герой не получился совершенно, в отличие от его отца – Игната Гордеева. Наконец, он обвинил писателя в том, что последний не разбирается в характерах и психологии людей, заставляя их совершать странные и немотивированные поступки, какие творит главный герой.

В пятой статье, посвященной драматургии, критик предпочел анализировать «На дне». Эта статья получилась самой разгромной. Пьеса, на взгляд Стецкого, мало походила на драму и страдала избыточным количеством персонажей, некоторые из них попросту были введены для своеобразной массовки. Тем не менее, он был уверен, что часть сюжета – любовная история Васьки Пепла – могла бы дать основу для хорошей драмы, но эта идея оказалась не воплощенной. Сатин же, с точки зрения публициста, вводился специально и специально раскрывался только в финале произведения, в то время как основное внимание публики было обращено на Луку – персонажа для Н.Я. Стецкого вторичного и списанного с Акима из пьесы Л.Н. Толстого «Власть тьмы». Старец, соответственно, являлся скрытым проповедником известных «босьяческих» идей. Здесь критик нелицеприятно высказывается и обо всем художественном творчестве Горького: «Нигде Максим Горький не стоит столь низко в художественном отношении, как в своих драматических произведениях. Его небольшие рассказы отмечены печатью таланта, его ро-

маны – плохи, его драмы – нелепы» [11; 573].

Последняя статья подробно касается биографии писателя, которую Стецкий считал неправдоподобной и вымышленной. Квинтэссенцией идей Горького он назвал этюд «Человек», на который обрушился с резкой критикой, прямо говоря, что перед публикой звучит революционное воззвание. Заканчивалась работа, а с ней и весь цикл, словами: «Когда горит какое-либо здание, не время разбирать, из какого материала оно было сложено и правильны ли в нем были архитектурные линии. Прежде пожар необходимо погасить, а затем уже на досуге можно заняться вопросами об архитектуре и строительных материалах».

Максим Горький именно зажег пожар. Талант ему не извинение. Чем больше был бы его талант – тем больше был бы его ответ. Кому много дано, с того и много спрашивается» [11; 616].

В этих словах Н.Я.Стецкий в очередной раз напомнил читателям, что социальные проблемы, поднятые писателем, волновали его гораздо сильнее, чем оценка непосредственно художественных достоинств его произведений.

Несмотря на то, что «Русский вестник» в первый и в последний раз сделал попытку пристально изучить творчество Горького, все же цикл статей носил отчетливо выраженный фрагментарный характер. Критик не посчитал нужным останавливаться подробно на таких произведениях, как «Старуха Изергиль» и «Мещане», составляющих важную часть наследия Горького. Тем не менее, нельзя не отметить, что Стецкий старался равномерно распределить материал, о чем свидетельствует внятное и четкое тематическое разделение статей. Теперь уже можно сказать, что Горький стал центральной фигурой его литературно-критических оценок.

После столь яростной атаки в 1904 году, в следующем году наступает затишье, на самом деле достаточно формальное. Писателю уже не посвящались отдельные статьи, но Стецкий в рамках «Журнального обозрения» при любой удобной возможности упоминал имя популярного автора, часто ставя его в один ряд с Леонидом Андреевым, которого считал вредящим моральному здоровью общества писателем. Более того, критик стремился подчеркнуть, что Горький не достоин последующих подробных разборов творчества. В этом плане показательным его подчеркнуто краткое обозрение напечатанной в третьем сборнике «Знания» пьесы «Дачники», которое приводится здесь с небольшими сокращениями: «Но, право, говорить не о чем. Ни завязки, ни идеи в этих сценах нет. Люди ходят по сцене, делают безразличные вещи, говорят безразличные слова <...> Пьеса кончается словами одного из действующих лиц, писателя Шалимова: “Все это так незначительно... и люди, и события... Все это так ничтожно”».

Лучшей оценки пьесы, если бы мы посвятили ей и ряд страниц, не сделаем» [10].

После кончины Стецкого «Журнальное обозрение» вновь перейдет в руки Н.М. Соколова, выступавшего в «Русском вестнике» под псевдонимом Н. Скиф. Публицист, как и его сменщик, симпатии к Горькому

не питал, еще в 1902 году разразившись гневным отзывом на статью З.К. <З. Котляревской> «Максим Горький в иностранной критике», опубликованной на страницах «Литературного дела»: «<...> в наши дни эта “новая правда” имеет много сторонников и поклонников. Надвигается черная ночь все поглощающего обскурантизма и самого бурного мракобесия» [7]. В статье «А.С. Хомяков и Н.Я. Данилевский» Соколов еще меньше церемонится с писателем: «Теперь, когда на страже этого безумия стали сверх-босяк Горький и сверх-богослов на почве цинизма и непристойности Розанов, люди большой мысли и еще более большой совести, становится ясным, до чего может довести ненависть к своему и любовь к чужому, возведенная в принцип и систему, в голове отягченной и омраченной ошибочными предположениями предшествующих поколений» [8].

В некотором смысле символично, что и самый последний номер «Русского вестника» с «Журнальным и литературным обозрением» Соколова заканчивался рассказом о Горьком, ставшим главным объектом нападок журнала в 20 веке. При этом критик, как и его предшественник, переходил рамки приличия, фамильярно рассуждая о писателе и порой откровенно над ним издеваясь: «Ему хочется быть или, по крайней мере, казаться страшным. Это обычная утеха детского возраста. Дети любят играть во львов и крокодилов <...> Не верится как-то во львиную злобу и кровожадность водевильного льва. Думается, что г. Горький гораздо простодушнее, жалостливее, чем он хочет казаться» [5].

Подытоживая, можно сказать, что критики «Русского вестника» не столько каждый по-своему пытались высказаться о Горьком, сколько преследовали одни и те же идеи по развенчанию его культа, установившегося в обществе, а потому во многом копировали друг друга, сознательно или неосознанно. Это выражается не только в схожей стилистике их статей и порой в переходящих этических рамках обвинений, но и в выборе произведений. Так, авторами «Русского вестника» сознательно были обойдены вниманием «Мещане», «Старуха Изергиль» и «Трое», зато непременно присутствовал анализ «Макара Чудры», «Челкаша», «Мальвы», «На плотях» и иных, с их точки зрения, характерных для «апостола босячества» тенденциозных рассказов. Кроме того, критиками практически полностью был проигнорирован активно в то время рассматривавшийся вопрос о ниществе в творчестве Горького. И если Соколов замечал, что «с нележкой руки Ницше <...> развелись такие ловкачи, что от всех ценностей в итоге ничего не остается и начинается философия и мораль пулей» [6], а позже сравнил «сверх-босяка» Горького со «сверх-философом» Розановым и этим, в общем-то, ограничился, то у других критиков нет и таких скупых замечаний. Энгельгардт единожды оговаривался о ниществе Горького, сравнивая явление с бульварным романтизмом, и, таким образом, сознательно утрируя его культурный феномен. Что касается Стецкого, то у него эта тема вообще не была разработана. Возможно, публицисты, и без того немало внимания уделявшие вопросу о пересмотре моральных

принципов в творчестве Горького, считали, что ссылки на Ницше будут излишними и переведут разговор из социально-политического контекста в философский.

Тем не менее, несмотря на вышеперечисленные слабые места критического подхода сотрудников «Русского вестника», нельзя не признать, что они верно подмечали большую роль социальных проблем и вопросов в горьковских произведениях, причины его популярности у читателей и почти магического воздействия на российское общество.

Остается ответить на последний вопрос: как реагировал сам Горький на подобные выпады консервативной прессы, читал ли он хотя бы часть материалов в «Русском вестнике», посвященных ему? Безусловно.

Так, в письме Е.П. Пешковой от 4(17) февраля 1904 года он пишет: «Против меня затеян поход с трех сторон: “Новый путь” – Философов и Гиппиус клянутся уничтожить Горького, “Новое время” ставит своей ближайшей задачей доказать, как 2Х2, вред моего существования, о том же усиленно будет заботиться “Русский вестник”. Ты почитай 1-ю книгу этого журнала — удивительно просто доносят в нем» [3]. Очевидно, речь идет о первой статье из цикла Стечкина. Горький не стал ввязываться в дискуссию, предпочтя не высказывать публично обиду. Не исключено, что писатель знал или мог предугадывать вероятную реакцию издания, поскольку в доношении оно обвинялось и ранее другими литераторами.

Библиографический список

1. Б.п. Библиография // Русский вестник. СПб., 1900. №4. С. 611-613.
2. Б.п. Библиография // Русский вестник. СПб., 1901. №9. С. 238.
3. Горький М. Собр.соч.: В 30 т. М.: ГИХЛ, 1954. Т. 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889-1906. С. 302.
4. Михайловский Н.К. О Максиме Горьком и его героях // Максим Горький: pro et contra. Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. 1890-1910 гг. СПб.: Изд-во Христианского гуманитарного института, 1997. С. 380.
5. Скиф Н. <Н.М.Соколов>. Журнальное и литературное обозрение // Русский вестник. СПб., 1906. №12. С. 581.
6. Скиф Н. <Н.М.Соколов>. Критические очерки. Интеллигенция и церковь // Русский вестник. СПб., 1903. №6. С. 659.
7. Скиф Н. <Н.М.Соколов>. Литературное обозрение // Русский вестник. СПб., 1902. №7. С. 286.
8. Соколов Н. А. С.Хомяков и Н.Я.Данилевский // Русский вестник. СПб., 1904. №7. С. 185.
9. Стародум Н.Я. <Н.Я. Стечкин>. Журнальное обозрение («Журнал для всех», - 1903 г.) // Русский вестник. СПб., 1904. №12. С. 801.
10. Стародум Н.Я. <Н.Я.Стечкин> Журнальное обозрение (Сборник товарищества «Знание». – Книга третья) // Русский вестник. СПб., 1905. №3. С. 273.
11. Стечкин Н.Я. Максим Горький, его творчество и его значение в истории русской словесности и в жизни русского общества // Максим Горький: pro et contra. Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. 1890-1910 гг. СПб.: Изд-во Христианского гуманитарного института, 1997. С. 461-617.
12. Чуковский К.И. М. Горький и охранители // Чуковский К.И. Собр. соч.: В 15 т. / Предисл. и коммент. Е.Ивановой. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2002. Т.6: Литературная критика (1901-1907): От Чехова до наших дней; Леонид Андреев большой и маленький; Несобранные статьи (1901-1907). С. 254.
13. Энгельгардт Н.А. Максим Горький как художник // Русский вестник. СПб., 1902. №6. С. 445.

References

1. Unsigned. Bibliography // Russkiy Vestnik (The Russian Messenger). Saint Petersburg, 1900. №4 . Pp. 611-613.
2. Unsigned. Bibliography // Russkiy Vestnik (The Russian Messenger). Saint Petersburg, 1901. №9 . P.238.
3. Gorky M. Collected works: in 30 Vol. Moscow: (State Publishing Fiction). 1954. Vol. 28: Letters, Telegrams, Inscriptions P. 302.
4. Mikhailovsky N.K. About Maxim Gorky and his heroes // Maxim Gorky: pro et contra. The Person and Works of Maxim Gorky in Assessing Russian Thinkers and Researchers. 1890-1910>s. – Saint Petersburg.: (Publishing house of the Christian humanitarian Institute), 1997. P. 380.
5. Skif N. <N.M.Sokolov>. Journal and Literary Review // Russkiy Vestnik (The Russian Messenger). – Saint Petersburg, 1906. №12. P. 581.
6. Skif N. <N.M.Sokolov>. Intellectuals and Church // Russkiy Vestnik (The Russian Messenger). – Saint Petersburg, 1903. №6. P. 659.
7. Skif N. <N.M.Sokolov>. Literary Review // Russkiy Vestnik (The Russian Messenger). – Saint Petersburg, 1902. №7. P. 286.
8. Sokolov N. A.S. Khomyakov and N.Y. Danilevsky // Russkiy Vestnik – Saint Petersburg, 1904. №7. P. 185.
9. Starodum N.Y. <N.Y.Stechkin> Magazine Rewiev(Magazine for All) // Russkiy Vestnik (The Russian Messenger). – Saint Petersburg, 1903. №12. P. 801.
10. Starodum N.Y. <N.Y.Stechkin> Magazine Rewiev (Collection of Partnership “Znanie” (Knowledge). – Book three) // Russkiy Vestnik (The Russian Messenger). Saint Petersburg, 1905. №3. P. 273.
11. Stechkin N.Y. Maxim Gorky, his creativity and his significance in the history of the Russian literature and in Russian society // Maxim Gorky: pro et contra. The Person and Works of Maxim Gorky in Assessing Russian Thinkers and Researchers. 1890-1910>s. Saint Petersburg.: Publishing house of the Christian humanitarian Institute, 1997. P. 461-617.
12. Chukovsky K.I. M. Gorky and Guardians // Chukovsky K.I. Collected Works: in 15 Vol. / Introduction and comments by E.Ivanova. Moscow: TERRA – Knizhnyi Klub (TERRA – Book Club), 2002. Vol.6: Literary Criticism (1901-1907): From Chekhov to Our Days; Big and Small Leonid Andreev; Uncollected Articles (1901-1907). P. 254.
13. Engelhardt N.A. Maxim Gorky as an Artist // Russkiy Vestnik (The Russian Messenger). Saint Petersburg, 1902. №6. P.445.

УДК 811.133.1

UDC 811.133.1

Г.А. СОСУНОВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Российская таможенная академия
E-mail: galinaRTA@mail.ru

G.A. SOSUNOVA

Candidate of pedagogical sciences, associate professor, department of Foreign languages, Russian Customs Academy
E-mail: galinaRTA@mail.ru

СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДЛОГОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ТАМОЖЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ)

THE SEMANTIC AND STRUCTURAL CLASSIFICATION OF PHRASEOLOGICAL PREPOSITIONS (BASED
ON PROFESSIONALLY ORIENTED CUSTOMS LITERATURE IN FRENCH)

В статье рассматриваются вопросы функционирования фразеологических предлогов, представляющих специфику таможенного дискурса. Исследованы процессы образования релятивных единиц, формирования их семантической структуры. Рассмотрены валентностные свойства фразеологических предлогов с существительными и глаголами, приводятся результаты анализа их семантических свойств. Отмечены синонимические и антонимические парадигматические отношения фразеологических предлогов. Представлена семантико-структурная классификация фразеологических предлогов.

Ключевые слова: фразеологические предлоги, структурные компоненты, семантические и валентностные свойства.

The article deals with the functioning of the phraseological prepositions, illustrating the specifics of customs discourse. The processes of formation of relative units and their semantic structure are studied. Compatibility features of phraseological prepositions with nouns and verbs are considered, the results of the analysis of their semantic features are presented. Synonymous and antonymous paradigmatic relations of phraseological prepositions are marked. Semantic-structural classification of phraseological prepositions is produced.

Keywords: phraseological prepositions, structural components, semantic and compatibility features.

Исследование релятивных единиц представляет большой интерес для лингвистики. Если традиционно предлог трактуется как «служебная часть речи, грамматическое средство подчинения одного полнозначного слова другому в словосочетании или в предложении» [1, с. 369], то некоторые лингвисты рассматривают феномен предлога одновременно с флексией: «предлог и флексия, взаимодействуя, не повторяют, а дополняют друг друга» [8, с. 9]. Исследователи подчёркивают как морфологическую неизменяемость предлога, так и его грамматическую значимость в подчинении одного слова другому в словосочетании или предложении [4, с. 3]. Вопросы изучения структурных, семантико-грамматических свойств фразеологических предлогов освещены в работах таких исследователей, как Т.А. Пантелеева, З.М. Степанова, С.И. Суровцева, Г.А. Тер-Авакян, А.М. Чепасова, Г.А. Шиганова и ряда других авторов.

В работах о функционировании предлогов широкое распространение получили термины «лексический предлог» и «фразеологический предлог». Как в русском, так и во французском языках, под фразеологическим предлогом понимают фразеологические единицы, состоящие из двух и более компонентов и соотносительные по своим семантическим и грамматическим свойствам с лексическими предлогами, в русском языке

– в течение, в продолжение, в процессе и др., во французском языке – à travers, par rapport, en face de, au lieu de, à la longueur de, au courant de, au cours de, à dater de, en date de, avant de, jusqu'à и др. Отмечается, что фразеологические предлоги «специализируются в отличие от лексических предлогов, как правило, на передаче какого-либо одного вида отношения» [7, с. 21] и что «лексическое и фразеологическое значения исследуемых единиц обладают спецификой номинации и отличаются от значений знаменательных частей речи своей абстрактностью и грамматичностью» [8, с. 12].

Во французском языке фразеологический предлог звучит как «locutions prépositives» («фразеологические выражения») [11], синонимичными также часто рассматриваются термины «фразеологический предлог», «релятивный фразеологизм», «релятивная единица» [4, с. 5]. Наблюдается тенденция расширения корпуса фразеологических предлогов, возникновения новых видов этих служебных частей речи: «Класс фразеологических предлогов – наиболее новый по образованию, и он продолжает пополняться новообразованиями» [3, с. 6].

Настоящее исследование осуществлялось на базе пятнадцати номеров печатного издания профессиональной таможенной литературы на французском языке «OMD Actualités» №№ 52, 54, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68 за период с 2007 по 2012 годы и

журнала «*Les Cahiers de la Compétitivité*». В структуре выявленных фразеологических предлогов исследуемого материала обязательными компонентами являлись лексические предлоги *de, à, en*, которые легли в основу следующей структурной классификации:

– конструкции из двух компонентов с предлогом *de*: *afin de, auprès de, lors de, autour de – afin de faciliter les échanges* [10, № 65, с. 18], *auprès des Postes douaniers* [10, № 57, с. 31], *lors du Conseil des Directeurs généraux, autour de 42 directions régionales et 193 bureaux* [10, № 54, с. 54];

– конструкции из двух компонентов с предлогом *à*: *à travers, grâce à – à travers des contacts quotidiens* [10, № 65, с. 10], *grâce au rôle* [10, № 54, с. 54], *grâce à un meilleur partenariat* [10, № 65, с. 18], *grâce au dispositif complet* [9, с. 66];

– конструкции из трёх компонентов с предлогами *à* и *de*: *au sein de, au cours de, à l'issue de, à l'instar de, à l'égard de, au début de, au-delà de – au sein de l'UE* [10, № 68, с. 5], *au sein des entreprises* [10, № 57, с. 42], *au cours de l'opération* [10, № 57, с. 6], *au cours du premier semestre 2011* [10, № 64, с. 10], *au cours d'une séance d'information* [10, № 64, с. 9], *à l'issue de ce séminaire* [10, № 54, с. 45], *à l'instar des signalements* [9, с. 66], *à l'égard de leurs produits* [10, № 54, с. 44], *au début des années 1980* [9, с. 53], *au-delà de temps de connexion réduits* [10, № 52, с. 28], *au-delà de l'augmentation de l'offre de formation* [10, № 52, с. 28], *au-delà des frontières* [10, № 68, с. 8], *au-delà de l'application figée de connaissances théoriques* [10, № 64, с. 22], *au-delà de 500 employés* [9, с. 50];

– конструкции из трёх компонентов с предлогами *en* и *de*: *en matière de, en vue de – en matière de contrôle des exportations* [10, № 64, с. 9], *en vue de l'élaboration de leur thèse* [10, № 52, с. 37];

– конструкции из четырёх компонентов с предлогами *à* и *de*: *à la lumière de, tout au long de – à la lumière de ce qui précède* [10, № 54, с. 37], *ce thème sera relayé tout au long de l'année* [10, № 58, с. 46].

Как было отмечено выше, фразеологические предлоги рассматриваются в лингвистике как релятивные фразеологизмы. Их семантическая структура сформировалась в сложном семантическом процессе – компоненты подвергались качественным семантическим преобразованиям, происходила интеграция сем из лексических значений слов-компонентов [8, с. 22]. Процесс фразеологизации исследуемых предлогов имеет свои особенности – знаменательные части речи становятся компонентами фразеологических предлогов, формируют релятивное фразеологическое значение, чаще всего это существительные: *la lumière, matière, l'issue, la vue, le cours, l'égard, le début, le sein, le long* и другие. Обязательным компонентом, и это видно из приведённых примеров, являются лексические предлоги, чаще всего *de, à, en*, некоторые релятивные фразеологизмы могут содержать в своём составе одновременно два лексических предлога.

В процессе исследования была составлена семантическая классификация фразеологических предло-

гов, отражающих такие понятия, как: начало действия – *au début de*; происхождение процесса – *lors de, à la longueur de, au cours de, tout au long de*; завершение действия – *à l'issue de*; внутреннее расположение – *à l'intérieur de, au sein de*; причину – *afin de, en vue de*; содержание – *en matière de, à la lumière de*; сравнение – *à l'instar des signalements* (наподобие сигналов) [9, с. 66]; превышение, дополнение – *au-delà de*. Некоторые из фразеологических предлогов могут вступать в такие же парадигматические отношения, что и знаменательные части речи, то есть синонимические (*à l'intérieur de = au sein de, à la longueur de = au cours de*), антонимические (*au début de – à l'issue de*).

Специфика массмедийной профессионально ориентированной таможенной литературы выражается в регулярном употреблении предлогов, редко используемых в разговорной речи, художественной литературе, в частности, исследование позволило зафиксировать наиболее частое употребление таких предлогов, как *lors de, en matière de, au-delà, afin de, au sein de, en vue de* и других. Так, предлог *lors de* наиболее часто сочетается с существительными, выражающими такие понятия как *заседания, совещания, конференции*, организованные в рамках таможенной сферы деятельности: *lors des sessions de juin 2012* [10, № 68, с. 6], *lors de ses sessions de juin 2011* [10, № 64, с. 10], *lors de leurs réunions régionales* [10, № 58, с. 41], *lors des passages aux frontières* [10, № 61, с. 20]. Предлог *en matière de* реализует свои валентностные свойства с существительными, отражающими основные понятия таможенной сферы деятельности, в том числе: *борьба с негативными явлениями, происхождение товаров, совершенствование таможенной деятельности, сотрудничество служащих таможенной службы: en matière de lutte contre la corruption* [10, № 54, с. 54]; *en matière d'origine* [10, № 54, с. 45]; *en matière d'harmonisation des règles d'origine non préférentielles* [10, № 54, с. 45]; *en matière de coopération internationale* [10, № 68, с. 7]; *en matière de lutte contre l'abus et le trafic illicite des stupéfiants* [10, № 54, с. 45]; *en matière de contrôle des exportations* [10, № 64, с. 9]. Предлог *au-delà* сочетается с существительными, выражающими такие понятия, как *время, границы, применение, расширение, увеличение, таможенные служащие: au-delà de temps de connexion réduits* [10, № 52, с. 28]; *au-delà des frontières* [10, № 68, с. 8]; *au-delà de l'application figée de connaissances théoriques* [10, № 64, с. 22]; *au-delà de l'augmentation de l'offre de formation* [10, № 52, с. 28]; *au-delà de 500 employés* [9, с. 50]. Предлог *afin de* реализует свои валентностные свойства с только с глаголами в неопределённой форме, отражающими основные аспекты деятельности таможенной службы, в частности: предупреждение, предотвращение криминальных действий: *afin d'empêcher – чтобы предотвратить* [10, № 64, с. 9]; *afin de s'attaquer de manière efficace au problème de la contrefaçon* [10, № 52, с. 10]; реализация возможностей, практическое применение: *afin de profiter des opportunités commerciales à l'échelon national* [10, № 54, с. 36]; идентификация, определение: *afin d'identifier les avantages spécifiques* [10, № 54, с. 36]; совершенствова-

ние, улучшение управления: *afin d'améliorer la gestion* [10, № 54, с. 46]; одобрение, разрешение: *afin de permettre aux Unions douanières et économiques de devenir Membres de l'OMD* [10, № 54, с. 47]; содействие, оказание помощи: *afin d'aider les autres organisations* [10, № 54, с. 19]. Семантика существительных, с которыми сочетается предлог *au sein de*, отражает такие понятия, как *структура, компания, организация*, в том числе и международные: *au sein de l'UE* [10, № 68, с. 5]; *au sein des entreprises* [10, № 57, с. 42]; *au sein de mon équipe* [10, № 64, с. 42]. Предлог *en vue de* по семантике синонимичен предлогу *afin de*, но в отличие от него сочетается не только с неопределённой формой глагола, семантика которого отражает такие понятия, как изучение, исследование, обеспечение безопасности: *en vue d'explorer le Système harmonisé* [10, № 52, с. 28], *en vue de sécuriser et de faciliter le commerce mondial* [10, № 65, с. 10], но и с существительными, имеющими семантическое значение *развитие, разработка*: *en vue de l'élaboration de leur thèse* [10, № 52, с. 37].

Как было отмечено выше, перечисленные фразеологические предлоги имеют синонимы. Рассмотрим более подробно синонимию отдельных, часто употребляемых релятивных фразеологизмов. Так, выражение *au sein de* синонимично по семантике предлогам *au, dans, parmi*, выражение *en vue de* имеет синонимы *dans, pour* [12], выражение *afin de*, помимо предлога *pour* и вышеотмеченного *en vue de*, имеет ряд синонимичных выражений, таких как *afin que, à l'effet de, dans l'intention de, dans le but de, dans le dessein de, de façon que, de manière à*, выражение *en matière de* также имеет ряд синонимичных выражений: *en fait de, en ce qui concerne, d'une manière relative à qqch..., à propos de, au sujet de, marquant le domaine*, [13] фразеологическому предлогу *lors de* по семантике соответствует выражение *au moment de*. Релятивный фразеологизм *au-delà de*, согласно французскому электронному словарю, имеет только одно синонимичное выражение *plus loin*, приводится также трактование данного выражения: *Indique ce qui dépasse une mesure, un seuil* [12]. Из ряда синонимичных релятивных единиц для составления текста автор останавливает свой выбор на перечисленных фразеологических предлогах, которые, как показало исследование, регулярно употребляются в текстах исследуемой литературы и способствуют, тем самым, формированию её стилистики.

Исследование позволило выявить предложные конструкции, редко употребляемые в разговорном французском языке: *auprès de* (в анализируемой литературе используется часто, переводится на русский язык как *в, на*), *de par* (переводится на русский язык как *во имя, именем, от имени*, однако чаще всего его перевод зависит от контекста). Дополнения, вводимые предложной конструкцией *auprès de*, отражают такие понятия, как *места работы служащих данной сферы деятельности, таможенные посты*: *ce certificat est disponible auprès des bureaux des douanes locaux* (этот сертификат необходим в офисах на местных таможенных постах) [10, № 63, с. 41]; *les différents services gouvernementaux*

auprès desquels la douane peut jouer un rôle utile (различные государственные ведомства, совместно с которыми таможня может сыграть полезную роль) [10, № 58, с. 35]. Семантика дополнений, вводимых предлогом *de par*, выражает такие понятия, как *территориальное пространство, функционирование*: *s'attaquant aux mouvements illicites d'espèces de par le monde* (в борьбе с незаконным перемещением видов по всему миру) [10, № 61, с. 13]; *aux services de contrôle de par le monde* (на службе контроля по всему миру) [10, № 64, с. 47]; *une importance capitale de par son inclusion dans le document* (большая важность в связи с его включением в документ) [10, № 59, с. 12]. Специфика исследуемой литературы, желание автора неординарно выразить свою мысль, привлечь внимание адресата к заявленной проблеме, а также бюрократизация профессионально ориентированного языка позволяет выявить редкие случаи употребления рядом двух предлогов. Так, предложение содержит, наряду с часто используемым в профессионально ориентированной литературе клишированным выражением *le renforcement des capacités*, смежное употребление двух предлогов *avec pour*, где предлог *avec* выполняет соединительную функцию, а предлог *pour* входит в состав выражения *pour objectif: le renforcement des capacités avec pour objectif de cibler les ressources* (наращивание потенциала с целью обеспечения адресности ресурсов) [10, № 52, с. 39].

Таким образом, структурно-семантическое исследование релятивных фразеологизмов позволяет сделать следующие выводы.

1. Фразеологические предлоги представляют собой релятивные фразеологизмы, семантическая структура которых сформирована в процессе семантических преобразований компонентов, из которых интегрировали семы их лексических значений.

2. Структура релятивного фразеологизма включает в себя обязательный компонент в виде предлога или, в некоторых случаях, двух, а также варьируемый компонент – знаменательную часть речи, чаще всего существительное.

3. В процессе фразеологизации существительное становится компонентом фразеологического предлога, формируя релятивное фразеологическое значение.

4. Семантика фразеологических предлогов отражает такие понятия, как: начало действия, происхождение процесса, завершение действия, внутреннее расположение, причину, содержание, сравнение, превышение, дополнение.

5. Фразеологические предлоги, как и знаменательные части речи, могут вступать в парадигматические отношения, синонимические и антонимические.

6. Исследуемые предлоги реализуют свои валентностные свойства с существительными, отражающими основные понятия таможенной сферы деятельности, в том числе: *борьба с негативными явлениями, происхождение товаров, совершенствование таможенной деятельности, сотрудничество служащих таможенной службы, совершенствование, улучшение управления, границы, применение, расширение, увеличение,*

структура, компания, организация, содействие, оказание помощи, изучение, исследование, обеспечение безопасности.

7. Существительные-компоненты, входящие в состав фразеологических предлогов, выполняя ключевую семантическую роль, реализуют эксплицитную функцию всей конструкции фразеологического предлога.

8. Регулярное употребление определённых релятивных фразеологизмов объясняется желанием автора более чётко, неординарно выразить свои мысли, нюансы таможенной сферы деятельности; использование фразеологических предлогов формирует стилистику массмедийной профессионально ориентированной таможенной литературы на французском языке.

Библиографический список

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
2. *Пантелеева Т. А.* Семантико-грамматическая структура предлога, оформляющего винительный падеж, и предлога, оформляющего предложный падеж, в современном русском языке. Дисс. ... канд. филол. н.: 10.02.01. Челябинск, 2006. 245 с.
3. *Степанова З. М.* Роль предлогов в формировании лингвокультурологических особенностей пространственных концептов: На материале русского и французского языков. Дисс. канд. филол. наук. Ульяновск, 2006. 207 с.
4. *Суровцева С. И.* Структурные и семантические свойства лексических и фразеологических предлогов со значением темпоральности в современном русском и французском языках. Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 222 с.
5. *Тер-Авакян Г.А.* Значение и употребление предлогов во французском языке / Пособие по грамматике для ин-тов и фак. иностр.яз. М.: Высш.шк., 1983. 240 с.
6. *Чепасова А.М.* Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. 144 с.
7. *Шиганова Г. А.* Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. Челябинск: Изд-во Челябин. гос. пед. ун-та, 2001. 454 с.
8. *Шиганова Г.А.* Релятивные фразеологизмы русского языка. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. 306 с.
9. Les Cahiers de la Compétitivité Magazine. – Hors-Serie – Novembre 2010. – Réalisé en partenariat avec la DGDDI / Editeur : Info et Média, 58, avenue de Wagram, 75 017 Paris.
10. «OMD Actualités» / Éditeur Organisation mondiale des douanes Bruxelles [Texte] . 2007. № 52 ; 2007. № 54; 2008. № 56; 2008. № 57; 2009. № 58; 2009. № 59; 2009. № 60; 2010. № 61; 2010. № 62; 2010. № 63; 2011. № 64; 2011. № 66; 2012. № 67; 2012. № 68.

References

1. *Karaulov U.N.* The Russian language and linguistic identity. Moscow: Nauka, 1987. 263 p.
2. *Panteleeva T.A.* The semantic and grammatical structure of a preposition, forming the accusative, and a preposition, forming the prepositional case in the modern Russian language. dissertation ... Candidate of Philological Sciences: 10.02.01. Chelyabinsk, 2006. 245 p.
3. *Stepanova Z.M.* The role of prepositions in the formation of linguistic and cultural peculiarities of spatial concepts: Based on the materials in Russian and in French ... dissertation Candidate of Philological Sciences. Ulyanovsk, 2006. 207 p.
4. *Surovtseva S.I.* The Structural and semantic features of lexical and phraseological prepositions with the meaning of temporality in the contemporary Russian and French languages: dissertation ... Candidate of Philological Sciences. Chelyabinsk 2006. 222 p.
5. *Ter-Avakian G.A.* The meaning and use of prepositions in the French language / Grammar teaching aid for foreign language institutes and faculties. M.: Vyssh.shk., 1983. 240 p.
6. *Chepasova A.M.* The semantic and grammatical classes of Russian idioms: Teaching aid. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University Press, 2006. 144 p.
7. *Shiganova G.A.* The system of lexical and phraseological prepositions in the modern Russian language. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University Press, 2001. 454p.
8. *Shiganova G.A.* The Relative phraseologisms in the Russian language. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University Press, 2003. 306 p.
9. The Journal of Competitiveness. Magazine. – Odd issues. - November 2010. - In partnership with the DGDDI / Publisher: Information and Media, 58, avenue de Wagram, 75017 Paris.
10. «WCO News» World Customs Organization. Brussels [Texte] . 2007. № 52; 2007. № 54; 2008. № 56; 2008. № 57; 2009. № 58; 2009. № 59; 2009. № 60; 2010. № 61; 2010. № 62; 2010. № 63; 2011. № 64; 2011. № 65; 2011. № 66; 2012. № 67; 2012. № 68.
11. <http://www.forum.exionnaire.com/grammaire-les-prépositions-3638#prépositions-composées>
12. <http://www.linternaute.com/dictionnaire/fr/definition/au-sein-de/>
13. [http://dictionnaire.sensagent.com/afin de/fr-fr/](http://dictionnaire.sensagent.com/afin%20de/fr-fr/)

УДК 82.091-4 БУНИН И.А.

UDC 82.091-4 BUNIN I.A.

С.Н. ТЕПЛЯКОВА

аспирант, кафедра русской литературы XX-XXI в. и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет
E-mail: sopova.sveta@yandex.ru

S.N. TEPLYAKOVA

Graduate student, Department of Russian literature of the 19th-20th centuries and the history of Foreign literature, Orel State University
E-mail: sopova.sveta@yandex.ru

«БОЖЬИ ЛЮДИ». РАННЯЯ ПРОЗА И.А.БУНИНА В «ОРЛОВСКОМ ВЕСТНИКЕ»

“PEOPLE OF GOD”. THE EARLY PROSE OF I.A.BUNIN IN “ORLOVSKY VESTNIK”

В данной статье рассматриваются два «очерка» И. Бунина с одним названием «Божьи люди», опубликованные в газете «Орловский вестник» в конце 80-х-начале 90-х годов XIX века. Проведенный анализ свидетельствует, что в этих ранних произведениях, которые автор не включал в собрания своих сочинений, берут начало основные темы, проблемы и образы его будущей (зрелой) прозы.

Ключевые слова: И.А. Бунин, раннее творчество, «Орловский вестник», очерк, божьи люди, обездоленные, тема, пейзаж, «судоржный», одиночество, жестокость.

This article discusses two essays with the same name written by I. Bunin and published in the newspaper “Orlovsky Vestnik” in the late 80’s-early 90’s of the 19th century. The analysis of the texts shows that in these early works, which the author didn’t even include in the collection of his works, the main topics, problems and images of his later, mature prose appeared.

Keywords: I.A. Bunin, early work, “Orlovsky Vestnik”, an essay, “God’s people”, underprivileged, topic, landscape, loneliness, cruelty.

Иван Алексеевич Бунин (1870-1953) родился в Воронеже, детские и отроческие года провел в Елецком уезде (Орловской губернии), но по праву считается писателем-орловцем. 1889 год, год приезда И.Бунина в Орел и начало сотрудничества с газетой «Орловский вестник», стал переломным в его жизни. В «Орловском вестнике» в период с 1889 по 1896 год молодой писатель публикует рассказы, очерки, статьи, переводы, стихи, заметки, театральные рецензии. В 1891 году как приложение к «Орловскому вестнику» выходит первый сборник стихов Бунина, а в 1896 году в 25 номерах газеты публикуется перевод Бунина «Песни о Гайавате» Г. Лонгфелло.

В орловские годы Бунин формировался как творческая личность. Именно тогда он научился воспринимать окружающее как художник, превращать обыкновенные явления и предметы в «загадочно прекрасные, преображенные» (Ю.Мальцев). В Орле, живя на случайных квартирах, в помещении редакции или в недорогих гостиницах, он «вскакивал чем свет», чтобы «засесть за стол», гонимый творческим азартом, шел на улицы, на вокзал, в извозчицьи чайные, чтобы зафиксировать в памяти неповторимые мгновения жизни. Ум и сердце художника фиксировали моменты, оставлявшие обывателя равнодушным, делали их достоянием памяти, чтобы потом, через десятилетия, извлечь на свет и превратить в блистательные «картинки из жизни» [1, 129].

Многое из того, что было опубликовано в «Орловском вестнике» в конце 80-х-начале 90-х годов,

Бунин вывел за рамки своего творчества, не включал в сборники рассказов и собрания сочинений, очевидно, считая эти ранние опыты «пробой пера», видя их художественное несовершенство. Однако очевидно, что и орловский период жизни, на который выпало самое глубокое чувство – любовь к Варваре Владимировне Пашенко – и первые литературные опыты, стали значительной вехой в его творческой биографии.

Бунин, как, наверное, никто из современников, был постоянен в своих общественно-политических и эстетических пристрастиях. Это постоянство нашло отражение и в его творчестве. Анализ рассказов, опубликованных в «Орловском вестнике», дает представление о темах и образах, характерных и для зрелого творчества писателя, обогащенных, однако, жизненным и творческим опытом.

Во всех рассказах, очерках, опубликованных в «Орловском» вестнике», очень силен местный колорит и автобиографическое начало. В названиях населенных пунктов Буниным представлена почти вся карта Орловской губернии: Озерки, Бутырки, Новоселки. Выселки, Воргол, река Воргол, Орловско-Грязская железная дорога. Один из героев – Павел Петрович Воргольский («Помещик Воргольский») – носит имя населенного пункта и реки одновременно – Воргол. Тот же Павел Петрович Воргольский характером напоминает отца писателя, действие в рассказе ведется от лица героя-повествователя, молодого человека – Ивана Алексеевича. Не только именем, но и «приметами» –

упрямством, неуступчивостью в споре, увлечением толстовством – герой напоминает автора.

В 1889 году в «Орловском вестнике» было опубликовано два рассказа Бунина с одним названием «Божьи люди». Писателем был задуман цикл рассказов с таким названием. Обе публикации раскрывают тот грустно-ироничный подтекст, который вкладывает автор в понятие «божьи люди». Первый рассказ, с подзаголовком «Два странника» и жанровым определением «очерк», вошедший в №125 «Орловского вестника» за 1889 год, был перепечаткой (с авторскими правками) более ранней публикации (в журнале «Родина», 1887 г.).

Образы героев рассказа – «странников», бродяг Тимоши и Рафаила – созданы по принципу контраста. Тимоша, слабый, больной, продрогший в своем истершемся тулупчике, мечтает о временном прибежище «у одной из его покровительниц и кормилиц», старой девы-помещицы. Жизнь бродяги не ожесточила его сердце; он считает барыню, от безделья ставшую благодетельницей, «великой угодницей божьей» и мечтает «с первыми оттепелями» отправиться «в Троицкую лавру встречать божий праздник». «Господа люблю», – признается он случайному попутчику, «широкоплечему, приземистому мужику», «монаху» Рафаилу, который, в отличие от Тимоши, уверенно шагает сквозь метель в те же самые Выселки, куда мечтает добраться и Тимоша.

В кабаке, где отогреваются странники, происходит главное событие, помогающее понять, насколько разными могут быть «божьи люди». Рафаил сознательно спаивает мужика Савелия, у которого в «гамане» много денег. Савелий называет странствующего монаха «божий человек», щедро угощает случайного знакомца, но это не спасает его от расправы. Тимоша, узнав о намерениях своего попутчика, пытается вразумить его: «Кормилец милостивый!... Не губи ты его душу! Не льстись... Ведь он без покаяния в ад пойдет... Братик, родной!» [2.]. Но, увидев, как Рафаил бросился с ножом на мужика, помертвев от ужаса, «побежал в поле». В поле, в метель, он и замерзает, вспомнив перед смертью «все, от самого детства и до последних дней» и продолжая славить Господа.

В раннем очерке нашли воплощение мотивы и художественные приемы, характерные для творчества Бунина. Мотивы несоответствия жизни людей заповедям Божьим, «обезвоживания» и потери нравственных ориентиров, ведущих к преступлению, оскудения дворянства, одиночества человека в мире; мотив странничества в более позднем творчестве реформируется в своеобразное толкование Буниным такого явления, как юродство.

Кольцевая композиция очерка – в начале и в конце произведения описание метели и страданий заблудившегося в поле Тимоши – будет характерна для рассказов Бунина 900-х - 10-х годов: «Иоанн Рыдалец», «Господин из Сан-Франциско», «Чаша жизни», «Петлистые уши» и др.

Особое мастерство Бунина-пейзажиста отмечено многими исследователями. Психологическая функция пейзажа широко используется автором и в ранних рас-

сказах. Описание пугающей Тимошу метели, «низкого облачного неба», «сильного северо-восточного ветра», который «неистово крутил в воздухе снежными пушинками» (ЛН, 140), помогает автору показать безысходное одиночество и неприкаянность его героя. В конце рассказа контрасты пейзажей, летнего и зимнего, раскрывают трагедию несостоявшейся жизни. Там, в счастливом детстве – «яркий полдень. Все горит и сверкает в солнечном свете... А Тимоша сидит на меже у высокой пахучей конопли с двумя белоголовыми девочками... И Тимоше даже слышится запах конопли». Здесь, в ожидании неминуемой смерти, «ветер резкий и пронзительный налетал на него, поднимал облако холодной пыли, хлестал в лицо и спину Тимоше и положительно валил его с ног». [2, 144].

Второй рассказ с тем же названием – «Божьи люди» – имел подзаголовки «Очерк из жизни обездоленных» и «Судоржный». Очевидно, и в первом, и во втором случае, настаивая, что произведение относится именно к жанру «очерка», Бунин хотел подчеркнуть его документальность, то, что изображенные события имеют реальную основу. Рассказ был опубликован в газете «Орловский вестник» в номерах №150, 152 за 1891 год. Здесь, как и в предыдущем рассказе, широко представлены орловские реалии: «Орловско-грязская железная дорога» (железная дорога Грязи – Елец была построена в 1868 году), «елецкий купец», «Баскаковская деревня»... Тема «божьих людей» в рассказе раскрывается Буниным по-иному: он более беспощаден в оценке нравственных качеств русского мужика, множеству «Рафаилов» противопоставлен только герой-повествователь, единственный из пассажиров поезда, пожалевший «судоржного».

Действие рассказа происходит в поезде, и это тоже характерный для творчества Бунина прием. В бунинском тексте хронотоп «дорога» связан с тремя видами средств передвижения, и каждый имеет свой смысл и значение: он способствует расширению пространственных и временных границ. В разных вариантах он представлен у Бунина во многих произведениях.

Первый вариант – разные виды лошадиных упряжек: грязный тарантас, на котором «статный военный» подкатил к «длинной избе» («Темные аллеи»), беговые дрожки «молодого купца Красильщикова» («Степа»), тройки и пары лошадей, на которых разъезжают герои новелл «Антигона», «Зойка и Валерия», «Чистый понедельник» и других [4, 45]. Второй вариант – поезд, символизирующий дальний путь, расставание надолго («Иоанн Рыдалец», новеллы «Руся», «Кавказ», «Генрих» из «Темных аллей», роман «Жизнь Арсеньева»). Третий вариант – пароход – позволяет автору «окунуть» своего героя в безбрежность жизни («Господин из Сан-Франциско», «Братья», «Отто Штайн»), внезапно вспыхнувшего чувства («Солнечный удар», «Визитные карточки»).

В раннем очерке «Божьи люди» у автора более скромные задачи: ему необходимо собрать в одном месте разных людей и на какое-то время соединить их во времени и пространстве. Вагон третьего класса – наи-

более удачное место для встречи «обездоленных». Священник «с благодушным лицом», «елецкий купец», «русый и худощавый юноша», мужики, старуха-богомолка и главные действующие лица – «мужик в истрепанном армячишке» и его «сыночек», «идол», которого пытаются «усодить» два кондуктора и отец.

Происходящее передается от лица героя-повествователя, интеллигентного молодого человека, очевидно (судя по тому, что оказался в вагоне «обездоленных»), бедного. Его интеллигентскому сознанию кажутся дикими и попытки пассажиров путем насилия усмирить «судоржного», «душевно-больного», «припадочного», «сумасшедшего» [3], и особенно история его сумасшествия, рассказанная отцом.

Вначале болезнь проявлялась лишь в редких, ни для кого не опасных припадках, но затем обстоятельства жизни превратили «сыночка» в «судоржного». «Обмирать» мальчик начал после того, как барин из ружья стал палить в забравшихся в сад за яблоками мальчишек. По-настоящему «затосковал» парень с тех пор, как отец, заподозрив Митьку в попытке изнасилования соседской девчонки Анютки, «сгреб сына за ногу да об между...» «Шманул его еще раз за виски, а он как закотится... Посинел да и лежит, – рассказывает отец, ища сочувствия у попутчиков. После болезни Митька «стал злой, как дьявол», а «прошлый год совсем спятил с ума» [3].

О степени озлобленности «судоржного» на весь мир свидетельствует «дикая схватка», которую он устроил в вагоне, сначала запустив костью в лицо ме-

щанина, ударив ногой в живот «батю», а затем напав на кондуктора. Но еще в большей степени поражает героя-повествователя та лютая злоба, которая таится в душах обычных людей и готова вырваться наружу при первой возможности. «Батя» «принялся нещадно бить» Митьку кулаками в голову, «мещанин бросился держать», четверо – мещанин, мужик и два кондуктора – «навалились на Митьку», скрутили руки и ноги, и, зацепив веревку за крюк, «стали подтягивать Митьку кверху». Эта дикая сцена не помешала «божьим людям» спокойно уснуть. Единственный, кто испытывал сочувствие к несчастному Митьке, – герой-повествователь. «Мне стало невыносимо тяжело на душе», – этими словами и описанием «зимней, глухой ночи», соответствующей душевному состоянию «сумасшедшего человека» (3), заканчивается бунинский очерк.

Это раннее произведение является своеобразным наброском к более позднему рассказу Бунина – «Иоанн Рыдалец» (1913). Образ барина, вступившего в «поединок» с «судоржным», лишь намеченный в «Божьих людях», а также непонятное окружающим требование Митьки: «Дай мне удовольствие!» в «Иоанне Рыдалце» приобретут глубокий философский смысл.

Таким образом, ранние рассказы Бунина, опубликованные в газете «Орловский вестник», следует рассматривать не только как не совсем удачную «пробу пера», но и как необходимый этап творчества писателя, в котором были заложены основные его темы, проблемы и образы.

Библиографический список

1. Михеичева Е.А., Затоловская Л.Д. Юношеский роман И.Бунина / Центральная Россия и литература русского зарубежья (1917-1939). К 70- летию присуждения И.А.Бунину Нобелевской премии. Орел, 2003.
2. Божьи люди (Два странника). Очерк / Орловский вестник. №125, 1889, ОГЛИМТ, № 5810, оф.
3. Божьи люди. Очерк из жизни обездоленных. «Судоржный» / Орловский вестник, № 150,152, 1891. ОГЛИМТ, №5810 оф.
4. Михеичева Е.А. Хронотоп дороги в «Темных аллеях» И.А.Бунина // Бунинские чтения в Орле - 2013. Коллективная монография. Орел, 2014.

References

1. Miheicheva E.A., Zatulovskaya L.D. Juniors novel I.Bunin / Central Russia and Russian literature abroad (1917-1939). To the 70 - anniversary of the awarding of the Nobel Prize I.A.Bunin. Orel, 2003.
2. God's people (Two Wanderer). Essay / Orlovsky vestnik. №125, 1889, OSLMT, № 5810, of.
3. God's people. Sketch of the life of the disadvantaged. «Sudorzhy» / Orlovsky vestnik, № 150,152, 1891. OSLMT, № 5810 of.
4. Miheicheva E.A. Chronotope of the road in the “dark alleys”. I.A.Bunin / / Buninskaya reading in Orel - 2013. Collective monograph. Orel, 2014.

Н.А. ТРУБИЦИНА

кандидат филологических наук, доцент, кафедра историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
E-mail: trubicina-nat@mail.ru

N.A. TRUBITSINA

Candidate of Philology, associate Professor, Department of historical and cultural heritage, Yelets State University named after I.A. Bunin
E-mail: trubicina-nat@mail.ru

**ФЕНОМЕН УСАДЬБЫ В ХУДОЖЕСТВЕННО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
МИХАИЛА ПРИШВИНА И ИВАНА БУНИНА**

**THE PHENOMENON OF THE ESTATE IN ART-AUTOBIOGRAPHICAL DISCOURSE
OF MIKHAIL PRISHVIN AND IVAN BUNIN**

Жизнь и творчество М.М. Пришвина и И.А. Бунина неоднократно становились предметом типологического сравнения. Обращение к автобиографическому дискурсу и феномену усадьбы продиктовано общностью малой родины писателей и активным отображением родного края в художественных произведениях. Учитывая различие художественных подходов к поэтике места, мы отмечаем ряд антиномий и ряд совпадений в передаче образа родного гнезда Михаилом Пришвиным и Иваном Буниным.

Ключевые слова: художественно-автобиографический дискурс, поэтика места, феномен усадьбы, усадебный хронотон.

Life and work of M.M. Prishvin and I. A. Bunin have repeatedly been the subject of typological comparison. Appeal to art-autobiographical discourse and the phenomenon of the estate is dictated by the generality of the small native land of writers and active display of the native land in works of art. Taking into account the difference of artistic approaches to the poetics of place, we note a number of antinomies and the number of coincidences in the transmission of the image with the help of which Mikhail Prishvin and Ivan Bunin describe the native place.

Keywords: art-autobiographical discourse, the poetics of place, the phenomenon of the estate, the estate chronoton.

Жизнь и творчество И.А. Бунина и М.М. Пришвина, авторов, в общем-то, достаточно далеких друг от друга по специфике художественного таланта, тем не менее, регулярно сопоставляется в литературоведческих и философско-культурологических исследованиях (см. прим. 1). Писатели-земляки, почти ровесники, жившие в нескольких верстах друг от друга, в отрочестве они «дышали» чудесным раздольем черноземных полей, привольем и свободой русского деревенского быта. Общая малая родина стала для них источником первых художественных впечатлений и творческого вдохновения.

В дневнике 1922 года, в набросках к автобиографии, Пришвин отметит: «Родился я в том самом уезде, про который много писал Бунин, мой земляк, – Елецкий уезд Орловской губернии» [5, 274]. Черты родного края очень часто угадываются не только в бунинских образах места; многочисленны они и в творчестве М.М. Пришвина. В этой связи особый статус получают автобиографические произведения, так как в них ярче всего имеет возможность проявиться «феноменологическая природа места» (Е.Н. Эртнер).

Романы «Жизнь Арсеньева» Ивана Бунина и «Кашеева цепь» Михаила Пришвина следует отнести к числу художественных автобиографий (хотя Бунин всячески отрицал автобиографичность своего Арсеньева, а Пришвин, наоборот, всячески подчерки-

вал генетическую близость Алпатову автору). В текстах этих произведений елецкая земля обретает свое лицо, «феноменологизируется». Родная усадьба – это не только «миф дворянского гнезда» (В.Г. Щукин), но и конкретное место, где в сложнейший узел переплелись семейные, бытовые, социальные и даже политические проблемы.

Отмечая «особость» бунинского автобиографического дискурса, Ю.В. Мальцев напишет: ««Жизнь Арсеньева» – это не воспоминание о жизни, а воссоздание своего восприятия жизни (то есть новое “восприятие восприятия”). Жизнь сама по себе как таковая вне ее апперцепции и переживания не существует, объект и субъект слиты неразрывно в одном едином контексте, поэтому я и осмеливаюсь назвать “Жизнь Арсеньева” первым русским феноменологическим романом». [3, 305]. Однако аналогичные «феноменологические» черты присущи и пришвинскому художественному мышлению. Как подчеркнет Е.Н. Эртнер, в «Кашеевой цепи» давнее «продолжает жить в художественном опыте автора, оно творится заново здесь и сейчас». [10, 136-137].

Оба романа – о становлении творческой личности. Суть бунинского героя пути Арсеньева очень точно, на наш взгляд, определил богослов и литературный критик Кирилл Зайцев: «Этот роман-поэма посвящен путешествию души юного героя, необыкновенно свежо и остро воспринимающего мир. Главное в «Жизни Арсеньева»

- расцвет человеческой личности, расширение ее до тех пределов, пока она не оказывается способной вобрать в себя огромное количество впечатлений. Перед нами исповедь большого художника, воссоздание им с величайшей подробностью той обстановки, где впервые проявились его творческие импульсы. <...> Все внимание автора направлено на реконструкцию того безмерно-сложного и таинственного, что содержит в себе географическое название страны...» [цит. по 4, 408, 414]. Для Пришвина жизнь главного героя Алпатова – это «медленно, путем следующих одна за другой личных катастроф, нарастающее сознание» [5, 639]. У Бунина все, что окружает героя, рождает поэтическую рефлексию, у Пришвина – философско-научную.

Различие мировоззренческих установок обуславливает различное «давление» рассказчика на место. Однако если место обладает определенной «репутацией», то оно, в свою очередь, также способно «давить» на текст. В литературной и культурной традиции образ усадьбы в большей степени предстает как мифопоэтический, сакральный локус, нежели просто место обитания. Можно согласиться с мнением Гастона Башляра, что имеющее значение «дома» любое обжитое пространство мыслится как «земной рай», «первоначальное тепло». «В доме все мы становимся поэтами, ибо “сочиняем фон” пространственной поэтики своего жилища». [9, 173].

Автор геокультурологического исследования «Миф дворянского гнезда» В.Г. Щукин задается вопросом – «всякий ли дом может стать колыбелью для поэта в башляровском смысле слова, то есть творца собственных грез и воспоминаний?» [9, 173]. И отвечает на этот вопрос отрицательно, отмечая, что в русском языковом сознании дом может быть и «временным пристанищем», и «углом», и «крышей над головой», а может ощущаться как «родное гнездо». «Только в “доме-гнезде” можно уютно устроиться, «прикурнуть» (по выражению Башляра), только оно и способно настроить душу на поэтический, а не, допустим, на иронический или сатирический лад. Не каждая помещичья усадьба была настоящим семейным гнездом, далеко не каждая была и хоромами». [9, 173].

Герой «Кашеевой цепи» Михаил Алпатов родился в помещицкой усадьбе, купленной его дедом, богатым купцом и почетным елецким гражданином, для отца Курымушки (детское прозвище Алпатова). И отец, Михаил Дмитриевич, повел «веселую», «звонкую» жизнь: завел конный завод, выезжал рысаков, занимался садоводством и цветоводством. «Случилось однажды, он проиграл в карты большую сумму; чтобы уплатить долг, пришлось продать весь конский завод и заложить имение по двойной закладной. Тут-то вот и начинать бы отцу новую жизнь, полную великого смысла в победах человеческой воли. Но отец не пережил несчастья, умер, и моей матери, женщине в сорок лет с пятью детьми мал мала меньше, предоставил всю жизнь работать “на банк”». [5, 13]. Так, с малых лет, Миша Алпатов лишается отца и воспитанием мальчика занимаются, в основном, женщины.

Кроме того, в родной усадьбе мальчик чувствует себя, по его словам, «ряженым принцем»: «Было однажды весной у колодезя, Павел с Гуськом воду качали. Курымушка стал Гуську под руку, и тот сказал:

- Посторонись, барин!
  - Какой он барин, – сказал Павел, – он купец.
  - А что значит купец? – спросил Курымушка.
- Павел ответил:
- Индюх!

Было очень обидно». [5, 23]. Получается, что родной дом Курымушки несет в себе определенную двойственность; это постоянно констатируется и автором-рассказчиком, и маленьким Курымушкой, и хором дополнительных «голосов», в диалогах представляющих точки зрения матери, родственников, соседей, мужиков-крестьян:

«– И еще купцы! Последний дворянин живет на земле – и это у него естественно; разорится и все живет, и все естественно, а купцы полезли на землю зачем? Что им земля? Простой выгоды нет, масло в городе купить дешевле обойдется.

- Хотят жить, как господа!» [5, 15].

Маленький Миша Алпатов воспринимает мир непосредственно, с детской открытостью и доверчивостью: «Из всех этих разговоров Курымушка заметил себе много неприятных вещей: какой-то Банк схватил маму, и она теперь будет на него работать; еще нехорошее, что он – сирота, что “мы – купцы” и что земля перейдет мужикам. Хороши были только голубые бобры, но и то над этим смеялись». [5, 16].

«Голубые бобры», о которых говорит мальчик, – это рисунок, подаренный умирающим отцом. Они стали первым символом той сказочной, метафизической страны – страны грез и мечты, получившей в дальнейшем самые разные названия: «страны зарайские», «где все голубое»; «таинственная Азия»; страна «золотых гор и белых вод»; страна «без имени, без территории» и т.д. Поэтому явление топофилии в башляровском смысле слова у героя «Кашеевой цепи» распространяется на место, не просто лежащее вне дома, но на «территорию» по сути мифическую, неопределенную. Она с раннего детства манит и зовет к себе Курымушку, зовет туда, где не сковывает людей Кашеева цепь.

А вот родной дом мыслится Алпатовым как Эдем после грехопадения: «Почему в этом роскошном саду в цветущее время не может быть сладостного поцелуя и кажется он тем самым садом, из которого когда-то был изгнан человек навсегда?» [5, 162]. Мифологема сада – ведущая для «усадебного текста». Сад как райское место, символ красоты и благоденствия в то же время изначально конфликтен: судьбоносен конфликт Божьей и человеческой воли, судьбоносен конфликт совмещенной в границах сада природы и культуры. Сад в усадьбе Алпатовых – квинтэссенция этого конфликта.

Совсем иное дело – сад в усадьбе Арсеньевых. Он, в основном, ночной, лунный, зовущий в «свое светлое безмолвное царство». И мечтается юному Алеше Арсеньеву в этом ночном саду «о загадочном, томительно-любовном счастье жизни, о моем зага-

дочном будущем, которое должно быть непременно счастливым, и, конечно, все время об Анхен». [2, 108]. Здесь налицо особый усадебный хронотоп, позволяющий обнаружить в «Жизни Арсеньева» так называемый «усадебный текст». В отличие от пришвинского художественно-автобиографического дискурса, усадьба в творчестве Бунина сама по себе – «место с репутацией», иначе говоря, «место с репутацией усадьбы». На деле же арсеньевское Батурино далеко не классическое «дворянское гнездо»; это мелкопоместная усадьба, «хлеба, подступавшие летом к самым порогам», близость крестьянского быта.

Однако «родное гнездо» в «Жизни Арсеньева», как, впрочем, и все остальное – достояние не воспоминания, но памяти, о чем подробно напишет в своем исследовании Ю.В. Мальцев. В романе Бунина память выводит субъект на иной бытийный уровень; в памяти осуществляется слияние жизни и ее осознания. На наш взгляд, очень точно соотношение воспоминания и памяти обозначит в одном из своих исследований современный этнолог и антрополог Я.В. Чеснов: «Действия, идущие из реального мира, оставляют в ментальности свои следы-вдавливания. Пока назовем это памятью. Действие событийно, краткосрочно. Память длительна. Память стремится унести следы-вдавливания подальше от спонтанно действующей реальности. Удаляющаяся от реальности память становится светом, равным самому себе, ничего не освещающим. Такой свет максимально пассивен и восприимчив. В нем нет образов частных вещей, но есть только образ человека, находящегося в пассивном состоянии, т.е. творимого. Образ человека состоит не из морфологических черт, а из предикатов. “Человек должен быть одет”, “человек должен быть сыт” – вот культурогенные императивы человека». [8, 206]. В «Жизни Арсеньева» Бунин реализуют еще один культурогенный императив – «человек не должен спать под открытым небом».

Отсюда особое отношение к родному жилищу. Мелкопоместная усадьба сразу вписывается автором в общие ритмы не столько конкретного, сколько метафизического бытия: «Был июньский вечер, во дворе уже пахло холодеющей травой, в задумчивой вечерней красоте, как на старинной идиллической картине, стоял наш старый дом со своими серыми деревянными колоннами и высокой крышей, все сидели в саду на балконе за чаем, а я спокойно направлялся по двору к конюшне седлать себе лошадь и ехать кататься на большую дорогу...» [2, 86]. Описание импрессионистично: живописность сада, задумчивая красота вечера, «идиллическая картина» старого дома являются условием ощущения счастья и благополучия, воцарившегося на определенный срок в семье Арсеньевых.

Рисуя в романе дом изнутри, Бунин проявил себя незаурядным колористом. Цветообозначения в тексте служат для усиления живописности, а также создают эмоционально-психологический фон повествования: «В зале все залито солнцем и на гладких, удивительных по ширине половицах огнем горят, плавятся лиловые и гранатовые пятна – отражения верхних цветных сте-

кол» [2, 89]. Постоянно подчеркивается материал (дуб), из которого, помимо потолка и дверей, сделаны вещи в Алешиной комнате. Традиционный эпитет – вековой дуб – еще раз актуализирует тему прочности, вечности, глубокой укорененности в недрах родины арсеньевского «дворянского гнезда».

Пришвин в «Кашеевой цепи» не рисует идиллических картин родной усадьбы. «Мне выпала доля родиться в усадьбе с двумя белыми каменными столбами вместо ворот, с прудом перед усадьбой и за прудом – уходящими в бесконечность черноземными полями. А в другую сторону от белых столбов, в огромном дворе, тесно к садам, стоял серый дом с белым балконом». [5, 12]. Автор практически не описывает внутреннее устройство дома; и даже уже упомянутый балкон, в большинстве дворянских усадеб предназначенный для чаепития (как мы видим у Бунина), не может в алпатовском доме выполнять этой функции: «Бывает летом, – накроют стол на балконе, и так хорошо бы тут, в тени, под навесом, чаю попить, но выходит мать, осматривает: ей видно, как на своих полях крестьяне уже работают, а на дворе работники только что запрягают. <...> Далеко видно с балкона в поля, из полей тоже виден далеко самовар на белой скатерти в тени, под навесом балкона.

– Нельзя, – говорит мать, – там работают, а мы будем за чаем рассиживаться. Переносите все в комнату, живо.

– Мама, – просит Курымушка, – зачем в комнату? Мы же не будем работать, все равно будем чай пить.

Стыдливо бормочет мать:

– Мало ли что!

И пьет в комнате чай, в жаре и с мухами». [5, 38-39].

Жизнь матери Алпатова, Марии Ивановны, далека от временипрепровождения в «дворянском гнезде». Лишь под конец жизни смогла она избавиться от «работы на банк», выкупить имение. Была Мария Ивановна женщиной незаурядной, совмещавшей в себе хозяйственную сметку и нежную, романтическую душу. «Ученная на медные деньги», мать постоянно читала классическую русскую литературу – Достоевского, Тургенева, Толстого, Гончарова, а из иностранных авторов – Шекспира, Диккенса и Сервантеса.

Для Михаила Алпатова родная земля неразрывна с образом матери, а Мария Ивановна не просто связана с усадьбой, но есть как бы новая ее «реализация» (Е. Фарыно). «Сколько за это время разорилось владельцев из дворян, сколько было споров и доказательств с цифрами в руках, что пореформенное хозяйство совсем невозможно, а вот факт налицо – Мария Ивановна не только выкупила имение, а все подновила, покрасила, переложила, завела машины – сеялку, косилку, двухлемешные плуги, конные грабли, ввела четырехполье с посевом клевера, улучшила породу скота, смешав ярославку с симменталом, и – самое поразительное – своих сыновей определила в высшие учебные заведения». [5, 147-148]. Мать не мыслит себя без усадьбы, без земли. В споре с художником, безвозмездно раздавшим свои земли крестьянам, она заявляет:

«– У меня обязанности, я пять человек рашу, мне нельзя, как вам, отдать мужикам землю, я должна всю жизнь работать на банк, я должна беречь землю, а не бросать, я даже это и заслугой-то не считаю: отдать землю, а самому ходить». [5, 167]. Через материнскую природу получает герой и «себе запрет» на расточительство жизни, получает такой «инструмент», как «практический корректив», прилагая его к большинству жизненных ситуаций.

Образ усадьбы еще больше сливается с образом матери, когда малая родина мыслится в отдалении. Уездный город, место обучения в гимназии, согласно детскому сказочно-мифологическому восприятию, осознается героем как пространство чужое, враждебное: «Из окна своей комнаты у доброй немки Вильгельмины Шмоль Курьмушка видел, как гнедой Сокол долго поднимал мать на Чернослободскую гору и у кладбищенской березовой рощи, где выходит непременно старичок с колокольчиком, мать скрылась. Березки кладбищенской рощи уже стали желтеть, и это как-то сошлось с желтой холодной вечерней зарей, и желтая заря сошлась с желтобокой холодной антоновкой в крепкой росе; все свое, деревенское, встало неизъяснимо прекрасным и утраченным навсегда». [5, 61].

В этом пришвинский герой, несомненно, сходится с Алешей Арсеньевым: «Часто в то лето пугало предчувствие разлуки с матерью, с Олей, с Баскаковым и со всем родным гнездом, находил страх перед одинокой, неизвестной жизнью у каких-то чужих, городских людей, перед тем, что называется какой-то гимназией с ее строгими и беспощадными учителями в мундирах...». [2, 41]. Чужое пространство города противопоставляется своему, родному пространству усадьбы, пока Миша Алпатов и Алеша Арсеньев еще гимназисты; взрослея, герои включают в образ малой родины и уездный город, и всю елецкую округу.

При феноменологическом анализе места важнейшую роль играет аксиологический аспект. Отсюда особое внимание к формам авторского сознания, конституирующим и вербализирующим топографический образ. Важным представляется вопрос о «точке зрения», вопрос о том, «куда помещает себя описывающий»: «В зависимости от этого у него меняется взгляд на пространство и, соответственно, оценка пространства». [7, 8]. Е.Н. Эртнер в работе «Феноменология провинции в русской прозе конца XIX-начала XX века», анализируя «тюменские главы» «Кашеевой цепи», подчеркнет: «Писатель разделяет в своем повествовании переживание момента, эмоциональное впечатление (чаще всего в период детства) и его оценку, философское осмысление (как правило, взгляд с высоты времени)». [10, 137]. Оценить и полюбить родную хрущевскую усадьбу Алпатов сможет только после долгой разлуки с нею. Вернувшись из Сибири, герой не нанимает в городе извозчика: «Он пошел пешком, чтобы с родной землей поздороваться, и какая же, оказывается, прекрасная эта черная земля и как хорошо пахнет!» [5, 164].

Для Алпатова первична связь с природой, с землей, а не только с родным домом. Даже для маленького

Курьмушки «выход в природу» придает образам дома и усадьбы положительные коннотации: «Изредка в безлесных полях, как островок, показывалась усадьба с белыми каменными столбиками вместо ворот. Очень странно думалось, глядя на эти ворота: что, если заехать туда, будет казаться, будто много там всего и самое главное – там; а если выехать, то главное кажется тут, на большаке, этому конца нет, а усадьба – просто кучка деревьев. “Неужели и у нас так же?” – подумал Курьмушка, но отстранил эту неприятную мысль хорошей: “У нас лучше всех!”». [5, 162].

И пришвинский, и бунинский автобиографические герои природоцентричны. У Алпатова возвращение в природу происходит потому, что он полностью разочаровался в социуме, который обманул все его ожидания. У Арсеньева в целом любое переживание неотделимо от живого контакта с окружением. Алексей Арсеньев выскажет по этому поводу следующую мысль: «Нет никакой отдельной от нас природы, каждое малейшее движение воздуха есть движение нашей собственной жизни». [2, 191]. Эта сентенция как нельзя лучше отражает «выросшее» сознание Михаила Алпатова; убежав от людей, найдя приют на кусте можжевельника, герой наблюдает брачные игры тетеревов: «Поет и движется по кругу, как светила, как весь мир, и первосвященником проходит в святые ворота с приподнятой лирой, неся огненный цвет у самой земли. Все младшие делают, как Токовик, их отдельные серенады сливаются, и вот эта их хоровая песня во славу расцветающей от солнца земли далеко, за версты, наполняет души случайно не спящих людей тоской о настоящей родине в какой-то забытой стране.

«Вот оно что! – догадался человек, лежащий в кусту можжевельника.– Вот она где моя родина, я не один». И, затаив дыхание, стал при начинающем свете ближе и ближе все узнавать и открывать в забытой стране». [5, 442].

Обращаясь к творчеству Михаила Пришвина и Ивана Бунина в формате типологического сравнения феномена усадьбы, мы отдаем себе отчет в том, насколько различны эти авторы в своем художественном методе. Каждый из писателей передал собственное ощущение бытия родного края. У Бунина присутствует идиллическо-элегическая жанровая модальность, окрашенная отраднo-ностальгической грустью. Пришвин показал «другую» жизнь разорившейся помещицкой усадьбы, раскрыл новые возможности существования бывшего дворянского гнезда.

Но в целом можно заключить, что родная усадьба в художественно-автобиографическом дискурсе М.М. Пришвина и И.А. Бунина является частью феноменологического образа родного края. Авторский взгляд пронизывает место изнутри и снаружи, вблизи и издали, глазами ребенка и сознанием взрослого человека, что делает родную усадьбу интенциональным топосом. В обоих случаях мы можем говорить о феноменологическом образе усадьбы, так как оба художника выходят за границы тривиального осмысления места, сливая быт и бытие в онтологическом образе родной земли.

Примечания

1. См., например, работы: Климова Г.П. Творчество И.А.Бунина и М.М.Пришвина в контексте христианской культуры: автореф. дис... докт. филол. наук. Москва, 1993; Варламов А. «Двух соловьев поединок...» И. А. Бунин и М. М. Пришвин: точки сближения и разделения // Подъем. Воронеж, 2001, №5; Фенчук О. Елецкая гимназия в судьбе и художественном мире И.Бунина и М.Пришвина: реальность и миф// Елецкий креатив: жизнь и судьба учащихся и учителей Елецкой мужской гимназии. Елец, 2010; Борисова Н.В. Феномен инициации в автобиографическом дискурсе И.Бунина и М.Пришвина // И.А.Бунин и XXI век. Елец, 2011; Подоксенов А.М. Михаил Пришвин и Иван Бунин: мировоззренческий контекст жизненного и творческого пути (детские и гимназические годы)/ Подоксенов А.М. Художественный мир Михаила Пришвина в контексте мировоззренческого дискурса русской культуры XX века. Елец-Кострома, 2012 и др.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: «Художественная литература», 1972.
2. *Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева // Собр. соч.: В 6 т. М.: Сантакс, 1994. Т. 5.
3. *Мальцев Ю.В.* Бунин. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1994.
4. *Михайлов О.Н.* Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана... М.: Центрполиграф, 2002.
5. *Пришвин М.М.* Кашеева цепь // Собр. соч.: В 8 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2.
6. *Пришвин М.М.* Дневники. 1920-1922. Книга четвертая. М.: Московский рабочий, 1995.
7. *Русская провинция: миф – текст – реальность.* М.; СПб.: Тема, 2000.
8. *Чеснов Я.В.* Лекции по исторической этнологии. М.: Гардарики, 1998.
9. *Шукин В.Г.* Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2007.
10. *Эртнер Е.Н.* Феноменология провинции в русской прозе конца XIX-начала XX века. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005.

References

1. *Bakhtin M.M.* Problems of Dostoevsky's poetics. M: "Fiction", 1972.
  2. *Bunin I.A.* Life Arsenyev // SOBR. cit.: 6 so M: Syntax, 1994. Vol. 5
  3. *Maltsev J.V.* Bunin. Frankfurt am main: Culture, 1994.
  4. *Mikhailov O.* Life Bunin. Only the word of life... M: aspect-press, 2002.
  5. *Prishvin M.M.* Kasheeva chain // SOBR. cit.: 8 so - M: Fiction, 1982. Vol. 2
  6. *Prishvin M.M.* Diaries. 1920-1922. Book four. M: Moscow worker, 1995.
  7. *Russian province: myth - text - reality.* M; SPb.: Topic, 2000.
  8. *Chesnov A.V.* Lectures on historical Ethnology. M: Gardarika, 1998.
  9. *Shchukin V.G.* Russian genius of enlightenment. Research in the field of mythopoetic and the history of ideas. M: "Russian political encyclopedia", 2007.
  10. *Ertner E.N.* Phenomenology province in the Russian prose of the end of XIX-beginning of XX century. Tyumen: Publishing house of Tyumen. state University, 2005.
-

УДК 81'271.1

UDC 81'271.1

С.С. ЦЕНГЕР

аспирант, кафедра французского языкознания,
Московский государственный университет им.
М.В. Ломоносова
E-mail : s.zenger@yandex.ru

S.S. ZENGER

Graduate student, Department of French Philology,
Moscow State University named after M.V. Lomonosov
E-mail : s.zenger@yandex.ru

**СЕМАНТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ КОНТАКТЕ
ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
С ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫМИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ФОРМАНТАМИ)**

**SEMANTIC-MORPHOLOGICAL TYPE OF LANGUAGE INTERFERENCE IN FRENCH-RUSSIAN LANGUAGE
CONTACT (FRENCH AND RUSSIAN NOUNS WITH INTERNATIONAL DERIVATIONAL AFFIXES)**

Лексическая интерференция при языковом контакте является причиной возникновения ошибочной аналогии с родным языком. Появляются «ложные друзья переводчика», которые подразделяются современными лингвистами на семантический и морфологический типы. Данное исследование, посвященное выявлению и предотвращению интерференционной морфологической ошибки при контакте французского и русского языков, позволило выявить и описать новый семантико-морфологический тип лексической интерференции.

Ключевые слова: языковая норма, ошибка, аналогия, семантико-морфологическая интерференция, «ложные друзья переводчика».

Lexical interference in language contact is one of the origins of false analogy with the native language. That makes appear «translator's false friends» which can be of semantic or morphological type according to modern linguists. The present study, that aims discerning and preventing interference morphological error in French-Russian language contact, has enabled revealing and describing a new type of semantic-morphological interference.

Keywords: language norm, error, analogy, semantic-morphological interference, «translator's false friends».

В проведенном исследовании под лингвистической интерференцией понимается неудачно осуществленное переключение с одного языкового кода на другой, вследствие чего происходит «вторжение <...> норм одной системы в пределы другой» [4, 27]. Из всех уровней языка, на которых действует механизм лингвистической интерференции, особого внимания заслуживает лексический, так как именно лексическая интерференционная ошибка особенно часто встречается в преподавательской и переводческой практике.

В настоящее время принято выделять два основных типа межязыковой лексической интерференции: семантическую и морфологическую.

В результате действия механизма межязыковой семантической интерференции появляются так называемые «ложные друзья переводчика»: фр. *famille* означает *семья*, а не *фамилия*; фр. *canicule* означает *жара*, а не как *каникулы*; рус. *журнал* переводится как *magazine*, а не *journal*; рус. *бокал* переводится как *coupe* или *flûte*, а не как *bocal* и мн. др. И.Н. Кузнецова следующим образом объясняет данное явление: «Сущность межязыкового интерференционного процесса заключается в переносе формального подобия коррелятивных слов двух контактных языков на их содержательные отношения, которое приводит к нарушению межязыкового нормативного соответствия» [8, 28-29].

Явление «ложных друзей переводчика» неодно-

кратно отмечалось и подробно описывалось в лингвистической литературе: М. Кесслер и Ж. Дерокиньи [17], Ф. Алин [15], М. Баллар и К. Векстин [16], М. Маршето и Л. Даан [20], К. Ривьер [21], А. Яла [22], В. В. Акуленко [1] и [2], К.Г. М. Готлиб [5], В.Л. Муравьев [10] и мн. др.

Морфологическая межязыковая лексическая интерференция при контакте французского и русского языка впервые была исследована В.Л. Муравьевым [11], Ж.-Ж. Римассоном [12], И.Н. Кузнецовой [8], Е.Ю. Анисимовой [3] и С.С. Савиной [13]. Морфологическое интерференционное смешение «теоретически представляется возмож[ым] во всех случаях несовпадения конечных формантов интернационального характера в структурно сходных коррелятах контактных языков» [8: 37]: *exportation // экспорт, rachitisme // рахит, raffinage // рафинация, spéculateur // спекулянт, appareillage // аппаратура* и мн. др.

Действие интерференционного механизма морфологического смешения заключается в том, что носитель языка-источника по аналогии с родным языком образует в контактном языке корреляты по продуктивной модели интернационального типа, но эти слова оказываются ошибочными и излишними, поскольку в контактном языке уже существуют другие лексемы с таким же значением, но с другим словообразовательным формантом.

Семантическая интерференция противопоставляет-

ся морфологической. В первом случае основой ошибочного семантического отождествления коррелятов двух языков служит их формальное сходство. Во втором случае основой ошибочного формального отождествления служит сходство семантического наполнения коррелятивных слов.

Случаи, потенциально способные вызвать морфологическую интерференционную ошибку по аналогии, можно выявить при помощи проведения словарного эксперимента, состоящего в последовательном сопоставлении пар коррелятивных слов двух языков с целью обнаружения формального несоответствия. Данная методика была разработана и был проведен первый словарный эксперимент, в котором анализировался корпус французских и русских существительных, включающих в состав словообразовательный суффикс *-iste / -ист* (1'240 сл. ед.) [8]. Второй аналогичный эксперимент был посвящен анализу корпуса французских и русских существительных с суффиксами *-age / -аж* (905 сл. ед.) [3]. Корпуса французско-русских слов, составленные для каждого из оставшихся пяти основных интернациональных деривационных коррелятивных формантов (*-eur / -ор, -isme / -изм, -ite / -ит, -tion / -ция, -ure / -ур(a)*), были проанализированы аналогичным образом автором данной статьи. Общий корпус эксперимента по выявлению потенциальной морфологической интерференции для всех семи коррелятивных суффиксов составил **11'275** сл. ед.¹

Одно из самых важных наблюдений, сделанных автором настоящей публикации в ходе проведения словарного эксперимента, заключается в том, что механизмы семантического и морфологического типов лексической интерференции не являются взаимоисключающими: они могут действовать одновременно. Это означает, что в некоторых парах коррелятивных слов французского и русского языков при контакте может возникать одновременно и семантическая, и морфологическая ошибки по аналогии с родным языком.

Далее приводится краткое описание всех экспериментально выявленных случаев потенциально возможной морфологической интерференции.

Так как действие механизма образования морфемных интерферентов может быть однонаправленным (перенос неправильной формы возможен только с французского языка на русский или только с русского – на французский) или двунаправленным (возможно одновременное перенесение неправильной французской словоформы в русский язык и неправильной русской словоформы – во французский), выделяются следующие случаи:

1. Однонаправленная интерференция:

а. с французского языка на русский:

i. морфемные интерференты:

christianisme // *христианство*

Оба коррелята имеют корень интернационального характера при наличии разных суффиксов, что может послужить причиной их смешения при контакте французского и русского языков. Гипотетическая интерференция является однонаправленной, так как

перенос русского коррелята во французский язык невозможен в силу наличия неинтернационального суффикса.

Ошибочное интерференционное образование в русском языке: *христианизм.

Оба слова коррелятивной пары обладают сходной семантикой:

christianisme означает «Religion fondée sur l'enseignement, la personne et la vie de Jésus-Christ²» [19];

христианство означает «Одна из наиболее распространенных религий мира. ->энц. Религия возникла во второй половине 1 в. нашей эры в восточных провинциях Римской империи первоначально в среде евреев (в основе её лежит вера в Иисуса Христа как богочеловека, сошедшего на землю и принявшего страдания ради спасения человечества)» [7].

nickelure (nickelage) // *никелировка, никелирование*

Оба коррелята имеют корень интернационального характера при наличии разных суффиксов, что может послужить причиной их смешения при контакте французского и русского языков. Гипотетическая интерференция является однонаправленной, так как перенос русского коррелята во французский язык невозможен в силу наличия неинтернационального суффикса.

Ошибочные интерференционные образования: в русском языке *никелюра и *никеляж.

Данные коррелятивные слова обладают сходной семантикой:

nickelure означает «Techn. Technique par laquelle on nickelle les métaux : résultat du nickelage³» [18];

nickelage означает «Dépôt d'une couche de nickel sur un métal oxydable pour le préserver de l'oxydation⁴» [19];

никелировка означает «1. к Никелировать, 2. Слои никеля, покрывающий металлическое изделие» [7].

ii. морфемные и семантические интерференты:

autoritarisme – *авторитарность*

Оба коррелята имеют корень интернационального характера при наличии разных суффиксов, что может послужить причиной их смешения при контакте французского и русского языков. Гипотетическая интерференция является однонаправленной, так как перенос русского коррелята во французский язык невозможен в силу наличия неинтернационального суффикса.

Слова данной коррелятивной пары не обладают сходной семантикой:

autoritarisme означает: А. «Caractère d'un régime politique, d'un gouvernement autoritaire⁵» и В. «Caractère, comportement d'une personne autoritaire⁶» [19];

авторитаризм существует в русском языке в значении: «Система правления, опирающаяся на диктаторский режим, характеризующаяся авторитарной властью» [6];

авторитарность означает: «отвлеч. сущ. по прил. авторитарный (1. Характеризующийся беспрекос-

ловным подчинением власти одного лица; диктаторский. 2. Стремящийся утвердить свою власть, свое влияние, требующий беспрекословного подчинения» [6].

Французское слово имеет значения: А 'политическая система' и В 'качество'. В значении А ему соответствует русское слово «авторитаризм», а в значении В «авторитарность». Именно значение В может спровоцировать морфологическую ошибку по аналогии.

Пара слов *autoritarisme* // *авторитаризм* потенциально способна вызвать семантическую интерференцию, а пара *autoritarisme* // *авторитарность* – морфологическую и семантическую.

provocation // *провокация, провоцирование*

Оба коррелята имеют корень интернационального характера при наличии разных суффиксов, что может послужить причиной их смешения при контакте французского и русского языков. Гипотетическая интерференция является однонаправленной, так как перенос русского коррелята (*провоцирование*) во французский язык невозможен в силу наличия неинтернационального суффикса.

Слова данной коррелятивной пары не обладают сходной семантикой:

provocation означает: «1. Action de provoquer, d'inciter (qqn) à (qqch.) 2. Le fait d'être provoqué. 3. Ce qui provoque; parole qui provoque» [19];

провокация означает «1. Агрессивные действия с целью вызвать военный конфликт. 2. Предательское поведение, подстрекательство кого-л. к действиям, которые могут повлечь за собой тяжёлые для него последствия. 3. чего. Мед. Искусственное возбуждение, усиление каких-л. явлений, признаков болезни» [7]; *провоцирование* означает «процесс действия по несов. гл. провоцировать» [6].

Пара коррелятов *provocation* // *провокация* потенциально способна вызвать семантическую интерференцию при контакте французского и русского языков, а пара *provocation* // *провоцирование* – морфологическую и семантическую.

б. с русского языка на французский:

i. морфемные интерференты:

гомосексуализм // *homosexualité*

Оба коррелята имеют основу интернационального характера при наличии разных суффиксов, что может послужить причиной их смешения при контакте французского и русского языков. Гипотетическая интерференция является однонаправленной, так как перенос французского коррелята в русский язык невозможен в силу наличия неинтернационального суффикса.

Ошибочное интерференционное образование во французском языке: **homosexualisme*⁸.

Оба слова коррелятивной пары обладают сходной семантикой:

гомосексуализм означает: «Разновидность полового отклонения, проявляющаяся в удовлетворе-

нии чувственной страсти с лицами своего же пола // Половые отношения между мужчинами; половое влечение мужчины к мужчине» [7];

homosexualité означает «Tendance, conduite des homosexuels» [19].

клавиатура // *clavier*

Оба коррелята имеют основу интернационального характера при наличии разных суффиксов, что может послужить причиной их смешения при контакте французского и русского языков. Гипотетическая интерференция является однонаправленной, так как перенос французского коррелята в русский язык невозможен в силу наличия неинтернационального суффикса.

Ошибочное интерференционное образование во французском языке: **claviature*.

Оба слова коррелятивной пары обладают сходной семантикой:

клавиатура означает: «1. Система, совокупность клавиш. 2. Устройство, позволяющее вводить информацию в компьютер» [7];

clavier означает «1. Ensemble des touches de certains instruments de musique (piano, clavecin, orgue, harmonium, certains accordéons, synthétiseurs, etc.), sur lesquelles on appuie les doigts pour obtenir les sons. 2. Dispositif à touches alphanumériques disposées sur plusieurs rangées, permettant d'actionner un appareil¹⁰» [19].

ii. морфемные и семантические интерференты:

аспирантура – *cycle d'études préparant à la soutenance de la thèse de candidat*¹¹

Русское слово имеет основу и суффикс интернационального характера, что может послужить причиной возникновения ошибочной аналогии во французском языке. Гипотетическая интерференция является однонаправленной, так как французский перевод русского слова является описательным, что исключает его перенос в русский язык.

Ошибочное интерференционное образование во французском языке: **aspiranture*.

Русское слово *аспирантура* означает: «Система подготовки профессорско-преподавательских и научных кадров при высших учебных заведениях или научно-исследовательских институтах, результатом которой является защита диссертации и присвоение учёной степени кандидата наук» [7]. Французская академическая система отличается от русской, и русское понятие аспирантуры во франкоязычном пространстве на сегодняшний день соответствует фр. *doctorat*.

докторантура – *cycle d'études préparant à la soutenance de la thèse de docteur*¹²

Русское слово имеет основу и суффикс интернационального характера, что может послужить причиной возникновения ошибочной аналогии во французском языке. Гипотетическая интерференция является однонаправленной, так как французский перевод русского слова является описательным, что исключает его перенос в русский язык.

Ошибочное интерференционное образование во французском языке: *doctoranture.

Русское слово *докторантура* означает: «Подготовка научных работников к защите докторской диссертации; система такой подготовки» [7]. Французская академическая система отличается от русской, и такая реалья во франкоязычном пространстве отсутствует. Переводной словарь предлагает описательный способ перевода.

3. Двухнаправленная интерференция:

а. морфемные интерференты:

dodécaphonisme // *додэкафония*

Оба коррелята имеют основы (одинаковые) и суффиксы (разные) интернационального характера, что может послужить причиной их смешения при контакте французского и русского языков. Гипотетическая интерференция является двухнаправленной, так как перенос возможен как с французского языка на русский, так и наоборот.

Ошибочное интерференционное образование во французском языке: *dodécaphonie, в русском: *додэкафонизм.

Оба слова коррелятивной пары обладают сходной семантикой:

dodécaphonisme означает «Mus. Méthode de composition fondée sur l'organisation systématique des douze sons de l'échelle chromatique¹³» [19];

додэкафония означает «Муз. Метод музыкальной композиции, основанный на утверждении абсолютного равенства двенадцати тонов хроматической гаммы и отрицании ладовых связей» [7].

programmeur // *программист*

Оба коррелята имеют основы (одинаковые) и суффиксы (разные) интернационального характера, что может послужить причиной их смешения при контакте французского и русского языков. Гипотетическая интерференция является двухнаправленной, так как перенос возможен как с французского языка на русский, так и наоборот.

Ошибочное интерференционное образование во французском языке: *programmiste, в русском: *программёр.

Оба слова коррелятивной пары обладают сходной семантикой:

programmeur означает «Spécialiste qui établit le programme d'un calculateur électronique, d'un ordinateur¹⁴» [19];

программист означает «Специалист, занимающийся программированием компьютерных программ» [7].

б. морфемные и семантические интерференты:

abréviation // *аббревиатура*

Оба коррелята имеют основы (одинаковые) и суффиксы (разные) интернационального характера, что может послужить причиной их смешения при контакте французского и русского языков. Гипотетическая интерференция является двухнаправленной, так как перенос возможен как с французского языка на русский, так и наоборот.

Ошибочное интерференционное образование во французском языке: *abréviation, в русском: **аббревиация*¹⁵.

Слова данной коррелятивной пары не обладают сходной семантикой:

abréviation означает «1. Vieux Abrègement (de temps). 2. Retranchement de lettres dans un mot, de mots dans une phrase pour écrire plus vite ou prendre moins de place. Mot écrit en abrégé. 3. Par extension Expression, mot abrégé à l'oral¹⁶» [19];

аббревиатура означает «1. Сложносокращённое слово, образованное из начальных букв или слогов какого-л. словосочетания. 2. Условное сокращение слов или слова» [7].

Французское слово может переводиться как *сокращение* (в т. ч. как процесс), *аббревиатура* (в т. ч. как прием: *аббревиация*¹⁷). Русское слово будет переводиться как *sigle*, *abréviation*. При переносе в контактный язык эти слова могут спровоцировать семантическую и/или морфологическую ошибку, которая уже много раз была зафиксирована в реальной речевой практике.

chiffreur // *шифратор*

Оба коррелята имеют основы (одинаковые) и суффиксы (разные) интернационального характера, что может послужить причиной их смешения при контакте французского и русского языков. Гипотетическая интерференция является двухнаправленной, так как перенос возможен как с французского языка на русский, так и наоборот.

Ошибочное интерференционное образование во французском языке: *chiffreur, в русском: *шифрёр.

Слова данной коррелятивной пары не обладают сходной семантикой:

chiffreur означает: «1. Personne qui note, transcrit en chiffres. 2. Employé du chiffre qui fait le chiffrement¹⁸» [19];

шифратор означает «Устройство для кодирования сигналов связи, телемеханики, радиолокации и т.п.» [7].

Главным итогом проведенного в полном объеме словарного эксперимента по выявлению французских и русских слов, гипотетически способных вызвать морфологическую интерференционную ошибку, стало не только составление корпуса этих слов, но и обнаружение нового типа семантико-морфологической интерференции, которая ранее не была описана в работах предшественников, подробно занимавшихся этим вопросом.

Гипотетическая морфологическая (и семантико-морфологическая) интерференция в суммарном итоге всего словарного эксперимента составила 14,3%. То есть 1612 сл. ед. из 11'275 потенциально способны спровоцировать морфологическую интерференционную ошибку по аналогии с родным французским или русским языком. Такое количество потенциальных интерферентов является относительно небольшим по сравнению с общим корпусом проведенного эксперимента.

Так как речь идет об ошибке, регулярно возникающей в речевой практике, представляется целесообразным подробно описать эти слова в соответствующих справочных пособиях, чтобы успешно предотвращать этот род ошибки в речи тех, кому особенно важно следить за соблюдением языковой нормы иностранного языка.

Примечания

1. Первоначально было отобрано 12'463 сл. ед., но из них 1'188 сл. ед. были исключены впоследствии, т.к. исследуемые форманты в них отсутствовали (например: *bonheur; cœur; prisme; акация, север, хор, щит и т. д.*).
2. Религия, основанная на учении, на личности и на жизни Иисуса Христа.
3. Техника никелирования металлов: результат никелировки.
4. Нанесение слоя никеля на способный окисляться металл, чтобы предотвратить окисление.
5. Тип политического режима, авторитарного правительства.
6. Характер, поведение авторитарной личности.
7. 1. Действие провоцирования, побуждения к.-л. к ч.-л. 2. сущ. от быть спровоцированным. 3. То, что провоцирует; провоцирующие слова.
8. Высокая вероятность появления данной ошибки подтверждается и тем фактом, что образование **homosexualisme* фигурирует и в «Большом русско-французском словаре» [14].
9. Склонности, поведение гомосексуалистов.
10. 1. Совокупность клавиш некоторых музыкальных инструментов (пианино, клавишин, орган, фисгармония, некоторые аккордеоны, синтезаторы и т. д.), на которые нажимают пальцами, чтобы получить звуки. 2. Прибор с буквенно-цифровыми клавишами, расположенными в несколько рядов, позволяющими приводить в действие прибор.
11. Переводной эквивалент приводится по «Большому русско-французскому словарю» [14].
12. Переводной эквивалент приводится по «Большому русско-французскому словарю» [14].
13. Муз. Метод композиции, основанный на системной организации двенадцати тонов хроматической гаммы.
14. Специалист, который разрабатывает программу электронной вычислительной машины, компьютера.
15. Данное слово существует в русском языке, но в значении «образование аббревиатур и усечение слов как способ словообразования (в лингвистике)» [6].
16. 1. устар. Ограничение времени. 2. Отсекание букв в слове, слов во фразе, чтобы писать быстрее или занимать меньше места. Слово, записанное кратко. 3. расширит. Выражение, слово, сокращенное в устной речи.
17. Пара слов *abréviation // аббревиация* являются формальными коррелятами и семантическими интерферентами.
18. 1. Человек, который записывает, переводит в цифры. 2. Рабочий шифровального отделения, который занимается шифрованием.

Библиографический список

1. Акуленко В.В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1972.
2. Акуленко В.В. Предисловие и послесловие к англо-русскому и русско-английскому словарю «ложных друзей переводчика». М.: Советская энциклопедия, 1969.
3. Анисимова Е.Ю. Морфологическая интерференция при контакте французского и русского языков (на материале существительных с суффиксами *-age / -аж*) В кн.: Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения: Доклады студентов и аспирантов филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 180-188.
4. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. В кн: В. Ю. Розенцвейг (ред.) Новое в лингвистике. Вып. VI Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С. 25-61.
5. Готлиб К.Г.М. Предисловие и послесловие к русско-немецкому и немецко-русскому словарю «ложных друзей переводчика». М.: Русский язык, 1985.
6. Ефремова Т.Ф. (ред.) Современный толковый словарь русского языка, 2000 : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 19.05.2014).
7. Кузнецов С.А. (ред.) Большой толковый словарь русского языка : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/> (дата обращения: 19.05.2014).
8. Кузнецова И. Н. Теория лексической интерференции. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1998.
9. Кузнецова И. Н. О лексическом смещении, или интерференции // Вестник Московского университета. Серия 9 Филология, №4, М.: Изд-во МГУ, 2005. С. 55-64.
10. Муравьев В. Л. *Faux amis*, или «ложные друзья» переводчика. М.: Просвещение, 1969.
11. Мурвьев В. Л. Лексические лакуны (на материале французского и русского языков). Владимир: Влад. пед. ин-т, 1975.
12. Муравьев В. Л., Римассон Ж.-Ж. Пособие по преодолению типичных ошибок студентов во французском языке. Владимир: Влад. пед. ин-т, 1974.
13. Савина С. С. Особенности лексической интерференции при контакте французского и русского языков // Вестник ПСТГУ, III: Филология, Вып. 2 (24), М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. С. 53–59.
14. Щерба Л. В., Матусевич М. И., Воронцова Т. П. (ред.) Большой русско-французский словарь, М.: Русский язык - Медиа, 2004.
15. Allinne F. *Les faux amis de l'anglais*. Paris: Belin, 1999.
16. Ballard M., Wecksteen C. *Les faux amis en anglais*. Paris: Ellipses, 2005.
17. Koessler M., Derocquigny J. *Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais. Conseils aux traducteurs*. Paris: Vuibert, 1928.

18. Le Grand Robert de la langue française : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gr.bvdep.com/> (дата обращения: 19.05.2014).
19. Le Petit Robert de la langue française : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pr.bvdep.com/> (дата обращения: 19.05.2014).
20. *Marcheteau M., Dahan L.* Vrais et faux amis en anglais. Paris: Pocket, 2009.
21. *Rivière C.* Un air de famille, les faux amis français-anglais. Paris: Ophrys, 2003.
22. *Yala A.* Les faux amis en anglais. Levallois-Perret: Studyrama, 2008.

References

1. *Akulenko V. V.* Questions of internationalization of language vocabulary. Kharkiv: ed. of University of Kharkiv, 1972.
2. *Akulenko V. V.* Foreword and afterword to English-Russian and Russian-English dictionary of “translator’s false friends”. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1969.
3. *Anisimova E. U.* Morphological interference in French-Russian language contact (nouns with suffixes -age / -аж). In: Important problems of philological science: View of a new generation: Reports of students and postgraduate students of philological department of Moscow State University. Vol. 2. Moscow: MAKS Press, 2007. Pp. 180-188.
4. *Weinreich. U.* Monolingualism and plurilingualism. In : V. U. Rosenzweig (ed.) New in linguistics. Vol. VI Language contacts. Moscow : Progress, 1972. Pp. 25-61.
5. *Gottlieb K. G. M.* Foreword and afterword to Russian-German and German-Russian dictionary of “translator’s false friends”. Moscow: Russian language, 1985.
6. *Efremova T. F.* (ed.) Modern thesaurus of Russian language, 2000: [Electronic resource]. – On-line access: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (consultation date: 19.05.2014).
7. *Kuznetsov S. A.* (ed.) Great Russian thesaurus. [Electronic resource]. – On-line access: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/> (consultation date: 19.05.2014).
8. *Kuznetsova I. N.* Theory of lexical interference. Author’s abstract of dissertation ... Doctor of philological science. Moscow, 1998.
9. *Kuznetsova I. N.* About lexical confusion or interference // Herald of Moscow State University. Series 9 Philology, No 4, Moscow : Edition of MSU, 2005. Pp. 55-64.
10. *Muraviev V. L.* Faux amis or “translator’s false friends” Moscow: Prosveshenie, 1969.
11. *Muraviev V. L.* Lexical gaps (French and Russian). Vladimir: Vladimir pedagogical institute, 1975.
12. *Muraviev V. L., Rimasson J.-J.* Manual for overcoming of typical errors of students in French. Vladimir: Vladimir pedagogical institute, 1974.
13. *Savina S. S.* Characteristic features of lexical interference in Russian-French language contact // Herald of PSTGU, III: Philology, Vol. 2 (24), Moscow: ed. PSTGU, 2011. Pp. 53-59.
14. *Scherba L. V., Matusevitch M. I., Vorontsova T. P.* (ed.) Great Russian-French dictionary, Moscow: Russian language – Media, 2004.
15. *Allinne F.* Translator’s false friends in English. Paris: Belin, 1999.
16. *Ballard M., Wecksteen C.* English translator’s false friends. Paris: Ellipses, 2005.
17. *Koessler M., Deroquigny J.* Translator’s false friends or betrayals of english vocabulary. Advices for translators. Paris: Vuibert, 1928.
18. Le Grand Robert, French dictionary : [Electronic resource]. – On-line access: <http://gr.bvdep.com/> (consultation date: 19.05.2014).
19. Le Petit Robert, French dictionary : [Electronic resource]. – On-line access: <http://pr.bvdep.com/> (consultation date: 19.05.2014).
20. *Marcheteau M., Dahan L.* True and false translator’s friends in English. Paris: Pocket, 2009.
21. *Rivière C.* Family likeness, French-English false friends. Paris: Ophrys, 2003.
22. *Yala A.* False friends in English. Levallois-Perret: Studyrama, 2008.

УДК 821.161.1 – 1

UDC 821.161.1 – 1

А.А. ЧЕВТАЕВ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и литературы, Государственная полярная академия
E-mail: achevtaev@yandex.ru

A.A. CHEVTAEV

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, State Polar Academy
E-mail: achevtaev@yandex.ru

**ЭЛЕГИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА В «БАЛЛАДНОМ» НАРРАТИВЕ Н. ГУМИЛЕВА
(О СТИХОТВОРЕНИИ «ОДЕРЖИМЫЙ»)**

ELEGIAC POETICS IN “BALLAD” NARRATIVE BY N. GUMILEV (ON THE POEM “THE POSSESSED”)

В статье рассматривается вопрос о взаимодействии балладного и элегического начал в поэзии Н. Гумилева. Анализ гумилевского стихотворения «Одержимый» (1908) показывает, что в основе нарративной организации данного текста лежит «балладный» принцип сюжетного строения, соотносимый с идеализацией мифологического и индивидуального прошлого. Результатом такого соотношения становится реализация элегической поэтики в структуре «балладного» нарратива, маркирующая многомерность самоактуализации лирического «я» в художественном универсуме.

Ключевые слова: баллада, лирический нарратив, лирический субъект, Н. Гумилев, сюжет, элегическая модальность.

The issue of interaction between ballad and elegiac indications in the poetry by N. Gumilev is examined in the present article. The Analysis of Gumilevian poem “The Possessed” (1908) exposes that “ballad” principle of a plot construction, correlated with idealization of mythological and individual the past, lies in the basis of narrative organization of this text. Realization of elegiac poetics in the structure of “ballad” narrative, marked multidimensionality of autoactualization of lyrical “the self” in the artistic universe, becomes the result of such a correlation.

Keywords: ballad, lyrical narrative, lyrical subject, N. Gumilev, plot, elegiac modality.

Конструирование художественного универсума в ранней поэтике Николая Гумилева определяется, прежде всего, принципиальным движением к сотворению собственного мифа, через который вскрываются онтологические основы личного поэтического существования в контексте первозданной действительности. Такое мифотворчество в гумилевском творчестве 1900-х годов реализуется посредством обращения к универсальным бытийным ситуациям, объединяемым исключительным статусом человеческого «я». Герои-маски, в которых воплощает себя лирический субъект, при всей своей разнородности, обладают единым качеством – возможностью преобразования реальности (или, по крайней мере, жадной преобразования) путем некоего сакрального действия (воинского подвига, странствия, любовного, магического или творческого акта). Укорененность героя в поступок обуславливает в поэзии Н. Гумилева отчетливое смещение лирического высказывания к нарративному полюсу текстового строения, предполагающему событийное развертывание «я» в моделируемом мире.

Повествовательный и, соответственно, лироэпический характер гумилевской поэзии, как правило, связывается с переосмыслением жанровой модели баллады. Как отмечено Ю.Н. Верховским, магистральными принципами организации поэтического высказывания в раннем творчестве Н. Гумилева являются «объекти-

зация, проецирование личного мотива во вне, отсюда предпочтение лироэпических форм, условно балладного склада» [6, с. 507]. Безусловно, в целом ряде стихотворений поэта, вошедших в его первые книги стихов «Путь конквистадоров» (1905), «Романтические цветы» (1908) и «Жемчуга» (1910), обнаруживаются инвариантные жанровые черты баллады, «связанные с тематикой (чудесное, загадочное происшествие), способом восприятия (простота, наивность), композицией (концентричное действие, представленное эскизно в главных, повторяющихся фабулярных моментах, лиризованное повествование часто с диалогическими вставками), типичностью поэтических средств (эпитеты, сравнения, параллелизмы, повторения и т.п.)» [19, с. 42]. Ориентированность гумилевской поэтики на модель балладного жанра объясняется, с одной стороны, следованием неоромантическим и символистским установкам и, глубже, осмыслению эстетических принципов французских «парнасцев» и романтической традиции XIX века, с другой – необходимостью динамической презентации «я» в событийном ряду исключительного порядка.

Вместе с тем, жанровые позиции баллады в художественной системе Н. Гумилева оказываются весьма неоднозначными. Конечно, «балладность» его стихотворений нередко выходит на первый план восприятия текстовой структуры, как, например, в «Песне

о певце и короле» (1905), «Маскараде» (1907) или «Поединке» (1909). Однако в творческом сознании поэта данный жанр начинает серьезно трансформироваться, отклоняясь от канонического инварианта. В этом смысле Ю.Н. Верховский совершенно справедливо обозначил повествовательные формы гумилевской лирики как «условно балладные». Такая условность «балладизации» текста вскрывает некоторую нетождественность гумилевских поэтических нарративов классическому балладному повествованию. Так, по мнению Л.Я. Бобрицких, изменение традиционной сюжетно-композиционной организации баллады у Н. Гумилева связано с «усилением лирического начала» и акцентированием «психологизма, а порой и мелодраматизма» [2, с. 259]. Лирическое и эпическое начала синтезируются таким образом, что в центр повествовательного развертывания текста помещается ментальная событийность лирического субъекта, его маски или объективированного героя. Соответственно, наррация здесь получает именно лирический характер, при котором сюжетно-фабульный ряд событий взаимообусловлен субъектной или персональной «точкой зрения».

Здесь встает вопрос: в каком именно направлении происходит трансформация «балладного» нарратива в ранней поэтике Н. Гумилева? Как известно, начиная с XIX века, в европейском литературном самосознании происходит распад жанрового мышления, ведущий к деканонизации жестких художественных форм. Смена риторической парадигмы, в рамках которой развивалась предшествующая словесность, индивидуально-авторским вектором миромоделирования кардинально переориентирует функции жанра. В эпоху художественной модальности, как указывает С.Н. Бройтман, на место канона заступает «лично-родовой» принцип организации художественного целого, и «в результате переориентации *неканонический жанр* обретает новый облик. Его конститутивными чертами становятся: *жанровая модальность* (он – отношения между жанрами), *стилистическая трехмерность* (он – “образ жанра”) и *внутренняя мера* (заменившая собой жанровый канон)» [4, с. 363]. Представляется, что именно размытие жанровых границ и синтез ранее разнородных структурно-семантических признаков организации текста в пределах одного произведения, обуславливаемые авторским видением мира, находятся в основе «балладной» деканонизации лирического нарратива в поэзии Н. Гумилева.

Естественно предположить, что в гумилевском творчестве можно обнаружить множество вариантов подобного распада жанрового канона баллады и, соответственно, путей формирования индивидуальной «внутренней меры» текстового целого. Нам же представляется, что в ранней поэтике Н. Гумилева одним из магистральных принципов «переплавки» балладной структуры в особый лирический нарратив является актуализация элегической модальности, эксплицируемой в ментальном и сюжетно-фабульном самополагании субъектного и / или персонального «я». Отметим, что вопрос об элегическом характере творчества поэта в

гумилевоведении практически не поднимается, что объяснимо внешней ориентированностью его стихотворений на событийно-действенную репрезентацию героя. Вместе с тем, в большинстве произведений Н. Гумилева 1900-х гг., как указывает М.В. Смелова, акцентировано «прошлое время, время великих свершений, которые заново переживаются, переосмысливаются; точнее – это время “древних сказаний”, перенесенных силой поэтического воображения в настоящее; и это время вытесняет время реальное в ту же область легендарного, где все времена как бы существуют синхронно, одновременно» [12, с. 39]. Такая абсолютизация прошлого, при несомненной разомкнутости в героизированный мифологизм, продуцирует определенный элегизм субъектного отношения к деяниям былого, а точнее – через них к собственному «я» в координатах настоящего.

Конечно, жанр элегии (и шире – элегическая модальность) – явление многомерное и диахронически изменчивое, включающее в себя множество жанровых типов, по-разному реализуемых в том или ином историко-литературном контексте [5; 9; 16]. Однако, как справедливо констатирует В.И. Козлов, «во всех элегиях мы в том или ином виде имеем настоящее в ценностном свете прошлого» [9, с. 20]. Именно повышенный аксиологический статус былого, определяющий элегическую картину мира, обнаруживается в «балладном» нарративе Н. Гумилева в качестве магистрального вектора смыслообразования.

Такой принцип проникновения элегической поэтики в структурно-семантическую модель баллады становится основой композиционного строения стихотворения «Одержимый», написанного поэтом в 1908 году и включенным в состав его третьей книги стихов «Жемчуга». Данный текст вызывает интерес прежде всего в аспекте репрезентации субъектного «я» в изображаемом универсуме, которая концептуализирует онтологические представления Н. Гумилева и эксплицирует ключевые параметры его индивидуального мифотворчества.

Итак, в 1-й строфе стихотворения лирический субъект индексирует настоящий момент восприятия изображаемого мира и сопряженное с ним собственное эмоциональное состояние:

Луна плывет, как круглый щит
Давно убитого героя,
А сердце ноет и стучит,
Уныло чужа роковое [7, с. 178].

Как видно, в высказывании акцентируется рефлексивная причастность героическому прошлому, озаменованному гибелью некоего воина («<...> как круглый щит / Давно убитого героя») и обладающему ценностным смыслом для лирического «я», эксплицирующим себя посредством метонимического субститута – «сердце». Семантически здесь сталкиваются два темпоральных плана: былое и настоящее, причем это соотношение, с одной стороны, маркирует сюжетно-фабульную непроясненность ситуации (прошлое сопря-

жено с «чужим» «я» (павшим воином), настоящее – с микрокосмом лирического субъекта), а с другой – явно обнаруживает их психологическую связность (давняя смерть вызывает скорбное предчувствие).

Именно в этой, начальной, строфе задается вектор дальнейшего нарративного развертывания сюжета. Прежде всего, соединение на синтагматической оси текста пейзажной детали «луна» и мотива гибели в лунарной символике продуцирует мифопоэтическое значение: «переход от жизни к смерти и от смерти вновь к жизни» [13, с. 204-205], тем самым обозначая границу между миром мертвых (прошлым) и миром живых (настоящим). Отметим, что в раннем творчестве Н. Гумилева «луна» достаточно часто маркирует включение в земной, «посюсторонний» мир мортального пространства (Ср., например: «Ночная мгла несет свои обманы, / Встает луна, как грешная сирена, / Бегут белесоватые туманы, / И из пещеры крадется гиена» («Гиена» (1907)) [7, с. 133]; «И в сумрачном ужасе от лунного взгляда, / От цепких лунных сетей, / Мне хочется броситься из этого сада / С высоты семисот локтей» («Семирамида» (1909)) [7, с. 251]). В данном случае созерцание луны предстает как своеобразное «вглядывание» лирического субъекта в былое, тождественное мортальному локусу. Прошлое получает амбивалентный статус: это мир и утраченных героических свершений, и воинского поражения (атрибутом павшего героя является щит, а не меч, что эксплицирует древнеримскую формулу «Aut cum scuta, aut in scuta» («Со щитом или на щите»)).

Ментальная сосредоточенность на былом как утраченной действительности обнаруживает явный элегический характер субъектной рефлексии. «Луна» как проекция прошлого в настоящее является также индексом «ночных» размышлений лирического субъекта, отсылая к хронотопу «ночной» элегии, в котором «воспоминание – это встреча с самим собой как с “другим” – как с посланцем хаоса, ночи» [9, с. 29]. Этот момент соприкосновения с прошлым через воспоминание имеет принципиальное значение для гумилевской концепции бытия, что будет раскрыто в дальнейшем сюжетном развитии.

Согласно В.И. Тюпе, в основе элегического модуля художественности находится ситуация уединения, «в которой “я” переживает свою выключенность из дальнейшего течения жизни, неполноту причастности своей к бытию» [15, с. 48]. Как видно, тоска по утраченному «чужому» прошлому, причастным которому ощущает себя лирический субъект в «Одержимом», акцентирует его бытийную недостаточность, так как подлинная событийность остается в мире легендарных деяний былого. Такой ментальный надрыв выражен посредством скорбных эмоций: «А сердце ноет и стучит / Уныло чуя роковое». В этой автохарактеристике эмоционального состояния также просматривается именно элегическое самоопределение «я» лирического субъекта: сердечное «уныние» предполагает не эскалацию переживаний, а констатацию охлаждения к реальности, лишенной героических событий. Здесь можно

видеть переосмысление Н. Гумилевым традиции «унылой» элегии, в которой, по наблюдениям В.Э. Вацура, «утрата юности» представляет собой «несчастье и едва ли не деградацию» [5, с. 124]. Очевидно, что в «Одержимом» героическое прошлое поединков и сражений идентично юности лирического «я», понимаемой в универсально-мифологическом измерении как юности всего человечества.

Однако в этом элегическом переживании онтологической опустошенности также проявляется и иное чувство, которое и становится своеобразной завязкой «балладного» повествования. «Сердце» лирического героя не только испытывает скорбь, но и роковое предчувствие, причем трагический характер этого ожидания усиливается в свете мортальной семантики лунного пейзажа. По мысли В.И. Тюпы, баллада как жанровое образование «генетически восходит к сигналу тревоги, к перформативу угрозы, к колдовскому вызыванию злых духов, к инверсии миростроительного ритуала» [14, с. 132]. Именно балладная тревога просвечивает сквозь элегическое уныние, размыкая субъектный микрокосм в две противоположенные сферы: скорбного отказа от событийности, оставшейся в прошлом, и тревожного ожидания события в грядущем. Такая двойственность самоактуализации «я» в изображаемом универсуме и становится основой структурно-семантического развертывания лирического повествования.

Во 2-й строфе развитие сюжета приобретает отчетливый «балладный» характер, и событийность переводится из ментальной сферы в область пространственно-временной упорядоченности внешнего мира.

Чрез дымный луг и хмурый лес,
И угрожающее море
Бредет с копьем наперевес
Мое чудовищное горе [7, с. 178].

Пространство расширяется до пределов всего универсума («луг», «лес», «море»), причем в его облике посредством пейоративных эпитетов («дымный», «хмурый», «угрожающее») проявлена эскалация угрозы, придающая концентрическое напряжение сюжетно-фабульному развертыванию нарратива и подтверждающая истинность рокового предчувствия лирического героя. Именно здесь происходит первичное событие, определяющее «балладность» повествуемой истории: появление врага. Как отмечает Д.М. Магомедова, в основе балладного сюжетостроения лежит «событие встречи между двумя мирами: “здешним”, земным и “иным”, “потусторонним”», которая маркирована переходом границы из одного мира в другой. «Персонаж из потустороннего мира является в “этот” мир, вступая в губительный контакт с героем из “здешнего” мира, и заканчивается такая встреча катастрофой» [10, с. 126].

В «Одержимом» таким пришельцем из инобытия оказывается «чудовищное горе» лирического героя. Данный персонаж обладает рядом существенных смысловых черт. Во-первых, куртуазно-мифологический

облик противника («с копьем наперевес») указывает на проникновение в реальный мир настоящего былых героических деяний, то есть, по сути, индексирует возвращение легендарного прошлого. Во-вторых, он явлен как персонифицированное чувство скорби, что коррелирует с изначальной эгегической медитацией субъектного «я». Эпитет «чудовищный» здесь продуцирует одновременно несколько значений: гиперболизированное эмоциональное состояние героя, подлинность угрозы, исходящей от врага, и inferнальный статус пришельца (как отмечено выше, мир прошлого посредством лунарной символики мыслится как враждебный человеку мир мертвых). Кроме того, противником оказывается собственное «горе» лирического героя, что эксплицирует идеологему противостояния с самим собой, с потаенной стороной своего «я», объективированной во внешнем мире. Таким образом, в «балладной» ситуации появления потусторонней угрозы имплицитно представлено и эгегическое чувство бытийной неполноты.

То, что мир прошлого для лирического героя является наивысшей ценностной константой, к которой он ментально устремлен, получает подтверждение в следующей, 3-й строфе, где сюжетно-фабульное развитие приобретает «балладную» динамику, сосредоточиваясь на приближении к событийному центру повествования: встрече с врагом:

Напрасно я спешу к коню,
Хватаю с трепетом поводья
И, обезумевший, гоню
Его в ночные половодья [7, с. 178].

В лирическом герое проявляется деятельное начало, присущее в той или иной степени большинству масочных вариаций гумилевского субъектного «я». Эмоциональный надрыв, инспирированный жадой поединка, свидетельствует о ценностной вовлеченности героя в повествуемую ситуацию, что проявляется в его автохарактеристике («обезумевший») и указывает на катастрофичность происходящего, характерную для «балладного» нарратива. Стремительность сюжетного движения также реализуется через свойственный классической романтической балладе мотив конной скачки как интенсивного перемещения в «потусторонний» локус. Этот мотив является сюжетным предикатом, например, в балладном повествовании В.А. Жуковского, формируя инвариантную ситуацию встречи с «иным» миром: «Сели... кони с места враз; / Пышут дым ноздрями; / От копыт их поднялась / Вьюга над санями. / <...> Кони мчатся по буграм; / Топчут снег глубокий...» («Светлана» (1813)) [8, с. 34]; «Кто скачет, кто мчится под хладною мглой? / Ездок запоздалый, с ним сын молодой» («Лесной царь» (1818)) [8, с. 137].

Ночное пространство, в котором прокладывается сюжетный маршрут героя, индексирует сверхъестественный, исключительный статус повествуемого события. Как известно, в мифопоэтике «ночь <...> связана с первобытными страхами перед неизвестностью, злом и силами Тьмы – ведьмами, злыми духами, отчаяньем,

безумием, смертью» [13, с. 240]. «Ночные половодья» здесь становятся знаком стремления к неведомому врагу, явившемуся из прошлого, отмеченного моральной семантикой.

Однако в этой очевидно «балладной» строфе также обнаруживается эгегический сигнал изначальной тщетности поединка с inferнальным противником («напрасно»). Это, с одной стороны, указывает на предопределенность трагического исхода грядущей встречи, а с другой – актуализирует нарративное раздвигание лирического субъекта: как герой повествуемой истории он охвачен жадой сражения с пришельцем из иного мира, а как нарратор, занимающий внешнюю по отношению к событиям «точку зрения», знает о бесплодности поединка. Неизбежность поражения обусловлена тем, что герой должен вступить в противоборство с собственным «я» (враг – его «чудовищное горе»). Таким образом, здесь создается смысловое напряжение между эгегическим и балладным регистрами самоопределения лирического субъекта.

Выход за пределы «балладного» повествования, при сохранении сюжетно-фабульных и хронотопических компонентов баллады, эксплицирован в 4-й и 5-й строфах, где повествуется о роковой встрече с врагом:

В болоте темном дикий бой
Для всех останется неведом,
И верх одержит надо мной
Привыкший к сумрачным победам:
Мне сразу в очи хлынет мгла...
На полном, бешеном галопе
Я буду выбит из седла
И покачусь в ночные топи [7, с. 178].

Здесь подтверждается гибельная предрешенность схватки: герой терпит поражение, оказываясь онтологически слабее инобытийного противника, что соответствует традиционной балладной кульминации. Хронотоп встречи также соотносим с пространственно-временной организацией канонической баллады, в которой предполагается движение: «от устроенного миропорядка к его нарушению, а роль “центра” принадлежит либо могиле, либо любому месту, где гибнет герой» [10, с. 127]. Таким катастрофическим локусом здесь оказывается «болото», в семантике которого актуализируются существенные для художественной идеологии данного стихотворения значения. Во-первых, «ночные топи» предстают в качестве семантического деривата «могилы», являющейся порталом между миром живых и миром мертвых. Соответственно, гибель героя в «могильном» пространстве сближает его «я» с эгегически вспоминаемым в 1-й строфе «давно убитым» воином легендарного прошлого: в мире смерти они ценностно уравниваются. Во-вторых, «болото» обладает статусом inferнального локуса, в котором сосредоточено злое начало, тем самым раскрывая истинную сущность врага. «Чудовищное горе» мыслится как отчуждаемое вонне темное alter ego лирического героя, что акцентировано повторами семы «тьма» в описании события боя: «в болоте *темном*», «привыкший к *сумрачным* по-

бедам», «хлынет мгла», «ночные топи» (курсив наш – А. Ч.). Причем оксюморонное обозначение субъектом темной стороны своей души («привыкший к сумрачным победам») указывает на изначальное торжество inferнального начала в микрокосме лирического «я»: воинские победы, к которым он стремится, умножают смерть, и повергают человека в мир тьмы. В-третьих, в семантике «болотного» пространства проявляется значение бытийной ловушки, в которой оказывается лирический герой и которая определяет трагический вектор развития сюжета. Знак «топи», представая в качестве западни (герой застревает между жизнью и абсолютной смертью), вскрывает личностную неполноту субъектного «я», нивелирующую его исключительность.

Маркером такого выхода за пределы «балладного» нарратива является резкая смена повествовательной перспективы. При всех «балладных» признаках сюжетостроения здесь обнаруживается принципиальный темпоральный сдвиг: настоящее время протекания событий сменяется будущим («В болоте темном дикий бой / Для всех *останется неведом* / И верх *одержит* надо мной / Привыкший к сумрачным победам» (курсив наш – А. Ч.)). Причем эта смена происходит именно в момент рассказа о встрече с врагом, и далее, до конца стихотворения, все события по оси времени смещаются в будущее.

Соответственно, возникает вопрос о смыслопорождающей роли такой темпоральной трансформации повествования. Как констатирует В. Шмид, временная перспектива «точки зрения» нарратора «имеет значение не сама по себе, а как носитель перемен идеологического характера» [18, с. 124]. В нашем случае именно изменение временных координат событийного ряда перекодирует семантику поэтического высказывания и тем самым преодолевает завершенность «балладной» модели текстостроения. Концентрическое напряжение сюжетного развития в балладе предполагает после кульминационной точки резкий переход к развязке, в которой констатируется ценностный итог произошедшего события. В стихотворении «Одержимый» событийный апогей (поражение и гибель героя), представленный в прогностическом виде, напротив, становится источником дальнейшей рефлексии лирического субъекта, направленной не на противостояние инобытийному персонажу, а на постижение собственного «я». В 6-й и 7-й строфах в основе сюжетно-фабульного развития нарратива оказывается рефлексивное погружение в себя, также данное в темпоральных координатах будущего:

Как будет страшен этот час!
Я буду сжат доспехом тесным,
И, как всегда, о *coeur de grâse*
Я возоплю пред неизвестным.
Я угадаю шаг глухой
В неверной мгле ночного дыма,
Но, как всегда, передо мной
Пройдет неведомое мимо... [7, с. 178-179]
Проживание грядущего ужаса, как видно, здесь

связано не с конфликтом земного и потустороннего миров, а с невозможностью проникнуть в тайные сферы собственного «я», что акцентируется в дважды вербализованной идеологеме «неведомое». Вынесенный в сильную позицию конца строфы, данный знак определяет вектор исканий лирического героя: его «одержимость», заявленная в заглавии стихотворения, сопряжена с жаждой постичь истинный смысл существования. Соответственно, персонифицированная темная сторона души, с которой он вступает в поединок, мыслится источником познания основ Мироздания. В этом стремлении гумилевского героя к «неведомому» заметно влияние символистского мироощущения. По мысли А. Ханзен-Лёве, в поэтике символизма «негативное, неопределенное представление <...> акатегориального мира связано с надеждой, с тревожным предчувствием чего-то “совершенно иного”, чей магико-мистический, религиозный, философско-метафизический, экзистенциальный, глубинно психологический или национально-исторический характер остается еще совершенно неопределенным» [17, с. 195]. Однако у Н. Гумилева такая надежда на постижение бытийного абсолюта терпит крах, причем он изначально предопределен.

Эта предопределенность, во-первых, реализуется в провиденциальном рассказе о предстоящей встрече с «неведомым», а во-вторых, сама эта встреча получает статус неизменно повторяющегося события, и в силу этой неизменности приобретающего универсальный характер. Дейктический сигнал «как всегда», подчеркнутый двойным включением в текст, порождает идеологему «вечного возвращения», на которое обречен лирический герой, а через него и каждый жаждущий тайного знания. Экспликация движения по событийному кругу, отсылающая к мысли о «вечном возвращении» в мировоззрении Ф. Ницше (Ср.: «О, как не стремиться мне страстно к Вечности и к брачному кольцу колец – к кольцу Возвращения!» [11, с. 207]) и к представлениям о циклическом времени в мистических и оккультных теориях, значимых для творческого самосознания Н. Гумилева [1, с. 9-51; 3], упраздняет «балладную» исключительность субъектного «я» и выводит его за пределы бытийной самоизоляции.

Как указывает В.И. Тюпа, «катастрофическая самоактуализация лирического субъекта баллады представляет собой откровение неизбежного конца, предопределенной исчерпанности индивидуального бытия, но одновременно – откровение его особенности, жертвенной ценности, внеоценочной самодостаточности обреченного “я”» [14, с. 134]. В «Одержимом» же эта трагическая модальность личностного самополагания в мире осложняется отсутствием конца как такого. Круговращение событий переводит жертвенность вечно обреченного на гибель в поединке с «неведомым» героя в ту сферу константных отношений на оси «я – универсум», где нет окончательной смерти. Поэтому в «точке зрения» лирического субъекта обнаруживается возможность всеведения: рассказ о схватке с самим собой становится только эпизодом в вечном стремле-

нии постичь темную сторону бытия и, следовательно, разорвать круг «вечного возвращения». Темпоральное смещение в будущее редуцирует принципиальность временных планов относительно субъектного «я», что позволяет предположить, что «давно убитый герой», появляющийся в начале стихотворения, – это проекция самого лирического субъекта в прошлом.

Представляется, что такой сюжетный поворот актуализирует именно элегическое начало в самоопределении героя: ценность прошлого определяется тем, что в нем возможно противостояние с неведомым врагом. Хотя оно и обречено на поражение, сама возможность такого поединка мыслится индивидуальной причастностью к единому универсуму. В настоящем же, которое ознаменовано знанием вечной обреченности его исканий, лирический герой оказывается в онтологической западне: его всеведение парадоксальным образом вскрывает бытийную неполноту его микрокосма.

Такая ментальная незавершенность «я» выходит на первый план в 8-й, финальной строфе, в которой повествование явно переводится в элегический регистр восприятия собственного бытия:

И утром встану я один,
А девы, рады играм вешним,
Шепнут: “Вот странный паладин
С душой, измученной нездешним” [7, с. 179].

Здесь провиденциально раскрывается иллюзорность гибели героя, что нарушает логику «балладного» сюжетостроения и, соответственно, подтверждает идею «вечного возвращения». Лирический субъект сознает свое одиночество как принцип связей с внешним миром. Уединение, являющееся центральным параметром элегической модальности, подчеркивается посредством оппозиции «я – другие», в которой скорби героя противопоставляется жизнерадостность его «окружения» («девы рады играм вешним»). Изменяется и эмоциональное состояние его «я»: «балладная» экзальтация душевных движений («одержимость») сменяется элегической тоской по былому, тождественному самоотверженному поиску «неведомого». Стихотворение Н. Гумилева не является элегией, поэтому сама презентация субъектной меланхолии доверяется обобщенному персонажу («девам»), в оценке которого проявляется его бытийная неполнота, маркированная проживанием страданий: «Шепнут: “Вот странный паладин / С душой, измученной нездешним». Однако именно в этом

внешнем взгляде на героя обнаруживается элегическая концептуализация данного лирического нарратива.

Итак, лирическое повествование в стихотворении Н. Гумилева «Одержимый», при всех характерных для жанра баллады признаках, явно выходит за пределы инвариантной «балладной» модели. Катастрофическое самополагание субъектного «я» в координатах пограничной ситуации здесь размыкается в сферу отстраненного видения собственной судьбы с позиции всеведения, обеспечиваемого нарративным развертыванием концепции «вечного возвращения». Понимание непрерывной повторяемости гибельного столкновения с inferнальным, неизвестным миром, носителем которого оказывается сам лирический герой, нивелирует исключительность личностного погружения «я» в событие. В то же время субъектное всеведение, реализуемое в темпоральном смещении из настоящего в будущее, продуцирует идеологическое понимание незыблемости прошлого, которое в силу его героизации и явленной в нем жажды преображения бытия мыслится ценностной константой. Абсолютизация былого как времени индивидуальной включенности в единую картину мира, заданной воинской ипостасью гумилевского лирического субъекта и его героическими свершениями, нарушаемую в настоящем, индексируется явным проявлением элегического начала в поэтике стихотворения. Тоска по прошлому и понимание тщетности действий в настоящем переводят повествование в элегический модус отношений субъектного «я» и универсума. Герой сознает свою онтологическую недостаточность и рефлексивно возвращается в изначальную точку своего жизненного пути.

Отметим, что элегическая поэтика как один из векторов смыслопорождения обнаруживается во многих «балладных» нарративах Н. Гумилева, написанных в предакмеистический период творчества. Элементы элегического самоопределения героя проявляются в повествовательной структуре таких стихотворений, как, например «Старый конквистадор» (1908), «Варвары» (1908), «Товарищ» (1909), «В библиотеке» (1909), «Одиссей у Лаэрта» (1909). Разумеется, поэтика элегии в каждом случае реализуется по-разному, сопрягаясь с ценностно-смысловой концепцией конкретного текста, однако соединение в процессе развертывания лирического повествования скорбно-созерцательного начала с действенно-событийным оказывается универсальной чертой гумилевского лиро-эпоса.

Библиографический список

1. Баскер М. Ранний Гумилев: Путь к акмеизму. СПб.: РХГИ, 2000. 160 с.
2. Бобрицких Л.Я. Сюжетно-композиционные особенности баллад Н. Гумилева // Филологические записки. – Воронеж: ВГУ, 2001. Вып. 17. С. 252–259.
3. Богомолов Н.А. Гумилев и оккультизм // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. М.: НЛЮ, 2000. С. 113–144.
4. Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М.: РГГУ, 2001. 320 с.
5. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб.: Наука, 2002. 240 с.
6. Верховский Ю.Н. Путь поэта // Н.С. Гумилев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2000. С. 505–550.
7. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902 – 1910). М.: Воскресенье, 1998. 501 с.
8. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20-ти томах. Т. 3. Баллады. М.: Языки славянских культур. 456 с.

9. *Козлов В.И.* Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории. М.: Языки славянской культуры, 2013. 280 с.
10. *Магомедова Д.М.* Баллада // Теория литературных жанров. М. Издательский центр «Академия», 2011. С. 125–128.
11. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра; К генеалогии морали; Рождение трагедии, или Эллинизм и пессимизм. Минск: ООО «Попурри», 1997. С. 5–297.
12. *Смелова М.В.* Онтологические проблемы в творчестве Н.С. Гумилева. Тверь: Изд-во ТГУ, 2004. 126 с.
13. *Тресиддер, Дж.* Словарь символов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
14. *Тюпа В.И.* Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.
15. *Тюпа В.И.* Художественный дискурс (Введение в теорию литературы). Тверь: Изд-во ТГУ, 2002. 80 с.
16. *Фризман Л.Г.* Жизнь лирического жанра. Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. М.: Наука, 1973. 168 с.
17. *Ханзен-Лёве А.* Русский символизм: Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: Академический проект, 1999. 512 с.
18. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
19. *Sierotwiński S.* Słownik terminów literackich. Teoria i nauki pomocnicze literatury. Wrocław: Ossolineum, 1966. 351 s.

References

1. *Busker M.* Early Gumilev: The Path to Acmeism. SPb.: RCSI, 2000. 160 p.
  2. *Bobrickikh L.Y.* Plot-composition features of ballads by N. Gumilev // *Philological Notes.* – Voronezh: VGU, 2001. Vol. 17. Pp. 252–259.
  3. *Bogomolov N.A.* Gumilev and Occultism // *Bogomolov N.A.* Russian Literature of Early 20th Century and Occultism. М.: NLR, 2000. Pp. 113–144.
  4. *Brojtman C.N.* Historical Poetics. М.: RSUH, 2001. 320 p.
  5. *Vacuro V.E.* Lyrics of Pushkin's Time: "Elegiac school". – SPb.: Nauka, 2002. 240 p.
  6. *Verkhovskiy J.N.* The Path of The Poet // N.S. Gumilev: pro et contra. SPb.: RCSI, 2000. Pp. 505–550.
  7. *Gumilev N.S.* Complete works: In 10 volumes. Vol. 1. Verses. Poems (1902 – 1910). М.: Voskresen'e., 1998. 501 p.
  8. *Zhukovskiy V.A.* Complete works: In 20 volumes. Vol. 3. Ballads. М.: Languages of Slavic cultures. 456 p.
  9. *Kozlov V.I.* Russian Elegy of Uncanonical Period: Essays of Typology and of History. – М.: Languages of Slavic cultures, 2013. 280 p.
  10. *Magomedova D.M.* Ballad // Theory of Literary Genres. М.: Publishing centre "Academy", 2011. Pp. 125–128.
  11. *Nietzsche F.* Thus spoke Zarathustra // *Nietzsche F.* Thus spoke Zarathustra; On genealogy of Morality; Birth of Tragedy, or Hellenism and Pessimism. Минск: LLC "Potpourri", 1997. Pp. 5–297.
  12. *Smelova M.V.* Ontological Problems in N.S. Gumilev's Works. Tver: TSU, 2004. 126 p.
  13. *Trasidder J.* The Dictionary of Symbols. М.: FAIR-PRESS, 1999. 448 p.
  14. *Tjupa V.I.* Discourse / Genre. М.: Intrada, 2013. 211 p.
  15. *Tjupa V.I.* The Artistic Discourse (Introduction in Theory of Literature). Tver: TSU, 2002. 80 p.
  16. *Frizman L.G.* Life of Lyrical Genre: Russian Elegy From Sumarokov To Nekrasov. М.: Science, 1973. 168 p.
  17. *Hansen-Löve A.* Russian Symbolism: The System of Poetical Motifs. The Early Symbolism. – SPb.: Academic Project, 512 p.
  18. *Schmid V.* Narratology. М.: Languages of Slavic cultures, 2003. 312 p.
  19. *Sierotwiński S.* The Dictionary of Literary Terms. – Wrocław: Ossolineum, 1966. 351 p.
-
-

М.А. ШИНКОВ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра журналистики и связей с общественностью, Орловский государственный университет

M.A. SHINKOV

Candidate of Philology, associate professor, journalism and public relations, Orel State University

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЖУРНАЛИСТСКИХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ

TO THE QUESTION OF DIFFERENTIATION OF JOURNALISTIC AND PUBLICISTIC GENRES

В статье говорится о дифференциации жанров журналистики и публицистики на примере разницы цели и объекта исследования, на примере жанров аналитической статьи, аналитической корреспонденции и рецензии публицистической и эстетической.

Ключевые слова: журналистика, публицистика, аналитическая статья, корреспонденция, рецензия.

In the article it is spoken about the differentiation of genres of journalism and journalism on the example of the difference of the purpose and object of research, on the example of genres of analytical article, analytical correspondence and the review publicistic and esthetic.

Keywords: journalism, journalism, analytical article, correspondence, review.

При анализе любого объекта необходимо по возможности полно исследовать его внешнюю форму и внутреннее содержание. В данном случае предметом нашего анализа будет являться публицистика как особый род литературы. Выделение ведущих признаков данного вида творческой деятельности порождает много вопросов, публицистика бытует в жизни человечества весьма давнее время, но чёткого определения как самостоятельного явления не получила до настоящего времени. Необходимо заметить, что публицистика при весьма близком сходстве не является понятием, тождественным понятию «журналистика».

Между этими видами творчества есть весьма много точек соприкосновения, много общих черт, которые мы попытаемся выделить. Прежде всего: журналистика и публицистика пользуются одним стилем языка, который в науке и в практической деятельности получил название «публицистический». Характерной его особенностью является наличие сочетания фактологической базы и эмоционально-окрашенной лексики. Вторая общая черта – объект отражения действительности (жизнь социума во всех его проявлениях). Но необходимо отметить различия между этими видами деятельности. Если главная задача журналистики: оперативно информировать общество о событиях, имеющих социально-информационную важность, то основная задача публицистики – не информирование, а обсуждение проблем, имеющих общественное значение.

Способ творчества и в публицистике, и в журналистике можно условно разделить на две чётко выделенные стадии, каждая из которых имеет свой методологический аппарат: сбор информации и создание текста. В литературе способ творчества не может быть, зачастую, разделён на чётко выраженные стадии. Это объясняется тем, что писатель не связан с реальной действительностью,

вернее, эта его связь выражена нечётко, опосредованно. Журналист же и публицист тесно связаны с окружающей действительностью в лице фактов и ситуаций. Правда, и здесь между журналистом и публицистом существуют определённые различия: если в журналистских материалах предметом исследования является реальная конкретная ситуация, соотносённая с масштабной общественной проблемой, то в публицистике предметом исследования будет масштабная общественная проблема, а реальные, конкретные ситуации используются в качестве доказательства самой актуальности.

Актуальность как основной признак публицистики также нуждается в дифференциальном подходе. Можно условно выделить два основных вида, или две основные группы актуальности: постоянная и преходящая. Постоянная актуальность касается тем, которые волнуют и будут продолжать волновать человечество на всём протяжении его существования. Преходящие проблемы связаны с конкретным историческим и социально-экономическим этапом существования человечества (Балканский вопрос, отмена рабства, крепостное право как институт в России, коммунизм и человечество) – всё это проблемы, которые являлись или являются актуальными на определённых исторических этапах.

Что касается первой группы проблем, то её особенность состоит в следующем: несмотря на вечность самих проблем, их понимание и наполнение варьируются в зависимости от конкретной социально-исторической эпохи.

Журналистика является одним из основных компонентов организованно создаваемой массовой информации, поэтому она бытует в каналах передачи массовой информации, прежде всего в СМИ. Публицистика может носить не только письменный характер, но и бытовать в сфере вербальной коммуникации. С древности известны речи античных ораторов, которые посвяща-

лись решению актуальных социально-экономических, политических, этических проблем. В настоящее время предметом исследования в теории коммуникации и в спичрайтинге являются речи политиков и общественных деятелей, обращённые к народу. Церковная проповедь – это обращение священника к верующим, имеющее своей целью соотнесение Евангелия с реалиями современной жизни, её основная цель – призыв к христианской этике в повседневном существовании. Судебная речь во многих случаях представляет собой анализ определённых общественных вопросов, которые оказали существенное влияние на состояние конкретного уголовного или гражданского дела: в подобном случае юрист не ограничивается анализом конкретной ситуации, но перед судом анализирует общие вопросы, пронизывающие общественную жизнь. Парламентская речь представляет собой ярко выраженный пример публицистики, поскольку она всегда посвящена актуальным вопросам жизни современного общества и имеет двойную цель: оказать влияние на принятие властных решений и приобрести себе новых сторонников.

Продукт журналистского творчества всегда создаётся профессиональным журналистом, который занимается поиском, сбором, анализом и предъявлением информации для аудитории. Необходимо отметить, что поиск и предъявление информации ограничены жёсткими временными рамками. Журналист может выступать в качестве публициста, такие случаи известны в истории журналистики, но нередко в роли публицистов выступают профессионалы (не журналисты, хорошо владеющие публицистическим стилем). Можно вспомнить фамилии врачей Амосова и Углова, физика Раушенбаха, юриста Кони, которые были авторами известных публицистических произведений, адресованных не собратьям по профессии, а обществу в целом. Как правило, автор в данных трудах рассказывает непрофессионалам о проблемах, целях, перспективах и общественном значении того или иного узкоспециального вида деятельности, при этом, в ряде случаев, преследуются также просветительская и популяризаторская цели. Журналист выступает как публицист с точки зрения этической ценности или общественного значения тех или иных социальных явлений. Но далеко не каждый журналист на протяжении своей карьеры становится публицистом.

	Журналистика	Публицистика
Ведущий признак	Оперативность	Актуальность
Сфера бытования	СМИ	СМИ, монографии, устная
Авторы	Журналисты	Журналисты; профессионалы, обладающие литературными способностями.
Цель	Информирование	Формирование общественного мнения, поиск единомышленников
Предмет исследования	Реальная конкретная ситуация	Актуальная общественная проблема

Попытаемся кратко охарактеризовать различные

жанры публицистики:

1. Аналитический отчёт (аналитическая статья) – основным определением данного публицистического жанра является проследивание внутренней связи различных точек зрения на определённую актуальную проблему. В аналитической статье осуществляется переход от чисто информационного отчёта, носящего оперативный и в ряде случаев стенографический характер, к тому, что данное мероприятие может привести в жизнь общества. Автор трактует, интерпретирует, объясняет выступления либо различные точки зрения на актуальную проблему, служащую предметом анализа, но это должно быть сделано так, чтобы аудитория смогла легко отличить точку зрения публициста от мыслей, высказанных участниками форума либо иных субъектов общественной дискуссии. Читатель должен представить себе, в результате, объективную картину происходящего. В зависимости от сложившейся реальной конкретной ситуации, по мнению А.А. Тертычного, «журналист может сосредоточить своё внимание либо на объяснении причин данной ситуации, проблемы, процесса, либо на оценке их актуального состояния, либо на прогнозе их развития, либо на плане, программе действий в связи с ними. В соответствии с этим он будет обращать внимание либо на трактовку проблемы, либо на предложения, содержащиеся в выступлениях и относящиеся к обсуждаемым проблемам, ситуациям, процессам, происходящим в реальной действительности. Это в значительной степени и определяет вид аналитического отчёта – будет ли это отчёт-объяснение, отчет-оценка или отчёт-программа» [1. С. 95].

2. Аналитическая корреспонденция. Она представляет по своей сути описание какого-либо события, поэтому в специальной литературе её традиционно относят к новостным журналистским жанрам, но мы должны согласиться с А.А. Тертычным, который выделяет корреспонденцию в качестве разновидности аналитической публикации, а аналитическая публикация, по нашему мнению, безусловно, относится к публицистике как к особому роду творчества. «Цели аналитической корреспонденции иные (в отличие от информационной – М.Ш.). Она также содержит в себе сообщение о событии, явлении. Это событие может включать в себя как «живое» наблюдение, фрагменты каких-то выступлений, так и «свёрнутый» пересказ происшедшего. Однако само сообщение не является самоцелью. Оно лишь даёт представление о событии, предвещающее его истолкование. Именно это истолкование отличает, в первую очередь, аналитическую корреспонденцию от репортажа, отчёта, информационной корреспонденции» [1. С. 101]. От комментария аналитическая корреспонденция отличается фактором субъективности. Публицист корреспондирует и анализирует в комментарии событие, которому он сам был свидетелем, сам его наблюдал, а жанр аналитической корреспонденции предполагает более широкий спектр сведений, оценок, исследований, относящихся к данному явлению, при этом публицист (автор) выступает как эксперт. Факты, которые приводятся в аналитической корреспонденции, служат аргументами в пользу общего

суждения об их причинах, о закономерностях их породивших. Что же касается аналитического отчёта, речь идёт об анализе какого-то одного события, именно оно является предметом полного и всестороннего анализа (причины, основные признаки, перспективное развитие, влияние на общество).

3. Публицистическая рецензия и эстетическая критика.

Рецензия – это критический отзыв о произведении художественной литературы, искусства, науки и т.д. Основная цель рецензии – выразить отношение к исследуемому произведению. Но это определение кажется нам несколько однобоким, поскольку мы можем увидеть две большие группы произведений, из которых одна относится в большей степени к эстетической критике, а другая – к публицистике.

Предметом и публицистической рецензии, и эстетической критики являются, в отличие от других жанров публицистики, не непосредственные события, ситуации и факты действительности, а литературные произведения, спектакли, произведения живописи и скульптуры и т.д.

Ярким примером подобного рода публицистической рецензии является статья А.А. Фета «Что делать?» Из рассказов о новых людях. Роман Н.Г. Чернышевского». В данной статье А.А. Фет очень мало говорит об эстетических достоинствах или недостатках данного романа, тем более, что Н.Г. Чернышевский соглашается с Д.И. Писаревым, который, как известно, в своём литературно-критическом творчестве отвергал эстетическую функцию литературы как таковую. Основное содержание статьи посвящено острой полемике с идеями нового общественного устройства и точке зрения нигилистов на институт семьи, которые Н.Г. Чернышевский проводит в своём романе. В этой связи интересно отметить разницу между литературой и публицистикой, которая признана в современной науке определяющей. Писатель волен создавать свой особый образ окружающей действительности, не считаясь с реальными конкретными ситуациями, бытующими в окружающем его мире. А.А. Фет предлагает, взяв постулаты Н.Г. Чернышевского, приложить их к реальной социально-экономической ситуации России 1860-х годов. Именно этот приём позволяет доказать утопичность и легковесность тех общественно-политических и социально-экономических рекомендаций, которые представлены в романе и в нём же успешно реализуются. Этот приём позволяет развенчать мнимую безальтернативность и совершенную практическую беспомощность и непригодность коммуны в реальной действительности.

Что же касается эстетической критики, то в ней основной задачей автора является видение в произ-

ведении того, что не заметно неподготовленному читателю или зрителю. При этом, естественно, занятие эстетической критикой предполагает наличие у автора глубоких специальных познаний в определённой сфере (литературе, живописи и т.п.). Основной сложностью при написании данного типа материала является то, что критик должен избегать, с одной стороны, описательности, то есть пересказа сюжетной линии произведения, с другой – он должен опасаться излишнего субъективизма в восприятии эстетической ценности того или иного явления в искусстве. Ядро эстетической критики должен составлять структурный анализ, который даже при разборе единственного произведения не может не опираться на эстетические требования искусства, вытекающие из его исторического развития.

Субъективизм эстетического восприятия предмета исследования не может отвергать требования строгой логичности его анализа. Эстетическая рецензия должна носить характер доказательного рассуждения, опирающегося на систему аргументации. Можно выделить основные приёмы, помогающие достичь вышеназванные цели:

А) Детализация и выделение признаков анализируемого произведения, являющихся ведущими и необходимыми для выдвижения основного тезиса.

Б) Анализ взаимосвязей, позволяющих определить место предмета исследования в области искусства, подлежащей авторскому анализу.

В) Разработка аналогий с родственными прецедентами в интересующей автора области.

Г) Противопоставления с конкурирующими тенденциями в современных автору эстетической рецензии произведениях искусства, сходных с предметом исследования.

Д) Разъяснение авторской позиции при интерпретации объекта эстетического анализа.

Что же касается публицистической рецензии, то здесь действует система методов, сходная с системой методов публицистических произведений других жанров, поскольку задачей автора является не анализ романа или спектакля как произведения искусства, а анализ идейно-философских и социально-экономических постулатов, отражаемых в произведениях искусства и литературы, спектаклях, очень редко – в музыке.

Произведённый анализ представляет собой попытку дифференциации жанров собственно журналистики и публицистики. Мы пытались доказать, что причины различия журналистских и публицистических материалов логически проистекают из разности целей и предмета исследования. Эти факторы диктуют разнотипность композиционного построения и предмета исследования, наблюдающихся в журналистике и публицистике, несмотря на их стилистическую однородность.

Библиографический список

1. *Тертычный А.А.* Жанры периодической печати. Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2002.
2. *Фет А.А.* СС и П. СПб.: Фолио-Пресс, 2006.

References

1. *Tertychny A.A.* Periodicals genres. Manual. M.: Aspect Press, 2002.
2. *Fet A.A.* CC and P. SPb.: Folio-Press, 2006.

УДК 81.373

UDC 81.373

И.В. ЯКУШЕВИЧ

кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка, Московский городской педагогический университет
E-mail: sa1107@yandex.ru

I.V. YAKUSHEVICH

Candidate of Philology, Associate Professor of Russian language, Moscow City Pedagogical University
E-mail: sa1107@yandex.ru

КОГНИТИВНО-СЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СИМВОЛА «ДВЕРЬ»

COGNITIVE SEMIOLOGICAL MODELING OF SYMBOL «THE DOOR»

Статья посвящена обоснованию метода когнитивно-семиологического моделирования символа, который рассматривается на пересечении четырех «измерений»: когниции, знака, семантики языковой и семантики дискурсивной.

Ключевые слова: символ, когнитивно-семиологический метод, лингвокогнитивная модель, означающее, означаемое, многомирие, полиреферентность.

The article is devoted to the justification of the method of cognitive semiological modeling character that is considered at the intersection of four dimensions: cognition, sign language semantics and discourse semantics.

Keywords: symbol, cognitive semiological method, linguistic cognitive model, meaning signified, mindset about the many worlds, polyreferentiality.

Символ – универсальное междисциплинарное явление, связывающее ряд гуманитарных и социальных наук (философию, филологию, культурологию, социологию, психологию, лингвистику и др.). Каждая из этих областей знания нуждается, но не располагает теорией, которая, с одной стороны, учла бы универсализм символа, с другой – выявила бы маркирующие его свойства. Именно поэтому символ на сегодняшний момент имеет столько же определений, сколько научных концепций включают его в свой метаязык.

Таким научным потенциалом обладает **лингвокогнитивная модель** – языковая единица, рассматриваемая как составляющая когнитивного процесса и структурирующая полученное знание [10, с. 56-57; 16, с. 37].

Для построения такой модели символа целесообразно обратиться, во-первых, к **методу когнитивно-семиологического моделирования**, корни которого восходят к теории Ф. де Соссюра о двух измерениях существования слова – в языке и речи, а, во-вторых – к трудам Э. Бенвениста о двойном означивании языковых единиц и позже к работам И.А. Бодуэна де Куртенэ о билатеральной сущности языка. В наше время когнитивно-семиологический метод исследования описан в трудах Ю.С. Степанова [18] и его последователей: А.А. Уфимцевой [19], Н.Н. Болдырева [4], Н.Ф. Алефиренко [1]. За рубежом когнитивно-семиологическое направление разрабатывалось в трудах Р. Барта [3] и А.-Ж. Греймаса [8]. Сущность этого метода заключается в понимании слова как лингвокогнитивной модели, изучаемой на пересечении нескольких «измерений»: **знак, семантика, когниция и дискурс** [8, с.104]. Рассмотрим принципы когнитивно-семиологического метода исследования в его примене-

нии к лингвокогнитивной модели [1].

Во-первых, как лингвокогнитивную модель, символ следует считать **разновидностью когниции**. Это континуальное единство самого познавательного процесса (получение информации, ее категоризация и концептуализация, запоминание и извлечение из памяти, использование в речемыслительной деятельности) и его результата – знания, материализованного в языке и речи [4, с. 9].

Во-вторых, природа когниции диктует неизбежность **языкового выражения символа**. Приоритет когнитивной лингвистики в изучении символа обусловлен не только тем, что язык является основным средством структурирования, хранения и передачи этого знания (поэтому абсолютное большинство символов вербализованы), но средством его декодирования. Подчеркивая принципиально лингвистическую природу символа, еще А.А. Потебня писал: «Только с точки зрения языка можно привести символы в порядок, согласный с воззрениями народа, а не произволом пишущего» [цит. по 11, с. 67].

В-третьих, семантику лингвокогнитивной модели следует рассматривать **в системе «язык-речь»**. Модель, сформировавшаяся в культуре народа и выраженная в национальном языке, является максимально обобщенным инвариантом, прототипом. В речи прототип репрезентируется в тех или иных языковых вариантах [1, с.104].

В-четвертых, **семантика слова как лингвокогнитивной модели многослойна, так как формируется и в языке, и в дискурсе**. Согласно теории А.-Ж. Греймаса, выделившего два уровня речи – семиологический и семантический [8, с. 78], в дискурсе компоненты зна-

чения, «вступая в парасмысловые отношения, обеспечивают двухуровневое существование значения» [1, с. 105]. Существует несколько методов анализа многослойной семантики, в частности **метод реконструкции языкового знака и метод лексико-семантического полевого структурирования**. Опираясь на изложенные принципы когнитивно-семиологического моделирования, обратимся к описанию лингвокогнитивной модели символа ДВЕРЬ.

Знаковая структура символа опирается на концепцию Р. Барта [3, с. 79], согласно которой символ – вербализованный знак: $A \rightarrow B$, то есть «А означает (символизирует) В». **Означающее символа** – все слово: и фонемный ряд, и стоящий за ним чувственный образ (предмет, свойство, действие или состояние). В свою очередь слово-означающее само подвергается символизации и указывает на означаемое – систему символических значений, отражающих метафизические представления о мироустройстве и человеческом бытии: ‘мир’, ‘бог’, ‘жизнь’, ‘смерть’, ‘душа’ и пр.

К примеру, означающее А символа ДВЕРЬ (лексема *дверь*) состоит из фонемного ряда <дв’эр’> и двух прямых понятийных значений, создающих эмпирическое представление о денотате: 1) «отверстие в стене для входа и выхода из помещения», а также 2) «створ, закрывающий это отверстие [14]. Означаемое состоит из шести символических значений, выявленных нами на основании повторяющихся данных нескольких словарей символов [2, 6, 12].

1. Граница между микро- и макрокосмом, в том числе человеком и божеством.
2. Переход из одного состояния в другое: 2.1. Вход – проникновение внутрь души другого человека или попадание в царство мертвых. 2.2. Выход – потеря души, то есть смерть.
3. Коммуникабельность: 3.1. Открытая дверь – общительность. 3.2. Закрытая дверь – необщительность, отверженность.
4. Защита от внешнего мира (закрытая дверь).
5. Глаза.

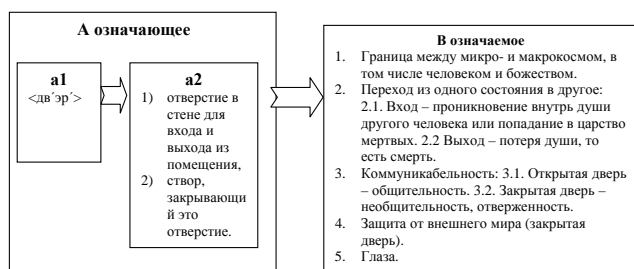

Рис.1. Лексико-семантическая структура лексемы-символа *дверь*

Означаемое слова-символа уникально, так как:

- является незамкнутой (формирующейся) многозначной системой значений (П. Рикер, Ж. Лакан, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман);
- содержит метафизическую космо- и антропоцентричную семантику (мироздание, космос, бытие, явления природы, жизнь и смерть, здоровье, чувства, общество и пр.);
- инвариантно в контексте культуры (К. Леви-

Стресс, С.Л. Филимонов, И.В. Сафьянова и др.);

- является элементом мифа (А.А. Потебня, А.Н. Афанасьев, О.Н. Трубачев, В.В. Колесов и др). Философско-социологическое определение мифа: это «форма целостного массового переживания и истолкования действительности при помощи чувственно-наглядных образов, считающихся самостоятельными явлениями реальности [15];

- отличается суггестивностью (К. Леви-Стресс, В. Делёз, А.Н. Веселовский): т.е. регулярной воспроизводимостью символического значения вне текста.

Между означающим А и означаемым Б устанавливается **подобие** двух равнозначных сущностей, сосуществующих в разных фрагментах действительности. Согласно теории А.Ф. Лосева, означающее абстрагируется до неведомой сущности (душа, Бог, небо, жизнь, смерть и пр.) и является **орудием ее познания**: «методом ориентации в ней, методом ее распознавания, принципом превращения ее для человека из... хаоса в расчлененный и познаваемый космос» [13, с. 168].

Главное дифференциальное свойство символа – полиденотативность: каждый компонент символа соотнесен со своим денотатом (в дискурсе – референтом), которые сосуществуют как два и более подобных параллельных фрагмента действительности со своим временем и пространством, уподобляемых и на этом основании объединенных в некую целостность. Полиденотативность символа есть отражение **мышления двоимирия**, когда сознание говорящего раздвоено и он присутствует одновременно и в реальности означающего (чувственного образа) и означаемого (некоей метафизической сущности).

Так, в стихотворении А. Блока «Устал я. Смерть близка. К порогу...» открытая дверь символизирует усталость, постепенно переходящую в смерть: «Устал я. **Смерть близка. К порогу Ползет и крадется, как зверь, И растворяет понемногу Мою незамкнутую дверь**». Означающее А выражено предложением *И растворяет понемногу Мою незамкнутую дверь*. Означаемое – предложением *Смерть близка*. Обе реальности – приход смерти и открывающаяся дверь – подобны и сосуществуют в одном контексте, но в разных фрагментах действительности. Лирическое «я» полноправно царит в обеих реальностях одновременно.

Рассмотрим знаковую структуру слова-символа как лексико-семантическое поле.

Имя поля – гипероним, обобщающий все члены поля, включаемый в качестве архисемы в лексическое значение каждого члена поля. У традиционного лексико-семантического поля одно имя, но мы имеем дело с полиденотативной лексемой-символом. Поэтому лексико-семантическое поле такого знака полицентрично и будет иметь два имени – два гиперонима, означающего и означаемого, находящихся в отношении подобия. Так, для микрополя означающего символа ДВЕРЬ это лексема *дверь* в значении «отверстие в стене для входа и выхода из помещения, а также створ, закрывающий это отверстие».

Компоненты микрополя означающего – реноми-

нации одного денотата, т.е. «переход от наименования одной семантической структуры к наименованию другой семантической структуры». В.Г. Гак выделяет пять основных семантических отношений между реноминациями и именем поля [7]:

1. Равнозначность, выраженная 1) словообразовательными дериватами (*дверка, дверной, дверца*); 2) синонимами (*калитка, плита, проем, ворота*); 3) лексико-семантическим повтором в составе текстовой тематической группы.

2. Расширение или сужение объема понятия, выраженное гиперо-гипонимией, в том числе и детализацией: *дверное полотно, замок, скважина замочная, дверная ручка, глазок, закрыть, открыть*.

3. Взаимоисключение, выраженное комплементарными антонимами (только по отношению к реноминациям *закрыть/открыть*).

4. Внеположенность, представленная метафорой (*преддверие*) и метонимией (*дом, стена*).

5. Список логико-семантических «ходов» автор статьи пополнил преувеличением или преуменьшением, соответствующими гиперболе и литоте (*дверка, створка, врата*).

К ядру относятся номинации с архисемой 'дверь' в сигнификативном значении. Это гипонимы, синонимы, комплементарные антонимы, лексемы-гиперболы или литоты и некоторые словообразовательные дериваты (исключая сложные словообразовательные мутации по терминологии И. А. Ширшова). К периферии поля относятся метонимия и метафора.

Приведем *микрополе означаемого* лексемы-символа *дверь*.

Имя поля: *дверь* в значении 1) «отверстие в стене для входа и выхода из помещения», 2) «створ, закрывающий это отверстие».

Ядро микрополя: *дверка, дверной, дверца, створка, врата, калитка, плита, проем, ворота, дверное полотно, замок, скважина замочная, дверная ручка, глазок, закрыть, открыть*.

Периферия микрополя: *дом, стена, преддверие*.

Микрополе означаемого формируется в рамках одной или нескольких культур на основании нескольких критериев: 1) частотности упоминания символического значения в словарях и энциклопедиях символов; 2) соответствия «сфере макрокосма» или «сфере микрокосма»; 4) на основании выявления фиксируемого символического значения в текстах русской культуры (этимологические, исторические и современные толковые словари, тексты древнерусских и фольклорных памятников, Библия и ряд православных текстов, русская поэзия).

Пример микрополя означаемого:

Сфера макрокосма:

1. Граница между микро- и макрокосмом, в том числе человеком и божеством.

• *Знаю твои дела; вот, Я отворил перед тобою дверь, и никто не может затворить ее* (Откровение 3:8).

Я (Иисус – И. Я.) емь дверь: кто войдет Мною,

тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет (От Иоанна 10:9)

2. Защита от внешнего мира (закрывающаяся дверь):

• *При закрытых дверях* — в присутствии только заинтересованных и должностных лиц, без посторонней публики [14].

• Русская загадка: *Палата добра, да дверьми утла* [9: т. 4. с. 520.]

Сфера микрокосма:

3. Переход из одного состояния в другое:

3.1. Вход – проникновение внутрь души другого человека или попадание в царство мертвых.

• Стучаться в дверь — 1) обращаться к кому-л. с просьбой о чем-л., в поисках чего-л. *Мне пришлось напечатать стучаться в двери редакций в поисках работы*. П.В. Быков, Силуэты далекого прошлого; 2) приближаться, надвигаться, давать знать о себе. *Реже в дверь мою стучится голод*. Н. Некрасов, Последние элегии [10].

3.2. Выход – потеря души, то есть смерть.

• *Узка дверь в могилу, а вон – и той нет* [17, с.235].

• *После сего я взглянул, и вот, дверь отверста на небе, и прежний голос...сказал: взойди сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего*. (Книга Откровение. Глава 4.Стих 1).

4. Глаза.

• *Прорубить свет, окно*. Видение, зрение, свет очей, способность различать глазами, видеть [9: т.4, с. 156].

5. Открытая дверь – общительность, эмоциональный контакт.

• *При открытых дверях* — с свободным доступом.

• *День открытых дверей* — день свободного доступа (с целью ознакомления с предприятием, учебным заведением и т. п.), преимущественно для желающих поступить на работу, учебу.

В системе «язык-речь» лексема-символ в языке является прототипической моделью для своего дискурсивного варианта. Истоки языкового варьирования символа в поэтическом тексте восходят к концепции В.В. Виноградова, согласно которой символ предстает как система ассоциативно-образных рядов, выполняющая текстообразующую и композиционную функцию [5: с. 373-374]. Вариант символа в тексте выражен одной или целой группой реноминаций исходной модели символа. Как часть единой системы «язык-речь», текстовый вариант символа постоянно сопоставляется со своим прототипом. Текстовое варьирование символа осуществляется согласно 2-м «сценариям»: 1) реноминация означаемого А не затрагивает означаемое В; 2) реноминация означаемого А затрагивает изоморфное ему означаемое В. Механизм подобия охватывает как сами референты, так и их свойства, окружение – пространство, цвет, фактуру, детали и пр.

Варьирование прототипа может быть незначительным, если означаемое модели символа как архисема находится **в понятийном значении его текстового варианта**. Это происходит при синонимии означаемого, его лексико-семантическом повторе в ТТГ, при гиперо-

гипонимии, детализации, отрицания и антонимии и, наконец, при гиперболизации означающего прототипа.

Так, в стихотворении С.А. Клычкова «От счастья ль незримого таешь...» варьирована модель ДВЕРЬ→«проникновение в душу другого человека». Означающее выражено синонимом *дверца*, означаемое – номинацией *сердце* с метонимическим значением «душевный мир человека, его переживания, настроения, чувства» [10], осложненное приложением-метафорой *лунатик*.

*И страшно: не скрипнула б дверца,
Иль ты не заплакала б вдруг,
Ведь сбросит лунатика-сердце
С звездой покачнувшийся сук.*

Варьирование значительно, *если означающее как архисема является фоновой семой в лексическом значении варианта*: вместо номинации исходной модели символа употребляются его метафора или метонимия, которые высвечивают в образе-означающем значимые для поэта признаки референта. Именно эти признаки генерируются в параллельном означаемом В.

В поэме А.Т. Твардовского «Теркин на том свете» означающее модели ВЫХОД ЗА ДВЕРЬ→СМЕРТЬ выражено предложением *Проходите без опаски за порог*. В центре – метонимия-деталь *порог*. Означаемое в этом четверостишии метафорично (*открытая сказка*), но в макроконтексте поэмы вербализовано неоднократно также метонимическими номинациями: *тот свет, преисподняя, рай ли с адом, мёртвая вода, прах от праха, мертвец и др.*

*Проходите без опаски
За порог открытой сказки
Вслед за Теркиным моим –
Что там дальше – поглядим.*

В символе референты А и В равноправны и сосуществуют. Каждый из них формирует свой фрагмент действительности, который может быть выражен только в полисобытийных конструкциях: в сложных предложениях расчлененной структуры, либо в семантическом или синтаксическом параллелизме двух простых пред-

ложений. Сосуществование достоверных и самостоятельных референтов символа в высказывании лучше всего оформляется *параллелизмом синтаксических конструкций*, как в стихотворении Е.Л. Кропивницкого «Ему не полюбить теперь...», где семантический параллелизм строк *ему не полюбить теперь* и *к любви закрыта плотно дверь* обозначает художественное многомирие стихотворения:

*Ему не полюбить теперь,
К любви закрыта плотно дверь
И замурованы все входы.*

Аналогично в стихотворении А. Белого «Начало века» полиреферентность символической модели ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ→СМЕРТЬ выражена параллелизмом строк *разломать...дверь// смерти таинство – проверить*:

*Приходи путем знакомым
Разломать тяжёлым ломом
Склепа кованую дверь:
Смерти таинство — проверить.*

Итак, лингвокогнитивная модель символа в свете когнитивно-семиологического метода анализа (Ю.С. Степанов, А.А. Уфимцева, Н.Н. Болдырев, Н.Ф. Алефиренко, Р. Барт и А.-Ж. Греймас) выражена языковой единицей и представляет собой единство четырех измерений: 1) символ как когниция символического многомирия; 2) символ как соотношение обобщающего инварианта и текстовой реализации; 3) символ как билатеральный знак; 4) символ как синкрета с многослойной семантикой. Основополагающим результатом исследования является *теория полиреферентности символа – главного его дифференциального признака*, прослеживающегося на всех уровнях лингвокогнитивного моделирования как равноправие двух изоморфных компонентов: на знаковом уровне – означающего и означаемого, на уровне лексемы – двух денотатов, на уровне лексико-семантического поля – двух микрополей, на уровне текста – двух референтов и двух образов, а на когнитивном уровне – как двоemiрие.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Когнитивно-семиологическая теория слова. // Вестник СамГУ. 2006. №5/1. С. 102-110.
2. Андреева В., Куклев В., Ровнер А. Дом. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Астрель, АСТ, 1999. С. 160-161.
3. Барт Р. Миф сегодня. // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. С.233-286.
4. Болдырев Н.Н. Языковые механизмы оценочной категоризации. // Реальность, язык и сознание: Международная межвуз. Сб. науч. тр. Тамбов, 2002. С. 360-369.
5. Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) Л.: Издательство: Тип. Химтехиздата (Ленинград), 1925.
6. Виноградова Н. Л. Дверь.// Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Под ред . С. Толстой. Москва:, 2001. С. 126-128.
7. Гак В. Г. Лексико-семантические преобразования. // Лексические и семантические трансформации. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 453-511.
8. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: поиск метода. М.: Академический проект, 2004.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ТЕРРА, 1994.
10. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная модель.// Краткий словарь когнитивных терминов. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л.Г. М.: филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С.56-57. С.37
11. Колесов В. В. Философия русского слова. С-Пб.: ЮНА, 2002.
12. Купер Дж. Дверь. //Энциклопедия символов. М.: Золотой Век, 1995.
13. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд. испр. М.: Искусство, 1995.
14. МАС: Словарь русского языка: в 4 т. [электронный ресурс]. Под. ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд. стер. М.: Русский язык:

Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc>.

15. Миф. Новейший философский словарь, электронный ресурс: <http://www.philosophi-terms.ru>.

16. Мишанкина Н. А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса. Дисс... на соиск. уч. степ. докт. филол. н. Томск, 2010.

17. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М. «ОЛМА Медиа Групп»: 2010.

18. Степанов Ю.С., Эдельман. Семиологический принцип описания языка // Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976. М.: Изд-во ИЯЗ АН СССР, 1985. С.7-35.

19. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986.

References

1. Alefirenko N.F. Cognitive-semiological theory of speech. // Vestnik of SSU. 2006. № 5/1. Pp. 102-110.

2. Andreeva V., Kuklev V. Rovner A. House. Encyclopedia of symbols, signs, emblems. Moscow, 1999. Pp. 160-161. Bart R. Myth today. // Selected Works: Semiotics. Poetics. Moscow: Publishing house named after Sabashnikov, 2004. Pp. 233-286.

3. Boldyrev N.N. Language evaluation categorization mechanisms. // Reality, language and consciousness: Interuniversity collection of scientific papers. Tambov, 2002. Pp. 360-369.

4. Vinogradov V.V. Poetry of Anna Akhmatova (Stylistic sketches). Publisher: Type. Himtehzdat. Leningrad, 1925.

5. Vinogradova N.L. Door. // Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary dictionary. Ed. S. Tolstaja. Moscow, 2001. Pp. 126-128.

6. Gak V.G. Lexical and semantic transformations. // Lexical and semantic transformations. Moscow, 1998. Pp. 453-511.

7. Greimas A.-ZH. Structural semantics: search method / Greimas A.-ZH. Moscow: Academic Project, 2004.

8. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Russian language. Moscow: TERRA, 1994.

9. Demyankov V.Z. Kubrakova E.S. Cognitive model. // Short a dictionary of cognitive terms. Kubryakova Je.S. Demyankov V.Z., Pan G. Kratz, Luzin L. GM: Philological Faculty of Moscow. M.V. Lomonosov Moscow State University, 1996.

10. Kolesov V.V. Philosophy Russian words. Saint-Petersburg: JNA, 2002.

11. Cooper. J. Door. // Encyclopedia of characters. Moscow, 1995.

12. Losev A.F. The problem of character and realistic art. 2nd ed. Corr. MA: Art, 1995.

13. Russian Dictionary in 4 volumes [electronic resource] / edited. Ed. A.P. Evgen'eva. 4th edition. Moscow: Russian language: Poligrafresursy, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc>.

14. Myth. Newest Philosophical Dictionary, electronic resource: <http://www.philosophi-terms.ru>.

15. Mishankina N.A. Cognitive modeling of scientific discourse. Dissertation for the degree of Doctor of Philology. Tomsk, 2010.

16. Mokienko V.M., Nikitina T. G. Nikolaeva E.K. Large dictionary of Russian proverbs. Moscow: 2010.

17. Stepanov Y.S. Edelman. Semiological principle of the language // Principles describe the languages of the world. Moscow: Nauka, 1976. M. Univ IYAZ AN SSSR, 1985. Pp.7-35.

18. Ufimtseva A.A. Lexical meaning: Principles of the semiological description of lexicon. Nauka, 1986.

РЁКО ЯМАГУЧИ

доктор филологических наук, Институт иностранных языков, г. Кобэ (Япония)
E-mail : cjv52910@rio.odn.ne.jp

RYOKO YAMAGUCHI

Doctor of Philology, Institut of Foreign Languages, Kobe, Japan
E-mail : cjv52910@rio.odn.ne.jp

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТАТУСА НЕВЕСТЫ В РУССКИХ СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ

TRANSFER OF THE BRIDAL STATUS IN THE RUSSIAN WEDDING CEREMONY

Свадебный обряд в России обнаруживает глубинное сходство с обрядом похорон, и свадебные причитания во многом по образности и структуре воспроизводят похоронные. Это сходство состоит в трансформации статуса внутреннего и внешнего мира невесты, что отражается в ее причитаниях.

Ключевые слова : свадьба, невеста, причитания, похороны.

Russian wedding ceremony reveals the resemblance to a funeral ceremony. Wedding lamentations, in many ways, formally and structural, reproduce a funeral lamentations. This resemblance consists of transfer of status in the inside and outside world of a bride. We observe that in lamentations texts.

Keywords: wedding, bride, lamentation, funeral.

Как известно, причитания в русской народной культуре являются обрядовой поэзией печали и исполняются не только во время похоронного обряда, но и во время свадебного. Интересная особенность русских свадебных причитаний, как отмечают многие исследователи, заключается в том, что свадьба воспринимается как символические похороны невесты, поскольку считается, что она вскоре должна будет изменить свой статус, утратить прежнюю сущность (девичество) и начать жить в другом мире (в доме жениха) [1]. Обрядовая смена статуса, через который проходит невеста, обычно интерпретируется исследователями в рамках концепции переходных обрядов. Эта концепция впервые была представлена в 1909 г. в книге Арнольда ван Геннепа «Обряды перехода» [2]. В этой работе исследователь пишет, что все обряды, связанные с переходом индивида в новое состояние, сводятся к общей схеме, отражающей порядок действия по ступеням. Всего выделяется три таких ступени: обряды отделения, обряды перехода и обряды включения. Трехступенчатость этих обрядов не везде осуществляется с одинаковой полнотой. Например, в свадебном обряде большее развитие получают обряды включения, потому что свадьба связана с пожеланием урожая и плодородия.

В русской народной культуре свадебные обряды, которые являются типичными обрядами перехода, обнаруживают глубокие связи с похоронными обрядами, а свадебные причитания во многом по образности и структуре воспроизводят похоронные. В причитаниях подчеркивается, что невеста тоже отделяется от своей семьи, привычного дома и должна отправиться в «иной мир», мир чужих людей и неизвестных мест. Невеста словно умирает, и ее родной дом тоже символически умирает для нее.

Чтобы обосновать этот тезис, мы проанализируем

несколько свадебных причитаний из классического сборника «Причитания Северного края, собранные Е.В. Барсовым». Сначала мы обратим внимание на «переходную» символику невесты и подробно рассмотрим, как изображается прощание со старым домом, которое является важным этапом при «переходе» невесты в новый статус. Мы попытаемся составить пространственную схему движения персонажей «Плача сговора» [3].

В «Плаче сговора» мы можем видеть четырех основных персонажей: невеста, жених, мать невесты, сваты жениха. В пространственной схеме причитания наиболее важные места занимают невеста и жених. Они представляют два основных полюса, которые прослеживаются не только в пространственном измерении, но и по соотношению «свой-чужой». В этой системе координат невеста и ее мать являются персонажами этого света, а жених – иного мира. Сваты также относятся к иному миру, при этом являются посредниками между мирами и обладают магическими знаниями, необходимыми для того, чтобы успешно выполнить свою задачу.

Сюжет «Плача сговора» связан с прощанием невесты со своей волей, однако в тексте причитания часто происходят скачки во времени и в пространстве. Монолог матери начинается с того, что невеста как будто уже вышла замуж, причем ее новая жизнь подробно изображается, однако потом слушатель понимает, что в действительности невеста еще дома. Мать в своем монологе настоятельно советует невесте оставить свою волю дома, причем очевидно, что в данном случае дом символизирует свой мир. Невеста теряет свое место дома, но пока еще она не вышла замуж, поэтому не получила статус жены. То есть она уже утратила свой статус в пространстве родного дома, но еще не обрела новый статус «на чужой стороне». Таким образом, получается, что только мать в полной мере является

представительницей этого мира, мира родного дома, в то время как невеста уже имеет переходный статус. В причитании мать узнает от странствующего нищего про будущее, причем нищий тоже оказывается посредником между этим миром и тем миром, как и сваты. Находящаяся в лиминальном статусе невеста тоже может видеть будущее, поэтому она в причитании рассказывает о жизни после свадьбы.

В причитании невесты подробно описывается ее зелёный сад, который напоминает вечную весну и оказывается связан с «волей» невесты.

И до сегодняшна Господня Божья денечка,
И на горы стоял у девушки зелёной сад,
И край пути стоял ведь сад до край дороженьки,
И на красы-басы стоял да на угожестве,
И возрастала в саду травонька шелковая,
И росцветали всяки розовы цветочки
И сросли деревца в садочике сахарней!
И во моем да во девочьем зеленом саду,
И солетали перелётны разны птиченьки,
И как незнамы соловьи да говоручии,
И возжупляли оны разным голосочкам! [4]

В этой модели мироздания зелёный сад оказывается символом девичества, мира невесты до свадьбы. Жизнь невесты и ее жизненная сила находятся в неразрывной связи с понятием мира. Рассматривая пространственную структуру причитания, мы видим, что невеста находится в переходном статусе, не принадлежа ни этому миру, ни иному миру. Невеста хочет обрести новый постоянный статус, поэтому ей нельзя возвращаться в родной дом. В это время она посещает места и предметы своей девичьей жизни и прощается с ними.

И ты прости, прости, невольну красну девушку,
И тиха-смирная прости меня, бесёдушка!
И да ты поздая, прости ведь, вечериночка,
И ты сосновая, прости теперь, лучиночка!
И вы простите-тко, кружки меня девочьи,
И вы простите-тко, шестёрочки весёлыи,
И вы простите, перепёлочки хорошии,
И вы простите, блады-молоды вьюночки,
И меня, милы друг-советны мои подружки!
И вы простите, звон-унылы жалки писенки!
И вы простите, честны мужни молоды жены!
И вы простите, бедны вдовки горегорькии!
И вы несчастныи солдатки розмолодыи!
И ты прости меня, бажёна дорога воля,
И прости, красное миженско мое солнышко!
И шутки-шмоночки простите-тко девочьи,
И вси игры, меня, забавы молодецкии!
И вы простите, холостьба да неженатая
И златокрылыи удалы добры молодцы!
И вси окольные спорядныи суседушки! [5]
Ты прости, прости, роздольице-чисто поле,
И вы простите-тко, роспашисты полосушки,
И вы простите-тко, катуци белы камешки,
И где ходила ж я, невольна красна девушка,
И я на трудную крестьянскую работушку!
Ох, послушайте, советны дружны подружки

И тайны мильи сердечны разговорщички!
И спамятите-тко, души да красны девушки,
И на лужках меня, невольну сенокосных,
И вы на чистых полях да хлебородных,
И где сидили на катуцих белых камешках
И где мы шуточки, голубушки, шутили,
И жалки писенки, лебедушки, спевали
И свою волюшку ведь мы да спотешали! [6]

Невесте надо прощаться с родными местами, но и родному дому тоже надо прощаться с ней. В причитании невеста со своей «волей» идет из дома, но в пути ее «воля» впервые встретит «неволю». «Неволя» изображена персонажем опасным и страшным, она появляется из чужой страны и является образом будущего невесты.

И вдруг навстрету твоей вольной этой волюшке,
И на пути да на широкой на дороженьке,
И встречу стретилось великое неволище,
И как угрюмая неволя страховитая;
И у него ли буйна голова нечёсана,
И как неволя в кафтанишечко сокручена,
И она липовой веревкой подпоясана,
И во лаптишечка неволя подбулася! [7]

Этот образ показывает, что старый мир невесты тоже умирает для нее. Это означает, что невесте невозможно вернуться домой, поскольку ее новая «неволя» так сильна и опасна. В данном случае девичья «воля», то есть незамужнее состояние, принимает антропоморфный вид – облик девы, имеющей особую волшебную силу. Эта трансформация знаменует утрату тех свойств и того статуса, которые присущи девушке до выхода замуж. Чтобы вернуть себе прежние свойства, девушка совершает путешествие в иной мир, наподобие шаманского путешествия, но терпит поражение. Ее заговор и магические действия оказываются бессильны.

Вы, родные родители,
Мои милые подруженьки,
Вам ночесь-то, в темну ноченьку,
Вам спалось ли да дремалось?
Что во снах-то вам привиделось,
Вы скажите мне, красны девицы.
Как мне-то, красной девице,
Не спалася ночка темная,
Я заснула на минуточку, –
Мне во сне много привиделось:
Мне привиделось, что у окна поколотилось,
У ворот да кольцобрякнуло,
У дверей да попросилося,
Я вставала, красна девица,
Отворяла двери на пятау,
Запускала красну девицу,
Заходила красна девица –
Моя волюшка-то вольная;
Середь пола становилася,
Богу господу помолилася,
Понизку мне поклонилася:
«Здравствуй, милая подруженька!»
Подходила воля-волюшка
Ко кроваточке тесовой,

Ко перинушке пуховой,
Ко кручинному сголовицу,
Мою голову погладила,
Русу косыньку поправила,
Алы ленточки расправила,
Попеняла мне, посудачила:
« Бог судья те, красна девица!
Ты поспешила да поторопилася,
Отказала да волю вольную
От себя-то, от красной девицы:
Видно, надоело жить при волюшке,
Погоди-тко, красна девица,
После схватишься, наплачешься
О своей-то воле девичьей».
Как пошла моя воля вольная,
На меня она рассердилася,
Со мной пошла не простилася
И назад-то не воротилася.
Я выходила-то, красна девица,
Вслед за вольной-то волюшкой,
Поглядела я, красна девица,
Куда пошла да моя волюшка.
Пошла далеко-то, во темны леса,
Она села–то на елочку,
И на елочку на зеленую.
Подходила–то красна девица
К этой елочке зеленой.
Как подняла да свои белы руки,
Хотела снять свою волю вольную,–
Тут зелена елка окарзана,
Тут моя волюшка осталася [8].

Ёлка, которая является во сне, символизирует девичество и означает место невесты в этом мире. Невеста теряет это место, что символически обозначает ее «сиротство», своего рода «похороны родного очага». Причитания имеют ярко выраженный

магический аспект, по существу, они должны обеспечить помощь духов-покровителей. Очевидно, что при прощании с родным домом невеста прощается и с духами-покровителями. Возникает вопрос: как этот смысл обряда реализуется в ритуальных действиях? Мы предлагаем, что ответом на этот вопрос является комплекс ритуалов, связанных с мытьем невесты в бане.

Баннные ритуалы были одними из важнейших обрядовых действий в традиционной русской свадьбе. Баня занимала важное место не только в бытовой культуре, но и в духовной жизни крестьянина. Существует мнение, что в дохристианские времена баня была тем сакральным местом, где отправлялся культ домашних духов и культ предков. По мнению Н.А. Криничной, исследовавшей мифологические поверья о баннике, в древности «баня осмыслялась как некое сакральное пространство (благожелательное и вредоносное), где совершается таинство перехода к важнейшим этапам жизненного цикла [9]. Обрядовое мытье невесты в бане в этом контексте может интерпретироваться двояко: с одной стороны, это ее перерождение и обрядовое очищение, после которого она готова к новой жизни; с другой стороны, в своей бане, которая представляется местом обитания духов-покровителей, невеста прощается с ними и смывает с себя свой старый статус, оставляет здесь свое «девичество». В этом смысле баня может быть представлена как некое родовое кладбище, святилище домашних духов, где происходят символические похороны невесты и ее возрождение в новом статусе.

Как мы видим, когда статус невесты становится «переходным», она умирает временно для прощания с родом и ее род (родина, дом) тоже умирает для нее. С помощью этих прощаний-причитаний временного покойника-невесты правильно «хоронят» и она успешно обретает новый статус.

Библиографический список

1. Байбурин А.К., Левинтон Г.А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд. М., 1990. С. 64–99.
2. Ван Геннеп А. Обряды перехода. М. 1999.
3. Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым. СПб., 1997. Т. 2. С. 278-312.
4. Там же. С. 285.
5. Там же. С. 316.
6. Там же. С. 340.
7. Там же. С. 303.
8. Обрядовая поэзия. Сост. Соколова В.К., Чиркова Т.М., М., 1989. С. 591-592.
9. Криничная Н.А. Русская мифология. Мир образов фольклора. М., 2004. С. 28-31.

References

1. Baiburin A.K., Levinton G.A. Funerals and weddings // Researches in the Baltic-Slavic spiritual cultures : Funeral ceremony. Moscow, 1990. Pp. 64-99.
2. Van Gennep A. Rite of passage. Moscow. 1909.
3. Lamantations in North Russia, recorded by Barsov E.V. St Peterburg, 1997. Vol. 2. Pp. 278-312.
4. ibid. 285.
5. ibid. 316.
6. ibid. 340.
7. ibid. 303
8. Ceremony poetry. Ed. Sokolova V.K., Chirkova T.M. Moscow, 1989. Pp. 591-592.
9. Krinichinaya N.A. Russian mythology. World of folk images. Moscow, 2004 . Pp. 28-31.

УДК 342.61(73)

А.П. АЛЕКСАНДРОВА*и.о. зав.кафедрой английской филологии, кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет**E-mail: arnold71@inbox.ru***Д.П. АЛЕКСАНДРОВА***магистр прикладной этики, Орловский государственный университет**E-mail: arnold71@inbox.ru*

UDC 342.61(73)

A.P. ALEXANDROVA*Acting Head of the Department of English Philology, Candidate of Philology, associate professor, Orel State University**E-mail: arnold71@inbox.ru***D.P. ALEXANDROVA***Master of Applied Ethics, Orel State University**E-mail: arnold71@inbox.ru***АМЕРИКАНСКИЕ КОНВЕНТЫ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ****THE U.S. CONVENTIONS DURING THE PRESIDENTIAL ELECTION**

В статье рассматриваются американские конвенты в период президентских выборов. Вкратце описывается сама система конвентов, их основная задача и работа, их особенности и преимущества в свете президентских выборов.

Ключевые слова: конвенция, выборы, президентские выборы, первичные выборы, «кокусы», «соломенные выборы», голосование, коллегия выборщиков.

The article deals with the U.S. conventions during the presidential election. It throws some light on the system of conventions, their main task and work, their peculiarities and advantages in connection with the presidential election.

Keywords: convention, election, presidential campaign, preliminaries, caucuses, “straw elections”, voting, the Electoral College.

National conventions can impress a random mixture of drama, boredom, and frivolity on many U.S. and foreign viewers. One of American journalists Theodore White wrote that national party conventions are a political phenomenon, incomprehensible to most foreigners, and many Americans. Being a purely American and unique, it was not taken from textbooks on political theory and was not invented by a vet philosopher.

American convention system basically derives from the constitutionally prescribed separation of legislative and executive powers. In parliamentary democracies, such as Great Britain and Canada, the legislative and executive power is concentrated in the national legislature, and the main function of party congresses is to discuss and formulate the government policy. Only in rare cases Party Congress has to elect a party leader, who could become prime minister in the future.

In the United States, the main task of the convention, its true purpose is to nominate candidates for the posts of President and Vice President, who will take over the executive power in the country. In addition, the presidential candidate is in charge of a four-year general party leadership and has got an overall control over the party apparatus. It is assumed that the candidate, if elected, will build its policy in accordance with the party platform, officially expressing its general principles and objectives. However, U.S. President has complete independence and freedom in making decisions that may correspond the party platform, but may diverge from it.

The national convention is, in a physical sense, the

only occasion when representatives of state organizations come together and interact as parts of the same party. For thousands of party leaders and members, the national convention is the main campaign rally for the party. They have a common “enemy” (the opposing party’s presidential candidate) to work against and a common leader to rally behind. [White 1989:99]

In general, the judgment about the convention system depends on the caliber of the individuals it has nominated. Sometimes rather mediocre people such as Warren G. Harding, Franklin Pierce, James Buchanan, and William Henry Harrison were prophesied and then elected as Presidents. But the same system nominated Woodrow Wilson, Theodore Roosevelt, Franklin Roosevelt and Abraham Lincoln – people who won universal recognition as outstanding leaders in the history of the United States.

The system of national political conventions that appeared in the 1830s became strong in outline in both leading parties. Political party conventions perform a number of tasks. They generally meet every four years, several months in advance of a presidential election. The modern convention meets over several days to achieve various procedural and political goals. Leaders compose and approve the party platform, a policy statement including “planks,” or specific proposals, on which the party’s candidates run, as well as set rules for party procedure. In addition, leaders use the convention to address the party en masse. Minor figures are often given the opportunity to address the convention during the day while most delegates are in meetings; evening addresses, however, are heavily

publicized and often delivered by major figures. The keynote speaker is often selected to fulfill some symbolic or political goal. For example, Zell Miller, a Democratic senator from Georgia endorsed George W. Bush at the 2004 Republican convention for president based on his national security credentials. Often a party's rising stars are chosen to deliver prominent addresses. Two such speakers between 1988 and 2004 – Bill Clinton and Barack Obama – were subsequently nominated as presidential candidates in their own right. The most visible and historically important task of the convention is the nomination of that party's candidates for president and vice president.

Conventions are composed of delegates, apportioned among various state and territorial party organizations. Delegates vote for presidential and vice presidential nominees and on other procedural matters. Since the early 1970s, delegates of the two major parties have generally been bound to follow the results of state caucuses or primaries when they vote for candidates. Therefore, the identity of each party's eventual nominee is often known weeks or even months before the conventions begin; primaries have historically been held over several months during the first half of the year, and the conventions not until late summer. The events themselves have increasingly become mere formalities, serving primarily as publicized launching pads for the final weeks of the presidential campaign. [The Princeton Encyclopedia 554-555]

Today, thousands of men and women flock to each convention city by airplane, train, bus, and automobile. A few thousand are officials and delegates. Many are newspaper, magazine, and television reporters. Others are members of news teams from throughout the world. The convention hall is filled with flags, posters, streamers, and banners. Red, white, and blue colours are everywhere. Television equipment and wires can be seen throughout the hall. The delegates are seated by states on the main floor. Thousands of people watch and wait to take part in the convention. [White 1989:99-100]

Each party special committee starts choosing a suitable city for the convention. These party committees start doing it in advance, about two years before this special mission. The selection of host cities for the national conventions is very important to the parties. Each party seeks a host city whose state and citizens would welcome the convention. A host city must have a large convention center and provide attractions for the delegates. Another important factor for site selection of the party's convention is the preference of the current President. For example, New Orleans, Louisiana, was selected as the site for the 1988 Republican convention. The Democrats chose Atlanta, Georgia as their 1988 Convention site [White 1989:101]. Thus appropriate space and a comfortable hotel, size of local financial support and various political considerations – all these affect the commission's choice. The decision to hold the Democratic Party convention of 1984 in San Francisco was caused by the fact that California became the country's most populous state. Similarly, the Republicans' choice fell on Dallas as Texas was a fast-growing state with a large number of voters. National party committee is a permanent body,

acting on behalf of the party in the periods between the conventions; it approves or rejects the offered choice of the city. This committee produces the official declaration of the convening of the convention, determines the distribution of delegates between the states, makes a temporary list of delegates and alternate members of the delegation with an advisory vote, and recommends a group of managers to perform various ceremonial and administrative functions at the convention. All these activities, however, are the subject to review and approval by the convention. Being a creature of the national convention, the national party committee is completely under its control.

During the week before the opening of the convention, a number of important meetings are usually held, in particular, the program, credentials and regulatory commissions. The Programme Commission listens to individuals' offers and offers of representatives of group interests. Credentials Committee resolves disputes concerning the credentials of the delegates of the states where the questions about the validity of the mandates of supporters of the rival candidates arise. The National Committee may meet to consider the problems connected with the rules of procedure.

The convention lasts four days, Monday to Thursday. With the advent of the television network covering the whole country, almost all meetings of the convention are appointed for the evening to allow the maximum number of viewers keep track of what is happening there. Work of the four day congress usually distributes as follows:

The first day. National Chairman of the party officially opens the convention, whose members then voted for the list of officers recommended by the National Committee. The chairman or another respected party leader, often one of the leading members of the Congress, speaks introductory word. The most important part of the day is the first report of the Credentials Committee, confirming the authority of delegates from each state, with the subsequent vote in case of a dispute about the validity of their powers.

The second day. Convention approves the reports of its major commissions. Members of the Congress discuss the party program, offer to replace some of its provisions and vote for its adoption.

The third day. Tension and excitement reach their climax when the delegations begin to nominate candidates for President. After all the candidates have been placed in nomination and the second speeches have been made, the voting begins. The roll call of the state delegations is announced in alphabetical order, beginning with Alabama. Each state may propose its own candidate, support its nominate, cede its turn to another state or temporarily abstain. After the announcement of the names of all candidates begins ballot in which all states alternately are called in alphabetical order again. All candidates of the Republican Party, since 1948, and all candidates of the Democratic Party, since 1952, have been elected as a result of the first round of voting. But if the first ballot, with every individual delegate's vote counted, fails to give an overall majority to any candidate, a second ballot is held, then if necessary a third. One convention, long ago, needed thirty-four inconclusive ballots before it at last produced an

overall majority, but in modern times, with the background of the opinion polls as well as the primaries, such a deadlock would be most unlikely. [Bromhead 1995:72] Very often the candidate, seeing that he has no chance of winning, frees delegates from the obligation to support him and thereby enables them to give their voices to another candidate. Once the party's candidate for the presidency has been chosen, the convention has three more tasks: to prepare and agree a statement of the party's policy, or 'platform'; to choose its candidate for the vice-presidency; and to proclaim its unity behind the candidates and their platform.

The fourth day. The platform needs to be vague enough to avoid annoyance to any of the sectional interests whose support the party hopes to get. The choice of a vice-president candidate is an anticlimax. [Bagby 1995:292] The new presidential candidate nominates his vice-presidential running-mate for the convention to acclaim. He usually takes a day or so of thought and consultation before making his proposal, which is likely to be a person who has a substantial independent basis of support within the party. [Bromhead 1995:72] He often convinces one of the opponents, a defeated rival, differing from the elect by his style and views, to run with him. Sometimes more attention is given to such political factors than to qualifications for the presidency. This tactical decision is caused by the presidential candidate's striving to seek broader support in the upcoming pre-election campaign. Delegates as a rule support the choice made by a presidential candidate, put forward a candidacy proposed by him and vote for it. Between the conventions and November the campaign is between the two parties, now each united against the other in support of its pair of candidates, who campaign all over the country themselves – still sometimes using the traditional campaign railway trains. Expenditure at this stage is limited by law, and partly financed by public funds.

The atmosphere in which all the work of the convention takes place resembles a carnival to many viewers. The congress delegates usually wear badges, hats, belts and other garments, identifying them with the state to which they belong, and posters with the names and portraits of their candidates. The election of a candidate usually causes a burst of enthusiasm. The whole convention goes wild in a tremendous demonstration, and the successful candidate appears at the rostrum to acknowledge the applause. Applauses last several minutes. Enthusiastic delegates wave flags and banners, orchestras play and hundreds of colorful air balls come down from the ceiling. When order is restored the victor makes an acceptance speech, thoughtfully written in advance. All this creates a colorful spectacle, but it does not mean that the delegates concern about their role without proper seriousness. Delegates are party activists, who work in their electoral districts for months, organize meetings, and agitate for their candidates and often themselves seek election to any elective office in places in government. National Convention is the climax in a tense election campaign, giving delegates an opportunity to 'shake things up on people' after a tiring work.

In the U.S.A. the presidential election campaign starts earlier than one year before the conventions, with a series

of so-called "straw elections" which anticipatory explore the opinions of voters by polling conducted by party staff functionaries. Fred Wertheimer¹, the president of the organization "Common Cause"² serving to protect the interests of citizens, said about the "straw elections" they are purely artificial activities related to the collection of funds to the party funds, but they largely contribute to the process of selecting candidates for Presidency.

However, the campaign starts to gain momentum only in the beginning of the year of the presidential election: the party organizations in each state start selecting delegates to their conventions. There are two ways for selecting delegates: (1) through the primary election in which voters of this state vote for the person in the list of candidates for delegates, which will subsequently vote for the candidate for Presidency they like most of all, or (2) by "caucuses" which are pre-election meetings of the party supporters, when they gather in groups for selecting delegates to the national party convention. And in some cases, the delegates are required to vote for a particular candidate, and in others the delegates are given freedom to vote on their own discretion.

It should be noted that the primary presidential elections are mainly of two kinds. In one case, voters submit their vote directly for the one who, in their opinion, should be the presidential candidate. In another case, they elect only delegates to the convention, which, in turn, may be bound or not bound by the obligation to vote for a particular candidate. If primaries make delegates vote for a particular candidate at the convention, state laws determine the number of rounds of voting, after which delegates are exempted from this obligation. In some cases, presidential primaries have proven to be decisive. For example, the victory of John Kennedy over Hubert Humphrey in the West Virginia primary in 1960 showed that a Catholic could win in a Protestant state, and this enabled him to get the nomination. Also the increase in the number of states holding primaries from seventeen in 1968 to thirty-eight in 1992 made them more decisive. [Bagby 1995:291]

The Iowa caucuses are particularly important since they represent the start of the presidential campaign, usually in February of the election year. Iowa is psychologically important, since the media will focus on which candidates do well, labeling them the "front-runners". However, in 1980, George Bush did well in Iowa, but lost to Ronald Reagan in the New Hampshire primary. Reagan's poor showing in Iowa was soon forgotten as he proceeded to secure the nomination. Iowa's significance was diminished in 1992, since its own Democratic senator, Tom Harkin, was victorious (he had little opposition from other Democrats). [Elowitz 1992:77-78]

At a time when there is a selection of delegates, private organizations poll estimate the correlation of candidates' forces based on sensing sentiment on the local, regional and national levels. It is particularly important for candidates to achieve good results in those states where the first "caucuses" or primaries are held, for example, in Iowa and New Hampshire). The success achieved in these states, gives the candidate a great advantage, creating the impression that the man, ahead of his rivals, has all chances

to get the support of the convention. This very impression if it is shared widely tells on the results of public polls, which are the most commonly reported by all media, and it further improves the chances of success.

Polls and reports in newspapers and magazines, on radio and television continue with increasing intensity from the moment of closing conventions of Democratic and Republican parties until the day of the general elections to be held on the first Tuesday after the first Monday in November. The work of organizations on opinion research and of media organizations at this stage of the campaign becomes easier than in the period preceding the party conventions. The number of applicants for the post of President is reduced to two (although some candidates from the third party can attract quite a lot of attention), their political platforms are marked more clearly.

In other respects, the task becomes more difficult. Newspapers and magazines, television and radio are aware that they must maintain a balance in their reports on the candidates of both parties, so that they could not be accused of partiality to one or the other. Likewise, the organizations on public poll which reputation depends on the accuracy of their estimates of the mood in the country usually interrogate more people and ask more questions than during the primary elections and meetings.

Even in this age of widely developed broadcasting contenders for the presidency try to overtake as many states for personal interaction with voters as possible. An opportunity to see the candidate, to say a few words to him or to shake hands with him is considered very useful in political standpoint on the national, state, and local level. In 1960, the Republican candidate Richard Nixon during his unsuccessful campaign versus John F. Kennedy visited all fifty states. He was and still remains the only candidate for Presidency who put this record.

In 1960, Nixon and Kennedy for the first time in the history of campaigns performed for American viewers in four political debates. Many political observers believe that namely these debates ultimately ensured Kennedy his victory on election. As a junior senator from Massachusetts, at the time he was not so well known in the country as Nixon, who had finished his second term as Vice-president when Dwight Eisenhower was the U.S. President. After 16 years again such a debate was held between President Gerald Ford and Democratic challenger Jimmy Carter. The following debate was between Carter and Republican candidate Ronald Reagan.

In 1974 Congress passed a law providing partial funding from federal funds to cover the costs of election campaigns for the primary presidential elections. This law also provides full funding of presidential elections from federal funds and authorizes donations for organizing the party conventions. Appointed party candidate spends millions of dollars received as federal grants and collected in the form of private donations, covering the costs of advertising, maintaining state employees and other expenses of the campaign.

On the day of the general election American voters go to the polling places to elect a President, Vice President, members of Congress and officials to state and local

governments. According to the established tradition residents of the town Diksville Notch in New Hampshire are the first to vote in the country. They start voting immediately after midnight, so that their choice is brought to the attention of the country on radio and television long before the opening of the polling places elsewhere.

Voting continues throughout the day. Partial or final results are announced on radio and television as they come. As the country covers several areas of zone time, the final results about the election on the East Coast become known to West coastal voters who haven't voted yet. In this regard, there have been proposals repeatedly not to disclose the voting results until the close of all polling stations in the country – from east to west.

A characteristic feature of American political life, anywhere in the world which has no precedent, is that the result of a nationwide vote formally doesn't determine the winner of the election; this question is determined by a vote of electors. The number of electors in each state equals the number of congressmen and senators, representing the state in both houses of Congress. The presidential candidate who receives the majority of even the most insignificant of the vote in the state gets all the electoral votes of that state. Since the Electoral College consists of 538 members, a candidate needs 270 votes for winning.

Members of the Electoral College vote at home, in the capitals of the fifty states and in the District of Columbia (Washington) approximately in six weeks after the general election, and the results of this vote are approved by the plenary session of both houses of Congress in early January. Only after this the election of President becomes official. The inauguration ceremony of the newly elected or re-elected president is always held on the steps of the Capitol in Washington on the 20th of January, next year after the election. By this time, everything that happened at the convention in the summer remains only a vague playback and the administration of both parties start discussing the plans for the following conventions.

The wisdom of choosing party candidates in national conventions has been questioned. When conventions originated in the 1830s they were more democratic than previous methods of choosing candidates. Recently a demand has arisen to make the process of choosing party candidates even more democratic and give ordinary citizens more voice in their selection. Some want a nation-wide primary to give all party members an opportunity to elect one out of two or three candidates nominated by conventions. A majority of the people favor this reform. [Bagby 1995:292] Despite the apparent randomness of national conventions, their main advantage is their flexibility. They determine their own rules and can change them every four years. Over the past decade they have proven their ability to adapt to new requirements and changing atmosphere. Due to it conventions not only confirmed their viability, but were able to benefit from such innovations as the introduction of primary election and the emergence of a network of radio and television.

Another advantage of the conventions is that they provide the opportunity for new people to run for office

party leaders and to seek election for the President rather quickly. As a result, conventions can conduct a candidate for President of the so-called “dark horses” that are little-known political figures, or people who do not qualify for this role, but enjoy great popularity in the country. This system is brought to the forefront of political life people like Charles Evans Hughes³, Woodrow Wilson⁴, Wendell Willkie⁵ and Adlai Stevenson⁶. All of them were either new to the political arena, or did not express their intention to seek election to the presidency.

In recent decades, the conventions have become little more than publicity events. In 2008, for example,

Democratic nominee Barack Obama chose to deliver his acceptance speech to the general public in a football stadium, rather than solely to the party delegates in the convention hall. For this reason, the conventions have come under increasing criticism, particularly since both major parties receive public aid to fund the events.

Even the most ardent advocates of this system do not undertake to say that it is perfect or can be perfect. Its disadvantages as well as advantages ultimately derive from the larger political system, which it is part of it. Criticism of the conventions will continue, as will continue and the system itself.

Comments

¹ Fredric Michael “Fred” Wertheimer (born January 9, 1939) is an American attorney, lobbyist, and activist notable for his work on campaign finance reform and other government integrity, transparency, and accountability issues.

² Common Cause is a non-profit, liberal advocacy organization based in Washington, D.C. It was founded in 1970 by Republican John W. Gardner, the former Secretary of Health, Education, and Welfare in the administration of President Lyndon Johnson, a Democrat. The group was created to serve as a citizens’ lobby to establish greater transparency and accountability in U.S. political institutions. Common Cause has offices in 36 states, and is funded by contributions and membership fees from its nearly 400,000 members.

³ Charles Evans Hughes, Sr. (April 11, 1862 – August 27, 1948) was an American statesman, lawyer and Republican politician from New York. He served as the 36th Governor of New York, Associate Justice of the Supreme Court of the United States, United States Secretary of State, a judge on the Court of International Justice, and the 11th Chief Justice of the United States. He was the Republican candidate in the 1916 U.S. Presidential election, losing narrowly to Woodrow Wilson. Hughes was a professor in the 1890s, a staunch supporter of Britain’s New Liberalism, an important leader of the progressive movement of the 20th century, a leading diplomat and New York lawyer in the days of Harding and Coolidge, and was known for being a swing voter when dealing with cases related to the New Deal in the 1930s.

⁴ Wendell Lewis Willkie (February 18, 1892 – October 8, 1944) was a corporate lawyer in the United States and a dark horse who became the Republican Party nominee for president in 1940. A member of the liberal wing of the party, he crusaded against those domestic policies of the New Deal that he thought were inefficient and anti-business. Willkie, an internationalist, needed the votes of the large isolationist element, so he waffled on the bitterly debated issue of America’s role in World War II, losing support from both sides. His opponent Franklin D. Roosevelt won the 1940 election with 55% of the popular vote and 85% of the electoral vote. Afterward, Roosevelt found Willkie to be compatible politically with his plans and brought him aboard as an informal ambassador-at-large. He was the last nominee of either of the two major U.S. political parties to have never held elected or appointed office.

⁵ Thomas Woodrow Wilson (December 28, 1856 – February 3, 1924) was the 28th President of the United States from 1913 to 1921. With the Republican Party split in 1912, he led his Democratic Party to win control of both the White House and Congress for the first time since Grover Cleveland’s victory in 1892.

Wilson persuaded a Democratic Congress to pass a liberal legislative agenda, unparalleled until the New Deal in 1933. This agenda included the Federal Reserve Act, Federal Trade Commission Act, the Clayton Antitrust Act, the Federal Farm Loan Act and an income tax. Child labor was curtailed by the Keating – Owen Act of 1916, but the U.S. Supreme Court declared it unconstitutional in 1918. Wilson also facilitated passage of the Adamson Act, which imposed an 8-hour workday for railroads. Wilson was a modern liberal visionary President, although he shared contemporary widespread racism toward blacks. Wilson tolerated and allowed his Cabinet to racially segregate federal employees and the Navy.

An intellectual with a mastery of political language, Wilson was a highly effective partisan campaigner as well as legislative strategist. For his sponsorship of the League of Nations, Wilson was awarded the 1919 Nobel Peace Prize. Wilson has consistently been ranked by scholars and the public as one of the top ten presidents.

⁶ Adlai Ewing Stevenson I (October 23, 1835 – June 14, 1914) served as the 23rd Vice President of the United States (1893–1897). Previously, he served as a Congressman from Illinois in the late 1870s and early 1880s. After his subsequent appointment as Assistant Postmaster General of the United States during Grover Cleveland’s first administration, he fired many Republican postal workers and replaced them with Southern Democrats. This earned him the enmity of the Republican-controlled Congress, but made him a favorite as Grover Cleveland’s running mate in 1892, and he duly became 23rd Vice President of the United States. In office, he supported the free-silver lobby against the gold-standard men like Cleveland, but was praised for ruling in a dignified, non-partisan manner.

In 1900, he ran for Vice President with William Jennings Bryan. He was the first ex-Vice President ever to win re-nomination for that post with a different Presidential candidate.

References

1. *Bagby W. M.* Introduction to Social Science and Contemporary Issues. Nelson-Hall Publishers, Chicago, 1995. Pp. 291- 294.
2. *Bromhead P.* Life in Modern America. Longman Group UK Limited, Harlow, 1995. Pp. 63-75.
3. *Cummings M. C., Jr., Wise D.* Democracy under pressure: an introduction to the American political system. Harcourt Brace Jovanovich College Publishers, Florida, 1993. Pp. 244-253, 341-342.
4. *Dunn Ch. W., Slann M.W.* American Government: a comparative approach. HarperCollins College Publishers, New York, 1994. Pp. 258-302.
5. *Elowitz L.* Introduction to Government. New York: HarperCollins Publishers, 1992. Pp. 77-86.
6. *Encyclopedia of the United States Constitution.* Edited by Leonard W. Levy, Kenneth L. Karst. Macmillan reference USA. *An imprint of the Gale Group*, New York, 2000. Pp. 868, 1938–1940.
7. *Gale encyclopedia of American law.* Gale, Cengage Learning, 2010, Vol. 3. P. 192.
8. *Harrigan J.J.* Politics and Policy in States and Communities. An imprint of Addison Wesley Longman, Inc. 1998. Pp. 122-150.
9. *The Princeton Encyclopedia.* Richard R. John, Ira I. Katznelson, Jack N. Rakove, Julian E. Zelizer; editor Michael Kazin. Princeton University Press, 2010, Vol. 1. Pp. 554-558.
10. *White C. S.* We The People. HOLT, RINEHART and WINSTON. New York, 1989. Pp. 98-124, 377-385.
11. <http://www.americanhistory.about.com>
12. <http://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=true&doc=43>
13. <http://www.questia.com/library/law>
14. <http://www.usa.gov>

УДК 351.746.1(470)

UDC 351.746.1(470)

С.В. БЛАТИН

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры, Академия ФСО России
E-mail: blatin@academ.msk.rsnet.ru

S.V. BLATIN

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department, Federal Guard Service Academy of the RF
E-mail: blatin@academ.msk.rsnet.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

STATE SECURITY OF RUSSIAN FEDERATION: FORMATION AND CONTEMPORARY CONTENTS OF DEFINITION

В статье проанализировано понятие государственной безопасности, присутствующее в многочисленных нормативных правовых актах, и на этой основе предложено его авторское определение.

Ключевые слова: национальная безопасность, виды национальной безопасности, государственная безопасность.

The article analyses the concept of «state security», presented in the numerous normative legal acts, on that basis author offers his own definition.

Keywords: national security, types of national security, state security.

Ключевой особенностью любого государства является тесная взаимосвязь между его развитием и обеспечением безопасности, так как без обеспечения безопасности оказывается бессмысленной любая деятельность человека. В условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений проблема обеспечения безопасности личности, общества и государства для Российской Федерации приобретает особо актуальный характер в силу ее особого геополитического положения.

Системный подход к изучению государственной безопасности предполагает в первую очередь характеристику самого понятия в логике взаимосвязанных с ним понятий. «Определяйте значение слов, и вы избавите мир от половины его заблуждений», – учил великий французский философ Рене Декарт.

В современной государственной политике, юридической литературе и законодательстве Российской Федерации утвердилось такое понимание национальной безопасности, при котором она является исходной категорией для решения практических проблем по обеспечению защищенности интересов личности, общества и государства от различных угроз¹.

Структура правоотношения национальной безопасности может быть представлена в следующем виде:

¹ См., например: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444; Кардашова И. Б. МВД России в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М.: ВНИИ МВД России, 2006. С. 15; Фатеев К.В. Правовое регулирование обеспечения военной безопасности Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. С. 24; Редкоус В.М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах участниках Содружества Независимых Государств: автореферат дис. ... докт. юрид. наук. М.: 2011. С. 3-5.

– объекты национальной безопасности – национальные интересы Российской Федерации (совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства);

– субъекты обеспечения национальной безопасности – государственные органы, организующие обеспечение национальной безопасности (Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации и другие государственные органы), и силы, обеспечивающие национальную безопасность (Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная и (или) правоохранительная служба, а также федеральные органы государственной власти, принимающие участие в обеспечении национальной безопасности государства на основании законодательства Российской Федерации);

– содержание правоотношения – совокупность субъективных прав и юридических обязанностей участников правоотношения (объект, находящийся в опасности, имеет право защиты своих жизненно важных интересов от угроз, а субъект обеспечения безопасности обязан принять адекватные меры по устранению угроз).

Приоритетами обеспечения национальной безопасности являются национальная оборона, государственная и общественная безопасность².

Анализ правовых актов, закрепляющих официально признанную систему взглядов на обеспечение

² Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

национальной безопасности, позволяет установить содержание смежных с государственной безопасностью понятий – «оборона» и «общественная безопасность».

Под обороной понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории. Организация обороны включает в себя: прогнозирование и оценку военной опасности и военной угрозы; подготовку и поддержание в необходимой готовности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, а также планирование их применения; создание в составе государственного материального резерва запасов материальных ценностей, предназначенных для мобилизационных нужд государства; оперативное оборудование территории государства; развитие науки в интересах обороны и другие мероприятия в области обороны³.

Общественная безопасность характеризуется как состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Основными направлениями деятельности сил обеспечения общественной безопасности являются: противодействие терроризму, экстремизму, преступным и иным противоправным посягательствам; защита населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; противодействие незаконной миграции; расширение международного сотрудничества в правоохранительной сфере⁴.

Российское общество ждет от юридической науки научно обоснованных рекомендаций, позволяющих надежно обеспечить безопасность личности, общества и государства. Вместе с тем, анализ, проведенный по предмету настоящей статьи, свидетельствует, что в современных условиях нормативное правовое регулирование и практика обеспечения государственной безопасности значительно опережают юридическую науку. В подтверждение данного тезиса А. В. Опалев пишет: «Характерной чертой последнего десятилетия в исследовании проблем безопасности стало то, что в российской научной, в том числе специальной литературе, понятие национальной безопасности фактически вытеснило понятие государственной безопасности. Во многом это было связано с прежним пониманием государственной безопасности как незыблемости коренных устоев социалистического общества. Вследствие этого сам термин «государственная безопасность» в определенной степени попал «в опалу». В результате возникли сложности не только теоретического, но и, прежде все-

го, практического плана. Вопрос терминологического характера перерос в вопрос политико-правового содержания. Если отказаться от понятия «государственная безопасность» или растворить его в национальной безопасности, размывается сфера действия специальных служб государства, появляется соблазн наделять их несвойственными функциями. При этом теряется или отходит на второй план основная направленность их деятельности. Вот почему так важно четко определить содержание понятия «государственная безопасность» и ее место в структуре национальной безопасности⁵.

Причина «вытеснения» понятия государственной безопасности дефиницией «национальная безопасность» ставится понятной, если рассмотреть происхождение последней дефиниции.

Термин «национальная безопасность» («national security») имеет американские корни, а его широкое использование в англоязычных государствах объясняется двумя факторами. Во-первых, слово «nation» в английском языке означает не только нацию, но и страну. Во-вторых, западные страны в основном соответствуют стандарту: одна нация – одна страна (одно государство). Поэтому в англоязычных государствах термин «national security» крайне удобен для обозначения защищенности совокупного интереса нации (государства) и его граждан⁶. Так, на современном этапе общественного развития США под национальной безопасностью понимается деятельность государства по использованию всех компонентов государственной мощи для защиты и продвижения национальных интересов⁷. Государственная политика и законодательство Российской Федерации, позаимствовав англоязычный термин «национальная безопасность», наполнили его более объемным содержанием, вложив в него не только государственную безопасность, но и безопасность личности, а также общества.

В Российской Федерации государственная безопасность является лишь одним из направлений в сфере национальной безопасности. При этом следует подчеркнуть, что указанное направление имеет ключевое значение для обеспечения национальной безопасности в целом, так именно государственные органы организуют и непосредственно обеспечивают национальную безопасность. Отечественный опыт 1917 г., деятельность по захвату государственной власти на Украине в феврале 2014 г., а также многие другие исторические примеры наглядно демонстрируют, что необеспечение

5 Опалев А.В. О некоторых базовых категориях Закона Российской Федерации «О безопасности» и Концепции национальной безопасности // ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации: Научно-практический комментарий. Под ред. В.Н. Ушакова, И.Л. Трунова. М.: Эксмо, 2006. С. 207.

6 Указание в англоязычной транскрипции наименования настоящей статьи – термина «state security» – достаточно условно и осуществлено только лишь с учетом сформировавшегося отечественного понятийного аппарата в области национальной безопасности. В законодательстве США и Великобритании «государственная безопасность» является синонимом национальной безопасности и характеризуется термином «national security».

7 Национальная безопасность: актуальные проблемы: курс лекций. Под ред. А.Х. Шаваева. М.: ВАГШ, 1999. С. 335.

3 Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» // СЗ РФ. 1996. № 23. Ст. 2750; Указ Президента РФ от 5 февраля 2010 г. № 146 «О военной доктрине Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. № 7. Ст. 724.

4 Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ). - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>.

должного уровня государственной безопасности чревато разрушением действующей системы национальной безопасности, гражданской войной и массовой гибелью населения.

Применение историко-правового метода позволяет определить правовую природу, истоки и характер эволюции института государственной безопасности.

Термин «государственная безопасность» был введен в правовой оборот Постановлением ЦИК СССР от 10 июля 1934 г., на основании которого был образован Народный комиссариат внутренних дел СССР, предусматривающий в своем составе Главное управление государственной безопасности (ГУГБ НКВД СССР)⁸.

В советский период отечественной истории под государственной безопасностью понималась «совокупность мер по защите существующего государственного и общественного строя, территориальной неприкосновенности и независимости государства от подрывной деятельности разведывательных и иных специальных служб враждебных государств, а также от противников существующего строя внутри страны»⁹.

Закрепление дефиниции «государственная безопасность» в Конституции СССР 1936 г., а затем и в Конституции СССР 1977 г. обеспечило конституционную парадигму приоритета интересов государственной безопасности, т. е. решения всех проблем обеспечения безопасности личности и общества на основе первоочередного учета интересов государства.

В СССР «охрана государственной безопасности» наряду с обороной страны рассматривалась как составная часть защиты социалистического Отечества. Так, П. И. Романов и В. Г. Белявский писали: «Функция защиты социалистического Отечества не ограничивается деятельностью Советской Армии и Военно-Морского Флота. Конституция СССР рассматривает как составную ее часть систему мероприятий по обеспечению государственной безопасности. В современных условиях, когда соотношение сил на мировой арене изменилось в пользу социализма, империализм делает особую ставку на разведывательно-подрывные акции, на попытки расшатать советский строй изнутри»¹⁰.

Организационная структура сил обеспечения государственной безопасности в советский период отечественной была представлена подразделениями, входившими в состав единого исполнительного органа государственной власти, именуемого в различные периоды времени ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ.

В соответствии с Законом СССР от 16 мая 1991 г. «Об органах государственной безопасности в СССР»¹¹ основными направлениями деятельности органов государственной безопасности СССР являлись:

8 Лубянка (ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ:1917-1960): справочник. Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров, науч. ред. Р.Г. Пихоя. М.: МФД, 1997. С. 12.

9 Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 2. С. 79–80.

10 Романов П.И., Белявский В.Г. Конституция СССР и защита Отечества. М.: Воениздат. 1979. С. 43.

11 Закон СССР от 16 мая 1991 г. № 2159-1 «Об органах государственной безопасности в СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 22. Ст. 630.

– разведывательная работа в целях обеспечения государственной безопасности Союза ССР и республик, входящих в его состав;

– контрразведывательная работа по защите Союза ССР и его республик от разведывательно-подрывной деятельности специальных служб иностранных государств и иностранных организаций;

– обеспечение высших органов государственной власти и управления Союза ССР и его республик, других государственных органов информацией, необходимой для решения задач, связанных с государственной безопасностью, социально-экономическим, оборонным строительством и научно-техническим прогрессом, внешнеполитической и внешнеэкономической деятельностью;

– предупреждение, выявление и пресечение преступлений, расследование которых отнесено законом к ведению органов государственной безопасности;

– борьба с терроризмом и организованной преступностью, затрагивающими интересы государственной безопасности;

– обеспечение сохранности государственных секретов СССР, организация, обеспечение безопасности специальных видов связи и шифровой работы;

– охрана государственной границы СССР и его экономической зоны;

– участие в разработке и осуществлении мер по охране континентального шельфа СССР;

– обеспечение готовности к функционированию в военное время пунктов управления страной и Вооруженными Силами СССР;

– оказание методической и организационно-технической помощи министерствам, государственным комитетам, ведомствам, предприятиям, учреждениям и организациям в обеспечении государственной безопасности, а также в пределах компетенции координация их деятельности в указанной области и контроль за этой деятельностью.

Попытка в августе 1991 г. Государственного комитета по чрезвычайному положению захватить власть первоначально повлекла за собой вывод подразделений 9-го управления из структуры КГБ СССР, формирование на их основе Управления охраны при Аппарате Президента СССР, а затем Службы безопасности Президента СССР. На уровне РСФСР указом Президента РСФСР от 10 сентября 1991 г. для обеспечения безопасности Президента РСФСР была образована Служба безопасности Президента РСФСР.

В последующем Указом Президента СССР от 29 августа 1991 г. на основе Управления правительственной связи КГБ СССР, 8 Главного управления КГБ СССР, 16 управлений КГБ СССР и приданных им войск был сформирован Комитет правительственной связи при Президенте СССР¹², а в РСФСР был создан Комитет правительственной связи при Президенте РСФСР, который послужил основой для формирования 24 декабря

12 Указ Президента СССР от 29 августа 1991 г. № УП-2484 «О создании Комитета правительственной связи при Президенте СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР». 1991. № 36. Ст. 1059.

1992 г. Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте РСФСР¹³.

Упразднение КГБ СССР завершилось изданием Закона СССР от 3 декабря 1991 г. «О реорганизации органов государственной безопасности». На основе упраздненного государственного органа были созданы Межреспубликанская служба безопасности, Центральная служба разведки СССР, Комитет по охране государственной границы СССР с объединением командованием пограничных войск¹⁴.

Признание в Конституции Российской Федерации 1993 г. человека, его прав и свобод высшей ценностью потребовало разработки новой парадигмы обеспечения безопасности – государство для человека – и повлекло за собой формирование крайне противоречивой ситуации в области теории и практики обеспечения государственной безопасности. С одной стороны, в Российской Федерации функционировала разветвленная система органов обеспечения государственной безопасности, которая находилась в процессе постоянной реорганизации, а с другой стороны, имелись лишь единичные исследования по вопросам, касающимся правового обеспечения государственной безопасности.

Из определений государственной безопасности, закрепленных в научных трудах, следует процитировать работу профессора А. В. Опалева, в которой под государственной безопасностью понимается «защищенность суверенитета, независимости, территориальной целостности и конституционного строя страны, ее экономического, научно-технического и оборонного потенциала, законных прав и свобод личности от разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб и организаций, а также от преступных посягательств отдельных групп или лиц»¹⁵.

Иные определения государственной безопасности, приводящиеся в научной литературе, в целом совпадают с мнением А.В. Опалева, но в них дополнительно акцентируется внимание на отдельных свойствах изучаемого социального явления. Так, Д.Б. Ирошников полагает, что «государственная безопасность – это состояние государства, которое обеспечивает защиту государственного строя, государственных органов, территориальной целостности государства, а также его суверенитета»¹⁶. М.Р. Чарьев определяет государственную безопасность через «состояние государства, которое выражается в незыблемости его жизненно важных интересов», и рассматривает как синонимы категории «государственная безопасность Российской Федерации», «государственная безопасность», «безопасность государства», «без-

опасность Российской Федерации» и «безопасность Российского государства»¹⁷. По мнению В. М. Редкоуса, «государственная безопасность – это защищенность основ существования страны»¹⁸.

Анализ современной структуры федеральных органов исполнительной власти и их компетенции позволяет утверждать, что силы обеспечения государственной безопасности России представлена четырьмя федеральными органами исполнительной власти – СВР России, ФСБ России, ФСО России и ГУСП. Компетенция сил обеспечения государственной безопасности закреплена в федеральных законах «О внешней разведке»¹⁹, «О федеральной службе безопасности»²⁰, «О государственной охране»²¹, «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»²².

Нормы УК РФ, федеральных законов «О безопасности»²³, «О противодействии терроризму»²⁴, «О противодействии экстремистской деятельности»²⁵, «О противодействии коррупции»²⁶ позволяют сделать вывод о том, что основными угрозами государственной безопасности являются государственная измена, разглашение государственной тайны и утрата документов, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, шпионаж, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, террористическая деятельность, вооруженный мятеж, насильственный захват власти, публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя, коррупция в органах государственной власти.

Систематизировав приведенные в рамках настоящей статьи правовые акты и научные издания, можно сформулировать следующие обобщающие выводы:

1. В современной государственной политике, юридической литературе и законодательстве Российской Федерации в отличие от англоязычных государств государственная безопасность рассматривается не как совокупный результат защищенности интересов личности, общества и государства, а лишь как одно из направлений национальной безопасности.

17 Чарьев М.Р. Судебная власть в системе обеспечения государственной безопасности Российской Федерации // Российский судья. 2006. №№ 3,4.

18 Редкоус В.М. Некоторые вопросы совершенствования Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2009. № 8. С. 14–15.

19 Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 143.

20 Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

21 Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» // СЗ РФ. 1996. № 22. Ст. 2594.

22 Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1014.

23 Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // СЗ РФ. – 2011. № 1. Ст. 2.

24 Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

25 Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

26 Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

13 Указ Президента РСФСР от 24 декабря 1991 г. № 313 «О создании Федерального агентства правительственной связи и информации при Президенте РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1992. № 1. Ст. 39.

14 Закон СССР от 3 декабря 1991 г. № 124-Н «О реорганизации органов государственной безопасности» // Ведомости ВС СССР. 1991. № 50. Ст. 1411.

15 Опалев А. В. Указ. соч. С. 209.

16 Ирошников Д.В. Правовая политика Российской Федерации в сфере государственной безопасности: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2011. С. 6 дия. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 2. С. 79–80.

Под государственной безопасностью следует понимать состояние защищенности основ конституционного строя Российской Федерации, территориальной неприкосновенности, независимости государства от внешних, внутренних и трансграничных угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, устойчивое развитие страны и общественную безопасность.

2. Историческое развитие государственной безопасности свидетельствует, что направления ее обеспечения изменялись в зависимости от национальных интересов в области государственной безопасности и угроз этим интересам.

В современных условиях основными направлениями обеспечения государственной безопасности Российской Федерации являются разведывательная, контрразведывательная и пограничная деятельность, борьба с терроризмом и с преступностью, посягающей на основы государственного и общественного устрой-

ства, обеспечение информационной безопасности, государственной охраны²⁷, мобилизационной подготовки и мобилизации органов государственной власти.

3. Правовой институт государственной безопасности занимает ключевое место в структуре национальной безопасности Российской Федерации и его нормы закреплены в большом количестве нормативных правовых актов. В то же время, упомянутый правовой институт характеризуется относительно слабой теоретико-правовой разработкой в российской науке и отсутствием соответствующей концепции его развития. Сложившееся противоречие требует своего скорейшего решения.

²⁷ Под государственной охраной в данном случае понимается деятельность по обеспечению безопасности объектов государственной охраны и защите охраняемых объектов, выполняемая в целях безопасного и беспрепятственного осуществления государственной власти в России и исполнения Россией своих международных обязательств.

Библиографический список

1. Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. 2.
2. *Ирошников Д.В.* Правовая политика Российской Федерации в сфере государственной безопасности: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2011. 24с.
3. *Кардашова И.Б.* МВД России в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. М.: ВНИИ МВД России, 2006. 57 с.
4. Лубянка (ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ:1917-1960): справочник. Сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. Науч. ред. Р.Г. Пихоя. М.: МФД, 1997. 352 с.
5. Национальная безопасность: актуальные проблемы: курс лекций. Под ред. А.Х. Шаваева. М.: ВАГШ, 1999. 420 с.
6. *Опалев А. В.* О некоторых базовых категориях Закона Российской Федерации «О безопасности» и Концепции национальной безопасности // ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации: научно-практический комментарий. Под ред. В.Н. Ушакова, И.Л. Трунова. М.: Эксмо, 2006. С. 207.
7. *Редкоус В.М.* Некоторые вопросы совершенствования Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2009. № 8. С. 14–15.
8. *Редкоус В.М.* Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах - участниках Содружества Независимых Государств: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. М.: 2011. 47 с.
9. *Романов П.И., Белявский В.Г.* Конституция СССР и защита Отечества. М.: Воениздат. 1979. 127 с.
10. *Фатеев К.В.* Правовое регулирование обеспечения военной безопасности Российской Федерации: дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2005.
11. *Чарьев М.Р.* Судебная власть в системе обеспечения государственной безопасности Российской Федерации // Российский судья. 2006. №№ 3,4.

References

1. Great Soviet Encyclopedia. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1971. T. 2.
2. *Iroshnikov D.V.* Legal Policy of the Russian Federation in the sphere of national security: theoretical aspect: Author. dis. ... cand. jurid. sciences. Tambov, 2011. 24 p.
3. *Kardashov I.B.* Russian Interior Ministry in the system of national security of the Russian Federation. M.: Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. 57 p.
4. Lubyanka (Cheka-OGPU-NKVD-NKVD-MGB-MVD-KGB :1917-1960): Handbook / comp. A.I. Kokurin, N.V. Petrov. Scientific. Ed. R.G. Pikhoy. M.: MFD, 1997. 352 p.
5. Homeland Security: Current Issues: lectures / Ed. A.H. Shavaeva. M.: VAGSH, 1999. 420p.
6. *Opalev A.V.* On some basic categories of the RF Law "On Security" and National Security Concept // FSB Russia. Legal regulation of the Federal Security Service to ensure the national security of the Russian Federation: Scientific and Practical Commentary / ed. V.N. Ushakov, I.L. Trunov. M.: Penguin Books, 2006. 207 p.
7. *Redkous V.M.* Some issues of improving the national security strategy of the Russian Federation // Law and the State: Theory and Practice. 2009. № 8. Pp. 14-15.
8. *Redkous V.M.* Administrative and legal support to national security in the states - members of the Commonwealth of Independent States: Author. diss. ... doctor. jurid. sciences. M.: 2011. 47 p.
9. *Romanov P.I., Bielawski V.G.* The Constitution of the USSR and the defense of the Fatherland. Moscow: Military Publishing. 1979. 127p.
10. *Fateev K.V.* Legal regulation of the military security of the Russian Federation: Diss. ... doctor. jurid. sciences. Moscow, 2005.
11. *Charyev M.R.* Judicial power in the system of national security of the Russian Federation // Russian judge. 2006. № № 3, 4.

УДК 347.13

UDC 347.13

Я.Е. БОЧАРОВ

аспирант, кафедра гражданского процесса, предпринимательского и трудового права, Орловский государственный университет
E-mail: kwkl71@gmail.com

YA.E. BOCHAROV

Graduated student, Civil Procedure, Business and Labor Law Department, Orel State University
E-mail: kwkl71@gmail.com

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И БРИТАНСКОГО НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СОЗДАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ НА ПРИМЕРЕ ФЗ «ОБ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ» И «ПРАВИЛ ОБ ЭЛЕКТРОННЫХ ПОДПИСЯХ 2002» В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА О ПРИЗНАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ ПОДПИСЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND BRITISH LEGAL REGULATION OF DIGITAL SIGNATURES USE AND CREATION BASED ON FEDERAL LAW «ON ELECTRONIC SIGNATURE» AND «THE ELECTRONIC SIGNATURES REGULATIONS 2002» IN CONTEXT OF FOREIGN DIGITAL SIGNATURES LEGAL RECOGNITION IN RUSSIA

Статья содержит сравнительный анализ нормативно-правовых актов в сфере регулирования общественных отношений, связанных с созданием и использованием электронных подписей, выполненный на основе авторского технического перевода оригинала законодательства Великобритании и текста российского закона о цифровой подписи.

Ключевые слова: электронная подпись, сертификат электронной подписи, информация, связь, законодательство Великобритании.

This article contains the comparative analysis of legal acts, regulating public relations of creation and use of digital signatures. The article is made using the original translation of British legal act «The electronic signatures regulations» and Russian digital signature law.

Keywords: digital signature, digital signature certificate, information, communications, British legislation.

В настоящее время электронные подписи находят все более широкое применение для осуществления юридически значимых действий. На данный момент существует правовая база для заключения сделок в электронной форме, для использования документов, заверенных электронной подписью. [1] Следующим шагом может стать трансграничное использование электронных подписей, тем более, что ст.7 ФЗ «Об электронной подписи» прямо предусматривает возможность признания электронных подписей, созданных в соответствии с нормами иностранного права и международными стандартами. В связи с этим остро встает вопрос о соответствии требований к электронным подписям, предъявляемых российским законодательством, требованиям, используемым в иностранных государствах. В настоящей статье будет выполнен сравнительный анализ ФЗ «Об электронной подписи» с британскими «Правилами об электронных подписях 2002» [2], регулирующих сходные отношения. По результатам анализа будет сделан вывод о применимости британских электронных подписей на территории РФ, а также о сходствах и различиях подходов к правовому регулированию данных общественных отношений.

Основным документом, регулирующим создание и применение электронных подписей на территории Соединенного Королевства, являются «Правила

об электронных подписях 2002» (в целях данной статьи будет использоваться авторский перевод [2]). Вышеуказанные Правила вступили в силу 8 марта 2002 года и до настоящего времени не претерпевали изменений. Понятийный аппарат и правовые дефиниции крайне схожи с таковыми, использованными в ФЗ «Об электронной подписи», вступившем в силу 6 апреля 2011 года, а также с модельным законом UNISTRAL от 2001 года. [8] В частности, британский акт определяет электронную подпись как «информацию в электронной форме, которая прикреплена или логически ассоциируется с другой электронной информацией и может использоваться как метод идентификации» [2], в то время как российский закон определяет ее как информацию «в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию» [2]. Таким образом, российское и британское законодательство демонстрируют идентичный подход к пониманию концепции электронной подписи. Однако в отношении классификации электронных подписей заметны существенные различия.

Как известно, ФЗ «Об электронной подписи» выделяет 3 вида электронных подписей: простая, усиленная

неквалифицированная и усиленная квалифицированная. Британский акт в свою очередь определяет только простую и квалифицированную электронные подписи.

В соответствии с российским законодательством, простой подписью считается подпись, «которая посредством использования кодов, паролей или иных средств подтверждает факт формирования электронной подписи определенным лицом». Определение простой электронной подписи британского акта полностью совпадает с общим определением электронной подписи. В целом, можно утверждать идентичность определений, так как возможность использования подписи как метода идентификации подразумевает возможность установления факта формирования подписи определенным лицом.

«Правила об электронных подписях 2002» предъявляют следующие требования к квалифицированным электронным подписям: «квалифицированная электронная подпись» означает электронную подпись –

(а) которая неразрывно связана с подписавшим лицом,

(b) которая имеет возможность установить подписавшее лицо,

(с) которая создана с использованием средств, находящихся в распоряжении исключительно подписавшего лица, и

(d) которая связана с информацией, к которой она относится таким образом, что любое изменение этой информации может быть обнаружено;

Также из Правил следует необходимость получения квалифицированного сертификата для удовлетворения критерию неразрывной связи подписи с подписавшим лицом. Российским законодательством предъявляются следующие требования к усиленной неквалифицированной электронной подписи.

Неквалифицированной электронной подписью является электронная подпись, которая:

1. получена в результате криптографического преобразования информации с использованием ключа электронной подписи;

2. позволяет определить лицо, подписавшее электронный документ;

3. позволяет обнаружить факт внесения изменений в электронный документ после момента его подписания;

4. создается с использованием средств электронной подписи.

Стоит отметить, что использование «средств электронной подписи» в британском акте подразумевается, и они определены следующим образом:

«устройство создания подписи» означает соответствующе настроенное программное обеспечение или устройство, использующееся для создания электронной подписи;

«устройство подтверждения электронной подписи» означает соответствующе настроенное программное обеспечение или устройство, использующееся для подтверждения электронной подписи;

Таким образом, российское законодательство

предъявляет большее количество требований к усиленной подписи, нежели британское к квалифицированной. Британские Правила не обязывают пользователей получать свои подписи в результате криптографического преобразования информации, хотя предусматривают и эту возможность, в частности определяя данные подтверждения подписи как «данные (включающие в себя, но не ограниченные кодами или открытыми ключами шифрования), которые используются в целях подтверждения электронной подписи».

К усиленной квалифицированной подписи в России применяются дополнительные требования. Квалифицированной признается усиленная подпись в случае, если она удовлетворяет следующим критериям:

1. ключ проверки электронной подписи указан в квалифицированном сертификате;

2. для создания и проверки электронной подписи используются средства электронной подписи, получившие подтверждение соответствия требованиям, установленным в соответствии с настоящим Федеральным законом.

Как уже указывалось выше, для британской квалифицированной подписи получение квалифицированного сертификата обязательно. В соответствии с требованиями Перечня I, являющегося приложением к Правилам и определяющим обязательные требования к квалифицированным сертификатам, в сертификате обязательно должны содержаться данные подтверждения электронной подписи, корреспондирующие к данным создания электронной подписи под контролем подписывающего лица. Это удовлетворяет российскому критерию наличия ключа проверки электронной подписи в сертификате. Как и в Российской Федерации, квалифицированные сертификаты на территории Соединенного Королевства могут присваивать только аккредитованные в соответствующем порядке центры (провайдеры сертификационных услуг).

Единственным существенным различием в требованиях к квалифицированной подписи является необходимость использовать средства электронной подписи, получившие подтверждение соответствия требованиям, установленным в соответствии с ФЗ «Об электронной подписи».

В соответствии с ст.12 ФЗ «Об электронной подписи», средства электронной подписи должны соответствовать следующим критериям:

1. позволяют установить факт изменения подписанного электронного документа после момента его подписания;

2. обеспечивают практическую невозможность вычисления ключа электронной подписи из электронной подписи или из ключа ее проверки.

При этом при создании подписи такие средства должны:

1. показывать лицу, подписывающему электронный документ, содержание информации, которую он подписывает;

2. создавать электронную подпись только после подтверждения лицом, подписывающим электронный

документ, операции по созданию электронной подписи;

3. однозначно показывать, что электронная подпись создана.

При проверке должны:

1. показывать содержание электронного документа, подписанного электронной подписью;

2. показывать информацию о внесении изменений в подписанный электронной подписью электронный документ;

3. указывать на лицо, с использованием ключа электронной подписи которого подписаны электронные документы. [3]

Британские Правила не содержат отдельно выделенных требований к средствам электронной подписи, ограничиваясь лишь термином «соответствующее настроенное программное обеспечение или устройство».

Российское законодательство не содержит требований к использованию каких-либо сертифицированных или одобренных криптографических средств, что облегчает признание британских подписей в случае их использования. Также требования к удостоверяющим центрам, предъявляемые ФЗ «Об электронной подписи», не распространяются на британских провайдеров сертификационных услуг.

В целом можно сделать вывод о большем дискриминационном отношении российского законодательства в части определения средств электронной подписи. Британские Правила не содержат никаких технических требований к программным и аппаратным средствам,

применяемым для создания и использования электронной подписи, ограничиваясь лишь требованиями к результату их использования, в то время как российский ФЗ «Об электронной подписи» содержит более подробные технические требования. Возможно, это является наследием предыдущего Федерального закона «Об электронной цифровой подписи», в котором техническая сторона создания и использования электронной подписи была еще более подробно регламентирована. В части же определения видов электронной подписи наблюдается очевидное влияние западного подхода к регулированию вопросов создания и применения электронной подписи на российское нормативное регулирование, поскольку британские Правила были созданы на девять лет раньше, чем российский закон.

По результатам сравнительного анализа можно сделать вывод, что простая электронная подпись в РФ и Великобритании полностью соответствуют друг другу. Британские простые подписи будут полностью признаны в России. Касательно усиленных подписей ситуация несколько иная. В случае несоответствия средств электронной подписи, использованных в Великобритании, требованиям ФЗ «Об электронной подписи», британская квалифицированная подпись будет признана усиленной неквалифицированной на территории России. Однако в случае соответствия средств электронной подписи требованиям, предъявляемым российским законодательством, британская квалифицированная подпись будет признана усиленной квалифицированной.

Библиографический список

1. Бочаров Я. Е. Основы гражданско-правового регулирования электронной подписи. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013 №2(52) С. 237-239.
2. Бочаров Я. Е. Правила об электронных подписях 2002. Технический перевод законодательства Великобритании The electronic signatures regulations 2002. Саратов: Институт управления и социально-экономического развития, 2014. <http://iupr.ru/>
3. Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 02.07.2013, с изм. от 12.03.2014) «Об электронной подписи». КонсультантПлюс, 1992-2014. <http://www.consultant.ru/>
4. Mason S. The International Implications of Using Electronic Signatures. Computer and telecommunications Law Review 2005. No 11 (5). Pp. 160-166.
5. Morrison P. E-Commerce: Formal Requirements in Digital Signatures. Construction and Engineering Law 2002. 7.1 (23) 86-92.
6. The Data Protection Directive (95/46/EC). Official Journal 23/11/1995; L281:0031 - 0050.
7. The EU Directive on Electronic Signatures (Directive 1999/ 93/ EC). Official Journal 19/01/2000; L1.
8. UNCITRAL Model Law on Electronic Signatures with Guide to Enactment 2001. New York: UNITED NATIONS, 2002.

References

1. Bocharov Ya. E. Basis of the civil and legal regulation of electronic signature. Scientific notes of Orel state university. 2013 № 2(52) Pp. 237-239.
2. Bocharov Ya. E. Translation of the legal act: The electronic signatures regulations 2002. Saratov: Institute of management and social-economical development, 2014. <http://iupr.ru/>
3. Federal law 06.04.2011 N 63-FZ (edd. 02.07.2013, with amendment 12.03.2014) On electronic signatures. ConsultantPlus, 1992-2014. <http://www.consultant.ru/>
4. Mason S. The International Implications of Using Electronic Signatures. Computer and telecommunications Law Review 2005 № 11 (5) Pp. 160-166.
5. Morrison P. E-Commerce: Formal Requirements in Digital Signatures. Construction and Engineering Law 2002; 7.1 (23) 86-92.
6. The Data Protection Directive (95/46/EC). Official Journal 23/11/1995; L281:0031 - 0050.
7. The EU Directive on Electronic Signatures (Directive 1999/ 93/ EC). Official Journal 19/01/2000; L1.
8. UNCITRAL Model Law on Electronic Signatures with Guide to Enactment 2001. New York: UNITED NATIONS, 2002.

О.А. ВАСИЛЬЕВА

*соискатель, кафедра теории и истории государства и права, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
E-mail: Olesya-vas@yandex.ru*

O.A. VASILYEVA

*Applicant of the Department, Theory and history of state and law, Yelets State University named after I.A. Bunin
E-mail: Olesya-vas@yandex.ru*

**ПРОБЛЕМА КОНЦЕССИЙ, РАЗГРАНИЧИТЕЛЬНЫЙ ВОПРОС И СОВЕТСКО-ИРАНСКИЕ
ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В 20-Х ГГ. XX В.**

**THE ISSUE OF CONCESSIONS, THE BOUNDARY QUESTION AND THE SOVIET-IRANIAN TRADE
AND ECONOMIC RELATIONS IN THE 20-IES OF XX CENTURY**

Статья посвящена рассмотрению проблемы становления и развития отношений между Ираном и Россией в 20-е годы XX в. Антисоветская политика реакционного правительства Ирана наиболее яркое выражение нашла в вопросах сдачи иностранному капиталу концессии на северную нефть, разграничительном вопросе и в вопросе о советско-иранском торговом договоре.

Ключевые слова: Иран, СССР, советско-иранский торговый договор, концессия, меджлис, монополия внешней торговли, таможенный тариф.

The article is devoted to problems of formation and development of relations between Iran and Russia in the 20-ies of XX century. Anti-Soviet policy of the reactionary government of Iran the most vivid expression found in the matters of the Deposit of foreign capital concession to the Northern oil, разграничительном matter and in the matter of the Soviet-Iranian trade agreement.

Keywords: Iran (Islamic Republic Iran), USSR, the Soviet-Iranian trade agreement, preamble, concession, mejlis, monopoly of foreign trade, customs rates.

Антисоветская политика реакционного правительства Ирана и иностранных империалистов наиболее яркое выражение нашла в вопросах сдачи иностранному капиталу концессии на северную нефть, разграничительном вопросе и в вопросе о советско-иранском торговом договоре.

По советско-иранскому договору 1921 г. все концессии, полученные в Иране царским правительством или русскими капиталистами, передавались безвозмездно иранскому народу [1]. Причем статья 13 советско-иранского договора 1921 г. указывала, что Правительство Персии обещает со своей стороны не передавать возвращенные Персии, согласно настоящему договору, концессии и имущества во владение, распоряжение или пользование никакому третьему государству или его гражданам, сохраняя все сказанные права за собой на благо персидского народа [1]. Однако правительство Ирана, возглавляемое Кавамом ос-Салтане, грубо нарушая советско-иранский договор, в ноябре 1921 г. дало согласие на разработку нефти в пяти северных провинциях Ирана американской компании «Стандарт ойл» [6]. Вслед за этим 22 ноября 1921 г. было созвано специальное заседание меджлиса, на котором Кавам предложил немедленно утвердить концессию. Такая поспешность в решении серьезного государственного вопроса доказывала чрезвычайную заинтересованность правительства в сдаче концессии американцам.

Принятый меджлисом в результате давления на де-

путатов законопроект о сдаче концессии устанавливал следующие условия:

1. Район, сдаваемый в концессию компании «Стандарт ойл», определялся пятью провинциями: Азербайджан, Астрабад, Мазандеран, Гилян и Хорасан.
2. Срок концессии устанавливался в 50 лет.
3. Доля отчисления Ирану концессионером определялась в 10% стоимости добытой нефти.
4. Подробные условия договора должны были быть разработаны в дальнейшем и внесены на утверждение меджлиса.
5. Концессия не могла передаваться третьей стороне [9].

Демократически настроенные слои иранского народа сразу же увидели в этом соглашении попытку осложнить советско-иранские отношения и создать серьезную угрозу национальной независимости Ирана.

В дальнейшем «Стандарт ойл» вступила в контакт с АИНК (Англо-иранской нефтяной компанией) с целью совместной эксплуатации нефти в северных провинциях Ирана. 15 января 1922 г. Ф. Ротштейн заявил правительству Ирана категорический протест против сдачи нефтяной концессии на севере Ирана иностранным компаниям. Несмотря на протест Советского правительства, правительство Ирана продолжало вести переговоры по сдаче концессии. Однако внесенный на рассмотрение меджлиса 2 марта 1922 г. проект соглашения вышеуказанных двух компаний, несмотря на

все усилия правительства и англо-американских империалистов, был отвергнут большинством депутатов как противоречащий п. 5 условий соглашения правительства Ирана со «Стандарт ойл». Было объявлено об аннулировании соглашения [3].

Правительство Ирана, продолжая грубо нарушать условия советско-иранского договора, летом 1922 г. снова начало переговоры о сдаче концессии на северную нефть с другой американской компанией – «Синклер». Но 10 января 1923 г. при обсуждении проекта концессии в меджлисе разразился громкий скандал: лидер национального блока огласил конфиденциальную телеграмму из Вашингтона, в которой указывалось, что в случае удачного проведения концессии премьер-министр Кавам-ос-Салтане и его сотрудники получают от американской компании 150 тыс. долларов [3].

Летом 1923 г. правительство Ирана начинает вторичные переговоры с компанией «Синклер», которая пользовалась непосредственной поддержкой Государственного секретаря Соединенных Штатов Америки Фолласа [1]. Концессионный договор, заключенный между Ираном и нефтяной компанией «Синклер» в декабре 1923 г., имел, как и проект несостоявшегося договора со «Стандарт ойл», грабительский характер: он предусматривал эксплуатацию нефтепромыслов четырех из пяти провинций Ирана и отчисление Ирану всего 20% доходов [3]. Хотя в сентябре 1924 г. меджлис утвердил это соглашение, в силу оно не вступило [5]. В конце 1924 г. главный владелец компании Гарри Синклер был арестован в связи с раскрывшейся в США крупной нефтяной аферой. В апреле 1925 г. Советское правительство еще раз уведомило правительство Ирана о том, что оно может распоряжаться нефтяной концессией в северном Иране только на условиях советско-иранского договора 1921 г. [3]. В результате всего этого иранское правительство было вынуждено аннулировать соглашение и с компанией «Синклер».

Действия американцев вокруг иранской нефти свидетельствовали о далекоидущих планах империалистов США, стремившихся прибрать страну к рукам и превратить ее в орудие антисоветской деятельности. В осуществлении этих антисоветских и антинациональных планов принимал активное участие премьер-министр Кавам-ос-Салтане. Именно правительство Кавама дважды в течение рассматриваемого периода пыталось сдать концессию на северную нефть американскому капиталу, именно в период его правления Соединенные Штаты Америки в ноябре 1922 послали в Иран миссию Мильспо.

Подписанный 14 августа 1922 г. в Вашингтоне контракт о правах и полномочиях Мильспо, как главного управляющего всеми финансами в Иране, давал обширные права американскому агенту.

Так, Мильспо имел право составлять государственный бюджет, реорганизовать аппарат министерства финансов и связанных с ним учреждений, привлекать в Иран иностранный капитал и предоставлять иностранцам торговые и промышленные концессии, изыскивать дополнительные источники дохода, давать письменные

разрешения производить финансовые операции правительству Ирана и т.п. [7]

Столь обширные полномочия, полученные представителем Соединенных Штатов, открывали для американских империалистов возможность фактически контролировать экономику, политику и финансы Ирана. Мильспо использовал эти права для осуществления планов американских империалистов по превращению Ирана в зависимую от США страну и для подрыва всевозрастающего влияния Советского государства в Иране.

Мильспо прилагал большие усилия, чтобы добиться концессий на северную нефть для американских нефтяных компаний. Одной из причин большой заинтересованности американских правящих кругов в северной иранской нефти было стратегическое положение этих провинций и их близость к Советскому Союзу. Так, Луис Фишер также подчеркивает антисоветскую сущность империалистических домогательств нефтяных концессий в северном Иране: «Концессия английской или объединенной англо-американской компании, – пишет он, – неизбежно привела бы к расширению британского влияния до русских границ, откуда сделана бы базой для интриг и волнений, а также для возможных усилий оторвать Кавказ от центра России» [9].

Иранское правительство не останавливалось и перед прямыми нарушениями условий советско-иранского договора, в частности пытаясь сорвать разграничение водных и территориальных рубежей, предусмотренное договором 1921 г.

Среднеазиатская граница СССР с Ираном начинается с места впадения реки Атрек в Каспийское море и идет извилистой линией на протяжении 800 верст до Серахса на реке Теджен и далее до Зульфугара, через который проходит южная граница с Афганистаном. Эта пограничная черта пересекается целым рядом водных источников, истоки и верховья которых во многих случаях на значительном протяжении относятся к территории Ирана, лишь низовья их находятся в Туркменской ССР.

Это обстоятельство в прошлом по причине отсутствия установленных правил и законов водопользования тяжело отражалось на жизненных условиях туркменского населения. Иранские ханы, захватив истоки рек, водами которых туркмены орошали свои поля, ставили кабальные условия отпуска воды.

Только после заключения советско-иранского договора 1921 г. разрешение водного вопроса стало возможным. Ст. 3 договора прямо указывала, что «для окончательного урегулирования вопроса о пользовании пограничными водами и для разрешения всех вообще спорных пограничных и территориальных дел назначена комиссия из представителей Персии и России» [8].

Советское правительство в Тегеране со всей серьезностью поставило перед правительством Ирана вопрос о безотлагательном заключении Ираном и Советской Россией соглашения о водоразграничении и водораспределении. В результате усилий Советского правительства в августе 1921 г. по соглашению с правительством Ирана была образована смешанная паритетная советско-иранская комиссия для выработки

и заключения соглашения о водоразграничении и водораспределении. В результате усилий Советского правительства в августе 1921 г. по соглашению с правительством Ирана была образована смешанная паритетная советско-иранская комиссия для выработки и заключения соглашения о водораспределении по хорасанской границе.

Однако правительство Ирана продолжало политику осложнений советско-иранских отношений и в этом вопросе. В марте 1922 г. было закончено подробное изложение всего собранного материала и разработаны проекты соглашения по размежеванию водных источников на советско-иранской границе. Для обсуждения этих проектов в апреле 1922 г. по инициативе Советского правительства была организована смешанная паритетная советско-иранская комиссия, в состав которой вошли уполномоченный Турксовнаркома, председатель Туркводхоза и представитель Генерального консульства в Хорасане [9].

Ввиду того, что водораспределение имело тесную связь с вопросами изменения границы, предусмотренными договором 1921 г., на комиссию возлагалось также разграничение. Таким образом, эта комиссия явилась той разграничительной комиссией, которая, согласно ст. 3 советско-иранского договора, должна была разрешить в окончательной форме все вопросы по водному и территориальному разграничению между СССР и Ираном.

По вине иранского правительства разрешение вопроса о разграничении пограничных водных источников, предусмотренное договором 1921 г., тянулось до 1926 г.

Большой преградой в развитии советско-иранской торговли служил таможенный тариф 1920 г., выработанный английскими торговыми монополиями и, как уже говорилось, направленный исключительно против торговли Ирана с СССР. Высокие ставки этого тарифа ограничивали спрос на иранские товары со стороны органов Внешторга и тем вызывали застой в торговле Ирана. В то же время высокие пошлины значительно удорожали стоимость импортных товаров, делая невозможным их ввоз из России.

Стремясь избежать ответственности за развал экономики и бедствия населения, правительство Кавам ос-Салтане пыталось использовать недовольство народа для агитации против советской политики монополии внешней торговли и против органов управления Внешторга в Иране. Официальные представители Ирана на местах, выполняя директивы Кавам ос-Салтане, клеветнически заявляли, что дороговизна в Иране является результатом деятельности Внешторга, что Внешторг «грабит» иранское купечество [9].

При таких обстоятельствах советско-иранская торговля развиваться не могла. Необходимо было выработать твердые, определенные нормы и правила торговых взаимоотношений с Ираном, появилась острая необходимость заключить торговый договор.

Советское правительство неоднократно выражало пожелания приступить к переговорам по заключению торгового договора. Так, Наркоминдел в своих нотах от

28 сентября и 29 октября 1921 г. предложил правительству Ирана открыть в Москве такие переговоры.

Стремясь избежать заключения договора, кабинет распространил ложные слухи о том, что Советская Россия в торговом договоре собирается лишить Иран транзита.

Опровергая эти слухи, Советское правительство в ноте правительству Ирана от 28 января 1922 г. указывало, что оно ставит себе целью всячески способствовать торговле между Ираном и западными странами [6]. В ноте от 30 января того же года Народный Комиссар по иностранным делам Г.В. Чичерин предложил иранскому послу в Москве приступить к формированию делегации для заключения торгового договора [6].

Ввиду всеобщего недовольства политикой Кавам ос-Салтане, а также в результате оппозиции со стороны национальных сил Кавам ос-Салтане в январе 1922 г. вынужден был подать в отставку.

Вновь сформированное правительство Мошир од-Доуле, уступая требованиям народных масс и национальной буржуазии, было вынуждено пойти на урегулирование советско-иранской торговли. Мошир од-Доуле отменил запрещение вывозить рис в Советскую Россию, приостановил по отношению к ней действие тарифа 1920 г., направил в Москву делегацию во главе с Таги-Заде для переговоров по заключению советско-иранского торгового договора.

Председатель Иранской торговой делегации Таги-Заде прибыл в Москву 26 апреля 1922 г., в мае приехали остальные члены делегации [6]. 15 июня 1922 г. открылась конференция по заключению торгового договора с Ираном. Вновь пришедший к власти в результате правительственного кризиса в мае 1922 г. Кавам ос-Салтане продолжал проводить свою прежнюю анти-советскую политику. По его директивам иранская делегация добивалась отмены монополии внешней торговли по отношению к Ирану. Иранская делегация уклонялась от выработки практических мероприятий, которые могли бы содействовать советско-иранской торговле. Это привело к тому, что 10 августа 1922 г. переговоры прервались [6]. Советское правительство, несмотря на все эти препятствия, настойчиво продолжало поиски путей сближения советско-иранских торговых интересов.

В период перерыва в переговорах по заключению торгового договора в Москве учреждается «Российско-восточная торговая палата». Устав торговой палаты, утвержденный Советом Труда и Оборона (СТО) 15 февраля 1923 г., определял, что она призвана содействовать «экономическому сближению России с советскими республиками – Бухарой и Хорезмом, а также с Персией, Турцией, Афганистаном, Монголией, Китаем и Японией – на почве торгово-промышленных интересов» [2].

Чрезвычайный и полномочный посол Ирана Мошавер оль-Мамалек, выступая на заседании учредительного собрания палаты 10 декабря 1922 г., признал, что «Персия за 8 лет перерыва торговых сношений с Россией понесла чудовищные убытки» и приветствовал эту советскую инициативу [2].

Между тем, наряду с политикой срыва торговых

переговоров, Кавам ос-Салтане принимал все меры к созданию враждебного отношения к Советской России в Иране. Так, он способствовал распространению клеветнических слухов о каких-то агрессивных намерениях Советской России.

В борьбе против антинациональной политики Кавама ос-Салтане большое значение приобретает «Национальный блок» – политическое объединение, куда входили представители национальной буржуазии, ремесленников, интеллигенции. «Национальный блок» был образован в августе 1922 г. и ставил своей задачей содействовать проведению политики, отвечающей национальным интересам Ирана. Лидером «Национального блока» был Мостоуфи оль-Мамалек. Мостоуфи оль-Мамалек основную задачу вновь организованного блока видел в борьбе за экономическое возрождение Ирана, одним из главных условий которого было установление дружественных экономических и политических отношений с СССР.

«Национальный блок» выступает против Кавам ос-Салтане и с обвинением в срыве советско-иранских торговых переговоров. Формирование нового кабинета было поручено лидеру «Национального блока» Мостоуфи оль-Мамалеку. Весть о падении правительства Кавам ос-Салтане была с большой радостью встречена иранским народом.

Тяжелое положение в сельском хозяйстве и торговле на севере Ирана заставило новый кабинет в первую очередь позаботиться о восстановлении нормальных экономических и политических взаимоотношений с Советской Россией, нарушенных антисоветской политикой Кавама.

В феврале 1923 г. Мостоуфи оль-Мамалек направил телеграммы: первую – председателю иранской делегации в Москве Таги-Заде и чрезвычайному представителю Ирана Мошавер оль-Мамалеку о принятии экстренных мер к немедленному возобновлению торговых переговоров с РСФСР, вторую – таможенному управлению об отмене восстановленного Кавамом ос-Салтане таможенного тарифа 1920 г. и о восстановлении прежнего льготного тарифа [9].

28 февраля Мостоуфи оль-Мамалек выступил в меджлисе с программой, главным пунктом которой являлось «обязательное заключение торгового договора, таможенной, консульской и прочих конвенций с Россией» [9].

В своей декларации, оглашенной на конференции, советская делегация заявляла, что Советское правительство, стремясь облегчить товарообмен между обеими странами, вводит временно, до вступления в силу торгового договора, с 25 февраля 1923 г. особо льготные таможенные ставки по торговле с Ираном. В декларации подтверждалось также заявление от 9 ноября 1922 г. о введении льгот в целях развития и укрепления советско-иранских торговых отношений. Льготы заключались в том, что иранскому купечеству предоставлялось право свободной, т. е. помимо Внешторга, торговли с Советской Россией товарами иранского происхождения по твердо установленным спискам, а также

возможность свободного вывоза товаров из Советской России в Иран по такого же рода списку.

Эти льготы в результате враждебной политики Кавама ос-Салтане прежде осуществлены не были, возможность их реализации открылась с приходом к власти кабинета Мостоуфи оль-Мамалека.

27 марта 1923 г. вводится в действие циркуляр НКВТ №48, который предусматривал «временно, впредь до дальнейших распоряжений, установить свободный провоз русских и персидских товаров через русско-персидскую границу по прилагаемым спискам А и Б» [9]. Советско-иранские торговые переговоры были успешно доведены до конца. 20 апреля конференция принимает главные статьи проекта договора, а 11 июня 1923 г. принимается и скрепляется подписями обеих делегаций весь проект в целом [4].

Договор оставлял за каждой стороной свободу установления форм своей внешней торговли, определял статус, организацию и функции торгового представительства Советского Союза в Иране и его аппарата, устанавливал имущественные права граждан обеих сторон, четко регулировал порядок транзита товаров через территорию другой стороны и т.д. Таким образом, проект торгового договора устанавливал твердую базу и правовые нормы торговых взаимоотношений СССР с Ираном.

Правительство Мостоуфи оль-Мамалека, наряду с проектом торгового договора с Советской Россией, подписало 25 апреля 1923 г. советско-иранскую почтовую конвенцию, а 27 апреля – советско-иранскую телеграфную конвенцию, также имевшие большое значение в деле дружественного сближения Ирана с СССР [8].

Политика сближения с СССР, проводимая кабинетом Мостоуфи оль-Мамалека, уже с самого начала встретила противодействие со стороны иранских реакционеров и английских империалистов. Борьба реакционных сил против реалистической политики кабинета Мостоуфи оль-Мамалека приобретает все более ожесточенный характер. Это привело к фактическому расколу «Национального блока». В апреле от него отошли так называемые «независимые». Вслед за этим один из лидеров «Национального блока» – Тедайон, еще недавно выступавший за идеи национального освобождения, также группирует особую парламентскую фракцию [9]. Реакция, организовав таким образом оппозицию кабинету Мостоуфи оль-Мамалека, в мае начинает его травлю как «продавшегося русским» [9]. Одновременно против сближения Ирана с СССР и укрепления независимости страны открыто выступает Англия.

Англия пытается в этот период оказать прямое давление на СССР. Так, в начале мая 1923 г. Англия направляет Советскому правительству так называемый «ультиматум Керзона», в котором требует прекращения якобы проводившейся советским правительством «антибританской политики» на Ближнем Востоке и отзыва полномочных представителей СССР из Афганистана и Ирана.

«Ультиматум Керзона», ставивший одной из своих целей срыв проходивших в Москве советско-иранских

торговых переговоров, был отрицательно расценен широкими кругами иранской общественности. Народные массы Ирана с негодованием встретили попытки внутренней и внешней реакции свалить кабинет Мостоуфи оль-Мамалека и тем самым сорвать ведущиеся в Москве торговые переговоры. Иранское купечество решительно выступило против «ультиматума Керзона», одним из требований которого являлось отзывание советского полпреда из Ирана.

Борьбу реакции против «Национального блока» активно поддерживал американский советник Мильспо. Так, с купцов и земледельцев Северного Ирана, заинтересованных в восстановлении торговли с Советской Россией, Мильспо потребовал немедленной уплаты недоимок, совершенно не трогая недоимщиков юга страны.

Видя в открытом выступлении реакции против национального кабинета стремление сорвать советско-иранские отношения, Советское правительство еще 12 мая 1923 г. заявило шаху, что это рассматривается им «как движение, определенно враждебное по отношению к Советской России и в особенности теперь, когда долгие труды по заключению торгового договора стали столь близкими к благополучному завершению, ... определенное покушение противников русско-персидской дружбы на торгово-договор, имеющий своей основной задачей укрепить последнее звено в дружественных отношениях между государствами» [9].

В результате давления, фальсификации выборов и прямого насилия в межлисе 5-го созыва прошло большинство сторонников Англии, ярых противников национального кабинета Мостоуфи оль-Мамалека. Не имея уже парламентского большинства в межлисе, правительство Мостоуфи оль-Мамалека вынуждено было уйти в отставку.

На смену кабинету Мостоуфи оль-Мамалека в июне 1923 г. пришло правительство Мошир од-Доуле. В условиях нарастания народных требований о немедленном

заключении торгового договора с СССР оно не могло сразу отказаться от позиции правительства Мостоуфи оль-Мамалека. Только через месяц правительство Мошир од-Доуле заявило об отказе подписать проект. Несмотря на двукратное предложение НКВД подписать принятый конференцией советско-иранский торговый договор, председатель иранской делегации Таги-Заде отвечал отказом, мотивируя это тем, что новое иранское правительство считает недостаточными некоторые формулировки, и предлагал заново запустить к обсуждению всего проекта договора [9].

Отказ правительства Мошир од-Доуле заключить советско-иранский договор вызвал резкий протест. В стране происходят антианглийские демонстрации и митинги, в которых участвуют тысячи трудящихся. На антианглийских манифестациях народные массы Ирана выражали дружественные чувства Советскому государству, являющемуся единственным искренним другом иранского народа.

Новое правительство во главе с Реза-ханом, пришедшее к власти в конце 1923 г., не могло игнорировать принявшего всеобщий характер требования и было поставлено перед необходимостью ускорить подписание торгового договора с Советским Союзом [9]. Ввиду отсутствия в Москве председателя иранской торговой делегации, подписание договора происходило в Тегеране. 3 июля 1924 г. советско-иранский торговый договор был подписан [9].

Советско-иранский договор 1924 г. создавал юридическую основу для самых широких и взаимовыгодных торгово-экономических отношений обеих сторон. Он предоставлял Ирану огромные льготы, которые не могла предоставить ни одна страна, создавал необходимые предпосылки для быстрого хозяйственного развития Ирана и содействовал его независимости. Весть о подписании торгового договора была с большой радостью встречена населением страны.

Библиографический список

1. АВП РФ. Ф. 94. Оп. 5. Д. 5.
2. Архив МИД СССР, ф. 94, оп. 5 а, кор. 1, папка 105.
3. *Брукс Майкл* Нефть и внешняя политика. Москва: 16-я тип. Главополиграфиздата, 1949.
4. Годовой отчет НКВД II съезду Советов СССР (1923 г.), М., 1924.
5. *Карпов Н.* Экономика современной Персии, Тифлис: Закннига, 1928.
6. Международная политика РСФСР в 1922 г. Отчет НКВД / РСФСР. Народный комиссариат по иностранным делам. – Москва: Нарком по иностранным делам, 1923.
7. Сборник законов, принятых межлисом на третьей и четвертой сессиях, Тегеран, 1945.
8. Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. М., изд. МИД СССР, 1946.
9. *Юсупов И.А.* Установление и развитие советско-иранских отношений (1917-1927 гг.). Изд-во «ФАН» Узбекской ССР. Ташкент, 1969.

References

1. Archive of foreign policy of the Russian Federation. F.94.
2. Archive of the Ministry of foreign Affairs of the USSR. F.94.
3. *Brooks M.* Oil and foreign policy. Moscow, 1949.
4. Annual report of the people's Commissariat of Foreign Affairs to the II Congress of Soviets of the USSR. - Moscow, 1924.
5. *Karpov N.* The economy of modern Persia. Tiflis, 1928.
6. The international policy of the RSFSR. Moscow, 1923.
7. Collection of laws adopted by the Mejlis of the third and fourth sessions. Teheran, 1945.
8. The Soviet-Iranian relations in the treaties, conventions and agreements. Moscow, 1946.
9. *Yusupov I.A.* The establishment and development of the Soviet-Iranian relations (1917-1927). Tashkent, 1969.

УДК 796.011.3

UDC 796.011.3

И.В. ГЕРАСИМОВ

кандидат педагогических наук, зам. начальника кафедры физической подготовки и спорта, Орловский юридический институт им. В.В. Лукьянова

I.V. GERASIMOV

Candidate of pedagogical sciences, deputy chief of department of physical preparation and sports, Orel law institute named after V. V. Lukyanov

**ФОРМИРОВАНИЕ У СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПРАКТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ
ПРАВОМЕРНОГО ПРИМЕНЕНИЯ БОЕВЫХ ПРИЕМОВ БОРЬБЫ НА ЗАНЯТИЯХ
ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ**

**FORMATION AT POLICE OFFICERS PRACTICAL SKILLS OF LAWFUL APPLICATION OF FIGHTING
TECHNIQUES STRUGGLE ON LESSONS FOR PHYSICAL PREPARATION**

В статье рассматриваются вопросы обучения сотрудников полиции умению определять характер конфликта, степень противодействия со стороны нарушителя и обоснованию правомерности мер физического воздействия. Формирование профессиональных навыков правомерного применения сотрудниками полиции боевых приемов борьбы при выполнении профессиональных обязанностей должно проходить в условиях, максимально приближенных к реальным.

Ключевые слова: боевые приемы борьбы, физическая сила, правомерность, противостояние.

The article considers the issues of training of police officers to skill to determine the nature of the conflict, the degree of resistance on the part of the offender and the substantiation of the legality of measures of physical influence. The formation of professional skills of legitimate use by the police of combat wrestling techniques when performing professional duties, shall take place in conditions as close as possible to real.

Keywords: fighting techniques fight, physical strength, legitimacy, confrontation.

Оперативно-служебная деятельность сотрудников полиции находится под постоянным воздействием целого комплекса факторов, не имеющих места в повседневной жизни человека. Они нередко оказываются в ситуациях, опасных для жизни, как их самих, так и окружающих. Возникновение разнообразных конфликтных ситуаций требует применения боевых приемов борьбы, специальных средств и огнестрельного оружия. Законодательно обоснованное применение силы к нарушителям правопорядка в ряде случаев является составной частью правоохранительной деятельности.

Для сотрудников полиции, осуществляющих обязанности по охране общественного порядка, применение мер по задержанию преступника составляет служебный долг, который они должны выполнять, несмотря на определенный риск [5].

Особенное значение при этом приобретают система подготовки и тактика использования сотрудниками ОВД боевых приемов борьбы в ходе исполнения ими служебных обязанностей.

Наиболее сложными условиями в процессе службы являются групповое и вооруженное нападение на сотрудников полиции при их работе на месте происшествия, задержании и сопровождении задержанных, несении службы на автодорогах, проверке подозрительных лиц и т.д. В таких ситуациях для сотрудника существует высокая вероятность травм и повреждений различной тяжести. Усложняют обстановку условия нападения преступников: нахождение нападавших в со-

стоянии алкогольного или наркотического опьянения, психического расстройства, значительное преимущество преступников в вооружении, количественном составе, а нередко и более высокий уровень физической подготовленности.

Одной из главных задач профессиональной подготовки сотрудников полиции является формирование у них постоянной психологической готовности для неожиданного столкновения с правонарушителем или разыскиваемым преступником, умений в совершенстве владеть табельным оружием и правильно применять боевые приемы борьбы в самых сложных условиях оперативной обстановки.

Ожидание нападения со стороны правонарушителей – неотъемлемая часть профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Осознание существующей угрозы, способность правильной оценки конкретной ситуации и совершения адекватных ей действий определяется не только накопленным практическим опытом и возможностями нервной системы к преобразованию возникающих в случае опасности импульсов в разумные решения, необходимые для достижения эффективного результата, но и необходимостью сочетать свои действия с требованиями закона[4].

В результате анализа гибели и ранений сотрудников полиции при выполнении оперативных задач было установлено, что 12% погибших и раненых сотрудников приходится на долю нарушителей, применивших

подручные средства. Чаще всего преступниками в качестве подручных средств использовались следующие предметы: топор, палки различной длины, камень, бутылка, стул (табурет).

В ходе анализа уголовных дел, связанных с гибелью и травматизмом сотрудников, выявлены следующие основные причины, которые привели к этим последствиям:

- недостаточно уверенное владение табельным оружием и неумелое использование штатного оружия в рукопашной схватке;
- несвоевременное и тактически неправильное применение боевых приемов борьбы (на поражение, задержание, сдерживание);
- неумение использовать при задержании правонарушителей подручные средства;
- психологическая неподготовленность к столкновению с преступниками и правонарушителями.

Практика убедительно показывает, что успешно справляются с непосредственным задержанием вооруженных преступников лишь те сотрудники, которые имеют высокие морально-психологические качества, всесторонне физически развитые, в совершенстве владеют оружием, специальными средствами, а также имеющие высокую психологическую устойчивость, сформированную приемами рукопашного боя с численно превосходящими правонарушителями.

Одним из ведущих компонентов физической подготовки сотрудников полиции, направленной на обучение их применению приёмов борьбы при выполнении возложенных на них законом обязанностей, является технико-тактическая подготовка. Качество этой подготовки проверяется в практической деятельности. Поэтому, с одной стороны, необходимо точно знать обстоятельства и закономерности применения действий борьбы, т.е. той формы профессиональной деятельности, на которую как на результат направлена вся физическая подготовка, а с другой – уметь правильно применять теоретические знания в управлении технико-тактической подготовкой [1].

Применение сотрудниками полиции мер насильственного воздействия характеризуется наличием посягательства и противодействия со стороны лиц, по отношению к которым эти меры применяются.

О наличии такого посягательства могут свидетельствовать, в частности:

- причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранения жизненно важных органов);
- применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т.п.);
- непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, может выражаться, в частности, в высказываниях о намерении немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для

жизни, демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы [3].

То есть необходимо понимать, что право применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, возникает не только с момента начала общественно опасного посягательства, но и при наличии реальной угрозы такого посягательства, то есть с того момента, когда посягающее лицо готово перейти к совершению соответствующего деяния.

Принимая решения на применение физической силы, сотрудник полиции должен учитывать:

- объект посягательства;
- избранный посягавшим лицом способ достижения результата, тяжесть последствий, которые могли наступить в случае доведения посягательства до конца, наличие необходимости причинения смерти посягавшему лицу или тяжкого вреда его здоровью для предотвращения или пресечения посягательства;
- место и время посягательства, предшествовавшие посягательству события, неожиданность посягательства, число лиц, посягавших и оборонявшихся, наличие оружия или иных предметов, использованных в качестве оружия;
- возможность и состояние правонарушителя (его возраст и пол, физическое и психическое состояние и т.п.);
- иные обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил правонарушителя и сотрудника полиции.

Обстоятельства и характер противодействия определяют содержание и структуру технико-тактических действий сотрудников полиции. Системное рассмотрение ситуаций противоборства позволяет выявить элементы и устойчивые отношения между противодействующими сторонами.

Структурно-функциональный анализ ситуаций противоборства, характерных для служебной деятельности сотрудников полиции, показывает, что одним из важных структурных компонентов деятельности являются её внешние условия. Внешние условия деятельности. Это понятие характеризует окружение деятеля. Речь идет, прежде всего, о наиболее существенных для этой деятельности аспектах условий. Для служебно-боевого противоборства такими условиями, например, могут быть: рост и вес задерживаемого лица, наличие у него оружия, характер противодействия и пр.

Придание условиям статуса самостоятельного структурного момента деятельности оправдывается тем, что они существуют одновременно с внутренними её условиями и наряду с ними являются детерминирующими её факторами. Не все, однако, во внешних условиях имеет отношение к поддержанию существования её субъекта. Вполне конкретные требования к внешним условиям могут исходить и от предмета, и от средств деятельности.

Итак, хотя объекты, составляющие внешние усло-

вия деятельности, существуют в одно и то же время с объектами, представляющими собой её внутренние условия, логически они предшествуют им, поскольку поддерживают их существование в требуемых для данной деятельности качествах.

Поэтому типология практических ситуаций строится по наиболее существенным обстоятельствам, детерминирующим начала противоборства сотрудника полиции с правонарушителем.

Все многообразие условий и обстоятельств применения сотрудниками полиции силы в своей сущности можно описать достаточно небольшим количеством признаков.

Каждый из этих признаков в практических ситуациях проявляется в виде множества состояний. Конкретная комбинаторика проявлений, собственно, и образует номенклатуру ситуаций.

Говоря о готовности стороны, подвергающейся нападению, к противодействию и отражению нападения, важно указать, что готовность складывается из нескольких факторов. Однако, наиболее важными из них являются всего два: возможность видеть момент начала нападения и возможность подготовиться к его отражению принятием стойки, обеспечивающей наиболее эффективное начало защитных и атакующих действий – то есть боевой стойки.

В отличие от спортивных противоборств, в практических противоборствах для одной из сторон момент начала нападения может быть весьма и весьма неочевидным. Маскировка (мимикой, жестами, ненапряженной – «естественной» позой, ровным голосом и дыханием и т.д.) момента начала атакующих действий лишает сторону, подвергающуюся нападению, возможности как-то подготовиться к противодействию и его отражению. Что является одним из важных факторов преимущества стороны, осуществляющей нападение, и, в конечном счете, в значительной степени определяет исход нападения в её пользу.

Обучение сотрудников полиции ставит целью научить их уверенному определению характера конфликта, идентификации степени противодействия со стороны нарушителя и обоснованию правомерности мер физического воздействия. Санкции должны полностью соответствовать конкретным действиям правонарушителей на выражение недовольства; оскорбления; угрожающие жесты; сжатые кулаки; отказ подчиниться требованиям; физическое сопротивление; нанесение удара; отталкивание; представляющее опасность для жизни или здоровья окружающих поведение; попытки применения холодного или огнестрельного оружия и т.д.

Тактика реагирования, естественно, не может быть единственной, но следует рекомендовать предпочтительный, а лучше – комбинированный вариант пресечения, позволяющий взять ситуацию под контроль. В частности необходимо знать и уметь применять наиболее предпочтительные варианты действий: просто присутствие на месте происшествия; речевое воздействие; вызов подкрепления; меры физического принуждения с использованием ударов руками, ногами, блоков, захва-

тов, болевых приемов, несущих минимальный травматизм и т.д.

Необходимо помнить, что чем менее серьезные меры физического воздействия по пресечению преступления (при условии достижения поставленной цели), тем выше профессионализм сотрудника полиции.

Сотрудники правоохранительных органов должны иметь надежную теоретическую подготовку, которая позволит им правильно идентифицировать происшествие и выработать соответствующую тактику действий. Использование полученных знаний на практике значительно облегчается, если их усвоение происходит в обстоятельствах, максимально приближенных к реальным. Наличие в ходе обучения отвлекающих и рассеивающих внимание факторов, постоянно меняющихся ситуаций способствует формированию навыков к принятию разумных решений в момент «включения инстинктивных защитных механизмов человеческой психики». Сотрудник приобретает умение контролировать собственное поведение в чрезвычайных условиях, анализировать допущенные ошибки, проникаясь в итоге осознанием уверенности в своих способностях [2].

В этой связи заслуживает внимания разработка организационных и методических форм проведения комплексных учебных занятий, включающих в себя использование различных модельных ситуаций ведения рукопашных поединков в условиях, максимально приближенных к реальному выполнению оперативно-служебных задач.

При проведении этих занятий особое значение имеют следующие факторы подготовленности:

1. Твердое знание особенностей и трудностей, влияющих на решение оперативно-служебных задач. Кроме этого, в процессе занятий по физической подготовке необходимо учитывать и использовать конкретные ситуации профессиональной деятельности. К ним относятся не только ознакомление обучаемых со всеми реальными трудностями, встречающимися во время исполнения служебных обязанностей, но и большое значение имеют психогенные факторы, например, оружие в руках преступника: пистолет, нож, монтировка, разбитая бутылка, топор и т. д., значительную роль играют и сбивающие факторы: женские или детские крики, стоны, свет фар встречных автомашин, отсутствие освещения, выстрелы из различных видов оружия, дефицит времени для принятия решения и его реализации, отсутствие времени на отдых и т.д.;

2. Натренированность в выполнении приемов рукопашного боя в психологически напряженных условиях.

Она формируется средствами моделирования реальных условий оперативно-служебной деятельности при совершенствовании приемов и действий рукопашного боя.

Ими могут быть следующие средства профессионально-прикладной физической подготовки:

- выполнение защитно-ответных действий при одновременном нападении одного или нескольких правонарушителей;
- выполнение защитно-ответных действий при

использовании нарушителем оружия или подручных средств;

– выполнение боевых приемов в ночное время суток, при звуковых и световых помехах, в различной форме одежды (зимняя; летняя);

– неожиданность атакующих действий правонарушителя после выполнения им отвлекающих действий.

Таким образом, использование при проведении занятий по физической подготовке метода моделирования условий и ситуаций профессиональной деятельности,

позволят формировать надежные профессионально-прикладные двигательные навыки в сочетании с высокой морально-психологической готовностью их применения в повседневной правоохранительной деятельности помогает выработать у обучаемых определенный автоматизм поведения в критических ситуациях, позволяющий в какой-то степени избежать неоправданных потерь личного состава и принятия неправомерных решений при применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Библиографический список

1. Волков А.Н., Кузнецов С.В., Данилов М.Г. Физическая подготовка. Альбом схем. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2009. 37 с.
2. Макеева В.С. Научно-методические аспекты физической подготовки курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России: монография / Макеева В.С., Баркалов С.Н., Степанюк В.И. Орел: ОрЮИ МВД России, 2006. С.46-48.
3. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».
4. Степанюк В.И. К вопросу применения специальных мер пресечения сотрудниками ДПС ГИБДД Сб. мат. XIX всероссийской науч.-практ. конф. «Совершенствование физической, огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов»: Орел, ОрЮИ МВД России, 2011. С. 115-118
5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. Под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010. 1232 с.

References

1. Volkov A.N. Kuznetsov S. V., Danilov M. G. Fizicheskaya preparation. Album of schemes. N. Novgorod: Ministry of Internal Affairs Nizhny Novgorod academy of Russia, 2009. 37 p.
  2. Makeeva V. S. Scientific and methodical aspects of physical training of cadets and listeners of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Monograph / Makeeva V.S., Barkalov S.N., Stepanyuk V.I. Orel: ORYuI Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. Pp. 46-48.
  3. The resolution of plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2012 No. 19 “About application by courts of the legislation on necessary defense and infliction of harm at detention of the person who has committed a crime”.
  4. Stepanyuk V. I. To a question of application of D special measures of restraint staff of traffic police of traffic police of Sb. mat. The XIX All-Russian науч. - практ. конф. “Improvement of physical, fire and tactical and special training of law enforcement officers”: Orel, ORYuI Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011. Pp. 115-118..
  5. Criminal law of Russia. Parts the General and Special: ucheb./under the editorship of A.V. Brilliantov. M.: Prospectus, 2010. 1232 p.
-

УДК 321.01

UDC 321.01

А.А. ДЕМБИЦКИЙ

соискатель, кафедра теории государства и права,
Московский университет МВД России
E-mail: tgp_mosu_mvd@mail.ru

A.A. DEMBITSKY

Competitor, Department of the theory of the state and right,
Moscow university MVD of Russia
E-mail: tgp_mosu_mvd@mail.ru

ПОНЯТИЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА: СУЩНОСТЬ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ

THE CONCEPT OF FUNCTIONS OF THE STATE: THE ESSENCE AND DEFINITION

В статье уточняется содержание понятия «функция государства» как базового для функциональной характеристики государства. Результатом проведенного анализа становится авторское определение функции государства.

Ключевые слова: государство, деятельность государства, функция, функция государства, функциональная характеристика государства.

This article clarifies the content of the notion «state function» as the backbone of the functional characteristics of the state. The result of the analysis becomes a definition of the functions of the state.

Keywords: the State, activities of the State, the function, the function of the State, functional characterization of the State.

Понятие функции государства, которое является опорным для функциональной характеристики государства, до сих пор не получило однозначного определения и в силу этого нуждается в уточнении.

Чаще всего под функциями государства понимают основные направления деятельности государства¹. Однако, тот факт, что ни в одной другой сфере научного знания, кроме юридической науки, понятие функций не используется для обозначения направлений деятельности, ставит под сомнение возможность подобной трактовки функций государства.

Более того, уже сам характер устойчивых лингвистических конструкций, в которых используется термин «функция государства», указывает на то, что под функциями государства понимаются далеко не направления его деятельности. Например, в правовой теории сложилась традиция вести речь об осуществлении функций государства и о формах, в которых оно происходит², о реализации функций государства и механизмах, посредством которых такая реализация осуществляется³, и т.д. Направление – это линия движения либо сторона, в которую осуществляется движение. Соответственно, под направлением деятельности государства можно понимать лишь путь, по которому государство действует. Говоря о функции как о направлении действия, а значит, как о пути, по которому государство действует, вряд ли возможно вести речь о формах осуществления такого пути или о механизмах его реализации. Следовательно, определяя функцию государства в качестве направления его деятельности, в действительности под такой функцией изначально понимают нечто иное.

Помимо подхода, в рамках которого функции государства трактуются как направления его деятельности, существуют и другие представления о смысле и

содержании понятия «функция государства», которые, однако, также вряд ли можно принять без каких-либо оговорок.

С.В. Бабаев пишет: «Под функцией государства следует понимать одно из основных направлений деятельности государства, а также цели, методы, формы и средства осуществления этой деятельности»⁴. Представляется не вполне понятным, что дает автору основание вести речь о целях, методах и формах осуществления деятельности государства как о функции последнего. Скорее, их можно рассматривать как моменты, значимые для характеристики функционирования государства, но не как то, что составляет содержание функций государства.

А.Г. Андреев высказывает такое мнение: «Под функцией государства следует понимать момент сущности государства, определяющий направления воздействия государства на общественные отношения, в которых находит отражение социальное или классовое предназначение государства на определенном этапе его развития»⁵. Соглашаясь с приведенным утверждением, полагаем, тем не менее, что его нельзя рассматривать в качестве определения функции государства, так как оно относится в большей мере к характеристике факторов, определяющих функции государства, не содержит указания на сущностные признаки самой функции государства. Приведенное определение не позволяет выделить функцию государства в ряду других характеристик его самого и осуществляемой им деятельности, а значит, не является достаточно точным и информативным.

Л.А. Резванова предлагает следующее определение: «По отношению к государству, функция есть обусловленные сущностью государства его способности и возможности к взаимоизменению системы «личность-

общество», а также обеспечивающие их реализацию средства и способы»⁶. В данном случае функция охватывается характеристикой присущего государству потенциала, а не реальной деятельности государства, в процессе которой свойственные государству по его природе способности и возможности проявляются. С подобной трактовкой функции государства согласиться нельзя: очевидно, что функция – это характеристика действия государства, а не того, каким образом оно в принципе способно действовать.

Категория «функция» широко используется различными науками. Это позволяет в условиях отсутствия общепризнанного представления о том, чем является функция государства, решая обозначенный вопрос, учитывать не только мнения относительно содержания понятия «функция», сложившиеся в юриспруденции, но и те подходы к определению названного понятия, которые существуют в других науках.

В научный оборот ввел понятие «функция» немецкий философ Г. Лейбниц. Его познавательные интересы выходили далеко за пределы математики, однако, вполне объяснимо понятие «функция» имело в его трактовке, прежде всего, математическое значение. Функция в понимании Г. Лейбница представляла собой «зависимость одной переменной величины от другой, т.е. ту зависимость, когда при изменении одной величины другая величина также изменяется определенным образом»⁷. По сей день в математике – науке, оперирующей наиболее отвлеченными абстракциями, функция рассматривается как некая абсолютная зависимость. Используется данное понятие в анализе биполярных зависимостей, которые мы сегодня называем функциональной связью.

Категория «функция» активно используется в естественных науках. Наиболее четкое и однозначное понимание функции сформировалось в биологии, в которой о функциях ведут речь в применении к органам, составляющим в единстве и взаимодействии живой организм как сложную систему. Исследуя функции, биологи исходят из того, что жизнь есть естественное состояние организма, которое поддерживается за счет осуществления каждым органом организма своих функций. Функционирование каждого органа подчинено принципам целесообразности, необходимости и достаточности: каждый орган работает тем образом и в той мере, в какой это обусловлено потребностями организма. Соответственно, под функцией понимается необходимая, целесообразная и достаточная работа, которую выполняет орган для того, чтобы в системе с другими органами обеспечить жизнеспособность организма в целом.

Описываемый подход к пониманию функции можно назвать органическим, и у правоведов он ассоциируется, прежде всего, с органическими аналогиями британского исследователя Г. Спенсера, которого считают одним из авторов органической теории происхождения государства⁸, хотя сам Г. Спенсер указывал на определенную ограниченность органических (биологических) аналогий в отношении государства.

Своеобразный подход к пониманию функции обнаруживается в других естественных науках – например, в физике, геологии и т.д. С одной стороны, там, где о функции ведут речь как о зависимости, характеризующей состояние системы, используется математическое понимание функции. Например, именно математическое понимание функции лежит в основе определения волновой функции в механике. С другой стороны, там, где речь идет о функциях какой-либо системы, чаще всего используется подход, в чем-то сходный с органическим; функция рассматривается в качестве работы, предзаданной потребностью системы. Однако, в качестве системы рассматривается не организм, а механизм, что влияет на трактовку функции. Появляется новый подход к ее пониманию, который условно может быть обозначен в качестве механистического.

Основное отличие механистического подхода от органического состоит в том, что функция рассматривается в качестве предзаданной извне, понимается как работа, для производства которой изначально создается система. В биологии для того чтобы установить, как функционирует тот или иной организм, необходимо понять систему этого организма и установить, какие функции выполняет каждый орган, входящий в данную систему. В механике для того чтобы определить функции механизма и его частей, необходимо прежде всего понять предназначение механизма, особенности влияния, оказываемого на него средой, и прежде всего – обнаружить импульс, приводящий механизм в действие.

В рамках гуманитарной науки сегодня можно выделить множество самостоятельных подходов к пониманию функции. Среди них два – философский и социологический – являются наиболее распространенными.

В соответствии с философским пониманием функция представляет собой «отношение двух (группы) объектов, в котором изменению одного из них соответствует изменение другого»⁹. В данном случае, в сущности, мы имеем дело с математическим пониманием функции.

В социологической науке функцию рассматривают в ином ракурсе – либо как «роль, которую определенный социальный институт (или частный социальный процесс) выполняет относительно потребностей общественной системы более высокого уровня организации или интересов составляющих ее классов, социальных групп и индивидов»¹⁰, либо как «зависимость, которая наблюдается между различными социальными процессами в рамках данной общественной системы»¹¹. Существуют и другие социологические определения понятия «функция», отличные от приведенных, в основном, лишь нюансами. В целом же можно вести речь о двух относительно самостоятельных социологических значениях понятия функции. Во-первых, функция – это та роль, которую определенный социальный институт выполняет по отношению к той социальной системе, частью которой он является; во-вторых, под функцией понимается зависимость, которая наблюдается между различными компонентами единого социального процесса¹².

Итак, понятие «функция» является многозначным, и смысл, в него вкладываемый, изменяется в зависимости от сферы научного знания, в рамках которой ставится вопрос о функционировании чего-либо. Вместе с тем, ни в одном из своих значений понятие «функция» не используется для обозначения направления деятельности.

Понимание функций государства во многом зависит от того, каково понимание самого государства, какие моменты в его характеристике – как организма, как механизма или как социального института – для теории государства и права являются наиболее значимыми.

Вполне очевидным является то, что теория государства и права рассматривает государство прежде всего как социальный институт. В тех случаях, когда ставится вопрос о государстве как об особом организме или механизме¹², речь идет лишь о применении специфического методологического приема в исследовании государства с целью дать ему более полную и всестороннюю характеристику. При этом тот факт, что государство является особой социальной организацией (социальным институтом, частью социальной системы

и т.п.), сомнениям не подвергается.

Так как государство является, прежде всего, социальным институтом, в изучении вопроса о функциях государства нам способна помочь методология социологической теории. Ее применение предполагает, что вопрос о функциях может ставиться либо как вопрос об особой роли социального института или социального процесса, либо как вопрос о значимой в социологическом плане зависимости. Говоря о функциях государства как социального института, мы, конечно, имеем в виду не какую-либо зависимость, а некий эффект, производимый деятельностью государства, причем именно эффект, обнаруживаемый вовне, в социальной среде, в обществе – именно в этом смысле говорят об экономической, идеологической, социальной и иных функциях государства.

Принимая во внимание изложенное, функцию государства можно определить как роль, которую государство выполняет для реализации потребностей общества как системы более высокого уровня организации или интересов составляющих общество классов, социальных групп, отдельных индивидов.

Примечания

1 Морозова Л.А. Функции Российского государства на современном этапе // Государство и право. 1993. № 6. С. 98; Куковский А.А. Некоторые вопросы определения понятия «функции государства» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Право». 2009. № 19. С. 7-8; Захаров А.В. Функции государства и отражение в них борьбы с современными глобальными экологическими вызовами человечеству // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2012. Т. 105. № 1. С. 240-241; Чиркин В.Е. Современное государство. М., 2001. С. 199.

2 Марченко О.В. Правотворческая деятельность как правовая форма осуществления функций государства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2008. № 5. С. 20-26; Мигущенко О.Н. Влияние осуществления функций государства в организационно-идеологической форме на формирование правосознания // История государства и права. 2007. № 4. С. 36-38; Жигуленков М.В. К вопросу о формах осуществления функций государства // Гражданин и право. 2009. № 1. С. 65-69.

3 Игнатьев Д.В. Информационная функция государства и механизм ее реализации // Право и государство: теория и практика. 2010. № 1. С. 135-137; Гнатенко А.И. О механизмах реализации функций государства // Гражданин и право. 2009. № 6. С. 92-94; Шамырбеков Н.Д. Охранительная функция права: понятие и механизм реализации в правовом государстве // Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы: Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 11-12 декабря 2009 г. Ч. I. СПб., 2009. С. 94-97.

4 Бабаев С.В. Теория функций современного российского государства. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 7.

5 Андреев А.Г. Охранительная функция государства в современных условиях. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 7.

6 Резванова Л.А. Сущность социального государства и ее проявление в сфере образования. Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 15.

7 Куковский А.А. Указ. соч. С. 6.

8 Алябьева Т.К. Теория и общественная практика происхождения государства. М., 2012. С. 233, 235; Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. М., 2004. С. 68.

9 Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 751.

10 Там же. С. 751.

11 Там же. С. 751.

12 Малахов В.П. Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания. М., 2013. С. 100.

13 Куриц С.Я., Воробьев В.П. Болезни государства. Диагностика патологий системы государственного управления и права. М., 2009. С. 25-29; Колобова Г.А. Государство как политический механизм обеспечения эффективной экономики // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. II. Уфа, 2011. С. 53-60.

УДК 343.341

UDC 343.341

Е.А. МАСЛАКОВА

кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и уголовного процесса, Орловский государственный университет
E-mail: goldenciti@bk.ru

E.A. MASLAKOVA

Candidate of Law, Associate Professor, Department of criminal law and criminal process, Orel State University
E-mail: goldenciti@bk.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ БАНДИТИЗМА В СУДЕБНОЙ И СЛЕДСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ

THE QUALIFICATION PROBLEM OF BANDITRY IN JUDICIAL AND INVESTIGATION PRACTICE

В статье рассматриваются вопросы квалификации бандитизма, проблемы его отграничения от смежных составов.

Ключевые слова: банда, квалификация, преступная деятельность, совокупность преступлений.

The article examines the qualifications of banditry, its delimitation from problems related offenses.

Keywords: gang, qualifications, criminal activity, a series of crimes.

Квалификация бандитизма по совокупности с другими преступлениями является одной из наиболее распространенных проблем, возникающих в правоприменительной практике. В п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. содержится правило о том, что «ст. 209 УК РФ, устанавливающая ответственность за создание банды, руководство и участие в ней или в совершаемых ею нападениях, не предусматривает ответственность за совершение членами банды в процессе нападения преступных действий, образующих самостоятельные составы преступлений, в связи с чем в этих случаях следует руководствоваться положениями ст. 17 УК РФ, согласно которым при совокупности преступлений лицо несет ответственность за каждое преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ».

Следует отметить, что в течение продолжительного времени позиция правоприменительных органов в этом вопросе была достаточно противоречива. В ряде случаев суды квалифицировали все деяния, совершенные бандой по совокупности со статьями Особенной части УК РФ, устанавливающими ответственность за конкретные преступления. В других случаях квалификация бандитизма являлась единственной при совокупной правовой оценке деятельности такого преступного формирования. На это обстоятельство обратил внимание Пленум Верховного Суда СССР 20-23 октября 1959 г., отметив, что «не всегда суды единообразно квалифицируют отдельные преступления: убийство, хищение государственного и общественного имущества и др., совершенные бандой. Некоторые суды правильно применяют в таких случаях правила о совокупности, а другие исходят из того, что все эти преступления полностью охватываются ст. 14 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления и что дополнительной квалификации этих преступлений не требуется»[2]. Однако позже Судебная коллегия по уго-

ловным делам Верховного Суда СССР в Определении от 20 апреля 1962 г. по делу Оганяна, Бачаева и др. высказала противоположную точку зрения, указав, что совершенные бандой хищение, ограбление и иные насильственные действия над отдельными гражданами, в том числе убийство, а также незаконное хранение и ношение оружия, охватываются диспозицией ст. 68 УК Таджикской ССР и дополнительной квалификации по иным уголовным нормам не требуют, если при этом не были совершены другие действия, образующие состав более тяжкого, чем бандитизм, преступления[3]. Данная позиция поддерживалась и в научной литературе. Так, Н.И. Загородников, отмечал: «В процессе бандитских нападений могут быть совершены такие преступления, как убийство, похищение государственного, общественного или личного имущества, огнестрельного оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ, уничтожение государственного или общественного имущества и т.п. Эти действия охватываются составом бандитизма и не требуют дополнительной квалификации. Дополнительной квалификации не требуется также, если банда совершила посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника в связи с их служебной или общественной деятельностью или другие насильственные действия, сопряженные с причинением вреда жизни и здоровью»[7]. Н.Ф. Кузнецова считала излишним квалифицировать бандитское нападение, связанное с убийством или хищением, по совокупности, отмечая, что по структуре бандитизм – сложное составное преступление[11].

Следует остановиться на достаточно важном вопросе, связанном с квалификацией бандитизма, сопряженного с убийством. Долгое время судебные органы руководствовались разъяснениями Пленума Верховного Суда СССР, в которых указывалось, что «умышленное убийство, совершенное участниками банды при нападениях, подпадает под признаки банди-

тизма и не требует дополнительной квалификации по ст. 102 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик»[14].

Но начиная с 90-х годов двадцатого века правоприменительная практика изменила точку зрения на данный вопрос. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об умышленных убийствах» от 22 декабря 1992 г. № 15 п. 18 отмечалось: «умышленное убийство, совершенное участниками банды при нападении, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений как бандитизм и умышленное убийство». В определении от 1 ноября 1994 г. по делу Воробьева и Савина Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что действия лица, совершившего бандитизм и при этом покушение на убийство, также должны быть квалифицированы по совокупности ст. 77 и ст. 15, 102 УК РСФСР[5]. Подобные разъяснения давались и при толковании некоторых других составов преступлений. Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 1993г. № 2 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, сильнодействующими и ядовитыми веществами» хищение наркотических средств, совершенных бандой, предлагалось квалифицировать по совокупности ст. 77 и ст. 224.1 УК РСФСР[20].

Обосновывая изменение своей позиции по данному вопросу, Пленум Верховного Суда РФ указал, что состав бандитизма не предусматривает возможные последствия преступных действий вооруженных банд, в связи с чем требуют дополнительной квалификации преступные последствия нападений, образующие самостоятельный состав тяжкого преступления (ст. 7.1 УК РСФСР). Впоследствии Верховный суд РФ подтвердил данную точку зрения, отметив, что «ст. 209 УК РФ не предусматривает ответственность за совершение членами банды в процессе нападения преступных действий, образующих самостоятельные составы преступлений, в связи с чем следует руководствоваться положениями ст. 17 УК РФ, согласно которым при совокупности преступлений лицо несет ответственность за каждое преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ»[17].

Представляется, что подобная точка зрения на рассматриваемую проблему является обоснованной, поскольку детальная квалификация позволяет судам индивидуализировать ответственность участников банды при назначении наказания, а также дает возможность учесть всю тяжесть последствий преступлений, совершенных подобной группой. Представляется интересным в этом отношении мнение А.В. Иванчина. Одной из причин «коренного разворота практики» он называет смягчение санкции за бандитизм (в санкции ст. 209 УК РФ отсутствует смертная казнь). Вторая причина – это попытка практики отыскать вариант наиболее точной и полной квалификации: человек должен отвечать не за «аморфную» преступную деятельность в составе банды, а за конкретные преступления. На определенном этапе (до 1989 г.) чувствовалась натяжка в квалифика-

ции, «недобор» в ней (например, банда совершила 10-15 тяжких преступлений, а оценка одна по ст. 77 УК РСФСР 1960 г.). Поэтому с 1989 г. и по сей день господствует квалификация по совокупности[8].

Новая редакция ч. 1 ст. 17 УК РФ, согласно которой совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, вызвала споры среди ученых по поводу правил квалификации преступлений, сопряженных с иными преступлениями, когда это обстоятельство предусмотрено в качестве квалифицирующего признака. Такие вопросы вызывает и квалификация убийства, сопряженного с бандитизмом (следует ли содеянное квалифицировать по совокупности ст. 209 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ или только по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Большинство специалистов (П.С. Яни, В.И. Тюнин и др.), проанализировав данную проблему, убедительно доказали, что установленное в ч. 1 ст. 17 УК РФ исключение не распространяется на совершение убийств, сопряженных с преступлениями, названными в ч. 2 ст. 105 УК РФ. Таким образом, сопряженность убийства с иными преступлениями не является примером законодательно учтенной совокупности[15,19,21,22].

По-прежнему дискуссионным в теории является и вопрос о соотношении бандитизма и вооруженного разбоя, совершенного организованной группой. Предпринимаемые попытки найти отличие данных составов преступлений представляются малопродуктивными[4,6,13]. Некоторые исследователи просто ограничиваются формулированием соответствующих правил квалификации. Так, например, В.В. Качалов отмечает, что «действия организатора банды, совершившей разбойное нападение, необходимо квалифицировать по части первой статьи 209 УК РФ (создание банды) и пункту «а» части четвертой статьи 162 УК РФ (разбой, совершенный организованной группой)»[10]. В этой связи прав В.М. Быков, утверждающий, что «разграничить банду и вооруженную организованную группу, совершающую разбойные нападения, совершенно невозможно... Просто следует признать, что разбой, совершенный организованной и вооруженной группой, – это и есть бандитизм...»[1]. С учетом разъяснения, изложенного в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г., содеянное в этих ситуациях образует совокупность преступлений, предусмотренных соответствующей частью ст. 209 и п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ[17].

Современной юридической практике известен факт обращения гражданина Варлакова с жалобой в Конституционный Суд РФ по поводу оспаривания конституционности ч. 2 ст. 209 УК РФ, поскольку она «позволяет квалифицировать разбой, совершенный по предварительному сговору в составе устойчивой вооруженной группы (банды), как совокупность преступлений, предусмотренных частью третьей статьи

162 УК Российской Федерации (в первоначальной редакции) и частью второй статьи 209 УК Российской Федерации»[12]. Не согласившись с вышеуказанными доводами, Конституционный Суд РФ указал следующее. «Участие в устойчивой вооруженной группе (банде) или в совершаемых ею нападениях, уголовная ответственность за которое предусмотрена частью второй статьи 209 УК Российской Федерации, и разбой, совершенный организованной группой в целях завладения имуществом в крупном размере, ответственность за совершение которого предусмотрена пунктами «а» и «б» части четвертой статьи 162 УК Российской Федерации (до 8 декабря 2003 года ответственность за данное преступление предусматривалась пунктами «а» и «б» части третьей статьи 162 УК Российской Федерации), образуют самостоятельные составы преступлений, различающиеся по объекту уголовно-правовой охраны, характеру посягательства, направленности умысла и степени опасности. Поэтому назначение за них наказания по совокупности преступлений не может рассматриваться как противоречие статье 50 (часть 1) Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право не быть повторно осужденным за одно и то же преступление, и не только не нарушает принцип справедливости, но, напротив, отвечает требованию справедливого наказания за совершенное преступление.

Данные преступления имеют разные объекты (общественная безопасность в одном случае, собственность и здоровье – в другом), цели преступления (участие в банде не предусматривает в качестве обязательного элемента состава бандитизма каких-либо конкретных целей осуществляемых вооруженной бандой нападений, а разбой осуществляется только в целях хищения), объективную сторону (участие в банде может иметь формы финансирования, обеспечения ее оружием, транспортом, а разбой состоит в нападении на потерпевшего, сопряженном с применением насилия или с угрозой его применения). Иными словами, часть вторая статьи 209 и пункты «а» и «б» части четвертой статьи 162 УК Российской Федерации регламентируют разные преступления, которые могут иметь общий признак – совершение нападений, и не соотносятся между собой как часть и целое и как общая и специальная нормы.

Кроме того, оспариваемая заявителем статья 209 УК Российской Федерации, устанавливающая в части второй уголовную ответственность за участие в устойчивой вооруженной группе (банде) или в совершаемых ею нападениях, не содержит положений, которые определяли бы правила квалификации деяний по совокупности преступлений. Такие положения содержатся в части пятой статьи 35 УК Российской Федерации, которая

прямо предусматривает, что участники организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) несут уголовную ответственность за участие в них в случаях, предусмотренных статьями 208, 209, 210 и 282.1 этого Кодекса, а также за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали.

Таким образом, отсутствуют основания для вывода о том, что оспариваемая заявителем часть вторая статьи 209 УК Российской Федерации нарушает его конституционные права и свободы»[12].

Вопрос о квалификации организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней), сопряженных с созданием, руководством и участием в банде, был разрешен Пленумом Верховного Суда РФ в п. 21 Постановления от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)»[18]. Если участники преступного сообщества (преступной организации) наряду с участием в сообществе (организации) создали устойчивую вооруженную группу (банду) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководили такой группой (бандой), содеянное образует реальную совокупность преступлений и подлежит квалификации по статьям 209 и 210 УК РФ, а при наличии к тому оснований – также по соответствующим статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за участие в другом конкретном преступлении. В тех случаях, когда организатор, руководитель (лидер) и участники структурного подразделения, входящего в состав преступного сообщества (преступной организации), заранее объединились для совершения вооруженных нападений на граждан или организации, действуя в этих целях, вооружились и, являясь участниками созданной устойчивой вооруженной группы (банды), действовали не в связи с планами преступного сообщества (преступной организации), содеянное ими надлежит квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 209 УК РФ, а также по соответствующим статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за совершенное конкретное преступление.

Таким образом, необходимость квалификации деяния, предусмотренного ст. 209 УК РФ, по совокупности с преступлениями, совершаемыми бандой, определяется сложным по своей структуре объектом бандитизма, которым выступает общественная безопасность, включающая в себя ряд самостоятельных объектов уголовно-правовой охраны, таких как жизнь и здоровье человека, другие ценности и интересы личности, государственную и личную собственность, общественный порядок.

Библиографический список

1. Быков В. Как разграничить бандитизм и разбой //Российская юстиция. 2001. №3.
2. Бюллетень Верховного Суда СССР.1959. № 6.
3. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1962. № 4
4. Васильева Я.Ю. Бандитизм и легализация преступных доходов//Уголовный процесс. 2005. № 10.
5. Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Кубанский государственный аграрный университет, 2000.

6. *Галиакбаров Р.Р.* Разграничение разбоя и бандитизма//Российская юстиция. 2001. № 7.
7. *Загородников Н.И.* Советское уголовное право. Общая и Особенная части. М., 1976.
8. *Иванчин А.В.* О целесообразности исключения из УК РФ ст. 209, 210 и 282.1// Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с организованной преступностью: Итоговые материалы Всероссийского научно-практического семинара (20 - 21 января 2004 г.)/Отв. ред. Л.Л. Кругликов. Яросл. гос. ун-т; Ярославль, 2004.
9. *Качалов В.В.* Ответственность организатора преступления по российскому уголовному праву: монография. Орел: Орловский юридический институт МВД России, 2012.
10. *Качалов В.В.* Особенности квалификации действий организатора или руководителя организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) // Правовые и социальные исследования: Сборник научных трудов. Выпуск 4. Тула, 2010.
11. *Кузнецова Н.Ф.* Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2010 г. № 601-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Варлакова Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 209 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 240 и статьей 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»// Консультант Плюс: <http://www.consultant.ru>.
13. *Попова О.* Сложности при разграничении бандитизма и вооруженного группового разбоя //Российская юстиция. 2001. № 5.
14. Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975 г. № 4 «О судебной практике по делам об умышленном убийстве»//Консультант Плюс: <http://www.consultant.ru>.
15. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» //Консультант Плюс: <http://www.consultant.ru>.
16. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 1993 г. № 9 «О судебной практике по делам о бандитизме»// Консультант Плюс: <http://www.consultant.ru>.
17. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. №1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм»//Консультант Плюс: <http://www.consultant.ru>.
18. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. №12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)»//Консультант Плюс: <http://www.consultant.ru>.
19. *Салаева Н.Н.* Убийство, сопряженное с иными преступлениями: проблемы квалификации и уголовной ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006.
20. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995.
21. *Тюнин В.И.* К вопросу о редакции нормы о совокупности преступлений// Российский следователь. 2008. № 2.

References

1. *Bikov V.* How do I differentiate bulls banditry and robbery//Russian justice. 2001. Number 3.
2. Bulletin of the Supreme Court SSSR.1959. Number 6.
3. Bulletin of the Supreme Court of the USSR. 1962. number 4
4. *Vasilyeva Y.U.* Banditry and money laundering //Criminal Procedure. 2005. Number 10.
5. *Galiakbarov R.R.* Fighting crime group. Qualification issues. Kuban State Agrarian University, 2000.
6. *Galiakbarov R.R.* Differentiation of robbery and banditry//Russian justice. 2001. Number 7.
7. *Zagorodnikov N.I.* Soviet criminal law. General and Special Parts. М., 1976.
8. *Ivanchin A.V.* On the feasibility of exclusion of the Criminal Code Art. 209, 210 and 282.1//criminological and criminal legal problems of combating organized crime: Final Materials of All-Russian scientific-practical seminar (20-21 January 2004) /L.L. Kruglikov. Yarosl. Reg. Univ; Yaroslavl, 2004.
9. *Katchalov V.V.* Responsible organizer of the crime under Russian criminal law: a monograph. Orel: OrUI MVD of Russia, 2012.
10. *Katchalov V.V.* Features qualifying actions organizer or leader of an organized group or criminal community (criminal organization) // Legal and social research: Collection of scientific papers. Issue 4. Tula, 2010.
11. *Kuznetsova N.F.* Meaning of criminal consequences for criminal liability. М., 1958.
12. Determination of the Constitutional Court on April 8, 2010 № 601- О-О “The refusal to accept for citizen complaints Varlakov Alexander Alexandrovich violation of his constitutional rights by the second part of Article 209 of the Criminal Code of the Russian Federation, the first part of Article 240 and Article 285 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”//Consultant Plus: <http://www.consultant.ru>
13. *Popov O.* Difficulties in distinguishing banditry and armed robbery group//Russian justice. 2001. Number 5.
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court on June 27, 1975 № 4 “On judicial practice in cases of premeditated murder”// Consultant Plus : <http://www.consultant.ru>
15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court on January 27, 1999 № 1 “On judicial practice in cases of murder (Article 105 of the Criminal Code)”//Consultant Plus: <http://www.consultant.ru>.
16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of 21 December 1993 № 9 “On judicial practice in cases of banditry “// Consultant Plus: <http://www.consultant.ru>.
17. Resolution of the Plenum of the Supreme Court on January 17, 1997 № 1 “On the practice of courts of law on the responsibility for banditry”//Consultant Plus: <http://www.consultant.ru>
18. Resolution of the Plenum of the Supreme Court on June 10, 2010 № 12 “On the jurisprudence of criminal cases on the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it”//Consultant Plus: <http://www.consultant.ru>
19. *Salaeva N.N.* Murder, combined with other crimes: challenges qualifications and criminal liability: Author. dis.... cand. jurid. sciences. Omsk, 2006.
20. Collection Plenum of the Supreme Courts of the USSR and the RSFSR (Russian Federation) in criminal matters. М., 1995.
21. *Tunin V.I.* On the editorial standards of the totality of crimes // Russian investigator. 2008. No 2.

УДК 347.1(075.8)

UDC 347.1(075.8)

А.В. МЕРКУЛОВА

кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского процесса, предпринимательского и трудового права, Орловский государственный университет

A.V. MERKULOVA

Candidate of Law, associate professor of the department of civil process, entrepreneurial and labour law, Orel State University

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТАХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

TO THE QUESTION OF SUBJECTS OF ENTERPRISE LEGAL RELATIONS

В статье рассматриваются различные подходы к понятию малого бизнеса, вопросы соотношения понятий «малый бизнес» и «малое предприятие», а также особенности малого предприятия в правовом регулировании малого бизнеса.

Ключевые слова: малый бизнес, малое предпринимательство, субъект малого бизнеса, рынок, организационно-правовая форма, правоотношение.

The article deals with various approaches to the concept “small business”, questions of correlation of the notions “small business” and “small entrepreneurship”, and also features of a small enterprise in the legal regulation of small business.

Keywords: small business, small entrepreneurship, subject of small business, market, organizational legal form, legal relationship.

Переход к рыночным отношениям в России закономерно повлек за собой изменение нормативной базы, необходимость закрепления в действующем законодательстве соответствующего рыночного инструментария, позаимствованного как из мирового, так и из отечественного дореволюционного опыта рыночного хозяйствования, потребовал переосмысления роли государства.

Все чаще при конструировании норм права законодатель стал обращаться к категории «малый бизнес». Малый бизнес является основой рыночной экономики, представляет собой многогранное явление. Соответственно таким же многоаспектным является и отражающее его понятие. Наиболее важными гранями, или проявлениями малого бизнеса, выступают экономическая и правовая грани.

В настоящее время как юридический термин «малый бизнес» включен в нормы федеральных законов, среди которых Федеральный закон от 14 июня 1995 г. N 88-ФЗ «О государственной поддержке малого предпринимательства в Российской Федерации», Федеральный закон от 31 июля 2007 г. N209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», в постановления Правительства РФ (от 1 октября 2010 г. N 781 «О мерах государственной поддержки в 2010 году субъектов малого и среднего предпринимательства, производящих и (или) реализующих товары (работы, услуги), предназначенные для экспорта», от 21 июня 2010 г. N 460 «О дополнительных мерах государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства») и др.

Вместе с тем, при наличии многочисленного использования в законодательстве категории «малый

бизнес», ее содержание не получило должного научно-юридического обоснования, юридическая категория «малый бизнес» в законодательстве отсутствует.

Единого понимания малого бизнеса в научной доктрине также пока нет.

В экономической теории предлагаются различные дефиниции малого бизнеса. По мнению Игнатова И.В., малый бизнес – бизнес, опирающийся на предпринимательскую деятельность небольших фирм, малых предприятий, формально не входящих в объединения [6]. Смирнов С.А. утверждает, что «малый бизнес» – бизнес, осуществляемый в малых формах, опирающийся на предпринимательскую деятельность частных предпринимателей, небольших фирм, малых предприятий. Малый бизнес характерен для некоторых видов и форм производства, торговли, сферы услуг [9]. В современном экономическом словаре [8] понятие «малый бизнес» отождествляется с понятием «малое предпринимательство» и определяется как «предпринимательская деятельность в небольших масштабах».

В юридической литературе «малый бизнес» – это предпринимательская деятельность, осуществляемая субъектами рыночной экономики в соответствии с установленными законами, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве, и может осуществляться юридическим лицом [4]. По мысли С.В. Галкиной, «малый бизнес» – совокупность юридических и физических лиц, индивидуальных предпринимателей, не являющихся составной частью монополистических структур и играющих по сравнению с ними второстепенную роль в экономике

государства [10]. Согласно определению, предложенному Кругловым М.И., «малый бизнес» – коммерческое частное предприятие, отвечающее индивидуальным для каждого государства и отрасли критериям, прописанным в соответствующих регламентирующих документах государственной важности [11]. Встречается мнение, согласно которому малый бизнес – это лишь индивидуальный предприниматель, имеющий небольшой объем выручки (при этом юридические лица к малому бизнесу не относятся).

Нередко малый бизнес отождествляется с понятием «малое предпринимательство», «малое предприятие».

Заметим, что в научной литературе малое предпринимательство также определяется по-разному. Малое предпринимательство – это предпринимательская деятельность, осуществляемая субъектами рыночной экономики при определенных, установленных законами, государственными органами или другими представительными организациями критериях (показателях), конституирующих сущность этого понятия [3]. По мысли А.В. Безгодова, малое предпринимательство – это совокупность независимых мелких и средних предприятий, выступающих как экономические субъекты рынка. Эти предприятия не входят в состав монополистических объединений и занимают по отношению к ним в хозяйственном отношении подчиненное или зависимое положение [2]. Д.Е. Дугинов указывает на то, что малое предпринимательство – один из ведущих секторов, во многом определяющий темпы экономического роста, состояния занятости населения, структуру и качество валового национального продукта [5]. Малое предпринимательство – сектор бизнеса, во многом определяющий темпы экономического роста, состояния занятости населения, структуру и качество валового национального продукта [7].

Суммируя изложенное, выскажем некоторые соображения.

Трактуя малый бизнес, экономисты связывают это понятие с деятельностью, юристы малый бизнес понимают двояко. С одной стороны, малый бизнес – специфическая предпринимательская деятельность, с другой – обозначение специфических субъектов рынка, рыночных правоотношений.

В ученой среде можно выделить два подхода в трактовке малого бизнеса как субъекта. В широком понимании малый бизнес – совокупность особых субъектов. В узком смысле – отдельные субъекты. При этом одни авторы включают в состав таких субъектов юридических лиц, не являющихся составной частью монополистических структур и играющих по сравнению с ними второстепенную роль в экономике государства. Другие – лишь коммерческие организации, отвечающие индивидуальным для каждого государства и отрасли критериям, прописанным в соответствующих регламентирующих документах. Третьи – не рассматривают в качестве субъектов малого бизнеса юридических лиц, признавая в качестве таковых лишь индивидуальных предпринимателей

До настоящего времени комплексного изучения по-

нятия «малый бизнес» в гражданско-правовом смысле не проводилось. Понимания малого бизнеса с использованием правовых категорий пока нет.

Не наблюдается единства мнений по вопросу о том, что такое малый бизнес: сектор бизнеса (деятельность, предпринимательство) или субъект малого предпринимательства? Такая категория, как «малое предпринимательство», также не «проясняет» ситуации.

Вопрос о соотношении понятий «малый бизнес» и «малое предприятие» требует дальнейшего осмысления.

В силу Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства» малым предприятием признается компания, в штате которой от 16 до 100 сотрудников. Однако в ГК РФ «малое предприятие» не упоминается. Иными словами, ГК РФ не учитывает специфики малых предприятий как участников предпринимательских отношений, тем самым лишая их возможности опираться на разработанные конструкции ГК РФ и заставляя полагаться всецело на положения федеральных законов. Можно, конечно, пытаться извлечь специфику малых предприятий из вышеназванных общих положений ГК, но при этом неизбежен выход за пределы толкуемых норм. Думается, что необходимо совершенствование нормативной базы малого предпринимательства, в том числе включение понятия «малое предприятие» в ГК РФ.

Следует согласиться с распространенным среди исследователей мнением, согласно которому малое предприятие – это особая организационно-правовая форма коммерческих организаций. К субъектам малого и среднего предпринимательства относятся внесенные в единый государственный реестр юридических лиц потребительские кооперативы и коммерческие организации (за исключением государственных и муниципальных унитарных предприятий), физические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (далее – индивидуальные предприниматели), крестьянские (фермерские) хозяйства, соответствующие следующим условиям, указанным в Законе». Субъект малого бизнеса получает статус «такового» после государственной регистрации. Но, с другой стороны, о каком статусе можно вести речь? Если это организационно-правовая форма юридического лица, то такой формы, как «малые предприятия», в ГК РФ нет.

Разумеется, малый бизнес существует не сам по себе, а в определенном правовом пространстве. Поэтому выбор организационно-правовой формы малого предпринимательства оказывает определенное влияние на его развитие [1].

Однако, это вопрос выбора организационно-правовых форм, наиболее пригодных для деятельности малых предприятий, но не специфики этих организаций. Последние, по своей сути, целиком сводятся к масштабам предпринимательской деятельности (размерам предприятия), к сожалению, ГК РФ вообще не учитываемым.

Понятие организационно-правовой формы юриди-

ческого лица (одно из центральных в ГК РФ), связанное с имущественными и организационными отличиями, способами формирования и статусом имущественной базы, особенностями взаимодействия собственников, учредителей, участников, их ответственностью друг перед другом и перед контрагентами, явно недостаточное для правового обособления малого предприятия.

Оно имеет свойственные только ему особенности, которые должны учитываться в правовом регулировании малого бизнеса. На законодательном уровне в целях оказания государственной поддержки, применения налогообложения требуется одновременное соблюдение четырех условий: 1) предприятие должно быть коммерческой организацией, т.е. должно быть создано для получения прибыли, поэтому разные некоммерческие организации, клубы, фонды и т.д. не могут считаться малыми предприятиями; 2) доля участия в уставном капитале организации Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, общественных и религиозных организаций, благотворительных и иных фондов не должна превышать 25%. 3) доля участия в уставном капитале организации другого или других юридических лиц, не являющихся субъектами малого предпринимательства, не может превышать 25%, 4) среднесписочная численность работников не должна превышать определенных уровней в соответствии со следующими ограничениями: промышленное производство – 100 человек, бизнес, занятый в транспорте – 100 человек, строительство – 100 человек, сельское хозяйство – 60 человек, научно-техническая сфера – 60 человек, оптовая торговля – 50 человек, розничная торговля и обслуживание населения 30 человек, в остальных областях – 50 человек.

Если же малое предприятие занимается несколькими видами деятельности, тогда критерий ограничения численности работающих принимается по тому виду деятельности, доля оборота, либо же доля прибыли которого является наибольшей в годовом исчислении. При этом малое предприятие само определяет, что принять за основу: объем реализации или же объем

прибыли, однако выбранный показатель должен быть неизменен в течение года.

Думается, что определяя «малый бизнес», *во-первых*, необходимо учитывать, что экономическая и правовая грани этого многогранного явления тесно взаимосвязаны между собой. *Во-вторых*, чтобы раскрыть сущность малого бизнеса целесообразно обратиться к категории «правоотношение» и его структурным элементам. Само правоотношение в юридической литературе определяется двояко: с одной стороны, как фактическое общественное отношение, урегулированное нормой права, с другой – как общественное отношение, которое возникает в результате воздействия нормы права на фактическое общественное отношение.

Малый бизнес – это комплекс отношений, связанных с осуществлением специфической предпринимательской деятельности. Малый бизнес – это система отношений (правовых, экономических, организационных, культурных и политических) между специфическими субъектами права. В таком понимании малый бизнес – сектор бизнеса (деятельность, предпринимательство). Формулируя универсальное понятие малого бизнеса, следует учитывать как общие признаки, характеризующие бизнес, предпринимательство либо субъектов предпринимательства в целом, так и специфические признаки, выделяющие малый бизнес из общего массива предпринимательской деятельности, либо – субъектов этой специфической предпринимательской деятельности. В контексте понимания малого бизнеса как субъекта предпринимательской деятельности необходимо установить связь с такими понятиями, как «субъект права», «субъект предпринимательского права», «субъект предпринимательского правоотношения».

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что отсутствие единого юридического понимания малого бизнеса в современной России объясняет существующие в законодательстве ошибки и несоответствия. Этот вопрос требует дальнейшего изучения и осмысления.

Библиографический список

1. *Андреев В.К.* Правовой статус малых предприятий. // Российская юстиция. 2010. №9.
2. *Безгодов А.В.* Очерки социологии предпринимательства: СПб.: Петрополис, 2011. С.89.
3. *Гандилов Т.М.* Правовые проблемы малого предпринимательства: Учебное пособие М.: 2012. С.78-90
4. Гражданское право: Учебник. Под ред. С.С. Алексеева // М., 2006.
5. *Дугинов Д.Е.* Малый инновационный бизнес. Изд. «Вузовский учебник 2013». С.201.
6. *Игнатова И.В.* Журнал научных публикаций «Экономические аспекты предпринимательства» // Статья №6.
7. Информационный портал-Большая библиотека URL:[http:// www.e-ng.ru](http://www.e-ng.ru)
8. *Райсберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь.-3-е изд.перераб. и доп.-М.: ИНФРА-М, 2001. С. 216.

References

1. *Andreev V.K.* Legal status of small businesses. // The Russian justice. 2010. № 9.
2. *Bezgodov A.V.* Essays on the Sociology of entrepreneurship: SPb.: Petropolis, 2011. P. 89.
3. *Gandilov T.M.* Legal problems of small business: Textbook M.: 2012. Pp.78-90.
4. Civil Law: Textbook. Ed. S.S. Alekseev // M., 2006.
5. *Duginov D.E.* Small business innovation. Ed. University textbook. 2013. P.201.
6. *Ignatova I.V.* Journal of scientific publications “Economic Aspects of Entrepreneurship” // Article № 6.
7. Information portal-Large library URL: [http:// www.e-ng.ru](http://www.e-ng.ru).
8. *Raysberg B.A., Lozovskiy L.Sh., Starodubtseva E.B.* Modern economic dictionary. 3-d ed. M.: INFRA-M, 2001. P. 216.

УДК 347,19:061.2

UDC 347, 19:061.2

И.В. УЛЬЯНОВА

бакалавр, юридический факультет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: irina.ulyanova111@mail.ru

I.V. ULIANOVA

Bachelor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
E-mail: irina.ulyanova111@mail.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО ПОЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ*

LEGAL AND INSTITUTIONAL TRANSFORMATION TOOLS LEGAL FIELD OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS

В статье анализируются тенденции в совершенствовании правовой основы для использования действующего законодательства о некоммерческих организациях в Российской Федерации. Автором разработана структура проекта кодекса некоммерческих организаций в качестве необходимого инструмента развития данного института.

Ключевые слова: некоммерческие организации, формирование институтов, виды некоммерческих организаций, правильные инструменты правового поля.

The article analyzes trends in improving the legal framework for the use of existing legislation on non-profit organizations in the Russian Federation. The author has developed the structure of the draft Code of non-profit organizations as a necessary tool for the development of this institution.

Keywords: non-profit organizations, the formation of institutions, types of non-profit organizations, the right tools, the legal field.

В рамках формирования правового поля деятельности НКО в нашей стране последовательно совершенствуется законодательная база развития некоммерческих организаций. Улучшаются условия и виды деятельности НКО, но по-прежнему остаётся достаточно много дискуссионных вопросов, в том числе об ограничительных рамках по видам деятельности и определения отличий некоммерческих организаций от коммерческих. Однако, рамки деятельности не должны ограничивать свободу действий и свободу общественного творчества [6].

Важно отметить, что совершенствование правового поля регулирования (и саморегулирования) деятельности НКО направлено на развитие механизмов участия общественности в решении социальных задач. Одним из условий такого участия и является создание предпосылок и выработка стимулов активизации деятельности НКО по наиболее важным направлениям, которые «не интересны» для коммерческих структур и затратны для государства. НКО, как показывает мировая практика, могут действовать лучше государства или лучше госучреждений. Этим целям служит правовое обеспечение развития экономических механизмов поддержки деятельности НКО, создание программ и концепций благотворительности и добровольчества, разработка методических и правоприменительных документов¹ в

части регулирования деятельности НКО и реализации мер по развитию институтов гражданского общества.

В рамках совершенствования правового поля их деятельности в нашей стране последовательно ведётся реформирование законодательства об НКО. В таблице 1 представлены этапы трансформации правового поля деятельности некоммерческих организаций.

Следует отметить, что изменения в Гражданском кодексе о возможных формах создания НКО, отмеченные на шестом этапе в таблице 1, включает: потребительские кооперативы; общественные организации (в том числе политические партии и профсоюзы, ТОСы); ассоциации (союзы); товарищества собственников недвижимости (в том числе жилья); казачьи общества; общины коренных малочисленных народов Российской Федерации; фонды (в том числе общественные и благотворительные); учреждения (государственные, муниципальные, частные); автономные некоммерческие организации; религиозные организации; публично-правовые компании.

Далее сфокусируем исследовательское внимание на четвертом этапе реформирования законодательства о НКО (таблица 1), связанном с введением понятия «иностранный агент», вызвавшее бурное обсуждение в СМИ. [7]

С одной стороны, введение нового закона обосновано успешным опытом реализации американского закона The Foreign Agents Registration Act (FARA), позволяющего сформировать финансовую транспарент-

¹ «Трансформация устойчивости социально ориентированных некоммерческих организаций в условиях формирования межсекторного социального партнерства в РФ»

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта №14-02-00119

Этапы реформирования законодательства о деятельности некоммерческих организаций

период	характеристика	Методы, инструментарий, мероприятия реализации
Первый этап: апрель–июнь 2009 г.	поправки в ФЗ о НКО, о государственном контроле за НКО	Правоприменительные полномочия организационно-правовых методов, в том числе следующего инструментария: регистрации, отчетности, проверок, приостановления деятельности и ликвидации.
Второй этап: июнь–декабрь 2009 г.	Концепции развития благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации на 2009-2010 г.г. (в том числе на региональном уровне)	Правоприменительные полномочия административно-экономических методов, в том числе инструменты в виде поправок, касающиеся экономической деятельности НКО
Третий этап: 2010–2011 г.г.	Правовое регулирование экономической деятельности НКО: в т.ч. в сфере налогообложения. Правовой фундамент социально-ориентированных НКО: сущность, виды, цели	Формирование институционального фундамента организационно-экономических инструментов, основанных на реализации патерналистской модели, заложенной на предыдущем этапе; пропаганда социальной ответственности; формирование информационной площадки
Четвертый этап: 2012 г.	ФЗ № 147 «О внесении изменений в статью 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», статус иностранного агента введен п. 6 ст. 2 № 7-ФЗ (в редакции, действующей с 21.11.2012); № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента»	Правоприменительные полномочия по идентификации НКО, выражающиеся в двух формах: формально-юридической и морально-этической, (ценностной); формирование «Дорожных карт», в том числе региональных, по развитию социально ориентированных некоммерческих организаций
Пятый этап: 2012–2013 г.г.	Правовое регулирование социально ориентированных НКО, в том числе на региональном уровне (2013 г.)	Установление механизмов предоставления СОНКО финансовых ресурсов из регионального бюджета, предоставление СОНКО и организациям, оказывающим благотворительную помощь СОНКО, налоговые льготы; предоставление СОНКО имущественной поддержки в виде предоставления недвижимого имущества в аренду на льготных условиях; обеспечение информационной поддержки деятельности СОНКО в средствах массовой информации, а также посредством социальной рекламы; проведение общественной экспертизы проектов НПА субъектов РФ и ОМСУ по направлениям видов деятельности СОНКО
Шестой этап 2014 г.	Изменения в Гражданском кодексе ² , выделен закрытый список 11 возможных форм для создания НКО; Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», об ограничении размера анонимных платежей (принят Госдумой 22.04.2014 г. и одобрен Советом Федерации 29.04.2014г.)	Закон, который вступит в силу 16 мая 2014 года, ограничит размер разрешенных анонимных электронных платежей суммой в 15 тыс. рублей, сообщает «Российская газета». Уже с 1 ноября 2014 года гражданам, которым будет нужно перевести большую сумму денег, необходимо пройти процесс идентификации по упрощенной схеме. После завершения идентификации пользователь получит право переводить до 60 тыс. рублей в день или до 200 тыс. рублей в месяц.

ность и публичность деятельности некоммерческих организаций. Предложенный в законе инструментарий нашел также поддержку у ряда исследователей [9].

Вместе с тем, в рамках применения словесной конструкции «функции иностранного агента», на которой базируется предложенная система идентификации и с которой связаны основные недостатки закона, выделенные рядом авторов [3], позволяют структурировать «институциональные ловушки» [11] идентификации НКО, активно обсуждаемые экспертами в области права.

² С 1 сентября 2014 года все юридические лица, в том числе и НКО, будут разделены на корпоративные (с институтом членства) и унитарные

Итак, первая институциональная ловушка: в законе не перечислены функции иностранного агента. Сказано лишь, что под некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента, понимается российская НКО, которая получает денежные средства от иностранных субъектов и участвует в политической деятельности на территории России (ст.2). Отсюда единственной функцией НКО, помимо получения денег, признается осуществление политической деятельности.

Предложенное в законе определение политической деятельности содержит внутреннее противоречие, поскольку в объясняющей части используется термин

«политическая акция», т.е. понятие определяется через себя самого, что недопустимо. Закон не объясняет, что такое политическая акция и чем она отличается от акции не политической. Таким образом, термин «политическая деятельность» точно не определен в законе, а его адекватное толкование может привести к запрету всякой некоммерческой деятельности.

Во-вторых, следующей проблемой является то, что в разговорном языке термин «некоммерческая организация, выполняющая функции иностранного агента» будет чаще всего использоваться как термин «иностранный агент», лежащий в основе ст.1005-1011 Гражданского кодекса РФ. [2] Поэтому желательно заменить некорректное определение на, скажем, «НКО иностранного влияния» или нечто подобное.

В целом накоплен в нашей стране достаточно большой опыт формирования правового поля деятельности НКО, однако по-прежнему остается и много проблемных зон.

Дискуссионными остаются вопрос классификации НКО, последовательного контроля за их возможностями осуществления коммерческих операций и т.п. [4;5]

Нуждаются в четкой правовой регламентации механизмы ограничения предпринимательской деятельности при формировании целевого капитала НКО, установление запрета непосредственного занятия предпринимательством для отдельных организационно-правовых форм НКО, подобно существующих в отношении объединений юридических лиц в форме ассоциаций и союзов. Некоторые авторы отмечают наличие противоречивых тенденций в российском законодательстве, связанных, в частности, с преференциями государственным корпорациям, которые активно внедряются в сферу экономики. [1]

Исходная модель взаимодействия органов публичной власти и некоммерческих организаций заложена в Конституции РФ. Она конкретизируется и раскрывается в ряде Федеральных законов, законов субъектов РФ, подзаконных актах разного уровня. Таким образом, названная конституционно- правовая модель наполняется межотраслевым содержанием, формируя межотраслевой нормативный комплекс, посвященный взаимодействию власти и некоммерческих организаций.

В настоящее время уже можно говорить о создании права некоммерческих организаций как о межотраслевом институте, в основу которого положено конституционно-правовое «ядро». Конституция России очерчивает контуры этого института, определяет права, свободы граждан и организаций, закрепляет право граждан на объединения, в Конституции РФ закреплены фундаментальные основы законодательного обеспечения прав некоммерческих организаций на участие в решении государством проблем, связанных с целями деятельности некоммерческих организаций. Конституционно-правовые нормы и нормы иных НПА, имеющих конституционно-правовой характер, устанавливают формы взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления и некоммерческих организаций.

В настоящее время назрела необходимость систематизации права некоммерческих организаций, в рамках которой следует обеспечить развитие конституционной концепции, задающей центральный вектор развития некоммерческих организаций. Конкретизация конституционных положений должна быть осуществлена в рамках непротиворечивости с общим сохранением конституционной модели, что может быть представлено в виде проекта кодекса некоммерческих организаций.

Нами разработана следующая структура проекта кодекса о некоммерческих организациях:

Введение

Кодекс некоммерческих организаций регулирует отношения по поводу развития и увеличения положительной, добропорядочной, позитивной энергетики в государстве среди населения и будущих поколений.

Кодекс, в первую очередь, является средством самодисциплины, однако, он также предназначен для использования судами в качестве справочного документа в рамках соответствующего законодательства.

Кодекс некоммерческих организаций регулирует работу организаций, деятельность которых осуществляется безвозмездно и направлена на достижение благоприятных условий в обществе в соответствии с законодательством РФ.

Общие положения

Некоммерческая организация (НКО) — организация, не имеющая в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли и не распределяющая полученную прибыль между участниками. Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, политических, научных и управленческих целей, в сферах охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ. Некоммерческие организации вправе заниматься предпринимательской деятельностью, только если данная деятельность направлена на достижение целей организации.

Статья 1. Виды деятельности НКО.

Основным видом деятельности некоммерческой организации признается деятельность, направленная непосредственно на достижение главной цели, ради которой она создана. Разрешено также осуществление нескольких видов деятельности, которые не противоречат законам Российской Федерации.

Учредительные документы организации определяют перечень видов деятельности организации.

Как правило, некоммерческие организации имеют научную, культурную, социальную или политическую направленность.

Статья 2. Принципы создания НКО.

1. Принцип следования общественным интересам

2. Принцип солидарности.

3. *Принцип профессионализма.*
4. *Принцип осознанного участия.*
5. *Принцип демократичности управления*
6. *Принцип недопущения конфликта интересов.*
7. *Принцип самоконтроля.*
8. *Принцип ответственной деятельности, ответственного партнерства, ответственного привлечения средств.*

9. Принцип общественного контроля участия в управлении.

10. *Принцип самоограничения при спорной деятельности.*

11. Принцип гражданской ответственности.

12 Принцип добровольности.

Указанные принципы находятся в тесной связи с уже законодательно сформированными принципами деятельности некоммерческих организаций.

Статья 3. Типология некоммерческих организаций:

Организации социально-ориентированной направленности.

Организации клубного типа.

Организации экологической направленности.

Правозащитные организации.

Инфраструктурные НКО.

Статья 4. Формы некоммерческих организаций:

потребительские кооперативы; общественные организации (в том числе политические партии и профсоюзы, ТОСы); ассоциации (союзы); товарищества собственников недвижимости (в том числе жилья); казачьи общества; общины коренных малочисленных народов Российской Федерации; фонды (в том числе общественные и благотворительные); учреждения (государственные, муниципальные, частные); некоммерческие партнерство, волонтерская деятельность, благотворительность, союзы (ассоциации), автономные некоммерческие организации; религиозные организации; публично-правовые компании.

Статья 5. По целям некоммерческие организации имеют следующую классификацию:

Общественная организация – совместная деятельность для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан.

Общественное движение – массовое общественное объединение, преследующее социальные, политические и иные общественно полезные цели, поддерживаемые участниками общественного движения.

Общественное учреждение – оказание конкретного вида услуг, отвечающих интересам участников и соответствующих уставным целям указанного объединения.

Общественный Фонд – формирование имущества на основе добровольных взносов, иных не запрещенных законом поступлений и использование данного имущества на общественно полезные цели.

Орган общественной самодеятельности – совместное решение различных социальных проблем, возникающих у граждан по месту жительства, работы или учебы, направленное на удовлетворение потребностей неограниченного круга лиц, чьи интересы связаны с достижением уставных целей и реализацией про-

грамм органа общественной самодеятельности по месту его создания.

Некоммерческий фонд – формирование имущества на основе добровольных имущественных взносов и использование его в социальных, благотворительных, культурных, образовательных или иных общественно полезных целях.

Некоммерческое учреждение – осуществление управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера. Создается собственником и финансируется полностью или частично этим собственником.

Автономная некоммерческая организация – предоставление услуг в области образования, здравоохранения, культуры, науки, права, физической культуры, спорта и иных услуг. Учреждается на основе добровольных имущественных взносов.

Некоммерческое партнерство – содействие ее членам в осуществлении деятельности, направленной на достижение целей, предусмотренных пунктом 2 статьи 2 ФЗ «О некоммерческих организациях».

Союз (ассоциация) – добровольное объединение коммерческих или некоммерческих организаций для координация деятельности и представления и защиты общих интересов.

Статья 6. Продвижение некоммерческих организаций.

Цели продвижения некоммерческих организаций – привлечение дополнительных получателей помощи, благотворителей, спонсоров, с помощью методов продвижения решающих одновременно социальные и экономические задачи. Социальные задачи заключаются в решении общественно важных проблем, тогда как экономические – в привлечении средств для поддержания и развития уставной деятельности благотворительной организации.

Некоммерческие организации имеют право использовать следующие способы продвижения: благотворительность, фандрайзинг, пропаганда, связи с общественностью, прямой маркетинг, телемаркетинг, почтовая рассылка и другие формы, не противоречащие этическим и ценностным целям организации.

Статья 7. Межсекторное взаимодействие некоммерческих организаций.

Межсекторное взаимодействие некоммерческих организаций – система взаимоотношений, направленная на обеспечение согласования интересов по поводу развития и увеличения положительной, добропорядочной, позитивной энергетики в государстве среди населения и будущих поколений.

Межсекторное взаимодействие некоммерческих организаций призвано:

- способствовать политической стабильности,
- реализации конституционных прав граждан;
- эффективному решению социальных проблем общества.

Межсекторное взаимодействие выполняет следующие функции:

- институциональную – разработка и принятие

нормативной базы, стимулирующей межсекторное партнерство и обеспечивающее развитие секторов; организация контроля за исполнением законов и принятых решений;

– экономическую – защита собственности, создание реальных условий для свободной деятельности, повышение уровня жизни населения, сокращение социальной дифференциации, разработка эффективных механизмов осуществления социального инвестирования и распределения финансовых ресурсов, закрепление рыночных отношений в сфере социального партнерства, учет затрат и выгод при реализации социального инвестирования;

– организационную – стимулирование развития некоммерческого сектора и усиление взаимодействия всех его составляющих, создание организаций для реализации той или иной технологии взаимодействия секторов;

– информационную – прозрачность информации о развитии рынка социального инвестирования, грантополучателях и грантодателях;

– духовно-психологическую – усиление нравственных критериев в осуществлении реформ, уважение к закону и принятым социальным нормам.

Данный кодекс позволит, на наш взгляд, сформулировать официальные нормы развития некоммерческих организаций и нивелировать дискуссионные вопросы по поводу ряда методологических дефиниций.

Несмотря на все свое своеобразие, основная ценностная значимость НКО – служить средством институционализации гражданского общества в нашей стране (как и в других государствах). Некоммерческие организации, с одной стороны, являются способом самоорганизации гражданского общества, а с другой – сами представляют собой гражданское общество, являясь средством его формирования. Некоммерческие организации могут создаваться для самых разных целей, но магистральным направлением их деятельности всегда является самореализация её участников. Взаимодействуя в рамках организации с людьми, имеющими сходное мнение по какой-либо проблеме, человек проверяет свои силы, внутренне обогащается, укрепляет свою гражданскую позицию.

НКО – это мощная созидательная сила, которая способна изменить многое вокруг себя, повлиять на жизнь других людей. Поэтому членство в ней предполагает совершенно иной уровень самосознания и ответственности за свои действия.

Библиографический список

1. *Валявина Ю.Е.* Развитие законодательства о некоммерческих организациях на современном этапе // Журнал российского права. 2009. № 1.
2. Гражданский кодекс РФ. М.: Проспект, Кнорус, 2013.
3. *Корнейчук Б.В.* Проблема идентификации НКО «иностранных агентов»: институциональный аспект // Сборник научных трудов XVIII Международной научно-практической конференции «Интеграция экономики в систему мирохозяйственных связей», 21-23 октября 2013 г
4. *Кулькова В.Ю.* Анализ состояния бюджетов муниципальных образований в Республике Татарстан в условиях муниципальной реформы и разграничения доходных и расходных полномочий // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 1. С. 47-57.
5. *Кулькова В.Ю.* Налоговое регулирование асимметрии регионального развития на основе совершенствования межбюджетных отношений в Российской Федерации // Финансы и кредит. 2005. № 28. С. 12-22.
6. *Кулькова В.Ю.* Рудакова О.В., Мироненко Н.В. Организационно-информационная поддержка деятельности СО НКО в Российской Федерации и Республике Татарстан // Вестник ОрелГИЭТ. 2012. №2 (20). С. 165-170.
7. *Кулькова В.Ю.* Российские тренды развития некоммерческих организаций в международной компаративистике // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 30. С. 37-46.
8. О деятельности некоммерческих организаций – URL- <http://minjust.ru/ru/nko>.
9. *Марутин А.Г.* К вопросу о причинно-следственной связи появления в отечественном законодательстве нормы о «иностранных агентах» // Известия Сочинского государственного университета. 2014. № 1 (29) – URL http://vestnik.sutr.ru/journals_n/1398187922.pdf
10. Социально ориентированные НКО: лучшие практики // Практическое пособие. М.: Агентство социальной информации, 2011. 224 с.

References

1. *Valyavina Y.E.* Development of legislation on non-profit organizations at the present stage // Journal of Russian law. 2009. № 1.
2. Civil Code. M.: Prospect KnoRus, 2013.
3. *Kornejchuk B.V.* Problema identification NPO «foreign agents»: the institutional aspect // Proceedings of the XVIII International Scientific and Practical Conference «Integration of the economy in the global economic system», 21-23 October 2013.
4. *Kulkova V.Y.* Analysis of the state of municipal budgets in the Republic of Tatarstan in terms of municipal reform and the distribution of revenue and expenditure powers // Regional Economy: Theory and Practice. 2008. № 1. Pp. 47-57.
5. *Kulkova V.Y.* Tax regulation asymmetry of regional development on the basis of intergovernmental fiscal relations in the Russian Federation // Finance and credit. 2005. № 28. Pp. 12-22.
6. *Kulkova V.Y.* *Rudakov O.V.*, *Myronenko N.V.* Organizational and information support activities from NPOs in the Russian Federation and the Republic of Tatarstan // Vestnik OrelGIET. 2012. № 2 (20). Pp. 165-170.
7. *Kulkova V.Y.* Russian NPO Development trends in international comparative studies // National interests: priorities and security. 2012. № 30. Pp. 37-46.
8. On the activity of non-profit organizations – URL-<http://minjust.ru/ru/nko>.
9. *Marutin A.G.* On the issue of causation appearance in the domestic legislation provisions on «foreign agencies» // Proceedings of Sochi State University. 2014. № 1 (29) - URL http://vestnik.sutr.ru/journals_n/1398187922.pdf
10. Socially oriented NGOs: Best Practices // Practical Guide. M.: Social Information Agency, 2011. 224.

УДК 378.014

UDC 378.014

А. АБУДЖРАЙ

аспирант, кафедра педагогики, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
E-mail: nij_npo@mail.ru

ABDALLA ABUJRAY

Graduated student, Department of Pedagogy, State Pedagogical University of Russia named after A.I. Herzen
E-mail: nij_npo@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПАЛЕСТИНЕ

CONTENT OF TECHNOLOGY TEACHERS IN MODERN PALESTINE

В статье на основе анализа выделенных параметров (структура содержания подготовки, содержание различных групп дисциплин, обязательные дисциплины и дисциплины по выбору студентов, объемы кредитов, отводимых на подготовку) дается характеристика содержания подготовки учителей технологии в современной Палестине.

Ключевые слова: структура содержания, группа дисциплин, обязательные дисциплины, дисциплины по выбору студентов, объем часов (кредитов).

On the basis of the analysis of selected parameters (structure of training content, content of various subject blocks, credits for training), the article characterizes the content of technology teachers training in modern Palestine.

Keywords: content structure, subject blocks, compulsory subjects, optional subjects, hours (credits).

Содержание подготовки учителей технологии в Палестине раскрывается через анализ:

- структуры содержания подготовки в университетах и колледжах;
- содержания различных групп дисциплины, включенных в подготовку;
- объемов часов, отводимых на подготовку в целом и отдельных ее составляющих [1].

Анализ учебных планов 4-х университетов [2,3,4,5], которые готовят учителей технологии в современной Палестине, показал, что в них достаточно четко просматриваются три группы дисциплин: общие для всех студентов университета; психолого-педагогические; научные и специальные. В первую группу по всем университетам входит 15 дисциплин, среди которых: «Основы статистики», языки (арабский, английский, еврейский, русский); «Исламская культура» и «Исламское образование»; «Право» («Права человека в Исламе», «Демократия и права человека», «Закон в нашей жизни»); «История» и «Исследования Палестины», «Искусство и общество», «Коран». Однако эти дисциплины представлены в каждом университете по-разному. Представленность дисциплин этой группы в различных университетах отражена в таблице 1.

Таблица 1.

Представленность дисциплин первой группы по университетам

Представленность дисциплин в разных университетах				Дисциплины первой группы	№
4	3	2	1		
X	X	X	X	Основы статистики	1
X	X	X	X	Арабский язык	2

---	---	---	X	Арабский язык (2)	3
X	X	X	X	Английский язык	4
X	---	X	---	Еврейский язык	5
X	---	---	---	Русский язык	6
X	X	X	X	Исламская культура	7
X	---	---	X	Исламское образование	8
---	---	---	X	Права человека в Исламе	9
---	---	X	---	Демократия и права человека	10
X	X	---	---	Закон в нашей жизни	11
X	X	---	X	История Палестины	12
X	X	X	X	Исследования Палестины	13
---	X	X	---	Искусство и общество	14
---	---	---	X	Коран (1)+(1)+(1)+(1)	15
10	8	8	10		

* (1) Исламский университет

* (2) Университет «Аль-Акса»

* (3) Национальный университет «Аль-Наджх»

* (4) Палестинский технический университет – «Хадорй»

* (X) Изучает. (---) не изучает.

Оказалось, что во всех университетах изучают «Основы статистики», арабский и английский языки, «Исламскую культуру» и «Исследования Палестины». Еврейский язык изучается в двух университетах, один из них расположен в секторе Газа, а другой – на Западном берегу. Русский язык изучается только в одном университете (техническом), который также расположен на Западном берегу. Обращает на себя внимание тот факт, что «Коран» изучается только в Исламском университете, в котором представлены и «Исламская культура», и «Исламское образование», и «Права человека в Исламе», но нет таких дисциплин, как «Демократия и права человека», «Закон в нашей жизни», «Искусство и общество».

Во вторую группу – психолого-педагогических дисциплин – по всем университетам входит 14 дисциплин. Среди этих дисциплин: «Философия», «Принципы педагогики», «Образование и развитие», «Осуществление образования», «Оценка образования», «Методы и методики преподавания», которые относятся к педагогике; «Социальная психология», «Психология развития», «Педагогическая психология и психология образования», «Психическое здоровье человека», «Развитие навыков мышления», которые связаны с психологией; «Методология исследования», «Методы исследования», которые относятся к психолого-педагогическим исследованиям. В эту же группу дисциплин попадает и практика в школах.

Представленность этих дисциплин в каждом университете отражена в таблице 2.

Таблица 2.

Представленность психолого-педагогических дисциплин по университетам

Представленность дисциплин в разных университетах				Дисциплины психолого-педагогические	№
4	3	2	1		
---	X	---	X	Философия	1
X	X	X	X	Принципы педагогики	2
X	X	X	X	Образование и развитие	3
X	X	X	X	Осуществление образования	4
X	X	X	X	Оценка образования	5
X	X	X	X	Методы и методики преподавания	6
---	X	X	X	Социальная психология	7
X	X	X	X	Психология развития	8
X	X	X	X	Педагогическая психология и психология образования	9
---	---	---	X	Психическое здоровье человека	10
---	X	---	X	Развитие навыков мышления	11
---	X	X	X	Методология исследования	12
---	X	---	---	Методы исследования	13
X	X	X	X	Практика в школах (1+1)	14
7	12	9	12		

* (1) Исламский университет

* (2) Университет «Аль-Акса»

* (3) Национальный университет «Аль-Наджах»

* (4) Палестинский технический университет – «Хадорй»

* (X) Изучает.(---) не изучает.

В отличие от первой группы дисциплин вторая представлена в университетах более одинаково. Только в одном из четырех вузов (в техническом) не изучают «Социальную психологию», «Методологию исследования», «Психическое здоровье человека», «Философию» и «Развитие навыков мышления». Только в одном университете (исламском) изучают «Психическое здоровье человека». Только в одном университете («Аль-Наджах») изучают «Методы исследования». В целом же 7 дисциплин из 14 представлены в каждом университете.

Как показал анализ, наиболее разнородной оказалась 3 группа дисциплин, в которую по всем универси-

тетам вошло 48 дисциплин.

Среди этих дисциплин: естественнонаучные дисциплины («Биология», «Химия», «Физика», «Науки о земле и об окружающей среде»), математические («Алгебра и математический анализ», «Математика и информационные технологии»); общие вопросы технологии; конкретные технологии; технологии в образовании («Технологическое проектирование образовательных учреждений», «Введение в технологии образования», «Ориентирование средств обучения», «Компьютерное образование»). К этой же группе отнесен дипломный проект. При этом оказалось, что только три дисциплины («Общая химия», «Общая физика» и «Системы биотехнологии») изучаются во всех университетах. В одном университете совсем не изучается математика («Аль-Акса», сектор Газа), зато в нем представлено многообразие дисциплин, связанных с разными технологиями. В другом университете (технический, «Хадорй») широко представлено изучение информационных технологий, но в меньшей степени другие виды технологий. Во всех университетах, но по-разному, представлены технологии в образовании. В целом обращает на себя внимание тот факт, что во всех университетах студенты должны освоить достаточно большое количество дисциплин этой группы и двух других (таблица 3.).

Таблица 3.

Количество дисциплин, изучаемых студентами в различных университетах

№	Университеты	Количество дисциплин первой группы	Количество дисциплин второй группы	Количество дисциплин третьей группы	Всего
1	Исламский университет	10	12	26	48
2	Университет «Аль-Акса»	8	9	17	34
3	Н а ц и о н а л ь н ы й «Аль-Наджах»	8	12	29	49
4	Технический – «Хадорй»	10	7	35	52

В каждом университете осваивают от 34 дисциплин (университет «Аль-Акса») до 52 (технический университет «Хадорй»).

Таким образом, проведенный анализ позволяет говорить, что процесс стандартизации в Палестине еще только начался. Есть три группы дисциплин. Более-менее согласованные позиции по первой и второй группе, а третья группа оказалась практически несогласованной.

В ходе анализа было установлено, что во всех группах дисциплин выделяется две части: обязательная и по выбору студентов, но в двух университетах – техническом и «Аль-Наджах» – выбор предусмотрен не во всех группах дисциплин. В техническом университете психолого-педагогические дисциплины студентам не предоставляются на выбор, а в «Аль-Наджах» нет выбора научных и специальных дисциплин.

Анализ учебных планов колледжей, которые готовят учителей технологии в Палестине [6,7,8,9], показал, что там также выделяется три группы дисциплин. В первую группу по всем колледжам входит 11 дисциплин, среди которых: «Основы статистики», языки (арабский, английский и еврейский); «Исламская культура», «Исламское образование», «Права человека в исламе»; «История», «Исследования Палестины», «Искусство и общество», «Коран». В отличие от университетов здесь не представлены дисциплины, связанные с демократией и правами человека, с законом в жизни.

Во всех колледжах изучаются такие дисциплины, как: «Принципы педагогики», «Образование и развитие», «Осуществление образования», «Педагогическая психология и психология образования». Во всех колледжах проводится практика в школах. Только в одном колледже изучается «Управление учащимися», только в двух – «Социальная философия», «Социальная психология» и «Психология развития». Сравнение этой группы дисциплин с аналогичной в университетах показало, что в колледжах значительно меньше представлены дисциплины психологические.

Третья группа дисциплин по всем колледжам включает 50 дисциплин. Среди этих дисциплин: естественнонаучные («Химия», «Физика», но нет «Биологии»); математические («Алгебра и математический анализ», «Математика», «Математика и информационные технологии»); дисциплины, относящиеся к общим вопросам технологии («Характеристика технологии», «Философия техники», «Взаимодействие технологии и общества»), к конкретным технологиям, к технологиям в образовании. При этом оказалось, что общими для всех являются: «Общая физика», «Энергетика и система управления и транспорта», «Математика и информационные технологии».

Только в одном колледже изучают «Дизайн информационного сайта», «Введение в науку о Земле и об окружающей среде», только в двух – «Взаимодействие технологии и общества».

Оказалось, что в колледжах, так же как и в университетах, студенты изучают большое количество дисциплин (таблица 4.).

Таблица 4.

Количество дисциплин, изучаемых студентами колледжей

№	Колледжи	Количество дисциплин первой группы	Количество дисциплин второй группы	Количество дисциплин третьей группы	Всего
1	Прикладных наук	9	10	30	49
2	Технический «Дер Албалах»	6	9	15	30
3	Технический «Аль Аруб»	6	9	20	35
4	Технический для девочек «Рамалла»	7	6	31	44

Количество дисциплин колеблется от 30 до 49, (а в

университетах от 34 до 52).

Анализ показал, что каждая группа дисциплин в колледжах, как и в университетах, разделяется на две подгруппы. Первая подгруппа – обязательные дисциплины, вторая – по выбору студентов. При этом в техническом колледже «Аль-Аруб» выбор дисциплин психолого-педагогических не предусмотрен, а в колледже «Дер Албалах» – научных и специальных.

Таким образом, и в университетах, и в колледжах Палестины, которые готовят учителей технологии, нет внутренней согласованности по такому параметру, как обязательное для всех учреждений содержание подготовки, но есть определенная согласованность по структуре этого содержания.

Анализ и сопоставление количества кредитов, которые выделяются на подготовку в целом, показал, что здесь также пока нет согласованности.

В университетах общее количество кредитов колеблется от 131 (университет «Аль-Акса») до 145 (Национальный университет «Хадорй»). Наибольшее количество кредитов выделяется в негосударственных университетах: исламском и национальном. Отличается друг от друга и количество кредитов, отводимых на дисциплины по выбору. Их процент колеблется от 12% от общего количества в техническом университете, до 20% – в исламском университете.

Оказывается, что в негосударственных университетах на выбор студентов отдают больше кредитов.

Общее количество кредитов колеблется от 128 до 138. При этом, как и в университетах, наибольшее количество кредитов на дисциплины по выбору отводится в негосударственном колледже.

На изучение первой группы дисциплин в университетах отводится от 24 кредитов до 37, на изучение второй группы – от 14 до 35, а третьей – от 70 до 100. В колледжах на первую группу дисциплин отводится от 22 до 34, а на третью – от 73 до 85. И в университетах, и в колледжах наибольшее количество кредитов отдается на специальные и научные дисциплины.

Оказалось, что колеблется по университетам и колледжам доля кредитов, отводимых на изучение дисциплин по выбору, в каждой группе дисциплин (таблица 5).

Таблица 5.

Кредиты, отводимые на изучение дисциплин по выбору в разных группах дисциплин

№	Образовательное учреждение	Доля кредитов в первой группе (в %)	Доля кредитов во второй группе (в %)	Доля кредитов в третьей группе (в %)	Доля кредитов (по всем дисциплинам)
1	Исламский университет	60	13	9	20
2	Университет «Аль-Акса»	17	25	10	15
3	Национальный университет «Аль-Наджах»	33	60	0	17

4	Технический университет «Хадорй»	30	0	10	12
5	Колледж прикладных наук	25	30	15	20
6	Технический колледж «Дер Албалах»	50	63	0	18
7	Технический колледж «Аль Аруб»	40	40	8	11
8	Технический колледж «Рамалла» (для девушек)	22	35	15	19

Наибольшую долю кредитов отводят на изучение общих дисциплин по выбору (от 22% в колледже для девушек до 60% в исламском университете). Высокую долю кредитов отдают и на психолого-педагогические дисциплины по выбору (от 13% в исламском университете до 63% в техническом университете «Дер

Албалах»). В техническом университете «Хадорй» в этой группе дисциплин по выбору нет вообще. Наименьшее количество кредитов по выбору приходится на третью группу. В ней доля кредитов, отводимых на дисциплины по выбору, составляет от 0 кредитов (в университете национальном и техническом колледже «Дер Албалах») до 20% (исламский университет и колледж прикладных наук).

Таким образом, на основе проведенного анализа можно утверждать, что вопрос об общих объемах кредитов, о кредитах, отводимых на каждую группу дисциплин, на дисциплины по выбору в целом и по каждой дисциплине, в системе подготовки учителей технологии в Палестине также не согласован.

В целом можно говорить, что проблема стандартизации в системе подготовки педагогических кадров требует своего решения, т.к. в противном случае студенты, обучающиеся по одинаковым программам в разных образовательных учреждениях, не смогут быть мобильными.

Библиографический список

1. Абазовик Е.В. Подготовка учителей в Великобритании и России в условиях Болонского процесса: автореф... дисс. к. пед. наук. РГПУ, СПб, 2010, 23 с.
2. Программа обучения студентов в палестинском университете «Аль-Акса» <http://www.alaqsa.edu.ps/> (дата обращения 18.06.2014)
3. Программа обучения студентов в палестинском исламском университете <http://www.iugaza.edu.ps/> (дата обращения 18.06.2014)
4. Программа обучения студентов в палестинском национальном университете «Аль-Наджах» <http://www.najah.edu/> (дата обращения 18.06.2014)
5. Программа обучения студентов в палестинском техническом университете «Хадорй» <http://www.ptuk.edu.ps/> (дата обращения 18.06.2014)
6. Программа обучения студентов в палестинском колледже прикладных наук <http://www.ucas.edu.ps/> (дата обращения 18.06.2014)
7. Программа обучения студентов в палестинском техническом колледже «Дер Албалах» <http://www.ptcdb.edu.ps/> (дата обращения 18.06.2014)
8. Программа обучения студентов в палестинском техническом колледже «Аль Аруб» <http://www.ptca.edu.ps/> (дата обращения 18.06.2014)
9. Программа обучения студентов в палестинском техническом колледже «Рамалла» (для девочек) <http://www.ptcr.edu.ps/> (дата обращения 18.06.2014)

References

1. Abazovik EV Teacher training in the UK and Russia in the context of the Bologna Process: the dissertation of the candidate of pedagogical sciences / E.V.Abazovik, Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, 2010, 23 p.
2. Training Program in the Palestinian university students «Al-Aqsa» <http://www.alaqsa.edu.ps/> (date accessed 18/06/2014)
3. Training Program in the Palestinian Islamic University students <http://www.iugaza.edu.ps/> (date accessed 18/06/2014)
4. Training Program in the Palestinian National University students «Al-Najah» <http://www.najah.edu/> (date accessed 06/18/2014)
5. Training Program in the Palestinian Technical University students «Hador» <http://www.ptuk.edu.ps/> (date accessed 18/06/2014)
6. Training Program in the Palestinian college of applied sciences students <http://www.ucas.edu.ps/> (date accessed 06/18/2014)
7. Training Program in the Palestinian Technical College students «Der Albalah» <http://www.ptcdb.edu.ps/> (date accessed 06/18/2014)
8. Training Program in the Palestinian Technical College « students Al Aroub» <http://www.ptca.edu.ps/> (date accessed 06/18/2014)
9. Training Program in the Palestinian Technical College students «Ramallah» (for girls) <http://www.ptcr.edu.ps/> (date accessed 18/06/2014)

УДК 378.315.7

UDC 378.315.7

Е.Н. АЛЕКСЕЕВА

кандидат физико-математических наук, кафедра математического и информационного анализа экономических процессов, доцент, Орловский государственный университет

E.N. ALEXEEVA

Candidate of physical and mathematical sciences, department of mathematical and information analysis of economic processes, associate Professor, Orel State University

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ БОЛОНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ
КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ
В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**DEVELOPMENT OF THE INTERNET TECHNOLOGIES' SYSTEM IN THE LIGHT OF IMPLEMENTATION
OF THE BOULOGNE PROCESS AS A MEANS OF ENHANCEMENT OF QUALITY OF SKILL FORMATION
IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM**

Рассматриваются вопросы применения интернет-технологий в образовательном процессе с целью повышения качества подготовки в системе высшего образования, анализируется современное состояние дистанционного и электронного обучения в системе российского высшего образования, его законодательное оформление и перспективы развития. Выявляются причины, препятствующие развитию дистанционного и электронного обучения. На примере изучения опыта внедрения системы Moodle в ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» исследуются современные тенденции развития дистанционных технологий и электронного обучения.

Ключевые слова: информатизация образовательного процесса, дистанционные технологии, электронное обучение, система Moodle.

In the article the issue of the usage of internet technologies in the educational process as a means of enhancement of the quality of the students professional development is described. Besides, the modern condition of the remote education and e-education in Russia is considered along with its legislative registration and prospects of development. The reasons obstructing to the remote education and e-education development are explored. With the experience of the Moodle system introduction in the Orel State University the modern tendencies of the remote education and e-education are explored.

Keywords: informatization of educational process, remote technologies, e-education, Moodle system.

Реформирование российской системы высшего образования, связанное с присоединением России в 2003 году к Болонской конвенции, неоднозначно оценивается широкой образовательной общественностью. И все же основные положения Болонской декларации реализованы:

- введена двухуровневая система высшего образования (бакалавриат - магистратура);
- внедрена система зачетных единиц;
- реализован компетентностный подход как основа Федеральных государственных образовательных стандартов 3 поколения;
- развиваются внутривузовские системы контроля качества и системы внешней оценки деятельности вузов со стороны работодателей;
- объявлен курс на расширение программ академической мобильности студентов и преподавателей.

Кроме того, Болонский процесс предполагает повышение качества обучения через применение образовательных интернет-технологий, обеспечивающих доступ к информационным образовательным ресурсам для всех обучающихся независимо от места их нахождения.

Новый «Закон об образовании в Российской Федерации», вступивший в силу с 1 сентября 2013 года, нормативно закрепляет и фактически переводит в разряд обязательных еще совсем недавние «новации» системы образования.

Одной из целей принятия нового закона «Об образовании» является закрепление современных требований к образовательному процессу, связанных с внедрением новых форм реализации и освоения образовательных программ, образовательных технологий, форм и методов обучения. В частности, впервые на законодательном уровне закреплены положения:

- об использовании электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в образовательном процессе;
- о сетевой форме реализации образовательных программ;
- об обеспечении образовательного процесса электронными образовательными и информационными ресурсами;
- об информационной открытости образовательной организации.

Электронное обучение и дистанционные образова-

тельные технологии, как и любая инновация, встречает различное отношение в обществе и, особенно, в самой системе образования. Наиболее критично отношение к этим формам организации образовательного процесса со стороны самих преподавателей. И проблема заключается в следующем.

Во-первых, для многих учебных курсов не разработаны электронные образовательные ресурсы; либо преподавателей волнует соблюдение авторского права на размещаемые материалы. Кроме того, значительная часть вузовских преподавателей не готова к работе с применением дистанционных технологий.

Сегодня, когда электронное обучение и дистанционные образовательные технологии стали частью государственной образовательной политики, важна готовность каждого современного преподавателя к работе в условиях информатизации образования. При этом современные образовательные технологии отнюдь не призваны уменьшить роль преподавателя в образовании. Они должны изменить характер взаимодействия преподавателя и студента, их роли в учебном процессе.

Особенно актуальным становится применение дистанционных технологий и технологий электронного обучения в процессе увеличения и расширения форм самостоятельной работы студентов, в условиях реализации федеральных государственных образовательных стандартов и связанного с этим сокращения объемов аудиторной работы.

Информационные технологии, применяемые в электронном обучении, и используемые для повышения эффективности традиционного обучения, могут быть различны. Например, интерактивные лекции, тестирование, дистанционное выполнение лабораторных и практических работ, предусматривающих возможность контроля со стороны преподавателя, создание сетевых сообществ по профилю обучения и т.д.

Для организации дистанционного взаимодействия преподавателей и студентов во многих ведущих университетах более чем в 100 странах мира применяется автоматизированная система электронного обучения Moodle. После регистрации в системе Moodle студент получает права доступа к учебным курсам, где размещены учебные и методические материалы. Используя в процессе обучения современные средства сетевого общения, студент может связаться с преподавателем, задать вопрос, получить необходимую консультацию. В Орловском государственном университете система Moodle активно применяется уже несколько лет. В рамках данной системы в университете было организовано обучение преподавателей и сотрудников вуза основам работы в системе Moodle, разработано и утверждено Ученым советом университета Положение о порядке размещения учебно-методической документации и фонда оценочных средств в информационной сети университета (системе Moodle).

Принято решение об обязательном размещении в системе Moodle рабочих программ учебных дисциплин, программ практик, программ ИГА, т.е. составляющих Основной Образовательной Программы,

обеспечение доступа к которым в информационной сети университета регламентируется ФГОС ВПО, а также Приказом Минобрнауки России от 19.12.2013 г. № 1367 «Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» и Постановлением Правительства РФ от 10.07.2013 г. N 582 «Об утверждении Правил размещения на официальном сайте образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и обновления информации об образовательной организации».

В рамках информатизации образовательного процесса и в целях повышения качества подготовки в университете активизирован процесс размещения в системе и других учебных и учебно-методических материалов. Это планы семинарских занятий по дисциплине, методические указания для студентов по изучению дисциплины, рекомендации по организации самостоятельной работы студентов, требования к уровню подготовки студента по дисциплине на экзамене (зачете) (критерии оценки), составляющие фонда оценочных средств и т.д.

Это работа на будущее. Дальнейшее развитие электронного обучения откроет новые возможности для университета. Например, организация дистанционных форм обучения для отдельных категорий обучающихся – лиц с ограниченными возможностями здоровья, слушателей программ дополнительного профессионального образования, лиц, получающих второе высшее образование.

Именно благодаря наличию всех необходимых электронных учебных и учебно-методических материалов для организации дистанционного обучения по общеобразовательным программам в 2013 году наш университет вошел в перечень образовательных организаций, выполняющих государственное задание по обучению на подготовительном отделении молодых женщин до 23 лет, имеющих детей.

Развитие электронного обучения предъявляет новые требования к учебно-методическому обеспечению образовательных программ. Для формирования индивидуальной траектории обучающихся и составления индивидуального учебного плана образовательное учреждение должно иметь интерактивный электронный контент по всем учебным дисциплинам, составляющим образовательную программу.

4 апреля 2014 года Министерством юстиции Российской Федерации зарегистрирован Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 9 января 2014 г. №2 «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ». Документ, в частности, устанавливает, что при реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий:

– организации оказывают учебно-методическую

помощь обучающимся, в том числе в форме индивидуальных консультаций, оказываемых дистанционно с использованием информационных и телекоммуникационных технологий;

– организации самостоятельно определяют объем аудиторной нагрузки и соотношение объема занятий, проводимых путем непосредственного взаимодействия преподавателя с обучающимся, и учебных занятий с применением электронного обучения и дистанцион-

ных образовательных технологий.

При этом допускается отсутствие аудиторных занятий.

Таким образом, электронное и дистанционное обучение получило окончательное законодательное оформление. И это означает, что уже в ближайшем будущем отказ от участия в процессе развития этих форм обучения может привести к падению конкурентоспособности университета на рынке образовательных услуг.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
2. Постановление Правительства РФ от 10.07.2013 г. N 582 «Об утверждении Правил размещения на официальном сайте образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и обновления информации об образовательной организации».
3. Приказ Минобрнауки России от 19.12.2013 г. № 1367 «Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры».
4. Приказ Минобрнауки России от 9.01.2014 г. № 2 «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ».
5. *Можжаева Г.В.* Электронное обучение в вузе: современные тенденции развития. Гуманитарная информатика, 2013, Вып. 7, ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

References

1. Federal Law of December 29, 2012 N 273-FZ "On Education in the Russian Federation".
  2. Government Decree of 10.07.2013, N 582 «On approval of the Regulation on the official website of the educational organization in information and telecommunications network» Internet «and update information about learning organizations».
  3. Order of the Russian Ministry of Education of 19.12.2013, № 1367 «Procedure of organization and implementation of educational activities in higher education programs - undergraduate, specialties programs, master's programs».
  4. Order of the Russian Ministry of 01.09.2014, № 2 «On approval of the application by organizations engaged in educational activities, e-learning, distance learning technologies in the implementation of educational programs».
  5. *Mozhayeva G.V.* E-learning in high school: modern trends of development. Humanitarian Informatics, 2013, Vol. 7, HPE "National Research Tomsk State University".
-

УДК 378:745/749

UDC 378:745/749

Г.В. БАКАЛДИНА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра дизайна,
Государственный университет-УНПК
E-mail: bakaldina.galina@yandex.ru

G.V. BAKALDINA

Candidate of pedagogical sciences, associate professor,
Department of design, State University-ESPC
E-mail: bakaldina.galina@yandex.ru

КОМПОЗИЦИЯ КАК УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО ДИЗАЙНЕРА

COMPOSITION AS A SCHOOL SUBJECT IN SYSTEM THE PROFESSIONAL TRAINING OF A FUTURE DESIGNER

В статье анализируется современное состояние практики композиционной подготовки будущих дизайнеров в процессе вузовского обучения. Акцентируется внимание на необходимости целенаправленного развития композиционного мышления с самых начальных этапов профессионального обучения как основы профессиональной подготовки специалистов к проектной деятельности.

Ключевые слова: методы профессиональной деятельности, композиционная подготовка дизайнера, композиция как учебный предмет.

This article analyzes the current state of the practice of composition training of future designers in the process of university education. The article pays attention to the need of targeted development of compositional thinking from the earliest stages of vocational training as the basis for the professional training for the project activities.

Keywords: methods of professional activities, composition training of a designer, composition as a school subject.

Вузовская подготовка как высшая ступень профессионального обучения должна быть направлена на овладение студентами методами профессиональной деятельности, позволяющими формировать определенные способы специализированного мышления. А для этого необходима перестройка обыденного мышления студентов, начиная с первых этапов обучения. Как полагают М.О. Сурина и А.А. Сурин [6], начало такой перестройки должно быть связано не с изложением и накоплением определенного объема информации, а с постановкой и решением профессионально значимых задач, овладением профессиональными методами деятельности. В современной профессиональной педагогике общепризнан тот факт, что «присвоение» учащимися социального опыта в процессе обучения становится возможным только через освоение «языка» и способов профессиональной деятельности. Данный «язык», в свою очередь, основывается на системе профессиональных понятий и терминов, которые являются средствами познавательной деятельности учащегося, но только в том случае, если он овладел содержанием этих понятий. К числу таких профессиональных понятий дизайн-проектирования относится композиционное формообразование.

Традиционно в системе вузовской профессиональной подготовки дизайнеров первостепенное значение отводится обучению композиционному формообразованию. При этом курс композиции рассматривается с пропедевтических позиций и предвещает собой освоение студентами проектной деятельности.

Практика показывает, что обучение композиции не является чисто формальным процессом приобретения студентом знаний, умений и навыков композиционно-

го формообразования. В данном процессе ставится задача и воспитания творческой личности дизайнера, и развития его художественно-творческих способностей, в том числе и специальных – композиционных. Но вместе с тем приходится констатировать, что проблема не выходит за рамки узких задач освоения студентом содержания основных законов и принципов композиции. Мы согласны с мнением В.И. Марчука [3], который полагает, что в современном художественном образовании, в том числе и дизайнерском, в силу различных причин закрепилось упрощенное, буквальное понимание термина «композиция» как процесса упорядочения разнородного материала с целью получения визуальной целостности. По его мнению, в сложившейся системе дизайн-образования этот предмет постепенно превратился в «ознакомительно-вспомогательную» дисциплину. В качестве подтверждения данного утверждения мы можем привести и мнение О.В. Чернышева [8], который считает, что причина такого перерождения кроется в педагогической практике, где процесс поиска решения творческой задачи сводится к попытке применения известных правил гармонизации объекта.

В.И. Марчук [6] высказывает предположение, что такое узкое понимание понятия «композиция» является следствием номинативности латинского языка, где «composition» дословно обозначает «составление, соединение, сложение, расположение, сочинение», т. е. буквальное и однозначное действие, не допускающее смысловой интерпретации. Далее автор высказывает мысль, что, возможно, это упрощенное, буквальное понимание термина «композиция» как процесса упорядочения разнородного материала с це-

люю получения визуальной целостности послужило причиной того, что композиция как учебный предмет в сложившейся системе художественного образования постепенно превратилась, как мы уже отмечали ранее, в ознакомительно-вспомогательную дисциплину. Педагогическая практика подтверждает такой вывод. Композиционная подготовка дизайнера рассматривается с тех же методических позиций, что и традиционная академическая композиционная подготовка любого другого специалиста художественной направленности. Чаще всего курс основ композиции и сводится к знакомству студентов с законами, принципами, методами и средствами гармонизации формы. Методически это решается классическими традиционными для художественного образования способами. Перед студентами ставится задача применить эти уже известные ему композиционные правила как в курсе изобразительных дисциплин, например, как «Рисунок», «Живопись», так и в процессе композиционного формообразования к создаваемому объекту. Но методика обучения студентов изобразительным дисциплинам построена так, что стимулирует развитие художественного, а вовсе не дизайнерского мышления. Следует отметить, что выполнение даже начальных проектных заданий требует от студента владения профессиональными композиционными понятиями, и, как показывает практика, студент вынужден сам методом проб и ошибок осваивать содержание этих понятий в учебной проектной деятельности.

Вместе с тем, практика дизайн-образования свидетельствует, что педагоги не в полной мере осознают необходимость направленности практических композиционных занятий в первую очередь на решение профессионально значимых задач. Задачи теоретического курса, как правило, сводятся к простой передаче определенного объема информации, которая должна быть воспринята студентами в ходе лекций и освоена на основе запоминания. Что же касается непосредственно практических занятий, то главным приемом их построения является «показ и подражание», или, по определению М.О. Суриной и А.А. Сурина, как «самостоятельное» (а на самом деле стихийное и бессознательное) решение учебных задач. Таким образом, роль студента в учебном процессе довольно длительное время остается пассивной, а из поля зрения педагога ускользает центральная проблема – организация условий развертывания собственной деятельности студента как активного начала преобразующего сознания индивида [6, с.271].

Данная ситуация отягчается и тем фактом, что вузовский этап подготовки будущих студентов в обычной общеобразовательной школе, а также специальных учреждениях разных организационных форм (художественных школах, студиях кружках, подготовительных курсах и пр.) имеет изобразительную направленность. Художественное воспитание и образование, как правило, трактуются как «изобразительная деятельность» и используют традиционные формы методического воздействия. Соответственно в институт приходят молодые люди с односторонней подготовкой, от них скрыт язык отвлеченных форм, их особая природа ассоциативной

выразительности. Также следует отметить, что большинство отечественных вузов, реализующих массовую подготовку специалистов по дизайнерскому направлению, вынуждены осуществлять отбор абитуриентов на основе вступительных испытаний в традиционной для художественных школ классической форме. Как правило, это рисунок гипсовой головы, архитектурной детали или натюрморта из гипсовых фигур. Очевидны недостатки такой формы экзамена – она выявляет только репродуктивные способности изобразительного воспроизведения предметных форм.

В сложившейся практике дизайн-образования для овладения методами композиционного творчества используется композиционный практикум, который предполагает выполнение студентами целого ряда разных по учебным целям и задачам упражнений. Студенты работают при непосредственном руководстве педагога, который контролирует весь ход работы учащимися и в случае необходимости незамедлительно оказывает им помощь и поддерживает их в затруднительных ситуациях. Предполагается при этом, что студенты постепенно приобретают и совершенствуют необходимые для профессиональной деятельности композиционные знания, умения и навыки. Темы для учебных заданий располагаются последовательно и по мере возрастания их функциональной и структурной сложности. Выбор тем обуславливается необходимостью наиболее полно представить в учебной программе основные понятия, средства, закономерности, средства и приемы композиции, т.е. наиболее полно проиллюстрировать основные категории теории композиции. В большинстве случаев в данном процессе не ставится задача проведения параллели с типичными для последующего учебного проектирования темами и темами из современной профессиональной практики.

При этом предполагается, что именно в процессе выполнения упражнений в деятельности студентов формируется творческое отношение к композиционным задачам, которые необходимо решить, самостоятельность в принятии тех или иных решений, т.е. такие личностные качества, которые необходимы будущему дизайнеру в его профессиональной деятельности. Однако практика позволяет оценить результат данной методики какстораживающий. С одной стороны, задания, выполняемые учащимися, свидетельствуют об их композиционной грамотности, демонстрируют умения анализировать композиционные задачи, показать в эскизах, от чего они шли, что исследовали, что опровергли. Но, с другой стороны, используемый учащимися подход к решению композиционных задач процессуально далек от профессионального уровня. Задание выполняется, как отмечает Н.Н. Нечаев [5], на основе сугубо «житейских», непрофессиональных представлений, когда учащийся, так сказать, «на ощупь» приближается к результатам, удовлетворяющим педагога. Но отсутствие необходимого профессионального базиса в развертывании проектной деятельности как раз и затягивает становление профессионального творчества, ибо единственным способом познания и овладения студентом

тем, что невольно оказывается скрытым для него, остается так называемый путь или метод «проб и ошибок».

Схожую с мнением Н.Н. Нечаева точку зрения на данную проблему высказывают М.О. Сурина и А.А. Сурин. Выделяя в учебной деятельности студента две стороны, которые непосредственно связаны с развитием образных и концептуальных (понятийных) компонентов профессионального мышления, первую из них связывают с тем, что будущий специалист наряду со способностью мыслить в профессиональных понятиях должен обладать способностью «видеть» окружающий мир под определенным, предметно специализированным углом зрения [6, с.293]. По мнению авторов, когда студент приходит в художественный вуз, у него еще нет необходимого запаса знаний, базирующихся на системе профессиональных понятий. Не зная (и не понимая) содержания данных понятий и не владея методами профессиональной деятельности, которые задают специфику «видения» предмета изучения, студент не способен воспринимать задачи и объекты познавательной деятельности в нужном ракурсе. Поэтому, во-первых, он должен знать и понимать, что надо увидеть в предмете, во-вторых, его необходимо учить такому «видению», учить способам выделения существенных (с позиции данного вида деятельности) характеристик в предмете изучения. Здесь имеет место переход студента от обыденного, житейского взгляда на мир к профессиональному.

Мы разделяем мнение Н.Н. Нечаева [5], что метод «проб и ошибок» как «житейский» способ приобретения опыта формируется как адекватная психологическая реакция на отсутствие целенаправленного раскрытия в обучении принципов профессиональной творческой деятельности.

Вместе с тем, в учебных программах курса композиции, как правило, такая задача ставится, но практически действует установка на разработку конкретного «продукта», и она как раз и заставляет педагогов основные усилия направлять, прежде всего, на получение результата (т.е. «продукта») любой ценой, ибо их собственную деятельность оценивают по качеству выполненных студентами учебных упражнений. Для достижения результата нередко практикуется так называемое непосредственное «рукоприкладство» педагога к работе учащегося. Деятельность учащегося оценивается педагогами лишь по представленной им на оценку итоговой работе, тем самым его ставят в условия, при которых собственно путь достижений этих результатов, характер и содержание его деятельности отступает на задний план.

Ориентация на внешние характеристики выполненных заданий вырабатывает у учащихся приспособленческое отношение к собственно учебному заданию, способствует формированию несамостоятельного и, как правило, неосознанного в творческом отношении подхода к решению задач.

Данная практика приводит к тому, что композиционная деятельность студента не выходит за рамки внешнего сходства с профессиональной деятельностью и, по сути, не становясь действительно учебной, остается квазипрофессиональной.

Необходимость смены ориентации учебной деятельности с искомого результата на искомый способ деятельности очевидна. Любое теоретическое обсуждение метода должно основываться на конкретной деятельности, непосредственно ориентированной на преимущественное и практическое изучение студентами основ профессионального творчества, ибо «реальность знаний, – как подчеркивал В.В. Давыдов, – не в форме словесных абстракций, а в способах деятельности познающего субъекта, для которого преобразование предметов, фиксация средств таких преобразований является столь же необходимыми компонентами «знаний», как и их словесные оболочки» [7, с.164]. Однако, полагает Н.Н. Нечаев [5], это не следует понимать так, будто ориентация на метод может быть ограничена освоением каких-то конкретных, пусть и самых передовых или наиболее рациональных, обобщенных способов и приемов, т.е. усвоением студентами некоего профессионального «минимума» (или даже «максимума»), позволяющего успешно действовать при решении любой творческой задачи.

Неприменимость такого подхода для формирования основ профессионального подхода к собственной деятельности четко разъяснял основатель Баухауза В. Гропиус. «Изучив обстоятельства и трюки, – говорил он, – можно в короткое время достигнуть некоторых результатов; но эти результаты искусственны и неудовлетворительны, потому что они, тем не менее, оставляют студента беспомощным при столкновении с новой и неожиданной ситуацией» [1, с. 78-79].

Речь, таким образом, должна идти об обеспечении условий целенаправленного профессионального развития, в процессе которого усвоение тех или иных возможностей может рассматриваться лишь как момент, свидетельствующий о нормальном поступательном движении всего процесса в целом, закономерно отрицающим свои собственные уже достигнутые, но пройденные ступени, стадии и этапы.

Библиографический список

1. Гропиус В. Границы архитектуры. М.: Искусство, 1971. 285 с.
2. Ефимов А.В. Дизайн архитектурной среды / Г.Б. Минервин, А.П. Ермолаев, В.Т. Шимко, А.В. Ефимов, Н.И. Щепетков, А.А. Гаврилина, Н.К. Кудряшов М., 2004. 504 с.
3. Марчук В.И. Формальная композиция как учебная дисциплина в системе дизайн-образования /Эстетическое образование: проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., (15–16 нояб. 2007 г., г. Брест). Минск :Паркус плюс, 2007. С.123-125.
4. Мелодинский Д.Л. Школа архитектурно-дизайнерского формообразования. М., 2004. 312 с.
5. Нечаев Н.Н. Профессионализм как основа профессиональной мобильности: Материалы к пятому заседанию методологического семинара 8 февраля 2005 г. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. 92 с.

6. *Сурина М.О., Сурин А.А.* История образования и цветодидактики (история систем и методов обучения цвету). М.-Ростов н/Д: Март, 2003. 352 с.
7. *Философско-психологические проблемы развития образования.* Под ред. В.В.Давыдова. М.: Педагогика, 1981. 176 с.
8. *Чернышев О.В.* Формальная композиции. Творческий практикум. Минск: Харвест, 1999. 312 с.

References

1. *Gropius W.* Boundaries of architecture. Moscow: Iskusstvo, 1971. 285 p.
  2. *Efimov A. V.* Design of Architectural Environment / G.B. Minervin, A.P. Yermolaev, V.T. Shimko, A.V. Efimov, M.I. Shepetkov, A.A. Gavrilina, N.K. Kudryashov. Moscow, 2004. 504 p.
  3. *Marchuk V. I.* The formal composition as an academic discipline in the system applied to design education / Aesthetic education: problems and prospects: materials Int. scientific and practical. Conf. 15-16 November. 2007, Brest-Minsk: Parkus Plus, 2007. Pp.123-125.
  4. *Melodinsky D. L.* School of Architecture and design formation. M., 2004 . 312 p.
  5. *Nechayev N. N.* Professionalism as a basis for professional mobility: materials for the fifth meeting of the methodological seminar February 8, 2005. Moscow Research Center of Problems of quality of training, 2005. 92p.
  6. *Surina M. O., Surin A.* History of Education and colordidactics (history systems and methods of teaching color). March, 2003. 352 p.
  7. *Philosophical and psychological problems of the development of education / ed. Davydov.* M.: Pedagogika, 1981. 176 p.
  8. *Chernyshev O.* The formal composition. Creative workshop. Minsk: Harvest, 1999. 312 p.
-
-

УДК 372.881.116.11-054.6

UDC 372.881.116.11-054.6

М.В. БЕРТХОЛЬД

соискатель, Государственный институт русского языка
им. А.С.Пушкина
E-mail: elanor@list.ru

M.V. BERTHOLD

Researcher, State Institute of Russian Language named
after A.S.Pushkin
E-mail: elanor@list.ru

**ТРЕБОВАНИЯ К УЧЕБНОМУ ПОСОБИЮ ДЛЯ НАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ИЗ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СЕМЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ВНЕ РОССИИ**

**REQUIREMENTS FOR THE TEXTBOOKS FOR INITIAL TRAINING THE RUSSIAN LANGUAGE
FOR PRESCHOOL CHILDREN FROM RUSSIAN-SPEAKING FAMILIES RESIDING ABROAD**

В статье рассматриваются принципы написания учебника для занятий по русскому языку на начальном этапе с детьми дошкольного возраста из русскоязычных семей, проживающих за рубежом. Учет особенностей детского возраста, специфики семейного билингвизма, основных принципов работы с детьми, значения культурного компонента позволяют выделить основные требования к учебному пособию и выбрать в качестве обучающих текстов русские народные сказки, отобрав те из них, которые удовлетворяют всем требованиям обучения детей русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: особенности обучения детей русскому языку как иностранному, обучение дошкольников, требования к учебнику для детей, сборник русских народных сказок, сказки как лингвокультурный компонент обучения детей русскому языку.

The article deals with the principles of writing a textbook for initial training of Russian preschool children from Russian-speaking families residing abroad. Considering childhood's features, specificity of family bilingualism, the basic principles of working with children, value of a cultural component allow to identify the main requirements for a textbook, to choose as training texts Russian folk fairy tales and select those of them which satisfy all the requirements of teaching children Russian as a foreign language.

Keywords: peculiarities of teaching children Russian as a foreign language, teaching bilingual children, teaching preschool children Russian language, textbooks for teaching children, preservation of the Russian language among children in the emigration.

Для того чтобы правильно подобрать учебник, необходимо понимать, каким языком для ребенка является русский и на каком уровне ребенок им владеет. Зачастую дети из семьи русскоговорящих родителей изучают язык родителей уже почти как чужой. В раннем детстве понимали, начинали говорить, потом пошли в детский сад, школу, полностью перешли на язык окружения. Рано или поздно у многих появляется желание говорить на русском – с семьей, родственниками в России, русскими друзьями – и дети начинают заниматься языком.

Как же понять, что за процесс происходит в это время и где проходит грань между восстановлением языка, который ребенок знал в раннем детстве, и изучением его с нуля? Ребенок понимает (больше или меньше), но сам не говорит вообще или говорит мало; не умеет писать совсем или немного и неуверенно. Является ли он в этом случае билингвом?

В соответствующей литературе существует множество терминов, каждый из которых призван отразить специфичность ситуации, в которой существует и применяется язык: материнский (первый родной), второй родной, иностранный, унаследованный, семейный. Несмотря на обилие терминов и подходов к этой про-

блеме (а возможно, как раз из-за этого), ответить на этот вопрос нелегко, как и сказать, двуязычен ли ребенок или уже иностранец по отношению к русскому языку.

Быть может, в силу этого авторы и пишут в аннотациях к учебникам – «для детей соотечественников», не причисляя их ни к тем, кто изучает русский как родной, ни к тем, кто изучает как иностранный, ни к билингам – тем, кто изучает его как один из двух. Как следствие, в учебных пособиях, особенно созданных за рубежом, прослеживается зачастую незавершенность, недоделанность, языковой материал не проработан, слова не отобраны. Ведь на начальном этапе русским детям и детям русскоязычных эмигрантов нужна различная лексика. Например, автор одного из учебников «для детей соотечественников» в букваре на букву «а» дает слова «астра», а на букву «г» – георгин. Иллюстрации небольшие, разница между цветами на рисунках незначительна. На своей новой родине ребенок таких цветов вообще никогда не видел, и ему непонятна ни разница, ни замысел автора. И несформированными оказываются не только понятия «астра» и «георгин», но и «цветок», что гораздо важнее.

Таким образом, чтобы работа с учебником (и, как следствие, обучение) была эффективной, необходимо

четко определить, каким требованиям должен соответствовать учебник для детей-билингвов младшего возраста.

Основываясь на исследованиях и рекомендациях преподавателей с многолетним опытом работы с русскоязычными детьми за рубежом, можно выдвинуть следующие принципы написания учебного пособия:

- концентрический принцип организации материала – от простого к сложному, с возвращением к пройденному на более сложном уровне;
- блочная (поурочная) подача материала, тематическое единство;
- повторение и элементы нового материала в рамках одного упражнения;
- упражнения должны иметь коммуникативную направленность и быть организованы в форме игры;
- учебник должен содержать яркие, качественные иллюстрации;
- необходимы задания на целенаправленное исправление ошибок детей, возникающих на почве интерференции или по образу и подобию ошибок родителей;
- необходимо привлечение фрагментов анимации, детских песен с последующим выполнением заданий по ним;
- необходимы тексты, направленные на расширение кругозора детей; в том числе стихотворные тексты для заучивания наизусть, загадки, скороговорки, возможно использование пересказа или рассказа по опорным картинкам;
- особого внимания требует тщательный отбор языкового материала: изучаемая лексика должна быть актуальной, современной и соответствовать возрасту ребенка, грамматика – простой; должны присутствовать слова с частотными уменьшительно-ласкательными суффиксами, с тем, чтобы развивалось чувство языка, речь была гармоничной;
- необходимо наличие страноведческого, культурного компонента как на уровне лексики, так и на уровне основных характеристик русской национальной личности.

Реализация принципов написания учебника возможна при наличии базы – текстов, подбор которых является важной и сложной задачей. Какие же тексты удовлетворяют приведенным выше критериям: увлекательность, наличие игрового момента, возможность привлечения аудио- и видеоматериалов, а главное – позволяют приобщить ребенка к культуре русского народа и ввести в мир русского самосознания? Ответ очевиден – это русские народные сказки. Помимо русских народных интерес представляют и авторские стилизованные сказки.

Сказки для детей – в первую очередь, сказки о животных – интересные, увлекательные и небольшие по объему. Они дают широкий простор для работы при изучении языка – это и просмотр мультфильмов, и кукольный театр, и ролевые игры. Но самое главное – в них заключена культура народа. Если мы говорим о русском как унаследованном, материнском, семейном, то вместе с языком нужно обязательно передавать и куль-

туру, иначе «наследования языка» как такового не будет, ведь язык и культура являются неотъемлемыми составляющими национального самосознания. Без культуры невозможно ни выучить язык, ни понимать до конца говорящих на нем людей. Когда речь идет о членах одной семьи, относящихся к разным поколениям, это особенно важно. Русский станет действительно унаследованным, материнским, семейным только тогда, когда дети будут понимать родителей, их мысли и чувства, выражаемые на русском языке. Обучить культуре как математике нельзя. Ее можно только познавать, открывать через язык, через литературу. Русские народные сказки как часть фольклора, пропитанные «русским духом», замечательно подходят для этой цели. Умеренная адаптация (без устаревшей лексики, сложной грамматики и с небольшим числом частотных уменьшительно-ласкательных суффиксов) позволяет в полной мере использовать многочисленные достоинства сказочных текстов. Общие места действия, повторяющиеся персонажи и характеристики, кумулятивный и контаминативный характер сказок делает их бесценным материалом для обучения русскому языку детей-билингвов.

В том случае, если ребенок мало говорит по-русски и понимает преимущественно ситуативную речь, работу над русскими народными сказками необходимо начать с предварительного этапа, задача которого – познакомить ребенка с основной лексикой и грамматикой, необходимой для понимания сказок. После этого можно переходить непосредственно к текстам сказок. Таким образом, представляется разумным подготовить учебное пособие – сборник русских народных сказок, состоящий из двух разделов: подготовительного и основного.

Такой сборник адресован детям-дошкольникам из русскоязычных семей, проживающих вне России. Задача пособия – разговорить ребенка, помочь ему в условиях недостаточной языковой практики сделать русский языком коммуникации. Уровень предварительных знаний может быть различным: нулевой уровень, уровень пассивного понимания и знания некоторых слов и фраз, начальные знания. Книга может быть интересна даже детям, которые говорят на русском. При чтении адаптированных сказок у них не возникнет вопросов, связанных с наличием архаичной, непонятной лексики, сложной грамматики. Предварительный этап можно использовать при возникновении проблем с теми или иными словами, для отработки грамматики, например, согласования существительных и прилагательных по родам и числам.

В силу того, что сказки предваряются подготовительным разделом, различны по сложности, обладают художественной самостоятельностью и могут изучаться как комплексно, так и отдельно, возраст детей, с которыми можно заниматься по данному пособию, варьируется от четырех до семи лет. В зависимости от возраста ребенка, его подготовки, предварительных знаний, наличия навыков чтения можно выбрать, как и в какой последовательности работать со сборником – начать с подготовительного этапа или сразу перейти к сказкам,

читать все сказки по порядку, постепенно переходя от более простой к более сложной, или выборочно. Также можно поступать и с заданиями к предварительному этапу.

В качестве учителя могут выступать не только воспитатели русскоязычных детских садов, педагоги воскресных школ и русскоязычных обществ, но и, что немаловажно, родители, бабушки, дедушки или другие родственники. Изучение русского языка начинается именно в семье, но часто там же и заканчивается, потому что родители, не будучи преподавателями, попадают в незнакомую им ситуацию необходимости преподавания собственного родного языка и сталкиваются с проблемами на этом пути. В отсутствие необходимых знаний, опыта, и, не в последнюю очередь, подходящих учебных пособий они теряются, опускают руки, сдаются.

Русскоязычными в семье ребенка могут быть как оба родителя, так и один из них. Главное – это желание подарить ребенку русский язык, передать его как дар, развивать его и помогать ребенку в процессе обучения. Возможно также использование сборника для обучения русскому языку детей-инофонов.

Сборник рассчитан примерно на шестнадцать занятий по сорок пять минут. Шесть занятий – это предварительный этап (по одному на первую тему и итоговое обобщение, по два занятия на вторую и третью темы). Десять занятий составляют вторую часть – по одному на каждую сказку. Разумеется, можно разбивать занятия на две-три части, если ребенок устал; распределять время по-другому: делать занятия немного короче или длиннее, уделять больше времени темам предварительного этапа или сказкам.

Первый, подготовительный раздел, как было сказано выше, состоит из трех тем: «Дом», «Двор» и «Лес». Они знакомят ребенка с персонажами, которые встретятся дальше в сказках (бабка, дедка, внучка, кошка, собака Жучка, мышка, лиса, волк, медведь, гусь, петушок, мышка, курочка, корова, утенок, цыпленок, зайчик, лисичка, волк, медведь, медвежонок, медведица), местом их проживания, окружающими их предметами; рассказывают, как выглядят персонажи (морда, лапа, гребешок, хвостик), предметы и мир вокруг них (дом, дверь, окно, лес, дерево, трава, зерно, теремок). Помимо лексики ребенок получает начальные знания о грамматике русского языка (согласование существительных и прилагательных по родам и числам, спряжение глаголов, образование форм существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами: дом-домик, заяц-зайчик, петух-петушок, зерно-зернышко, лиса-лисичка и др.).

Каждая тема включает в себя текст и задания к нему. В текстах есть рубрики «Вспоминаем, обобщаем, закрепляем», которые связывают тексты между собой. Цель этих рубрик – вспомнить изученные слова, закрепить их и расширить сферу их использования.

Второй раздел состоит из десяти адаптированных сказок (девяти русских народных и одной авторской): «Репка», «Курочка Ряба», «Два веселых гуся», «Утенок и цыпленок», «Три медведя», «Теремок», «Петушок и

бобовое зернышко», «Колобок», «Зайкина избушка», «Петушок золотой гребешок», расположенных в порядке возрастания сложности и увеличения объема.

Основную роль при работе с темами подготовительного раздела играет наглядность – визуальная, моторная (картинки, движения), в то время как текст является основой, планом, руководством для преподавателя. Поэтому к сборнику прилагается множество иллюстративной наглядности: основные поля – (большие иллюстрации к каждой теме, на которых изображено место действия и находящиеся там предметы) «Дом», «Двор», «Лес», по два набора карточек с персонажами из каждой темы, карточки из набора «Цвета» (желтый, зеленый, синий, золотой, красный, черный, белый, серый, коричневый, рыжий), карточки для песенки «На лугу пасутся» (тема «Двор»).

Работа с темами строится по следующему алгоритму: рассказ, сопровождающийся использованием основной иллюстрации («Дом», «Двор», «Лес»), карточек с изображениями людей, предметов, цветов, а также двигательной наглядности для введения и объяснения новых слов; выполнение игровых заданий во время и после рассказа, выполнение заданий на закрепление и проверку усвоенного материала. Во время рассказа важно обращать внимание на интонирование вопросительных и восклицательных предложений.

Первая тема «Дом» – самая простая как по грамматике, так и по вводимой лексике. В зависимости от предварительных знаний ребенка, его возраста и индивидуальных особенностей можно просто прочитать текст, сопровождая его показом иллюстративного материала, либо построить рассказ по модели вопрос – ответ (по этому принципу строятся два последующих текста). Например: *Что это? Это дом. Какой это дом? Правильно, большой. А что это? Правильно, это тоже дом. Он тоже большой? Нет, этот дом маленький. Большой – дом, маленький – домик.* Отвечать на вопросы может как ребенок, так и сам преподаватель.

Темы «Двор» и «Лес» больше по объему и сложнее по грамматике и лексике. Однако часть основной лексики (прилагательные, обозначающие цвет, размер, возраст, некоторые существительные) уже знакомы ребенку, так как были введены в теме «Дом». Поэтому особенно важно хорошо отработать первую тему (а затем соответственно вторую и третью, так как это важно для понимания ребенком сказок из второго раздела), рассмотреть картинки, поработать с карточками, на которых изображены персонажи, предметы и цвета, выполнить послетекстовые задания. Если это будет необходимо, можно сделать перерыв между темами, чтобы ребенок мог лучше усвоить новый материал, уделить больше времени закреплению.

Цель данного сборника – помочь родителям ввести ребенка в мир русского языка с помощью русских народных сказок. То есть не только научить его использовать правильные слова в правильной форме, но и помочь ему начать общаться на русском языке, ощутить этот язык родным, близким; стать билингвом в полном значении этого слова.

Библиографический список

1. *Кудрявцева Е., Бюхнер Э., Норватова Е., Гельфрейх П.* Учебник для билингвов – каким ему быть (размышления у парадного подъезда будущего русской культуры за рубежом) // Обучение русскому языку как иностранному: современные технологии преподавания [Под ред. Петриковой А.]. Прешов, 2010. С.46-56. Прешов, 2010. <http://archive-sk.com/page/134141/2012-07-16/http://www.pulib.sk/elpub2/FF/Petrikova4/index.html>
2. *Протасова Е.Ю., Родина Н.М.* Многоязычие в детском возрасте. С.-Пб.: Златоуст, 2005. 274 с.
3. *Протасова Е.Ю., Родина Н.М.* Русский язык для дошкольников. С.-Пб.: Златоуст, 2006. 319 с.
4. Русские народные сказки// URL: <http://www.hyaenidae.narod.ru>
5. *Сергеева О.Е.* Методические основы обучения дошкольников речевому общению на русском языке: дисс. канд. педаг. наук. М.: Иряп, 1998. 210 с.
6. *Трыгуб И.С.* Лингвометодический потенциал народных сказок в обучении русскому языку как иностранному младших школьников: дисс. канд. педаг. наук. М., 2006. 177 с.

References

1. *Kudrjavceva E., Buhner E., Norvatova Je., Gel'frejh P.* Uchebnik dlja bilingvov – kakim emu byt' (razmyshlenija u paradnogo podjezda budushhego russoj kul'tury za rubezhom). Obuchenie russkomu jazyku kak inostrannomu: sovremennye tehnologii prepodavaniya [Pod redaktsiej Petrikovoj A.] [Textbook for bilinguals – how it should be (reflections from the front entrance of the future of Russian culture abroad). Teaching Russian as a foreign language: modern technology teaching, edited by Petrikova A.]. Preshov, 2010. Pp. 46-56. <http://archive-sk.com/page/134141/2012-07-16/http://www.pulib.sk/elpub2/FF/Petrikova4/index.html>
  2. *Protasova E.Yu., Rodina N.M.* Mnogojazychie v detskom vozraste [Multilingualism in childhood]. S.-Pb.: Zlatoust, 2005. 274 p.
  3. *Protasova E.Yu., Rodina N.M.* Russkij jazyk dlja doskol'nikov [Russian language for preschool children]. S.-Pb.: Zlatoust, 2006. 319 p.
  4. Russkie narodnye skazki [Russian folk fairy tales]. <http://www.hyaenidae.narod.ru>
  5. *Sergeeva O.E.* Metodicheskie osnovy obuchenija doskol'nikov rechevomu obshheniju na russkom jazyke: diss. kand. pedagog. nauk [Methodical bases of training preschool speech dialogue in Russian: Dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences]. Moscow: Iryap, 1998. 210 p.
  6. *Trygub I.S.* Lingvometodicheskij potencial narodnyh skazok v obuchenii russkomu jazyku kak inostrannomu mladshih shkol'nikov: diss. kand. pedagog. nauk [Linguistic and methodological potential folktales in teaching Russian as a foreign language elementary school students: Dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences]. Moscow: Iryap, 2006. 177 p.
-
-

УДК 745.522 (075.8)

UDC 745.522 (075.8)

С.А. ГУДКОВ

аспирант, Орловский государственный университет
E-mail: sergeygudkov@mail.ru

S.A. GUDKOV

Graduate student, Orel State University
E-mail: sergeygudkov@mail.ru

МЕТОДИКА УСКОРЕННОГО ОБУЧЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОМУ ПРОЕКТИРОВАНИЮ

THE METHOD OF ACCELERATED LEARNING OF COMPUTER DESIGN

Обычно при изучении проектирования в программе 3DS Max обучение идет бессистемно и без учета специфики использования программы в профессиональной деятельности специалиста. Исходя из этого, необходимо разделить курс обучения на несколько этапов по степени сложности для быстрого освоения компьютерной среды проектирования и наиболее рационального использования изученных инструментов.

Ключевые слова: компьютерное проектирование, методика ускоренного обучения, 3DS Max, исследовательский метод обучения.

Usually, while studying the design in 3DS Max training program is haphazardly and without regard to the specific use of the program in professional activity. On this basis, it is necessary to divide the course into several stages according to the degree of difficulty for the rapid development of computer design environment and the most efficient use of the studied instruments.

Keywords: computer-aided design, method of accelerated learning, 3DS Max, the research method of teaching.

Процесс изучения компьютерного проектирования на основе программы 3DS Max необходимо разделить на два этапа, так как обучение должно проходить по методу «от простого к сложному». Первый этап изучения программы является ускоренным, на нем учащиеся изучают инструменты и команды программы, которые необходимы для проектирования среды на всех этапах ее создания. Тем не менее, акцент ставится лишь на самые необходимые инструменты, но в то же время достаточные для быстрого и качественного проектирования. Также внимание уделяется работе с «горячими клавишами» для более эффективной и быстрой работы. Второй этап изучения программы 3DS Max проходит после освоения первого и включает в себя изучение дополнительных команд и инструментов, расширяющих возможности при проектировании среды. Второй этап необходим для углубленного изучения среды компьютерного моделирования.

ЭТАП 1

Занятие №1

Тема урока: интерфейс программы, работа в окнах проекций и построение объектов.

Цель занятия: изучить основные элементы интерфейса, необходимые для проектирования среды, изучить принципы работы в окнах проекций и принципы создания объектов.

Тип занятия: получение учащимися знаний об основных приемах работы в программе, выработка и закрепление умений в области компьютерного проектирования.

Форма занятия: диспут, коллективная работа, индивидуальная работа.

Метод обучения: исследовательский.

Занятие №2

Тема урока: трансформация объектов, копирование, группирование объектов, моделирование с использованием сплайнов.

Цель занятия: изучить основные инструменты трансформации объектов, изучить принципы копирования объектов и их группирование.

Тип занятия: получение учащимися знаний об основных приемах работы в программе, выработка и закрепление умений в области компьютерного проектирования.

Форма занятия: диспут, коллективная работа, индивидуальная работа.

Метод обучения: исследовательский.

Занятие №3

Тема урока: редактирование сплайнов, режимы редактирования сплайнов, создание трехмерных объектов на основе сплайнов с применением модификаторов.

Цель занятия: изучить основные инструменты редактирования сплайнов, изучить принципы работы в режимах редактирования сплайнов, рассмотреть типы модификаторов для создания трехмерных объектов на основе сплайнов и принципы работы с ними.

Тип занятия: получение учащимися знаний об основных приемах работы в программе, выработка и закрепление умений в области компьютерного проектирования.

Форма занятия: коллективная работа, индивидуальная работа.

Метод обучения: исследовательский.

Занятие №3

Тема урока: редактирование сплайнов, режимы редактирования сплайнов, создание трехмерных объектов

на основе сплайнов с применением модификаторов.

Цель занятия: изучить основные инструменты редактирования сплайнов, изучить принципы работы в режимах редактирования сплайнов, рассмотреть типы модификаторов для создания трехмерных объектов на основе сплайнов и принципы работы с ними.

Тип занятия: получение учащимися знаний об основных приемах работы в программе, выработка и закрепление умений в области компьютерного проектирования.

Форма занятия: коллективная работа, индивидуальная работа.

Метод обучения: исследовательский

Занятие №4

Тема урока: создание лофтинговых объектов на основе сплайнов, повторение работы в режимах редактирования сплайнов.

Цель занятия: изучить основные принципы создания лофтинговых объектов на основе сплайнов, закрепить материал предыдущего занятия.

Тип занятия: получение учащимися знаний об основных приемах работы в программе, выработка и закрепление умений в области компьютерного проектирования.

Форма занятия: коллективная работа, индивидуальная работа.

Метод обучения: исследовательский, эвристический.

Занятие №5

Тема урока: редактируемые полигоны, работа в режимах редактирования полигонов.

Цель занятия: изучить основные принципы работы с полигональными объектами.

Тип занятия: получение учащимися знаний об основных приемах работы с полигональными объектами, выработка и закрепление умений в области компьютерного проектирования.

Форма занятия: коллективная работа, индивидуальная работа.

Метод обучения: исследовательский.

Занятие №6

Тема урока: редактор материалов, библиотека материалов, модификатор UVW Map.

Цель занятия: изучить основные принципы работы с редактором материалов и модификатором UVW Map.

Тип занятия: получение учащимися знаний об основных приемах работы с материалами в программе 3DS Max, выработка и закрепление умений в области компьютерного проектирования.

Форма занятия: коллективная работа, индивидуальная работа.

Метод обучения: исследовательский.

Занятие №7

Тема урока: камеры в программе 3DS Max, настройка камер, источники света Vray, настройки визуализатора.

Цель занятия: изучить основные принципы работы с камерами, изучить основные источники света Vray и настройки визуализатора.

Тип занятия: получение учащимися знаний об основных приемах работы с камерами, источниками света и визуализатором Vray, выработка и закрепление умений в области компьютерного проектирования.

Форма занятия: коллективная работа, индивидуальная работа.

Метод обучения: исследовательский.

Занятие №8

Тема урока: сборка сцены, визуализация.

Цель занятия: изучить основные принципы работы с загружаемыми моделями, провести финальную визуализацию.

Тип занятия: получение учащимися знаний об основных приемах работы с готовыми моделями и принципах сборки сцены, повторение материала про визуализатор, выработка и закрепление умений в области компьютерного проектирования.

Форма занятия: коллективная работа, индивидуальная работа.

Метод обучения: исследовательский, эвристический.

Завершение 1 этапа

На этом первый этап изучения программы 3DS Max завершается. Подводятся итоги, учащиеся определяют степень своей подготовленности, определяют, есть ли в группе отстающие, которым предлагается помощь. Преподаватель, в свою очередь, назначает для отстающих учащихся дополнительные консультации и индивидуальные занятия. В том случае, если у большинства учащихся наблюдается недопонимание какой-либо конкретной темы, преподаватель должен назначить дополнительное коллективное занятие по данной теме, включающее разбор ошибок и более подробное разъяснение материала.

ЭТАП 2

Занятие №9

Тема урока: изучение дополнительных возможностей выделения объектов, скрытие объектов, выравнивание, массивы.

Цель занятия: изучить дополнительные возможности выделения объектов, скрытие объектов, методы выравнивания, провести работу с массивами.

Тип занятия: получение учащимися знаний об основных приемах работы с группами объектов, повторение материала про выделение и трансформацию, выработка и закрепление умений в области компьютерного проектирования.

Форма занятия: коллективная работа, индивидуальная работа.

Метод обучения: исследовательский, эвристический.

Занятие №10

Тема урока: углубленное изучение режимов редактирования сплайнов и лофтинговых объектов, изучение модификатора Lathe.

Цель занятия: повторить материал про редактирование сплайнов, изучить дополнительные возможности режимов редактирования сплайнов и лофтинговых объектов, изучить модификатор Lathe.

Тип занятия: повторение учащимися материала предыдущих занятий, получение знаний об основных приемах работы с группами объектов, выработка и закрепление умений в области компьютерного проектирования.

Форма занятия: коллективная работа, индивидуальная работа.

Метод обучения: исследовательский, эвристический.

Занятие №11

Тема урока: параметрические модификаторы.

Цель занятия: изучить параметрические модификаторы объектов: Bend, Twist, Taper, Stretch, Shell.

Тип занятия: получение учащимися знаний об основных приемах работы с параметрическими модификаторами объектов, выработка и закрепление умений в области компьютерного проектирования.

Форма занятия: коллективная работа, индивидуальная работа.

Метод обучения: исследовательский.

Занятие №12

Тема урока: углубленное изучение редактируемых полигонов.

Цель занятия: изучить дополнительные возможности редактирования полигонов.

Тип занятия: повторение темы про режимы редактирования, получение учащимися углубленных знаний об основных приемах работы с режимами редактирования полигонов, выработка и закрепление умений в области компьютерного проектирования.

Форма занятия: коллективная работа, индивидуальная работа.

Метод обучения: исследовательский, эвристический.

Занятие №13

Тема урока: углубленное изучение редактора материалов и настроек материала VrayMtl.

Цель занятия: изучить дополнительные возможности редактора материалов.

Тип занятия: повторение темы про редактор материалов, получение учащимися углубленных знаний об основных приемах работы с настройками материала VrayMtl, выработка и закрепление умений в области компьютерного проектирования.

Форма занятия: коллективная работа, индивидуальная работа.

Метод обучения: исследовательский, эвристический.

Занятие №14

Тема урока: углубленное изучение настроек визуализатора Vray.

Цель занятия: изучить дополнительные настройки визуализатора Vray, повторить ранее пройденные настройки.

Тип занятия: повторение темы визуализатора, получение учащимися углубленных знаний об основных

приемах работы с настройками визуализатора Vray, выработка и закрепление умений в области компьютерного проектирования.

Форма занятия: коллективная работа, индивидуальная работа.

Метод обучения: исследовательский, эвристический.

Завершение 2 этапа

На этом завершается второй этап изучения программы 3DS Max. Так же как и после завершения первого этапа, подводятся итоги, учащиеся определяют степень своей подготовленности, определяют, есть ли в группе отстающие, которым предлагается помощь. Преподаватель, в свою очередь, назначает для отстающих учащихся дополнительные консультации и индивидуальные занятия. В том случае, если у большинства учащихся наблюдается недопонимание какой-либо конкретной темы, преподаватель должен назначить дополнительное коллективное занятие по данной теме, включающее разбор ошибок и более подробное разъяснение материала. Второй этап представляет собой углубленное изучение инструментов и команд программы 3DS Max, изученных в ходе первого этапа. Далее учащиеся могут самостоятельно продолжить изучение программы, пользуясь дополнительной литературой и интернетом, уделяя внимание интересующим их инструментам.

Данные об эффективности разработанной методики были получены путем сравнения результатов выполненных практических работ учащимися контрольной и экспериментальной групп. Задания предполагали выявление, формирование и проверку профессиональных качеств учащихся как будущих специалистов в области проектирования среды.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

– процесс обучения, построенный на принципах методов проблемного обучения, объяснительно-иллюстративном, исследовательском и поисковом способствует развитию творческой и исследовательской направленности в проектных работах учащихся как будущих специалистов;

– программа обучения должна включать в себя метод от простого к сложному с постепенным углублением в ранее пройденные темы для лучшего усвоения старого материала и более эффективного восприятия нового;

– необходимо разделять курс обучения, содержащий большой объем информации, на модули по сложности, с постепенным углублением и расширением знаний об уже пройденных методах работы в программе;

– для изучения более эффективного и быстрого процесса работы в программе 3DS Max необходимо уделять должное внимание быстрым клавишам и методам ускоренной работы, акцентирующим внимание на основных этапах компьютерного моделирования.

Библиографический список

1. *Баранов С. П.* Сущность процесса обучения. М.: Просвещение, 1981. 142 с.
2. *Чернилевский Д.В., Филатов О.К.* Технология обучения в высшей школе: учебное издание. Под. ред. Д.В. Чернилевского. М.: «Экспедитор», 1996. 288 с.;
3. *Шпак Ю.А.* 3ds Max 2009. М.: Эксмо, 2008. 544 с.
4. Информатика Базовый курс Учебное пособие для студентов вузов СПб.: Питер, 2003. 638с. СПб.: Питер, 2002.
5. *Крицкий С.П.* Мультимедиа в высшей школе //Тезисы докладов учебно-метод. конф. Ч. 1. РГУ. Ростов на-Дону: 1995.

References

1. *Baranov S.P.* Essence of the learning process. M.: Education, 1981. 142 p.
  2. *Chernilevsky D.V., D.C. Filatov.* Learning Technology in Higher Education: textbook // Under. Ed. D.V. Chernilevsky. M.: “Prosveschenie”, 1996. 288 p.
  3. *Shpak Y.A.* 3ds Max 2009. M.: Penguin Books, 2008. 544 p.
  4. Computer Basic Course Textbook for students of St. Petersburg.: Piter, 2003. 638p. St. Petersburg.: Piter, 2002.
  5. *Kritskii S.P.* Multimedia in Higher Education // Abstracts of teaching method. conf. Part 1. RSU. Rostov-on-Don, 1995.
-
-

УДК 37.032

UDC 37.032

Г.И. ЖЕЛЕЗОВСКАЯ

доктор педагогических наук, профессор, кафедра педагогики, Саратовский государственный университет

Н.В. АБРАМОВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра немецкого и французского языков, Саратовская государственная юридическая академия

E-mail: nataklenin@mail.ru

Е.Н. ГУДКОВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики, психологии и права, Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова

G.I. ZHELEZOVSKAYA

Doctor of pedagogical sciences, Professor, Department of pedagogy, Saratov State University

N.V. ABRAMOVA

Candidate of pedagogical sciences, Associate professor, Department of German and French, Saratov State law Academy

E-mail: nataklenin@mail.ru

E.N. GUDKOVA

Candidate of pedagogical sciences, Associate professor, Department of pedagogy, psychology and law, Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov

МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТНЫМ РЕЧЕВЫМ ПОВЕДЕНИЕМ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

CONFLICT MANAGEMENT TECHNIQUES OF VERBAL BEHAVIOR OF PARTICIPANTS IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Статья посвящена проблеме выбора методов управления конфликтным речевым поведением в вузе. В работе анализируются виды и этапы педагогического конфликта. Особое внимание уделяется вопросам готовности педагогов к решению конфликтов, а также характеризуются технологии, позволяющие снизить уровень конфликтности.

Ключевые слова: речевое поведение, педагогический конфликт, образовательный процесс, конфликтологическая культура, профессиональная подготовка.

The article deals with the choice of methods of conflict management of verbal behavior in high school. The types and stages of teaching conflict are analyzed. Special attention is paid to the readiness of teachers to conflict resolution, as well as the technologies are characterized to reduce the level of conflict.

Keywords: verbal behavior, pedagogical conflict, educational process, conflictological culture, training.

Конфликты неизбежны в различных сферах человеческой деятельности. Поэтому анализ конфликтного речевого поведения участников одной из важнейших сфер общественной деятельности – образовательной не вызывает сомнений. Конфликты разной степени интенсивности характерны для вузовской среды. Российская образовательная система из-за социально-экономических и политических условий оказалась в трудном положении. Снижение уровня жизни населения, изменение сложившихся ранее институтов социализации и воспитания, реформа образования, формирование нормативной правовой базы в сфере образования, сложная криминогенная ситуация оказывали и продолжают оказывать влияние в целом на состоянии образовательной системы в нашей стране. Падение престижа профессии педагога в обществе и сокращение воспитательной работы в образовательных учреждениях, напряженные межличностные отношения в вузовской среде, снижение статуса института семьи и другие факторы являются причиной возникновения разнообразных проблемных и конфликтных ситуаций.

Сам по себе педагогический конфликт – это нормальное социальное явление, которое вполне есте-

ственно для участников образовательного процесса. В связи с недостаточной конфликтологической подготовкой педагогов образовательных учреждений, с их неспособностью в реальной ситуации управлять конфликтами, находить оптимальные способы их упреждения и преодоления наблюдается негативное влияние на организацию образовательного процесса в вузе. Руководителям, сотрудникам и профессорско-преподавательскому составу вузов сегодня крайне необходимы советы по упреждению и разрешению конфликтных ситуаций с учетом особенностей участников образовательного процесса, по формированию благоприятного морально-психологического климата, а также методика персонального консультирования и учет личностного компонента в конфликте.

Конфликт – это отсутствие согласия между несколькими сторонами, конкретными лицами или группами лиц.

В ситуации конфликта каждая сторона стремится только к тому, чтобы была принята ее точка зрения или цель, и мешает другой делать то же самое. Однако в настоящее время общепринятой становится точка зрения о том, что конфликты бывают полезны, поскольку они

способствуют выявлению разных точек зрения на поставленный вопрос, обнаруживают скрытые проблемы, дают дополнительную информацию и т. д. Существуют следующие виды конфликтов:

1. функциональные, ведущие к повышению эффективности организации
2. дисфункциональные, приводящие к спаду личной удовлетворенности, группового сотрудничества и эффективности организации.

Роль конфликта зависит в основном от того, насколько эффективно им управляют.

Способы управления конфликтной ситуацией делятся на две категории: структурные и межличностные. В управлении педагогическими конфликтами нужно иметь в виду появление возможных коммуникативных осложнений. Следовательно, необходимо вовремя принять меры, для того чтобы устранить причины обострения межличностных противоречий.

Можно выделить этапы педагогического конфликта:

1. появление противоречия;
2. его осознание;
3. обострение;
4. поиски способов урегулирования;
5. разрешение.

Преподавателю необходимо выявить начальные признаки конфликта и определить его истоки. Подчеркнем важную мысль о том, что от педагога требуется именно управление конфликтом, а не его подавление.

Для успешного преодоления конфликта важен выбор адекватной технологии управления конфликтом. К.У. Томас и Р.Х. Килменн выделили пять типовых стратегий поведения в конфликтных ситуациях: конкуренция, уклонение, приспособление, сотрудничество, компромисс.

И. Кузнецов, акцентируя внимание на образовательном процессе, выделяет следующие педагогические стратегии управления межличностными конфликтами: приспособление, уклонение, отступление, компромисс, сотрудничество, доминирование. Далее приведем, какие особенности их проявления в конфликтном взаимодействии выделяются автором исследования И. Кузнецовым [1].

Профессиональные действия и поступки педагога в кризисные моменты педагогического общения характеризуется оперативностью, гибкостью, нестандартностью, нравственно-психологической целесообразностью.

а. А. Белинская предлагает следующие технологии, позволяющие снижать уровень конфликтности:

б. адаптивно-образовательные (носят мотивационный характер и направлены на формирование у педагога профессиональных установок, создание привлекательного образа педагога, стимулирование личностного роста и саморазвития);

в. системно-моделирующие (предусматривают овладение целостной системой теоретических знаний и способами профессиональных действий – специализированные курсы для преподавателей, которые дают им возможность приобрести навыки управления конфлик-

тами в образовательной среде) [2].

Н.И. Быкова считает, что для осуществления морально-этического выбора в проблемной ситуации общения профессионал должен уметь в первую очередь системно, комплексно анализировать речевую ситуацию; устанавливать связь между участниками общения и речевой ситуацией; определять свой личный набор приоритетов, а также выделять среди них наиболее принципиальные для своего индивидуального стиля речевого поведения.

Анцупов А.Я., Баклановский С.В. предлагают следующие рекомендации преподавателям по управлению конфликтами:

- контролировать свои эмоции, стараться быть объективными;
- не оскорблять студентов, не удалять их из аудитории;
- не отвечать на агрессию агрессией;
- не приписывать студенту свое понимание его позиции;
- по возможности не обращаться для разрешения конфликта к администрации вуза;
- независимо от результатов разрешения противоречия постараться не разрушить отношения;
- не бояться конфликтов со студентами, а брать на себя инициативу их конструктивного разрешения [3].

Нами приведены лишь некоторые варианты разработанных в научной литературе методов и технологий по управлению и разрешению конфликтных ситуаций, которыми может воспользоваться и преподаватель вуза. Однако здесь выявляется проблема подготовки преподавателей к работе с конфликтами. [4]

В работе Г.И. Козырева приводятся следующие данные: «Социологические исследования показывают, что в вузах сотрудники и студенты недостаточно осведомлены о методах конструктивного решения конфликтов. 18% преподавателей-респондентов в поисках выхода из конфликта со студентами обращались в деканат, 24% – перешли работать на другой факультет. Не верят в возможность конструктивного разрешения конфликта с преподавателем и 65% студентов». [5].

Таким образом, ситуация конфликтологической культуры в российской системе образования требует пристального внимания и мер по ее улучшению. Неготовность преподавателя к квалифицированному разрешению конфликтов является одной из серьезных насущных проблем российского образования. Преподаватели вузов нуждаются в рекомендациях по упреждению и разрешению конфликтных ситуаций с учетом особенностей студенческой аудитории, по формированию благоприятного морально-психологического климата, методике индивидуального консультирования, учета личностного компонента в конфликте.

Критерием готовности преподавателя к управлению конфликтом А. Белинская предлагает считать такие компетенции, как:

- а. мотивационно-ценностный блок (наблюдательность, справедливость, доброжелательность, вы-

держка, терпимость, самообладание, объективность, беспристрастность, интуиция, профессионализм);

б. когнитивный блок (знание фундаментальных положений психологии, методики комплексного изучения личности, причин возникновения конфликтов, методов и приемов диагностики конфликтных ситуаций, способов их коррекции и преодоления);

с. операционно-исполнительский блок (умение соблюдать права и свободы участников общения, анализировать природу конфликтов и находить адекватную ей инструментальную их преодоления в учебном коллективе подростков) [2].

Следующие психолого-педагогические факторы определяют эффективность формирования практической готовности к разрешению конфликтов в учебном коллективе: ориентация профессионального обучения и воспитания педагогов на обобщенную структурно-уровневую модель этой готовности; формирование у педагогов систематизированных представлений об основных типах конфликтов и способах воздействия на их коррекцию и преодоление; реализация практико-ориентированных педагогических технологий, включающих эвристические и имитационные игры, учебный диалог, дискуссии, тренинги, другие формы поисковой деятельности, вовлекающие педагогов в реальные педагогические отношения [9, 98].

Таким образом, можно согласиться с выводами С.Д. Якушевой, Н.О. Мина и многих других исследователей, что главный способ бесконфликтного педагогического взаимодействия – это формирование высокого уровня педагогического профессионализма, а также

владение искусством выхода из конфликтных ситуаций без потери собственного достоинства. Для организации эффективного педагогического общения необходим высокий уровень эмоциональной идентификации с объектом воздействия. Необходима разработка индивидуальной лексики приспособления к объекту воздействия, приемы их чередования, уместность использования. Со стороны педагога очень важен индивидуальный, личностный подход по отношению к ученику [6].

Педагогическое общение – это объект воздействия различных внешних и внутренних факторов, которые включают в себя большое количество сложных противоречий, затруднений, что приводит к психологическим барьерам. Поэтому участники взаимодействия должны осознать причины конфликта в процессе самостоятельной работы или в специальных тренингах, для того чтобы преодолеть психологические барьеры.

Таким образом, на теоретическом уровне разработаны методы управления конфликтным поведением участников образовательного процесса, однако препятствием в эффективном применении данных методов и технологий служит низкая профессиональная подготовка преподавателей вузов в области конфликтологии и организационной педагогики. В частности, это касается тех преподавателей, которые не имеют базового педагогического образования. Поэтому подобные знания и навыки возможно получить на специализированных занятиях в рамках курсов повышения квалификации. Важно научиться предупреждать конфликты, а для этого необходимо налаживать сотрудничество между всеми участниками учебного процесса.

Библиографический список

1. Кузнецов И. Настольная книга практикующего педагога // [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.tinlib.ru/> (дата обращения: 15.12.2013).
2. Белинская А. Подготовка педагога в работе с конфликтами // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 120-125.
3. Анзупов А.Я., Баклановский С.В. Конфликтология в схемах и комментариях. Учебное пособие. СПб., 2009. С. 195.
4. Железовская Г.И., Абрамова Н.В. Инновации и их роль в профессиональной подготовке будущих специалистов / European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches, 2nd International scientific conference. ORT Publishing. Stuttgart. 2013. С.3-5.
5. Козырев В.И. Введение в конфликтологию. Учебное пособие для студ. М., 2001. С. 59.
6. Якушева С.Д., Мина Н.О. Психолого-педагогические особенности конфликтных ситуаций в образовательном процессе / Материалы международной заочной научно-практической конференции «Тенденции развития педагогической науки» (23 октября 2010 года) // НП «Сибирская ассоциация консультантов» [Электрон. ресурс]. URL: <http://sibac.info/> (дата обращения: 10.12.2011).

References

1. Kuznetsov I. Table book for the practicing teacher // [E. resource]. URL: <http://www.tinlib.ru/> (date of access: 15.12.2013).
2. Belinskaya A. Preparation of the teacher in the work with conflicts // Higher education in Russia. 2004. № 11. Pp. 120-125.
3. Anzupov A.Y., Baklanovskii S.V. Conflict in the schemes and comments. Text book. SPb., 2009. Pp. 195.
4. Zhelezovskaya G.I., Abramova N.V. Innovations and their role in the professional training of future specialists / European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches, 2nd International scientific conference. ORT Publishing. Stuttgart. 2013. Pp.3-5.
5. Kozыrev V.I. Introduction in conflictology . Textbook for students. M, 2001. Pp. 59.
6. Yakusheva S.D., Mina N.D. Psychological and pedagogical features of conflict situations in the educational process / Materials of international correspondence scientific-practical conference «Trends in the development of pedagogical science» (October 23, 2010) // NP «Siberian Association of consultants» [E. resource]. URL: <http://sibac.info/> (date of access: 10.12.2011).

Л.В. ИВАНОВА

учитель, гимназия №19 (Орел)
E-mail: l.ivanova1409@mail.ru

L.V. IVANOVA

Teacher, school № 19 (Orel)
E-mail: l.ivanova1409@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ПРОЕКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ

TECHNOLOGY OF DEVELOPMENT OF TEACHER'S PROJECT ACTIVITY

В статье представлена структура такой системы, как педагогическая технология, и характеристика основных положений технологии развития проектной деятельности учителя.

Ключевые слова: технология, развитие, проектная деятельность, структура.

The structure of such a system as pedagogical technology and characteristics of the main positions of teachers developing technology is presented in this article.

Keywords: technology, development, project activity, structure.

Наблюдаемая в последние десятилетия тенденция роста интереса к развитию личности актуализирует потребность в разработке лично развивающих технологий обучения, акцентирующих внимание на самообразовании и саморазвитии личности. При этом одним из направлений повышения качества педагогического процесса является его технологизация. В педагогической литературе отмечается, что понятие «технология» используется широко и довольно-таки разнообразно.

Это «педагогическая технология», «образовательная технология», «технология обучения». Наиболее общая, метапредметная трактовка этого понятия состоит в том, что технология представляет научно или практически обоснованную систему деятельности, применяемую человеком в целях преобразования окружающей среды, производства материальных и духовных ценностей.

Для характеристики системы деятельности педагога и учащегося в образовательном процессе используются образовательные технологии. Данные технологии строятся на конкретной идее, во взаимосвязи целей, содержания и методов.

В научном понимании и употреблении такого понятия, как педагогическая технология, Г.К. Селевко предлагает выделить следующие направления:

- педагогическая технология как средство, т.е. как производство и применение методического инструментария, учебного оборудования;
- педагогическая технология как способ, модель, техника выполнения учебных задач;
- педагогическая технология как научное направление, обширная область знания, опирающаяся на данные социальных, управленческих и естественных наук;
- педагогическая технология – многомерный процесс [5, с49].

Педагогическая технология, по мнению М.В. Корниловой, – это последовательная, взаимос-

вязанная деятельность педагога, направленная на решение педагогических задач [3]. Это воплощение на практике заранее спроектированного педагогического процесса. Педагогическая технология – это продуманная во всех деталях модель совместной педагогической деятельности по проектированию, организации и проведению учебного процесса с безусловным обеспечением комфортных условий для учащихся и учителя (В.М. Монахов) [4]. Мы можем сделать вывод, что в вопросах теории педагогики нет единого мнения в определении педагогической технологии (технологии обучения). Г.К. Селевко и другие учёные утверждают, что технология обучения (педагогическая технология) должна соответствовать следующим требованиям:

- в технологии обучения цель определяется диагностично и рассматривается как центральная проблема, что позволяет определять степень её достижения более точно;
- диагностичность цели позволяет разрабатывать объективные методы контроля её достижения; определить её через результаты, выраженные в действиях обучающихся, которые поддаются измерению и оценке: знает, применяет, понимает;
- в технологии обучения в отличие от методики преподавания преимущественно представлены процессуальный, количественный и расчётный компоненты учебного процесса;
- технология обучения отличается от методики преподавания своей воспроизводимостью и устойчивостью результатов;
- технология обучения в отличие от методики преподавания, ориентированной на преподавателя и виды его деятельности, предусматривает проект учебного процесса, определяющего структуру и содержание учебно-познавательной деятельности обучающихся, что обеспечивает более высокий и стабильный успех обучения [5].

Структурными составляющими такой системы,

как педагогическая технология, согласно Г.К. Селевко, являются:

а. концептуальная основа; она предполагает вычленение единой основы, сквозных идей курса, межпредметных идей;

б. содержательная часть: где мы выделяем цели и содержание проектной деятельности;

в. процессуальная часть – технологический процесс, представляющий собой методы и формы проектной деятельности, организация и управление проектной деятельностью, диагностика проектной деятельности учителя.

Опираясь на сказанное выше, охарактеризуем основные теоретические положения технологии развития проектной компетентности учителя[5].

Концептуальную основу разработанной нами технологии составляют следующие теории учебной деятельности (Л.С. Выготский, И.А. Зимняя и др.).

Основные положения теории учебной деятельности объясняют, что усвоение знаний в процессе обучения не что иное, как усвоение действий по их применению. По мнению данных авторов, внешние материальные воздействия постепенно преобразуются во внутренние, умственные действия. Следовательно, идёт процесс совершенствования профессионального становления[1].

Учебная деятельность есть, прежде всего, такая деятельность, в результате которой происходят изменения в самом ученике. Она направлена на результат. Главные методы – это наблюдения и эксперимент, метод бесед, интервью, анкетирования и тестов. Решение учебной задачи состоит в поиске действия, которое преобразует ее условие и ведет к достижению необходимого результата. Активными формами работы являются: дискуссия, дебаты, групповая работа, моделирование, ролевая и деловая игра, тренинги. Только при наличии дидактического обеспечения, реализующего принцип субъектного образования, можно говорить о построении личностно ориентированного процесса. Для реализации теории учебной деятельности используются положения компетентностного подхода, системно-деятельностного, профессиональной подготовки преподавателей, основные положения акмеологии, раскрывающие личностный и профессиональный рост преподавателя, личностно ориентированного и развивающего обучения. Предметно-дидактическая модель личностно ориентированной педагогики И.С. Якиманской – своеобразная предметная дифференциация, обеспечивающая индивидуальный подход в обучении. Основные положения теории используются в формулировках стандартов нового поколения. ФГОС нового поколения наполнен ориентацией образовательных стандартов на развитие социализации учащихся[6]. Это означает, что для каждого конкретного периода школьного обучения система задач и действий, выполняемых учащимися, должна быть адекватна ведущей деятельности конкретного возрастного периода и являться условием и движущей силой развития ребёнка. Методические и дидактические основы использования проблемных, исследовательских методов в обучении обоснованы в работах И.Я. Лернера,

М.Н. Скаткина. Здесь предполагается использование технологии построения учебного процесса на проблемной основе. Проблемы с объективной необходимостью должны возникнуть в сознании учащихся через проблемную ситуацию. Проблемная технология предполагает раскрытие того способа, который приведет к проблемному знанию. Проблемное обучение характеризуется систематическим применением педагогом наиболее эффективной системы самостоятельных работ, часто исследовательского характера, требующих как актуализации ранее приобретенных, так и усвоения новых знаний и способов деятельности (проектной деятельности). Проблемное обучение характеризуется высокой эмоциональной активностью участников, как учителей так и учащихся, обусловленной, во-первых, тем, что сама проблемная ситуация является источником ее возбуждения, и, во-вторых, тем, что активная мыслительная деятельность участников проектной деятельности неразрывно связана с чувственно-эмоциональной сферой. Проблемные ситуации могут создаваться на всех этапах развития проектной компетентности учителя, не только в процессе реализации учебной информации, но и в построении самого проекта.

Содержательная часть технологии позволяет определить цели и наполнение проектной деятельности. Технология развития проектной компетентности учителя направлена на достижение поставленных целей образования, в ней используются личностные, инструментальные, методологические средства образования. Необходимо выделить специфические черты технологии развития проектной компетентности учителя. На наш взгляд, это разработка *диагностично поставленных целей обучения с ориентацией на гарантированное достижение успеха, наличие оперативной обратной связи с оценкой текущих и итоговых результатов. Весь учебный процесс приобретает модульный характер.* Это технология формирования отдельной части учебно-воспитательного процесса – проектной компетентности учителя. Содержание технологии исходит из того, что цель обучения – изменение состояния обучающего: его знаний, мыслей, поведения. Технология обучения ориентируется на гарантированное достижение целей и полное усвоение учебной информации в ходе учебной деятельности. На основании этого исследования технологию развития проектной компетентности учителя рассматривать необходимо как направленный процесс новообразований профессионально-педагогического характера. Он помогает становлению профессионального роста учителя как субъекта деятельности. Реализация технологии развития проектной компетентности обеспечивает:

- развитие мотивации как отражение потребности в овладении способами проектирования педагогических объектов;
- познание сущности педагогического проектирования;
- умение обнаруживать и формулировать педагогические проблемы и предлагать варианты их решения;
- умение самоанализа и анализа.

Процессуальная часть технологии развития проектной компетентности позволяет выделить следующие этапы:

- *диагностико-адаптивный* – это определение уровня развития проектной компетентности учителя и осознание необходимости освоения данного вида деятельности;
- *теоретический* – освоение научных основ проектирования;
- *практический (конструктивный)* – овладение действиями проектирования во взаимоотношении с участниками процесса;
- *рефлексивный* – изучение динамики сформированности проектной компетентности учителя в проектной деятельности, оценка достижения цели и решения проблемы, определение дальнейших перспектив работы.

Каждый из данных этапов имеет свои цели и назначение в процессе развития проектной компетентности учителя.

Диагностико-адаптивный имеет целью определение уровня сформированности проектной компетентности учителя и адаптацию теоретического материала под данный уровень. Адаптация теоретического материала определяется также потребностями учителя необходимости использования материала по освоению проектной деятельности. Этап связан с основными ориентирами в деятельности преподавателей школы по развитию проектной компетентности. На данном этапе собиралась информация о состоянии уровня развития проектной компетентности учителя (анкетирование), было произведено обобщение результатов. Изучение проектной компетентности учителя должно носить не только диагностический, но и прогностический характер. Необходимо охватывать не только прошлый опыт профессиональной деятельности, но и ближайшую и отдалённую перспективу профессионального развития. На данном этапе идёт уточнение цели, прогнозирование вариантов и вероятность достижения цели, планирование. *Диагностико-адаптивный* этап способствует формированию мотивационного отношения учителя к проектной деятельности. Наличие у учителя эмоционально-мотивационной направленности способствует развитию активной деятельности по овладению технологией обучения. В соответствии с учебным планом и программой курса устанавливается общая цель и ожидаемый результат использования технологии проектного обучения. Обоснование необходимости проектирования требует создания наилучших условий в информационно-материальном обеспечении.

Теоретический этап предлагает для изучения научных основ проектирования работу по спецкурсу «Развитие проектной компетентности учителя». Вопрос о содержании повышения квалификации является основным, поскольку задаёт рамки дидактических исследований. Разработка технологии требует организации учебного, практикоориентированного материала. Например, лекционно-практическое занятие по теме «Развитие профессиональной компетентности педаго-

га» (4 часа, 2 лекции и 2 практических занятия) наполнены следующим содержанием: трёхуровневая иерархия профессиональных компетенций учителя (ключевые, общепредметные, предметные, метапредметные компетенции); суперкомпетентности практической деятельности учителя (математическая, коммуникативная, информационная, автономизационная, социальная, продуктивная, нравственная); соотношения понятий «компетенция» и «компетентность»; компетенции, относящиеся к самому человеку как к личности; компетенции, относящиеся к социальному взаимодействию человека и социальной сферы; компетенции, относящиеся к деятельности человека. Этап теоретической подготовки учителя к проектной деятельности способствует развитию положительного отношения к формированию собственной информационной культуры, развитию способности самостоятельно преодолевать логические разрывы на пути от теоретических знаний к практической деятельности. Он позволяет осознать уровень своих возможностей и умений к уровню, необходимому для реализации данного вида деятельности.

Практический (конструктивный) этап технологии позволил организовать деятельность по реализации и подготовке проектов, апробацию проекта. Он даёт возможность закрепить на практике знания и умения, выявить недостатки теоретической подготовки учителя. Разработка способов организации практической деятельности на данном этапе предусматривает выбор формы организации обучения, взаимодействия её участников. Это также выбор методов обучения, среди которых можно выделить как традиционные, так и инновационные (активные). Активные формы и методы неразрывно связаны друг с другом. Их совокупность образует определенный вид занятий, на которых осуществляется активное обучение. Методы наполняют формы конкретным содержанием, а формы влияют на качество методов. Если на занятиях определенной формы используются активные методы, можно добиться значительной активизации учебно-воспитательного процесса, роста его эффективности. В этом случае сама форма занятий приобретает активный характер. Для развития проектной компетентности учителя необходимо применять такие методы активного обучения, как проблемный, диалоговый, исследовательский, модульный, опорных сигналов, критических ситуаций и т.д. Единство и взаимосвязь активных методов позволяет осуществлять обучение как совместную творческую деятельность преподавателя и обучаемых, сотворчество и сотрудничество, значительно повысить эффективность и качество подготовки специалистов. Среди средств обучения на данном этапе особую роль приобретают компьютерные средства. Наряду с лекционными, практическими, самостоятельными формами работы учителям предлагаются инновационные формы в виде мастер-классов. Мастер-классы способствуют раскрытию творческих способностей участников, развитию проектной компетентности. Учителя становятся непосредственными участниками проектной деятельности, проходят все этапы технологии создания мини-проекта,

обсуждают возможные проблемы при долговременном проекте. Проблемные ситуации в качестве инструментов по усвоению систематизированных знаний и выработке новых переносят акцент деятельности преподавателя на познавательную активность участников процесса. В результате изменения позиции обучающихся происходит активизация процесса повышения квалификации и формирование проектной компетентности учителя. На данном этапе идёт выявление и обоснование основных педагогических понятий в контексте методологии педагогического проектирования, анализ имеющихся в науке подходов к проектированию. Приходит понимание того, какими умениями должен обладать педагог-проектировщик.

Завершающий этап – *рефлексивный* определяет уровень саморазвития проектной компетентности у педагогов. Это и наличие положительного отношения к формированию собственной проектной компетентности. Новый подход к аттестации педагогических кадров ставит необходимость овладеть умением работать с проектами. Он показывает желание преодолевать затруднения, выбор самостоятельного способа действий при разрешении трудностей. В ходе экспертизы учебно-воспитательной деятельности аттестационной комиссии приходится оценивать компетентность учителя в решении профессиональных задач. Для этого анализируется деятельность учителя, что и как он делает. Информационными источниками могут служить: анализ проектной деятельности, собеседование с учителем, руководителем и другие источники. Наличие высокого уровня развития проектной компетентности необходимо учителю не только для аттестации, но и главное – для успешной педагогической деятельности. Развивается уровень компетентности в области личностных качеств (эмпатийность, социорефлексия). Это и умение оказать помощь учащимся, столкнувшимися с трудностями в решении того или иного вопроса,

способность находить сильные стороны и перспективы развития для каждого. Рефлексивный этап предполагает осознание соответствия уровня своих возможностей и умений уровню, необходимому для реализации выбранного способа действий. Рефлексивный этап позволяет через развитие проектной компетентности конструктивно реагировать на ошибки и трудности, возникающие в процессе реализации проекта.

Рефлексия является одним из движущихся факторов становления творчества учителя. В практике школы, напротив, чаще всего наблюдается нежелание учителя анализировать свою работу, неумение определять сильные и слабые её стороны. Всё это тормозит проектирование педагогической деятельности. К сожалению, в школах не всегда находится возможность использовать такие формы стимулирования педагогического самоанализа учителя, при которых нацеленность на осознанное профессиональное самосовершенствование поощрялось бы и положительно оценивалось. Если целью технологии обучения является формирование компетентности в проектной деятельности, то он обязательно определяет выход личности в рефлексивную позицию, где идёт осознание собственной деятельности. Рефлексия – основная, сущностная составляющая творческой познавательной деятельности. Рефлексивный этап позволяет провести анализ результатов проектной деятельности, оценить уровень развития проектной компетентности по установленным критериям, определить поиск направлений дальнейшего саморазвития и самосовершенствования. Данный этап благодаря наличию рефлексии позволяет субъекту реализовать свою внутреннюю позицию к окружающему миру, осуществить управление деятельностью, достигать цели. Таким образом, реализация технологии развития проектной компетентности учителя осуществляется в совокупности диагностико-адаптивного, теоретического, практического (конструктивного), рефлексивного этапов.

Библиографический список

1. *Зимняя И.А.* Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования. // Высшее образование сегодня, 2003. №5. С.34-42.
2. *Княгиничева И.А.* Развитие умений педагогического проектирования у будущих учителей.: дис... канд. пед. наук. Оренбург, 2001. 188 с.
3. *Корнилова М.В.* Диссертация «Формирование информационной культуры учителя в системе повышения квалификации» Кемерово-2003.
4. *Монахов В.М.* Технологические основы проектирования и конструирования учебного процесса. // Радянська школа, 1978, 1. ЛІ, С.37-42.
5. *Селевко Г.К.* Энциклопедия образовательных технологий: в 2т. Т.1. М.: НИИ школьных технологий, 2006. 816 с. Серия «Энциклопедия образовательных технологий».
6. *Якиманская И.С.* Технология личностно-ориентированного образования. М., 2000

References

1. *Zimnyaya E.A.* Key remits-new paradigm of the educational result// Higher education today, 2003. №5. Pp.34-42.
2. *Knyaginicheva E. A.* The development of future teachers' pedagogical design abilities. Candidate dissertation in Pedagogics, Orenburg, 2001. 188 p.
3. *Kornilova M.V.* The thesis, «Formation of information culture of a teacher in a system of qualification promotion». Radyanskaya shkola, 1978, 1, Pp. 37-42.
4. *Monahov V.M.* Tecnological basis of design and construction of the educational process.
5. *Selevko G.K.* Encyclopedia of educational technologies: in2 volumes. Vol.1. Moscow: SII of school technologies, 2006. 816 p. Series «Encyclopedia of educational technologies».
6. *Yakimanskaya E.S.* Technology of personal-centred education. M., 2000.

УДК 81'24+811.11(072.8)+811.161.1(072.8)

UDC 81'24+811.11(072.8)+811.161.1(072.8)

О.А. КАПЛУН

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Орловский государственный университет
E-mail: sunny21@inbox.ru

O.A. KAPLUN

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Foreign Languages Department, Orel State University
E-mail: sunny21@inbox.ru

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОНЯТИЙ «ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ» И «ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ» И ИХ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКОВ

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF CONCEPTS “LINGUISTIC COMPETENCE” AND “LINGUAL COMPETENCE” AND THEIR STRUCTURAL COMPONENTS IN TEACHING OF RUSSIAN AND FOREIGN LANGUAGES

Статья посвящена анализу трактовок понятий «лингвистическая компетенция» и «языковая компетенция» в методике преподавания русского и иностранных языков. Подчеркивается, что эти компоненты являются основополагающими в структуре коммуникативной компетенции. Приводится структура лингвистической и языковой компетенций.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, лингвистическая компетенция, языковая компетенция, знание, умение, навык.

The article is devoted to the analysis of the interpretations of the concepts “linguistic competence” and “lingual competence” in teaching of Russian and foreign languages. It is emphasized that these are fundamental components in the structure of communicative competence. The structure of linguistic and lingual competences is given in the article.

Keywords: communicative competence, linguistic competence, lingual competence, knowledge, skill, quality.

Основополагающим компонентом в структуре коммуникативной компетенции по праву считается лингвистический (языковой) компонент. Он представляет собой знание языковых средств, включая грамматику, лексику и фонетику и готовность пользоваться ими в устном и письменном общении.

Анализ трактовок понятий «лингвистическая компетенция» / «языковая компетенция» и их сопоставление показывают, что в методике преподавания иностранных языков они выступают чаще всего в качестве синонимов. Для методики преподавания русского языка характерно разграничение этих понятий. Необходимость этого разграничения обусловлена, по мнению Е.А. Быстровой, тем, что овладение языком предполагает, с одной стороны, усвоение единиц языка и правил их построения, а с другой – знания о языке, его системе [Быстрова 1996: 4]. Языковую компетенцию составляют освоение языковой системы, овладение самим языковым материалом [Быстрова 1996: 4].

М.Н. Вятютнев под языковой компетенцией понимает «приобретенное интуитивное знание небольшого количества правил, которые лежат в основе построения глубинных структур языка, преобразуемых в процессе общения в разнообразные высказывания, то есть в поверхностные структуры» [Вятютнев 1975: 58].

А.А. Миролюбов под языковой компетенцией подразумевает умение выражать свои мысли или понимать мысли других людей с помощью языковых средств, то есть умения и навыки пользования лексикой, грам-

матикой и произношением для речевой деятельности [Миролюбов 1999: 18].

А.Н. Шукин определяет языковую компетенцию как способность обучающихся употреблять слова, их формы, синтаксические структуры в соответствии с нормами литературного языка, использовать его синонимические средства для успешной речевой деятельности [Шукин 2007: 12]

Языковую компетенцию можно представить в виде системы правил для передачи значений с помощью единиц языка различных уровней (семантического, фонологического, морфологического и синтаксического). Формирование и развитие языковой компетенции происходит в результате многократного использования при общении составляющих ее компонентов.

Лингвистическая компетенция представляет собой, как отмечает Е.А. Быстрова, осмысление речевого опыта, включает в себя знание основ науки о русском языке, усвоение понятийной базы курса, определенного комплекса понятий (единиц и категорий языка) [Быстрова 1996: 4]. Л.В. Черепанова определяет лингвистическую компетенцию как «совокупность специальных (лингвистических и учебно-языковых) и общепредметных знаний, умений, навыков и способов деятельности, а также ценностных ориентаций и мотивов учебно-познавательной деятельности, сформированную в результате изучения учащимися предметной области «русский язык», обеспечивающую всестороннее развитие школьника и служащую средством форми-

рования лингвистической компетенции» [Черепанова 2006: 125].

Лингвистическая компетенция включает в себя знание основ науки о русском языке, предполагает усвоение комплекса лингвистических понятий, сведений о роли языка в жизни общества, формирование представлений об устройстве языка, о происходящих в нем изменениях, об истории науки о русском языке и его ведущих представителях, а также предусматривает формирование учебно-языковых умений и навыков. К ним относят, прежде всего, опознавательные умения: опознавать звуки, буквы, части слова, морфемы, части речи и т.д., отличать одно явление от другого. Вторая группа умений – классификационные: умения делить языковые явления на группы. Третья группа – аналитические умения: производить фонетический, морфемный, словообразовательный, морфологический, синтаксический, стилистический разбор.

Лингвистическая компетенция обеспечивает познавательную культуру личности обучающегося, развитие логического мышления, памяти, воображения, овладение навыками самоанализа, самооценки, а также формирование лингвистической рефлексии как процесса осознания обучающимся своей речевой деятельности.

Американский лингвист Л.Ф. Бахман представил подробную структуру языковой компетенции, в состав которой входят компетенции: 1) организационная, состоящая из грамматической и текстуальной, и 2) прагматическая, состоящая из иллокутивной и социолингвистической [Bachman 1990: 89].

Организационная компетенция включает способности, связанные с владением формальной структурой языка, которые необходимы для создания или узнавания грамматически правильных предложений, охвата их пропозиционального содержания и упорядоченного соединения в текст, т. е. состоит из грамматической и текстуальной компетенций. Грамматическая компетенция обуславливает выбор слов для выражения конкретных значений, их форму и расположение в высказываниях для выражения пропозиций, а также их материальное воплощение в виде звуков или письменных знаков. Текстуальная компетенция включает знание условностей соединения высказываний в текст. Прагматическая компетенция, в отличие от организационной, связана с отношениями между лицами, использующими язык, и конкретным контекстом общения. Согласно Л. Ф. Бахману, она включает иллокутивную компетенцию, т. е. знание прагматических условий исполнения нужных функций языка, и социолингвистическую, т. е. знание соответствующих социокультурных условий использования этих функций в заданном контексте.

В.В. Сафонова включает в структуру языковой компетенции следующие компоненты:

1. языковые знания о правилах лексико-грамматического оформления фраз и сверхфразового единства в изучаемых видах речевых произведений; произносительных нормах оформления иноязычной музыки; интонационно-синтаксических нормах

построения изучаемых фраз, сверхфразового единства, дискурса; общих и специфических способах выражения универсальных категорий в родном и иностранном языках;

2. языковые навыки распознавания лексически и грамматически приемлемых высказываний на иностранном языке; декодирования языковых понятий и представлений в речевых произведениях на иностранном языке; образно-схематического представления языковой информации о правилах построения и оформления фраз и сверхфразовых единств на иностранном языке; фонетического, лексико-грамматического, интонационно-синтаксического оформления высказываний в соответствии с литературными нормами;

3. языковые способности к лингвистическому наблюдению и обобщению его результатов в виде правил (вербальных и образно-схематических) и языковых алгоритмов [Сафонова 1996: 100].

Языковая (лингвистическая) компетенция предполагает овладение определенной суммой знаний и соответствующих им навыков и умений, связанных с различными аспектами языка: фонетикой, лексикой и грамматикой. То есть в структуре языковой компетенции можно выделить следующие компоненты:

- фонетико-фонологическую (знание и умение воспринимать и порождать звуки и пользоваться интонацией);
- лексическую (знание и умение использовать языковые единицы) и
- грамматическую (знание и умение использовать грамматические ресурсы языка) компетенции. Дадим более расширенные определения данных компонентов языковой компетенции.

Фонетико-фонологическая компетенция включает интериоризированные знания о звуковой системе иностранного языка, релевантные перцептивные и артикуляционные навыки, умение адекватно оперировать ими в соответствии с языковой ситуацией, а также комплекс внутренних инструментально-интеграционных мотивов, убеждений и ценностей.

Лексическая компетенция предполагает знание словарного состава языка, включающего лексические (фразеологизмы, устойчивые сочетания, отдельные слова) и грамматические элементы (принадлежат к закрытым классам слов: артикли, указательные местоимения, личные и притяжательные местоимения, предлоги, вспомогательные глаголы, союзы, частицы) и способность их использования в речи.

Грамматическая компетенция связана со знанием грамматических средств и умением использовать их в речи. Она предполагает способность понимать и выражать определенный смысл, оформляя его по определенным правилам в виде высказываний; знание грамматических правил, которые преобразуют лексические единицы в осмысленные высказывания; знание грамматических единиц и средств выражения грамматических категорий; владение грамматическими понятиями; навыки и умения адекватно использовать грамматические явления в речевой деятельности в

различных ситуациях общения для решения коммуникативных задач. То есть, грамматическая компетенция – это многокомпонентное явление, предполагающее владение определенными грамматическими знаниями, умениями и навыками, наличие способности к языковой деятельности средствами данного языка.

Таким образом, в методике преподавания иностранных языков понятия «лингвистическая компетенция» и

«языковая компетенция» выступают чаще всего в качестве синонимов, а для методики преподавания русского языка характерно их разграничение. На наш взгляд, языковая (лингвистическая) компетенция предполагает овладение определенной суммой знаний о языке и соответствующих им навыков и умений, связанных с различными аспектами языка: фонетикой, лексикой и грамматикой.

Библиографический список

1. *Быстрова Е.А.* Коммуникативная методика в преподавании родного языка // Русский язык в школе. 1996. № 1. С. 3-8.
2. Вопросы контроля обученности учащихся иностранному языку. Под ред. А.А. Миролубова. Обнинск: Титул, 1999. 112 с.
3. *Вятютнев М.Н.* Понятие языковой компетенции в лингвистике и методике преподавания иностранных языков // Иностранные языки в школе. 1975. № 6. С. 55-65.
4. *Сафонова В.В.* Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки, 1996. 238 с.
5. *Черепанова Л.В.* Формирование лингвистической компетенции при обучении русскому языку. Новосибирск: Наука, 2006. 324 с.
6. *Щукин А.Н.* Лингводидактический энциклопедический словарь. М.: Астрель, 2007. 743 с.
7. *Bachman L.F.* Fundamental Considerations in Language Testing. Oxford: Oxford University Press, 1990. 408 p.

References

1. *Bystrova E.A.* Communicative Approach in Teaching of the Native Language // Russian Language at School. 1996. № 1. Pp. 3-8.
  2. The Issues of Control of Training of the Students in a Foreign Language / Ed. by A.A. Mirolubova. Obninsk: Title, 1999. 112 p.
  3. *Vyatyutnev M.S.* The Concept of Linguistic Competence in Linguistics and Teaching of Foreign Languages // Foreign Languages at School. 1975. № 6. Pp. 55-65.
  4. *Safonova V.V.* Learning of Languages of International Communication in the Context of the Dialogue of Cultures and Civilizations. Voronezh: Origins, 1996. 238 p.
  5. *Cherepanova L.V.* The Formation of Linguistic Competence in Teaching of Russian Language. Novosibirsk: Nauka, 2006. 324 p.
  6. *Schukin A.N.* Didactic Encyclopedic Dictionary. Moscow: Astrel, 2007. 25 p.
  7. *Bachman L.F.* Fundamental Considerations in Language Testing. Oxford: Oxford University Press, 1990. 408 p.
-

УДК 378.14:364.62

UDC 378.14:364.62

Е.В. МАРТЫНОВА

преподаватель, кафедра социальной работы и педагогики профессиональной деятельности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орловский филиал)

E-mail: martynova7777@yandex.ru

E.V. MARTYNOVA

Lecturer, Department of Social work and Pedagogy of professional activities, Russian Academy of National Economy and State Administration under the President of the Russian Federation (Orel branch)

E-mail: martynova7777@yandex.ru

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРОЕКТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

THE MODEL OF FORMATION OF SOCIO-DESIGN COMPETENCE OF FUTURE BACHELORS OF SOCIAL SPHERE

В статье излагается материал о процессе современного этапа профессионализации будущего бакалавра социальной работы. В центре внимания автора находятся социально-проектные компетенции как составляющие инновационной деятельности. На основе теоретического и эмпирического анализа обосновывается актуальность процесса формирования социально-проектных компетенций, предлагается и описывается модель их становления у будущих бакалавров социальной сферы.

Ключевые слова: компетентность, модель, профессиональная компетентность, социально-проектные компетенции, социальное проектирование, проектная деятельность, проектное мышление.

The article describes the information on the modern stage of professional formation of a future social work bachelor. The focus of the author's attention is directed at the socio-design competencies as constituents of innovative activity. The applicability of the process of development of social-project competencies is proved on the basis of theoretical and empirical analysis; the model of their formation among future bachelors of social sphere is described in the article as well.

Keywords: competence, model, professional competence, social-project competencies, social project planning, project activities, project thinking.

Современная Россия, как часть глобальной социально-экономической системы, меняется, что отметили участники 18-го Петербургского международного экономического форума. Ведущим фактором ее совершенствования, по мнению исследователей, выступает личность: образованный, творчески одаренный, способный, профессионально компетентный человек XXI века. Ответственность за его подготовку возложена на современное образование, ориентированное на кардинальное реформирование [2, с.22]. Поэтому, рассматривая специфику профессионального развития социальной работы в настоящее время, следует отметить, что «обучение социальной работе не может только пассивно отражать социальное развитие, оно должно вырабатывать умение профессионалов вести активный поиск решения возникающих социальных проблем» [1, с.75]. В связи с этим востребованность формирования профессиональных компетенций будущих бакалавров социальной сферы не вызывает сомнений.

Вслед за рядом исследователей мы считаем важным фактором современной профессионализации работников социальной сферы именно социальное проектирование. Так проектное мышление, по мнению Н.В. Гарашкиной, станет основанием для трансформации системы организации социальной работы, кото-

рую предстоит осуществить будущим кадрам данного рода деятельности [3]. Данную точку зрения разделяет и А.М. Новиков, справедливо утверждающий, что на современном этапе развития общества одним из центральных оказывается идея «проекта» [5]. Проектное мышление и проектная деятельность, отмечают наука и практика, позволят реализовать одно из направлений Стратегии инновационного развития РФ до 2020 года: внедрение новых технологий обучения в целях формирования навыков, необходимых для инновационной деятельности.

Для выявления степени потребности общества и социальных учреждений в формировании у будущих бакалавров социальной сферы социально-проектных компетенций мы использовали метод экспертной оценки. В качестве экспертов в опросе приняли участие 75 руководителей разных уровней социальных учреждений города Орла и Орловской области и Железногорска Курской области.

В процессе исследования мы получили следующие результаты: 92 % респондентов считают, что на современном этапе развития социальной работы необходима перестройка системы профессиональной подготовки сотрудников социальной сферы, которая должна заключаться:

– в проектировании образовательного маршрута с учетом предложений работодателей и самих студентов (79% опрошенных);

– в преобладании удельного веса практических умений над теоретическими знаниями (70%);

– в организации содержательной практики студентов в различных учреждениях социальной сферы (51%);

– во введении в учебные планы специальных дисциплин, ориентированных на формирование проектных компетенций обучающихся (60%).

82 % потенциальных работодателей считают безусловно актуальной подготовку студентов-будущих бакалавров социальной сферы к осуществлению социально-проектной деятельности. Эксперты выражают уверенность в том, что формирование социально-проектных компетенций отразится на профессиональных умениях будущих работников. Деятельность социального учреждения, по мнению 79 % опрошенных, станет более эффективной и результативной с использованием инновационных технологий, в частности проектного мышления; 63 % готовы использовать в своем учреждении «продукты» социально-проектной деятельности студентов-будущих бакалавров социальной сферы; и только 30% способны приступить к обновлению деятельности учреждения на основе введения инновационной (социально-проектной) деятельности, так как их сотрудники (специалисты социальной сферы) частично к этому подготовлены.

Таким образом, метод экспертной оценки подтвердил востребованность бакалавров социальной сферы, обладающих социально-проектными компетенциями, на современном рынке труда. Руководители учреждений, осознавая значимость и актуальность социального проектирования, оценивая готовность и способность своих сотрудников к осуществлению инновационной деятельности на основе проектного мышления, испытывают потребность в кадрах, готовых к исполнению профессиональных обязанностей на достаточно высоком интеллектуальном и креативном уровне, то есть умеющих не только разрешать непростые задачи, но и осознавать проблемы, предлагать новые творческие решения.

Современность специалистов, соответствующих быстро меняющимся потребностям рынка труда и экономики, была подчеркнута и в ходе проведения 18-го Петербургского международного экономического форума 22-23 мая 2014 года. Руководители ведущих учреждений высшего образования страны убеждены в том, что нормой современного университета является необходимость увеличения проектной подготовки студентов, в связи с тем, что новая модель образования XXI века, представляющая собой единство образования, науки и практики, отмечает главной целью подготовку лидера – профессионала, умеющего руководить и создавать команду для проектной деятельности.

Следует учитывать, что для эффективного осуществления проектной деятельности требуется овладеть социально-проектными компетенциями, на необходимость формирования которых указывает и Федеральный государственный образовательный стандарт высшего

профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки 040400.62 «Социальная работа», утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 8 декабря 2009 г. №709.

Мы определяем *социально-проектные компетенции студента-будущего бакалавра социальной сферы как цельное свойство личности, основанное на общекультурных и профессиональных ценностях, отражающее ее способность и готовность применять систему социально-проектных знаний, умений и навыков для решения профессиональных задач в соответствии с видами профессиональной деятельности.*

Процесс формирования социально-проектных компетенций будущих кадров социальной сферы мы представили в виде структурно-содержательной модели, предложенной на рисунке 1.

Методологической основой данной модели выступают аксиологический, системный, деятельностный, личностно-ориентированный, практико-ориентированный и компетентностный подходы; теории контекстного и проблемного обучения, поэтапного формирования умственных действий; концепции модульного, программированного обучения, ассоциативно-рефлекторная концепция.

Общекультурные и профессиональные ценности бакалавров дает возможность выявить *аксиологический подход*. Активное овладение студентами новыми знаниями и умениями обеспечивается благодаря *деятельностному подходу*. На развитие личной индивидуальности студента указывает *личностно-ориентированный подход*. Взаимосвязь практической направленности предстоящей профессиональной деятельности с теоретическими знаниями организуют *теория контекстного обучения и практико-ориентированный подход*.

Дать сущностную характеристику социально-проектной компетенции, определить содержание ее компонентов позволяют *теории поэтапного формирования умственных действий и проблемного обучения, концепции модульного и программированного обучения, ассоциативно-рефлекторная концепция и компетентностный подход*.

Системный подход позволяет рассматривать процесс формирования социально-проектных компетенций как целостную систему с многообразными внутренними связями и отношениями, в результате чего достигается взаимодействие модулей представленной модели.

Процесс формирования социально-проектных компетенций осуществляется в соответствии с дидактическими принципами социальной обусловленности и научности; практической направленности; целенаправленности, системности и последовательности; обучения на высоком уровне трудности; сознательности, активности и самостоятельности.

Разработанная структурно-содержательная модель процесса формирования социально-проектных компетенций бакалавров социальной сферы – это совокупность взаимосвязанных модулей, направленных на достижение общего конечного результата – подготовку бакалавра социальной сферы, овладевшего социально-проектными компетенциями.

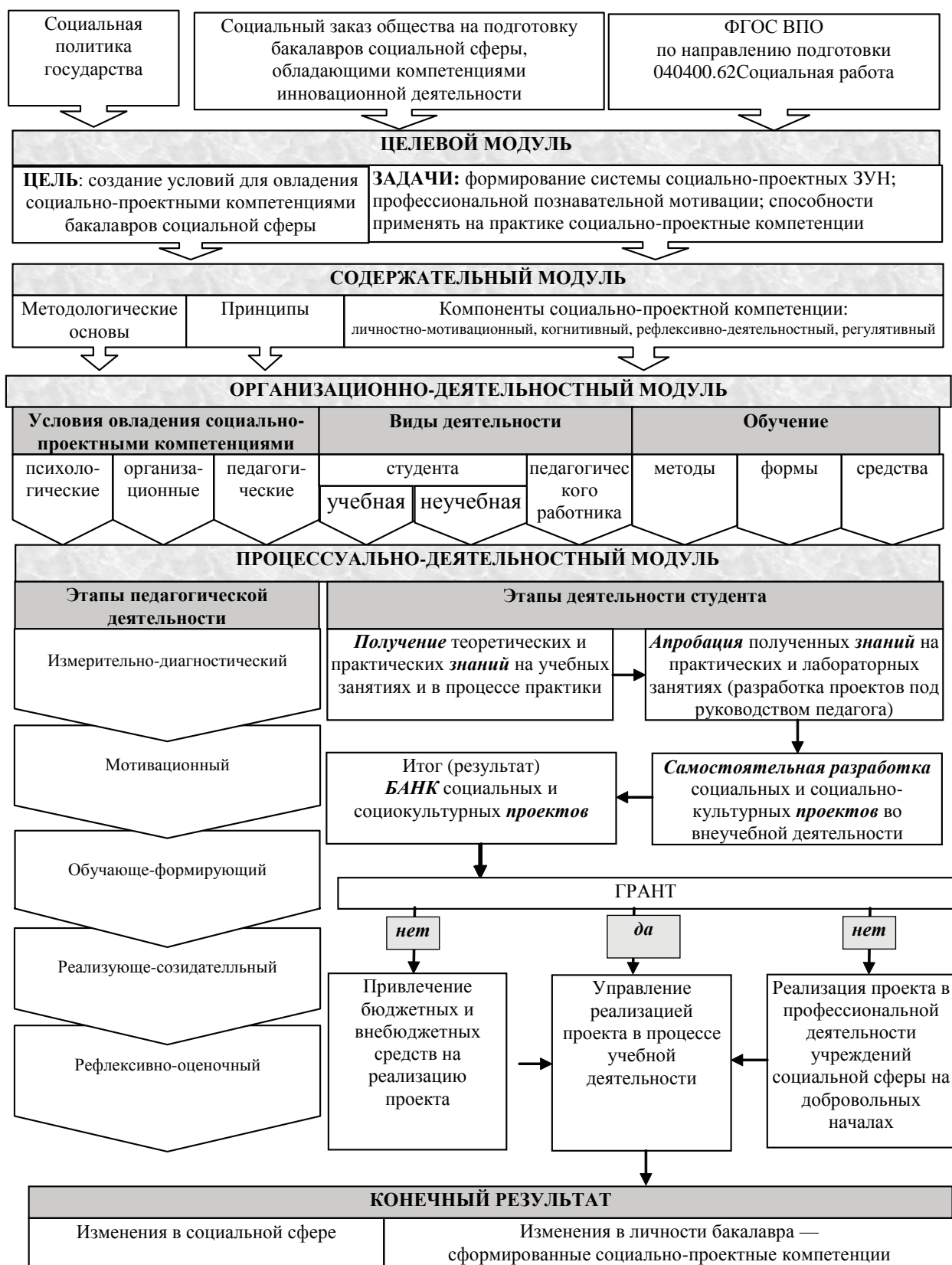

Рис. 1. Структурно-содержательная модель процесса формирования социально-проектных компетенций бакалавров социальной сферы.

В модели вычленим целевой, содержательный, организационно-деятельностный и процессуально-деятельностный модули.

Содержание *целевого модуля* обусловлено социальной политикой современной России, социальным заказом общества на подготовку бакалавров социальной сферы, обладающими компетенциями инновационной деятельности, отраженных в ФГОС ВПО по направлению подготовки 040400.62 Социальная работа.

Таким образом, *целью* подготовки студентов, обладающих компетенциями инновационной деятельности, является создание условий для овладения социально-проектными компетенциями будущих бакалавров социальной сферы. Цель уточняется через *задачи*:

- формирование системы социально-проектных знаний, умений и навыков, необходимых для осуществления эффективной социально-проектной деятельности в профессиональной сфере;
- формирование устойчивой положительной личной и профессиональной познавательной мотивации с целью овладения социально-проектными компетенциями;
- формирование способности и готовности применять на практике социально-проектные компетенции для успешного решения профессиональных задач.

Второй модуль модели раскрывает содержание процесса формирования социально-проектных компетенций, что позволяет проследить путь от цели и поставленных задач к достижению конечного результата через осуществление целостного этапа обучения и комплексного сопровождения студентов в этом процессе. Содержательный модуль описывает методологические основы и принципы интересующего нас процесса, раскрывает компоненты формируемых компетенций.

Следующий модуль модели – *организационно-деятельностный*, определяющий деятельность педагогического работника и студентов по организации процесса формирования интересующих нас компетенций, описывающий условия овладения ими, формы, методы и средства, предлагаемые нами использовать для успешного хода социально-проектной подготовки.

Виды деятельности студентов исследователи называют общим путем овладения профессией, «средствами лучшего освоения будущей профессиональной деятельностью, формирования необходимых для этого качеств и опыта» [4, с. 157]. Опираясь на труды педагогов высшей школы о деятельности студентов в процессе подготовки в вузе, среди учебной деятельности формирования социально-проектных компетенций будущих бакалавров социальной сферы мы выделяем учебно-профессиональную, научно-исследовательскую и практическую (деятельность в период практики).

Внеучебная деятельность студентов направлена на создание банка данных о готовых к реализации проектов через активную самостоятельную разработку социальных и социально-культурных проектов. Итогом работы станет управление реализацией проекта в процессе учебной деятельности.

Среди видов деятельности педагогического ра-

ботника, способствующих успешной реализации разработанной модели, мы выделяем как традиционные (диагностические, квалиметрические, организаторские, информационные, методические, аналитические), так и новые (нетрадиционные), приобретающие особую значимость вследствие изменения роли и функций педагогического работника в современном вузе. Например, педагогическое сопровождение – следование рядом со студентом, осуществляемое через модераторство, тьютерство, академическое консультирование, фасилитаторство, менторство.

Следует подчеркнуть, что все названные виды деятельности как студента, так и педагогического работника взаимосвязаны и направлены на достижение одного конечного результата – подготовку бакалавра социальной сферы, овладевшего социально-проектными компетенциями.

Методическое обеспечение оказывает существенное влияние на эффективность обучения, что учитывалось нами при разработке модели. «Правильно выбранные методы, формы и средства способны плодотворно влиять на этот процесс, ошибки или невнимательность преподавателя к данному вопросу снижают эффективность обучения, профессиональной подготовки студентов» [6, с.51]. Продуктивность процесса формирования социально-проектных компетенций будет значительно выше с использованием активных методов обучения (проблемных, диалоговых, поисковых), методов проектов и кейс-стади, деловых игр. Необходимыми средствами обучения мы считаем спецкурс «Основы социально-проектной деятельности», который оснащен рабочей программой и учебно-методическим комплексом; учебно-методическими материалами и рекомендациями; практикумом, учебно-методическим пособием. Среди форм обучения мы предлагаем использовать как традиционные (лекции, семинары, практические и лабораторные занятия), так и интерактивные (тренинг, коучинг, модерация, консультирование в формате дискуссии).

Целесообразность и важность организационно-деятельностного модуля разработанной модели определены тем, что все описанные его компоненты представляют большой потенциал для осуществления и грамотного сопровождения педагогического процесса, опираясь на согласованные действия педагогического работника и студентов, направленные на достижение и реализацию цели и задач процесса формирования социально-проектных компетенций.

Последним модулем модели выступает процессуально-деятельностный, который отражает продуктивность и эффективность интересующего нас процесса через раскрытие этапов и сущности деятельности педагогического работника и студентов.

Деятельность педагогического работника осуществляется в несколько последовательно и логично выстроенных этапов: измерительно-диагностический, мотивационный, обучающе-формирующий, реализующе-созидательный, рефлексивно-оценочный.

Оценка результатов процесса формирования

социально-проектных компетенций бакалавров социальной сферы осуществляется педагогическим работником на рефлексивно-оценочном этапе. На этом этапе определяется уровень владения социально-проектными компетенциями в соответствии с критериями и показателями их сформированности, что наглядно представлено нами в таблице 1.

Таким образом, разработанная структурно-содержательная модель является наглядным описа-

нием процесса формирования социально-проектных компетенций бакалавров социальной сферы. Модули предложенной модели содержательно индивидуальны и методически своеобразны, однако каждый из них сосредоточен на успешном и эффективном достижении как отдельного компонента одной цели — создание условий для овладения социально-проектными компетенциями бакалавров социальной сферы, так и единого конечного результата.

Таблица 1.

Оценка результатов процесса формирования социально-проектных компетенций бакалавров социальной сферы

Критерии		
Участие в социально-проектной деятельности	Разработка социальных (социально-культурных) проектов	Реализация проекта
Показатели		
– обеспечение социальной культуры своего участия в социально-проектной деятельности (ПК-30); – участие в пилотных проектах по созданию инновационных площадок учреждений социальной сферы (ПК-33)	– разработка инновационных социальных проектов в рамках социальной политики государства (ПК-32); – создание социальных проектов для привлечения дополнительных финансовых средств (ПК-34); – подготовка социальных проектов для работы в трудных жизненных ситуациях (ПК-35)	– написание научных статей; – участие в конкурсах и грантах; – управление реализацией проекта
Уровни		
Низкий	Средний	Высокий
простые воспроизводящие действия	созидательное и творческое действие студента	управление реализацией проекта в учебной деятельности

Библиографический список

1. Бочарова В.В. Профессиональное становление специалистов социальной сферы: уроки международного опыта. // Социальная педагогика в России 2008. № 3. С. 67-75.
2. Бочарова В. Образование как открытая социально-педагогическая система. // Социальная педагогика в России 2011. № 2. С. 22 – 27.
3. Гарашкина Н.В. Социальное проектирование как фактор профессионализации будущих социальных работников. Социальная работа 2010. №3. С. 31-34.
4. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психология высшей школы. Мн.: Изд-во БГУ, 1981. С.157.
5. Новиков А.М. Методология учебной деятельности. М.: Издательство «Эгвес», 2005. 176 с.
6. Пионова Р.С. Педагогика высшей школы. Мн.: Университетское, 2002. 256 с.

References

1. Bocharova V.V. Professional formation of specialists in social services: the lessons of international experience. // Social Pedagogy in Russia 2008. No 3. Pp. 67-75.
2. Bocharova V. Education as an open socio-pedagogical system. Socio- pedagogy in Russia 2011. No 2. Pp. 22 – 27.
3. Garashkina N.V. Social project planning as a factor of professional development of future social workers. Social work 2010. No 3. Pp. 31-34.
4. Dyachenko M.I., Kandybovich L. A. Psychology of higher school. Mn.: Publishing house BGU, 1981. Pp.157.
5. Novikov A.M. Methodology of learning activity. M.: Publishing house «Egves», 2005. 176 p.
6. Pionova R.S. Pedagogy of high school. Mn.: Universitetskoe, 2002. 256 p.

УДК 371 (14.07.01)

UDC 371 (14.07.01)

Т.Е. МЕЛЬНИК

кандидат экономических наук, доцент, кафедра алгебры и математических методов в экономике, Орловский государственный университет
E-mail: sych01@mail.ru

T.E. MEL'NIK

Candidate of economic sciences, Associate Professor, Algebra and Mathematical methods in Economics, Orel State University
E-mail: sych01@mail.ru

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

THE ROLE OF EDUCATION IN THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE SOCIETY

В статье рассматриваются разнообразные позиции на роль образования для достижения устойчивого развития общества. На основе анализа и обобщения данных, содержащихся в исследованиях, прослежена история становления образования в интересах устойчивого развития и отношение ученых и мирового сообщества к образованию как ключевому фактору перехода на новую модель развития цивилизации.

Ключевые слова: устойчивое развитие, общество, цивилизация, образование для устойчивого развития.

This article discusses a variety of positions on the role of education for sustainable development of the society. Based on the analysis and synthesis of data contained in the studies the history of the formation of Education for Sustainable Development and the attitude of researchers and the international community to education as a key factor in the transition to a new model of civilization traced.

Keywords: sustainable development, society, civilization, education for sustainable development.

Идея устойчивого развития уже более двух десятилетий занимает центральное положение в мировом политическом дискурсе и практике. Небезосновательно Н.С. Касимов утверждает, что «никакая другая научная идея ни в естественных, ни в социальных дисциплинах не имела ранее столь широкого общественного резонанса» [1]. Несмотря на это, анализ основных вех в становлении концепции устойчивого развития выявил ряд негативных моментов ее реализации. Во-первых, недостаточный темп решения проблем перехода на путь устойчивого развития, обусловленный низкой активностью правительственных структур. С момента разработки рекомендаций, обеспечивающих выживание цивилизации, до настоящего момента прошло уже чуть более двадцать лет. Но основные показатели, характеризующие движение к мировой катастрофе, по-прежнему имеют динамику в направлении ухудшения. Ситуация не только не развернулась в нужном направлении, но и обострилась под влиянием глобализационных факторов и всемирного финансового кризиса. Безусловно, не во всех странах ситуация столь критична, и ряд государств ведут конструктивную политику по претворению в жизнь взятых на себя обязательств. В то же время большинство развивающихся и некоторые развитые страны встречаются с рядом барьеров в ходе попыток решения этих проблем. Те действия, которые предпринимаются на настоящий момент времени, слишком немногочисленны и незначительны для существенного изменения сложившейся ситуации.

Во-вторых, очень низкая степень информированности всех слоев населения служит сдерживающим

фактором в осознании каждым человеком его роли в достижении устойчивости; не позволяет использовать знания и потенциал населения для поиска эффективных путей преодоления глобального кризиса современности; не позволяет осознавать ответственность принимаемых жителями Земли решений как в повседневной, так и в профессиональной деятельности.

Скромность достигнутых результатов в движении к устойчивому развитию большинство ученых объясняют отсутствием серьезного внимания к одному из важнейших механизмов становления устойчивого будущего – образованию. Значимость образования как эффективного фактора реализации концепции устойчивого развития была подчеркнута с момента официального признания данной концепции. Проблемы образования связаны практически со всеми областями деятельности в рамках такого международного программного плана действий, принятого представителями 179 государств, как «Повестка дня на 21 век» и отражены в виде конкретных рекомендаций по каждому секторальному вопросу. Охватывая широкий круг проблем, связанных с переходом общества к устойчивому развитию, общецивилизационная стратегия в качестве средств осуществления в главе 36 подчеркивает, что «просвещение, включая формальное образование, повышение информированности населения и профессиональную подготовку, следует признать в качестве процесса, с помощью которого человек и общество могут в полной мере раскрыть свой потенциал. Просвещение имеет решающее значение для содействия устойчивому развитию и расширения возможностей стран в решении вопросов окружающей

среды и развития... просвещение по вопросам окружающей среды и развития должно касаться вопросов динамики физической/биологической и социально-экономической среды и развития (включая, возможно, духовное) человека, быть неотъемлемым элементом всех дисциплин и использовать все формальные и неформальные методы и эффективные средства коммуникации» [2].

И действительно, единственным инструментом, способным так изменить поведение людей, чтобы они могли оценивать свои действия и принимать решения с учетом требований устойчивого развития, является образование и просвещение во всех его формах и проявлениях. Оно должно быть направлено на формирование навыков и моделей поведения, на изменение ценностных и этических установок общества в направлении более рациональной деятельности в вопросах окружающей среды, экономического и социального развития.

Теоретики Римского клуба также видели путь выхода из глобального кризиса в изменении современного образа мышления и поведения людей с помощью образования. В докладе Римскому клубу «Цели человечества» Э. Ласло полагает, что развитие соответствующих психологических качеств людей может привести к коренной перестройке материальных условий существования цивилизации.

В выступлении Дж. Боткина «Нет пределов обучению» мы видим, что основной акцент ставится на анализ тем, характеризующих преобразование системы обучения. Авторы считают, что существующая система народного образования, если говорить о глобальных масштабах, стала анахроничной, неспособной содействовать решению труднейших задач, вставших перед человечеством. Они рекомендуют коренным образом реформировать систему народного образования, ориентируя ее на актуальные современные проблемы человечества, на понимание общеглобального характера этих проблем и вместе с тем серьезно совершенствуя процесс обучения путем внедрения новых, более прогрессивных методов [3].

Сходные позиции относительно необходимости качественного изменения стиля и образа мышления отстаивает бывший президент Римского клуба А. Печчеи в трудах «Сто страниц для будущего» и «Человеческие качества». Он был твердо убежден, что возможность недопущения глобальной катастрофы напрямую зависит от человеческого потенциала.

Ученые Римского клуба полагали, что образование не должно сводиться к приобретению и применению определённых знаний и навыков, обеспечивающих лишь пассивную адаптацию человека к изменениям окружающей среды. Системы обучения должны динамично перестраиваться в соответствии с проблемами и трудностями в развитии человечества, позволяя тем самым приступить к их активному решению.

В 1997 году прошла конференция ЮНЕСКО «Образование для устойчивого будущего» (Салоники, Греция), на которой в очередной раз уточнилось понятие и содержание образования в интересах устойчивого

развития, заключающееся в изучении взаимодействия экологических процессов, рыночных факторов и культурных ценностей. По результатам проведения конференции был подготовлен документ, объединивший справочные материалы специалистов широкого спектра. Несмотря на охват достаточно широкого диапазона вопросов в рамках образования в интересах устойчивого развития, предложенный документ не дает конкретных рекомендаций, а выступает в качестве отправной точки для дальнейшего обсуждения ключевых идей. Принимая во внимание опыт экологического образования и интегрируя в него социальные и экологические компоненты, необходимо было проводить дальнейшие исследования и дорабатывать концепцию образования для устойчивого развития.

В апреле 2000 г. в городе Дакар прошел Всемирный форум «Образование для всех». В результате были сформулированы Дакарские рамки действий, в которых подчеркнуто, что «образование, будучи одним из основных прав человека, является ключом к устойчивому развитию, миру и стабильности внутри стран и в отношениях между ними и в силу этого служит необходимым средством для эффективного участия в жизни обществ и в экономике XXI века, которые затронуты ускоренной глобализацией» [4].

Важнейшим мероприятием для развития образования в интересах устойчивого развития выступила пятая конференция министров «Окружающая среда для Европы», которая прошла в 2003 году в городе Киеве. В первой части итогового документа «Заявление министров окружающей среды стран ЕЭК ООН о просвещении в интересах устойчивого развития» подчеркивается роль просвещения в обеспечении устойчивого будущего. «Просвещение, профессиональная подготовка и исследовательская работа признаны важными горизонтальными инструментами для достижения устойчивого развития и интеграции аспектов устойчивости во все сферы» [5].

Хотя «Повестка дня на 21 век», наряду с рядом других документов, определяющих сохранение биосферы, была подписана большинством стран Земли, как уже было отмечено ранее, серьезных сдвигов в следующем десятилетии в осуществлении стратегии устойчивого развития не произошло. Осознавая скромность достигнутых результатов, главы правительств государств на Всемирном саммите по устойчивому развитию в Йоханнесбурге в 2002 году предложили рассматривать образование в интересах устойчивого развития в качестве основного средства достижения поставленных целей. «Для продвижения по пути устойчивого развития абсолютно необходимо образование... нужно интегрировать вопросы устойчивого развития в системы образования на всех его уровнях, с тем, чтобы оказывать содействие образованию как ключевому фактору перемен [6]» выделено в докладе.

В июне 2002 года Правительство Японии во время 4-го Подготовительного комитета к Всемирному Саммиту по устойчивому развитию впервые предложило идею о необходимости проведения Десятилетия

ООН по образованию в интересах устойчивого развития (ДОУР). В сентябре этого же года на вышеуказанном Саммите предложение было поддержано и уже в декабре на 57 сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята Резолюция о проведении ДОУР (57/254) с 1 января 2005 по 31 декабря 2014 г. На Саммите было также отмечено, что целый ряд мировых экологических проблем берет свое начало на европейском континенте, поэтому и решать эти проблемы должны совместными усилиями страны Европейского общества – члены Европейской Экономической Комиссии ООН (ЕЭК ООН).

Официальное открытие Десятилетия образования в интересах устойчивого развития состоялось на Совещании высокого уровня министров охраны окружающей среды в Вильнюсе в марте 2005 года, где был принят значимый для становления образования в интересах устойчивого развития документ – «Стратегия ЕЭК ООН для образования в интересах устойчивого развития».

В очередной раз актуальность образования для устойчивого развития общества была подчеркнута на конференции РИО+20. В итоговом документе «Будущее, которое мы хотим» отмечена «необходимость поддержки учебных заведений, особенно высших учебных заведений в развивающихся странах, с тем, чтобы они проводили исследования и инновационные изыскания по проблематике устойчивого развития, в том числе в области образования, и разрабатывали качественные и инновационные программы, в том числе в сфере предпринимательства и бизнеса, профессионально-технического обучения и непрерывного образования, для восполнения нехватки специалистов, необходимых для решения национальных задач в области устойчивого развития» [7].

Названные мероприятия и документы – это далеко не полный перечень действий, направленных на активацию деятельности в области образования в интересах устойчивого развития во всем мире. Только в рамках работы ЮНЕСКО создано более 100 документов и проведено 34 совещания по вопросам реализации образования в интересах устойчивого развития в регионе ЕЭК. Столь серьезное признание роли образования во всех его формах в качестве важнейшего механизма обеспечения прогресса в целях устойчивого развития на высшем международном уровне не случайно. Осуществление глобальных перемен ложится на социальные институты, организацией функционирования которых занимаются люди со сложившимся антропоцентрическим мышлением, в центре которого стоят интересы человека, а не биосферы. Невозможно управлять процессом перехода к устойчивому развитию, обладая и используя знания и навыки, которые и привели к краю гибели человечества. В первую очередь необходима трансформация мышления на биосферное у значительного количества жителей земли, которые в дальнейшем и будут приводить механизмы перестройки на устойчивое развитие в действие. На становление биосферного мышления и направлено образование в

интересах устойчивого развития [8]. Такое образование воспринимается «как основной механизм изменения знаний, ценностей, поведения и образа жизни, что необходимо для обеспечения устойчивости» [9]. Как подчеркивает генеральный директор ЮНЕСКО Коитиро Мацуура, «Образование во всех его формах и на всех уровнях – не только самоцель, но и один из мощнейших инструментов, имеющихся в нашем распоряжении, чтобы проводить изменения, необходимые для достижения устойчивого развития». Образование в интересах устойчивого развития – это не просто один из вариантов выбора, а задача первостепенной важности [10].

Однако распространение базового образования в его нынешнем виде не поможет сделать общество более устойчивым. Парадокс заключается в том, что именно страны с высоким уровнем образования наносят наибольший ущерб окружающей среде, потребляя огромные объемы ресурсов и энергии, чтобы поддерживать привычный образ жизни. Нельзя создать более устойчивое будущее, лишь увеличив расходы на образование; скорее, речь идет о смене содержания образования. Большое значение для настоящего и будущего общества имеют переоценка, переосмысление и пересмотр образования – от дошкольного до университетского, – с тем чтобы в итоге оно охватывало как можно больше принципов, знаний, навыков, убеждений и ценностей, связанных с обеспечением устойчивости во всех трех сферах: экология, общество и экономика. Такой процесс должен носить глобальный междисциплинарный характер, и в нем должна участвовать широкая общественность. Образование в интересах устойчивого развития призвано научить людей из разных слоев общества предвидеть, преодолевать и решать проблемы, угрожающие устойчивому развитию нашей планеты [11].

Образование для устойчивого развития – это динамическая концепция, включающая в себя все аспекты информированности общества, образования и подготовки в целях обеспечения или расширения понимания взаимосвязи между вопросами устойчивого развития и развитием знаний, навыков, перспектив и ценностей, которые дадут возможность людям любого возраста принять на себя обязательства по созданию устойчивого будущего и обладанию им.

То есть целью образования для устойчивого развития является пропаганда, установление связи и создание сети в целях оказания помощи всем педагогам по включению целей и задач устойчивого развития в их собственные программы. Развитие мышления, ориентированного на будущее, – ключевая задача образования.

Международное сообщество твердо верит, что с помощью образования есть возможность сформировать нормы поведения, устои и образ жизни, необходимые для обеспечения устойчивого будущего. Образование для устойчивого развития требует переориентировать систему образования, его политику и практику с тем, чтобы наделить способностью каждого человека принимать решения и соответствующие меры для устранения проблем, которые представляют угрозу для нашего будущего. Таким образом, люди всех возрастов

могут развивать и оценивать альтернативные взгляды об устойчивом будущем и претворять их в жизнь через созидательную работу и сотрудничество.

Вышеприведенный анализ документов, встреч, конференций и научной литературы показал, что на международном уровне задачи образования в интересах устойчивого развития вызвали широкий дискуссионный резонанс на самом высоком уровне. Актуальность перехода к новой системе образования, нацеленного на устойчивое развитие общества, не вызывает сомнения. И действительно, в современном глобализованном, быстро меняющемся мире для результативного функционирования во всех сферах человеческой деятельности с учетом экономических, экологических, социальных и культурных аспектов в едином русле необходимы новые кадры. Это специалисты, обладающие такими качествами, как критическое и междисциплинарное мышление, способность к самостоятельному принятию обдуманных и ответственных решений, анализ ценностей и норм этики в едином понимании всех элементов, формирующих устойчивое развитие общества. Причем данными чертами должны обладать не только руководители и служащие высшего звена. Только тогда, когда

в умах всех людей на земле (или, по крайней мере, большей ее части) будет ясное представление, что именно от их профессиональной и повседневной деятельности зависит будущее нашей планеты, тогда мы сможем говорить об устойчивом, неразрушающем развитии человечества. Именно такое образование, соответствующее всем перечисленным требованиям, принято называть образованием для устойчивого развития общества [12].

Образование выступает центральным элементом в усилиях по разработке и продвижению устойчивых решений для потребностей в области развития как народов, так и всей планеты. Образование позволяет людям понять характер и масштаб проблем в области устойчивого развития; оно дает возможность сформировать критический, нестандартный и творческий подход, необходимый для поиска новых, более эффективных решений общемировых проблем; оно позволяет людям понять суть тех мощных факторов, которые определяют неустойчивый образ жизни; и оно может помочь людям выработать уверенность в себе, организационные навыки и оптимизм, который позволит им действовать по отдельности и коллективно во благо интересов устойчивого будущего.

Библиографический список

1. Касимов Н.С., Тикунова В.С. Образование для устойчивого развития. Смоленск.:Маджента, 2003. 160 с.
2. Повестка дня на 21 век: Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро. Нью-Йорк: ООН, 1992 [официальный сайт ООН]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 29.12.2013).
3. Бестужев-Лада И.В., Наместникова Г.А. Социальное прогнозирование. Курс лекций. М.: Педагогическое общество России, 2002. 392 с.
4. Дакарские рамки действий. Образование для всех: выполнение наших общих обязательств. Дакар, 2000. ED-2000/conf/211/1 [официальный сайт ЮНЕСКО]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001202/120240R.pdf> (дата обращения: 29.12.2013).
5. Окружающая среда для Европы. Пятая конференция министров. Киев, 2003 [официальный сайт ООН]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G03/305/77/PDF/G0330577.pdf> (дата обращения: 29.12.2013).
6. Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию. Йоханнесбург, 2002 [официальный сайт ООН]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml (дата обращения: 29.12.2013).
7. Будущее, которого мы хотим. Проект резолюции, представленный Председателем Генеральной Ассамблеи. 2012. A/66/L.56 [официальный сайт ООН]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/N12/436/90/PDF/N1243690.pdf> (дата обращения: 29.12.2013).
8. Мельник Т.Е. Интеграция высших учебных заведений для образования в интересах устойчивого развития //Alma mater (Вестник высшей школы). 2013. № 9. С. 80-84.
9. Просвещение и информирование населения в интересах устойчивого развития. Доклад Генерального секретаря ООН. 2001. E/CN.17/2001/PC/7 [официальный сайт ООН]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/292/60/PDF/N0129260.pdf> (дата обращения: 29.12.2013).
10. Десятилетие образования в интересах устойчивого развития Организации Объединенных Наций. ED-2007/WS/17 [официальный сайт ЮНЕСКО]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001416/141629r.pdf> (дата обращения: 29.12.2013).
11. Проект Международного плана мероприятий в рамках Десятилетия образования в интересах устойчивого развития Организации Объединенных Наций (2005-2014 гг.). 2005. 172 EX/11 [официальный сайт ЮНЕСКО]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001403/140372r.pdf> (дата обращения: 29.12.2013).
12. Мельник Т.Е. Оценка реализации стратегии ЕЭК ООН в области образования в интересах устойчивого развития в мире. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). Краснодар: КубГАУ, 2012. №10(84). URL: <http://ej.kubagro.ru/2012/10/pdf/46.pdf>

References

1. Kasimov N.S., Tikunova V.S. Education for sustainable development. Smolensk.:Madzhenta. 2003. 160 p.
2. Report of the United Nations Conference on Environment and Development: United Nations Resolutions Adopted by the Conference in Rio de Janeiro. New York: United Nations, 1992, [Official site United Nations]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (accessed 29 December 2013) (in Russian).
3. Bestuzhev-lada I.V., Namestnikova G.A. Social forecasting. Course of lectures. Moscow.: Pedagogical society of Russia Publ, 2002. 392 p.

4. The Dakar Framework for Action. Education For All: Meeting our Collective Commitments. Dakar, 2000, ED-2000/conf/211/1 [Official site UNESCO]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001202/120240R.pdf> (accessed 29 December 2013) (in Russian).
  5. Environment for Europe. Fifth ministerial conference. KIEV, 2003 [Official site United Nations]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G03/305/77/PDF/G0330577.pdf> (accessed 29 December 2013) (in Russian).
  6. Johannesburg Declaration on Sustainable Development. Johannesburg, 2002, [Official site United Nations]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml (accessed 29 December 2013) (in Russian).
  7. The future we want. Draft resolution submitted by the President of the General Assembly, 2012, A/66/L.56 [Official site United Nations]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/N12/436/90/PDF/N1243690.pdf> (accessed 29 December 2013) (in Russian).
  8. *Mel'nik T. E.* Integration of higher educational establishments of education for sustainable development //Alma mater (journal of higher education). 2013, vol. 9.Pp. 80-84 (in Russian).
  9. Education and public awareness for sustainable development. Report of the Secretary-General United Nations, 2001, E/CN.17/2001/PC/7 [Official site United Nations]. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N01/292/60/PDF/N0129260.pdf> (accessed 29 December 2013) (in Russian).
  10. UN Decade of Education for Sustainable Development 2005 - 2014. ED-2007/WS/17 [Official site UNESCO]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001416/141629r.pdf> (accessed 29 December 2013) (in Russian).
  11. Draft International implementation scheme for the United Nations Decade of Education for Sustainable Development (2005-2014), 2005, 172 EX/11 [Official site UNESCO]. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001403/140372r.pdf> (accessed 29 December 2013) (in Russian).
  12. *Mel'nik T.E.* Evaluation implementation of the UNECE strategy for education for sustainable development in the world / T.E. Mel'nik // Polythematic online scientific journal of Kuban state agrarian university (Scientific Journal of KubSAU). Krasnodar: KubSAU Publ, 2012. vol.10(84). URL: <http://ej.kubagro.ru/2012/10/pdf/46.pdf> (in Russian).
-
-

УДК 364

UDC 364

А.М. МИТЯЕВА

доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой социального управления и конфликтологии, Орловский государственный университет
E-mail:konflikt_@mail.ru

A.M. MITIAEVA

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Social Management and Conflict, Orel State University
E-mail:konflikt_@mail.ru

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОЙ РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ В ВУЗЕ

THE SUBSTANTIAL ASPECTS OF INDIVIDUALIZED WORK WITH STUDENTS AT THE UNIVERSITY

В статье рассматриваются актуальные направления индивидуального подхода в работе со студентами бакалавриата и магистратуры. Особое внимание уделяется вопросам построения индивидуализированной программы воспитания, методам и формам ее реализации.

Ключевые слова: индивидуальный подход, индивидуализированная программа воспитания, личностные качества, профессиональная компетентность.

This article discusses the current trends in the individual approach in working with undergraduate and graduate students. Particular attention is paid to the construction of individualized education programs, methods and forms of its realization.

Keywords: personalized, individualized education program, personal qualities, professional competence.

В образовательной деятельности студентов бакалавриата и магистратуры важно выявить индивидуальные способности обучающегося и в соответствии с ними предъявлять конкретные требования по овладению учебным материалом, подбирать соответствующие методы, приемы и средства обучения. Это предупредит возникновение напряженности в состоянии обучающегося из-за осознания невозможности достичь решения поставленных задач, положительно отразится на формировании его личности.

Поскольку профессиональная деятельность – один из главных факторов воспитания, то и управление ее овладением непосредственно влияет на формирование тех или иных качеств личности. Следовательно, учет индивидуальных особенностей личности при определении требований к качеству выполнения профессиональной деятельности позволит гармонизировать становление и развитие личностных качеств, способствовать формированию профессиональной компетентности выпускника бакалавриата и магистратуры.

Индивидуально-воспитательная работа является своеобразным продуктом применения принципа индивидуального подхода в воспитательной работе. Представляя собой, прежде всего, организационную сторону и включая конкретные формы воспитания (индивидуальная беседа, индивидуальное поручение, индивидуальное требование и др.), она, наряду с фронтальным и дифференцированным воспитанием, выступает одним из структурных элементов образовательного процесса в целом.

Под индивидуализацией воспитания понимают процесс реализации принципа индивидуального подхода в педагогической практике, включающего в себя

совокупность методов изучения и воспитания обучающегося, а также последовательность их применения. Иными словами, индивидуализация воспитания отражает, прежде всего, организационно-методическую сторону воспитательной работы.

При этом следует подчеркнуть, что индивидуализация воспитательной работы предусматривает учет индивидуальных особенностей личности бакалавра и магистра при оказании на нее любого педагогического воздействия воспитательного характера. В результате воспитательная работа приобретает новое качество – индивидуализированное воспитание. Его суть заключается в обязательном учете педагогом в проводимой воспитательной работе не только индивидуальных особенностей студента, но и других факторов, формирующих его личность.

Наиболее целесообразной в работе педагога при индивидуализации его воспитательного воздействия на студентов бакалавриата и магистратуры является опора на следующие структурные элементы: всестороннее изучение индивидуальных особенностей обучающихся и содержание объективных факторов, влияющих на формирование их личности; построение индивидуализированной программы воспитания в процессе обучения; реализация положений индивидуализированной программы воспитания в процессе обучения; анализ результатов воспитательного воздействия на студента и внесение корректив в индивидуализированную программу воспитания в ходе обучения.

Остановимся на более подробном анализе содержания каждого из предложенных элементов индивидуализации воспитания в многоуровневом образовании вуза. Начальным этапом индивидуализации воспитания

в ходе образовательного процесса бакалавров и магистров является всестороннее изучение индивидуальных особенностей обучающихся и содержания объективных факторов, влияющих на формирование у них тех или иных свойств личности. Здесь, прежде всего, следует обратить внимание на уровень развития способностей студентов, отражающих соответствие их психологических и физиологических особенностей требованиям образовательной деятельности, от качества выполнения которой во многом зависит направление дальнейшего развития личности.

Следующим элементом, подлежащим обязательному изучению, является направленность личности студента, включающая в себя мотивы, цели и установки деятельности, ценностные ориентации и другие специализированные качества личности, определяющие общую ее устремленность на решение конкретной жизненной задачи.

Следует заметить, что специфика отдельных качеств личности предполагает применение строго определенного набора методов. Среди них можно выделить традиционные, уже закрепившиеся в практике педагогов (наблюдение, эксперимент, изучение результатов деятельности, анализ независимых характеристик и др.), и сравнительно новые, еще лишь предлагаемые для внедрения в практику.

Однако при изучении личности студента нельзя ограничиваться применением только лишь психолого-педагогических методов, т.к. современный специалист постоянно находится в коллективе, общаясь с коллегами или клиентами, на него действуют факторы социально-психологического характера, что обуславливает необходимость применения некоторых методов социальной психологии, социологии и, прежде всего, социометрической методики. Рассмотренный подход к обучению студентов в вузе соответствует современному пониманию факторов формирования и развития личности.

Следовательно, мы подошли к рассмотрению второго структурного элемента индивидуализации воспитания – к построению индивидуализированной программы воспитания. В ее основе – требования Конституции, законов, а также других документов, регламентирующих образовательную и трудовую деятельность в вузе, учитывающих индивидуальные особенности студентов бакалавриата и магистратуры, условия и обстановку в которой осуществляется их воспитание.

При составлении индивидуализированной программы воспитания можно руководствоваться общими правилами планирования индивидуально-воспитательной работы, предложенными В.П. Давыдовым, с незначительной корректировкой. В целом индивидуализированная программа включает: исходные данные о личности (биографические данные, уровень развития физиологических характеристик организма); психолого-педагогический диагноз (уровень развития основных психологических свойств личности обучаемого); программные цели воспитания (какие качества личности сформировать, какие развить); методы воспи-

тательного воздействия и взаимодействия; вероятные пути коррекции программы в зависимости от результатов воспитательного действия.

Следующий структурный элемент индивидуализации воспитательного процесса – реализация индивидуализированной программы воспитания. Здесь важно выделить методы индивидуализированного воспитания, его формы и направления индивидуализации основных факторов образовательной деятельности, оказывающих воспитательное воздействие на студента. Рассмотрим их содержание в предложенной последовательности.

В основе методов индивидуализированного воспитания лежат методы индивидуально-воспитательной работы: убеждение, упражнение, поощрение, пример, критика. Их анализ дан достаточно подробно в психолого-педагогических работах П.Н. Городова, Н.С. Кравчуна, А.С. Салюжного и др.

Формы индивидуализированного воспитания. Ведущей и наиболее результативной формой индивидуального воздействия является индивидуальная беседа. Она обладает огромным воспитательным потенциалом. Нигде так не раскрывается человек, как в беседе. Она проводится чаще в том случае, когда воспитуемому необходимо что-то разъяснить, предостеречь от ошибок, выяснить причину тех или иных поступков и др.

Однако для того, чтобы индивидуальная беседа сыграла свою воспитательную роль, она должна сочетаться с другими формами воспитания, прежде всего, с индивидуальными заданиями и поручениями. Они могут применяться как для формирования отдельных положительных свойств личности, так и в целях исправления недостатков в поведении, устранении отрицательных черт характера. Действенность этой формы зависит от умения воспитателя увидеть и использовать положительные качества личности обучающегося, а также основана на силе психологического эффекта, порожденного скрытым выражением веры в его силы и возможности.

Весьма результативной формой индивидуализированной воспитательной работы выступает контроль со стороны должностных лиц факультета за деятельностью и поведением студентов. В современной педагогической литературе для реализации в повседневной практике предлагается ряд других форм индивидуализированного воспитания (конкретная помощь, индивидуальные требования). В процессе воспитания на студента воздействует не только фактор педагогической деятельности преподавателя, но и объективные факторы. Здесь мы имеем в виду воспитательный эффект учебной, образовательной, профессиональной, социально-бытовой и других видов деятельности, рассмотрим возможности их индивидуализации.

Требования внутреннего распорядка вуза едины для всех. Однако и здесь необходимо исходить из того, что окружающая среда влияет на психологию человека не непосредственно, а преломляясь через его сознание. Следовательно, основное содержание индивидуализации воспитательного воздействия внутреннего распорядка вуза заключается в настройке и ориентации

студентов на положительное отношение к выполнению требований вуза в повседневной жизни.

Сфера межличностных контактов, которые призывают всю повседневную жизнь студента, должна привлекать пристальное внимание педагога. Именно здесь осуществляется индивидуальное влияние одного человека на другого, реализуется естественное стремление личности к общению, признанию и реализации в обществе. Преподавателю важно, опираясь на социометрическую методику, не только знать социометрические характеристики студентов, но и управлять характером складывающихся в нем взаимоотношений.

На воспитание личности оказывает влияние и тот смысловой фон, который создается средствами стенной печати, оформления вуза, мест проживания, учебных аудиторий и помещений факультета. Момент индивидуализации здесь возможен с двух позиций: в содержании нацеленности оформления, стенной печати на конкретного обучающегося и личном участии студента в создании плакатов, стендов, в выпуске стенной печати и т.д. Анализ результатов воспитательного воздействия вносит коррективы в программу воспитания. Динамичный характер становления и развития личности обуславливает ее постоянное развитие. Следовательно, для обеспечения наибольшей эффективности в воспитании, необходимо учитывать происходящие изменения с учетом максимальной объективности оценки.

Методика работы педагога в рамках этого струк-

турного элемента практически ничем не отличается от первого. Ее лейтмотивом также является изучение особенностей личности обучающегося, но уже после проведенного педагогического воздействия. И если в характеристике личностных свойств обучающегося произошли изменения любой направленности, необходимо немедленно отреагировать изменением в отношении к нему. В противном случае воспитательное воздействие «зависнет», не ощутив соприкосновения с объектом воспитательного воздействия. После проведения необходимой коррекции воспитательного воздействия на обучающегося все рассмотренные этапы повторяются. В этом заключается постоянный характер индивидуализированного воспитания, взаимосвязь и взаимозависимость всех его структурных элементов осуществляется через контроль и коррекцию.

Таково основное содержание индивидуализации воспитания в процессе обучения. Опытные преподаватели уже при первой встрече со студентами начинают работать во всех структурных элементах одновременно. Эффективность воспитательной работы растет по мере расширения знаний, определении наиболее результативных форм и методов воспитания конкретного обучающегося, что позволяет наиболее успешно решать задачи по развитию у студентов бакалавриата и магистратуры личностных качеств, необходимых для формирования профессиональной компетентности.

Библиографический список

1. Митяева А.М. Индивидуализация образовательной деятельности студентов вузов. Монография. СПб. 2009. 210с
2. Митяева А.М. Развитие учебно-исследовательской компетентности студентов в двухуровневом образовании вуза. Монография. Орел. Орлик: 2010. 198 с.

References

1. Mitiaeva A.M. Individualization of the educational activities of university students. Monograph. St. Petersburg. 2009. 210p
  2. Mitiaeva A.M. Development of teaching and research competence of students in the two-level education institution. Monograph. Orel. Orlik: 2010. 198 p.
-
-

УДК 376.1

UDC 376.1

Е.А. МИШИНА

*старший преподаватель, кафедра технологий психолого-педагогического и специального образования, Орловский государственный университет
E-mail nikolaj.mishin@bk.ru*

Л.М. СЕМЕНОВА

*кандидат биологических наук, профессор, кафедра технологий психолого-педагогического и специального образования, Орловский государственный университет
E-mail semenova03@yandex.ru*

E.A. MISHINA

*Senior lecturer, Department of technology psychological-pedagogical and special education, Orel State University
E-mail nikolaj.mishin@bk.ru*

L.M. SEMENOVA

*Candidate of biological Sciences, Professor, Department of technology psychological-pedagogical and special education, Orel State University
E-mail semenova03@yandex.ru*

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЕЙ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

THE PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL SUPPORT OF FAMILIES, HAVING CHILDREN WITH DISABILITIES

В статье рассматриваются вопросы организации психолого-педагогического сопровождения семей, имеющих детей с ограниченными возможностями. Показана система, направления и результаты работы с такими семьями.

Ключевые слова: психолого-педагогическое сопровождение семей, дети с ограниченными возможностями, команда специалистов, система, направления сопровождения, коррекция, адаптация, просвещение родителей.

The article considers the issues of organization of psychological-pedagogical support of the families having children with disabilities. The article shows the system, directions and results of work with families, having children with disabilities.

Keywords: psychological-pedagogical support of families, children with disabilities, team of specialists, the system, directions of maintenance, correction, adaptation, training of parents.

В настоящее время клиницистами подчеркивается высокая частота рождения с перинатальной патологией центральной нервной системы, достигающая более 30 детей на 100 родившихся. Рождение в семье ребенка с нарушениями в развитии – проблема, затрагивающая все стороны жизни, вызывающая сильные эмоциональные переживания родителей и близких родственников. В связи с состоянием ребенка искажается поведение взрослых, в семье возникают проблемы, с которыми родители не могут справиться самостоятельно: нарушается взаимодействие с социальным окружением, круг общения составляют близкие родственники, знакомые, врачи, дефектологи и учителя.

Сложное социально-экономическое и демографическое положение, сложившиеся в России в последние десятилетия, а также необходимость соответствовать общемировым тенденциям развития цивилизации требует изучения инновационных направлений, создания оптимальных условий для профилактики и успешной коррекции развития и обучения детей с ограниченными возможностями. В этой связи необходимо психолого-педагогическое сопровождение семей, имеющих детей с ограниченными возможностями.

В настоящее время становится актуальной потребность в материальной помощи и льготах семьям с низким экономическим статусом. Большинство молодых

семей находится в факторах риска и их сочетания: безработица одного из членов семьи, неудовлетворительные материальные условия, низкий заработок. Поэтому создание системы психолого-педагогического сопровождения семьи позволит снизить риск возникновения вторичных отклонений в развитии ребенка с ограниченными возможностями. В этой связи следует начинать непрерывное комплексное сопровождение семьи с момента рождения проблемного ребенка. Эффективность мероприятий, направленных на коррекцию нарушений, определяется временем его выявления и консолидацией усилий детских поликлиник, специальных дошкольных, школьных образовательных учреждений, ППМС-центров и семьи. Такое комплексное взаимодействие команды специалистов: медиков, психологов, дефектологов, юристов и социальных работников позволит получить родителям медико-психолого-педагогическую и социальную поддержку для благополучного развития ребенка. В этой связи важной задачей сопровождения является формирование новых методов и форм психопрофилактики семьи в период воспитания и обучения ребенка с ограниченными возможностями [4].

При этом особое внимание следует уделить возможностям инклюзивного обучения детей с ограниченными возможностями и их профессиональной ориентации.

Какова же цель психолого-педагогического сопровождения семьи?

Цель психолого-педагогического сопровождения семьи – помочь детям с ограниченными возможностями найти свое место в жизни, занять активную жизненную позицию, адаптироваться к социуму.

Обучение родителей коррекционным умениям и навыкам по воспитанию детей с проблемами в развитии, разработка коррекционной программы психолого-педагогической помощи, а также консультирование родителей и других членов семьи являются эффективными методами психолого-педагогического сопровождения семей, имеющих детей с ограниченными возможностями. [1, 2, 3].

Разработка психолого-педагогического аспекта сопровождения осуществлялась в соответствии с двумя взаимосвязанными базовыми принципами.

Во-первых, мы ориентировались на принцип системности, в соответствии с которым педагогическое сопровождение должно быть связано с психологическим и в совокупности составлять единый комплекс сопровождения семей и их детей, гармонично встроенный в основной учебно-воспитательный процесс в образовательных учреждениях.

Во-вторых, принцип взаимодополнения, констатирующий не целесообразность дублирования отдельных форм работы психолога и педагога, необходимость функционального разделения и содержательного взаимообогащения психологического и педагогического компонентов. Принцип дополнения, с учетом того, что психологическое сопровождение базируется на номотетическом методе, детерминирует использование идеографической концепции в качестве базовой для педагогического сопровождения.

Предлагаем систему психолого-педагогического сопровождения:

- мониторинг-скрининг, сбор информации о положении дел в семьях, имеющих детей с ограниченными возможностями;

- анкетирование родителей;

- определение типа семьи, психологического климата, родительско-детских и детско-родительских отношений;

- диагностика (индивидуальная и групповая) – углубленное психолого-педагогическое изучение уровня психического развития детей с ограниченными возможностями, раннее выявление отклонений и недостатков в развитии, определение индивидуальных особенностей и склонностей личности, ее потенциальных возможностей в процессе обучения и воспитания, а также выявления причин и механизмов нарушений в обучении, развитии;

- проведение комплекса реабилитационных мероприятий;

- консультирование – оказание помощи семьям в вопросах развития, воспитания и обучения детей, предупреждение возникновения нарушений развития вторичных дефектов, прогнозирование путей дальнейшего развития ребенка с ограниченными возможностями с

учетом возможных последствий; достижение эмоционального комфорта в семье, психотерапевтическая работа с родителями. В ходе консультирования родители получают информацию о состоянии ребенка, об особенностях его развития и обучения, определяется дальнейший образовательный маршрут каждого ребенка;

- коррекция – проведение комплекса целенаправленной работы по изменению развивающей среды ребенка в семье, адаптация ее к возможностям и потребностям ребенка, создание психолого-педагогических условий для преодоления имеющихся у ребенка трудностей в овладении деятельностью, обучение родителей методики проведения коррекционных и развивающих занятий, игр, упражнений, направленных на стимуляцию потенциальных возможностей ребенка, организация коррекционно-развивающих занятий, осуществление индивидуальных коррекционно-развивающих программ раннего вмешательства;

- профилактика – обучение методикам оздоровительных и профилактических мероприятий (закаливания, элементам массажа, гимнастики для глаз, пальцев рук, физическим упражнениям, подвижным играм); создание социально организованной педагогической среды в семье;

- просвещение – повышение уровня санитарно-гигиенической компетентности и психолого-педагогической грамотности родителей, разработка памяток, информационных листов, рекомендаций для родителей;

- социализация – ранняя профессиональная ориентация и соответствующая подготовка к трудовой жизни и адаптации детей с ограниченными возможностями в социум.

Об эффективности предлагаемой системы судили по результатам работы с родителями, имеющими детей с ограниченными возможностями, посещающих Учебно-методический центр «Семейный лад» при факультете педагогики и психологии ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет». Активное сотрудничество родителей с командой специалистов, использование разнообразных форм работы с родителями с учетом типологических особенностей каждой семьи помогали им осознать важность своего влияния на развитие личности ребенка, они учились содействовать его гармоничному развитию. Постепенно родители научились применять специальные игровые упражнения, овладели приемами коррекционно-педагогической работы с ребенком.

Таким образом, система мероприятий, направленных на организацию психолого-педагогического сопровождения семей, имеющих детей с ограниченными возможностями, позволяет выделить основные наиболее результативные направления этой работы:

- активное включение родителей в процесс психолого-педагогической реабилитации ребенка;

- применение адаптированных моделей воспитания детей с различными отклонениями;

- определение перспектив ребенка в социально-профессиональной сфере;

– повышение психолого-педагогической культуры родителей, включающей просвещение в различных формах;
– участие родителей в культурно-развлекательных

и познавательных мероприятиях: посещение концертов, театров, поездки за город, проведение утренников, спектаклей, дней рождений, праздничных чаепитий.

Библиографический список

1. *Акатов Л.И.* Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. М., 2003.
2. *Коррекционные подвижные игры и упражнения для детей с нарушениями в развитии.* Под ред. Л.В. Шапковой. М., 2002.
3. *Мастюкова Е.М., Московкина А.Г.* Семейное воспитание детей с отклонениями в развитии. М., 2004.
4. *Ткачева В.В.* Психокоррекционная работа с матерями, воспитывающими детей с отклонениями в развитии. М., 2000.

References

1. *Akatov L.I.* Social rehabilitation of children with disabilities. М., 2003.
  2. *The corrective action games and exercises for children with disabilities,* Ed. L.V. Shapkova. М., 2002.
  3. *Mostyukova E.M., Moskovkina A. G.* The family education of children with deviations in development. М., 2004.
  4. *Tkacheva V.V.* Psycho-correctional work with mothers raising children with deviations in development. М., 2000.
-
-

УДК 378

UDC 378

Н.В. ПОТЕХИНА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики, Забайкальский государственный университет
E-mail: nadezhda-potekhina@yandex.ru

N.V. POTEKHINA

Candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of education, Transbaikal State University
E-mail: nadezhda-potekhina@yandex.ru

**ВЫБОР ПРОФЕССИИ КАК СМЫСЛОВАЯ ВЕРТИКАЛЬ В ПРОЦЕССЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ**

**CHOICE OF PROFESSION AS A SEMANTIC VERTICAL IN THE PROCESS
OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION**

В статье анализируются проблемы выбора профессии студентами педагогического вуза. Автор выделяет наиболее проблемные зоны в тематике исследования, опираясь на труды видных ученых – специалистов обозначенной проблемы. Наиболее подробно в статье анализируется проблема выбора профессии в плоскости смысловой вертикали в процессе профессионального самоопределения. Приведенные результаты экспериментальной работы подчеркивают актуальность темы подготовки учительских специальностей.

Ключевые слова: выбор профессии, профессиональное самоопределение, подготовка педагогов.

The article analyses the problem of choice of profession students of pedagogical universities. The author singles out the most problematic areas in the field of the research, relying on works of prominent scientists – specialists of the stated problem. Most in detail in the article the problem of choice of profession in the plane of a semantic vertical in the course of professional self-determination is analyzed. The results of experimental emphasize the relevance of the topics of the training of the teaching professions.

Keywords: choice of profession, professional self-determination, the training of teachers.

В проекте «Концепции поддержки развития педагогического образования» актуализируется мысль о новых требованиях к качеству школьного образования, которые выраженные в новых федеральных государственных образовательных стандартах, в утверждении профессионального стандарта педагога, предполагающих необходимость изменения в организации, содержании и технологиях, масштабе подготовки педагогов. Не секрет, что по окончании вузов далеко не все студенты продолжают работу по избранной специальности, причем не всегда решающее значение имеет престиж профессии либо материальная сторона. Схожая проблема затрагивает и сферу подготовки учительских специальностей. Решающее значение в организации учебного процесса вуза уделяется вооружению студентов профессиональными знаниями и умениями в преподавании отдельной дисциплины, и не охвачен вниманием такой аспект подготовки, как формирование личностных качеств, необходимых будущему учителю; отношение к будущей профессиональной деятельности как наиболее значимой деятельности; уверенность в своих способностях; удовлетворение профессиональным выбором. При этом учебный процесс не достаточно затрагивает проблему личностного и профессионального самоопределения студентов – будущих педагогов, а процесс становления профессионала, по мнению ряда исследователей (В.Э. Чудновский, Е.М. Борисова, Л.И. Анциферова, Д.Н. Завалишина и др.) особенно активно проходит в высшем учебном заведении. Такая профессия, как учитель, накла-

дывает на человека особую ответственность, к которой необходимо быть психологически и морально готовым. Соответствующая особая личностно-профессиональная подготовка должна активно проходить особенно в период обучения студентов – будущих педагогов в высшем учебном заведении.

В отечественной педагогике и психологии накоплен богатейший опыт исследования проблемы профессионального самоопределения. Это, в первую очередь, разработки таких ученых, как Е.А. Климов, Н.С. Пряжников, П.А. Шавир, С.Н. Чистякова, Е.И. Головаха и др. Общей особенностью подхода к проблеме является интерес к влиянию личностных аспектов на процесс профессионального самоопределения [1,4,5].

Существуют различные варианты определения понятия «выбор профессии», однако все они содержат мысль, что профессиональное самоопределение представляет собой выбор, осуществляемый в результате анализа внутренних ресурсов субъекта и соотнесения их с требованиями профессии. Содержание определения высвечивает двусторонность явлений выбора профессии: с одной стороны, тот, кто выбирает (субъект выбора), с другой – то, что выбирают (объект выбора). И субъект, и объект обладают огромным набором характеристик, чем объясняется неоднозначность явления выбора профессии.

Ряд исследователей придерживается распространенной точки зрения на выбор профессии как на выбор деятельности. В этом случае предметами исследования

выступают, с одной стороны, характеристики человека как субъекта деятельности, а с другой – характер, содержание, виды деятельности и ее объект (Л.А. Йовайша). Профессиональное самоопределение понимается здесь как процесс развития субъекта труда. Следовательно, выбор профессии сделан правильно, если психологические данные личности будут соответствовать требованиям профессии, трудовой деятельности (Л.А. Йовайша). Однако этот взгляд недооценивает активного начала личности выбирающего.

Е.А. Климов считает, что выбор профессии – это однократный акт принятия решения или кратковременный процесс, который желательно предельно ускорить или сократить. Профессиональное самоопределение уместно понимать в общем виде как деятельность человека, принимающую то или иное содержание в зависимости от этапа его развития как субъекта труда.

Выбор профессии (М.Р. Гинзбург) означает проецирование в будущее определенной социальной позиции. Это характеризует смысловое будущее. Выбор конкретной профессии делает смысловое будущее определенным. Поэтому определенность выбора профессии является важным параметром, характеризующим смысловое будущее. По мнению исследователя, важным является и то, как выступает для молодого человека профессиональная деятельность. Это может быть деятельность, позволяющая развить свои способности, реализовать себя, или как средство, позволяющее удовлетворять иные потребности.

Таким образом, проследивая различные точки зрения на феномен выбора профессии, мы пришли к выводу, что выбор профессии – это не одномерный акт, а процесс, состоящий из ряда этапов, продолжительность которых зависит от внешних условий и индивидуальных особенностей субъекта выбора профессии [7]. В этой связи необходимо подчеркнуть, что осознанность выбора профессии индивидом будет во многом определяться уровнем сформированности такого психологического новообразования юношеского возраста, как психологическая готовность к самоопределению: личностному и профессиональному (И.В. Дубровина).

Личностно-профессиональное самоопределение студента является условием формирования компетентного специалиста, а период обучения в вузе исследователями рассматривается как важнейший этап данного процесса. Мы учитываем, что в современной педагогике обучение понимается как педагогическая поддержка процессов развития личности в специально создаваемых дидактических и культурно-воспитательных средах. Поэтому уместно говорить о необходимости педагогической помощи, педагогическом сопровождении студентов в их личностно-профессиональном самоопределении в стенах вуза.

Студенты, овладевающие педагогической деятельностью в системе вузовской подготовки, не совсем осмысливают всю многогранность этой деятельности. Педагогическая реальность сегодня отличается большим многообразием подходов и позиций относительно характера образовательного процесса, и соответствен-

но студенту нужно самоопределиться в широком поле педагогического опыта в целях формирования собственной позиции для выработки стиля педагогической деятельности.

Это говорит о возникшей необходимости исследования проблемы личностно-профессионального самоопределения студентов еще в период вузовской подготовки с учетом меняющегося социума и, прежде всего, в аспекте преподавания педагогических дисциплин как основополагающего компонента в процессе подготовки студентов – будущих учителей. Так, проведенный опрос среди студентов – будущих учителей технологии первого курса Забайкальского государственного университета (ЗабГУ), показал, что большинство не совсем уверены в выборе своей будущей профессии педагога, поэтому в процессе личностно-профессионального самоопределения важно формировать основные ценности получаемой профессии. За первый год обучения студенты получают более полное представление о содержании своей будущей профессиональной деятельности, знакомятся со специалистами в данной области и проходят ознакомительную практику в учреждениях. При этом студенты видят больше положительных сторон в своей будущей специальности в процессе профессиональной подготовки в высшем учебном заведении, а мотивация личности студента, обуславливая характер поведения и деятельности, существенно влияет на ее профессиональное самоопределение в системе высшего образования. Мотивация получить высшее образование и профессиональную подготовку зависит от того, как относится студент к обучению и к будущей профессии. Особенно, на наш взгляд, определение мотивов выбора профессии является непременным условием эффективности процесса «вхождения» в мир профессии. Понимание мотивации чаще всего употребляется в таких смыслах, как мотивация – это система факторов, вызывающих активность организма и определяющих направленность поведения человека. Сюда включаются такие образования, как потребности, мотивы, намерения, цели, интересы, стремления; мотивация – это характеристика процесса, обеспечивающего поведенческую активность на определенном уровне. Другими словами – мотивирование [3]. Понимая мотив, в общем, как сложное психическое образование, А.В. Ермолин включает в его содержание и потребность, и цель, и побуждение, и намерение. Отсюда, мотив может осуществлять следующие функции: побудительную, направляющую, смыслообразующую, стимулирующую [3]. Именно мотив определяет смысл того, что делает человек. Это подводит человека к необходимости определить свое место в социуме. С другой стороны, мотив, как подчиненный цели в качестве действий, в определенной сфере деятельности заставляет человека вырабатывать общие принципы, способные проявлять себя.

Выбор профессии, как смысловая вертикаль в профессиональном самоопределении, сводится к мотивационной лестнице предпочтений тех или иных мотивов деятельности, которая выстраивается, складывается в реальном контексте жизни и деятельности человека

Мы провели анкетирование среди студентов-

первокурсников ЗабГУ дневной формы обучения, будущих учителей технологии и проанализировали студенческие эссе на тему: «Почему я выбрал(а) профессию педагога».

Выбор первокурсниками будущей профессии и вуза, в котором предстояло учиться, был обусловлен следующими факторами: 67% первокурсников 2013-2014 учебного года отметили самостоятельность в выборе своей профессии; на выбор остальных 33% оказали влияние родители, сложившаяся ситуация и друзья.

Выбранная профессия привлекла тем, что, по мнению первокурсников, «она всегда востребована и самая нужная» (18%), «хочу работать с детьми» (12%); «хочу научиться рукоделию, кулинарии и научить этому детей» (20%); «всегда можно найти работу» (18%); «здесь учились мои братья и сестры» (17%); «могу найти работу в смежной отрасли» (7%), другой ответ (8%).

Результаты исследования показывают, что далеко не весь контингент студентов руководствовался в выборе профессии любовью к детям и желанием с ними сотрудничать. Думаем, что жесткие социальные условия поставили некоторых из них в данную ситуацию, когда нужно думать, прежде всего, о востребованности профессии на рынке труда, а проблема нехватки учительских кадров сегодня по-прежнему актуальна. В сочинениях-рассуждениях студенты подчеркивают общественную значимость и важность профессии учителя: «...профессия учителя очень сложная, тяжелая, но благородная и нужная людям...», «...профессия учителя и врача – самые важные. Я с уверенностью могу сказать, что меня не пугают будущие трудности...»

Для сравнительной характеристики, мы опросили студентов выпускного курса, насколько они уверены в своем профессиональном выборе: «...за время обучения я убедился в правильности своего выбора, так как было комфортно учиться, успешно прошел педагогическую

практику и намереваюсь работать по специальности...» (19%); «...не пожалел, что поступил в этот вуз и хочу попробовать работать учителем, хотя не совсем уверен, что получится...» (17%); «...не знаю, пойду ли работать учителем, но те знания, что получил в стенах вуза, это для меня очень ценно на всю жизнь...» (12%); «...я уже подрабатываю в школе и буду поступать учиться в магистратуру...» (15%); «...меня пока ждет неопределенное будущее...» (8%); «...сначала призыв в армию, а дальше не знаю...» (15); «...переезжаю в другой город в связи с семейными и другими обстоятельствами...» (14%).

По представленным данным мы отмечаем, что за период обучения студенты стали более уверены в своем профессиональном будущем, видят больше позитивных сторон в педагогической деятельности, а мотивация личности студента существенно влияет на его личностно-профессиональное самоопределение в системе высшего образования. Мы предполагаем, что изменение содержания образования за счет введения элективных курсов в том числе, привнесло определенные изменения в ход развития процесса личностно-профессионального самоопределения студента. Это, собственно, доказывают наши результаты исследования. Одним из таких курсов по выбору является курс «Основы педагогической деятельности», способствующий формированию у обучающихся положительной установки на педагогическую деятельность; развитие интереса к педагогическому труду; выявлению профессиональных интересов. А это в свою очередь является одним из аспектов решения важной задачи, заявленной в проекте «Концепции поддержки развития педагогического образования», заключающейся в изменении содержания программ педагогической подготовки и технологий обучения «...в целях обеспечения реализации нового профессионального стандарта педагога и новых стандартов школьного образования...» [6].

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А. Жизненные перспективы личности. М: Наука, 2001. С. 137–145.
2. Ермолаева Е.П. Психология профессионального маргинала в социально значимых видах труда. // Психологический журнал 2001. Т. 22, № 5. С. 69-78.
3. Ермолин А.В. Мотивы конкретного поступка у подростков. Наш проблемный подросток. СПб.: Союз, 1999. С. 78.
4. Прыажников Н.С. Профессиональное и личностное самоопределение. М.: Изд-во «Институт практической психологии», 2003. С. 256.
5. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2003. С. 512.
6. Концепция поддержки развития педагогического образования (проект).
7. Потехина Н.В. Содействие личностно-профессиональному самоопределению выпускника школы в условиях подготовительного отделения вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2007. С. 212.
8. Трофимова Н.М. Самообразование и творческое развитие личности будущего специалиста. // Педагогика 2003. № 2. С.42–47.

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Life Prospects personality. M: Nauka, 2001. Pp. 137-145.
2. Yermolaeva E.P. Psychology of professional and marginal in socially important types of labour. Psychological journal 2001; Vol 22, No 5. Pp.69-78.
3. Yermolin A.V. Motives of a concrete act at teenagers. Our problem teenager. SPb.: Union, 1999. P. 78.
4. Pryazhnikov N. S. Professional and personal self-determination. M: Publishing house «Institute of practical psychology», 2003. Pp. 256.
5. Klimov E.A. Psychology of professional self-determination. Rostov-on-don: Publishing house «Phoenix», 2003. P. 512.
6. Concept of support to the development of pedagogical education (project)
7. Potekhina N.V. Promote personal-professional self-graduate school in conditions of the preparatory Department of the University: thesis abstract. ... candidate of pedagogical sciences. Chita, 2007. Pp 212.
8. Trofimova N.M. Self-education and creative development of personality of a future specialist. Pedagogy 2003, No 2. Pp. 42-47.

УДК 373.5.026.7/9

UDC 373.5.026.7/9

И.Р. РЫБИНА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра философии, истории права, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: irina-bolhov@rambler.ru

И.Ю. ПОПОВА

старший преподаватель, кафедра иностранных языков, Госуниверситет-УНПК
E-mail: kornblume5@rambler.ru

I.R. RYBINA

Candidate of the Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy, History and Law, Financial University at the Government of the RF
E-mail: irina-bolhov@rambler.ru

I.Y. POPOVA

Senior teacher, Department of Foreign Languages, State University-ESPC
E-mail: kornblume5@rambler.ru

ПРОЕКТНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

THE PROJECT TEACHING AS AN ELEMENT OF THE ORGANIZATION OF THE STUDYING ACTIVITY IN THE CONTEXT OF THE MODERN EDUCATION

Статья посвящена проблеме проектного обучения в современном образовании, её формам и особенностям. Авторы акцентируют внимание на сущности проектной методике, определяют подходы её применения и основные характеристики проектов. Также описывается личный опыт применения проектной методике.

Ключевые слова: проектное обучение, проектная методика, компетентность, педагогическая технология.

The article is devoted to the problem of the project teaching in the modern education, its forms and peculiarities. The authors pay attention to the essence of the project methods, determine its using and the main characteristics of the projects. Also they describe their personal experience of using project methods.

Keywords: project teaching, project methods, competence, pedagogical technology.

Переход российского образования к новым стандартам требует кардинального пересмотра всех аспектов обеспечения процесса обучения. Образовательные стандарты нового поколения основаны на компетентностном подходе и ориентируют обучающихся на овладение полезными знаниями, необходимыми для успешного достижения целей в реальных жизненных условиях.

Благодаря появлению гуманистической парадигмы в образовании сменились ценностные ориентиры, в качестве самой большой ценности признаётся развитая, свободная и образованная личность, которая способна жить и творить в условиях постоянно меняющегося мира.

В настоящий момент перед современной школой стоят задачи, связанные с созданием условий для интеллектуального и духовно-нравственного развития студентов, воспитания в них естественной потребности в самообразовании и саморазвитии. Система аудиторной и внеаудиторной работы по всем дисциплинам направлена на решение указанных задач. В этом плане большим потенциалом обладает иностранный язык. Современная методика преподавания этого предмета основной упор делает на развитие навыков общения, на формирование коммуникативной компетентности обучающихся.

Среди многообразия новых педагогических технологий интерес представляет проектное обучение, кото-

рое отличается кооперативным характером выполнения заданий, являясь творческим по своей сути и ориентированным на развитие личности.

Использование проектного обучения детерминировано рядом факторов. Согласно стратегии модернизации образования, системой оценки академических достижений студента является выявление их способности использовать освоенное содержание образования для решения практически-познавательных, ценностно-ориентированных и коммуникативных задач и проблем.

В этой связи обучающимся необходимо овладеть рядом ключевых компетентностей, в частности, компетентностью в сфере самостоятельной познавательной деятельности, которая основана на усвоении способов применения знаний из различных источников информации. Также необходимо учитывать их уровень владения иностранным языком. Исходя из указанных факторов, была поставлена цель: в результате применения проектного метода добиться активного владения иностранным языком как средством формирования и формулирования мысли, а также научить студентов самостоятельно осуществлять научно-исследовательскую деятельность, собирать и обрабатывать материал для последующей его устной и письменной презентации.

Акцентируем внимание на аргументах «за» проектного обучения: креативное мышление, творческое воображение, способность к экспромту, развитая творческая интуиция, личная инициатива. Такие способности раз-

виваются и формируются только в условиях, способствующих индивидуальному развитию личности.

Отметим, что метод проектов – это совокупность учебно-познавательных приёмов, позволяющих решить определённую проблему в ходе самостоятельных действий студентов с обязательной презентацией результатов. Как педагогическая технология он представляет собой «совокупность исследовательских, поисковых, проблемных методов, творческих по самой своей сути» [1, с. 67].

Проектная методика – способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы. Разработка завершается реальным практическим результатом. В основу данной методики положены: идея, проблема, составляющая суть понятия «проект», его прагматическая направленность на результат, который можно получить при решении той или иной практически или теоретически значимой проблемы. Этот результат можно увидеть, осмыслить и применить в реальной практической деятельности.

Сущность проектной методики состоит в том, что цель занятий и способы её достижения должны определяться самим студентом на основе его личных интересов, индивидуальных особенностей, мотивов, потребностей и способностей. Кроме того, следует отметить, что общий принцип, на котором основывается проектное обучение, заключается в установлении тесной связи учебного материала с жизненным опытом студентов.

Проектная работа основывается на групповом взаимодействии обучающихся, что дает возможность преподавателю развивать творческий потенциал как отдельно взятой личности, так и группы в целом. Применение этой методики способствует тому, что «язык действительно выступает в своей прямой функции – средства формирования и формулирования мысли» [2, с. 5]. Кроме того, использование данного метода позволяет реализовать личностно-ориентированный подход, а работа в группе увеличивает мотивацию. По мнению С.А. Резцовой, данный метод «уникален для нас в том отношении, что дает возможность создать реальную языковую среду» [3, с. 212].

Проектное обучение позволяет развивать критическое мышление, умение работать с информацией:

- анализировать (выделять главную мысль, основные идеи сообщения, сопоставлять полученную информацию с ранее известной или дополнительно найденной, делать соответствующие выводы для решения поставленной проблемы);
- структурировать и интерпретировать;
- обобщать информацию, полученную из разных источников;
- оценивать информацию и делать соответствующие аргументированные выводы для решения или рассмотрения обсуждаемой проблемы.

Проект – это возможность обучающихся выразить свои собственные идеи в удобной для них творчески продуманной форме. Многие в проектах идет от мечты, от фантазии, но основой фантастического разви-

тия мысли остается реальное осознание сегодняшней жизни. Овладевая культурой выполнения проектных заданий, студенты учатся творчески мыслить, самостоятельно планировать свои действия, прогнозируя возможные варианты решения стоящих перед ним задач, реализовывать усвоенные ими средства и способы работы.

Важными факторами, способствующими формированию внутреннего мотива речевой деятельности при проектном обучении, являются: наличие у обучающихся интереса к выполнению проекта, связь идеи проекта с реальной жизнью, консультативно-координирующая роль преподавателя.

Различают следующие виды проектов:

- групповой проект, в котором «исследование проводится всей группой, а каждый студент изучает определенный аспект выбранной темы»;
- мини-исследование, состоящее в проведении «индивидуального социологического опроса с использованием анкетирования и интервью»;
- проект на основе работы с литературой, подразумевающий «выборочное чтение по интересующей студента теме» и подходящий для индивидуальной работы.

Наиболее полной классификацией проектов в отечественной педагогике является классификация, предложенная Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркиной и др. Она может быть применена к проектам, используемым в преподавании любой учебной дисциплины.

В связи с этим они выделяют 5 основных характеристик проектов:

1. По виду деятельности (исследовательский, ролево-игровой, информационный и т.д.).
2. По предмету и содержанию (в рамках одной области знаний или междисциплинарных).
3. По характеру контактов (внутренний, региональный, международный).
4. По количеству участников проекта (личностные, парные, групповые).
5. По продолжительности проекта (краткосрочные, средней продолжительностью (1-2 месяца), долгосрочные (до года)) [3, с. 3–10].

Выполнение хорошо продуманного и организованного проекта предусматривает 4 этапа:

1. Этап планирования. Здесь осуществляется коллективное обсуждение проблемы с последующим делением ее на подтемы. Студенты выбирают подтемы в соответствии со своими интересами. На данном этапе сразу оговариваются сроки работы над проектом.
2. Аналитический этап – этап работы с информацией, ее анализ и обработка.
3. Этап обобщения информации предполагает структурирование полученной информации.
4. Презентация. На данном этапе студенты осмысливают полученные данные и готовят итоговое представление результатов своей работы в виде устного сообщения, рисунков, графиков, а также в виде реферата.

Целесообразно выделить три основных подхода в использовании проектов при изучении иностранных языков. Проект может:

- использоваться как одна из форм внеаудиторной работы;
- служить альтернативным способом организации учебного курса;
- интегрироваться в традиционную систему обучения языку.

Проект как альтернативный способ организации учебного курса может частично или полностью исключать традиционные принципы планирования и организации обучения языку, сводить его к «работе над собой», как это делает актер в работе над ролью. Курс обучения, в основе которого лежит проектная работа, строится как цепочка проектов, связанных между собой скорее логикой смыслов и реализующих принцип преемственности, постепенного или взрывного усложнения языкового материала.

Проекты, интегрированные в традиционный учебный процесс, предполагают выполнение творческих и исследовательских заданий в рамках изучаемого учебного курса.

Следует отметить, что применение проектного метода требует значительной предварительной проработки, т.к. зачастую студенты не обладают навыками презентации материала. Исходя из опыта использования данного метода, акцентируем внимание на том, что целесообразнее будет начинать применение проектного обучения в группе на занятиях по иностранному языку с непосредственного информационного внутреннего группового краткосрочного монопроекта. Исследовательский межпредметный непосредственный внутренний групповой проект средней продолжительности целесообразнее защищать в конце курса иностранного языка в качестве зачета по пройденному материалу.

Применение проектного обучения активизирует мыслительные процессы (память, мышление, воображение, внимание), способствует лучшей усвояемости изучаемого материала, помогает студентам видеть практическую направленность изучения иностранного языка.

Оценивая проекты студентов, правильнее было бы уделить больше внимания содержанию (качество материала, организация, дизайн, полезные ссылки – 70%), а не форме (композиция сайта, язык, авторство – 30%). Важно учитывать умение правильно выражать свои мысли на иностранном языке, подбор материала, его структуризация, умение делать сопоставления и выводы.

Работа над проектом не должна быть прямо оценена преподавателем при помощи баллов. Из опыта работы отметим, что целесообразна комбинированная оценка, которая состоит из оценки внешних наблюдателей, гостей, презентации, а также самооценки коллектива авторов проекта в виде аналитической записки, графика, речи и т.д.

Проектное обучение опирается на личностно-деятельностный подход, что позволяет студенту стать субъектом обучения, Использование метода проектов повышает мотивацию обучающихся, способствует раз-

витию и совершенствованию навыков работы с разнообразными источниками информации (научные и научно-популярные статьи, графики, рисунки, Интернет).

Нам хотелось бы поделиться опытом применения проектной методики.

Проект с элементами дискуссии «Большой адронный коллайдер» .

Данное проектное обучение с элементами дискуссии проводилось на занятиях по английскому языку со студентами II курса группы 21 ИБ, УНИИТ «Госуниверситет-УНПК» (Модуль 7 «Научная сфера общения», тема «Международные научные проекты», на материале текста «Large Hadron Collider» – «Большой адронный коллайдер»). В группе 15 человек.

Как возникла идея провести проект? Сначала мы изучили текст «Large Hadron Collider» в рамках указанного модуля: сняли лексические трудности, перевели текст, ответили на вопросы, выполнили задания; были отработаны клише, необходимые для проведения дискуссии.

Текст довольно сложный, необходимы знания из области физики элементарных частиц. Но, тем не менее, эта тема актуальна, вызывает много споров как в научной среде, так и в кругах, далеких от науки. Студентам данная тема показалась интересной, поэтому мы предложили им провести свое маленькое исследование этого противоречивого проекта. Работали мы над подготовкой проекта долго – один месяц по различным причинам.

Цели занятия:

1. активизировать речемыслительную деятельность обучающихся;
2. развивать монологическую и диалогическую речь обучающихся;
3. развивать навыки проектной работы, творческие способности обучающихся;
4. закрепить лексический и грамматический материал;
5. повысить мотивацию в обучении иностранному языку

Задачи:

1. учебные: развитие коммуникативных умений обучающихся, умения воспринимать на слух и понимать краткие сообщения, умения делать краткие сообщения на заданную тему, умения вести диалог, умения высказывать свое мнение;
2. познавательные: увеличение объема знаний о международных научных проектах, расширение общего кругозора обучающихся;
3. развивающие: развитие познавательных способностей, готовности к общению, развитие творческих способностей учащихся и самостоятельной деятельности при работе с проектом;
4. воспитательные: воспитывать уважительное отношение к чужому мнению.

Структура проекта: (в виде презентации):

1. Вступительное слово ведущего.
2. Музыкальное вступление (песня В. Высоцкого «Марш студентов-физиков» с английскими субтитрами).

3. История создания проекта «Большой адронный коллайдер».
4. Структура коллайдера, принцип его работы.
5. Страны-участники.
6. Стоимость проекта.
7. Основные задачи.
8. Преимущества и недостатки.
9. Мнения ученых.
10. Планы на будущее.
11. Дискуссия о преимуществах и недостатках этого проекта.

12. Заключительное слово ведущего.

Из опыта работы отметим плюсы и минусы проведения данной работы:

Плюсы:

- повышение мотивации студентов (уменьшение количества неаттестованных студентов за счет их активного участия в работе над проектом, баллы для творческого рейтинга);
- расширение общего кругозора как учащихся, так и преподавателя;
- совершенствование языковых навыков студентов;
- повышенный интерес обучающихся к данной теме;
- развитие их творческих способностей и самостоятельной деятельности при работе с проектом;
- развитие умения вести дискуссию и воспитание уважительного отношения к чужому мнению.

Минусы:

- недостаточная языковая компетентность неко-

торых учащихся (при этом есть желание участвовать в проекте);

- нежелание некоторых студентов участвовать в проекте (не явно выраженное, а просто по лени);
- недостаточная компетентность обучающихся в данном вопросе (поверхностные знания: нужны более глубокие знания в области физики);
- организационные проблемы при подготовке проекта (пропуски студентов на занятиях, неподготовленность, технические проблемы);
- недостаточная подготовленность некоторых моментов дискуссии;
- недостаточное количество аудиторных часов для хорошей подготовки проекта.

На основании полученных результатов можно сделать вывод о целесообразности применения проектного обучения наряду с другими методами и способами преподавания. Оно является более продуктивным по сравнению с традиционным, так как при выполнении учебного проекта знания приобретаются обучающимися в процессе использования информации при решении практических задач.

Проектное обучение развивает критическое и творческое мышление, культуру общения, умение выполнять различные социальные роли в совместной деятельности; способствует формированию собственной аргументированной точки зрения. Данное обучение работает на конечный результат – создание готового продукта и выход с ним в общество.

Библиографический список

1. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. Под ред. Е.С. Полат. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 272 с.
2. *Полат Е.С.* Метод проектов на уроке иностранного языка. // Иностранные языки в школе. 2000. № 2 С. 3-9.
3. *Резцова С.А.* Телекоммуникационные проекты в обучении иностранному языку. // Современные теории и методы обучения иностранным языкам. М.: издательство «Экзамен», 2006. 243с.

References

1. New pedagogical and information technologies in an education system. Under the editorship of E.S. Polat. M. Izdatelsky center "Akademiya", 2001. 272 p.
2. *Polat E.S.* The method of projects at the lesson of foreign language. // Foreign languages at school. 2000. №. 2. Pp. 3-9.
3. *Reztsova S.A.* Telecommunication projects in the training of foreign languages. // The modern theories and methods of training of foreign languages. M.: publishing house «Ekzamen», 2006. 243 p.

УДК 159.923.2

UDC 159.923.2

А.Г. САМОХВАЛОВА

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра социальной психологии, Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
E-mail: samohvalova@kmtn.ru

A.G. SAMOKHVALOVA

Candidate of pedagogical sciences, associate professor of department of social psychology, Kostroma State University named after N.A. Nekrasov
E-mail: samohvalova@kmtn.ru

ВЛИЯНИЕ НЕФОРМАЛЬНЫХ СУБКУЛЬТУР НА ХАРАКТЕР ОБЩЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

INFLUENCE OF INFORMAL SUBCULTURES ON THE CHARACTER OF COMMUNICATION MODERN TEENAGERS

Статья посвящена проблеме затрудненного общения современных подростков. Предпринята попытка выявить влияние неформальных молодежных субкультур на характер общения эмо-подростков, подростково-готов, подростков-рэперов; описаны особенности их Интернет-общения, типичные коммуникативные трудности, специфика самовосприятия в качестве субъекта общения.

Ключевые слова: затрудненное общение, субъект общения, коммуникативные трудности, неформальные субкультуры

The article deals with the difficulty communicating of modern teenagers. Attempt to identify the influence of informal youth subcultures on the nature of communication of Emo-teens, Goths, teenage-rappers is made, described the features of their Internet-communications, typical communication difficulties, the specificity of self-perception as a subject of communication are described.

Keywords: difficulty communicating, subject of communication, communication difficulties, informal subculture.

Актуальность исследования

Проблема затрудненного общения детей и подростков чрезвычайно остро стоит в современном обществе. Дети и подростки, у которых только начинает кристаллизоваться образ мира, «особенно чувствительны к кризисам социального устройства общества, основное угрожающее проявление которых – диффузия и размывание ценностей» [6, с. 162]. Ребенок с самого раннего возраста в процессе социализации неизбежно включается в «паутину проблем», связанных с экономическим кризисом; нагнетанием социально-политической напряженности; материальной поляризацией людей; трансформацией общественных связей; дегуманизацией, напряженностью и отчужденностью семейных отношений; ростом межличностных конфликтов, безразличием, непониманием человека человеком. «Паутина проблем» социально-экономического, культурно-психологического и общественно-межличностного характера; деструктивность, скудность, поверхностность и напряженность коммуникативных контактов ребенка с окружающими деморализует его, приводит к дегуманизации интерперсонального взаимодействия, к внутренней нестабильности, к потере стрессоустойчивости, снижению веры в себя, к актуализации защитных форм коммуникативного поведения, к фрустрации аффилиативных потребностей и возникновению разнообразных трудностей общения.

Возникновение разнообразных коммуникативных трудностей у ребенка детерминировано системой факторов – социокультурных, средовых и индивидуальных [8]. В нашем исследовании было установлено, что одним из значимых социальных факторов, обуславливающих

возникновение вариативных коммуникативных трудностей, является влияние неформальной субкультуры на коммуникативную сферу личности подростка [7].

Особо весомую роль этот фактор начинает играть в подростковом возрасте, т.к. подросток характеризуется тенденцией к утверждению своей позиции, субъектной исключительности, индивидуальности, стремлением чем-то выделиться. Очень часто именно субкультурная группа позволяет подростку реализовать эти актуальные потребности, самоутвердиться в общении и деятельности. Несмотря на видимый позитивный эффект, можно отметить и негативное влияние подростковой субкультуры на личность, обуславливающее возникновение различных коммуникативных трудностей подростка.

И.С. Кон утверждал, что, находясь в субкультурной группе сверстников, как в микросоциуме со своей культурой, подросток перенимает паттерны субкультурного поведения, соответствующие ценности, нормы и способы мышления [5]. Негативное влияние субкультуры на личность подростка может выражаться в формировании недоверия к людям, высокого уровня агрессивности, чувства превосходства и самоуверенности [3]. С другой стороны, может возникнуть неприятия себя, высокой уровень экстернатальности, ведомости, эмоциональный дискомфорт, что приводит к искажению адекватности коммуникативного поведения [1]. У представителей субкультурных групп негативной направленности выражены деструкции, проявляющиеся в трудностях взаимодействия с окружающими людьми (взрослыми и сверстниками), враждебности,

инфантильности, конфликтности, агрессивности, аутоагрессии, нарушении норм и правил поведения, употреблении психоактивных веществ [4].

За последние годы среди подростков России распространение получили различные *виды неформальных течений*: эмо, готы, рэперы, гопники, скинхеды, хипстеры и др. Каждое неформальное движение оказывает специфическое влияние на личность ребенка, идентифицирующего себя как члена данной группы, но можно выделить и общие *тенденции риска*: изменение системы коммуникативных ценностей; самодеструктивное поведение в общении; одобрение действий, разрывающих связи подростка с благополучным социальным окружением; отсутствие целей и стратегий коммуникативного саморазвития; обесценивание живого межличностного общения [2].

Таким образом, на сегодняшний день в науке остается открытым вопрос о характере влияния неформальных подростковых субкультур на развитие ребенка как субъекта общения. Это обусловило выбор проблемы исследования: «Затрудненное общение подростка-неформала является следствием давления на него субкультурных групповых норм, или же подростки, имеющие те или иные коммуникативные трудности, становятся членами определенного молодежного течения, чтобы преодолеть эти трудности и стать более компетентными в общении?»

Методика исследования

Участники и процедура исследования. Нами было организовано онлайн-исследование. На протяжении четырех лет студенты-психологи Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова (n = 26) включались в виртуальную переписку с подростками разных субкультурных групп – «эмо» (n = 60), «готами» (n = 60), (n = 60), рэперами (n = 60), в возрасте 13-15 лет, обсуждая с ними те или иные жизненные проблемы. Следует отметить, что 75 из 180 респондентов на этапе исследования, когда было необходимо рассказать о себе, своих трудностях в процессе общения с другими людьми, отказались от участия в исследовании (из них 34 эмо, 28 готы и 13 рэперов), что косвенно подтверждает их закрытость и страх установления близких отношений.

Методы исследования: контент-анализ Интернет-сайтов и форумов, виртуальной переписки с представителями субкультур «эмо», «готы», «рэперы»; ранжирование результатов анкетирования, в котором подростков-неформалов просили вспомнить, какими они были в общении с людьми до вхождения в неформальные объединения, и какими стали сейчас (необходимо было проассоциировать себя с цветом, животным, явлением природы, назвать свои сильные и слабые стороны в общении, основные трудности общения).

Особенности Интернет-общения подростков-неформалов

Контент-анализ Интернет-сайтов и форумов, в рамках которых происходит виртуальное обще-

ние подростков-неформалов, показал, что в онлайн-общении с представителями своей субкультурной группы подростки удовлетворяют нереализованные в реальной коммуникативной деятельности актуальные для них *потребности*:

- *аффилиативную потребность* в принадлежности к группе (в данном случае виртуальной – в виде групп поклонников эмо-музыки, групповых готических ритуалов, «рэп-переключки»);
- *потребность в общении*, новых знакомств, поиске романтических привязанностей (кроме того, общение в Интернете «со своими» приобретает дополнительную значимость как средство быть «модным»);
- *стремление давать собственную оценку разным явлениям*, показывать свою значимость, эрудированность, привлекать внимание оригинальностью;
- *гипертрофированную потребность в информации*, желание быть в курсе всех событий, быть популярным.

Интернет-коммуникации подростков разных субкультур имеют специфический характер и содержание:

- *Эмо-подростки* чаще общаются не тет-а-тет, а в форме чата, что упрощает самопрезентацию; оформленные блоги достаточно однотипно, стереотипно (капли крови, пирсинг, тема безответной любви, тема смерти, размышления о смысле жизни), это обеспечивает «принятие среди своих»; эмо ведут виртуальные дневники, которые могут читать все пользователи сайта и комментировать записи; это позволяет подросткам совладать со стрессовыми ситуациями и не чувствовать себя одинокими; наблюдается изменение письменной речи в сторону специфического эмо-слэнга (замена звонких звуков в словах на звуки «ф», уменьшительно-ласкательные обращения, вследствие чего складывается впечатление инфантилизма).

- *Подростки-готы* чаще всего имеют вымышленные имена («ники»), создавая эффект анонимности; в переписке обсуждают жизненные ценности, трудности общения, проблемы установления близких отношений, критикуют взрослых и одноклассников, не стесняясь в выражениях, тем самым, создавая видимость независимости и подчеркнутой взрослости; компенсируют тревожность и депрессивность разговорами о бесстрашии смерти, людей, хвастовством (демонстрируют свои готические аксессуары, гордятся тем, что «не такие, как все»), дают рекомендации, как одеваться, как оформлять свой имидж).

- *Подростки-рэперы* зачастую размещают в Интернете не собственные фотографии, а снимки сверстников, которые им кажутся более привлекательными, выдают их за свои; отмечается мнимая враждебность, независимость, негативизм в оценках и взглядах; склонны к злым шуткам в адрес «чужих» стихов, любят выступать в роли эксперта, критика; болезненно воспринимают критику.

Однако существуют и общие, сходные характеристики общения с подростками-неформалами в ситуации Интернет-взаимодействия. Представителям субкультурных подростковых групп свойственны:

- *чрезмерная подозрительность* (постоянно уточняли цель обращения, отказывались давать адрес своей электронной почты, опасаясь, что «взломают» их страничку, скрывали собственные имена, беспокоились по поводу конфиденциальности);

- *импульсивное проявление решительности* (сразу и с большим желанием соглашались участвовать в исследовании), но боязнь идти до конца в начатом деле (впоследствии находили причины, по которым они не могли выполнить наши просьбы – отсутствие времени, непонимание; игнорировали письма);

- *несерьезное отношение к взаимодействию*, которое проявлялось в отсрочке выполнения просьбы, нежелании вникнуть в суть задания;

- *недоверие к собеседнику*, страх, что над ними «смеются», «проверяют», а не искренне интересуются;

- *раздражительность*, которая проявлялась в ситуациях, когда на письма подростков сразу не отвечали, это рассматривалось ими как «предательство», как проявление «наплевательского отношения» к ним; чаще всего в таких случаях следовал отказ от дальнейшего взаимодействия;

- *яркое описание своих чувств*, переживаний, утрирование, использование метафор, отражающих внутреннее состояние («Я просто бледное размытое

пятно ночного фонаря при дневном свете», «Меня разъедает страх: медленный, серый, холодный... Все больше и сильнее... Понимаешь?»);

- *просьбы о помощи, склонность к шантажу* как проявление манипулятивности («Если вы мне не можете, я не смогу понять, зачем я нужна», «Моя жизнь зависит от вас! Помните об этом!», «Если не скажите, как стать популярной – обо мне больше никто не услышит!»).

Таким образом, можно сделать вывод, что Интернет-общение подростков, принадлежащих к разным субкультурным группам, удовлетворяет актуальные потребности, поддерживает имидж и позитивный образ Я, снимает психоэмоциональное напряжение, связанное с их некомпетентностью в ситуациях реального межличностного общения.

Динамика коммуникативных характеристик подростка

Результаты анкетирования позволили выявить специфические коммуникативные характеристики, которые были свойственны подросткам до вхождения в неформальное объединение, и их актуальные особенности общения. Ранжирование полученных эмпирических данных позволило определить доминирующие коммуникативные характеристики подростков различных субкультурных групп (таблица 1).

Таблица 1.

Динамика коммуникативных характеристик подростков, представителей разных субкультурных групп

Параметры анализа	Эмо-подростки (n=26)	Подростки-готы (n=32)	Подростки-рэперы (n=47)
Цвет До вхождения В настоящее время	1 – серый; 2 – желтый; 3 – черный	1 – зеленый; 2 – серый; 3 – черный	1 – черный; 2 – синий; 3 – зеленый
	1 – красный; 2 – розовый; 3 – зеленый	1 – черный; 2 – фиолетовый; 3 – красный	1 – зеленый; 2 – красный; 3 – желтый
Животное До вхождения В настоящее время	1 – черепаха; 2 – страус; 3 – ленивец	1 – еж; 2 – волк; 3 – скунс	1 – обезьяна; 2 – таракан; 3 – верблюд
	1 – пантера; 2 – павлин; 3 – лань	1 – змея; 2 – слон; 3 – носорог	1 – тигр; 2 – волк; 3 – комар
Явление природы До вхождения В настоящее время	1 – туман; 2 – дождь; 3 – ветер	1 – дождь; 2 – облачность; 3 – снегопад	1 – ветер; 2 – дождь; 3 – засуха, жара
	1 – солнце; 2 – радуга; 3 – туман	1 – вьюга; 2 – буря; 3 – гроза	1 – шторм; 2 – ураган; 3 – гроза
Сильные стороны в общении До вхождения В настоящее время	1 – умение слушать; 2 – молчаливость; 3 – сочувствие	1 – доброта; 2 – осторожность; 3 – ответственность	1 – мягкость; 2 – умение понять других; 3 – доброта
	1 – яркость, эмоциональность; 2 – недоверие к людям; 3 – скрытность	1 – твердость; 2 – умение постоять за себя; 3 – умение привлечь к себе внимание	1 – независимость; 2 – непохожесть на других; 3 – жесткость
Слабые стороны в общении До вхождения В настоящее время	1 – застенчивость; 2 – страх вызвать у других смех; 3 – тревожность	1 – неуверенность; 2 – неумение постоять за себя; 3 – подозрительность	1 – неумение привлекать внимание; 2 – рассеянность; 3 – замкнутость
	1 – чрезмерная чувствительность; 2 – обидчивость; 3 – злость	1 – агрессивность; 2 – безразличие («пофигизм»); 3 – тревожность	1 – язвительность, недоброежелательность; 2 – недоверие к людям; 3 – злопамятность
Трудности общения До вхождения В настоящее время	1 – болезненное восприятие критики; 2 – общение с агрессивным партнером; 3 – непопулярность в среде сверстников	1 – усмешки, издевки сверстников; 2 – страх сказать, что думаешь; 3 – непонимание со стороны сверстников	1 – одиночество; 2 – вербальные трудности; 3 – общение с теми, кто глупее, но сильнее
	1 – непонимание; 2 – ориентация на внешний вид, высмеивание его; 3 – собственная тревожность, недоверчивость	1 – нежелание людей общаться с готами; 2 – трудно общаться не с готами; 3 – ожидание конфликта, драки, ссоры	1 – непонимание; 2 – зависть со стороны сверстников; 3 – критика в адрес музыки

Обсуждение результатов исследования

Полученные результаты весьма неоднозначны, амбиваленты:

- с одной стороны, подростки, имеющие сходные коммуникативные трудности, пытаются найти способ самовыражения и преодоления этих трудностей через группирование с похожими на себя сверстниками; в этом случае *подростковая субкультура может рассматриваться как фактор преодоления актуальных коммуникативных проблем ребенка*;

- с другой стороны, неформальная подростковая субкультура негативно воздействует на подростка, детерминируя возникновение новых (ранее не испытываемых) коммуникативных трудностей, зачастую более деструктивных по сравнению с первоначальными; в этом случае *подростковая субкультура является фактором затрудненного общения субъекта*.

Так, *эмо-подростки*, испытывая трудности, связанные с неуверенностью, тревожностью, застенчивостью (черный, серый цвет; черепаха, страус); низким уровнем самопонимания, слабой коммуникативной активностью (туман, дождь; ленивец); отличаясь мягкостью, чувствительностью, толерантностью в общении; испытывая эмоциональный дискомфорт, гелотофобию, страх буллинга, чувство одиночества; пытаются преодолеть эти коммуникативные трудности через самореализацию в среде эмо-субкультуры. В результате этого у подростков формируется новый комплекс коммуникативных трудностей: демонстративность, чрезмерная потребность в признании, гиперэмоциональность, желание нравиться, идеализация себя, частое поучение других людей (красный, зеленый цвет; павлин, лань; солнце, радуга); настойчивость, недоверчивость, скрытность; агрессивные проявления (пантера; злость, обидчивость).

Подростки-готы, испытывая трудности, связанные с негативным самовосприятием (черный, серый цвет; скулс, жаба); склонность к защитным формам поведения (еж, волк); эмоциональную нестабильность, потребность отреагировать негативные эмоции (облачность, снегопад, дождь); проявляя подозрительность, недоверчивость, осторожность, неумение постоять за себя; испытывая страх самовыражения, непонимания, гелотофобию, становясь членами подростковой готической субкультуры, испытывают иные коммуникативные трудности: депрессивность, вялость, безразличие (черный, коричневый, фиолетовый цвет; «пофигизм»); агрессивность, стремление вызывать страх, доминантность (змея, слон, носорог; гроза); внутренняя противоречивость, тревожность, от которой страдают окружающие (буря, вьюга); твердость, настойчивость в отстаивании собственного мнения; демонстративность (красный цвет, желание привлечь к себе внимание); деструктивные установки на общение со сверстниками, не разделяющими их готический стиль и ритуалы (трудности общения не с готами, ожидание негативного к себе отношения).

Подростки-рэперы, испытывая тревожность, депрессивность, нереализованную потребность в при-

знании, негативное самовосприятие (черный, синий, зеленый цвет; обезьяна, таракан); недостаток близких эмоциональных связей (жара, засуха; верблюд; неумение привлекать к себе внимание); чрезмерную мягкость, отзывчивость в сочетании с рассеянностью и замкнутостью; трудности взаимопонимания с менее умными, но более сильными партнерами, неумение убеждать и, как следствие, ощущение одиночества, максимально остро испытывают аффилиативную потребность в принятии, дружбе, уважении. Рэп-субкультура кажется им наиболее привлекательной, т.к. раскрывает творческие потенциалы, облегчает процесс самовыражения, позволяет быть свободным, раскованным, независимым, компенсировать нереализованные потребности в музыке. Действительно, включенность в рэп-течение помогает подростку справиться с актуальными коммуникативными трудностями, но обуславливает возникновение новых: демонстративность, самолюбование (красный, зеленый цвет; непохожесть на других); вербальная агрессивность, враждебность (тигр, волк; шторм, ураган, гроза; злопамятность; жесткость); навязчивость, недоброжелательность (комар; язвительность; занудливость); болезненное отношение к критике и зависти со стороны сверстников.

Выводы

Таким образом, обобщая результаты наших исследований, можно сделать следующие **выводы**:

1. Неуверенные, тревожные, застенчивые, чрезмерно эмпатийные подростки, испытывающие фрустрацию аффилиативных потребностей, трудности самопонимания и негативное самоотношение, склонны к активному поиску *пространства для самоутверждения*, коим являются разнообразные неформальные подростковые субкультуры. Т.е. чаще всего причиной группирования подростка с представителями неформальных объединений являются *субъективно переживаемые трудности общения*, чувство одиночества и коммуникативной некомпетентности, стремление к самовыражению в межличностном общении.

2. Включенность подростка в неформальную субкультуру способствует преодолению субъективно переживаемых коммуникативных трудностей, однако детерминирует возникновение *объективных проявлений затрудненного общения*; т.е. сам подросток перестает воспринимать себя в качестве субъекта затрудненного общения, однако *существенно затрудняет коммуникативный процесс для своих партнеров*, проявляя агрессивность, враждебность, доминантность, демонстративность, самоуверенность, нетерпимость к инакомыслию, критике.

3. С одной стороны, неформальная субкультура помогает подростку создать индивидуальный имидж в общении; отреагировать негативные эмоции; сублимировать деструктивные переживания; преодолеть страх публичного выступления и самовыражения, гелотофобию. С другой стороны, подросток, безоговорочно принимая общегрупповые нормы коммуникативного поведения, теряет индивидуальность; становится бо-

лее зависимым от мнения группы; сужает круг своего общения; становится менее гибким и толерантным – т.е. наблюдается *стагнация (а в некоторых случаях и регресс) в развитии подростка как субъекта общения.*

4. Особой формой *защитного поведения подростков-неформалов* можно считать *Интернет-*

общение, которое удовлетворяет актуальные коммуникативные потребности, поддерживает имидж и позитивный образ Я, снимает психоэмоциональное напряжение, связанное с их некомпетентностью в ситуациях реального межличностного общения.

Библиографический список

1. Волков Ю.Г. Социология молодежи. / Ю.Г. Волков, В.И. Добренков, Ф.Д. Кадария, И.П. Савченко, В.А. Шаповалов. Ростов-на-Дону : Феникс, 2001. 576 с.
2. Гогueva М.М. Психологическая профилактика негативного влияния субкультуры на личность подростка : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2010. 24 с.
3. Змановская Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения. М. : Академия, 2003. 288 с.
4. Клейберг Ю.А. Девиантология. СПб. : Речь, 2007. 416 с.
5. Кон И.С. Ребенок и общество. М. : Академия, 2003. 335 с.
6. Обухова Л.Ф. Варианты жизненной позиции российских подростков. Л.Ф. Обухова, М.В. Попова / На пороге взросления : сб. науч. ст. / Ред. Л.Ф. Обухова, И.А. Корепанова. М. : МГППУ, 2011. С. 162-171.
7. Самохвалова А.Г. Коммуникативные трудности подростка: субкультурный аспект. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 4 (44). Т. 3. С. 157-160.
8. Самохвалова А.Г. Факторы затрудненного общения ребенка. / А. Г. Самохвалова, В. И. Кашницкий // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. № 5. С. 202-206.

References

1. Volkov J.G. Sociology of youth. J.G. Volkov, V.I. Dobrenkov, F.D. Kadaria, I.P. Savchenko, V.A. Shapovalov. Rostov-on-Don: Phoenix, 2001. 576 p.
  2. Gogueva M.M. Psychological prevention of negative impact on the individual adolescent subculture: Author. dis. ... cand. psychol. science. Saratov, 2010. 24 p.
  3. Zmanovskaya E.V. Deviantology: Psychology deviant behavior. Moscow: Academy, 2003. 288 p.
  4. Clayburgh Y. Deviantology. SPb.: Speech, 2007. 416 p.
  5. Kon I.S. Child and society. Moscow: Academy, 2003. 335 p.
  6. Obukhova L.F. Dining vital position of Russian teenagers. L.F. Obukhova, M.V. Popova / On the threshold of adulthood: sat. scientific. art. / Ed. L.F. Obukhova, I.A. Korepanova. M.: MGPPU, 2011. Pp. 162-171.
  7. Samohvalova A.G. Communication difficulties teenager: subcultural aspect. // Herald Cherepovets State University. 2012. № 4 (44). Т. 3. Pp. 157-160.
  8. Samohvalova A.G. Factors hindered the child's communication. A.G. Samohvalova, V.I. Kashnitsky // Herald Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. 2013. № 5. Pp. 202-206.
-
-

УДК 373.5.64/.69

UDC 373.5.64/.69

М.В. ЯКУШЕВ

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра немецкого языка, Орловский государственный университет
E-mail: yamax@orel.ru

M.V. JAKUSCHEV

Candidate of pedagogical sciences, associate professor of German, Orel state university
E-mail: yamax@orel.ru

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНИКА КАК ВИДА УЧЕБНОГО ИЗДАНИЯ

TYPOLOGICAL FEATURES OF THE TEXTBOOK AS A KIND OF EDUCATIONAL PUBLICATIONS

Повышение качества учебных изданий и, как следствие, эффективности учебного процесса связывается с развитием общей теории учебника, аккумулирующей в себе основные положения педагогики, дидактики, методики, учебного книгоиздания и других наук. Основной задачей на современном этапе считается выявление типологических особенностей учебника как вида учебной литературы. Такие универсальные обобщенные характеристики обеспечат авторов ориентировочной основой создания учебников нового поколения.

Ключевые слова: функции учебника, принципы создания, типологические характеристики, система обучения, общая и частная теории учебника.

Improving the quality of training materials and, as a consequence, the effectiveness of the learning process associated with the development of the general theory textbook, which accumulates the main provisions of pedagogics, didactics, methodology, school book publishing and other sciences. The main task at the present stage is the identification of typological features of the textbook as a kind of educational literature. Such universal generalized characteristics will provide authors estimated the basis for the creation of new textbooks.

Keywords: the functions of the textbook, principles of establishment, typological characteristics, educational system, general and particular theory textbook.

Проблемам проектирования и конструирования учебника уделяется значительное внимание в педагогике, дидактике, методике обучения иностранным языкам. Наибольшее количество исследований в данной области предпринято в 70-90е годы 20 века. Основы теории учебника заложены в работах В.Г. Бейлинсона, В.П. Беспалько, П.Г. Буги, Д.Д. Зуева, В.В. Краевского, И.Я. Лернера, Н.И. Тупальского и других исследователей. Особое место в этом ряду занимало издание ежегодного научного сборника «Проблемы школьного учебника», осветившего на своих страницах наиболее значимые аспекты создания учебника. Фундаментальным исследованием в области учебника иностранного языка стала работа И.Л.Бим «Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника»

Изменение целей и задач, содержания образования, развитие технологий обучения ведут к пересмотру основных положений теории учебника, его совершенствованию как средства обучения. Несмотря на возрастающий интерес исследователей к данной проблеме, работы последних лет носят фрагментарный характер и могут быть классифицированы следующим образом:

– обращение к отдельным вопросам конструирования учебника (особенности текстотеки, роль и функции иллюстративного материала, принципы отбора содержания, построение методического аппарата и т.п.);

– описание содержания и структуры учебника на основе одного из методических подходов, с позиций

той или иной технологии обучения;

– выявление особенностей предметных учебников;
– изучение возможностей интеграции мультимедийного пространства в образовательное, создание электронных учебников.

Тем не менее, накопленные требования к созданию учебных материалов и разработанные подходы к проектированию учебника позволяют выделить его основные характеристики.

Учебник, появившийся еще до книгопечатания, впервые становится объектом научного исследования благодаря усилиям чешского педагога Яна Амоса Коменского. Изданный им первый иллюстрированный учебник «Мир чувственных вещей в картинках» определил принципы конструирования школьного учебника и заложил основы его теории. Представления о том, какой должна быть учебная книга меняются с переменами, происходящими в обществе. Очевидно, что чем радикальнее, глубже эти реформы, тем кардинальнее пересматривается содержание учебника, его методическая сущность и методологические основы. Несмотря на консервативность системы образования в целом, учебник менее догматичен, поскольку способен воплощать в себе новаторские идеи, реализованные в экспериментальных изданиях и учебных пособиях.

По настоящее время не утихают дискуссии по поводу содержания учебной книги и принципах ее построения. А.А.Корчинский связывает причины такого пристального внимания к учебнику с его функциями

и основной задачей – предоставить обучающимся возможность «приобщиться к сокровищнице знаний, опыта и культуры, созданной в исторической ретроспективе различными цивилизациями» [9, с. 19]. Учебное книгоиздание определяется ученым как система подготовки и издания учебно-методических комплектов (УМК) в соответствии с Федеральными государственными стандартами и требованиями к качеству образования при постоянном научно обоснованном обновлении его содержания, отраженным в школьных УМК.

В.П. Журавлев разделяет в издательской деятельности понятия «вид» и «тип» учебного средства. В его представлении учебник – вид издания, наделенный определенными функциями, содержательной и внешней структурой. Тип учебника конкретизируется в виде учебника-справочника, учебника-практикума и т.п. [5].

Это означает, что назначение учебника и его роль в образовательном процессе как технологического средства, реализующего принципы и закономерности обучения, определяют его типологические особенности, которые затем конкретизируются дидактическим подходом и избранным авторами методом обучения.

В ходе нашего исследования мы пришли к заключению, что универсальные характеристики учебника обнаруживаются уже на этапе анализа имеющихся определений и функций главного средства обучения. Дефиниции учебника разнообразны и многосторонни. В качестве примера приведем остающиеся авторитетными и по сей день два из них:

«Учебник – это массовая учебная книга, излагающая предметное содержание образования и определяющая виды деятельности, предназначенные школьной программой для обязательного усвоения учащимися с учетом их возрастных или иных особенностей». [6, с. 13]

«Учебник – знаковый продукт определенной методической системы – материализует все ее основные свойства и тем самым отражает в качестве системы реализации как общие объективные черты абстрактной системы обучения, так и субъективные черты той или иной ее интерпретации». [3, с. 136]

Если в первом случае с дидактических позиций акцент сделан на том, что учебник является языковым выражением содержания образования и управляет деятельностью учителя и учащихся, то во второй дефиниции преобладает методическая составляющая и указывается на зависимость структуры учебника, программы действий субъектов процесса обучения от интерпретации методической системы автором учебника.

Различие подходов к определению сущности учебника объясняется разнонаправленностью исследований. В зависимости от ракурса рассмотрения **учебник** предстает как:

- книга, системно излагающая основы знаний, представляющая собой ядро учебной литературы (В.Г. Бейлинсон, Б.М. Бим-Бад, Н.И. Тупальский);
- носитель предметного содержания и одновременно средство, обеспечивающее усвоение образования (Д.Д. Зуев, С.В. Суматохин);
- модель / элемент / подсистема целостной педа-

гогической системы, в которой комплексно представлены цели и содержание образования, структура учебных действий и организационные формы взаимодействия (В.П. Беспалько, И.Л. Бим, Е.Н. Кишкель, М.В. Лось, Р.Д. Сафарян, О.А. Шевченко);

- средство педагогического воздействия и инструмент регуляции учебно-познавательной деятельности, основа творческой деятельности и социального опыта (В.В. Краевский, Н.В. Кузьмина, И.Я. Лернер).

Принимая во внимание все многообразие имеющихся определений, считаем необходимым выделить следующие обобщенные **типологические особенности учебника как типа учебной литературы**:

- ✓ целостное (системное и концептуальное) представление предметного содержания в требуемом объеме;
- ✓ координация деятельности учителя и учащихся, управление процессом обучения и усвоения;
- ✓ выработка необходимых умений и навыков, формирование комплекса компетенций, опыта самостоятельной творческой деятельности.

Несмотря на то, что некоторые ученые, например Дж.Дьюи, отрицают возможности учебника как средства обучения, поскольку он не в состоянии выразить проблемность и ситуативность, теория учебника рассматривается в современной дидактике как самостоятельный раздел теории содержания образования. Более того, в настоящее время начинает формироваться особая отрасль – учебниковедение. В.А. Канке полагает, что учебник представляет собой концептуальное образование и человек, как существо само концептуальное, просто нуждается в нем. Концепция научно-теоретического ряда и методологические предпочтения способствуют концептуальному отбору материала, его структурированию. В данном контексте учебник, упорядочивая знания, систематизируя их, выступает, по мнению В.А. Канке, в роли навигатора, «центра концентрации знаний» и не имеет в мире знаний альтернативы [7, с. 46].

Исследователи сходятся во мнении, что современный учебник становится своеобразным посредником между двумя системами – учителем и учащимся. Его отличают полифункциональность, разветвленная структура и разнообразие средств, используемых в методическом аппарате для усвоения содержания и организации самостоятельной работы.

Е.Н. Кишкель характеризует учебник как многомерную, многоаспектную, многофункциональную комплексную информационную модель, имеющую системные признаки [8, с. 140]. По мнению Р.К. Миньяра-Белоручева, именно полифункциональность учебника отличает его от других видов учебной литературы, а реализация функций может стать одним из критериев оценки учебника.

Раскрывая специфику учебника как средства обучения, Д.Д. Зуев наделяет его следующими **функциями**, отражающими свойства и назначение учебной книги [6, с. 59-83]:

1. информативной – фиксация предметного со-

держания и видов деятельности;

2. трансформационной – преобразование, переработка основ знаний, активизация школьников, превращение учебника из пассивного носителя информации в активную методическую систему, что особенно важно в обучении ИЯ;

3. систематизирующей – обеспечение строгой последовательности изложения;

4. функцией закрепления и самоконтроля – являясь традиционной функцией учебника, она приобретает особое значение для УИЯ, призванного обеспечить обильную тренировку для формирования навыков и умений;

5. функцией самообразования – формирование желания и умения самостоятельно работать, стимуляция потребности в учении;

6. интегрирующей – помощь в отборе и усвоении знаний;

7. координирующей – эффективное использование всех средств обучения, взаимодействие всех компонентов УМК;

8. развивающе-воспитательной – создание условий развивающего обучения.

Выделенные функции уже давно принято считать общепризнанными, а классификация Д.Д. Зуева регулярно используется авторами при описании моделей предметных учебников [14]. Разнородность функций учебника ведет к попыткам выстроить их иерархию. В работе «Арсенал образования» В.Г. Бейлинсон насчитывает до 40 функций, однако, рассматривая учебную книгу как социальную категорию, считает необходимым дополнить перечень Д.Д. Зуева лишь двумя: функцией организации межпредметных связей и организационно-процессуальной функцией [2].

Важно отметить, что реализация функций учебника в комплексе ориентирует на достижение результатов обучения. Однако исследователи отмечают, что традиционно учебник выполняет две основные функции: 1) является источником учебной информации, раскрывающей в доступной для учащихся форме предусмотренное образовательными стандартами содержание; 2) выступает средством обучения, с помощью которого осуществляется организация образовательного процесса, в том числе и самообразование учеников [16].

В то же время смена образовательных приоритетов ведет, по мнению Е.Г.Таревой, к пересмотру функциональной направленности учебных пособий. Ключевыми функциями становятся:

- деятельностная функция, предполагающая обучение вариантам социального взаимодействия;
- воспитательно-развивающая, ориентирующая на формирование психических свойств личности и преобразование личностных подструктур;
- организационно-процессуальная функция, обеспечивающая руководство процессом обучения и учения;
- информационная, представляющая учебник уже не просто как источник знаний, но и как средство удовлетворения познавательных потребностей;

- самообразовательная, способствующая развитию автономной деятельности;

- интегрирующая, демонстрирующая взаимосвязи предметов и дисциплин;

- социально-педагогическая, формирующая мировоззренческие основы и опыт социальной деятельности;

- мотивирующая, стимулирующая интерес к предмету. [15, с. 70-71]

Очевидно, что выделенные функции демонстрируют вектор развития образовательной системы и требования образовательного пространства. Информационная функция сдает свои позиции. Оставаясь одной из основных, но не лидирующей, она переводит учебник из разряда источника информации в средство познания и саморазвития.

Однако мы не можем согласиться с высказыванием Е.Г. Таревой о том, что функции учебного пособия могут быть детерминированы требованиями к нему. На наш взгляд, как раз наоборот – образовательная парадигма ставит актуальные социально-педагогические задачи и предлагает пути их решения, определяя тем самым приоритетные функции учебной литературы, исходя из которых и разрабатываются требования к ней.

Так, в развиваемой В.А. Канке теории трансдисциплинарного учебника особое место занимает этическая функция учебника. Этические системы создавались человечеством на протяжении всей его истории, поэтому решение проблем образования видится исследователю в «прагматической перспективе» [7, с. 52]. Этизация образования и учебных дисциплин предполагает привнесение добра, облагораживание содержания и всей деятельности субъектов образовательного процесса. Прагматизация образования в 20 веке, ознаменовавшаяся лингвистическими исследованиями (теория речевых актов Дж. Остина, теория лингвистической относительности), вытеснила семантику. Жизненная ценность уступила место жизненной значимости. Став веянием времени, прагматика собственно отражает суть общественных дисциплин, однако, реализуя идеи прагматики, ученые, по словам В.А. Канке, забыли об этике, которая предстает как метанаука для прагматических дисциплин, изучающих человека и мир его ценностей. Исходя из ответственности автора учебника за ценностное содержание и благоприятное будущее личное и общества, философ называет этическую функцию учебника важнейшей: «Ключевой момент всякой реформы системы образования заключается в последовательной этизации процесса образования» [7, с. 100].

Итак, большинство исследователей определяет учебник как реализацию определенной системы обучения. Например, Р.Д. Сафарян формулирует свое отношение к данному вопросу следующим образом: «учебник является не самостоятельным замкнутым учебным пособием, а звеном в общей системе обучения, отражающей единство лингводидактической позиции авторов в плане реализации требований современной науки и соответствующей конкретной модели обучения» [14, с. 30].

Л.Г. Махмутова подчеркивает, что педагогический потенциал учебника заключается в развитии сфер пред-

метной деятельности школьника, поэтому при проектировании учебника необходимо ориентироваться на такие компоненты, как: [10, с. 31]

- мотивационный – значимость учебного предмета;
- когнитивный – теоретическая составляющая содержания учебного предмета;
- ориентировочный – практикоориентированность содержания учебного предмета;
- операциональный – самостоятельное применение знаний содержания учебного предмета.

Реализация вышеупомянутых деятельностных компонентов в учебнике позволит, на наш взгляд, придать личностную значимость процессу обучения. Ориентируясь на основные характеристики модернизации содержания образования (изменение целей, подготовка к самостоятельному решению проблем, формирование понимания окружающего мира, расширение содержания образования, личностная ориентация, сокращение объема, контроль качества), Е.А.Пичуренко выделяет следующие **принципы** создания современного учебника – фундаментальность, генерализация, структурированность, междисциплинарность, технологичность, модульный принцип построения [13, с. 25].

Таким образом, обращение к функциям учебника и принципам его создания позволяют прояснить универсальные характеристики главного средства обучения. Однако представления о концептуальных основах учебника имеют и существенные различия. Наряду с отсутствием единообразия, проблема видится и в том, что в теории учебника принципы и требования к его созданию подменяются общими принципами обучения. Не составляет исключения и учебник иностранного языка. И.Ю. Низовая, например, приравнивает принципы обучения, выдвинутые Е.И. Пассовым и его научной школой (мотивированность, целенаправленность, индивидуальность, речемыслительная активность, ситуативность, информативность, новизна, эвристичность речевых действий, функциональность, проблемность), к основополагающим принципам современной теории учебника ИЯ, которые определяют такие его характеристики, как:

- системно-структурный подход к организации материала;
- моделирование как метод решения методических проблем обучения;
- интегративный подход к организации видов речевой деятельности, отражении иноязычной культуры;
- деятельностный подход, определяющий целенаправленность, мотивированность;
- коммуникативность как основа всей технологии обучения. [11, с. 16]

Безусловно, закономерности обучения иностранному языку и принципы иноязычного образования должны найти отражение в содержании и структуре УИЯ. Вместе с тем, мы говорим об актуальности создания теории предметного учебника (учебника иностранного языка) исходя из анализа современных изысканий в этой области, где нами обнаружено два основных на-

правления исследований:

- либо обращение к особенностям отдельных элементов учебника (текстам, оформлению, системе упражнений и заданий, структуре и т.п.);
- либо попытка представить концепцию учебника на основе частного подхода или метода обучения.

В качестве примера можно привести одно из диссертационных исследований. Рассматривая изучение ИЯ как овладение системой составляющих коммуникативной компетенции, ибо «любой коммуникативный акт, любое высказывание погружены одновременно в контексты всех составляющих коммуникативной компетенции» [13, с.73], Е.Ю. Николенко делает акцент на усвоение культуры, которую она понимает как «как континуум чувств, идей, отношений в процессе межязыкового, межличностного общения» [12, с. 69]. Учебник иностранного языка должен обеспечить погружение и постижение иноязычной культуры, сформировать умения «поддерживать реальную вербальную коммуникацию, то есть облекать свои мысли и слова на русском языке и, что еще сложнее для иностранцев, понимать смысл высказываний собеседника» [12, с. 55].

Исходя из этой идеи, формулируются следующие принципы построения коммуникативного лингвокультурологического учебника:

- Коммуникативность (обучение языку в процессе общения, разнообразие форм отработки)
- Системность и концентризм в изучении грамматики (разноуровневость, от простого к сложному, от центра к периферии)
- Когнитивность (учет стратегий усвоения, моделей познания мира)
- Дискурсивность (обучение живому общению, дискурсу)
- Интенсивность/насыщенность (блочное введение достаточного количества информации, интенсивность нагрузок)
- Одновременное развитие всех ВРД
- Культурологичность (комплексность культурологической информации о родной стране и стране изучаемого языка) [12, с. 151].

Данные принципы отражают, по мнению автора, черты сбалансированного подхода к обучению ИЯ. В действительности же данная модель представляет собой, на наш взгляд, набор характеристик, не вызывающих сомнений, но выбранных автором, исходя из некоторых предпочтений, а не обусловленных концептуальной идеей.

Вопросы зависимости содержания и структуры УИЯ от методической концепции авторов будут рассмотрены нами в дальнейшем. На данном этапе мы считаем необходимым указать на целесообразность и назревшую потребность в формулировке универсальных принципов создания УИЯ. Она, с одной стороны, вызвана практикой написания предметных учебников, а с другой – аргументирована лингводидактическими закономерностями и стандартизацией образования, обеспечиваемой как примерной учебной программой и стандартами школьного образования, так и ком-

петентностным уровневым подходом в иноязычном образовании.

Одну из первых попыток систематизации разрозненных требований методики к построению УИЯ предпринимает И.Л. Бим в монографии «Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника» [3], которые затем дополняются и уточняются А.Р. Арутюновым [1] и М.Н. Вятюгным [4]. Основные дидактические и методические особенности УИЯ формулируются на основе анализа их трудов следующим образом:

- системность и научность методической концепции авторов;
- структурно-функциональная, концентрическая организация материала;
- деятельностный характер усвоения, его управляемость посредством постановки конкретных методических задач и поэтапности их решения;
- иерархическая система упражнений и разнообразии форм взаимодействия;
- всемерная мотивация, обеспечиваемая отбором актуального содержания, индивидуализацией обучения, учетом коммуникативных и иных потребностей, особенностей обучающихся, стратегий овладения ИЯ.

Как мы указывали выше, работы последних лет содержат лишь детализацию отдельных признаков учебника, составленного на основе той или иной авторской концепции. Тем не менее, данные исследования вносят существенный вклад в развитие теории учебника и позволяют выявить типологические характеристики современного учебника иностранного языка.

С этой точки зрения представляют интерес данные анкетирования, проведенного нами среди учителей иностранного языка средних школ города Орла. Им было предложено выбрать из 15 трактовок, приведенных ниже и обобщающих в сжатом виде дидактические и методические особенности УИЯ, те, которые:

- а) соответствуют их представлениям об учебнике;
- б) характеризуют учебник, по которому они работают.

Интерпретация основных определений учебника

1. Учебник – это системное изложение информации и источник предметных знаний.
2. Учебник – средство формирования иноязычной культуры обучаемого.
3. Учебник – основная учебная книга, в которой материал представлен системно.
4. Учебник – дает целостное представление о предмете, координирует деятельность учителя и учащихся.
5. Учебник – средство обучения, призванное помочь школьнику усвоить необходимый материал.
6. Учебник – определяет и программирует деятельность ученика и предполагаемую деятельность учителя.
7. Учебник – средство педагогического воздействия и инструмент регуляции учебной познавательной деятельности.

8. Учебник – книга, предназначенная для усвоения учащимися известного объема информации и управления их учебно-познавательной работой.

9. Учебник – содержит фиксированный объем опыта, подлежащего обязательному усвоению обучающимися.

10. Учебник – демонстрирует приемы умственной деятельности в целях практического использования полученных знаний.

11. Учебник – основной источник знаний и руководство к действию.

12. Учебник – учитывает интересы и мотивацию учащихся и позволяет им выбрать свои технологии в обучении.

13. Учебник – моделирует речевые ситуации, демонстрирует способы взаимодействия.

14. Учебник – содержит предписания по выполнению учебных действий, контролирует действия ученика и процесс усвоения.

15. Учебник – предоставляет учащемуся новые познавательные возможности.

Примечательно отметить, что представляя «идеальный учебник», учителя выбирают приоритетные толкования, вписывающиеся в современную образовательную парадигму: «Учебник – средство формирования иноязычной культуры обучаемого», «Учебник – книга, предназначенная для усвоения учащимися известного объема информации и управления их учебно-познавательной работой». Большинство опрошенных отрицает жесткие предписания, заданность содержания и регламентацию деятельности как учителя, так и учащихся.

С другой стороны, учебники, используемые учителями в учебном процессе, не отвечают их потребностям. Для многих реальные учебники представляют собой системное изложение материала, источник информации и предметных знаний. Хотя в учебниках, по мнению респондентов, моделируются речевые ситуации и демонстрируются способы деятельности, они не способствуют мотивации в изучении ИЯ. Только 17, 5 % опрошенных говорят о том, что учебник открывает учащемуся новые познавательные возможности, лишь 7,5 % видят в учебнике средство формирования УУД, возможность демонстрации способов деятельности и выбора стратегий учения, технологий обучения.

Анализ научно-педагогической литературы и проведенное анкетирование позволяют нам сформулировать следующие **выводы**:

1. Теория учебника – динамично развивающийся самостоятельный раздел общей дидактики. Эволюция представлений об учебнике напрямую связана с развитием образовательной системы, моделью которой он и является. В силу консервативного характера образовательной системы и многоступенчатости реализации проекта написания и внедрения учебника, внесение изменений в практику создания учебника происходит достаточно медленно. Такой цикл может составить от 5 до 10 лет, поэтому авторам необходимо руководствоваться принципом вариативности и предусмотреть возможность актуализации содержания учебника с учетом

происходящих изменений и условий обучения.

2. Назрела необходимость создания теории предметного учебника – учебника иностранного языка, аккумулирующей результаты проводимых исследований, выявляющей характерные особенности предметного учебника вне зависимости от его методической ориентации.

3. К основным характеристикам учебника, определяющим его назначение как типа учебного издания, следует отнести:

- системность и научность в отборе и организации материала, интегративность и междисциплинарность знаний как условие формирования целостной индивидуальной картины мира;
- стандартизация содержания, средств и способов оценки результатов обучения;
- вариативность в содержании и способах усвоения, возможность формирования индивидуальной образовательной траектории;
- ориентация на личность, учет ее интересов, возможностей и потребностей, уровня развития;
- активизация познавательных возможностей на основе партнерских отношений и разнообразных форм взаимодействия;
- когнитивный характер усвоения, обеспечивающий овладение стратегиями учения, стимулирующий процессы самообразования и самопознания;
- всемерная мотивация, в том числе посредством создания проблемных ситуаций и демонстрации способов их решения, возможностей использования усвоен-

ного материала в практической деятельности.

4. Среди множества функций, которыми наделен учебник, на современном этапе развития доминантными являются:

- интегрирующая – взаимосвязь средств УМК, создание целостной картины мира во избежание фрагментарности на основе междисциплинарных связей;
- прагматическая – нацеленность на усвоение знаний, востребованных личностью и обществом, формирование предметных компетенций и умений социального взаимодействия на основе ценностных ориентиров и этнокультурных особенностей;
- технологическая – демонстрация приемов и способов деятельности, формирование умений рациональной организации и выбора адекватных способов и приемов, принятие решений;
- функция саморазвития – формирование познавательной активности и потребности в самообразовании, умения учиться.

5. Формулировка принципов создания учебника обеспечивается методологией и основными положениями образовательной системы, но не должна дублировать принципы и требования к самому процессу обучения.

6. В настоящее время назрела острая потребность в систематизации и обобщении накопленного теоретического и эмпирического опыта с целью создания концепции современного учебника иностранного языка. Первым шагом на этом пути может стать выявление типологических особенностей учебника, отличающих его от других видов и типов учебной литературы.

Библиографический список

1. Арутюнов А.Р. Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев. М.: Рус.яз., 1990.
2. Бейлинсон В.Г. Арсенал образования. М.: Книга, 1986. 286 с.
3. Бим И.Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника. М., Рус.яз., 1977. 288 с.
4. Вятютнев М.Н. Теория учебника русского языка как иностранного (методические основы). М.: Рус. яз, 1984. 144 с.
5. Журавлёв В.П. От азбуки до учебно-методического комплекта (к истории создания учебно-методических комплектов по литературе для общеобразовательной школы): Монография. М.: МПГУ, 2011. 136 с.
6. Зуев Д.Д. Школьный учебник. М.: Педагогика, 1983. 240 с.
7. Канке В.А. Философия учебника: монография. М.: Университетская книга, 2007. 118 с.
8. Кишкель Е.Н. Совершенствование методики разработки учебника (на примере учебников по управлению для среднего профессионального образования): Дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2003. 222 с.
9. Корчинский А.А. Теоретические и организационно-педагогические основы управления учебным книгоизданием на рынке образовательных услуг: Автореферат дис. ... док. пед. наук. М., 2012. 48 с.
10. Махмутова Л.Г. Учебник как средство формирования предметных образовательных компетенций младшего школьника: Дис. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2007. 240 с.
11. Низовая И.Ю. Теория и практика создания электронного учебника по русскому языку как иностранному: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2001. 193 с.
12. Николенко Е.Ю. Современные методы обучения как основа создания учебного комплекса по русскому языку для иностранных учащихся (начальный этап): Дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2005. 246 с.
13. Пичкурено Е.А. Учебник нового поколения в структуре профессиональной подготовки учителей: Дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2006. 272 с.
14. Сафарян Р.Д. Теоретические основы учебника русской словесности для армянских учащихся на продвинутом этапе обучения: Дис. ... док. пед. наук. Москва, 2004. 446 с.
15. Тарева Е.Г., Казанцева Е.М. Деятельностно-компетентностный подход к созданию учебных пособий для подготовки бакалавров // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 2(8). С.65-77.
16. Хуторской А.В. Место учебника в дидактической системе // Педагогика. 2005. № 4. С. 10-18.

References

1. *Arutyunov A.R.* Theory and practice of creation of the textbook of the Russian language for foreigners. M.: Russian Language, 1990.
  2. *Beilinson V.G.* Arsenal of education. M: Book, 1986. 286 p.
  3. *Bim I.L.* Methodology of teaching foreign languages as a science and problems of school textbooks. M: Russian Language, 1977. 288 p.
  4. *Kanke V.A.* Philosophy textbook: monograph. M: University book, 2007. 118 p.
  5. *Khutorskoy A.V.* Place textbook in didactic system // Pedagogy. 2005. № 4. Pp. 10-18.
  6. *Kishkel E.N.* Improvement of methods of development of the textbook: Dis. ... Cand. of Sciences. Moscow, 2003. 222 p.
  7. *Korchinsky A.A.* The theoretical and organizational-pedagogical bases of management of educational book publishing in the market of educational services: abstract of thesis. ... Dis. Doc. of Sciences. M., 2012. 48 p.
  8. *Mahmutova L.G.* The textbook as a means of forming the subject of educational competencies primary school children: Dis. ... Cand. of Sciences. Orenburg, 2007. 240 p.
  9. *Nikolenko E.J.* Modern teaching methods as a basis for creation of an educational complex in the Russian language for foreign students (initial stage): Dis. ... Cand. of Sciences. Moscow, 2005. 246 p.
  10. *Nizovaya I.U.* Theory and practice of creation of the electronic textbook on Russian as a foreign language: Dis. ... Cand. of Sciences. M, 2001. 193 p.
  11. *Pichkurenko E.A.* The textbook of a new generation in the structure of professional training of teachers: Dis...Cand. of Sciences. Krasnodar, 2006. 272 p.
  12. *Safaryan R.D.* Theoretical basis of the textbook of Russian literature for Armenian students at an advanced stage of training: Dis. ... Doc. of Sciences. Moscow, 2004. 446 p.
  13. *Tarewa E.G., Kazantseva E.M.* Activity-competence approach to creating manuals for the bachelor //Bulletin of Moscow state pedagogical University. Series Of "Philology. Theory of language. Language education". 2011. № 2(8). Pp.65-77.
  14. *Vetyutnev M.N.* Theory textbook of Russian as a foreign language (methodical bases). M: Russian Language, 1984. 144 p.
  15. *Zhuravlev V.P.* From alphabet to teaching and methodological set (history of creation of educational-methodological kits for literature for secondary schools): the Monograph. M: MSPU, 2011.136 p.
  16. *Zuev D.D.* School textbook. M: Pedagogika, 1983. 240 p.
-

УДК 372.3:745

UDC 372.3: 745

Н.В. БУТЕНКО

кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теории и методики дошкольного образования, Челябинский государственный педагогический университет
E-mail: natali-2058@mail.ru

N.V. BUTENKO

Candidate of Pedagogics, Associate Professor of Theory and Methods preschool education, Chelyabinsk State Pedagogical University
E-mail: natali-2058@mail.ru

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО УРАЛА КАК КУЛЬТУРНОЕ СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ARTS AND CRAFTS AS A URAL CULTURAL MEANS OF ARTISTIC AND AESTHETIC DEVELOPMENT OF PRESCHOOL CHILDREN

В современных условиях развития дошкольного образования, когда появляется тенденция к разновариантности и дифференциации обучения, обращение к народному декоративно-прикладному искусству выступает ведущим и равноправным компонентом художественно-эстетического развития личности ребёнка дошкольного возраста. Приобщение к культуре формы, цвета, ритма народного искусства способствует разностороннему развитию ребёнка, отражаясь в продуктах детского творчества.

Ключевые слова: народное искусство, декоративно-прикладное искусство Урала, образовательное пространство музея, декоративное творчество, художественно-эстетическое развитие, дети дошкольного возраста.

In modern conditions of pre-school education, when there is a tendency to different options and differentiation of instruction, appeal to popular arts and crafts is the lead and equal component of artistic and aesthetic development of the child of preschool age. An introduction to the culture of form, color, rhythm, folk art helps round development of the child are reflected in the products of children's creativity.

Keywords: folk art, arts and crafts of the Urals, educational space museum, decorative art, artistic and aesthetic development, pre-school children.

В период гуманизации образования обращение к народному искусству выступает возможностью формирования в период дошкольного детства общекультурного интеллекта личности, готовой в дальнейшем наследовать духовные ценности народа и вести диалог культур разных эпох. На ранних стадиях истории человечества всё искусство было народным. Народное искусство, построенное на Красоте, Добре и Справедливости, как культурная память народа, «неотделима от самых глубоких устремлений современности» (М.А. Некрасова). На протяжении нескольких столетий народное искусство рассматривается как носитель исторической памяти народа и особый тип художественного творчества. По специфике народное искусство является прикладным, так как охватывает все стороны материальной культуры человечества. Произведениям народного искусства присущи характерные черты: ясность и сила художественного языка, умение понять и использовать материал, органическая связь художественного и утилитарного начал.

В отечественной культуре только в середине XIX века началось подлинно научное изучение художественно-эстетической ценности народного искусства (А.В. Бакушинский, И.Я. Богоулавская, В.С. Воронов, М.А. Некрасова, Т.М. Разина, А.Б. Салтыков, А.К. Чекалов и др.), коллекционирование которого на-

чалось несколько раньше. Особую значимость в развитии народных промыслов имели Всероссийские художественно-промышленные выставки (Москва 1831; Нижний Новгород 1896; Санкт-Петербург 1829, 1870, 1902; Екатеринбург 1887 и т.д.) и участие русских народных умельцев во всемирных выставках и заграничных ярмарках (Париж 1900, 1904; Лейпциг 1907 и др.). В художественных произведениях народного декоративно-прикладного искусства основные художественные средства «языка» изобразительного искусства выражались авторской спецификой и приобретали новое культурное звучание.

В отечественной историографии понятие «народное искусство» базируется на соотношении ремесла и содержания традиционности искусства, которое определялось, прежде всего, смыслом, раскрываясь в своеобразной художественной форме Мастером, который переосмысливает образы разных культур и традиций. В народном искусстве выражается сущность творчества Мастера и его духовно-нравственная основа, обогащающая его художественно. Сложность точного определения понятия «народное искусство» заключается в синкретизме народного творчества, синтезирующего практическую и творческую деятельность людей.

Декоративно-прикладное искусство как область декоративного искусства основано на соз-

дании художественных изделий, отличающихся декоративной образностью и практической направленностью. Декоративные изделия не только демонстрируют эстетический вкус художника-мастера, но и ярко выражают черты стилевого направления эпохи. Народное декоративно-прикладное искусство можно назвать перспективным культурным средством художественно-эстетического развития и формирования ценностно-смысловых ориентаций ребёнка в окружающем мире, поскольку оно отражает духовный мир автора и мироощущения той культуры, в которой он живёт, является ярким средством выражения живых традиций, передачи преемственности поколений и универсальных человеческих ценностей.

В период дошкольного детства самый верный и наиболее плодотворный путь приобщения к народному искусству – это живое общение с ним. Чувственная достоверность, наглядность делают произведения народного искусства общедоступными для детей дошкольного возраста. Ознакомление и приобщение детей дошкольного возраста к народному декоративно-прикладному искусству, приобретающих необходимые для собственного творчества художественные впечатления, является основой их художественно-эстетического развития. Именно эмоционально-образное созерцание и восприятие окружающей картины мира ребёнком через народного Мастера остаётся важным художественным объектом в эстетическом познании.

По мнению исследователей (Ю. Арбат, Л.Д. Рондели, Н.П. Сакулина, О.А. Скоролупова и др.), проявление творчества народа по своей природе созвучно творчеству ребёнка обобщённостью образов, простотой и завершённой формой. По данным С.Н. Обуховой [4], возможности осмысления декоративно-прикладного искусства в период детства объясняются бурно развивающейся эмоционально-чувственной сферой, творческим воображением, наглядно-образной памятью и мышлением, которые в этом возрасте облагают наибольшей пластичностью и легко поддаются педагогическому воздействию. Т.Г. Казакова [3] отмечает, что ознакомление детей с декоративно-прикладным искусством способствует развитию детского творчества, которое постепенно развивается из простых форм и в каждом возрастном периоде имеет собственное отражение.

Сегодня в дошкольном образовании Южного Урала накоплен богатый опыт по изучению и приобщению детей дошкольного возраста к народному декоративно-прикладному творчеству через знакомство с народными традиционными художественными ремёслами и промыслами. Учёными-педагогами (Е.С. Бабунова, Л.В. Градусова и др.) разработана и активно внедряется в практику дошкольных образовательных учреждений региональная программа «Наш дом – Южный Урал» [1], в которой представлены познавательные сведения об истории, жизни, быте и особенностях изобразительного искусства народов Южного Урала.

В дошкольных учреждениях г. Челябинска особое внимание уделяется выстраиванию целенаправленной и системной работы по ознакомлению детей дошколь-

ного возраста с культурой и народным декоративно-прикладным творчеством Урала.

Цель: приобщение детей дошкольного возраста к народному декоративно-прикладному искусству; знакомство с видами ДПИ, их характерными признаками, материалами, особенностями росписей и историй промыслов.

Задачи:

- развитие ценностного отношения к культуре и истории Уральского края;
- формирование толерантного отношения к культурам других народов;
- формирование познавательного интереса и эмоциональной отзывчивости к образцам народного декоративно-прикладного искусства;
- создание условий для «открытия» ребёнком личностных смыслов в культуре Южного Урала на основе эмоциональных переживаний;
- стремление к художественной выразительности творческих образов, созданных ребёнком на основе декоративного обобщения природных форм, основных законов композиции, симметрии и ритма;
- накопление творческого опыта ребёнка на основе принципов народного искусства.

Организация целенаправленной работы в ДОУ по приобщению детей дошкольного возраста к народному декоративно-прикладному искусству предполагает создание следующих условий:

- ✓ создание художественно-эстетической среды для восприятия произведений декоративно-прикладного искусства;
- ✓ создание радостной атмосферы общения дошкольников с народным искусством;
- ✓ создание моментов эстетических переживаний в «рассекречивании» произведений народного мастера: художника, гончара, литейщика, вышивальщицы и т.п.;
- ✓ использование красоты родной уральской природы как вечного источника народного творчества;
- ✓ использование художественных вещей народных мастеров как образцов, помогающих ребёнку усвоить художественные приёмы и средства выразительности образов;
- ✓ применение методических приёмов, обеспечивающих возрастающий интерес ребёнка к произведениям декоративно-прикладного искусства;
- ✓ формирование образных представлений в декоративной работе ребёнка на основе активизации детского творческого поиска.

Практика работы в ДОУ позволяет утверждать, что формирование устойчивого интереса к народному декоративно-прикладному искусству основано на вариативности направлений педагогической деятельности по ознакомлению детей дошкольного возраста с культурой Урала:

- архитектура Южного Урала (знакомство с известными зданиями и сооружениями г. Челябинска; южно-уральской архитектурной резьбой: деревянные надоконные доски, наличники, фриз);
- народное гончарное ремесло (знаком-

ство с гончарными изделиями народных мастеров г. Верхнеуральска и Чебаркульского района: бытовой грубой керамикой; есаульской глиняной игрушкой – окариной; бродокалмакскими свисточками);

- *урало-сибирская роспись* (знакомство с видами уральской домовой росписи: сени, горница – простенки, потолки, двери, голбцы, полы, заборки и т.п.);

- *южно-уральский фарфор* (знакомство с производством изделий Южно-Уральского фарфорового завода из керамики и фарфора: кувшины, вазы, подсвечники, чаши, блюда и т.п.);

- *камнерезное искусство Урала* (знакомство с художественным творчеством уральского живописца-камнереза А.К. Денисова-Уральского: наборные картины из уральских камней, фигурки из самоцветов, декоративные скульптуры);

- *народное ковроткачество* (знакомство с творчеством народной художницы Л. Кудрявцевой «Художественный гобелен»; домоткаными тропинками и дорожками из г. Шадринска, Курганской области, Уйского района; коврами из г. Каргалы, с. Канаши);

- *каслинское и кусинское художественное литьё* (знакомство с малой художественной пластикой – кабинетной скульптурой: серии «Человек», «Дикие животные», «Птицы»);

- *златоустовская гравюра на стали* (знакомство с пейзажной живописью, изображённой на металле «Время Нового года», «Зимний рассвет», «Весенний день», «Лесные дали», «Вечер», «Глухарь», «Осенний этюд»).

Для более глубокого изучения произведений декоративно-прикладного искусства в полной мере педагоги ДОУ используют образовательные пространства краеведческого музея и областного музея изобразительных искусств г. Челябинска, в запасниках которых хранится бесценное наследие уральских мастеров. Музеи, являясь центрами хранения культурно-исторического и художественно-творческого наследия, способствуют формированию у дошкольников интереса и любви к народному декоративно-прикладному искусству, выводя индивидов за границы социума в мир культуры и общечеловеческих ценностей, что способствует художественно-эстетическому развитию личности [2].

Освоение народного искусства непосредственно связано с *художественной деятельностью ребёнка*, в процессе которой ребёнок овладевает способами и приёмами декоративного творчества на основе индивидуального и коллективного создания образов, мотивов и сюжетов декоративно-прикладного искусства с учётом

ведущих принципов – повтора, вариации и импровизации. Как отмечает М.Я. Шпикалова [6], развитие декоративного творчества у детей дошкольного возраста обеспечивается решением художественно-творческих задач разного типа. Содержательное наполнение выделенных принципов представим следующим образом.

Повтор характерен для определённой школы народного мастера (дымка, хохлома, городец, филимоново, гжель и т.п.), который в своих произведениях применяет повтор главных отличительных элементов орнамента. На основе эстетического восприятия художественных произведений у ребёнка формируется индивидуальное видение орнаментальных мотивов, которое выражается в умении создавать выразительные узоры.

Вариации направлены на решение ребёнком творческих задач, включающих повтор главных элементов декоративной росписи и интерпретация её вариантов. В своей работе ребёнок, применяя варианты декоративной трактовки, учится придумывать и составлять новые композиции на основе знакомых декоративных элементов узора, на основе соблюдения определённого ритма, симметрии, соразмерности элементов.

Импровизация выделяется как наиболее сложная творческая задача, основу которой составляют усвоенные навыки и умения, позволяющие ребёнку с помощью ритма, цвета, ритмических единиц импровизировать по мотивам народного творчества, выходя за пределы традиционной художественной школы.

Таким образом, вариативность и импровизация как способы существования народного искусства способствуют развитию у детей дошкольного возраста творческого воображения, фантазии и возможности в игровой атмосфере почувствовать себя частью своего народа. Такая организация работы с детьми позволяет формировать начала системных знаний по декоративно-прикладному искусству; практически устанавливать связь декора с назначением вещи, её конструкцией, формой и материалом, из которого она изготовлена.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что «вхождение» ребёнка в региональную культуру через приобщение к декоративно-прикладному искусству способствует художественно-эстетическому развитию личности, которое невозможно без народного искусства, выступающего частью художественной культуры, преобразованной в народных образах, в которых тесно переплетены человеческий мир, мир природы, мир гармонии и красоты.

Библиографический список

1. Бабунова Е.С., Турченко В.И., Лопатина Е.Н., Градусова Л.В. «Наш дом – Южный Урал»: программа воспитания и развития детей дошкольного возраста на идеях народной педагогики. Челябинск: Взгляд, 2007.
2. Бутенко Н.В. Образовательное пространство музея изобразительных искусств в художественно-эстетическом развитии детей дошкольного возраста: учебное пособие для педагогов. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2013.
3. Казакова Т.Г. Детское изобразительное творчество. М.: «КАРАПУЗ-ДИДАКТИКА», 2006.
4. Обухова С.Н. Приобщение дошкольников к декоративно-прикладному искусству Урала. Челябинск: Изд-во «Челябинская государственная медицинская академия», 2009.
5. Шабалина Н.М. Традиционные художественные ремёсла и промыслы Южного Урала (вторая половина XIX-середина XX вв.). Челябинск: МОУ Южно-Уральский профессиональный институт, 2007.

6. Шпикалова Т.Я. Возвращение к истокам: Народное искусство и детское творчество. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2000.

References

1. Babunova E.S., Turchenko V. I., Lopatin E.N., Gradusov L.V. "Our house – South Ural": the program of education and development of children of preschool age on ideas of national pedagogics. Chelyabinsk: Look, 2007.
  2. Butenko N. V. Educational space of the museum of the fine arts in art and esthetic development of children of preschool age: manual for teachers. M.: Publishing house of Academy of Natural sciences, 2013.
  3. Kazakova T.G. Children's graphic creativity. M.: "KARAPUZ-DIDAKTIKA", 2006.
  4. Obukhova S. N. Familiarizing of preschool children with arts and crafts of Ural. Chelyabinsk: Publishing house "Chelyabinsk state medical academy", 2009.
  5. Shabalina N. M. Traditional art crafts and crafts of South Ural (the second half of XIX-the middle of the XX centuries). Chelyabinsk: Yuzhno-Uralsky Municipal Educational Institution professional institute, 2007.
  6. Shpikalova T.YA. Return to sources: Folk art and children's creativity. M.: VLADOS humanitarian publishing center, 2000.
-
-

УДК 7; 18:7.03

UDC 7; 18:7.03

О.И. РЕЗНИКОВА

*старший преподаватель, кафедра дизайна и художественного образования, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского
E-mail: olga-rezn32@mail.ru*

O.I. REZNIKOVA

*Senior teacher, Department of Design and Art Education, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky
E-mail: olga-rezn32@mail.ru*

ТРАДИЦИИ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ЖИВОПИСИ КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

TRADITIONS OF REALIST SCHOOL OF PAINTING AS A CULTURAL HERITAGE OF RUSSIA

Культурное наследие рассматривается как широкая категория, к ценностям которой принадлежат и традиции русского реалистического искусства. Реалистическая школа живописи представляется как носитель исторической памяти, которая определяет самобытность отечественного изобразительного искусства. Анализируется работа изостудии (школы) Виктора Воробьёва в Брянске как олицетворение преемственности традиционных методов русского реалистического искусства.

Ключевые слова: культурное наследие, реализм, изобразительное искусство, метод, традиции школы.

Social heritage shall be regarded as a broad category, which also includes the traditions of Russian realist art. Realistic painting serves as the keeper of historical memory, which defines the distinctive characters of the Russian fine art. The work of the fine art studio (art school) of Viktor Vorobyov in Bryansk is analyzed as an embodiment of traditional methods of Russian realist art's succession.

Keywords: social heritage, realism, fine art, method, traditions of school.

Культурное наследие — духовное достояние нации, залог экономических и политических побед государства. Сохранение исторических памятников, традиционных ценностей, сформировавшихся на протяжении многих лет на территории России, представляет культурную значимость для общества и является одной из важнейших составляющих стратегии развития государства.

Одним из основных направлений программы фундаментальных научных исследований Российской академии художеств на 2013 – 2020 годы является методология и теория исторического процесса развития изобразительного искусства. Помимо комплексного изучения изобразительного искусства России в мировом художественном процессе, результаты изысканий нацелены на исследование художественной культуры России в контексте изучения историко-культурного наследия.[8] На долгосрочную перспективу в основу формирования стратегического плана сохранения и использования достояния современные исследователи вкладывают принципы, которые рассматривают наследие как широкую категорию. Она включает не только недвижимые или движимые памятники истории, культуры и природы, но и живую традиционную культуру, традиционные культурные ценности. [3] К таким ценностям принадлежит и русское реалистическое искусство.

Реализм как художественное направление, непосредственно отображающее реальный мир во всех его проявлениях, явился магистральной линией развития художественной жизни России в XIX–XX веках. В современном культурном пространстве отечествен-

ная традиционная реалистическая школа продолжает играть важнейшую духовную роль. «...Среди широких масс зрителей реалистическое искусство всегда было любимо и востребовано, публику одинаково привлекают глубина и значительность содержания и мастерство исполнения лучших реалистических произведений».[9]

Цель данного исследования состоит в рассмотрении традиций реалистической школы живописи в современных реалиях. В связи с этим необходимо выявить особенности и основные методы отечественной реалистической живописи, охарактеризовать их проявление в современном изобразительном искусстве. Также необходимо обозначить понятие и значение провинциальных школ, являющихся не только начальной ступенью в получении основ изобразительной грамоты и азов традиционного реалистического познания, но и необходимым звеном в цепи получения профессионального образования в области изобразительного искусства.

Вопрос о наследии реалистической живописи России, её духовном и нравственном потенциале, который необходимо передавать будущим поколениям, не раз обсуждался ведущими отечественными искусствоведами. Так, в публикациях В.С. Манина «Верность великим традициям», С.А. Гавриляченко «Вечная современность реализма», «Апология реализма», В.Е. Калашникова «Соединяясь с традицией», А.Н. Ронжина «Реализм XXI века»[6] реализм рассматривается не просто как художественный метод, творческим принципом которого является изображение жизни с помощью типизации и создания образов, соответствующих сути самой жизни, а ярко и глубоко утверждается ценность тра-

диционного отечественного искусства. История свидетельствует, что реализм в русском искусстве не некий модно-переменчивый стиль, а обретенное воплощение пронизывающей мироустройство гармонии, проявление потаённых смыслов национального бытия. [5] Слова народного художника РФ Сергея Александровича Гавриляченко свидетельствуют о том, что живопись А. Саврасова, В. Поленова и других не менее известных художников, составивших славу русской пейзажной реалистической живописи второй половины XIX века, созвучно русской душе, её умению сострадать, любить, радоваться и восхищаться природой, миром, людьми. Традиции русского реалистического искусства продолжились в творчестве художников как в XX столетии, так и нарубже XX – XXI веков. Не умоляя достоинства многих других, назовём лишь имена С. Виноградова, В. Туржанского, В. Стожарова, А. Пластова, М. Абакумова, чьё творчество несёт в себе традиции русской академической реалистической школы изобразительного искусства. В истории отечественного искусствознания под понятием «академическая школа» в первую очередь понимаются методы выдающегося педагога П.П. Чистякова, его способность видеть одарённость ученика, бережно относиться к любому дарованию, что впоследствии давало удивительные результаты. Сегодня в качестве отечественной реалистической школы мы воспринимаем ведущие академические вузы в области изобразительного искусства: Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, Российскую академию живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова в Москве, а также художественно-графические факультеты в университетах Орла, Курска и других городов. Эти высшие учебные заведения по-прежнему не только профессионально воспитывают замечательных художников, но и несут в себе вековые традиции, наиболее ярко проявившие себя во второй половине XIX века. И в наше время среди методов реалистического живописания одно из первостепенных – работа с натурой, умение видеть, какова она в действительности и какой кажется. В этой связи очень важно иметь живое отношение к природе (когда рисунок является способом познания окружающего мира), чувство предмета, умение соединять (не смешивать) линейное и живописное начала – то, что всегда отличало отечественную живописную школу.

Обеспокоенность за судьбу традиций реализма сегодня высказывают многие известные мастера, творчество которых уже вошло в историю реалистической живописи России. По словам народного художника России Валентина Фёдоровича Сидорова: «Только верность высоким художественным идеалам и принципам может являться в наши дни залогом успешного творческого пути. И, действуя сообща, нам под силу решить главную задачу – сохранить для будущих поколений русскую школу реалистической живописи»[9].

В данном исследовании устойчивость традиций ре-

алистической школы живописи рассматривается в сопоставлении академической методики и её проявления в провинции, в частности в работе студий, школ изобразительного искусства в регионах. В современном искусствознании широко не обсуждался вопрос о значении профессиональной педагогической деятельности членов Союза художников России на местах, в областных и районных центрах страны. Так, мастера, прошедшие качественную подготовку в названных выше вузах, продолжают традиции отечественного традиционного живописания, в значительной мере основываясь на принципе реализма, основным критерием которого является наличие художественного образа.

Провинциальное искусство – наименее изученная часть русского изобразительного искусства в настоящий момент. Хотя «даже в самых глухих уголках русской провинции никогда не прекращалась по-своему интенсивная общественная и культурная деятельность, находившая выход в исключительно многообразных формах»[4]. И целый пласт художественной культуры связан со становлением и развитием профессиональных организаций художников в регионах, а их роль в сохранении, трепетном отношении к наследию лучших традиций реалистической школы находится вне поля зрения отечественных исследователей. Это не совсем справедливо: можно привести немало примеров, когда молодые талантливые художники становились настоящими мастерами искусства. И происходило это в том числе благодаря их учителям (прошедших, в свою очередь, академическую школу) и начальному обучению в провинциальных городах, где получены не только основы изобразительной грамоты, но и усвоены особенности, а может быть, даже главные идеи русского мировидения [5]. К ним относятся народные художники СССР братья Алексей Петрович и Сергей Петрович Ткачёвы, родившиеся в многодетной крестьянской семье в деревне Чугуновка Брянской области. Никогда не забывали они о своих первых учителях, ставших для них чудесными первооткрывателями в мир изобразительного искусства. В своих воспоминаниях народные художники СССР писали: «Самое главное, что приобрели в городе мы, детвора, это был Дом пионеров. И поныне, проходя мимо этого здания, кланяемся ему как священной реликвии. Дом пионеров, с его изумительными учителями Н.Г.Васильевым, А.И. Масленко, В.И. Влазневым... С ними мы не только постигали азы художественного творчества, но и учились быть порядочными людьми» [1]. Эти слова свидетельствуют о высоком уважении к труду художников, работающих в отдалении от столичных городов, помогающих найти молодым творческим людям свой путь не только в искусстве, но и жизни.

Многие живописцы, получившие прекрасное образование и работающие профессионально, пробуют себя также на педагогическом поприще. Хотя и не для всех эта трудная работа становится смыслом жизни. Ведь не всякий имеет дар педагога, полноправно сосредоточившего в себе и высокое профессиональное мастерство, и умение раскрыть возможности ученика. Не каждый

обладает и талантом оставаться по-настоящему интересным художником, умеющим не только любить своё дело и ценить каждое мгновение бытия, но и полноправно это всё передавать другим.

Истинные традиции реалистического изобразительного искусства более тридцати лет передавал своим ученикам выпускник живописного факультета Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, с отличием окончивший мастерскую Ю.М. Непринцева, Виктор Васильевич Воробьёв. Художник, чья картина «Хлеб нашли», перешагнув рамки дипломной работы, впоследствии экспонировалась на Всесоюзной художественной выставке в Москве (1957), организовал в 70–90-е года XX века в Брянске народную изостудию, которую в народе прозвали школой Воробьёва. Через неё прошло очень много людей разного возраста и профессий (по словам самого В.В. Воробьёва, за все годы у него занималось свыше 650 учеников)[1]. Во многом эта школа определила дальнейший путь немалого количества студийцев. Трудно подсчитать, сколько из них выбрало впоследствии для себя профессию, связанную с изобразительной деятельностью, но можно с уверенностью сказать, что более семидесяти человек, получив в дальнейшем академическое образование, стали членами Союза художников России. Большая часть преподавателей Брянского художественного училища – ученики В.В. Воробьёва. Он, кстати, является и одним из первых членов Союза художников в Брянске. За годы учёбы в тогда ещё Ленинграде Виктор Воробьёв не просто освоил мастерское владение композицией, колоритом, он всем своим творчеством и отношением к профессии выказывал главные идеи русского мировидения. В одном из интервью сам мастер говорил: «Я убежденный реалист, сторонник русской живописной школы суриковского направления. Думаю, что вопрос о преемственности в искусстве – один из главных: художник должен не только сделать что-то новое, но и, прибавив свой опыт к опыту предшественников, передать его следующему поколению...». [1] Роль традиции, о которой не впрямую, но совершенно отчётливо и ясно говорил В. Воробьёв, так или иначе претворяется в его учениках. По стопам учителя пошёл Николай Енин, который, окончив Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (мастерская Ю.М. Непринцева) и удачно выступив на всероссийских выставках, посвятил себя педагогической деятельности. Причём он придерживается принципов своего учителя Виктора Воробьёва: обязательно при преподавании азов изобразительной грамотности работать с каждым, стараться раскрыть его личность, заложить фундамент самобытности и своеобразия, учитывая ведущую роль реалистической живописной традиции, в основе которой и органичная композиция, и сложные цветовые построения, и акцентированные смысловые решения.

Многие из учеников Виктора Васильевича, став востребованными профессиональными художниками, не забывают своих истоков. Московский живописец Сергей Чаплыгин так говорит об учителе: «Воробьёв был замечательный преподаватель... сейчас я понимаю, что это была настоящая русская живописная школа, яркими представителями которой были И. Репин, К. Коровин, В. Серов, И. Левитан. Моё понимание сути живописи – от него»[10]. И эти слова, обращённые к памяти В.В. Воробьёва, ярко демонстрируют, насколько важна для сохранения чистого и яркого русского реалистического искусства педагогическая деятельность в отдалённых от столицы городах, где, несмотря ни на что, жизнь продолжается во всех её проявлениях. Ведь поддерживается она истоками природной мощи Руси, её светлыми и содержательными пейзажами, глубокими и духовно наполненными характерами.

Созданная в Брянске в пятидесятые годы прошлого века изостудия (школа В.В. Воробьёва) стала значительным явлением в художественной жизни областного центра. В своё время о ней много говорили. В приёмных комиссиях всех профильных вузов и училищ России отмечали абитуриентов – выпускников студии. Высокий уровень их профессиональной подготовки отмечался специалистами. О школе Воробьёва писали и в зарубежной прессе, так как картины его воспитанников выставлялись не только в Москве, но и за границей: в Хельсинки, в Будапеште.

Традиции реалистической школы живописи являются культурным наследием России. Ведь школа не просто даёт навыки и умения, что, конечно, немаловажно. Школа, как носитель исторической памяти, играет определяющую роль в сохранении самобытности русской реалистической живописи. Не все художники остаются работать в столичных городах, многие возвращаются в провинцию и на местах запечатлевают красоты родного края и жизнь своих земляков. Творчество таких мастеров и их педагогическая деятельность – именно те ручейки, которые питают и во многом помогают чтить традиции русского реалистического искусства, бережно храня его.

Таким образом, анализ актуальных процессов развития современной художественной культуры, а вместе с тем и определение места изобразительного искусства в контексте современного гуманитарного образования невозможны без изучения истоков, традиций, питающих русское реалистическое искусство, которое, без сомнения, является культурным наследием России. Расширение представления о национальном своеобразии, осмысление роли традиции в современном развитии отечественного искусства являются сегодня важными и необходимыми, в том числе и для изучения потенциала возможностей искусства в борьбе с негативными тенденциями современного общества.

Библиографический список

1. *Борисов Н.* Художник и педагог // Брянский рабочий от 3 января 1981
2. *Братья Ткачёвы.* О жизни, о судьбе, о творчестве // Воспоминания, дневниковые записи. 2011. 12 с.
3. *Веденин Ю.А., Шульгин П.М.* «Основные положения современной концепции управления культурным наследием» //

Ориентиры культурной политики. 2000. № 9 (142).

4. *Грабарь И.Э.* Упадок или возрождение? Очерк современных течений в искусстве // Ежемесячное литературное приложение к журналу «Нива». 1897. январь, февраль.
5. *Гавриляченко С.А.* Вечная современность реализма // Каталог «Пластовская осень». 2013. 154 с.
6. Союз русских художников «Новое время». Каталог. 2009.С.7,13. 2011. С.13.
7. *Молева Н.М., Белятин Э. М.* П.П.Чистяков теоретик и педагог. М.: Академия художеств СССР, 1953 г.
8. <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70177072/>
9. <http://neizvestniy-geniy.ru/>
10. <http://www.valeurs.su/biografii-hudozhnikov.html>

References

1. *Borisov N.* Artist and teacher // “Bryansk working man”, January 3, 1981.
  2. *Tkachev brothers.* About life, fate, art // Memories, diary entries. 2011. 12 p.
  3. *Vedenin YA, Shulgin PM* Summary of the modern concept of management of social heritage // Landmarks of cultural policy. 2000. № 9 (142).
  4. *Grabar I.A.* Decline or revival? Sketch of modern trends in art // monthly literary supplement to the magazine Niva . 1897. January, February.
  5. *Gavrilyachenko S.A.* «Eternal modernity of realism» // Plastovskaya catalog, autumn. 2013. 154 p.
  6. Union of Russian Artists «New time». Catalogues. 2009.S.7 13. 2011. P.13,
  7. *Moleva NM, Belyutin EM* P.P.Chistyakov theorist and educator. «Moscow: USSR Academy of Arts, 1953.
  8. [Http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70177072/](http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70177072/)
  9. [Http://neizvestniy-geniy.ru/](http://neizvestniy-geniy.ru/)
  10. [Http://www.valeurs.su/biografii-hudozhnikov.html](http://www.valeurs.su/biografii-hudozhnikov.html)
-
-

А.С. ХВОРОСТОВ

доктор педагогических наук, профессор, кафедра декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет
E-mail: askhvorostov40@mail.ru

A.S. KHVOROSTOV

Doctor of pedagogical sciences, professor, Department of Decoratively-applied art and technical graphics, Orel State University
E-mail: askhvorostov40@mail.ru

ПЕРВЫЙ ХУДОЖНИК-ПЕРЕДВИЖНИК

THE FIRST ARTIST-THE ITINERANT

Первому художнику-передвижнику Г.Г. Мясоедову удалось собрать самых выдающихся живописцев, графиков, скульпторов своего времени. И это могучее объединение во второй половине XIX века определило направление и пути развития русского изобразительного искусства. В данной статье автор на основе писем, документов, воспоминаний современников показывает те сложности, с которыми пришлось столкнуться Г.Г. Мясоедову на пути создания Товарищества. В статье отдаётся должное Г.Г. Мясоедову как инициатору и организатору Товарищества передвижных художественных выставок.

Ключевые слова: первый передвижник, Товарищество передвижных художественных выставок, Г.Г. Мясоедов, отношения с коллегами, лидер могучего объединения, письма современников, воспоминания.

The first artist Itinerant, G. G. Myasoyedov managed to collect the most outstanding painters, diagrams, sculptors of the time. And this mighty union in the second half of the XIX-th century defined the direction and ways of development of the Russian fine arts. In this article the author on the basis of letters, documents, memories of contemporaries shows those difficulties with which G. G. Myasoyedov had to be pushed on a way of creation of Association. In the article it is given due to G. G. Myasoyedov, as to the initiator and the organizer of Association of mobile art exhibitions.

Keywords: First Itinerant, Association of mobile art exhibitions, G.G. Myasoyedov, relations with colleagues, leader of mighty union, letter of contemporaries, memories.

Санкт-Петербург, 1871 год, 29 ноября – дата в истории русского изобразительного искусства знаменательная. В этот день в здании Императорской Академии художеств открывалась Первая Передвижная выставка русского изобразительного искусства. И хотя петербуржцев художественными выставками трудно удивить, открытия этой ждали с нетерпением. Свои картины показывало новое объединение – Товарищество передвижных художественных выставок.

«Петербургские ведомости» напечатали письмо членов нового объединения – профессоров Н.Н. Ге и М.К. Клодта, а также академика И.Н. Крамского. В письме разъяснялось, что цель передвижного показа картин – дать жителям провинций не только познакомиться с русским искусством, но и проследить этапы его дальнейшего развития. А перед отправкой в провинциальные города Товарищество решило показать наиболее значимые произведения столичным зрителям.

О предстоящей выставке «Петербургские ведомости» сообщали не только дату её открытия, но и ещё одну подробность: плата за вход по понедельникам – 1 рубль, в остальные дни недели – по 20 копеек. «Значит, – сделала вывод читающая публика, – простому зрителю предоставлялась возможность выбирать время для посещения в течение всей недели. А по понедельникам в полупустых залах могут спокойно изучать новые произведения искусствоведы, критики и коллекционеры. Словом, позаботились об удобстве всех категорий зрителей».

На необычной выставке представили свои работы 16 авторов, которых очень скоро стали называть «передвижниками»: В. Аммон, С. Аммосов, А. Боголюбов, Н. Ге, К. Гун, Л. Каменев, Ф. Каменский, М.К. Клодт, М.П. Клодт, И. Крамской, В. Максимов, В. Перов, И. Прянишников, А. Саврасов, И. Шишкин. Среди них был и Григорий Григорьевич Мясоедов...

Тема «художники-передвижники» – бесконечна. Коснёмся её только в той степени, которая позволяет представить Г.Г. Мясоедова как художника, и показать его роль в судьбе этого содружества. Создание Товарищества передвижных художественных выставок было его идеей. И он воплотил её в жизнь. Вот как это видится на основании сохранившихся документов и свидетельства современников.

По утверждению одного из первых передвижников известного живописца Н.Н. Ге, идея о создании новой формы содружества художников, когда выставки картин находились бы в их руках, возникла у Мясоедова ещё в начале 60-х годов XIX века во время его пребывания за границей. И вернувшись в Россию, он предпринимает практические шаги по собиранию в единую творческую организацию ведущих мастеров кисти и резца. Он начинал с Москвы, где ему удаётся достаточно быстро убедить художников войти в состав Товарищества. Это произошло во многом благодаря поддержке В.Г. Перова.

На петербуржцев Мясоедов оказывал влияние с двух сторон. Изнутри, в самой среде художников аги-

тацию за Товарищество проводил самый влиятельный тогда живописец Н. Н. Ге. С внешней стороны Мясоедов с помощью писем воздействовал на авторитетного портретиста И.Н. Крамского. Так, в одном из посланий он пишет Крамскому: «...радуюсь, что и Вы приложили Вашу руку к нашему делу. Это уже ручательство за успех». И завершает письмо просьбой: «...не выбрасывайте из головы нашего дела». [3, с. 29] Сохранился и текст письма группы московских художников к петербургским коллегам с приглашением присоединиться к их новому сообществу. Под письмом – подписи В. Перова, Л. Каменева, А. Саврасова, В. Шервуда, И. Прянишникова. А перед ними – подпись самого Мясоедова.

На приглашение московских художников ответа не последовало, и Мясоедов сам поехал в Петербург с написанным им уставом нового объединения.

В Петербурге предстояло решить две задачи: привлечь в созданное им сообщество художников северной столицы и наметить реальные пути регистрации нового объединения. Он преуспел в обоих делах.

После его выступления перед художниками идею передвижных выставок поддержали Н. Ге, И. Крамской, К. Лемох, И. Шишкин, В. Максимов, М. Клодт, А. Корзухин, К. Маковский, В. Якоби. Из Артели петербургских художников, завершавшей своё существование, к Товариществу присоединился лишь один К. Лемох. И.Н. Крамской к тому времени уже практически вышел из её рядов.

Теперь в списке передвижников было немало профессоров и академиков. Столь солидный состав участников позволил обратиться в Министерство внутренних дел для официальной регистрации устава Товарищества.

Мясоедов понимал, что при утверждении такого необычного объединения каких-то там «передвижников» можно было заблудиться в дебрях российских канцелярий. Потому искал в Петербурге и в Москве неофициальные пути подхода к Министерству внутренних дел. Искал и нашёл. 21 сентября 1870 года он пишет в Петербург Крамскому: «Когда будете подавать на утверждение устав, хорошо бы, если бы Вы известили дня за четыре или пять, потому что есть возможность достать письмо к Тимашеву, в котором попросят его (или его жену) обратить внимание на наше дело...». Генерал-адъютант А. Е. Тимашев был министром внутренних дел Российской империи, и столбовому дворянину Мясоедову удалось найти к нему подход через весьма влиятельную особу, которая была «знакома подружески с Самим и Самой» (т.е. с государем императором и императрицей) [3, с. 17].

Тимашеву было передано рекомендательное письмо, которое оказалось столь действенным, что уже в ноябре 1870 года устав нового объединения был зарегистрирован.

Как мы видим, Мясоедов был не только тем, кто выдвинул идею образования Товарищества передвижников («сказал первое слово», по выражению В.В. Стасова), но и сам создал его.

Новое объединение художников отличалось тем, что решило показывать картины не только, скажем, в Петербурге или Москве, а перевозить их из одного города в другой, представляя возможность зрителям знакомиться с лучшими достижениями русского изобразительного искусства. Это было осознанное приближение искусства к зрителю. А их на выставках, как показало время, бывало немало. В одном из своих писем И.Н. Крамскому П.М. Третьяков сообщал о передвижной выставке в Москве в 1879 году: «В три недели было посетителей около 18 тысяч, а в день закрытия, говорят, до 3 тысяч» [6, с.253]. А согласно более позднему отчёту, к примеру, VIII Передвижную выставку Товарищества в разных городах посетило 38292 человека.

Художники обретали признательную публику, что помогало им, в частности, решать вопрос реализации произведений. В то же время сборы от входных билетов, распространения каталогов, репродукций и другой сопутствующей продукции, а также проценты от закупки произведений, экспонирующихся на выставке, шли в доход Товарищества. То была реальная материальная поддержка художников, позволявшая им кормить семьи и продолжать творческую работу.

Мясоедов с его светлой головой и несокрушимой волей сумел слить воедино лучшие художественные силы страны. Как писал он в отчёте общему собранию своего сообщества: «Товарищество... объединило почти всё, что умело или только хотело быть искренним и правдивым, по мере сил и таланта» [3, с. 74].

1870 год был успешным для Мясоедова. После того, как 2 ноября удалось зарегистрировать Товарищество передвижных художественных выставок, прошло всего два дня, – и ему присваивают звание «академика живописи исторической». Это совпадение очень поддержало молодого живописца, отважившегося возглавить объединение выдающихся художников России. Чтобы руководить такими людьми, надо было и самому быть личностью.

Мясоедов ею был. Звание же академика как нельзя более официально поддержало молодого лидера. Ему было тогда всего лишь 36 лет.

О создании Мясоедовым Товарищества сохранились свидетельства современников. Известный художник В.Г. Перов в одном из писем И.Н. Крамскому в 1877 году вспоминает: «Шесть лет тому назад первому пришла идея основать общество Г.Г. Мясоедову». В книге И.Е. Репина «Далёкое близкое» есть такие строки: «...приехал Г.Г. Мясоедов из Москвы, где по его инициативе образовалось Товарищество передвижных художественных выставок. Он приехал с предложением петербургским художникам примкнуть к Товариществу» [7, с. 157]. Свидетельство Репина подтверждает Я. Д. Минченков – художник более позднего поколения. Он был уполномоченным по организации передвижных выставок: «Мясоедов был столпом передвижничества. Собственно, у него родилась идея образования Товарищества передвижников... Он приехал от кружка московских художников в Артель художни-

ков, возглавляемую Крамским, добился объединения питерцев с москвичами в Товарищество передвижных художественных выставок и был самым активным членом его до последних своих дней. Как учредитель Товарищества, он состоял бессменным членом его совета».

А вот воспоминания живописца Н.А. Киселёва: «Как идеолог созданного им Товарищества передвижников, Мясоедов горячо оберегал намеченный сплочённым кружком художников путь творческой деятельности Товарищества с идейной и высоко моральной стороны... во всех случаях никто из товарищей не ослаблял своего глубокого уважения к Мясоедову» [2, с.19].

Мы вынуждены так скрупулёзно приводить эти, порой повторяющиеся свидетельства деятельности Г.Г. Мясоедова по созданию Товарищества передвижников, так как ранее его роль в этом деле в наше время явно недооценивалась. В монографии И.Н. Шуваловой о Мясоедове, изданной в 1971 году, высказывается сожаление, что «... в литературе до сих пор чрезвычайно кратко говорилось о деятельности его (Г.Г. Мясоедова – А.Х.), как создателя, а не только инициатора Товарищества» [13, с.41]. В ряде изданий, посвящённых передвижникам и особенно И.Н. Крамскому, можно было прочесть и такое: «Возникла идея организации художников для устройства передвижных художественных выставок. Эта идея встретила в Крамском горячего сторонника. Он вошёл в число организаторов Товарищества передвижных художественных выставок, а затем стал его председателем». Это выдержка из книги «И.Н. Крамской об искусстве» (М., Изобразительное искусство, 1988 г., с. 7). Здесь не только искажены факты, но даже выдумана для Крамского должность, которой не было в Товариществе передвижников.

Передвижники обходились без председателя. Такая должность Уставом их сообщества не предусматривалась, так как всей жизнедеятельностью объединения руководило Правление, избираемое ежегодно. Но председатель в Товариществе всё же периодически избирался для ведения общих собраний. И на этих собраниях практически неизменно председательствовал Мясоедов. То, что так было в начальный период деятельности нового объединения, – это естественно: Мясоедов был основателем и душой этого сообщества, он лучше всех владел ситуацией и знал, куда двигаться художникам. Но так продолжалось и по прошествии десяти и более лет. Из протоколов общих собраний передвижников явствует, что Мясоедов председательствовал и в 1882, 1883, 1884, 1885, трижды в 1886 году. Он вёл Общие собрания передвижников в 1887, 1888, 1889, дважды в 1890 году. Под его руководством проходили общие собрания передвижников в 1891, 1892, 1893 годах. И так можно продолжать и продолжать [10, с. 232, 253, 265, 300, 304, 320 и др.]. А в 1897 году на общем собрании членов Товарищества он был избран «распорядителем обеда» в честь 25-ти летия этого сообщества художников.

Такое отношение передвижников к Мясоедову понятно, если учесть тот вклад, что он внёс в жиз-

недеятельность содружества художников, и то уважение, которым он пользовался у коллег. Не зря же художники наградили его почётным титулом «Первый передвижник».

Несомненно, Мясоедова можно с полным основанием назвать *председателем* Товарищества передвижных художественных выставок. «До самого конца своей жизни, – писал искусствовед Л.М. Тарасов, – он стоял во главе Правления Товарищества» [3, с. 19].

Что же касается И. Н. Крамского, то он «...или вообще не имел организаторского дара, или жалел время на всё, что мешало ему заниматься искусством.» [14, с. 151]. По крайней мере, исследование показало, что «он не имел тех личностных качеств, которые требовались для организатора столь мощного и необычного объединения художников, каким является Товарищество передвижников» [14, с. 151].

Но вернёмся к хронике событий.

На первом общем собрании художников-передвижников (оно состоялось в Петербурге 16 декабря 1870 года) были избраны члены Правления нового объединения. Ими стали Н.Н. Ге, М.К. Клодт, В. Г. Перов, И. Н. Крамской и, конечно, Г.Г. Мясоедов. Кандидатом в члены правления был избран И. М. Прянишников. Петербургское отделение Правления Товарищества возглавил самый авторитетный тогда художник профессор Н.Н. Ге. В Москве делами передвижников занимался В.Г. Перов. Но фактическим лидером был и до конца своих дней оставался Г.Г. Мясоедов.

Первые шесть лет деятельности Товарищества адресом его Правления был домашний адрес Н.Н. Ге: Санкт-Петербург, Васильевский остров, 7-я линия, д.36, кв.8. К нему направляли свои письма художники. А когда он заболел и покинул столицу, координаты петербургского отделения правления переместились на домашний адрес И.Н. Крамского: Петербург, Васильевский остров, Биржевой переулок, дом Елисеевых, квартира № 58. Так было удобнее: не требовалось лишних расходов на аренду помещения для офиса.

Эта практика сохранилась и позднее. Так, в 1881 году, когда был избран новый состав Правления без Крамского, поменялись и координаты руководства Товарищества – ими на несколько лет становится домашний адрес К.А. Савицкого: Васильевский остров, 5-я линия, д. 6/1, кв. 23. Именно туда стали направляться письма членов объединения и вольных художников. А после переезда Правления в Москву изменился на московский и его адрес.

Подшло время выставок.

И вот мы в 1871 году, на Первой Передвижной. От её успеха во многом зависело само существование Товарищества передвижников. Авторы работ, первые художники-передвижники, защищали перед зрителями честь нового объединения. И им это удалось. «Первая выставка, открытая в Петербурге, в залах Академии, – писал М.Е. Салтыков-Щедрин, – производит самое приятное впечатление. Количество картин небольшое, но на каждой из них внимание зрителя останавливается с удовольствием, а на некоторых даже и более, неже-

ли с удовольствием... Но спрашивается, – продолжает писатель, – может ли оно и на будущее время всегда действовать с тою же эстетическою сдержанностью, с какою действовало в этом первом своём опыте?»

Время показало, что Товарищество передвижников смогло удержать тот высокий эстетический уровень, с каким выступило на первой своей выставке. Ведь почти сорок лет лидером Товарищества был Григорий Григорьевич Мясоедов – талантливый организатор, человек могучей воли и высочайшей культуры.

На Первой Передвижной выставке зрители удивлялись тому, что сюжеты, достойные изображения, оказываются, есть и здесь, на русской земле.

Номером первым на выставке была картина Н.Н. Ге «Пётр I и царевич Алексей» (ГТГ). Всеобщее внимание привлекали к себе и другие полотна: А.К. Саврасова «Грачи прилетели» (ГТГ), В.Г. Перова «Охотники на привале» и «Портрет А. Н. Островского» (оба – ГТГ), И.Н. Крамского «Майская ночь» (ГТГ), И.М. Прянишникова «Порожняки» (вариант-повторение в ГТГ) и картина Г.Г. Мясоедова «Дедушка русского флота» (Государственный музей искусств, Ташкент). На ней и задержим внимание читателя.

В центре – энергичная фигура молодого Петра I. В неожиданном порыве он приподнялся с кресла, когда перед ним с лёгкого судёнышка сдёрнули покрывало. За спиной царя – ко всему равнодушные бояре в высоченных шапках. Этим простым композиционным приёмом художник как бы подчёркивает, что все интересы, все помыслы молодого государя именно там, где активные сподвижники, где ждут его неожиданные события и открытия, вдали от сонной и отсталой боярской Руси, оставшейся позади.

В.В. Стасов назвал картину Мясоедова новым шагом вперёд в область исторического жанра. В статье «Передвижная выставка 1871 года» он, в частности, писал: «Г-н Мясоедов дал на выставку новое своё произведение, которое мы считаем лучшей его вещью... Г. Мясоедов написал молодого Петра I, увидавшего первый раз в селе Измайловском английский ботик, сделавшийся впоследствии «дедушкой русского флота». Завершает Стасов анализ данного произведения словами: «Мы искренне радуемся успехам г. Мясоедова».

А о том, как картину «Дедушка русского флота» принимали зрители, оставил свидетельство М.Е. Салтыков-Щедрин: «Что обывательские сердца смягчаются при взгляде на красивые линии – этому я видел поразительный пример не далее, как 30-го сего ноября (выставка открыта 29-го числа). Перед картиною г. Мясоедова, изображающей Петра Великого, рассматривающего знаменитый ботик, который сделался впоследствии родоначальником русского флота, стоял цензор (не римский, а другой) и неутешно плакал. «Что с Вами?», – спросил я его. – «Помилуйте! – отвечал он мне, – посмотрите, как великий-то государь был любознателен! Как он любил науку! С какою благородною алчностью следил за её открытиями! А мы-то! а я-то!» Но этого мало: раз ставши на почву самоосуждения, мой добрый знакомец почувствовал потребность идти

до конца, то есть принести публичное покаяние. К великому моему смущению, он встал посредине залы и без всякого постороннего наущения словами Феофана Прокоповича возопил: «Братья! Что мы делаем? Петра Великого погребаем!» Сказавши это, он упал на грудь г. Мясоедова...»[8, с. 129].

Конечно, это реакция не в меру темпераментного зрителя. Но она свидетельствует о том, что мимо картин Мясоедова равнодушно не проходили.

Собрать картины и организовать выставку непросто. Особенно – передвижную. Ведь автомобильного транспорта тогда еще не было, а железнодорожный только зарождался. Предстоящее дело было настолько сложным, что даже самые ближайшие соратники Мясоедова не верили в практическую возможность развёртывания художественных выставок в разных городах. Так, И.Н. Крамской в письме П. М. Третьякову за десять дней до открытия Первой передвижной выставки писал: «Что касается нашего разговора о передвижении картин вглубь России, то ... мы едва ли на первый раз и предпримем дело в таких широких размерах, а всего вероятнее ограничимся Москвою и Петербургом».

Иначе думал Мясоедов.

Создав Товарищество, он направил теперь свою энергию на практические дела, связанные с передвижением по территории страны ценнейшего художественного груза. Чтобы понять сложности, с которыми могут столкнуться организаторы подобных вернисажей, Г.Г. Мясоедов решил сам сопровождать Первую передвижную выставку. Он уговорил поехать вместе с ним художника В.Г. Перова. Мясоедову удалось убедить Перова, что ему, возглавлявшему тогда московское отделение Правления Товарищества, необходимо знать, в каких условиях в провинции будут экспонироваться и его собственные картины, и произведения коллег-художников.

Они проехали из Петербурга, где открывалась выставка, в Москву, затем в Киев и Харьков. В каждом из городов они демонстрировали привезённые картины и с поредевшим ценным грузом (в ходе выставок были закупки) вернулись в Петербург. Встречавшиеся в пути неудобства и недоразумения с властями устранялись благодаря оставшимся в Петербурге Н.Н. Ге и И.Н. Крамскому.

Мясоедов и Перов пропутешествовали с выставкой около трёх месяцев. Эта поездка дала Мясоедову очень многое для более тщательной подготовки к передвижению из города в город громоздких картин и к экспонированию их в провинции. Ведь последующие выставки, передвигаясь от города к городу, находились в пути порой больше года. Так Вторая Передвижная выставка была открыта в Петербурге 26 декабря 1872 года. Пропутешествовала весь 1873 год и завершила работу 6 января 1874 года, побывав в восьми городах Российской империи.

В Товарищество потянулись художники. Достаточно сказать, что в разные годы членами Товарищества передвижников были И. Репин, В. Суриков, В. Поленов, В. Маковский, П. Брюллов, К.

Савицкий, А. Куинджи, Н. Неврев, В. и А. Васнецовы, И. Левитан, В. Серов, М. Нестеров и многие, многие другие. И всех их объединял организаторский талант Мясоедова. Всем художникам России он предоставлял возможности систематически показывать свои произведения. Выставляться у передвижников мог любой художник, успешно прошедший отбор произведений. К примеру, на XVII Передвижной выставке в 1889 году свои работы показали 22 члена Товарищества и 33 экспонента. А на следующей – 24 передвижника и 35 экспонентов. Экспоненты – это и есть те, кто не состоял в Товариществе, но принимал участие в выставках.

Передвижникам удалось нащупать и выразить основной нерв художественной жизни того времени «Кто пережил те годы, тот помнит, с каким нетерпением ожидалось приближение весны и какой подлинной «первой ласточкой» являлась передвижная выставка, приуроченная почти всегда к марту или апрелю месяцу. Это был единственный серьёзный художественный праздник в году», – писал литературовед М.П. Неведомский. И в Петербурге, и в Москве, и в провинциальных городах передвижные выставки были «сплошным триумфальным шествием», как отмечали современники. В печати того времени слагались гимны становящейся на собственные рельсы русской живописи.

Многое в нелёгком деле передвижения ценного груза по стране было продумано Мясоедовым и отработано до автоматизма. Удивлялись даже опытные специалисты, с какой быстротой выставка перемещалась из города в город и разворачивалась на новом месте. В марте 1879 года П.М. Третьяков писал И.Н. Крамскому, возглавлявшему тогда Петербургское отделение Правления Товарищества: «Чудеса, как быстро передвигается Ваша выставка: в воскресенье ещё не была закрыта в Петербурге, а в четверг уже открыта здесь» [12, с. 250]. Это сказывался опыт, приобретённый Мясоедовым при сопровождении Первой передвижной выставки. Его понимание ситуации, терпение, доброжелательность и могучая воля помогали жизнедеятельности Товарищества. Передвижные выставки организовывались, как хорошо отлаженный механизм. Ни войны, ни смены царствований, ни революции – ничто не могло остановить Мясоедова. Достаточно сказать, что первая Передвижная выставка состоялась в 1871 году, а через сорок лет, в 1911 году, проходила Юбилейная, сороковая, последняя, в которой он принимал участие. С 1886 года передвижники существенно расширили показ своих работ – наряду с очередными были организованы параллельные выставки произведений прежних лет. Они проходили по городам, где раньше картины художников не представлялись. Это Ярославль, Кострома, Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Самара, Тамбов, Саратов, Воронеж, Новочеркасск, Ростов, Екатеринославль, Херсон, Николаев, Полтава, Чернигов.

Создав Товарищество, запустив механизм нового объединения, Мясоедов не успокаивается. Он продолжает совершенствовать жизнедеятельность своего детища, предлагая всё новые и новые проекты. Приводим строки из письма К.А. Савицкого И.Н. Крамскому (от

9 апреля 1884 года): «А вот что даёт нам искорку обновления и новых надежд – это одна прелестная мысль, исходящая всё от того же горячего Г.Г. Мясоедова. Есть один новый проект, который захватывает положительно все стороны жизни и силы Товарищества» [11, с. 217]. К примеру, он предложил часть средств, поступавших в казну Товарищества при закупке картин, использовать для приобретения тех работ, которые в ходе выставки не привлекли внимание коллекционеров. И эти произведения он предложил передавать безвозмездно в провинциальные музеи.

Не все его предложения принимались, но это не могло охладить «горячего» Мясоедова. Он никогда не пользовался особым положением создателя Товарищества, и выполнял Устав, как рядовой его член. К примеру, в залах, где демонстрировались картины, художники устраивали дежурства. В поездках это делали сопровождающие лица, а в Петербурге и в Москве дежурства распределялись между авторами экспонируемых картин. Сохранился список дежурных на VII Передвижной выставке, проходившей в Петербурге в феврале 1879 года. Тогда, сменяя друг друга, встречали зрителей 14 художников. Среди них были Крамской, Куинджи, Шишкин, Ярошенко и другие. Мясоедов выполнял эти обязанности (согласно списку) два раза в четверг 8 февраля и в пятницу, 23 февраля.

В 1888 году в честь пятнадцатилетия Товарищества передвижников Мясоедов выступил с отчётным докладом о деятельности своего детища. «Доклад Мясоедова перерос рамки обычного делового отчёта, – писала И.Н. Шувалова, – В нём художник раскрыл основные черты и характер современной передовой живописи...». Это было яркое выступление. Отчёт Мясоедова имел большой общественный резонанс. С его же подачи собрание Товарищества в феврале 1896 года постановило отпраздновать 25-летие сообщества передвижников. Это событие было отмечено в 1897 году совместно с открытием XXV Передвижной юбилейной выставки. На юбилейном собрании Мясоедов прочёл очерк о деятельности сообщества за 25 лет. Очерк был опубликован в качестве вступительной статьи в Юбилейном альбоме Двадцатипятилетия Товарищества передвижных художественных выставок, вышедшем в Москве в 1899 году...

Конечно, не надо думать, что в Товариществе всё и всегда было гладко. Бывало всякое, в том числе и споры, и конфликты. Бывали и серьёзные ссоры, связанные с потерями для Товарищества. Особенно опасной была ссора в самом его сердце – в Правлении, где большую роль играли взаимоотношения между Мясоедовым, Крамским и Ге. В 1874 году Мясоедов стал замечать, что между Н.Н. Ге и И.Н. Крамским наметился разлад.

С Николаем Николаевичем Ге Мясоедов познакомился в Италии, где находился в качестве пенсионера Академии художеств. У них было много общего. Знакомство переросло в дружбу, которая прошла через всю жизнь. Н.Н. Ге был первым, кто поддержал идею Мясоедова о создании передвижных выставок.

С Крамским Мясоедов был знаком ещё в период

обучения в Академии. С тех времён сохранился его графический портрет, исполненный Крамским.

Долгое время Н.Н. Ге был кумиром Крамского. Но вот в 1874 году в одном из писем Репину Крамской позволил себе фразу, которую до сих пор никто из искусствоведов не может, ни понять, ни прокомментировать: «Ге – погиб, – писал Крамской, – т. е. ему поздно, оказывается, учиться (да он и не учился никогда)...» [1, т. 1, с. 234].

Эта фраза в письме очень озадачила даже В.В. Стасова, когда он готовил книгу о Крамском [9, т. 3, с. 119].

Смена настроений Крамского, периоды его симпатий и антипатий по отношению к Н.Н. Ге происходили на глазах Мясоедова. Вот как он пишет об этом: «Вначале Ге и Крамской жили в ладу и полном согласии; впоследствии, когда картины Ге не делали впечатления, равного картине «Петр и Алексей», а Крамской с чёрных портретов перешёл на картины и почувствовал себя довольно сильным, чтобы занять место рядом с Ге, между ними пробежала чёрная кошка. Крамской позволял себе делать замечания вроде: «Я устал защищать Ваши картины, Николай Николаевич» и т. д. Благодаря таким уколам из отношений их исчезла всякая сердечность и навсегда...» [3, с. 173 - 174].

Негативность в отношениях Крамского к Ге не могла не беспокоить Мясоедова. Он пытался воздействовать на Крамского, чтобы тот не доводил дело до ссоры, так как может пострадать их общее дело. Но его усилия оказались напрасными. При обсуждении картины Виктора Васнецова «За чаем» и рекомендации её на III Передвижную выставку Крамской поддержал молодого художника, а Ге отнесся к данной работе настороженно. Возникла ссора. Узнав о ней, Мясоедов всё же пытался примирить своих соратников. Но его увещания ни к чему не привели. А Крамской, видя, что Мясоедов поддерживает не его, а Н.Н. Ге, счёл себя оскорблённым.

Оскорбляться же и обижаться Крамской умел. Был случай, когда И. С. Тургенев, используя связи в Париже, договорился там о выставке произведений передвижников. В своём письме в Правление он оповестил об этом Товарищество и между делом посоветовал отобрать действительно лучшие работы. Письмо попало к Крамскому, и он обиделся. Художнику А.П. Боголюбову он сетовал: «...письмо Тургенева скрыть нельзя, оно официальное, не ко мне, а в нём между тем есть разные наставления, как себя вести при первом выходе в большой свет, вроде того, что, мол, калош на рояль не ставить и в руку не сморкаться... и, наконец, будто уж мы и в самом деле такие невежи, что не догадались бы процедить хорошенько себя, прежде чем сунуться в Париж на выставку...» [1, т.1, с.107].

Конфликт Крамского с Ге нанес серьёзный урон Товариществу. Н.Н. Ге в конечном итоге впал в творческий кризис, заболел и вынужден был надолго оставить живопись и покинуть Петербург, переехав в деревню. К творчеству он смог вернуться нескоро. А выставляться стал через много лет, лишь после смерти Крамского.

И.Н. Крамской был очень сложным человеком.

Претендуя на роль лидера русских художников, он, вопреки сложившемуся мнению, не был организатором. Он брался за многое, но ничего не доводил до конца. К примеру, летом 1865 года, желая заявить в России о создании Артели петербургских художников, И.Н. Крамской задумал организовать выставку произведений артельщиков в Нижнем Новгороде, приурочив её к открытию ежегодной торговой ярмарки. Так как работ одних членов Артели было недостаточно, он пригласил для участия в выставке коллег из Санкт-Петербургского собрания художников. Откликнулся и музей Императорской Академии художеств, представив произведения, характеризующие русское искусство, начиная с XVIII века. Но выставка потерпела неудачу, в том числе, и материальную. Многие участники остались недовольны её результатами.

Находясь в Москве, в связи с участием в росписи купола храма Христа Спасителя, Крамской писал супруге: «Сообщи (если что-нибудь знаешь), как принято известие о неудаче в Нижнем всеми художниками и что-то там поговаривают, я думаю, ревут ужасно...»

Мне придётся огрызаться, ведь проект-то составлял я» [1, т. 1, с.22].

Даже Артель петербургских художников, создание которой ему ставят в заслугу, не выдержала испытания временем. Это было объединение совершенно случайных людей, среди которых Крамской тоже случайно оказался самым старшим, с наибольшим жизненным и творческим опытом, почему и стал их лидером. Хотя Артель и просуществовала несколько лет и были в её жизни светлые периоды, распаться она начала практически сразу. Как писал сам Крамской: «Те, у кого хоть что-нибудь было, сейчас же отпали...». А Императорская Академия художеств способствовала распаду Артели, предлагая её членам заказы, почётные и учёные звания и соблазняя возможностью выставляться. Так на итоговой годичной академической выставке 1867/68 годов работы «артельщиков» занимали целую стену [1, т.1, с. 71; 500].

Практически получается, что никакого отрыва от Академии у протестантов не было. «Взбунтовались» выпускники Академии в 1863 году. А в следующем, 1864 году уже первый из них, А. И. Морозов получил звание академика. Через год стал академиком Н.С. Шустов. За ним последовали Н.П. Петров и К.Е. Маковский (1867 г.), А.М. Корзухин, А.Д. Литовченко и Н.Д. Дмитриев-Оренбургский (1868). Постепенно, становясь на ноги, члены Артели разбредались, кто куда. А Дмитриев-Оренбургский даже добился от Академии пенсионерской поездки за границу. То есть, артельщики так и не смогли оторваться от Академии художеств, получая от неё все жизненные блага. Одним из последних сдался сам И.Н. Крамской. В 1869 году он получил в здании Академии творческую мастерскую (под номером 10). Уезжая осенью 1869 года на полтора месяца за рубеж, Крамской направил конференц-секретарю Академии П.Ф. Исееву письмо с просьбой сохранить за ним эту мастерскую. И он тоже стал академиком, получив это звание в 1870 году.

В том же 1870 году Крамской вышел из Артели. Формально его уход был связан с ходатайством перед Академией Н.Д. Дмитриева-Оренбургского о пенсионерской поездке за рубеж, что Крамской считал нарушением Устава Артели. Но нам представляется, что отношения артельщиков со своим лидером обострились до такой степени, что он рад был найти повод, чтобы покинуть её. Он сам писал Ф.А. Васильеву, что бывшие коллеги считают его «...тёмной, закулисной и озлобленной на Артель личностью», что «...если бы могли, то зарядили бы пушку Вашим покорнейшим слугою, да и выстрели ли бы» [1, т. 1, с.106 – 107; 518]. Его заявление о выходе из Артели датировано 24 ноября 1870 года. К тому времени он уже был «передвижником».

После ухода лидера Артель просуществовала ещё год с небольшим, а затем в начале 1872 года всем оставшимся в ней составом влилась в Общество поощрения художников [1, т.1, с 106].

Несмотря на всю браваду по поводу отношения к нему артельщиков, содержащуюся в письме к Васильеву, Крамской, видимо, тяжело переживал конец Артели. Вместе с ним горевал и В.В. Стасов. Ведь Стасов настолько восторженно приветствовал «бунт четырнадцати», что даже предлагал 9 ноября, дату их выхода из Академии, отмечать как праздничный день, «положивший начало самостоятельному и независимому развитию русского реалистического искусства» [5, с.13]. «Это была заря нового искусства, ... оно стало национально», – писал Стасов который особенно тяжело переживал исчезновение любимой им Артели. Поэтому невероятно обрадовался, узнав о зарождении сообщества передвижников. В своих публикациях, выдавая желаемое за действительное, он пытался спрятать факт распада Артели и выдать его за естественный переход в более мощную организацию – Товарищество передвижных художественных выставок.

Это не соответствовало действительности, в чём Мясоедов не раз упрекал Стасова. Да и сам Стасов в статье «Передвижная выставка 1871 года» (Санкт-Петербургские ведомости» 1871, №333,) корил Артель, что она, «...занятая своими делами, как-то равнодушно взглянула на необычную затею и, к своему стыду, осталась в стороне от нового полезного дела».

Рождение Товарищества передвижников Крамской вроде бы и приветствовал. Так, по крайней мере, вспоминает И.Е. Репин. Но только Мясоедов знал, сколько сомнений и неуверенности проявлял Крамской, решаясь вступить в ряды передвижников.

Откликаясь на настойчивость Мясоедова, Крамской стал членом Товарищества и даже несколько лет был в его Правлении (1870-1874, 1878, 1880 гг.). Но при ознакомлении с его письмами складывается впечатление, будто он ревновал Товарищество к бывшей когда-то любимой им Артели и делал всё возможное, чтобы оно поскорее перестало существовать. Это подтверждается свидетельством В. В. Стасова, который досконально знал обстановку внутри и вокруг Товарищества. В 1887 году, после смерти Крамского, Стасов намеревался написать о нём статью и делился своими соображениями

с Третьяковым: «... я умолчу (покуда) всё «падание» Крамского... всё неприязненное отношение его к Товариществу – это когда-нибудь позже» [4, с. 100].

Это «позже» уже пришло, и через век с четвертью можно, наконец, показать, насколько действительно *неприязненно* И. Н. Крамской относился и к Товариществу, и к самим передвижникам.

Из письма И.Е. Репину (декабрь 1873 года) узнаём, что Крамской, не веря в силы Товарищества, поддерживает предложение вице-президента Академии художеств великого князя Владимира Александровича о проведении совместных выставок. Крамской пишет Репину: «Благоразумие требует от нас согласиться на это, иначе Товарищество едва ли останется живо...» и продолжает: «...я точно присутствую на похоронах Товарищества, а между тем не могу не согласиться, что это не дурно». [1, т. 1, с. 215].

Дальше – больше.

В середине 1882 года Крамской по своей инициативе предпринял попытку созыва «Художественного съезда», считая, что «... быть может, наступил момент, когда Товарищество способно переформироваться» (из его письма к П.М. Третьякову от 27 июня 1882 года). Но не найдя инициаторов созыва такого форума, Крамской пишет Третьякову: «...делать нечего, за это должно будет взяться Товарищество. Как это ни смешно, по-видимому. Как мы ни слабы и как ни мало значение Товарищества в русском обществе, но мы попытаем дела».

В этих словах – ни веры в Товарищество, ни уважения к коллегам. Даже П.М. Третьяков, при его известной сдержанности, вынужден был отреагировать: «Я очень рад буду, – отвечал он Крамскому, – если наше Общество возьмётся за устройство съезда, но мало надеюсь. Вы говорите, делать нечего, возьмётся Товарищество, как то ни смешно, по-видимому, и как оно ни слабо – я не согласен с этим. **Что** сделало Товарищество в 10 лет своего существования – ясно всем» [6, т. 1, с. 215].

Со съездом у Крамского ничего не вышло. Но он не успокаивается в своих попытках доказать, что «Товариществу как идее пора умирать. Если оно не поймёт этого, ... оно станет смешным, ... я жду, – писал он, – что Товарищество прибьёт к берегу, как негодное бревно». Такими мыслями он делился со Стасовым в письме от 16 июля 1886 года. А пять дней спустя в следующем послании он ещё более откровенен: «Для искусства русского в широком смысле исчезновение Товарищества – в этом потери нет никакой...», и пытается видоизменить его в Общество русских художников, слив с академистами. Узнав о таких настроениях Крамского, В.В. Стасов писал своему брату Д.В. Стасову: «Просто руки опускаются, особенно, когда начинают перебегать во вражеский лагерь не только какие-нибудь Мещерские и Константины Маковские и Клодты, но даже и Крамские... Не помню, сказывал ли я тебе, ... как этот самый Крамской недавно вдруг стал проповедовать о необходимости слияния с Академией».

Конечно, с таким отношением к Товариществу и к коллегам И.Н. Крамской не мог быть и никогда не был

их идейным вождём или лидером, как его продолжают именовать в отдельных изданиях...

В отличие от Крамского, художники высоко ценили это содружество. С глубоким уважением относился к Товариществу не входящий в него художник-пейзажист И.К. Айвазовский. А живописец В.Д. Поленов так отзывался о коллегах-передвижниках: «Я слишком люблю Товарищество, слишком твёрдо верю в его главную цель и слишком уважаю своих товарищей, как людей, намного выше стоящих всего остального строя...» [10, с. 315]. И такое отношение у художников к своему союзу было не случайно. Мы даже представить себе не можем, кого бы не досчиталось русское искусство, не создай Мясоедов такое объединение. Это мнение можно подтвердить документально: «...Киселёва, – писал И.С. Остроухов к Н. А. Ярошенко, – я знаю 15 лет, знаю, что не будь Товарищества, не было бы и его, и знаю это по его признанию...». А.А. Киселёв – известный русский пейзажист, академик, профессор Академии художеств, руководитель её пейзажного класса.

То же самое можно сказать и о других художниках.

А вот отзыв В.В. Стасова о Товариществе передвижников: «Началось, по-видимому, дело всего только о передвижении новых картин, силою самих же художников..., но выросло из этого нечто в сто раз более крупное и важное»...

Другой серьёзный конфликт между передвижниками, который Мясоедову тоже не удалось погасить, произошёл между пейзажистами А.И. Куинджи и М.К. Клодтом. В результате ссоры они оба покинули Товарищество. А.И. Куинджи как бы затмевал других пейзажистов выразительностью своих необычных работ. Рядом с ними добротные, привычные полотна его коллег оставались в тени. Когда же о картине Куинджи «Ночь на Днепре» написали, что «такой картины нет в целом мире, нет в мире искусства», художник М.К. Клодт не выдержал и выступил в печати, пытаясь развенчать величие Куинджи. А так как Клодт был членом Правления, Куинджи обиделся на всё сообщество передвижников и вышел из Товарищества.

Мясоедов пытался убедить Куинджи вернуться. По крайней мере, экспонентом. Но результата не добился. Единственно, чем ему пришлось довольствоваться, – А.И. Куинджи остался в приятельских отношениях со многими передвижниками. Но выставлялся он уже самостоятельно.

«Однажды и сам Г.Г. Мясоедов оказался виновником конфликта. Произошло это в 1880 году. На этот раз споры вызвало полотно В. М. Васнецова «После побоища Игоря Святославовича с половцами» (ГТГ). Особенно резко выступал против него Г.Г. Мясоедов [13, с.59]. Мясоедов считал, что «...живопись должна нести красоту, доставлять радость зрителю. Возможно, он не видел ничего привлекательного в горе трупов, заполнивших всё картинное пространство на полотне Васнецова» [12, с. 123]. К его критике Васнецов отнёсся болезненно и подал заявление о выходе из Товарищества. Коллеги настояли, чтобы Мясоедов послал Васнецову извинения.

Григорий Григорьевич понял, что погорячился и, как истинный интеллигент, направил письмо Васнецову со своими извинениями. Однако, не успев, по-настоящему остыть, написал так, что Васнецов обиделся ещё больше. Тогда Мясоедов, видя, что сам не справится с задачей, обратился в Правление Товарищества с просьбой написать коллективное письмо Васнецову.

«Составили письмо с просьбой к Васнецову отказать от разрыва с Товариществом, добавив, что Г.Г. Мясоедов искренне жалеет о своей вспышке. Письмо подписали многие художники, в том числе и Мясоедов» [12, с. 124]. И оно возымело действие: В.М. Васнецов отказался от намерения покинуть ряды передвижников...

Конфликт был исчерпан. «До сих пор не обнаружен ряд существенных документов, касающихся этого конфликта», – читаем в двухтомнике о Товариществе передвижников, где высказывается версия о причине столь критического отношения Мясоедова к этому полотну: «Мясоедову – «первому передвижнику», как о нём говорили современники, оказалось непонятным новаторство Васнецова, его тяготение к формам монументального искусства, его обращение к былинному эпосу, фольклорная основа его историзма».

Поначалу картину Васнецова, как и Мясоедов, не приняли многие зрители. Так, в письме Крамскому 14 мая 1880 года, анализируя VIII Передвижную выставку, П.М. Третьяков писал: «Васнецова «Поле» («После побоища Игоря Святославовича с половцами». – А.Х.) менее образованные не понимают, образованные говорят, что не вышло...»...

Л.Н. Толстой, вообще, исторические картины В. М. Васнецова пренебрежительно называл выдуманными (из письма Л.Н. Толстого П. М. Третьякову. Июнь 1894 года)...

Позднее, живя в Москве, Мясоедов писал художнику П.А. Брюллову: «Здесь вижу со всеми, и ближе всех, совсем бок о бок живёт Виктор Михайлович Васнецов. С ним видимся часто, возобновились наши давнишние приятельские отношения, он очень интересный, глубоко предан искусству. Много раз касались мы с ним вопроса о выходе его из Товарищества, и для меня ясно, что всё это одни лишь недоразумения...» [3, с. 172].

Но, несмотря на неизбежные среди незаурядных личностей споры и конфликты, деловые (и не только деловые) отношения восстанавливались, и Товарищество, оберегаемое Г.Г. Мясоедовым, продолжало активную деятельность.

*

Товарищество передвижных художественных выставок, созданное Г.Г. Мясоедовым в 1870 году, пережило революцию и в 1923 году вошло в состав Ассоциации художников революционной России (АХРР), которая переросла в Союз художников СССР.

Библиографический список

1. *Иван Николаевич Крамской*. Письма, статьи. В 2-х. М., 1965–1966.
2. *Минченков Я.Д.* Воспоминания о передвижниках. Л., 1959.
3. *Мясоедов Г.Г.* Письма. Документы. Воспоминания. М., 1972.
4. Переписка П.М. Третьякова и В.В. Стасова. 1874–1897, М. – Л., 1949.
5. *Пунина Л.Н.* Петербургская Артель художников, Л., 1966.
6. *Переписка И.Н. Крамского: И.Н. Крамской и П.М. Третьяков*. 1869–1887. Т. I. М., 1953.
7. *Репин И.Е.* Далёкое близкое. Л., 1986.
8. Русские писатели об изобразительном искусстве/ Составители: Л.А. Гессен, А.Г. Островский. Л., 1976.
9. *Стасов В.В.* Избр. соч. В 3-х т. М., 1952.
10. Товарищество передвижных художественных выставок. 1869–1899. Письма. Документы. Предисл. и под ред. С.Н. Гольдштейна. М., 1987.
11. Переписка И.Н. Крамского. Т. 2. Переписка с художниками. М.: Искусство, 1954.
12. *Хворостов А.С.* Мясоедов. Знакомый и незнакомый. Орёл, 2008.
13. *Хворостов А.С.* Григорий Мясоедов. 1834 – 1911. М.: АРТ-РОДНИК, 2012.
14. *Хворостов А.С.* И.Н. Крамской с чужими регалиями // European social science JOURNAL, 2014, № 1 (40), т. 1. С. 149 – 156.
15. *Шувалова И.Н.* Мясоедов. Л., 1971.

References

1. *Ivan Nikolaevich Kramskoy*. Letters, articles. In 2 volumes. M, 1965–1966.
  2. *Minchenkov Ya.D.* Memories on itinerants. L. 1959.
  3. *Myasoyedov G.G.* Letters. Documents. Memories. M, 1972.
  4. Tretyakov P. M. and V. V. Stasov's correspondence. 1874 – 1897, M.–L. 1949.
  5. *Punina L.N.* Petersburg's cooperative of artists, L. 1966
  6. I.N. Kramsky's correspondence: I.N. Kramskoy and P.M. Tretyakov. 1869–1887. Vol. I. M, 1953.
  7. *Repin I.E.* The far close. L. 1986.
  8. The Russian writers about graphic arts / Originators: L.A. Gessen, A.G. Ostrovsky. L. 1976
  9. *Stasov V. V.* Selected woks. In 3 Volumes M, 1952.
  10. Association of mobile art exhibitions. 1869–1899. Letters. Documents / Foreword and under the editorship of S. N. Goldstein. M, 1987.
  11. I.N. Kramsky's correspondence. Vol. 2. Correspondence with artists. M.: Iskusstvo, 1954.
  12. *Khvorostov A.S.* Myasoyedov. Familiar and unfamiliar. Orel, 2008.
  13. *Khvorostov A.S.* Grigory Myasoyedov. 1834 – 1911. M.: ART-RODNIK, 2012.
  14. *Khvorostov A.S.* I.N. Kramskoy with others regalia//European social science JOURNAL, 2014, No. 1 (40), vol. 1. Pp. 149–156.
  15. *Shuvalova I.N.* Myasoyedov. L. 1971.
-
-

УДК 745/749

UDC 745/749

С.М. ЧЕРНИКОВА

доктор педагогических наук, профессор, кафедра декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет
E-mail:myrzin13@rambler.ru

S.M. CHERNIKOVA

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of arts and crafts and technical graphics, Orel State University
E-mail:myrzin13@rambler.ru

**ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ ВЫШИВКИ «ОРЛОВСКИЙ СПИС» В ОБУЧЕНИИ И ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ
«ORLOVSKY SPIS». EMBROIDERY FOLK TRADITION IN THE TRAINING
AND EDUCATION OF SCHOOLCHILDREN**

В данной статье рассматривается история и культурные традиции вышивки «Орловский спис», ее особенности и технологические приемы выполнения. Дается обзор современных школ и студий художественного творчества, где продолжают традиции изучения национально-региональной вышивки «Орловский спис».

Ключевые слова: Орловский спис, вышивка, крестьянская символика, орнамент, народное творчество, мастерицы, мифология, перевить, композиция.

This article explores the history and cultural traditions of embroidery «Orlovsky spis», discusses its features and technological methods of fulfillment, and investigates the current school and art studios, where the tradition of studying the national-regional embroidery “Orlovsky spis” is continued.

Keywords: Orlovsky spis, embroidery, peasant symbolism, ornament, folk art masters, mythology, composition.

Искусство вышивания было известно уже в XI–XIII вв. Расшитые части одежды, полотенец найдены археологами в землях Новгорода и Рязани, Смоленска, Чернигова, Киева и Владимиро-Суздальской княжеств. «Язык русской народной вышивки – это своего рода система письма, где чернила и бумагу заменяют холст, и, чаще всего, красная нить». (З. С 3-4)

В вышивке предстает перед нами народное осознание мира и природы, своего рода народная поэтическая мифология. И эта крестьянская символика может быть то простой, то сложной, но всегда вызвана к жизни мировоззрением крестьянина, его верованиями, взглядами на мир, на жизнь, и никогда не воспроизводит окружающую действительность. Образы русского узора, имеющие большое сходство с вышивкой восточных, южных и западных славян, на наш взгляд, олицетворяют древние представления народов индоевропейской семьи, когда земледелие стало главным средством их существования.

Для народной вышивки Орловского, Курского, Тамбовского, Пензенского, Воронежского края, а также Тульской, Рязанской, Смоленской, Калужской области характерным является геометрический многоцветный орнамент. Выполнялся он счетной гладью и цветной перевитью, иногда белой строчкой, набором и росписью. Смоленскую перевитью отличает колорит красного цвета с добавлением оранжевого, желтого тона, иногда в вышивку добавляли немного черных и синих нитей. На полотенцах вышивка шла широкой полосой с повторяющимся узором из ромбов. Располагались они цепочкой друг за другом и сочетались с другими орнаментами геометрическими мотивами: крестом, звездой...

Цветная перевить выполнялась по сетке из продернутых нитей. Орнамент обвивался столбиком по сетке мягкими нитками, что создавало видимость ненарушенной ткани.

Вышивки цветной перевитью отличались сложностью узора, многоярусностью композиции, сочетанием с переборным ткачеством, нашивками из лент, тесьмы, блёсток и бисера.

В Воронежском районе праздничные рубахи расшивались тонкой чёрной шерстью. Композиция строгая и предельно ясная в виде замкнутого прямоугольника. Тонкой вязью покрывалась верхняя часть рукавов, красоту им придавало сочетание с белой ажурной или золотшвейной вставкой и тонкими розчатыми полосками.

В народной вышивке Орловщины особое место занимает спис. Слово «спис» означает списывание. Вышивальщицы списывали узоры с разукрашенных морозом окон, с цветов и трав, придавая им фантастический вид. Каждая форма узора заполнялась мелкими геометрическими разделками, вышитыми швом набор. Эти разделки называются бранками. Смысловую нагрузку несёт не только контур общей вышивки, но и рисунок внутри него. Бранки создают фактуру в виде зигзагов, сеточек, шашек и называются они «вороний глаз», «сосна», «штоф»...

Списом расшивались кокошники, полотенца, рубахи, использовались нити красного, оранжевого, желтого, зелёного цвета. Классическими считались сочетания красного цвета с введением синего. Вышивка Орловской области орловский спис родилась в небольших, просторных и светлых деревеньках, среди холмов Золотарево, Домнино, Карпово, что в Орловском рай-

оне. Ограничивалась родина Орловского списка этими местами или распространялась на другие села и деревня – в настоящее время точно не известно.

Большой пышный рисунок, геометрический орнамент, использование красных и холодных синих цветов являются особенными чертами этой вышивки.

Для вышивания брали тонкую льняную или пеньковую отбеленную домотканую холстину. Нитки – льняные или шерстяные своего изготовления, окрашенные специально приготовленным красным красителем из самок червеца, собранных летом на траве зверобое.

Шов красной нити – первичная линия крестьянской бытовой графики. Главный и первый художественный принцип этого искусства нити – линейная трактовка. Исключительным линейным ритмом пронизана вся сложнейшая орнаментика, остро выразительная, решительная и твердая линия побеждает и владеет всеми темами, она необычайно изменчива, неожиданна.

Откуда же появились мотивы, о чем повествуют нам и где их истоки? Смысловое значение Орловского списка весьма разнообразно. В ходе нашего исследования при ознакомлении с материалами фондов краеведческого и художественного музеев мы выделили несколько версий расшифровки узора. Вот некоторые из них:

1. Одна из них берет начало от средневековой вышивки золотом и серебром.

2. Крестьянские девушки брали узоры с «разрисованных» морозом окон, отсюда и название вышивки «спис».

Одной из любимых тем Орловских мастериц было изображение «древа жизни». Дерево от корня растет, затем разветвляется и развивается так, как в жизни генеалогические корни. Разные части его расшивались различными рисунками и не были симметричны, потому что женщины вышивали своих родственников: невесток, свекровей, тестей и вышивали их различными элементами для отличия. Так выстраивалось «древо жизни» каждой крестьянской семьи.

3. Еще одним часто встречающимся мотивом Орловской вышивки является «культ роженицы». Представление о Вселенной в женском облике.

Особое значение в вышивке Орловского списка играет ромб. Ромб соответствовал солнечному кругу.

Встречаются также и его разновидности. Ромб с крестом, с солнцем рождающим, ромб с ровными краями – «круги».

В языке народной символики цвет играет одну из главных ролей в осмыслении орнамента. Орловский список насыщен красным цветом, это связано с представлением об огне и свете, понимался как «благовидный и прекрасный».

Одна из основных ролей в вышивке отведена технической стороне. Швы не только воссоздают образ, но и выражают его сущность. Техника Орловского списка относится к счетной, где для каждого стежка отсчитывают нити ткани. Контур узора вышивается стебельчатым или тамбурным швом. Заполняется рисунок «бранками», которые представляют собой счетные швы набор (брань). Наборы бывают горизонтальные и вертикальные. Геометрический узор выполняется движением иглы с рабочей нитью по всему узору то справа налево, то слева направо. В соответствии с узором вышивальщица делает стежок, затем пропуск, снова стежок и т.д. Таким образом, она набирает нити ткани до конца узора по принципу шва «вперед иголка». Выполнение шва «набор» можно сравнить с движением челнока в ткачестве. На изнанке получается негативный узор орнамента.

Сегодня в некоторых школах Орловской области идет возрождение вышивки Орловский список. В Стрелецкой школе искусств Орловского района Орловской области на прикладном отделении знакомят детей с наследием народных мастериц. Учащиеся школы с преподавателем Воропаевой Людмилой Николаевной знакомятся и выполняют творческие работы в технике Орловского списка.

Большую роль в развитии орловской вышивки сыграли такие мастерицы, как Богатова Н.В., Лагутина О.С., Галушкова А.Г., Степанова Т.И., Пименова Е.Д., Голованова, З.С., Крылова Л.Н., Коваленко К.С., Пелепейченко С.И.

Всего по Орлу в технике Орловского списка работают двадцать мастериц. Действуют три студии в городе и одна в области, где дети осваивают технику вышивки списка. Одна из них – детская художественная студия «Мастерица».

Библиографический список

1. Воронов В.С. О крестьянском искусстве. М, 1972. 174с.
2. Дурасов Г. П., Яковлева Г.А. Изобразительные мотивы в русской народной вышивке. М. : Советская Россия, 1990. 320 с.: ил.
3. Стасов В.В. Русский народный орнамент: шитье, ткани, кружево. Вып1. СПб, 1872. С. 3-4.

References

1. Voronov V.S. On Peasant art. M, 1972. 174p.
2. Durasov G.P., Yakovlev G.A. Figurative motifs in Russian folk embroidery. M.: Soviet Russia, 1990. 320 p.: Il.
3. V.V. Stasov Russian folk ornament: sewing, fabric, lace. Issue1. SPB, 1872. Pp.3-4.

УДК 159.99

Н.Н. ГЛУШАЧ

кандидат психологических наук, доцент, кафедра социологии и психологии, Московский государственный университет статистики, экономики и информатики
E-mail: glushachnn@mail.ru

С.Ю. МАНУХИНА

кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой организационной психологии, Московский государственный университет статистики, экономики и информатики
E-mail: alday@inbox.ru

UDC 159.99

N.N. GLUSHACH

Candidate of Psychology, Associate Professor, Sociology and Psychology, Moscow state university of statistics, economics and informatics
E-mail: glushachnn@mail.ru

S.J. MANUKHINA

Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of organizational psychology, Moscow state university of statistics, economics and informatics
E-mail: alday@inbox.ru

ТРУД КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

WORK AS A SOCIO-PSYCHOLOGICAL CATEGORY

Феномен труда рассматривается как витальная сущность человека и общества. Труд есть способ обеспечения существования людей, человечества в целом, развития цивилизации. Однако современные особенности автоматизации производства и других видов организационных процессов изменяют содержание и сущность труда человека.

Ключевые слова: труд как категория, социально-психологическая функция труда, аффилиативная потребность, автоматизация.

The phenomenon of labour is considered as a vital human need and society. Labour is the way to ensure human existence, mankind as a whole, the development of civilization. However, modern features of automation of production and other kinds of organizational processes modify the contents and the essence of human labor.

Keywords: work as a category, socio-psychological function of labour, affiliate demand, automation.

Если вы удачно выберете труд
и вложите в него всю свою душу,
то счастье само отыщет вас
К. Ушинский

В современных условиях автоматизации производства можно наблюдать процесс нивелирования значимости человеческого труда, забывая, что именно человек является главной производительной силой, только человек способен на инновации и, тем самым, создавать условия развития общества. Труд – это не только одна из разновидностей деятельности индивида, но основная форма его жизнедеятельности, условие осмысленного существования как самого человека, так и общества в целом.

Чаще всего категорию труда рассматривают через призму экономических наук. Так в экономике труд рассматривается как основное средство создания благ, где наиболее актуальными являются вопросы производительности и эффективности (А. Смит, У. Петти, Ж.Б. Сэйем, Ф. Бастиа, А. Маршалл, Э. Уикстид, Ф. Эджурт, А.А. Богданов, П.П. Маслов, С.Г. Струмилини и др.). [2, 3]

В то же время, философы, исследуя роль труда в жизни общества и индивида, отмечали, что труд не всегда воспринимался как важная потребность человека. В истории развития цивилизации был период, когда

труд воспринимался как мука. Так, например, в рамках античного мировоззрения простой хозяйственный труд представлялся занятием, не достойным свободных людей. Он понимался как занятие низкое, которое является лишь уделом рабов и вольноотпущенников (Г. Гегель, Г. Зиммель, Г.С. Григорьева, Г.А. Пруденского, С.С. Товмасына, И.И. Чангли, В.Г. Смолькова, А.П. Парсиева). Труд физический рассматривался как тягость и как мука. Свободный гражданин античного общества был либо политиком, воином, участником или зрителем спортивных состязаний, посетителем дружеских пиров и театра или представителем философских школ. По этой причине особой доблестью в глазах членов античного общества являлся не труд сам по себе, а созерцание, благородная праздность. В этой связи исключение делалось лишь для земледельческого труда, что определялось самим характером уклада античного общества, которое держалось на аграрном производстве. Исследователи отмечают, что античное общество не сформировало позитивной трудовой этики. Труд воспринимался как наказание, и, вероятно, по этой причине в античной культуре возник образ Сизифа. [3,4]

Однако, следует согласиться с К. Марксом, что труд есть первичный вид человеческой деятельности, который исторически сложился в человеческом обществе и который является сознательной целенаправленной дея-

тельностью, направленной на получение результата, и регулируется волей в соответствии с ее сознательной целью. Труд является одним из базовых условий жизни человека и общества, развития индивида как личности. В процессе трудовой целенаправленной деятельности индивид раскрывает и развивает свои способности, формирует и корректирует свои идеалы, убеждения и установки. Трудовая деятельность лежит в основе любых общественных отношений и значительно влияет на взаимоотношения и взаимодействия людей.

Французский философ Анри Бергсон назвал человеческий вид не *Homosapiens* (человек разумный), а *Homofaber* (человек трудящийся), тем самым определив основную сущность человека через постоянное стремление трудиться на совершенствование окружающего мира и самого себя [4, С.71-73]. Аналогичная идея была озвучена Ушинским К.Д. в книге «Труд в его психическом и воспитательном значении», где он подчёркивал самоорганизующую роль труда в жизни каждого человека, утверждая, что «без личного труда человек не может идти вперед, не может оставаться на одном месте, но должен идти назад».

В узком смысле слова труд является объективным условием поддержания жизни индивида, сохранения смысла его жизни. Трудовая деятельность, являясь осознанной и целесообразной, выделяет человека из животного мира. Активность человека, осуществляемая с приложением усилий, затратами, в первую очередь, мыслительной или физической энергии, что позволяет человеку быть полноценной сознательной личностью, а не только биологическим существом. Трудовая деятельность реализуется не изолировано от социума, а в консолидации с ним, связывая индивида с другими людьми, внешним миром, вызывает его активность, поддерживая жизненные процессы как личности, так и общества в целом. В контексте можно сказать, что труд является признаком жизни отдельных индивидуумов и человеческих сообществ.

Для человека как существа биосоциального труд, безусловно, прежде всего, необходимость выживания в любые исторические эпохи. Отсюда и приоритет материального производства над всеми остальными видами человеческой деятельности на протяжении длительных тысячелетий. В этом смысле труд – это в первую очередь материальная потребность. Общественно полезный характер труда (даже если он осуществляется индивидом в сугубо личных целях) одновременно делает его духовной потребностью человека (даже если он этого не осознает или не желает) [6].

Соглашаясь с Шаховской Л.С., труд как мотив деятельности человека — это, вероятно, один из немногих мотивов, в котором неразрывно слиты воедино материальное и духовное начала, необходимость и потребность, производственные отношения на уровне личности и общества [7].

В широком смысле труд есть способ обеспечения существования людей, человечества в целом. Непрерывно расходуемые в жизненных процессах продукты труда требуют своего воспроизводства, модерни-

зации и совершенства, что также возможно осуществить в процессе соответствующего труда. Рост индивидуальных потребностей и их изменение создаёт предпосылки к формированию разнообразных видов труда, к совершенствованию его процессов, разнообразию трудовых технологий. Таким образом, трудовая деятельность является необходимым условием существования как отдельного индивида, так и общества в целом.

Следует отметить, что труд является средством удовлетворения аффилиативной потребности человека в коммуникации. Трудовая деятельность как процесс предполагает необходимость взаимодействия людей, групп, организаций, которая, в свою очередь, сближает людей, укрепляет социальные связи. Производственный коллектив часто становится для индивида референтной группой [1]. На основе взаимодействия в процессе совместного труда возникают неформальные отношения, личные симпатии и антипатии, чувства (от дружбы до любви). Природу подобных социально-психологических явлений в процессе трудовой деятельности можно объяснить тем, что у участников процесса совпадают уровень образованности, культуры, социальный статус, интересы, и, к тому же, значительную часть времени они проводят вместе [8]. В результате труд является синергетическим механизмом интеграции разрозненных людей в социальные общности. С другой стороны, разнообразные противоречия и разногласия, возникающие в процессе трудовой деятельности, могут провоцировать острые и порой неразрешимые конфликты.

Тем не менее, труд только может стать формой самоактуализации и самовыражения личности, и в этом аспекте труд неодинаков (как индивидуален и его субъект), он всегда разный по количеству и качеству, по степени интенсивности, всегда индивидуален по форме проявления. Воплощая в труде свои личные особенности и достоинства, человек обретает общественное признание. Для формирования и развития личности человека это является важным условием для самоутверждения и самовыражения. Труд превращается в актуальную жизненную потребность для многих самоорганизованных людей, которые деятельным участием в трудовом процессе продлевают активную фазу своей жизни, делают ее яркой и наполненной смыслом.

В труде, как в мотиве деятельности, соединены материальные и духовные черты, – это проявляется как необходимость обеспечить достойное существование субъекта деятельности. Таким образом, труд как мотив деятельности – это необходимость, а как объект потребности человека, он, как отмечает Шаховская Л.С., явление более глубокое, связанное с социальной сущностью человека. Потребность в труде проявляется как отношение человека к труду и не имеет значения, наемный это труд или «на себя», поскольку на той ступени развития цивилизации, когда он превращается в первую жизненную потребность, он уже не просто труд, он – деятельность – всегда творческая и всегда общественно значимая [7].

По своей природе труд представляет собой не-

преходящую потребность человека, где процесс труда выступает как способ удовлетворения этой потребности. Труд порождает и создает потребность трудиться. В результате она определяет сам процесс труда. Потребность в труде – это продукт не биологической природы человека, а его исторического развития, результат культурного восхождения общества [5, 6].

Только человек может испытывать удовольствия и удовлетворение, находиться в состоянии трудового экстаза, и только благодаря этому он способен утвердить в самом себе постоянно опосредующую суть – сущность человека, смысл его жизни. Исходя из этого, труд (трудовой процесс) есть, с одной стороны, следствие человека, а с другой – он есть не что иное, как осознанная необходимость самой жизни человека, проявления его как личности, перешедшая в действие.

В своей научной работе Чуб Л.И. утверждал, что труд как потребность не есть что-то, лежащее вне труда, а собственный момент труда, как выражение деятельно-творческой, социальной сущности человека. Формирование человека как личности происходит посредством разнообразных видов деятельности и главным образом через труд. В производственном акте изменяются не только объективные условия, но и сами производители, вырабатывая в себе новые качества, развивая и преобразовывая самих себя, создавая новые силы и новые представления, новые способы общения и новые потребности. Человек является не только агентом и субъектом общественного развития, но и его продуктом; он непрерывно находится в движении становления с точки зрения развития своих качеств, сущностных сил [6].

Таким образом, как уже было показано выше, труд имеет функциональное назначение как для формирования и проявления личности каждого человека, так и для развития общества в целом. Так исследования западных ученых о роли труда в жизнедеятельности человека как личности позволили выделить такие его функции, как:

- ✓ труд обеспечивает положение и престиж человека в обществе,
- ✓ он обеспечивает его доход,
- ✓ он обеспечивает занятость и социальную активность индивида и является хорошим способом служения обществу,
- ✓ он обеспечивает социальные контакты,
- ✓ интересен сам по себе, приносит радость и чувство глубокого удовлетворения от трудовых достижений.

К этому списку следует добавить, что труд делает жизнь человека более осознанной и придаёт смысл его деятельности.

Общественную составляющую труда можно обнаружить через призму социальных функций трудовой деятельности [3].

✓ *Социально-экономическая* функция проявляется в том, что человек как субъект труда оказывает воздействие на различные объекты природной среды, её ресурсы, преобразуя их в материальные блага и услуги

для удовлетворения своих потребностей.

✓ *Продуктивная* функция труда проявляется в удовлетворении потребности индивида в творческой деятельности, актуализации своих способностей и самовыражении, благодаря которой происходит приращение культурного, научного и технологического наследия.

✓ *Социально-структурирующая* функция труда заключается, с одной стороны, в общественном разделении труда, а с другой, в интегрировании усилий людей, участвующих в трудовом процессе. В первом случае происходит разделение определённых трудовых функций за разными участниками трудового процесса, в результате появляются специализированные виды труда. Во втором случае – обмен результатами частной трудовой деятельности приводит к необходимости устанавливать взаимные связи между субъектами общественного трудового процесса. Таким образом, данная функция отражает необходимость выстраивать социально-экономические связи между различными людьми и социальными группами.

✓ *Социально-контролирующая* функция труда демонстрирует, что посредством труда сформировалась сложная система социальных отношений, регулируемая определённой системой ценностей, норм поведения, стандартов, методов воздействия и др., представляющих собой совокупность социального контроля трудовых отношений. Сюда можно отнести трудовое законодательство, экономические и технические нормативы, уставы организаций, коллективные договоры, должностные инструкции, неформальные нормы, ключевые принципы организационной культуры.

✓ *Социализирующая* функция труда связана с тем, что трудовая деятельность позволяет расширить диапазон социальных ролей, образцов поведения, освоить их нормы и выявить ценности взаимодействия, что позволяет личности чувствовать себя полноправным участником общественной жизни. Данная функция позволяет человеку обрести определённый статус, ощутить социальную принадлежность и идентичность.

✓ *Социально-развивающая* функция труда проявляется как воздействие содержания труда на личность самого исполнителя, трудовые коллективы и общество в целом. Этот объясняется тем, что по мере развития и совершенствования средств труда происходит развитие и содержание труда как процесса. Как следствие, практически во всех отраслях современной экономики наблюдается повышение требований к уровню знаний и квалификации субъекта труда. По этой причине одной из приоритетных функций управления персоналом современной организации является функция обучения сотрудников.

✓ *Социально-стратификационная* функция труда по сути своей является производной от социально-структурирующей с той разницей, что результаты различных видов труда по-разному вознаграждаются и оцениваются обществом. В соответствии с этим одни виды трудовой деятельности признаются более важными и престижными по сравнению с другими. Тем

самым, трудовая деятельность способствует формированию и укреплению в обществе доминирующей системы ценностей и выполняет функцию ранжирования участников трудовой деятельности по уровням общественной страты.

Эволюционное, научно-технологическое развитие общества приводит к совершенствованию процесса труда человека, значительно усложняя его субъекту деятельности. Последнему приходится выполнять более сложные и разнообразные операции, применять при этом все более организованные и информативные средства труда. Современный человек ставит перед собой и достигает более масштабные цели. Его труд стал многосторонним, разнообразным, совершенным. Следует выделить содержательные характеристики современного труда. В первую очередь это *рост интеллектуальной составляющей процесса труда*. Многократно усилилась роль умственного труда, возросли требования к со-

знательному и ответственному отношению работника к процессу и результатам своей деятельности. Так увеличилась доля механизированного, автоматизированного и функционального труда. Это связано с достижениями научно-технического прогресса, развитием компьютерных технологий, которые позволяют преодолевать ограничения физических и психологических возможностей человека и служат решающим фактором роста производительности и эффективности труда. В связи с этим более актуальной стала социальная составляющая процесса труда, а значит, на сегодняшний день, факторами роста производительности труда рассматривается не только повышение квалификации работника или повышение уровня механизации и автоматизации его труда, но, в первую очередь, состояние здоровья человека, его настроение, отношения в семье, в коллективе и в обществе в целом.

Библиографический список

1. Глушац Н.Н. Комплексная оценка эффективности деятельности социозащитного учреждения и качества оказываемых им услуг. // Россия: настоящее и будущее. Саратов: «Наука», 2009. 348 с.
2. Голованов А. И. От производительности к эффективности труда. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 376. С. 137–141
3. Молевич Е.Ф. Труд как объект и предмет исследований общей социологии, 2001. [Электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: <http://ru.convdocs.org/docs/index-15391.html>
4. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1979. 124 с.
5. Философия. Учебник. Под ред. В. Д. Губина, Т. Ю. Сидориной, В. П. Филатова. Ч 3. М.: Русское слово, 1996. 432 с
6. Чуб Л.И. Труд как внутренняя потребность человека (социологический аспект): 09.00.01, Ленинград, 1984. 188 с.
7. Шаховская Л.С. Мотивация труда в переходной экономике: дисс ... докт эконом н: 08.00.01, Москва, 1995. 245 с.
8. Манухина С.Ю. Психологические детерминанты профессиональной успешности психолога-диагноста кадровой службы (в сфере бизнеса). // Дисс. на соиск. ст. к.псх.н. М., 2006

References

1. Glushach N.N. Complex evaluation of efficiency of activities of social security institutions and the quality of the services it. // Russia: present and future. Saratov: "Nauka", 2009. 348 p.
  2. Golovanov A. I. From performance to the performance of work. // Herald of Tomsk state University. 2013. № 376. Pp. 137-141.
  3. Molevich E.F. Work as an object and subject of research for sociology, 2001. [Electronic resource] - access Mode. - URL: <http://ru.convdocs.org/docs/index-15391.html>
  4. Selye G. Stress without distress. M: Progress, 1979. 124 p.
  5. Philosophy. Textbook/ edited by C. D. Gubin, I. Y. Sidorina, B. N. Filatov. P.3. M: Russkoye slovo, 1996. 432 p.
  6. Chub L.I. Work as adomestic human need (sociological aspect): 09.00.01, Leningrad, 1984. 188 p.
  7. Shakhovskaya P.S. labor Motivation in a transition economy : the dissertation ... doctor of economic Sciences : 08.00.01, Moscow, 1995. 245 p.
  8. Manukhina S.J. Psychological determinants of vocational success psychologist-diagnosticsian personnel (in business). // Candidate dissertation in Psychology. M., 2006
-
-

УДК 159.923:075.8

UDC 159.923:075.8

В.В. ГУЛЯКИНА

кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии и акмеологии, Орловский государственный университет
E-mail: vera.gulyakina@yandex.ru

V.V. GULYAKINA

Candidate psychological, associated professor, Department of Psychology and acmeology, Orel State University
E-mail: vera.gulyakina@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ

PECULIARITIES OF STUDENTS' PERSONAL SELF-DETERMINATION

На базе сравнения качества самосознания, содержательности и глубины ценностно-смысловой системы и состояния эмоционального благополучия выпускников гимназий и вузов выявлена специфика личностного самоопределения студентов на последнем этапе обучения в образовательном учреждении. Зафиксированы особенности переживания студентами статуса самостоятельности, отражающие состояние когнитивной и эмоциональной регуляции процесса самоопределения. Выявлено, что ситуация неопределенности в когнитивном плане порождает переоценку своего Я и осознание своей субъектности, осмысленность жизни, выбор приоритетов и их иерархизацию, в аффективном плане – отсутствие эмоционального благополучия.

Ключевые слова: самоопределение; субъект; когнитивная и эмоциональная регуляция процесса личностного самоопределения; самосознание; статус самостоятельности; когнитивный поиск; эмоциональное благополучие; неопределенность.

Comparing the quality of consciousness, content and depth of value-meaningful system and the state of the emotional graduates' well-being of gymnasiums and universities personal self-determination specific features were identified in the last stage of study in an educational institution. Peculiarities of the experience by students of the status of independence which reflected the state of cognitive and emotional regulation of the self-determination process were fixed. It was established that the situation of uncertainty in the cognitive plan evokes the updates of ego and awareness of its subjectivity, meaningfulness of life, the choice of priorities and their hierarchy, in affective plan it evokes a lack of emotional well-being.

Keywords: self-determination; subject; cognitive and emotional regulation of the process of personal self-determination; self-consciousness; status of independence; cognitive search; emotional well-being; uncertainty.

Интенсивное развитие нашего общества кардинально изменило содержание активности людей и их представления о возможных путях поиска себя и своего места в мире.

Проблемы, связанные с личностным развитием молодых людей, постоянно находятся в центре внимания психологов. В современных условиях они имеют особую актуальность в связи с глубокими и быстро протекающими социальными изменениями, утратой идеологических ориентиров в воспитании подрастающего поколения, резко возросшим количеством самых разнообразных факторов, влияющих на психологический облик современной молодежи. Проблема личностного самоопределения как обретение человеком своего места в обществе и в жизни в целом обретает не только теоретическое, но и большое практическое значение.

Решение многочисленных практических вопросов затрудняется недостаточной теоретической проработанностью проблемы самоопределения. Несмотря на то, что исследователи анализируют различные грани феномена самоопределения (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Петровский, А.С. Чернышев, А.В. Брушлинский, Е.А. Климов,

В.А. Петровский, М.Р. Гинзбург, А.Л. Журавлев, В.В. Гулякина и др.), в научной литературе отсутствует целостное представление о нем, имеющиеся данные недостаточно систематизированы, эмпирические исследования представлены слабо. Как следствие, возникают сложности в исследовании личностного самоопределения на эмпирическом уровне.

В настоящее время, когда современное общество характеризуется ценностно-нормативной неопределенностью, проблема личностного самоопределения достаточно остро стоит для современной молодежи в период окончания вуза, характеризующийся приобретением статуса самостоятельности в социуме. Особую социальную значимость приобретает выявление психологических основ успешного самоопределения личности в системе образования, так как способность найти свое место в социуме является необходимым условием успешной жизнедеятельности человека и важнейшим компонентом его профессиональной компетентности.

Определение специфики в социально-психологических аспектах приобретения студентами статуса самостоятельности способно внести определенный вклад в теоретическую концепцию само-

пределения и выступить основанием для методики организации сопровождения личностного самоопределения студентов.

Учитывая, что для выявления особенностей необходимо сравнительное исследование, мы обратились к особенностям становления личности на этапе изменения социального статуса молодого человека – в период окончания школьного и вузовского обучения.

Проблема поиска себя и своего места в жизни крайне актуальна и личностно значима для студентов-выпускников. Они завершают образование, находятся на этапе вхождения в новую жизненную ситуацию. Эта ситуация для них психологически нагрузочна и стрессогенна. Изучая характеристику учебного стресса студентов младших и старших курсов высшего учебного заведения, С.Н. Карякина пишет: «Практически по всем изученным показателям старшекурсники оказались менее благополучными, следовательно, в большей мере, чем студенты младших курсов, нуждающимися в помощи со стороны преподавателей и администрации факультета, психологов ...» [2, с.215].

В этом смысле в схожей психологической ситуации находятся старшеклассники-выпускники. Старший школьный возраст является важнейшим этапом становления личности, он сензитивен для осознания самого себя, выработки ценностных ориентаций и жизненных смыслов, формирования самостоятельности и активности в достижении целей и развития чувства ответственности.

В период окончания школы и вуза перед девушками и юношами жизнь ставит новые проблемы, связанные с реализацией себя в новой системе социального взаимодействия, поэтому для них остро актуальным становится именно вопрос самоопределения – самостоятельного выбора ценностных ориентиров, построения своей собственной жизни, обретения внутренней целостности и адекватной позиции в обществе.

Учитывая обозначенное проблемное поле, наших исследуемых мы продифференцировали на две выборки.

- *Учащиеся 11-х классов* двух гимназий города Орла (МОУ гимназия № 16 и МОУ гимназия № 19), в возрастном диапазоне 16-17 лет, общим составом 34 человека (возрастной период юности).

- *Студенты 5-х курсов* Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Орловский государственный университет» (факультет педагогики и психологии, юридической факультет, факультет физической культуры и спорта), в возрастном диапазоне 21-22 года, общим составом 30 человек (возрастной период молодости).

Цель нашего исследования – выявление особенностей личностного самоопределения студентов на последнем этапе обучения в образовательном учреждении.

Объект исследования – личностная сфера человека, его **предмет** – личностные особенности как отражение когнитивной и эмоциональной регуляции процесса самоопределения.

В ходе *эмпирического исследования* решались следующие **задачи**:

1. выделить критерии оценки самоопределения как личностного образования;
2. проанализировать особенности личностного развития у выпускников гимназий и вузов;
3. сравнить состояние когнитивной и эмоциональной регуляции процесса личностного самоопределения у старшеклассников и студентов.

Принимая во внимание позицию Л.И. Божович, согласно которой личностное самоопределение – возрастное новообразование старшего подросткового возраста, и большое количество современных исследований, посвященных изучению личностного самоопределения на разных этапах онтогенеза человека (Е.В. Вальтеран, Ф. К. Нуриманова, И.К. Климова, Е.В. Приходько, С.Б. Пряхина, А.Р. Тугушева и др.), считаем целесообразным пояснить наше понимание феноменологии главного изучаемого конструкта.

В возрастном плане условия для осознанного процесса поиска создаются в старшем подростковом или раннем юношеском возрасте. Самоопределение не статичный феномен: человеку жизненные выборы приходится осуществлять неоднократно, процесс поиска конечен только при решении конкретной жизненной задачи, а удовлетворенность её результатами в ходе жизни может переосмысливаться. В связи с этим акты самоопределения человек может осуществлять в разных возрастных диапазонах.

При исследовании личностного самоопределения мы имели в виду потребность субъекта определить себя в сфере личностных особенностей и межличностных отношений. С этой точки зрения, личностное самоопределение старшеклассников и студентов – это попытка ответить самому себе на вопрос, какой я, что я за человек, встающий в связи с наступающей взрослостью и новыми требованиями, которые предъявляет она молодым людям.

Считая целесообразным дифференцировать процесс и результат самоопределения, первый мы рассматриваем «как ценностно-смысловой и конкретно-действенный поиск человеком собственной позиции при неопределенности, второй – как ее нахождение, характеризующееся интеграцией доминирующих отношений к определенным сторонам действительности» [1, с.74]. Самоопределившийся человек нашел себя и своё место в мире: он ощущает полноту жизни и собственную целостность, уверен в себе, готов к изменению, удовлетворен жизнью, отличается целостностью и внутренним комфортом.

Учитывая, что процессуальные аспекты самоопределения достаточно сложно продиагностировать, а о его результате у выпускников гимназий и вуза можно говорить лишь условно, некоторые исследователи обращаются к анализу психологической готовности к личностному самоопределению (И.П. Петров, Е.К. Фоминых и др.).

В нашем исследовании критериями оценки самоопределения как личностного образования вы-

ступили качество самосознания, содержательность и глубина ценностно-смысловой системы и состояние эмоционального благополучия. Обозначенные критерии отражают состояние когнитивной и эмоциональной регуляции процесса личностного самоопределения человека.

Ценностно-смысловой аспект личностного самоопределения, регулируемый когнитивным уровнем сознания, оценивался на базе качества самосознания (самоотношения личности и её локуса контроля), осмысленности жизни и ценностных ориентаций личности.

Эмоционально-оценочную составляющую самосознания выпускников гимназий и вузов мы диагностировали, обращаясь к тест-опроснику самоотношения В.В. Столина (Методика МИС).

Локус контроля как готовность к активности и переживание «Я» позволяет проанализировать специфику выбора в ситуации жизненной неопределенности и оценить осознание человеком своей ответственности за происходящее. Направленность локуса контроля мы диагностировали с помощью методики УСК Е.Ф. Бажина, Е.А. Гольнкиной и А.М. Эткина (Диагностика парциальных позиций интернальности-экстернальности личности).

Уровень осмысленности жизни отражает глубину смыслового анализа человеком опыта своего жизненного бытия, указывая на соотношение ретроспективной, актуальной и перспективной рефлексии. Качество субъективной осмысленности жизни у школьников и студентов на последнем этапе обучения в образовательном учреждении мы определяли на базе теста смысло-жизненных ориентаций Д.А. Леонтьева (Методика СЖО).

Ценности выступают как объекты, явления, их свойства, а также абстрактные идеи, наиболее значимые для человека, при этом ценностные ориентации отражают степень дифференциации объектов по степени их значимости. Ценностные ориентации – сложный социально-психологический феномен, характеризующий направленность и содержание активности личности, являющийся составной частью системы отношений личности, определяющий общий подход человека к миру, к себе, придающий смысл и направление личностным позициям, поведению, поступкам. Система ценностных ориентаций выражает внутреннюю основу отношений личности с действительностью. Диагностика этого личностного показателя осуществлялась с помощью методики М. Рокича «Ценностные ориентации».

Аффективный аспект личностного самоопределения, отражая состояние эмоционального благополучия, анализировался на базе оценки тревожности личности. Эмоциональное состояние человека сигнализирует ему об эффективности процесса жизненного поиска. Учитывая, что тревожность выступает как показатель эмоционального неблагополучия, целесообразно проанализировать её личностные и ситуативные аспекты для выяснения проблемных зон в процессе поиска человеком себя и своего места в жизни.

Выраженность тревожности у старшеклассников гимназий и пятикурсников вуза мы оценивали при помощи методики ситуативной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина.

Обобщая результаты проведенного нами эмпирического исследования, мы пришли к следующим выводам.

1. Психологическая готовность к личностному самоопределению старшеклассников и студентов, формируемая на основе самосознания, ценностно-смысловой и эмоциональной системы, создает условия для построения их взаимодействий с миром в пространственно-перспективных направлениях индивидуального развития.

2. **Общие** тенденции, зафиксированные нами в личностном развитии исследуемых, отражают **смысловое содержание** процесса их самоопределения. Новая ситуация жизнедеятельности, представленная в сознании выпускников гимназий и вузов переживанием статуса самостоятельности, в **когнитивном** плане актуализирует переоценку своего Я и осознание своей субъектности, осмысленность жизни, выбор приоритетов и их иерархизацию, в **аффективном** плане – отсутствие эмоционального благополучия.

Ситуативная избирательность в самоотношении старшеклассников и студентов, проявляющаяся как уверенность в своем потенциале в знакомых обстоятельствах и снижение качества регуляции в новых ситуациях, и сомнение в ценности некоторых своих личностных качеств и оценке их окружающими людьми являются свидетельством *когнитивного поиска*.

Главными *ценностными приоритетами* исследуемых являются межличностные отношения (счастливая семейная жизнь, любовь, наличие хороших и верных друзей) и биолого-физиологическая основа жизненной эффективности человека (здоровье). Высокая оценка личностных качеств, значимых для жизнедеятельности в обществе, свидетельствует о присутствии у них ценностных ориентиров, регулирующих включение в новые социальные обстоятельства жизни.

У выпускников гимназий и вуза отслеживается способность анализировать значимую информацию о себе и жизненных обстоятельствах: они задумываются о целях жизни и её процессуальных аспектах, а также своей роли в жизненном пространстве. Одиннадцатиклассники и пятикурсники характеризуются достаточно *позитивным эмоционально-оценочным отношением к себе и к жизни в целом*, ориентированы в будущее, стремятся к эмоционально-насыщенной жизни, обесценивают расудочное без эмоций отношение к жизни.

В *аффективном* плане ярко выраженная тревожность у выпускников гимназий и вуза выступает свидетельством высокой значимости настоящего бытия.

3. Полученные на базе t-критерия Стьюдента статистически достоверные **различия** указывают на *специфику* переживания выпускниками гимназий и вуза *нового социального положения*.

Психологическое содержание **статуса самостоятельности**, дифференцируясь у выпускников гимназий и вуза, отражает новый уровень социально-

психологической регуляции, предъявляемый более высокие требования к человеку (качественное преобладание интернальности $t=6,5$, при $p \leq 0,01$ / и личностной тревожности $t=6,5$, при $p \leq 0,05$ /у студентов по сравнению со старшеклассниками), и разные ценностные аспекты вхождения в новую социальную ситуацию жизнедеятельности (вхождение во взрослую жизнь выпускники гимназий переживают сквозь призму ценности свободы $t=2,9$, при $p \leq 0,01$ /, выпускники вуза – ценности работы $t=2,8$, при $p \leq 0,01$ /).

4. Трудности в процессе личностного самоопределения выпускников гимназий и вуза обуславливаются недостаточным уровнем когнитивной и эмоциональной регуляции анализируемого процесса.

Можно указать на некоторые **проблемные моменты в ценностно-смысловом поиске себя и своего места в социуме** у старшеклассников и студентов-выпускников.

Образ «Я – в новом социальном качестве» у выпускников гимназий и вуза окончательно не сложился. Низкая приоритетность созидания, интеллектуального развития и социально-общественной оценки указывает, что находясь на этапе включения в новую ситуацию жизнедеятельности, они ориентированы на её внешние стороны, а не на содержательные моменты. Внешняя сторона нового социального статуса определяет регуляцию жизнедеятельности без учета изменившихся жизненных обстоятельств, снижения степени успешности реализации себя в этом новом статусе. Учитывая, что ориентир на свободу у старшеклассников выстроен в плоскости снятия контроля, в их сознании представлена одна сторона активности: инициатива без ответственности. Рассматривая работу как среду для ознакомления с новыми фактами и получения расширенной информации о социальной действительности, студенты не усматривают в ней основу для творчества, социального роста и интеллектуального развития.

Проблемы в ценностно-смысловом аспекте определены слабой осознанностью трехмерности человеческого бытия, указывающей на проблемы в соотношении их ретроспективной, актуальной и перспективной рефлексии, недостаточно функционирующим механизмом рефлексии, несовпадением ценностей-целей и ценностей-средств, недооценкой значимых для жизненной успешности приоритетов и противоречиями в терминальной ценностной иерархии. У выпускников гимназий и вуза *отсутствует глубокая осознанность своего Я и результата жизни*, недооценка рационализма свидетельствует о неадекватности и отсутствии жизненного планирования, низкая ценность жизненной амбиции – о неуверенности в себе. Старшеклассники и студенты имеют *сложности в сфере межличностных отношений*: ориентируясь на другого (счастливая семейная жизнь, наличие хороших и верных друзей, любовь), они не ценят его развитие и совершенствование (счастье других) и не обращаются к средствам (низко ценят чуткость), позволяющим достичь эффективности в значимой сфере жизни.

Высокая личностная и ситуативная тревожность у старшеклассников и студентов, отражая негативный

опыт жизнедеятельности и переживание значимости настоящего, указывает на неуверенность и сомнения в жизненном поле выпускников и приводит к снижению их эмоционального комфорта, создавая проблемы в эмоциональной регуляции процесса личностного самоопределения.

Проведенное нами исследование позволяет сформулировать ряд рекомендаций.

Определяя перспективы практической работы, считаем, что психологическое сопровождение личностного развития студентов в вузе способно обеспечить их эффективное включение в систему социальных связей и максимально полное личностное самоопределение в социуме. Целесообразность системной работы определяется зафиксированными нами проблемными моментами в ценностно-смысловом и аффективном аспекте личностного самоопределения.

В комплексной работе необходимо задействовать основные виды практической деятельности психолога: психологическое просвещение, психологическое консультирование, психологическую диагностику и коррекцию.

Выделенные нами проблемные зоны, позволяют определить некоторые ориентиры для психолого-коррекционной работы.

Ценностно-смысловой аспект личностного самоопределения

Учитывая, что представление человека о себе – устойчивое образование, а неадекватность самосознания снижает качество регулятивной способности личности, можно рекомендовать смысловое переосмысливание, повышающее меру адекватности смысла Я, усиливающее позитивность представлений о себе, активизирующее осознание себя как деятеля.

Считаем уместной работу с психологическим временем: оно расширяет представления о трехмерности человеческого бытия, предполагающие осознание единства прошлого, настоящего и будущего.

Учитывая, что ценностно-смысловая система не должна быть амбивалентной, с нашей точки зрения, полезно упорядочить ценностную структуру путем соотношения ценностей – целей и ценностей-средств.

Для улучшения глубины осознанности своего Я считаем целесообразным дополнительное получение опыта социальной оценки.

Аффективный аспект личностного самоопределения

Особые усилия необходимо направлять на совершенствование умений эмоциональной регуляции, способствующей личностному благополучию и эффективному самоопределению.

Основной путь для реализации обозначенных психокоррекционных ориентиров – система тренинговых занятий. Учитывая, что социально-психологический контекст полноценного развития личности в условиях современного российского общества противоречив и проблематичен, рекомендуется не только психокоррекционная деятельность психологов, но и личностно-развивающие программы, адаптированные для студенческого возраста.

Библиографический список

1. Гулякина В.В. Групповые нормы и ценности как факторы самоопределения личности старшеклассника. Дисс. ... канд. психол. наук. Курск: Курский государственный университет, 2000.
2. Карякина С.Н. Характеристика учебного стресса студентов младших и старших курсов высшего учебного заведения. // Ученые записки ОГУ. Серия: гуманитарные и социальные науки 2010; № 3 (37). Ч. 2. С. 210-215.

References

1. Gulyakina V.V. Group norms and values as factors of the self-determination of the personality senior high school student. The dissertation of the candidate of psychological Sciences. Kursk: Kursk State University, 2000.
  2. Karyakina S.N. Characteristics of stress in the process of study of junior and senior courses students of higher education establishments. // Scientific notes of Orel State University. Series of Humanities and social science 2010. No 3 (37). Part 2: Pp. 210-215.
-
-

УДК 159.923.33

UDC 159.923.33

Н.Г. ЖАРКИХ

кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии и акмеологии, Орловский государственный университет
E-mail: natalya_zharkih@list.ru

Н.В. ВАСИНА

кандидат психологических наук, профессор, кафедра прикладной психологии, Финансово-технологическая академия
E-mail: vnv1805@mail.ru

С.С. КОСТЫРЯ

кандидат психологических наук, доцент, кафедра прикладной психологии, Финансово-технологическая академия
E-mail: kostiry122@mail.ru

N.G. ZHARKIH

Candidate of psychological sciences, associate professor of social psychology and acmeology, Orel State University
E-mail: natalya_zharkih@list.ru

N.V. VASINA

Candidate of psychological sciences, professor of the Department of Applied Psychology, Financial and Technology Academy
E-mail: vnv1805@mail.ru

S.S. KOSTIRA

Candidate of psychological sciences, Associate Professor of Applied Psychology, Financial and Technology Academy
E-mail: kostiry122@mail.ru

МОТИВАЦИЯ КАРЬЕРНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

MOTIVATION OF CAREER ORIENTATION

В статье представлены различные подходы к пониманию сущности карьерной ориентации, а также раскрыты важнейшие детерминанты карьерной ориентации.

Ключевые слова: карьерная ориентация, карьера, типы карьеры, детерминанты карьерной ориентации.

The paper presents various approaches to understanding the essence of career orientation, and the disclosure of important determinants of career orientation.

Keywords: career orientation, career, career types, determinants of career orientation.

Мотивация деятельности и самоактуализации находит свое отражение в карьерной ориентации, которая рассматривается как диспозиция высшего уровня, является устойчивым образованием и определяет профессиональный путь человека. В карьерной ориентации интегрируются ценности, мотивы деятельности, личностные, смысловые образования, поэтому она может рассматриваться как направленность личности на осуществление себя в деятельности (Почебут, Чикер, 1997).

Одним из важнейших аспектов профессионального и личностного развития является сознательное планирование карьеры, своего профессионального жизненного пути. Карьера предполагает успешное продвижение в области общественной, политической, профессиональной деятельности. Планирование своей карьеры осуществляется личностью, исходя из общих тенденций самоактуализации, самосознания, актуального состояния мотивационной сферы. Профессиональная карьера – это такая часть жизни человека, в которой сливаются частные, личные и общественные интересы.

В карьере можно выделить как объективную, внешнюю сторону – занимаемые и сменяемые человеком профессиональные позиции, социальный успех, так и внутреннюю, субъективную, сторону – удовлетворенность человека жизненной ситуацией, восприятие им успешности жизненного и профессионального

пути, своей роли в профессиональной жизни организации, карьера является одним из показателей индивидуальной профессиональной жизни человека, а человек, планирующий свою карьеру, может рассматриваться как ответственный за собственную жизнь, за реализацию личностного и профессионального потенциала. Карьерная мотивация отражает значимое желательное будущее. Она направляет в течение длительного времени усилия специалиста (Вилюнас, 2006).

Возросшее внимание к социальной обусловленности карьеры подтверждает факт появления в конце XX века «теории социальных детерминант карьеры». Авторы теории утверждают, что успешность карьеры задана от рождения. Обосновывается вывод о том, что дети чиновников и других высокопоставленных лиц быстрее достигают успеха, чем представители низших слоев населения. Таким образом, по мнению П. Блау, социальная структура оказывает воздействие на результат карьеры путем формирования определенных возможностей для выбора профессии, а также посредством влияния на карьерные ориентации, личностную позицию, ценности, интересы людей (Блау, 1994).

Контент-анализ определений карьеры показал, что многие авторы включают в данную дефиницию ее детерминанты. Так, Ф.Р. Филиппов подчеркивает, что характер, тип карьеры, ее темп определяются как господствующими общественными отношениями, объек-

тивными возможностями, предоставляемыми данным обществом для ее осуществления, так и обстоятельствами жизни конкретного индивида, его личными способностями, целеустремленностью, волей, семейным положением, состоянием здоровья и др. (Российская социологическая энциклопедия, 1998). Отсутствие устойчивой научной точки зрения характерно не только в понимании карьеры, критериев ее типологизации, но и в определении ее детерминант. У разных авторов находим различные группы факторов. Так, С.И. Сотникова выделяет следующие пять групп факторов, «участвующих в формировании профессиональной карьеры»: экономические, социально-психологические, социально-экономические, социально-демографические и социокультурные (Сотникова, 1996). Считаем, что существенным недостатком такой классификации факторов карьерного процесса является то, что в ней смешаны объективные и субъективные факторы. Материалы многих исследований показывают, что карьера в значительной степени определяется реальным соотношением объективных и субъективных факторов. Более четкую позицию встречаем у Д. Сьюпера – автора теории профессионального самоопределения. Д. Сьюпер считает, что удовлетворенность работой (а для многих жизнью в целом) зависит от того, в какой мере человек находит адекватные возможности для реализации своих способностей, интересов и свойств личности в профессиональной ситуации, что в значительной степени определяется возможностью играть ту роль, которая является оптимальной на определенной стадии профессионального развития. Д. Сьюпер считал, что важнейшей детерминантой профессионального пути человека является его представление о своей личности – так называемая «профессиональная Я-концепция». Профессиональная «Я-концепция» формируется постепенно, по мере ролевой адаптации и на определенном этапе развития личности начинает выполнять интегрирующую, объединяющую, стабилизирующую функцию, ориентируя человека в его развитии (Вилюнас, 1990).

Профессиональная «Я-концепция» воплощается в серию карьерных решений. Человек может реализовать свои карьерные ориентации неосознанно.

Д. Сьюпер выделяет четыре типа карьеры, которые определяются особенностями личности, образа жизни, отношений и ценностей человека, основанием этой классификации является показатель стабильности карьеры.

1. Стабильная карьера – характеризуется продвижением, обучением, тренировкой в единственно постоянной профессиональной деятельности.

2. Обычная карьера – наиболее распространённая – совпадает с нормативными стадиями жизненного пути человека, включая кризисы.

3. Нестабильная карьера – характеризуется двумя или несколькими пробами, причём смена профессиональной деятельности происходит после определённого периода стабильной работы в предыдущей профессиональной сфере.

4. Карьера со множественными пробами – изменение профессиональных ориентации происходит в течение всей жизни.

При характеристике типа карьеры принимается во внимание как последовательность, частота и длительность избираемой профессиональной деятельности, так и достигнутый уровень профессионального мастерства. Большое индивидуальное своеобразие внутри типов профессиональных карьер во многом определяется личностными особенностями (там же).

Также он выделяет три группы факторов, определяющих карьерный процесс:

1. Психологические факторы: интеллект и специальные способности человека, его интересы, ценности и потребности, влияющие на выбор карьерного пути, стабильность процесса продвижения, достижение успеха в карьере.

2. Социальные факторы: социоэкономический статус (высокий), уровень образования, семейная ситуация, раса, пол, религия. Сьюпер подчеркивает, что сочетание психологических и социальных факторов во многом является определяющим для успешного развития карьеры. Высокий социоэкономический статус, интеллектуальные способности позволяют человеку получить хорошее образование. Хорошо образованные люди эффективно используют ресурсы и возможности, которые общество сделало для них доступными, осознают важность владения широким спектром информации в процессе принятия решений и, вероятно, будут более стабильными в карьерном продвижении. Интересы, ценности и специальные способности приводят к выбору определенной профессиональной сферы, в которой будет осуществляться построение карьеры, мотивация определяет, как высоки устремления человека и как настойчиво он будет работать, чтобы реализовать свои планы. Из этих заключений автора видно, что речь идет о вертикальной карьере.

3. Экономические и общественные факторы: экономический бум или депрессия в обществе, технологические изменения в сфере экономики и производства, войны, природные катаклизмы. Эти факторы находятся вне контроля человека, но, влияя на ситуацию на рынке труда, определенным образом обуславливают возможности развития карьеры (Лушников, Шаповалов, 2009).

Д. Холл считает, что изучение карьерных процессов должно включать анализ возрастного развития, особенностей социализации, в том числе организационной, мотивации и принятия карьерных решений – это, по мнению Д. Холла, микроуровневые факторы. Следующий уровень исследования – личностно-средовое взаимодействие. На этом уровне объектом исследования должны стать взаимосвязи производственной и семейной сфер в жизни человека, развивающие воздействия профессиональной среды. Третий уровень исследования карьеры включает изучение влияния общественных процессов: социально-культурных изменений, происходящих в обществе, состоянии рынка труда (там же).

Психолог Е.А. Могилевкин в исследовании лич-

ностных факторов профессиональной карьеры государственных служащих, справедливо отмечая чрезвычайную многочисленность, многообразие и разновекторность факторов карьеры, определяющих большую сложность их классификации, предлагает рассматривать две большие группы факторов: психологические и непсихологические. К непсихологическим факторам автор относит экономические (выраженность материального стимулирования), политические (политическая ориентация), правовые (законодательное регулирование карьеры), маркетинговые (потребность госслужбы в специалистах на различных уровнях управленческой вертикали и в горизонтальном распределении должностей по специализации), образовательные (уровень и профиль образования), социокультурные (культурные особенности), медицинские (состояние здоровья), социально-демографические (пол, возраст), фактор внеслужебного окружения (помощь родственников, друзей детства, учебы, первичных этапов службы) и географические (место расположения организации). В группу психологических факторов Е.А. Могилевкин включил: социально-психологические (роль и статус в рабочей группе, тип управленческой команды и особенности взаимодействия в ней), организационно-психологические (организационная культура, организационный климат, стиль руководства), личностные (интеллектуальные, волевые, организационно-деловые, коммуникативные, эмоциональные, характеристики сферы самосознания, потребностно-мотивационные) (Могилевкин, 1998).

В приведенной классификации факторов карьеры отражаются характер трудовой деятельности государственных служащих и психологический контекст исследования. С учетом этих особенностей все же можно говорить о том, что данная классификация в определенной степени соответствует рассмотрению карьерного процесса в единстве объективистской и субъективистской парадигм.

В.К. Шаповалов также, трактуя карьеру как движение, говорит о ее обусловленности складывающимся соотношением между личностными позициями, ресурсами носителя карьеры и социально-экономической ситуацией (внешними условиями, обстоятельствами) в конкретный период жизненного пути человека (Шаповалов, 2005). Развивая идею сложной детерминированности карьерного процесса, мы считаем необходимым рассматривать внешние по отношению к субъекту карьеры и внутренние факторы. Совокупность внешних факторов карьерного движения, влияющих на его протекание и результаты, имеет многоуровневую структуру. По А.С. Мельник, «карьера определяется социальным статусом индивида, профессиональными ролями, мотивацией и ориентацией на карьерное продвижение, перспективами и условиями карьеры, а также планированием карьеры» (Мельник, 2004, с.50). Автор обращает внимание на обусловленность карьеры внутренними и внешними факторами. Далее автор систематизирует объективные, не зависящие от индивида факторы карьеры: «Это факторы макросреды (осо-

бенности экономической и политической ситуаций, законодательно-правовой и социокультурной среды и т. д.), а также факторы внеорганизационной (семья, друзья и пр.) и организационной микросреды карьерного развития (корпоративная культура, структура, кадровая политика, отношения с непосредственным руководителем)» (там же, с.55).

Известно, что продвижение внутри профессиональной стратификации влечет за собой изменение социального статуса. Н. Смелзер выделяет в качестве показателей, определяющих статус индивида, пол, возраст, расу, происхождение, образование, должность, доход (Смелзер, 1994). Одни признаки (пол, возраст, раса, социальное происхождение) относятся к объективным и постоянным, они даны индивиду от рождения и обуславливают так называемый предписанный статус. Другие (профессия, образование, должность, доход) являются результатом личного выбора и усилий индивида. Это подвижные характеристики достигаемого социального статуса, которые вызывают его изменения. Индивид, если его не устраивает полученный от рождения статус, может изменить его, получив образование, занимаясь определенным видом деятельности. Американский социолог Б. Барбер подчеркивает, что в современном обществе социальная мобильность осуществляется посредством смены профессиональных ролей, т.е. через профессионально-должностное продвижение (Барбер, 1972). Однако влияние профессионального продвижения и социального положения амбивалентно, и социальное положение может как действовать, так и препятствовать профессиональному продвижению.

Карьерные ориентации многие авторы понимают как направленность деятельности на осуществление профессионального и должностного продвижения. В литературе по карьерной тематике термин «карьерные ориентации» употребляется при анализе, как правило, вертикальной карьеры. Д.А. Лушников и А.В. Шаповалов, отмечают, что о карьерной ориентации надо говорить, прежде всего, тогда, когда у человека складываются его собственные представления о предстоящей карьере, когда он конструирует ее тип, определяясь в ее вертикальном или горизонтальном характере. Карьерные ориентации обусловлены уровнем притязаний индивида, уровнем его амбиций, предпочитаемой жизненной стратегией, жизненным сценарием, иерархией жизненных ценностей, что отражается в «якорях карьеры» по Холланду.

Как отмечает Н.Р. Галиакберова, в ходе зарубежных исследований в области карьеры обнаружена зависимость числа рассматриваемых в качестве возможных вариантов карьеры от уверенности людей в своих возможностях, качества «карьерной подготовки» – от интереса, который они проявляют к собственным личностным ресурсам: «Это означает, что необходимо не только обладать определенными психологическими характеристиками, обуславливающими успешность выполнения той или иной деятельности, требуется еще и твердая уверенность человека в способности реализо-

вать их в соответствующей ситуации» (Галиакберова, 2003).

По мере разворачивания карьеры происходит развитие профессиональной «Я-концепции», которая достигает зрелости только в результате достаточного профессионального опыта. Обычно на это уходит от одного до десяти лет работы. Важным направляющим элементом «Я-концепции» является карьерная мотивация. Д. Мак-Клелланд исследовал мотивы карьеры и выделил три основных мотива (Вилюнас, 2006). Прежде всего – это стремление к власти. Те, кто стремятся к власти, энергичны, откровенны в выражении своих мыслей и чувств, не боятся конфронтации и отстаивают свои позиции. Они требуют к себе внимания, стремятся к лидерству. Люди, достигшие высшего уровня управления, часто имеют такую ориентацию. Второй основной мотив в построении карьеры – это стремление к успеху, чаще всего такой мотив удовлетворяется не провозглашением успеха, а процессом доведения работы до успешного завершения, определённого её

окончания. В построении карьеры эти люди рискуют умеренно. Третий основной мотив – это мотив причастности. Он формируется под влиянием желания быть включенным в определённое социальное и профессиональное окружение, потребности в общении, помощи другим, общественной работе (Почебут, Чикер, 1997).

Таким образом, приведенный обзор литературы показал, что важнейшим мотивационным личностным образованием, объединяющим отношение к трудовой деятельности, смысл жизни и ценности, является карьерная ориентация, поэтому для понимания мотивации трудовой деятельности её важно исследовать. Карьерные ориентации рассматриваются как направленность деятельности на осуществление профессионального и должностного продвижения. Карьерные ориентации обусловлены уровнем притязаний индивида, уровнем его амбиций, предпочитаемой жизненной стратегией, жизненным сценарием, иерархией жизненных ценностей.

Библиографический список

1. Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности. //Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М.: Прогресс, 1972. С. 235-247.
2. Блау П.М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель. // Американская социологическая мысль : тексты. Под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 8-29.
3. Вилюнас В.К.. Психология развития мотивации. СПб.: Питер, 2006. 365 с.
4. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М.: МГУ, 1990. 288 с.
5. Галиакберова Н.Р. Статус и карьера женщины в современном российском обществе. Дис. ... канд. социол. наук. Пенза, 2003. 194 с.
6. Лушников Д.А., Шаповалов А.В. Социальные детерминанты карьерного процесса // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета, 2009. № 1 (18) . С. 180-184.
7. Мельник А.С. Карьера руководителя в современных российских условиях: гендерный аспект. Дис. ...канд. социол. наук. Екатеринбург, 2004. 164 с.
8. Почебут Л.Г., Чикер В.А. Индустриальная социальная психология. СПб.: Питер, 1997. 202 с.
9. Российская социологическая энциклопедия. Под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1998. 603 с.
10. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. 141 с.
11. Сотникова С.И. Управление карьерой. М.: Юнити, 1996. 120 с.
12. Шаповалов В.К. Интерпретация карьеры в контексте личностного пространства человека // Психология личности и ее бытия: теория, исследования, практика. Под ред. З.И. Рябикиной, А. Н. Кимберга, С. Д. Некрасова. Краснодар: Прогресс, 2005. С. 216-224.
13. Могилевкин Е.А. Личные факторы служащих профессиональной карьеры: Дис. ... доктора психологии. М., 1998. 146 с.

References

1. Barber B. The structure of social stratification and tendency of social mobility. // American sociology. Prospects. Problems. Methods. M.: Progress, 1972. Pp. 235-247.
2. Blau P.M. Different perspectives of social structure and the common denominator. // American sociological review: texts/ ed. V.I. Dobrenkov. M.: MSU, 1994. Pp. С. 8-29.
3. Vilunas V.K. Developmental psychology of motivation. SPB.: Piter, 2006. 365 p.
4. Vilunas V.K. Psychological mechanisms of human motivation. M.: MSU, 1990. 288 p.
5. Galiakberova N.R. Women's status and career in contemporary Russian society. Candidate dissertation insociology. . Penza, 2003. 164 p.
6. Lushnikov D.A., Shapovalov A.V. Social determinants of career process. // Vestnik of the North-Caucasus State Technical University, 2009. №1 (18). Pp. 180-184.
7. Melnik A.S. Career of a manager in modern Russian conditions: the gender aspect. Candidate dissertation in sociology. Ekaterinburg, 2004. 164 p.
8. Pochebut L.G., Chiker V.A. Industrial social psychology. SPB: Piter, 1997. 202 p.
9. Russian sociological encyclopedia. /Ed. G.V. Osipov. M., 1998. 603 p.
10. Smelzer N. Sociology. M.: Feniks, 1994. 141 p.
11. Sotnikova S.I. Career management. M.: Unity, 1996. 120 p.
12. Shapovalov V.K. Career interpretation in a context of personal space of a human. // Psychology of a personality and its existence: theory, researches, practice. / Ed. Z.I. Ryabikina, A.N. Kimberg, S.D. Nekrasova. Krasnodar: Progress, 2005. Pp. 216-224.
13. Mogilevkin E. A. Personal factors of the office employees professional career: Doctoral dissertation inPsychology. M., 1998. 146 p.

УДК 159.99

О.А. КУПРИНА

кандидат психологических наук, доцент, кафедра организационной психологии, Московский государственный университет статистики, экономики и информатики
E-mail: o_kuprina@mail.ru

И.А. КОРЕЦКАЯ

кандидат исторических наук, доцент, кафедра социологии и психологии, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики
E-mail: ikoretskay@mail.ru

UDC 159.99

O.A. KUPRINA

Candidate of Psychology, Associate Professor of Organizational Psychology Department, Moscow State University of Statistics, Economics and Informatics
E-mail o_kuprina@mail.ru

I.A. KORETSKAYA

Candidate of History, Associate Professor of Sociology and Psychology, Moscow State University of Statistics, Economics and Informatics
E-mail: ikoretskay@mail.ru

ДЕФОРМАЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE DEFORMATION IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY

Неизбежным атрибутом профессионализма является профессиональная деформация. У человека, занимающегося профессиональной деятельностью, вырабатывается стереотип поведения, вызванный особенностями его работы, который может отрицательно сказываться на его отношениях с окружающим миром. Сам человек может даже не замечать эти изменения, которые приводят к затруднению установления и поддержания социальных связей.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, профессиональная деформация, стереотипы, личностные особенности, установки.

Professional deformation is an inevitable attribute of professionalism. A person engaged in professional activities, generates a pattern, caused by the peculiarities of his work, which could adversely affect its relations with the outside world. The man himself may not even notice these changes that lead to the difficulty of establishing and maintaining social ties.

Keywords: professional activities, professional deformation, stereotype, personal characteristics, facilities.

Профессиональная деформация – это деструкции, которые возникают в процессе выполнения трудовой деятельности и негативно влияют на ее продуктивность. Они порождают профессионально нежелательные качества и изменяют профессиональное и личное поведение человека.

В феномене профессиональной деформации находит свое отражение фундаментальный принцип отечественной психологии – принцип неразрывного единства сознания, личности и деятельности. Принято считать, что трудовая и социальная деятельность являются ведущей характеристикой зрелой личности. В процессе трудовой деятельности человек развивает свои задатки, проявляет свойственные ему способности, формирует свои ценности, удовлетворяет свои потребности и интересы. Именно профессиональная деятельность откладывает отпечаток на личностные характеристики человека. Необходимо также учитывать, что, с одной стороны, особенности личности работника оказывают существенное влияние на процесс и результаты профессиональной деятельности; с другой стороны, само формирование человеческой личности происходит в ходе профессиональной деятельности и под ее влиянием. [3,4,8].

Одним из первых, кто обратил внимание на “де-

формирующую роль профессиональной деятельности”, был известный социолог П.А. Сорокин. Он начал с того, что успешно восполнил пробелы в изучении влияния профессий на поведение людей с психологической и медицинской точек зрения. Была осуществлена подробная разработка программы и методов исследования профессиональных групп, профессионального отбора и профессиональной деформации, что послужило дальнейшей отправной точкой в изучении проблем профессиональной деформации личности и поиске возможных путей преодоления и разрешения этих проблем. [7]

Профессиональная деформация личности – это изменение качеств личности (стереотипов восприятия, ценностных ориентаций, характера, способов общения и поведения), которые наступают под влиянием длительного выполнения профессиональной деятельности. Профессиональная деформация негативно сказывается как на производительности труда, так и на взаимоотношениях личности в профессиональной и личной сферах [1,6,9].

У человека, занимающегося профессиональной деятельностью, вырабатывается стереотип поведения, вызванный особенностями его работы, который может отрицательно сказываться на его отношениях с окружающим миром. Формирование профессиональ-

ных стереотипов является неизбежным атрибутом профессионализации специалиста; образование автоматизированных профессиональных умений и навыков, становление профессионального поведения невозможно без накопления бессознательного опыта и установок. И наступает момент, когда профессиональное бессознательное превращается в стереотипы мышления, поведения и деятельности.[2,10] Решение типовых задач, с которыми сталкивается человек в ходе своей работы, совершенствует не только профессиональные знания, но формирует и профессиональные привычки, определяет стиль мышления и стиль общения. Человек начинает планировать свою деятельность и строить свое поведение в соответствии с принятым решением, независимо от того, насколько эффективно это решение новым задачам.

Сформированные упрощенные установки могут приводить к тому, что даже простое и очевидное решение новой задачи не замечается. Одна из форм профессиональной деформации проявляется в возникновении ложного представления, что и без новых знаний накопленные стереотипы обеспечивают необходимую скорость, точность, а главное – успешность деятельности. Ежедневно выполняя определенные задачи, специалист и не замечает, как начинает пользоваться стереотипными действиями. Закрепляется излишняя шаблонность в подходах, упрощенность во взглядах на рабочие проблемы, что приводит к снижению уровня специалиста, его деградации. Другая сторона деформации проявляется в перенесении профессиональных привычек, полезных в работе, на семейное и дружеское общение. Во время автоматизации действий образы, регулирующие процесс деятельности, становятся все более обобщенными, экономичными, быстрыми и бессознательными. Вместе с тем, ежедневное выполнение стереотипных задач развивает ригидность мышления и поведения. Индивид не обращает внимание на отрицательные сигналы своего непрофессионального окружения и соответственно не видит необходимости в изменении своего поведения. Ярким проявлением профессиональной деформации у военных служит развивающаяся со стажем работы ригидность поведения, мышления, ценностей и установок. Это приводит к затруднению установления и поддержания социальных связей, а их поведение характеризуется бедностью ролевого репертуара.

Со временем формируется и профессиональная усталость, обеднение репертуара способов выполнения деятельности, утрата профессиональных умений и навыков, снижение работоспособности. Изменения эмоционально – личностной сферы негативно сказываются на продуктивности труда, взаимодействии с другими людьми, а также на развитии самой личности. У человека вырабатывается стереотип поведения как в профессиональной деятельности, так и личной жизни.

Самое большое влияние профессиональная деформация оказывает на личностные особенности представителей тех профессий, работа которых связана с людьми (чиновники, руководители, работники по кадрам, педагоги, психологи, социальные работники,

полицейские). Крайняя форма профессиональной деформации личности у них выражается в формальном, сугубо функциональном отношении к людям, равнодушии и безразличии [4,5].

Профессиональные деформации по-разному выражаются в зависимости от конкретной профессии: у учителей – в авторитарности и категоричности суждений, желании давать указания в любой ситуации; у психологов – в стремлении навязать определенную картину мира, не учитывая желания самого человека; у работников правоохранительных органов – в подозрительности и настороженности; у программистов – в склонности к алгоритмизации, в попытках искать ошибки в различных жизненных ситуациях; у управленцев – в росте агрессивности, неадекватности в восприятии людей и ситуаций. Таким образом, профессиональная деформация личностных особенностей также может возникнуть вследствие чрезмерного развития одной черты, необходимой для успешного выполнения профессиональных обязанностей и распространившей свое влияние на другие сферы жизни.

Необходимо отметить, что профессионально важное качество, избыточно развитое, превращается в профессионально нежелательное. Приведем несколько примеров.

Ответственность в принятии решений переходит в авторитарность, переоценку собственных возможностей, нетерпимость к критике, властность, потребность командовать другими людьми, грубость, отсутствие стремления учитывать чувства и интересы других людей, требование к безоговорочному подчинению, что в конечном итоге приводит к деспотизму.

Демонстративность становится не просто одной из личностных черт, а потребностью к постоянной самопрезентации, чрезмерной эмоциональности, расцвечивании своих внешних поступков, экзальтированностью. Именно демонстративность начинает определять стиль поведения, становясь средством самоутверждения.

Желание во всем соответствовать выбранной профессии проявляется в тотальной погруженности в профессиональную деятельность, в фиксации на собственных профессиональных проблемах и трудностях, в неспособности и нежелании понять другого человека, в преобладании назидательных и обвинительных высказываний, безапелляционных суждениях, в речи появляется много профессиональных жаргонизмов, которые используются и в повседневной жизни. Овладев какой-либо технологией, индивид считает ее единственно верной и правильной. Профессиональное мировоззрение становится определяющим, вытесняя философское, гуманистическое мировоззрение, тем самым ограничивая способы реагирования на различные ситуации [2].

Социальная желательность с годами превращается в привычку морализирования, неискренность чувств и отношений, в лицемерную пропаганду моральных принципов и норм поведения.

Потребность контролировать проявляется в сверхконтроле, потребности контролировать все свои эмо-

ции, сдерживании чувств, чрезмерном контроле своей деятельности, скрупулезности следования инструкциям, подавлении спонтанности.

Умение грамотно и выразительно излагать свои мысли, способность донести важную информацию до аудитории переходит в монологизм речи, нежелание выслушивать мнение другого человека.

Профессиональное мышление становится ригидным, человек оказывается неспособным гибко реагировать на изменения внешней и внутренней среды, принимать решения, соответствующие новым обстоятельствам; для него характерна приверженность устоявшимся технологиям, отрицание любых инноваций. Комфортно становится находиться лишь в тех ситуациях, где работают наработанные ранее методы и приемы, стереотипные приемы превращаются в штампы как в мышлении, так и в речи. Из богатого арсенала способов решения выбираются только какие-то одни, трафаретные, шаблонные способы без учета особенностей ситуации и действующих лиц.

Противоположной ригидности можно считать так называемый «инновационный невроз», когда новое становится не средством для улучшения жизни, а самоценностью: новации ради новаций. Человек любые традиции начинает воспринимать как отжившие, ненужные и требует их «отменить», искренне верит в любую появившуюся теорию и пытается сразу претворить ее в профессиональную деятельность.

Рефлексивность из механизмов развития личности и деятельности превращается в самоцель: человек постоянно возвращается к одним и тем же ситуациям, пытается постоянно анализировать их.

Деформированная деятельность характеризуется следующими изменениями в ее содержании. Во-первых, реализация привычных приемов работы снижает творческий уровень деятельности. Сотрудник реализует эти приемы без глубокого осмысления их соответствия новым условиям в развитии ситуации, без учета личностных особенностей участников совместной деятельности и других факторов. Во-вторых, при рутинном исполнении профессиональных действий или операций существенные изменения претерпевают цели и мотивы деятельности. Цель деятельности осознается менее четко, а в крайних случаях теряет свое самостоятельное значение. Происходит замена цели деятельности на цель действия или операции, т.е. важным становится лишь совершение определенных действий. Например, у медицинского работника главным становится не лечение, а заполнение истории болезни.

Следствием профессионально-личностных деформаций являются психическая напряженность, конфликты как в профессиональной, так и личной среде, снижение продуктивности в профессиональной деятельности, неудовлетворенность жизнью и социальным окружением.

Библиографический список

1. *Корецкая И.А.* Актуальные проблемы профессионального и личностного становления будущих специалистов в системе непрерывного образования // Формирование социально-профессионального самоопределения молодежи в условиях непрерывного образования. Под ред. Манухиной С.Ю., Чистяковой С.Н. Москва, Литера, 2012.
2. *Корецкая И.А.* Гуманитарные аспекты Smart образования // Россия на пути к Smart обществу под ред. Тихомировой Н.В., Тихомирова В.П. Москва, IDO press, 2012.
3. *Кочюнас Р.* Основы психологического консультирования. М.: Академический проект, 1999.
4. *Куприна О.А.* Профессиональное самоопределение в условиях непрерывного обучения // Вестник университета управления ГУУ №18. М.: ГУУ, 2012.
5. *Манухина Н.М., Манухина С.Ю.* Анализ современных психологических подходов и технологий работы психолога-консультанта в организации // Вестник Университета (ГУУ) №6. М.: ГУУ, 2014.
6. Психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел в экстремальных условиях: Методическое пособие. М.: УВР ГУКиКП МВД России, ЦОКП МВД России, 2001.
7. *Сорокин П.А.* Влияние профессии на поведение людей и рефлексология профессиональных групп М.: Наука, 1994 г.
8. Рабочая книга практического психолога: Пособие для специалистов, работающих с персоналом. Под. ред. Бодалева А.А., Деркача А.А., Лаптева Л.Г. Изд. Института Психотерапии. М., 2003. С.7-94.
9. *Шейнис М.Ю.* Рабочая книга психолога организации. Самара: Бахрах-М, 2001.
10. *Шкатулла В.И.* Настольная книга менеджера по кадрам. М.: Норма, 2002.

References

1. *Koretskaya I.A.* Actual problems of the personal and the professional formation of the future professionals in the continuing education // Organization of the socio-professional and self-determination of youths in terms of the continuing education ed. by Manukhina S.J and Chestyakova S. N. M., Litera, 2012.
2. *Koretskaya I.A.* Humanitarian aspects of Smart Education // Russia on the way to Smart society ed. by Tihomitova N.V., Tihomirov V.P. Moscow Ido press, 2012.
3. *Kochunas R.* Foundations of psychological counseling. M: Academic project, 1999.
4. *Kuprina O.A.* Professional self-determination in terms of lifelong learning // Vestnik University (GUU) No. 18. M.: GOO, 2012.
5. *Manukhina N.M., Manukhina S.J.* Analysis of modern psychological approaches and technologies of the psychologist-consultant in the Organization // Vestnik University (GUU) No. 6. M.: GOO, 2014.
6. *Manukhina S.* Psychological determinants of vocational success psychologist-Diagnostician personnel (in business). Dics. your degree of PhD. M., 2006.
7. *Sorokin P.A.* Impact on people's behavior profession and reflexology professional groups M., Nauka, 1994.
8. The working book of practical psychologist. A Handbook for professionals working with the staff. Ed. by Bodaleva AA, Derkach AA Laptev LG Ed. Institute of Psychotherapy. M., 2003. Pp. 7-94.
9. *Shejnis M.J.* The psychologist workbook. Samara: Bachrach, 2001.
10. *Shkatulla V.I.* HR Manager's Handbook. M: Norma, 2002.

УДК 159.99

UDC 159.99

С.Ю. МАНУХИНА

кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой организационной психологии, Московский государственный университет статистики, экономики и информатики

E-mail: alday@inbox.ru

Н.Н. ГЛУШАЧ

кандидат психологических наук, доцент, кафедра социологии и психологии, Московский государственный университет статистики, экономики и информатики

E-mail: glushachnn@mail.ru

Н.М. МАНУХИНА

кандидат психологических наук, доцент, кафедра организационной психологии, Московский государственный университет статистики, экономики и информатики

E-mail: nata@manuhina-nm.ru

S.J. MANUKHINA

Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of Organizational Psychology, Moscow State University of Statistics, Economics and Informatics

E-mail: alday@inbox.ru

N.N. GLUSHACH

Candidate of Psychology, Associate Professor, Sociology and Psychology, Moscow State University of Statistics, Economics and Informatics

E-mail: glushachnn@mail.ru

N.M. MANUKHINA

Candidate of Psychology, Associate Professor, Organizational Psychology, Moscow State University of Statistics, Economics and Informatics

E-mail: nata@manuhina-nm.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТРЕСС В ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СРЕДЕ

PROFESSIONAL STRESS IN THE ORGANIZATIONAL ENVIRONMENT

На настоящий момент нет единого и однозначного определения профессионального стресса. Однако никто не сомневается в его наличии и существовании в любой, даже самой прогрессивной организации. Это многомерный феномен, выражающийся в физиологических и психологических реакциях на сложную рабочую ситуацию. Его отличительными особенностями являются раздражительность, усталость, понижение общего уровня работоспособности и дееспособности. В то же время, как любой стресс, профессиональный стресс может и мобилизовать ресурсы человеческого организма, и помочь проявиться человеку с новой, иногда даже более эффективной для трудовой деятельности, стороны. Однако для того чтобы он был продуктивным, необходимо грамотное построение психологического сопровождения персонала.

Ключевые слова: профессиональный стресс, управление, персонал, эмоциональное выгорание, эффективность, стрессогенные факторы.

At present, there is no single and unquedefinition of professional stress. However, no one doubts its existence and the existence of any, even the most progressive organizations. This is a multidimensional phenomenon that manifests itself in physiological and psychological reactions to difficult working conditions. Its distinctive features are irritability, fatigue, reduce of the overall level of health and vitality. At the same time as any stress, stress can mobilize the resources of the human body, and help to manifest a new person, sometimes even more effective for work parties. However, in order for it to be productive you need to build a good psychological staff support.

Keywords: professional stress, management, personnel, Burnout, efficiency, stressors.

Временный успех всегда сопровождается сильной тревогой.

Английский поэт XVII века Джон Донн.

Современный человек в своей профессиональной деятельности кроме профессиональных знаний и умений в значительной степени использует интеллектуальные, эмоциональные и волевые ресурсы собственной личности и является своего рода эмоциональным и интеллектуальным донором функционирования организации в целом. Именно эти обстоятельства значительно истощают профессиональные силы работника и создают предпосылки развития профессионального стресса как синдрома эмоционального выгорания кадров.

Стресс как нервное истощение ещё в 1869 году был описан американским невропатологом Джорджем

Бирде в статье “Неврастения, или нервное истощение” в “Бостонском медицинском и хирургическом журнале”.

[1] В 1972 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) приняла следующее определение: стресс – это неспецифическая (т.е. одна и та же на различные раздражители) реакция организма на любое предъявленное к нему требование. А стрессоры – разнообразные экстремальные воздействия, вызывающие нежелательные функциональные состояния – стрессы.

Следует отметить, что сами условия жизни стали стрессогенными. Сегодня появилась масса людей, охваченных тревогой, пребывающих в напряжении, чем-то занятых, куда-то спешащих. Им необходимо принимать решения, от которых зависят их жизнь и благополучие. Со всех сторон на них обрушиваются потоки новой ин-

формации, и они не успевают ее переваривать. Люди теряются в жизненном водовороте, болезненно реагируют на пустяки, быстро утомляются и с трудом восстанавливают свои силы. [1]

На настоящий момент нет единого и однозначного определения профессионального стресса. Однако никто не сомневается в его наличии и существовании в любой, даже самой прогрессивной организации. Это многомерный феномен, выражающийся в физиологических и психологических реакциях на сложную рабочую ситуацию. Его отличительными особенностями является раздражительность, усталость, понижение общего уровня работоспособности и дееспособности. В то же время, как любой стресс, профессиональный стресс может и мобилизовать ресурсы человеческого организма, и помочь проявиться человеку с новой, иногда даже более эффективной для трудовой деятельности стороны. Однако для того чтобы он был продуктивным, необходимы как грамотное руководство, построенное на основе основных принципов психогигиены трудовой деятельности, так и обладание навыками саморегуляции и регламентации своего труда.

Г. Селье, говоря о роле стресса в профессиональной деятельности, отмечает, что стресс может проявляться в любой сфере деятельности, а дистресс – нет [7]. Вопрос заключается в том, как сделать так, чтобы большинство стрессовых ситуаций превратить в эустресс?

У человека может быть несколько стрессовых сценариев, которые проявляются по-разному, в зависимости от ситуативных или личностных факторов. Н.В. Самоукина предлагает их разделить по трем основаниям [6]:

- частота и сила проявления (каждый день, через день и т.д.);
- направление стрессовой агрессии: на себя (обвинение себя за несделанную работу), на другого (в несделанной работе виноваты неграмотные руководители, которые дали мало времени на ее выполнение);
- механизмы запуска стрессовых реакций: «автоматический запуск» или «вызревание» стресса с постепенным накоплением негативных эмоциональных переживаний.

Американский исследователь Вейтц описал восемь стрессогенных ситуаций:

- необходимость ускорения переработки информации;
- конфликтность окружения;
- осознанная угроза;
- нарушение физиологических функций, в том числе болезнь человека;
- социальная изоляция;
- заключение, лишение свободы;
- остракизм (изгнание и преследования);
- групповое давление.

Среди основных стрессоров, оказывающих влияние на человека в профессиональной среде, выделяют:

- физические;
- физиологические;
- социально-психологические;

– структурно-организационные.

К физическим стрессорам относятся производственная вибрация, шум, загрязненная атмосфера и т.д. Для уменьшения влияния их на организм человека ограничивается время работы человека в подобных условиях, даются продукты питания, способствующие выводу токсинов из организма, четко регламентируются режимы труда и отдыха, назначаются реабилитационные процедуры и т.д.

Сильными физиологическими стрессорами являются так называемый «сменный график», отсутствие режимов труда и отдыха, нерегулярное питание. Подобные стрессоры часто встречаются в деятельности врачей, поточных рабочих, руководителей среднего и высшего звена и т.д. График работы «сутки через двое» уже по своей сути является стрессогенным для человеческого организма, поскольку не совпадает с режимом световых суток. Перебарывая себя, человек привыкает к определенному ритму жизни. Однако, нарушение природных ритмов приводит к повышению уровня утомляемости, более быстрому старению.

Социально-психологические стрессоры включают в себя целый набор конфликтов, которые могут возникать на рабочем месте (межличностные конфликты, мотивационные, ролевые, ролевая неопределенность), перегрузку или недогрузку работников, неотлаженность информационных потоков, высокую ответственность, дефицит времени и т.д. Все эти стрессоры могут влиять на психологический климат в организации. Установление нездорового климата, в свою очередь, приводит к большим экономическим потерям [3].

Структурно организационные стрессоры, в основном, связаны с неграмотным построением структуры организации, распределением должностных обязанностей, возложении чрезмерной ответственности на сотрудников или, наоборот, нежелание таковых ни за что отвечать, ошибочным распределением ресурсов, неграмотным делегированием и т.д.

Но главным стрессором, вызывающим дистрессовое состояние в профессиональной среде, является изменение мотивационного вектора. Когда желание работать и интерес к самой профессиональной деятельности сменяется стремлением как можно больше получать и меньше для этого делать, когда интерес к созданию профессионального продукта подменяется исключительно материальной заинтересованностью, и работа становится не самореализацией или обеспечением себя и своей семьи для жизни. Г. Селье пишет: «Следует по крайней мере «быть на дружеской ноге» со своей работой, а в идеальном случае желательно найти себе «игровую профессию», как можно более приятную, полезную и созидательную. Это будет наилучшей отдушиной, предохранительным клапаном – для самовыражения, а также для предотвращения неразумных вспышек насилия или бегства в воображаемую жизнь с помощью наркотиков» [7, с.91]

В то же время В.А. Бодров отмечает, что сила и знак стрессового раздражителя воспринимается символически, каждым индивидуумом по-разному. На одного че-

ловека он может оказать воздействие, на другого – нет. Для одного подобное поведение внешней среды является нормой проявления, для другого – создает крайне сложные условия существования. «Не само по себе воздействие как таковое является причиной последующей реакции организма, а отношение к этому воздействию, его оценка, причем оценка негативная, основанная на неприятии стимула с биологической, психологической, социальной и прочих точек зрения данного индивида. Объективно вредоносный стимул, если он не признается за таковой данной личностью, не является стрессором», – пишет В.А. Бодров.

Самоукина Н.В. выделяет несколько основных видов профессионального стресса [6]:

- информационный стресс;
- эмоциональный стресс;
- коммуникативный стресс.

Информационный стресс связан с нехваткой или переизбытком информации, поступающей работнику. Особенно часто он возникает в ситуации «цейтнота», когда время на выполнение задания четко ограничено. Причем чем более ответственный человек, чем более важное задание, тем вероятность появления подобного стресса увеличивается. Также информационный стресс может возникнуть в ситуации неопределенности и длительного ожидания. Когда решается ваша судьба или судьба вашего проекта, а вы длительное время не получаете никакой обратной связи. Другой случай появления информационного стресса, – когда работнику постоянно поступает недостоверная информация (или критерии ее достоверности постоянно изменяются), и он перестает ориентироваться в ней, и/или когда его компетентность ставится под сомнение.

Эмоциональный стресс связан с возникновением у работника ощущения угрозы его безопасности в профессиональной среде. Он может возникать благодаря интуиции работника, нарушенных отношений с коллегами, чувства вины за невыполненную работу, несочетания уровня компетентности работника и возложенной на него ответственности, отсутствие опыта работы и т.д. Усугубление эмоционального стресса может привести к неадекватной оценке своих профессиональных возможностей, уровня компетентности, ухода из организации, спровоцировать смену области профессиональной деятельности.

Коммуникативный стресс связан с проблемами построения коммуникативных отношений в коллективе. Проявляется он в повышенной конфликтности, возникновении признаков нездорового психологического климата, неспособностью контролировать себя в стрессовых ситуациях [10]. Причиной его может быть низкий уровень навыков делового общения, высокий уровень личностной тревожности, сильная закрытость границ коллектива, жестко построенная иерархия отношений и т.д.

По мнению Д Фонтана, стрессоры профессиональной деятельности следует разделить на общие и специфические. К общим стрессорам следует отнести:

1. Отсутствие научного подхода к организации

совместной деятельности: безответственность, неритмичность или отсутствие системы в работе. Часто коллектив действует в авральном режиме.

2. Недостаточное количество сотрудников, что заставляет других работать в изнурительном режиме. Объем работы чрезмерно большой, а работа выполняется либо некачественно, либо высокое качество обеспечивается сверхусилиями работников.

3. Нарушение режима рабочего времени, сверхурочная работа, частое изменение ритма деятельности, что приводит к накоплению усталости, упадку сил организма, психологическому выгоранию.

4. Статусные проблемы, связанные с низким служебным статусом, низкой заработной платой, недостаточными перспективами карьерного роста.

5. Заорганизованность и формализм, которые проявляются в большом количестве совещаний, заседаний, на которых ничего не решается, большом количестве планов и отчетов.

6. Неопределенность и непредсказуемость развития событий в организации, отсутствие стратегического плана организации. Неопределенность может принимать вид быстрых, непрогнозируемых действий, нарушающих стабильность функционирования коллектива без объяснения необходимости изменений.

Чрезмерно интенсивное и продолжительное воздействие стрессовых раздражителей в профессиональной среде может привести к возникновению состояния *эмоционального выгорания*. Эмоциональное выгорание (с англ. *burnout* – сгорать) – это выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в отчет на избранные психотравмирующие воздействия [3].

Перлман и Хартман, основываясь на результатах ряда исследований, предложили модель, согласно которой выгорание рассматривается в аспекте профессиональных стрессов [11]. Они предложили три измерения выгорания, которые отражают три основных симптоматических категории стресса:

1. физиологическую, сфокусированную на физических;
2. аффективно-когнитивную;
3. поведенческую, сфокусированную на симптоматических типах поведения.

Физиологическая категория сфокусирована на физическом истощении организма. Аффективно-когнитивная – на установках и чувствах, проявляющаяся в эмоциональном истощении, деперсонализации, эмоциональном перенапряжении, чувстве опустошенности, исчерпанности своих эмоциональных ресурсов и т.д. Поведенческая – на снижении общей рабочей продуктивности и деперсонализации работников и других симптоматических типах поведения.

В дальнейших работах Перлман и Хартман систематизировали основные характеристики синдрома эмоционального выгорания и разработали опросник для его количественной оценки [8]. Их исследования показали, что при синдроме эмоционального выгорания человек испытывает следующие переживания:

– эмоциональное истощение – переживание опустошенности и бессилия;

– деперсонализация – разлад и нежелание поддерживать отношения с другими людьми, в том числе с клиентами; выражается в проявлении черствости, бессердечности и цинизма;

– редукция личных достижений – их занижение, потеря смысла в затрате усилий на рабочем месте.

Некоторые японские исследователи дополнили модель К. Маслач, включив в нее еще один фактор «Involvement», который характеризуется головными болями, нарушениями сна, раздражительностью и агрессивностью, а также наличием химических зависимостей (табакокурение, алкоголизм) [4].

Бойко В.В. рассматривает выгорание с точки зрения развития процесса [3]. Он структурировал синдром эмоционального выгорания, выделив в нем три основных фазы развития: фаза тревожного напряжения, фаза резистенции; фаза истощения.

Фаза *Тревожного напряжения* является начальной, «запускающей», и обнаруживается в четырех симптомах:

– переживанием психотравмирующих обстоятельств, усиливающимся осознанием травмирующих обстоятельств профессиональной деятельности;

– неудовлетворенностью собой и выбранной профессией (чувство недовольства и собой, и выбранной профессией);

– ощущением «загнанность в клетку», безысходности, состоянием интеллектуально-эмоционального тупика;

– тревогой и начинающейся депрессией.

В фазу *Резистенции* происходит формирование защитных механизмов. Наиболее выражено из них сопротивление. Данной фазе характерен следующий набор симптомов:

– неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, проявляющееся в «экономии эмоций», неадекватности избирательности эмоционального реагирования, избирательности установления эмоционально-личностных контактов;

– эмоционально-нравственная дезориентация, где эмоции не пробуждают или недостаточно стимулируют нравственные чувства;

– расширение сферы экономии эмоций, характеризуется проявлением экономии эмоций преимуще-

ственно вне работы, ограниченным общением дома, с близкими людьми, «уходом в себя»;

– редукция профессиональных обязанностей проявляется в попытках сокращения обязанностей, которые требуют эмоциональных затрат.

Фаза *Истощения* выражается в падении общего тонуса и ослабленности нервной системы и проявляется в следующем ряде симптомов:

– эмоциональный дефицит – ощущение эмоциональной беспомощности, непонимания к кому, как и зачем можно обратиться;

– эмоциональная отстраненность выражается в попытке полностью исключить эмоции – и положительные, и отрицательные – из своей профессиональной деятельности, превалирует полное равнодушие к происходящему;

– личностная отстраненность – утрата интереса к людям, к общению, взаимодействию, минимальным контактам;

– психосоматические и психовегетативные нарушения.

Среди личностных факторов, которые в наибольшей степени могут повлиять на возникновение синдрома эмоционального выгорания, отмечают: склонность к эмоциональной холодности, склонность к интенсивному переживанию негативных обстоятельств в профессиональной деятельности, слабая мотивация эмоциональной отдачи в профессиональной деятельности [3, 9], склонность к интроверсии, реактивность, жесткость и авторитарность по отношению к другим, низкий уровень самоуважения, чрезмерно высокая или низкая мотивация успеха, трудоголизм, высокий уровень эмпатии, умение справляться со стрессом и отношение к самим стрессовым ситуациям и реакциям на них [5].

В заключение следует сказать, что, проводя в организации меры профилактики профессионального стресса и мероприятия здоровьесберегающих технологий, руководители смогут значительно повысить управляемость в компании и эффективность её функционирования. Для профилактики профессионального дистресса, состояния эмоционального выгорания и других состояний и переживаний, негативно отражающихся на регуляторных процессах и эффективности профессиональной деятельности работника, необходимо проводить профилактические мероприятия и знать пути предотвращения возникновения этих состояний.

Библиографический список

1. Гольцман Е. Век тревоги// Наука и жизнь, №2, 2001, С. 53-61
2. Глушач Н.Н. Организационная личность как концептуальная модель внедрения системы управления качеством в организации// Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития '2009». Т. 4. Педагогика, психология и социология. Одесса. Черноморье, 2009. 232 с.
3. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. . СПб.: Сударыня, 1999.
4. Захаров С. Синдром выгорания у врачей стигма профессионализма или расплата за сочувствие?, 2005. – http://forums.rusmedserv.com/show_thread.php?t=8748
5. Ронгинская Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях. // Психологический журнал. М.: Наука, 2002. Т. 23. № 3. С. 85-95.
6. Самоукина Н.В. Психология и педагогика профессиональной деятельности. М.: Тандем, КМОС, 1999.
7. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1992.

8. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008.
9. *Манухина С.Ю.* Специфика проявления эмпатии и тревожности у психолога-диагноста в сфере кадрового бизнеса. // Психология психических состояний. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006.
10. *Корецкая И.А.* Актуальные проблемы профессионального и личностного становления будущих специалистов в системе непрерывного образования» // Формирование социально-профессионального самоопределения молодежи в условиях непрерывного образования. Под ред. Манухиной С.Ю., Чистяковой С.Н. Москва, Литера, 2012.
11. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2002.

References

1. *Goltsman E.* 21 alarm//Science and Life, no. 2, 2001, Pp. 53-61.
  2. *Glushach N.N.* Organizational personality as a conceptual model of the quality management system implementation in the Organization//Collection of scientific papers on materials of the international scientifically-practical Conference \»scientific research and its applications. Current status and development of ' 2009 \». Volume 4. Pedagogy, psychology and sociology. Odessa. Black Sea coast, 2009.
  3. *Boyko V.V.* Burnout Syndrome in professional communication. St. Petersburg, 1999.
  4. *Zakharov S.* Burnout Syndrome among doctors or professional stigma by compassion?, 2005 /s. Zaharov. <http://forums.rusmedserv.com/showthread.php?t=8748>
  5. *Ronginskaya T.I.* Burnout syndrome in the social professions. T.I. Ronginskaya. A psychological journal. M.: Nauka, 2002. Vol 23. № 3. Pp. 85-95.
  6. *Samoukina N.* Psychology and pedagogy. M.: Tandem, KMOS, 1999.
  7. *Cellier G.* Stress without distress. M.: Progress, 1992.
  8. *Vodopyanova N.E., Starchenko E.S.* Burnout Syndrome: diagnosis and prevention. 2-Ed. — Spb.: Piter, 2008.
  9. *Manukhina S.Yu.* specificity of expression of empathy and anxiety in the psychologist-Diagnostician in the personnel business.// Psychology of mental States. Kazan: Kazan State University. V.i. Ulyanov-Lenin, 2006
  10. *Koretskaya I.A.* Actual problems of professional and personal development of future specialists in continuing education»// formation of socially-professional self-determination of youth under continuing education. Manukhina S. Yu., Chistyakova S. N. Moscow, Litera, 2012
  11. *Ilyin E.P.* Emotions and feelings. SPb.: Piter, 2002.
-

Л.М. СЕМЕНОВА

кандидат биологических наук, профессор, кафедра технологий психолого-педагогического и специального образования, Орловский государственный университет
E-mail: semenova03@yandex.ru

L.M. SEMENOVA

Candidate of biological sciences, Professor, Department of technologies of psychological-pedagogical and special education, Orel State University
E-mail: semenova03@yandex.ru

**ЛАБОРАТОРИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ
С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ: НАСТОЯЩЕЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ**

**THE LABORATORY OF PSYCHOLOGICAL-PEDAGOGICAL SUPPORT OF DEVELOPMENT OF CHILDREN
WITH DISABILITIES: PRESENT AND PERSPECTIVES OF THE SCIENTIFIC SCHOOL**

В статье рассматриваются основные направления работы лаборатории, показаны результаты психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями, определены проблемы, требующие дальнейшей разработки и решений.

Ключевые слова: психолого-педагогическое сопровождение, методы коррекционно-развивающей работы, направления, средства, приемы помощи детям, формы, воспитания и обучения детей с ограниченными возможностями.

The article considers the main directions of the laboratory's work, shows the results of psychological-pedagogical support for children with disabilities, identified issues that require further development and solutions.

Keywords: psychological-pedagogical support, methods of correctional-developing work, trends, tools, tricks of help to children, forms of upbringing and education of children with disabilities.

Решение задач, стоящих перед системой народного образования, зависит от взаимодействия науки и практики, а именно от высших учебных заведений, готовящих специалистов для специальных (коррекционных) образовательных учреждений, и специалистов этих специальных (коррекционных) образовательных учреждений. Практика современных ДОО, общеобразовательных и специальных (коррекционных) школ в последние годы выдвигает целый ряд острых проблем, связанных с увеличением числа детей, испытывающих стойкие трудности в обучении и адаптации к школе, что обусловлено ухудшением соматического и психоневрологического здоровья детей.

В теории и практике четко обозначился комплексный психолого-медико-педагогический подход к диагностике, коррекции и социализации детей. Делается акцент на раннее дошкольное коррекционно-развивающее воспитание и обучение, способствующее формированию готовности к обучению в условиях специальных образовательных учреждений.

Поэтому оказание психолого-педагогической помощи детям с ограниченными возможностями здоровья является одной из актуальных задач работы лаборатории. Исследования преподавателей и педагогов научных площадок направлены на разработку средств и приемов оказания практической психолого-педагогической помощи детям с проблемами в развитии, поиском эффективных форм, методов воспитания и обучения детей с ограниченными возможностями.

К участию в исследовательской работе лаборатории

широко привлекаются студенты. С одной стороны, они овладевают основными методами и навыками научной работы, с другой – участвуют в поисковой творческой работе по использованию разных педагогических условий, технологий и форм психолого-педагогического сопровождения и коррекционно-педагогического обучения и воспитания детей с разными нарушениями в развитии. Это положительно отражается на качестве выпускных квалификационных работах, выполняемых студентами.

Основные направления работы лаборатории:

- пути совершенствования содержания и средств коррекционно-образовательной работы в специальных образовательных учреждениях;
- пути и методы коррекционно-развивающей работы по формированию межличностных отношений в группах детей дошкольного возраста с эмоциональной неустойчивостью;
- новые подходы к организации коррекционно-развивающей работы с детьми, имеющими функциональные нарушения нервной системы, в условиях дошкольного учреждения и семьи;
- народная подвижная игра как средство автоматизации двигательных и речевых навыков детей с общим недоразвитием речи;
- организация коррекционно-развивающей работы с детьми с нарушениями опорно-двигательного аппарата;
- знакомство с окружающим миром средствами игровой деятельности;

– социально-психолого-педагогическое сопровождение детей с проблемами в развитии и их семей в условиях учебно-методического центра «Семейный лад».

Учитывая, что личность развивается как единое целое, имеющее особые законы, а не как сумма или пучок отдельных функций, из которых каждая развивается в силу особой тенденции (Выготский Л.С.), развитие ребенка с проблемами в развитии рассматривалось комплексно, как неотъемлемая часть общего развития с опорой на другие функции. Обращение к личности ребенка, его индивидуальному развитию требовало детальной разработки путей, содержания и способов психолого-педагогического сопровождения. В этой связи психолого-педагогическое сопровождение представляет собой направленный комплекс диагностики, методик, действий, мероприятий, реализующих главную цель: помочь ребенку с проблемами в развитии активизировать зоны его актуального и ближайшего развития и адаптироваться к новым условиям жизни с учетом его индивидуально-психологических особенностей.

Собран теоретический рабочий материал, раскрывающий особенности психолого-педагогических условий развития личности ребенка в дошкольных образовательных учреждениях компенсирующего и комбинированного вида. Путем обследования детей, имеющих нарушения речи, интеллекта, слуха, зрения, подобран и обоснован комплекс диагностических методик для выявления индивидуального уровня их развития. Исследователями подобран и научно обоснован комплекс методик для выявления уровня развития детей с ограниченными возможностями в зависимости от возраста, дефекта и его выраженности.

В ходе исследования разработан и научно обоснован комплекс сюжетно-ролевых игр, направленный на развитие вербальной коммуникации слабослышащих детей старшего дошкольного возраста, доказано, что условием эффективного развития вербальной коммуникации у детей с нарушенным слухом является усиление мотивации их речевой деятельности, что становится возможным благодаря её коммуникативной направленности, а также подбору и специальной обработке речевого материала, наиболее отвечающего интересам и уровню речевого развития слабослышащих детей, изучены особенности слухоречевого развития глухих детей на разных этапах после включения процессора кохлеарного импланта, рассмотрено использование декоративного искусства как действенного метода коррекции эмоциональной напряженности у детей старшего дошкольного возраста с ЗПР, разработаны коррекционные мероприятия для социальной адаптации детей с эмоциональной неустойчивостью. Полученные данные свидетельствуют о наличии негативных эмоциональных состояний, которые способствуют возникновению эмоциональной напряженности и тем самым препятствуют когнитивному развитию детей с задержкой психического развития. Создание и реализация модели по коррекции эмоциональной напряженности у детей старшего дошкольного возраста с ЗПР будет способствовать как общему раз-

витию детей, так и преодолению трудностей обучения, обусловленных наличием дефекта.

Изучены особенности развития процесса ознакомления с окружающим миром у детей дошкольного возраста с нарушениями речи, разработано перспективное планирование ознакомления с окружающим миром детей, определены пути и система работы по формированию знаний об окружающем мире у детей дошкольного возраста. Анализ диагностических исследований показал, что у детей на 23% увеличился уровень владения знаниями об окружающем мире. Для детей были разработаны индивидуальные микропрограммы, которые предполагали преодоление частных нарушений. Учет индивидуально-типологических особенностей выражался в дифференцированном подходе к детям в зависимости их личностных качеств: импульсивности, пассивности. Личностно-ориентированный подход на занятиях по развитию речи позволял логопеду корректировать речевое развитие детей. Он учитывал не только степень усвоения детьми программного материала, но и индивидуальные проявления, обусловленные их личностными особенностями. Кроме того, в работу ДОУ были включены родители. Методика поэтапного включения их в деятельность способствовала повышению уровня психолого-педагогических знаний к активному сотрудничеству. У большинства родителей сформирован навык организации игр с детьми в домашних условиях.

В рамках исследуемой проблемы «Формирование положительной мотивации к чтению у учащихся четвертых классов V11» выявлены условия формирования положительной мотивации учащихся четвертых классов с задержкой психического развития. Разработанная модель коррекционно-развивающей работы реализована на уроках и внеклассных формах работы с детьми, а также в процессе взаимодействия родителей и специалистов. Результаты исследования определили формы и методы работы с родителями для возрождения культуры семейного чтения, а также методов поддержки и развития мотивационной готовности к чтению у учащихся средних и старших классов школ V11 вида. По результатам исследования опубликовано методическое пособие «Конспекты коррекционно-развивающих занятий с детьми младшего школьного возраста» (доцент Чаркина Н.В.).

Результатом научно-исследовательской деятельности по проблеме использование народной подвижной игры как средства автоматизации двигательных и речевых навыков детей с общим недоразвитием речи явилось научно-теоретическое обоснование уровня физического развития и физической подготовленности детей с нарушением речи. Анализ полученных результатов позволил отметить рост числа детей со средним физическим развитием на 25%. По всем показателям физической подготовленности дети имели высокие результаты, свидетельствующие о положительном влиянии на развитие детей с нарушением речи народных подвижных игр.

Значительное место при проведении теоретико-

экспериментальных исследований занимало изучение организации коррекционно-развивающей работы с детьми с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Выявленные особенности работы групп для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата позволили осуществить возможность выбора адекватных и эффективных форм педагогического воздействия, улучшения качества физкультурно-оздоровительной работы. Материалы исследования позволили дополнить программу новым разделом «Эффективная логопедическая помощь детям с нарушениями опорно-двигательного аппарата».

Проведенные исследования позволили обосновать психолого-педагогические условия, способствующие профессиональной подготовке будущих педагогов к осуществлению инклюзивного обучения средствами модульной технологии обучения; разработан специальный психолого-педагогический инструментарий для обеспечения своевременного и качественного выявления профессиональной готовности к инклюзии у будущих педагогов. Дано содержание концептуальной модели, определены организационно-педагогические условия профессиональной готовности педагогов, а также использование рейтинг-контроля знаний и умений, получаемых педагогами в ходе подготовки. Разработана модульная программа элективного курса «Подготовка педагогов к инклюзивному образованию детей дошкольного возраста» (доцент Самарцева Е.Г.).

В результате деятельности учебно-методического центра «Семейный лад» разработаны направления психолого-педагогического сопровождения детей с проблемами в развитии и их семей. Исследование восьмиступенчатой модели перинатального и постнаталь-

ного воспитания семьи обеспечило подбор адекватной формы обучения, исходя из интересов и возможностей семьи и ребенка, раннюю профессиональную ориентацию и соответствующую подготовку к трудовой жизни и адаптации детей в социум (старший преподаватель Мишина Е.А.).

Данные материалов исследования нашли отражение в материалах международных и научных конференций (2003, 2007 гг.), студенческих научно-практических конференциях, проводимых ежегодно на факультете Педагогике и психологии в рамках фестиваля научного творчества. Здесь студенты выступают с докладами, выполненными на достаточно высоком научном и учебно-методическом уровне, которые отражали актуальные проблемы изучения, воспитания и обучения детей с различными отклонениями в развитии. В ходе выступления студенты использовали мультимедийные презентации, графики, таблицы, фотографии, видеоматериалы. По результатам оценки лучших докладов студенты были награждены дипломами I, II, III степени.

На современном этапе совершенствования психолого-педагогической помощи детям с проблемами в развитии актуальным остается целый ряд проблем, требующих дальнейшей разработки и решения. Так, актуальными продолжают оставаться вопросы ранней профилактики, выявления и коррекции различных нарушений, диагностики и коррекции имеющихся отклонений у ребенка на самых ранних стадиях, создания системы непрерывного комплексного психолого-педагогического и социального сопровождения детей с ограниченными возможностями, а также возможности инклюзивного обучения и профессиональной ориентации.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, Орловский государственный университет;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научно-го редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе, Орловский государственный университет;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела, Орловский государственный университет;

АЛЕКСЕЕВ А.П. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

АРСЕНТЬЕВА Н.Н. – доктор филологических наук, профессор Гранадского университета (Испания);

АРОНОВА С.А. – доктор экономических наук, доцент, декан факультета экономики и управления, Орловский государственный университет;

ВИДМАРОВИЧ Н.П. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Загребский университет (Хорватия);

ГАЙДАР В.А. – кандидат сельскохозяйственных наук, зав. отделом селекции и репродукции карпатских пчел, Институт им. П.И. Прокоповича (Украина);

ГЕЛЛА Т.Н. – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, зав. кафедрой всеобщей истории, Орловский государственный университет;

ИВАНОВ А.Е. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН;

ИСАЕВА Н.И. – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, Белгородский государственный университет;

КАПУСТИН А.Я. – доктор юридических наук, профессор, руководитель Центра сравнительно-правовых исследований и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ;

ЛАМАН Н.А. – академик НАН Беларуси, доктор биологических наук, профессор, зав. лабораторией роста и развития растений, Институт экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича (Белоруссия);

ЛЬВОВА С.И. – доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией обучения русскому (родному) языку, Институт содержания и методов обучения Российской академии образования;

МАЙМЕСКУЛОВА А.Л. – доктор наук, экстраординарный профессор университета Казимира Великого, Институт нефилологии и прикладной лингвистики (Польша);

НИКИФОРОВ В.А. – доктор юридических наук, зав. кафедрой международного и международного частного права, Орловский государственный университет;

ОСКОТСКАЯ Э.Р. – доктор химических наук, профессор, зав. кафедрой химии, Орловский государственный университет;

ПАСТЕРНАК Е.Л. – доктор филологических наук, доцент кафедры французского языкознания, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

ПАХАРЬ Л.И. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии, Орловский государственный университет;

ПИВЕНЬ В.Ф. – доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической физики и математического моделирования, Орловский государственный университет;

ПОГОСЯН В.А. – доктор исторических наук, зав. отделом геноцидологии, Институт арменоведческих исследований, Ереванский государственный университет (Армения);

ПОНШОН Т. – доктор филологических наук, профессор, Реймский университет Шампань-Арденн, член научно-исследовательской группы «Наука, текст, информатика, история» (Франция);

САВИНА Е.А. – доктор философии, университет Джеймса Мэдисона (США);

САМБЕТБАЕВ А.А. – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, директор, Институт ветеринарии и животноводства (Казахстан);

СИСКОС Е. – доктор экономических наук, профессор, проректор по международным связям и магистерским программам, Технологический Институт (Греция);

СОФИАДИС Н. – профессор физиологии, Фракийский университет им. Демокрита (Греция);

СУЯРКУЛОВ Ш.Р. – кандидат сельскохозяйственных наук, председатель, Ферганский областной союз пчеловодов (Узбекистан);

ТАМИН М. – доктор филологических наук, почетный профессор, Реймский университет Шампань-Арденн (Франция);

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой общей педагогики, Орловский государственный университет;

ЧЕКОВА-ДЕМИТРОВА И. – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской литературы, Софийский университет «Свято Климента Охридского» (Болгария);

ЧЕЛЫШЕВА И.И. – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом индоевропейских языков, зав. сектором романских языков, Институт языкознания РАН;

ШИ ХУНШЕН – профессор Аньхойского университета, директор Центра по изучению России, главный редактор научного журнала «Изучение России» (Китай);

ЯМАГУЧИ Р. – доктор филологических наук, Институт иностранных языков г. Кобэ (Япония).

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, Орловский государственный университет;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе, Орловский государственный университет;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела, Орловский государственный университет;

АЛЕКСАНДРОВА А.П. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Орловский государственный университет;

АНТОНОВА М.В. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет;

АРСЕНТЬЕВА Н.Н. – доктор филологических наук, профессор, Гранадский университет (Испания);

ВИДМАРОВИЧ Н.П. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Загребский университет (Хорватия);

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. – доктор филологических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по русскому языку и методике его преподавания, Орловский государственный университет;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, руководитель НИИ филологии, Орловский государственный университет;

ЛИТВИН Ф.А. – доктор филологических наук, профессор, Орловский государственный университет;

МАЙМЕСКУЛОВА А.Л. – доктор наук, экстраординарный профессор, Университет Казимира Великого, Институт Неофилологии и прикладной лингвистики (Польша);

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России, Орловский государственный университет;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литерату-

ры XX-XXI веков и истории зарубежной литературы, Орловский государственный университет;

НОВИКОВ С.Н. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой декоративно-прикладного искусства и технической графики, Орловский государственный университет;

ПОГОСЯН В.А. – доктор исторических наук, зав. отделом геноцидологии, Институт арменоведческих исследований Ереванского государственного университета (Армения);

ПОНШОН Т. – доктор филологических наук, профессор, Реймский университет Шампань-Арденн, член научно-исследовательской группы «Наука, текст, информатика, история» (Франция);

РЕТИНСКАЯ Т.И. – доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Орловский государственный университет;

САВИНА Е.А. – доктор философии, Университет Джеймса Мэдисона (США);

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, руководитель НИИ провинциальной культуры, Орловский государственный университет;

ТАМИН М. – доктор филологических наук, почетный профессор, Реймский университет Шампань-Арденн (Франция);

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. – доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;

ТЮРИКОВА Г.Н. – кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы, декан социального факультета, Орловский государственный университет;

ЧЕКОВА-ДЕМИТРОВА И. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Софийский университет «Свято Климента Охридского» (Болгария);

ШИ ХУНШЕН – профессор Аньхойского университета, директор, Центр по изучению России, главный редактор научного журнала «Изучение России» (Китай);

ЯМАГУЧИ Р. – доктор филологических наук, Институт иностранных языков г. Кобэ (Япония).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Общие правила. Статья объемом 4-15 страниц набирается в текстовом редакторе MS-Word 97–2003 *.doc (версия MS-Word 2007*.docx, *.docm не принимается!!!) либо RTF и называется по фамилии автора, представляется в редакцию в электронном виде, идентичном печатной версии, одним файлом и на бумаге формата А4. Размер шрифта 14 pt, через один интервал **без переносов**. **Пробелы и табуляция в начале абзаца недопустимы!** Параметры документа: верхнее поле – 25мм, нижнее – 25 мм, правое – 25 мм, левое – 25 мм.

К статье обязательно прилагаются: универсальная десятичная классификация (УДК), инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация (40-50 слов), ключевые слова (5-6 слов), библиографический список (References), не более 10 источников. В статье-обзоре – не более 30 источников.

Вся информация предоставляется **на русском и английском языках**. Сведения об авторе (авторах): ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактный телефон (**без сокращений**) помещаются в начале статьи после фамилии автора (авторов). **Важно! Авторское право оформляется перечислением фамилий всех авторов через запятую.**

Формулы и специальные символы (например, греческие буквы) в статье набираются текстом (пункт меню «Вставка – Символ – Symbol»), кеглем 10 pt. Для сложных формул используется редактор формул Math-type 5.0 и ниже. Длина формулы вместе с номером не должна превышать 8 см. **Таблицы** в тексте набираются стандартными средствами MS-Word (пункт меню «Таблица – Добавить таблицу»). Таблица должна иметь заголовки и ссылку в тексте статьи. Ширина таблицы – 82 или 170 мм, шрифт в таблице – 9 pt.

Иллюстрации. Каждый рисунок должен быть представлен отдельным файлом (форматы: *.tif, *.jpg, *.pdf, *.eps, *.ai). **В MS-Word не вставлять! Рисунки и графики** должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме. Графики, содержащие серые заливки, должны быть заменены на штриховку или на черную/белую заливку. Графики, схемы и диаграммы следует выполнять в формате MS-Excel (*.doc) и MS-Word (*.xls). Также для изготовления графиков, схем и диаграмм подходит векторный графический редактор: Adobe Illustrator (*.ai). Надписи на рисунках выполняются шрифтом Times New Roman 8 pt. Толщина линий на рисунках должна быть не менее 0,5 pt. Ширина графика, схем или диаграмм – 82 или 170 мм.

Рисунки-фотографии, полученные с цифровой камеры, и другие растровые изображения, на которых отсутствует какой-либо текст, представляются в виде файлов формата *.tif или *.jpg без сжатия (разрешение не менее 300 dpi). Подписи к рисункам размещаются в тексте статьи. Все рисунки должны быть пронумерованы и иметь названия.

Иллюстрации, выполненные в графическом редакторе Paint, не принимаются, т. к. данный редактор не обеспечивает необходимого качества после сохранения файла.

Запрещается вставлять в статью сканированные рисунки (графики, диаграммы)!

При несоблюдении указанных требований к иллюстрациям редакция оставляет за собой право рисунок удалить или отклонить статью.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.0.5-2008. В списке все работы перечисляются по алфавитному принципу: сначала отечественные авторы (или зарубежные, опубликованные на русском языке), затем – зарубежные. При упоминании отдельных фамилий авторов в тексте им должны предшествовать инициалы (фамилии иностранных авторов при этом приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи библиографические ссылки даются арабскими цифрами в квадратных скобках. Библиографические списки должны быть переведены на английский язык.

Порядок составления списка: а) автор(ы) книги или статьи; б) название книги или статьи; в) выходные данные. При авторском коллективе до 4-х человек включительно упоминаются все авторы (с инициалами после фамилий), при больших авторских коллективах упоминаются три первых автора и добавляется «и др.» (в иностранной литературе «et al»). Если в качестве авторов книг выступают их редакторы или составители, после фамилии последнего из них в скобках следует ставить «ред.» (в иностранных ссылках «ed.»).

В библиографическом описании книги (после её названия) приводятся город (где она издана), после двоеточия – название издательства, после запятой – год издания. Если ссылка дается на главу из книги, сначала упоминаются авторы и название главы, после точки – с заглавной буквы ставится «В кн.»: («In») и фамилия(и) автора(ов) или редактора(ов), затем название книги и её выходные данные.

В библиографическом описании статьи из журнала (после её названия) приводятся название журнала, через точку – год издания, затем после точки – номер отечественного журнала (для иностранных журналов номер тома), после заглавной буквы «С» с точкой помещаются цифры первой и последней (через тире) страниц и ставится точка.

В конце статьи обязательно должна быть надпись «статья публикуется впервые», ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл.

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несёт автор (авторы). Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Статья, содержащая некачественный перевод, и/или перевод, сделанный через электронный переводчик, будет отклонена.

Редакция не осуществляет перевод.

Статьи лиц, не имеющих учёной степени, заверяются их научными руководителями и печатью организации.

Редколлегия оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. Статьи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями, отклоняются без рассмотрения.

Ученые записки Орловского государственного университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО
«Орловский государственный университет». – 2014. – №4(60). – 361 с.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФФС 77-29955 от 17.10.2007
Включен в каталог «Издания органов НТИ» ОАО Агентство «Роспечать»
(почтовый индекс: 66005)

Ответственный редактор: Белевитина Т.М.
Ответственный составитель: Кирсанов М.А.
Компьютерная верстка: Корявкина О.С.
Дизайн обложки: Никифоров А.В.
Корректурa: Рыбкина О.А.

Подписано в печать 20.08.2014 г. Формат 60x80 1/8
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объём 45,13 усл. п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 38
Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфической базе редакционно-издательского отдела
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
302026, г. Орел ул. Комсомольская, 95
Тел./факс (4862) 74-09-30